

1P
A-83

Бул астыңар тиімдерден өкізіліп
тылып қойылақан. Бірақ дерлікелер
Сырттан көсіп келуіңер 25 у
лың қаны 89, қанмасы қолы 49.
днң өрлікде орналасқан, оның
қалқозылардың қалпы қавыла
серілікке мүсе етіліп тарта

Серілікте 19 ат, 2 сьjer
3 лқ, 1 туе 3 есек бар ек
дәл осы кынде 10 ат, 2
2 есек ада-қуда қоқ

Egiske d

ҚУВАЛЪАВДАНЪ 24
ҚЫ „ERNAZAR“ „YR

349 | N 7239
A 83 | Лучи, П.
Французские мы-
слители и... 19 р.
10.10.2001 | В. Г. Гусев

1. Проложить маршрут
от «проезда № 1»

2. Углубить существующий в Канале

по
ст-ва
глуб

Ф. Лорин

*дво
1839*

Служебный
каталог

ФРАНЦУЗСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ

И ДѢЯТЕЛИ XIX В.

~~*1839*~~

86
Ф. П. ДАМЕНКО
Ордене-не
ОБЩЕСТВО
Библиотечки им. А. В. ГОГОЛЯ

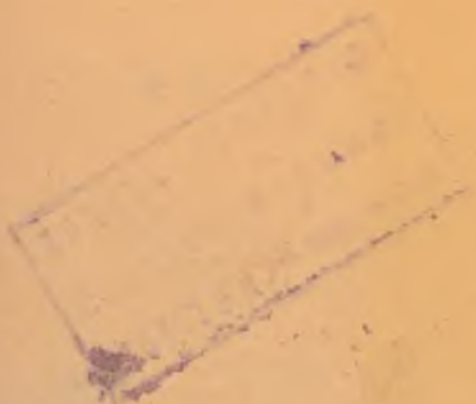
EXC

Σ - 1

ΠΡΟΤΥΠΟΝ ΤΥΠΟΓΡΑΦΕΙΟΝ

ΑΝΤΙΣΤΑΣΕΩΣ

1-83

Книгоиздательство „МОЛОТЪ“

3К9
335

1-83.

Поль Луи.

ПБФ

ФРАНЦУЗСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ

И

ДЪЯТЕЛИ XIX В.

сп. 2001.

N 7239

86

ОУВДАКЕНРАДНОЕ
СЕМЕЛПАНСКОЕ
БИБЛИОТЕКА ИМ. А. В. ГОГОЛЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія товарищества „Общественная Польза“. Б. Подъяческая, 39.

1905.

Проверено

П

Дозволено Цензурою. Одесса, 23 Июля 1905 года.

Одесса
23 июля 1905 г.

Проверено

В В Е Д Е Н І Е.

Въ настоящемъ трудѣ мы задаемъ цѣлью прослѣдить развитіе социалистическихъ теорій во Франціи, начиная съ паденія «старого режима», точнѣе—съ заговора «Равныхъ».

Въ предшествующемъ нашемъ трудѣ ¹⁾ мы пытались дать очеркъ зарожденія и развитія социализма за послѣднія сто пятьдесятъ лѣтъ. Мы тамъ главнымъ образомъ останавливались на выдающихся событіяхъ, на тѣхъ именно, которыя отмѣчены въ исторіи выступленіемъ на сцену новаго класса, прозваннаго нѣкоторыми «четвертымъ сословіемъ». Попытка Бабёфа (Babeuf), ліонское возстаніе 1831 г., іюльскіе дни 1848 г., коммуна 1871 г., занимаютъ значительное число страницъ. И хотя изложеніе теорій не было нами опущено, хотя Сенъ-Симонъ, Фурье, Луи-Бланъ, Прудонъ не были забыты,—созданныя и защищаемыя ими теоріи приводились нами лишь для того, чтобы подготовить читателя къ крупнымъ столкновеніямъ социальныхъ группъ. Какъ можно объяснить іюльскіе дни, не будучи знакомымъ съ умственнымъ движеніемъ и съ пропагандой, которая велась послѣ 1840 г.? Какъ можно понять парижскую коммуну, если исключить моральное вліяніе Маркса, Прудона, Вланки и дебаты конгрессовъ «Международнаго Общества рабочихъ»?

Настоящій трудъ мы посвящаемъ исторіи развитія мысли. Мы намѣрены показать, какъ во Франціи зародилось большинство теорій, доминирующихъ надъ всѣмъ пролетарскимъ движеніемъ, какъ во Франціи, такъ и вѣдъ ея. Интересно прослѣдить появленіе, до Маркса и Лассалю, первыхъ критиковъ капитализма, первыхъ выводовъ, касающихся промышленнаго развитія, первыхъ теорій преобразованія общества, предложенныхъ въ большинствѣ случаевъ буржуазными мыслителями.

Невозможно, въ самомъ дѣлѣ, читать Фурье или Пьеръ-Леру, Консидерана или Пекера безъ того, чтобы не провести полной аналогіи между нѣкоторыми изъ ихъ выводовъ и болѣе всесторонне разработанными положеніями марксизма. Не авторомъ «Капитала» была открыта борьба классовъ или прогрессирующая концентрація промышленности, или прибавочная стоимость капита-

¹⁾ Histoire du Socialisme français. Paris.

листа; не Лассаль открылъ «железный законъ» заработной платы. И Марксъ и Лассаль имѣли въ этомъ отношеніи своихъ предшественниковъ, большинство которыхъ—французы, жившіе въ первую половину XIX вѣка.

Нѣмецкій социализмъ отличается отъ французскаго своей логической координаціей, научностью, боязнью передъ всякой фразеологіей. Въ немъ отсутствуетъ также депзмъ, преобладавшій у насъ до 1848 г. Онъ основывается не на идеалистическихъ началахъ права и справедливости, а на точныхъ фактахъ и экономическихъ анкетахъ. Контрастъ между этими двумя направленіями такъ ясенъ, такъ поразителенъ, что даже наименѣе опытный глазъ можетъ его открыть въ нѣкоторыхъ документахъ, какъ, наприимѣръ, въ манифестѣ «Международнаго Общества Рабочихъ», гдѣ они пытались слиться, но на дѣлѣ продолжали существовать рядомъ, какъ отдѣльные направленія.

Нѣмецкій социализмъ всецѣло резюмируется въ одномъ сочиненіи, и это сочиненіе—«Капиталъ» Маркса. «Коммунистическій манифестъ» 1848 года, какъ бы полонъ онъ ни былъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ также представляетъ собою совокупность идей, преобладавшихъ въ теченіе болѣе 50 лѣтъ въ средѣ революціоннаго пролетаріата по ту сторону Рейна. И авторъ этого важнаго и единственнаго въ своемъ родѣ документа не кто иной, какъ мыслитель, нѣсколько позднее выпустившій въ свѣтъ свой «Капиталъ». Французскій социализмъ, напротивъ, разсѣянъ въ многочисленныхъ книгахъ и брошюрахъ. Луи-Бланъ и Прудонъ, тенденціи которыхъ находились между собою въ непримиримомъ противорѣчьи, не разъ ругали другъ друга. Между Фурье и Сень-Симономъ существуетъ то же различіе, что между абсолютной свободой и теократической диктатурой, — и такихъ примѣровъ не мало. Никто у насъ не можетъ похвастать тѣмъ (какъ на то имѣетъ право Карлъ Марксъ въ Германіи), что олицетворяетъ и синтезируетъ въ себѣ всю социалистическую литературу обширной эпохи.

Эта литература была у насъ чрезвычайно богата въ первую половину XIX вѣка. Вторая половина этого вѣка ничего не прибавила къ умственному багажу первой половины. Юньскіе дни—это настоящая демаркаціонная дата. Начиная съ 1848 года, мы главнымъ образомъ питаемся германской теоріей, очень часто, впрочемъ, замѣняя экономическій матеріализмъ Маркса и Энгельса идеализмомъ, являющимся отличительнымъ признакомъ французскаго, или, вѣрнѣе, латинскаго гегія. Неоспоримъ, впрочемъ, фактъ, что этотъ идеализмъ, облеченный въ мантию пышнаго краснорѣчія, ослабилъ научный характеръ социализма. Но здѣсь не мѣсто разбирать этотъ вопросъ.

Въ то время какъ во Франціи теорія какъ бы застыла или же, въ лучшемъ случаѣ, находила себѣ только комментаторовъ,—въ Германіи она не переставала пополняться, пріобрѣтаетъ больше точности, развиваться, соприкасаясь съ экономической дѣйствительностью. Какого мыслителя или какого писателя могли бы мы противопоставить въ настоящее время Каутскому, который, терпѣливо и старательно перебирая по пунктамъ положенія Маркса, поочередно примѣняетъ ихъ ко всѣмъ областямъ общественной жизни?

Во Франціи замѣчается лишь чрезвычайно слабая тенденція разрѣшить важные вопросы, связанные съ установленіемъ,—мирнымъ или насильственнымъ путемъ,—коллективистскаго или коммунистическаго общества и съ организаціей новой формы собственности, производства и распределенія.

Но если въ настоящее время социалистическая мысль у насъ не такъ мощна, не такъ плодотворна, какъ прежде, если, какъ и пролетариатъ всѣхъ прочихъ національностей — отъ Японіи до Аргентивской республики и отъ Дани до Сербіи,—мы стоимъ на точкѣ зрѣнія теорій, берущихъ свое начало отъ «Коммунистическаго манифеста» или отъ «Капитала» Маркса, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы должны забыть наше прошлое. Какъ въ умственной, такъ и въ матеріальной области, Франція выполнила великую задачу. Мы постараемся дать очеркъ того, что было сдѣлано французскими писателями, начиная отъ Бабефа и кончая нашими современниками, ограничившимися популяризаціей общепринятыхъ принциповъ. Читатель тогда увидитъ, до какой степени была значительна и достойна вниманія наша доля въ общей работѣ. Слѣдуетъ отдавать каждому должное, и просто въ интересахъ исторической правды необходимо указать на роль каждой націи въ образованіи международнаго социализма.

Стоитъ нѣсколько ближе познакомиться съ идеями и съ фактами, чтобы обнаружить, насколько неоспорительны обвиненія, возводимыя на теоретиковъ социализма консервативными писателями. Въ новѣйшемъ сочиненіи «Psychologie du Socialisme» г. Лебонъ обвиняетъ коммунистовъ въ крайней измѣчивости ихъ утвержденій и въ догматическомъ, даже религіозномъ характерѣ ихъ ученія. Онъ долго развиваетъ эти два обвиненія, нисколько не замѣчая того, что каждое изъ нихъ исключаетъ другое.

Что касается «измѣчивости», то ее можно встрѣтить въ самой классификаціи давнихъ, на которыя ссылается теорія. Но это не затрагиваетъ самыхъ основъ марксизма. Когда г. Лебонъ и многіе другіе кричатъ о банкротствѣ социализма (какъ пріятно объявить другого банкротомъ!), говорятъ о крушеніи марксизма, то они крайне ошибаются. Не важно, впрочемъ, дѣлаютъ ли они это сознательно или безсознательно. Можно подвергать суду критики формулированные Марксомъ законы — такова даже обязанность каждаго; можно ихъ и обсуждать, но это еще не значитъ, что слѣдуетъ ихъ отвергнуть или выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ. Нѣкоторыя пророчества автора «Капитала» были опровергнуты фактами; промышленная или сельскохозяйственная концентрація совершается медленно, чѣмъ это думалъ Маркс: экономическіе кризисы не достигли еще тѣхъ крайнихъ размѣровъ, какіе онъ предсказывалъ, но ничто не доказываетъ, что эта промышленная концентрація не сдѣлается въ одинъ прекрасный день почти полной, или что кризисъ небывалой остроты не перевернетъ вверхъ дномъ всѣхъ общественныхъ устоевъ. Какъ бы то ни было, никому до сихъ поръ не удалось доказать ошибочности закона концентраціи; никто не осмѣлился утверждать, что кризисы перепроизводства навсегда вычеркнуты изъ страницъ исторіи.

Можно найти и другія, еще болѣе странныя утверженія у противниковъ социализма. Нѣкоторые изъ нихъ противопоставляютъ демократіи пролетарскія требованія, какъ будто послѣднія не являются логическимъ завершеніемъ первой; бываютъ и такіе, которые воспроизводятъ старыя обвиненія въ тиранинѣ, какъ будто свобода можетъ существовать въ обществѣ, гдѣ никто не свободенъ въ выборѣ занятій, гдѣ никто, даже самый богатый, не можетъ быть увѣренъ, что у него завтра будетъ, что ѣсть; существуютъ и такіе господа, которые упрекаютъ буржуазію въ томъ, что она слишкомъ ударяется въ гуманитаризмъ, что она содѣйствуетъ расцвѣту коммунистическихъ утопій; но эти господа забываютъ, что эта рубкая, но неоспоримая эволюція одной части господствующаго класса диктуется ей ея болѣе яснымъ пониманіемъ тенденцій историческаго развитія; встрѣчаются, наконецъ, люди, оспаривающіе антагонизмъ классовъ, въ то время, какъ все въ нихъ образъ мыслей, привычкахъ, интимныхъ чувствахъ, свидѣлствуетъ о глубокомъ дѣленіи общества на два противоположныхъ, неодолимыхъ по численности класса.

Мы уже предпочитаемъ грубую откровенность Лебона, который, по крайней мѣрѣ, признаетъ, что борьба классовъ не есть простая абстракція: «Это безусловно болѣе жестокая борьба, чѣмъ та, которая велась между давнишними кастами». Заслуга этого писателя состоитъ еще въ томъ, что онъ открыто высказываетъ свои взгляды, когда, ссылаясь на знаменитое письмо Маколея, предсказываетъ безпощадное истребленіе социалистической арміи: «Эта война будетъ собою напоминать, но въ гораздо большемъ масштабѣ, истребленіе варваровъ, произведенное римскимъ полководцемъ Маріемъ. Только цѣной подобныхъ гекатомбъ возможно будетъ спасти священное дѣло независимости человѣка и прогресса цивилизаціи, отъ которой нѣкоторые народы готовы, повиднмому, теперь отказаться».

Послѣ того, какъ прочтешь эти дикія фразы, въ которыхъ скрываются страсти крестовыхъ походовъ,—умъ съ особеннымъ удовольствіемъ отдохнетъ на спокойной діалектикѣ мыслителей социалистовъ. Можно прослѣдить всю серію этихъ мыслителей, отъ Фурье до Малона, отъ Пекера до Маркса, отъ Кабе до Каутскаго или до Аври Жоржа,—ни у кого изъ нихъ нельзя найти проповѣди рѣзни. И если нашихъ писателей 1840-хъ гг. можно упрекать въ излишкѣ идеализма, то мы напрасно стали бы искать въ ихъ трудахъ призыва къ ужасамъ первобытнаго человѣчества. И даже тѣ, кто считаетъ революцію неизбежной, тѣ, кто полагаетъ, что пролетаріату, на порогѣ его побѣды, придется отвѣтить на попытку государственнаго переворота насиліемъ,—даже тѣ ограничиваютъ всегда употребленіе силы предѣлами законной самозащиты.

Настоящая книга будетъ состоять изъ двухъ неравныхъ частей. Въ первой части мы прослѣдимъ историческое развитіе теорій на протяженіи XIX в.; во второй части мы постараемся дать точную формулировку выводовъ, къ которымъ приходитъ социализмъ въ настоящій моментъ. Намъ, такимъ образомъ, придется собрать мнѣніе иностранныхъ писателей; но международный характеръ социалистическихъ идей до такой степени ясенъ въ настоящее

время,—кромѣ того, идеи эти получили такое широкое и однородное развитіе на обоихъ полушаріяхъ, что было бы смѣшно и невозможно поступить иначе. Послѣ того, какъ мы прослѣдимъ умственную работу, выполненную французами, мы должны будемъ показать, какъ она переплеталась съ умственной работой всѣхъ прочихъ народовъ. Всякая другая метода противорѣчила бы исторической правдѣ и здравому смыслу.

Пусть настоящая книга покажетъ пролетаріямъ, что идеи, которыя они защищаютъ всѣми силами своей души, не вчерашняго происхожденія, что овѣ, наоборотъ, выковывались на огнѣ событій и непрерывно приспосаблились къ экономической эволюціи капиталистическаго міра. Пусть этотъ трудъ покажетъ также консерваторамъ, что социалисты не представляютъ собой ни жаждущихъ крови варваровъ, ни неистовыхъ сторонниковъ систематическаго разрушенія,—а что они, совершенно напротивъ, люди, стремящіеся къ установленію лучшаго общественнаго строя, стремящіеся сдѣлать человѣчество болѣе свободнымъ, менѣе подчиненнымъ природѣ и организованнымъ на болѣе научныхъ началахъ. Соціализмъ ведетъ борьбу противъ учреждений, а не противъ личностей.

Бабефъ и его школа.

I.

Трудно отдѣлить Бабефа отъ его товарищей по борьбѣ. Не всѣ важнѣйшіе документы заговора 1796 г. принадлежатъ его перу: «Манифестъ Равныхъ», въкоторыя изъ положеній котораго были отвергнуты Бабефомъ, былъ написанъ Сильвеномъ-Маршалемъ (Sylvain Maréchal). «Analyse de la Doctrine» только внушевъ Бабефомъ и одобренъ имъ. Впрочемъ, неважно, принималъ ли Граксъ¹⁾ участіе или нѣтъ въ редакціи документовъ: *Acte d'insurrection* и *Analyse*, точно такъ же, какъ и *Décret des organiques*, вѣрнѣе отражаютъ его идеи. Но было бы несправедливо приписать исключительно ему всю совокупность положеній, которыя были разработаны цѣлой группой. Онъ остается только главнымъ работникомъ заговора 1796 г. и главой тогдашняго коммунизма. Именно за это Верховный судъ осудилъ его на смертную казнь.

Мы не намѣрены останавливаться здѣсь ни на біографіи Бабефа, ни на исторіи заговора. Слѣдуетъ только отмѣтить, что Граксъ, въ отличіе отъ социалистовъ временъ Реставраціи, придавалъ больше значенія непосред-

¹⁾ Такъ называли Бабефа.

ственнымъ дѣйствіямъ, нежели приведенію въ стройную систему экономическихъ или моральныхъ теорій. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, существуетъ поразительное сходство между нимъ и Бланки, унаслѣдовавшимъ методъ его борьбы, а также направленіе его мысли.

Жизнь Бабефа—это одна изъ наиболѣе сложныхъ и наиболѣе бурныхъ жизней, которыя когда-либо существовали. Долгое время думали, что онъ лишь къ концу жизни перешелъ на сторону коммунизма, послѣ того, какъ въ продолженіе первыхъ лѣтъ революціи онъ боролся съ наиболѣе передовыми фракціями. На самомъ дѣлѣ, онъ могъ вести борьбу съ нѣкоторыми депутатами Конвента и даже рѣзко критиковать нѣкоторые ихъ поступки, но въ душности онъ не измѣнилъ своего мѣнія относительно лучшей общественной организаціи. Еще въ 1787 г. онъ предложилъ слѣдующій вопросъ Dubois le Fosseux: «Каково было бы при современномъ состояніи положительныхъ наукъ положеніе народа, общественныя учрежденія котораго отличались бы тѣмъ, что между всѣми безразлично членами общества существовало бы полнѣйшее равенство, что земля не принадлежала бы никому въ частности, а оставляла бы общественную собственность и, наконецъ, все, — не исключая производства и всякаго рода промышленности,—дѣлалось бы сообща?»

Заговоръ 1796 г. ждетъ еще своего исторіографа. Наиболѣе подробное изложеніе этого историческаго эпизода, трудъ Адвиеля (Advielle), не отличается ни стройностью, ни ясностью, и если нельзя отрицать того, что авторъ оказалъ огромную услугу обществу, собравъ воедино всѣ важные документы, то, съ другой стороны, слѣдуетъ указать, что въ его изложеніи распой нитью проходитъ странное желаніе: представить Бабефа менѣе революціоннымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

II.

Необходимо возстановить историческую обстановку заговора и разныхъ прокламацій, возвѣстившихъ его возникновеніе. Коммунистическое движеніе возникаетъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, по выраженію Бабефа, «республика богачей ослѣпляла міръ своимъ блескомъ». 1796 г.—это какъ разъ тотъ годъ, когда Директорія, это дѣтище термидорской реакціи, пытается зрушить то, что было сдѣлано Конвентомъ. Новая конституція отодвигаетъ задній планъ демократію; лица, стоящія во главѣ правительства, поддерживающія ихъ котеріи, окружающіе ихъ интриганы,—всѣ болѣе предрасположены къ гоненіямъ на республиканцевъ, чѣмъ къ борьбѣ съ роялизмомъ. Крывается эра крупныхъ дѣлъ; разнаго рода спекулянты и ажистеры, предъовавшіеся въ періодъ террора, опять поднимаютъ голову. Спекуляціи съ ціональными имуществами, которыя поощряются и практикуются самими астами, не исключая и высшаго совѣта, приводятъ Францію къ денежной ячкѣ того времени.

Сторонникамъ Бабефа не трудно было себя выставить, какъ прямыхъ наслѣдниковъ 1789 или 1793 г. для того, чтобы противопоставить господствовавшей развращенности чистоту и простоту нравовъ начала якобинской революціи. Въ области политической имъ легко было связать себя со столь популярной конституціей 1 года; что же касается области экономической, то они идутъ гораздо дальше реформаторовъ эпохи Робеспьера; они не довольствуются, какъ Сень-Жюсть и Колло д'Эрбуа, требованіемъ болѣе равномернаго распредѣленія богатствъ; они не останавливаются на заявленіи Максимилиана, что собственность есть общественный договоръ, способный, какъ всякій другой законъ, какъ всякое другое учрежденіе, развиваться,—они мужественно и рѣшительно бросаютъ вызовъ предложенному Левассеромъ и Барреромъ и принятому Конвентомъ (25 февраля 1793 г.) закону, угрожающему смертной казнью тѣмъ, «кто предложилъ бы «аграрный законъ» или всякую другую мѣру, имѣющую цѣлью уничтоженіе богатствъ». Съ перваго же момента «доктрина Равныхъ» порываетъ съ основной экономической тенденціей Революціи, стремившейся къ упроченію мелкой земельной собственности.

Ш.

Возрѣнія Бабефа и его товарищей по борьбѣ разсыяны въ четырехъ важнѣйшихъ документахъ: 1) Манифестъ Равныхъ; 2) Анализъ Доктрины; 3) Актъ возстанія и 4) Декреты. Въмѣсто того, чтобы ихъ резюмировать, рискуя при этомъ извращать мысли авторовъ, мы предпочитаемъ воспроизвести эти документы, опуская лишь тѣ мѣста, которыя были бы совершенно бесполезны для пониманія системы.

«Манифестъ Равныхъ».

«Французскій народъ! Въ теченіе дѣлкихъ пятнадцати вѣковъ ты жилъ рабомъ, а слѣдовательно, въ горѣ и несчастіи. Только въ продолженіе послѣднихъ шести лѣтъ ты сталъ нѣсколько свободнѣе дышать, въ ожиданіи независимости, счастья и равенства.

«Равенство! Это первое требованіе природы! Это первая потребность человѣка и главное связывающее звено всякаго законнаго общества! Французскій народъ! Ты не менѣе несчастенъ, чѣмъ всѣ прочія націи, прозябающія на несчастномъ земномъ шарѣ. Всегда и всюду несчастный человѣческій родъ, отдавленный во власть болѣе или менѣе ловкихъ людоедовъ, служилъ игрушкой для всевозможныхъ проявленій властолюбія, служилъ пищей для тиранніи.

Всегда и всюду людей убаюкивали красивыми словами, никогда и нигдѣ слово не сопровождалось дѣломъ. Съ незапамятныхъ временъ намъ лицеиѣрно повторяютъ: люди—братья, и съ незапамятныхъ же временъ наиболее унижительное неравенство тяготѣетъ надъ человѣческимъ родомъ. Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ гражданскія общества, принципъ равенства, это прекраснѣйшее достояніе человѣка, никѣмъ не оспаривался, но до сихъ поръ онъ не могъ когда либо осуществиться на дѣлѣ. Равенство оставалось не чѣмъ инымъ, какъ прекрасной и безплодной фикціей закона.

«Теперь же, когда громче, чѣмъ когда либо, требуютъ его осуществленія, намъ отвѣчаютъ: «Замолчите, несчастные! фактическое равенство—одна лишь химера; вы должны довольствоваться условнымъ равенствомъ: всѣ вы равны передъ закономъ. Чего вамъ еще нужно, мерзавцы?!»—Чего намъ еще нужно? Послушайте же и вы, законодатели, богачи-собственники!

«Мы всѣ равны, не правда-ли? Принципъ остается неоспоримымъ, ибо только человѣкъ, охваченный безуміемъ, можетъ серьезно утверждать, что наступила ночь, когда кругомъ сіяетъ день.

.....
«Французская Революція—это только предвѣстница другой, болѣе крупной, болѣе величественной революція, которая и будетъ послѣдней.

«Народъ возсталъ противъ королей и противъ священниковъ, соединившихся противъ него. Опъ точно такъ же поступитъ и съ новыми тиранами, съ новыми политическими Тартюфами изъ праваго крыла бывшихъ дворянъ.

«Чего намъ еще нужно, кромѣ равенства правъ?»

«Намъ нужно не только это равенство, написанное въ деклараціи правъ человѣка и гражданина: мы требуемъ, чтобы оно существовало среди насъ, подъ крышей нашихъ домовъ...

«Законодатели и правители! вы, въ комъ такъ же мало изобрѣтательности, какъ и добросовѣстности! безсердечные богачи-собственники! Напрасно вы пытаетесь скомпрометтировать наше святое дѣло, говоря: они (бабувисты) только повторяютъ старое, неоднократно выставлявшееся ихъ предшественниками требованіе «аграрнаго закона».

«Замолчите же, наконецъ, клеветники, и въ смущенномъ молчаніи выслушайте наши требованія, диктуемые природою и основанныя на справедливости.

«Аграрный законъ, или раздѣлъ деревень, былъ минутнымъ желаніемъ нѣсколькихъ безпринципныхъ солдатъ, черни, которой руководилъ скорѣе вистинктъ, нежели резумъ. Мы же стремимся къ чему-то болѣе возвышенному и болѣе справедливому: мы стремимся къ общему благу или къ общности благъ. Земля не принадлежитъ никому. Мы требуемъ общиннаго пользованія плодами земли: плоды принадлежатъ всѣмъ.

«Мы заявляемъ, что не можемъ больше мириться съ тѣмъ, чтобы огромное большинство людей въ потѣ лица своего трудилось, создавая роскошь для ничтожнаго меньшинства.

«Слишкомъ долго какой нибудь миллионъ личностей присваивалъ себѣ то, что по праву принадлежитъ двадцати миллионамъ имъ равныхъ.

«Эта вопиющая несправедливость, которой наши потомки съ трудомъ повѣрятъ, должна быть, наконецъ, уничтожена!

«Долой возмутительныя различія между богатыми и бѣдными, между сильными и слабыми, между господами и слугами, между правителями и управляемыми!

«Французскій народъ!

«Мы тебѣ заявляемъ: святое дѣло, предпринимаемое нами, не имѣетъ другой цѣли, какъ положить конецъ гражданскимъ междуусобицамъ и общественной нищетѣ.

«Никогда еще не была поставлена и выполнена болѣе широкая задача. Отъ времени до времени нѣсколько гениальныхъ людей, нѣсколько мудрецовъ, заговаривали объ этомъ тихимъ и дрожащимъ голосомъ: ни у кого изъ нихъ не хватало мужества высказать всю правду.

«Пробилъ часъ рѣшительныхъ мѣръ. Зло достигло своего апогея. Оно наполняетъ весь мѣръ. Хаосъ, называющійся политикой, господствуетъ повсюду. Порядокъ долженъ быть восстановленъ! Пусть начала справедливости и счастья сплотятся воедино во имя равенства! Насталъ моментъ основать республику равныхъ — этотъ гостепріимный домъ, двери котораго широко открыты для всего человѣчества. Наступили дни всеобщаго возрожденія. Вы, страждущіе! придите и займите мѣсто за общимъ столомъ, уготовленнымъ природой для своихъ дѣтей!

«Французскій народъ! Какую конституцію ты отнынѣ долженъ признать? Ту, которая дѣликомъ основава на дѣйствительномъ равенствѣ. Только такая конституція въ состояніи удовлетворить всѣ твои желанія.

«Аристократическія партіи 1791 и 1795 г.г. скорѣе ковали твои цѣпи, чѣмъ разбивали ихъ. Конституція 1793 г. была крупнымъ шагомъ впередъ по пути къ равенству. Никогда еще не подходили къ нему такъ близко; но и эта конституція не подходила вплотную къ самой цѣли, не положила начала всеобщему счастью, хотя и торжественно провозгласила этотъ великій принципъ.

«Французскій народъ! Открой твои глаза и твое сердце, чтобы добиться полнаго своего благоденствія. Провозгласи вмѣстѣ съ нами республику равныхъ!»

«Актъ возстанія» болѣе кратокъ.

Вотъ главные его пункты:

- 1) Народъ возсталъ противъ тиранніи.
- 2) Цѣль возстанія — это восстановленіе конституціи 1793 г., восстановленіе свободы, равенства и всеобщаго счастья. (Пункты 3—9 относятся къ организаціи возстанія; пункты 10 и 11 касаются низверженія существующей власти).
- 12) Всякое сопротивленіе возстанію будетъ немедленно подавлено силой. Виновные въ сопротивленіи будутъ казнены.

13) Смертной казни подлежат также все те, кто забьет тревогу, и иностранцы, которые будут находиться на улицах.

14) Всякого рода жизненные припасы будут доставлены для народа на общественные площади.

15) Все булочники будут обязаны непрерывно готовить хлеб, который будет бесплатно раздавать народу.

16) Народ не успокоится раньше, чем низвергнет тиранническое правительство.

17) Искуства эмигрантов и всех врагов народа будут немедленно розданы защитникам отечества. Все неприютные в пределах республики будут немедленно помещены в дома извѣнников.

18) Общественная и частная собственность отдаются под охрану народа

19) Завершение дѣла революціи будет поручено національному собранію въ которомъ каждый департаментъ будетъ представленъ однимъ демократомъ

«Анализъ доктрины» былъ одобренъ самимъ Бабефомъ. Этотъ документъ состоитъ изъ извѣстнаго числа положеній или пунктовъ:

1) Природа дала каждому человѣку одинаковое право пользоваться всеми благами.

2) Цѣль общества—защитить это равенство и увеличить, при участіи всехъ гражданъ, количество общихъ благъ.

3) Природа наложила на каждого человѣка обязанность работать; никто не могъ освободиться отъ труда, не совершивши при этомъ преступленія.

4) Трудъ и блага должны быть общими.

5) Гнетъ существуетъ тамъ, гдѣ одни изнуряютъ себя трудомъ и всевозможными лишеніями въ то время, какъ другіе утопаютъ въ роскоши, ничего не дѣлая.

6) Никто не могъ, не совершивъ преступленія, присвоить въ свою исключительную собственность богатства, земли или промышленности.

7) Въ благоустроенномъ обществѣ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ.

8) Богачи, не желающіе отказаться отъ излишка въ пользу немущихъ, являются врагами народа.

9) Никто не можетъ, путемъ сосредоточенія всехъ богатствъ, лишить другого образованія, которое ему необходимо для его благополучія: образованіе должно быть общимъ.

10) Цѣль революціи заключается въ уничтоженіи неравенства и въ устройствѣ всеобщаго счастья.

11) Революція еще не кончена, потому что богачи все еще поглощаютъ все богатства и сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ всю власть, въ то время, какъ бѣдняки работаютъ, какъ настоящіе рабы, томятся въ нищетѣ и не пользуются никакимъ значеніемъ въ государствѣ.

12) Конституція 1793 г.—это истинный законъ французовъ, потому что народъ торжественно ее провозгласилъ.

«Декреты» определяют организацию общества послѣ того, какъ восторжествовать возстаніе.

Полицейскій декретъ.—1. Лица, ничего недѣлающія для отечества, не пользуются никакими политическими правами.

2. Не дѣлають ничего для отечества тѣ, кто ему не служитъ какимъ нибудь полезнымъ трудомъ.

3. Законъ считаетъ полезнымъ трудомъ: земледѣліе, техническое и ручное искусства, продажу въ розницу (мелкую торговлю), транспортъ, военныя дѣйствія, обученіе, научный трудъ.

Экономическій декретъ.—1. Устанавливается большая національная община.

2. Этой общинѣ принадлежать всѣ непроданныя національныя имущества, собственность враговъ революціи, общественныя зданія, имущества общинъ, дома призрѣнія, имущества, оставленныя ихъ собственниками или несправедливо затѣченныя разбогатѣвшими чиновниками.

3. Право наследства уничтожается. Послѣ смерти собственника его имущества переходятъ къ общинѣ.

8. Общинныя имущества эксплуатируются сообща.

9. Община предоставляетъ всѣмъ равное, честное, безбѣдное существованіе. Она имъ даетъ то, въ чемъ они нуждаются.

Общія работы. 1. Каждый членъ общины обязанъ трудиться.

8. Администрація будетъ вводить машины и способы производства, способные уменьшить непріятность труда.

10. Передвиженіе работниковъ разрѣшается администраціей, по ознакомленіи ея съ мотивами этого передвиженія.

Мы пропускаемъ все то, что касается распредѣленія благъ и вопросовъ административныхъ. Запрещается частная ви́шняя торговля; республика сама на себя беретъ обязанность удовлетворять необходимыя потребности всѣхъ. Мы не приводимъ также пунктовъ, касающихся путей сообщенія и налоговъ.

Національный долгъ, по крайней мѣрѣ, долги по внутреннимъ займамъ, будутъ уничтожены путемъ простого декрета. Запрещается чеканка монетъ; имѣющіяся въ обращеніи серебряныя и золотыя деньги будутъ служить для ви́шнихъ торговыхъ сношеній.

IV.

Бабефъ является непосредственнымъ ученикомъ Руссо и Морелли. Онъ не только позаимствовалъ у нихъ діалектическій методъ, но даже повторяетъ ихъ фразеологію, отличаясь отъ нихъ тѣмъ, что онъ является страстнымъ поклонникомъ активныхъ дѣйствій.

Онъ несетъ свое ученіе массамъ не для того, чтобы ихъ толкнуть на путь вооруженнаго возстанія. Волѣе того, въ то время, какъ Руссо и многіе

другіе писатели дореволюціоннаго періода дѣлали различіе между теоретическими выводами и не доводили послѣднихъ до ихъ логическаго конца, Бабефъ, наоборотъ, проявляетъ полное единство мысли и слова дѣйствій. Адвелье старается въ своемъ сочиненіи показать, что, несмотря на провозглашеніе принципа общности благъ, Бабефъ удовлетворился бы измѣненіемъ конституціи и нѣкоторыми мѣрами противъ пауперизма; ничто, однако, не оправдываетъ этой нѣсколько странной системы защиты, и невольно возникаетъ вопросъ: зачѣмъ понадобилось Равнымъ выпустить столько зажигательныхъ и опасныхъ для нихъ сочиненій, если эти послѣднія разсматривались ими, какъ простыя заявленія исключительно принципиальнаго характера?

Такимъ образомъ, Бабефъ является первымъ французскимъ апостоломъ революціоннаго коммунизма. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется слава и уваженіе, которыми онъ пользовался у большинства социалистовъ середины XIX в. Замѣчательенъ тотъ фактъ, что *Коммунистическій манифестъ* 1848 г., который въ своей критической части довольно рѣзко раздѣляется съ французскимъ социализмомъ, не содержитъ никакихъ нападокъ по адресу заговорщиковъ 1796 г.

Изъ приведенныхъ нами документовъ видно, что приверженцы Бабефа значительно опередили свою эпоху. Оборотъ фразъ этихъ документовъ—террористическій и якобинскій; рѣдкія и почти необоснованныя утвержденія напоминаютъ собой рѣчи друзей Робеспьера; но идея, въ своей діалектической послѣдовательности, отличается безусловной оригинальностью. Никто до Бабефа и его соратниковъ не подозрѣвалъ, что одного теоретическаго равенства недостаточно; никто до нихъ не понималъ, что для торжества дѣйствительнаго равенства безусловно необходимы крупныя экономическія преобразованія. Если нѣкоторые и стояли за преобразование института собственности, то лишь въ томъ смыслѣ, чтобы сдѣлать ее всеобщей, путемъ безконечнаго ея дробленія. Теорія, восторжествовавшая въ Учредительномъ собраніи и отражавшаяся еще на декретахъ Конвента—это теорія нацеллярной собственности. Подъ знаменемъ этой теоріи сгруппировалась крестьянская демократія, свободная по виду, но въ дѣйствительности не отдѣлавшаяся еще ни отъ своего рабства, ни отъ узости взглядовъ. Такъ, едва образовавшись, сама эта крестьянская демократія старалась задержать тотъ самый процессъ развитія, который вызвалъ ее къ жизни; она отчаянно боролась противъ такъ называемаго «аграрнаго закона».

«Манифестъ равныхъ» отвергнулъ «нацеллярную систему», показавъ ей безсиліе; онъ ей противопоставилъ принципъ «общности благъ»; сторонники Бабефа предвидѣли развитіе машиннаго производства и роль, которую ему предстоитъ сыграть, и требовали, чтобы машина служила интересамъ коллективности, сокращая человѣческій трудъ. Вотъ мысль, которую мы напрасно стали бы искать у ихъ предшественниковъ; одной этой мысли было бы достаточно, чтобы охарактеризовать новую умственную струю, внесенную школой Бабефа.

932571

Мысль о противорѣчии классовыхъ интересовъ, не только доминируетъ во всей литературѣ школы; она принимаетъ наиболее отчетливую форму въ «Манифестѣ». Въ этомъ отношеніи сторонники Бабефа оказались болѣе пропихательными, чѣмъ Фурье, или Сень-Симонъ, или даже многіе социалисты 1848 г., возлагавшіе всѣ свои надежды на сотрудничество буржуазіи и пролетариата, или, по выраженію Sylvain Maréchal, на сотрудничество «богатыхъ и бѣдныхъ, правителей и управляемыхъ».

Это различіе приводитъ насъ къ наиболее важной фразѣ, которую мы находимъ въ сочиненіяхъ послѣдователей Бабефа: «Французская революція — это только предвѣстница другой, болѣе крупной, болѣе величественной революціи, которая и будетъ послѣдней».

Дѣятели Учредительнаго собранія и Конвента могли думать, что историческое развитіе остановилось, по крайней мѣрѣ, на болѣе или менѣе продолжительное время. Они осуществили наиболее насильственный и наиболее глубокий переворотъ. Третье сословіе, низвергнувъ свое иго, само стало на мѣсто дворянства и духовенства и приняло на себя отправленіе общественной власти. Правда, позади этого третьяго сословія, ставшаго господиномъ, заволновалась довольно многочисленная народная масса, но въ послѣдней еще отсутствовали сплоченность и сознаніе своихъ интересовъ, и въ большинствѣ случаевъ она сливается съ буржуазіей. И вотъ вдругъ «равные» замѣчаютъ, что общество дѣлится на два класса, что одинъ изъ этихъ классовъ порабощается и угнетается другимъ, и что спустя не болѣе 7 лѣтъ послѣ 1789 г. революція уже нуждается въ томъ, чтобы быть дополненной. Въ то же время они заявляютъ, что эта дополнительная передѣлка общественнаго организма совершится не иначе, какъ путемъ перемѣны формы собственности. Они представляютъ себѣ будущее общежитіе на первое время только демократическимъ (ибо конституція 1793 г. должна восторжествовать вмѣстѣ съ народнымъ законодательствомъ), а затѣмъ и коммунистическимъ, т. е. общество, которое, ставши хозяиномъ средствъ производства и обмѣна, управляетъ бы трудомъ сельскохозяйственнымъ и промышленнымъ и вознаграждало бы своихъ членовъ сообразно съ ихъ законными потребностями. Какъ же поражаться не только смѣлостью, но и логической силой ихъ системы?

Нельзя отрицать того, что ученіе Бабефа не содержитъ въ себѣ ничего научнаго. Не онъ открылъ историческій материализмъ, хотя инстинктивно предвосхищалъ его; онъ не проникъ въ сущность промышленнаго развитія, едва только начавшагося въ Англіи; онъ опирался на «естественное право», требовалъ подчиненія дѣйствительности силѣ идей и, съ другой стороны, не принималъ въ соображеніе тѣхъ экономическихъ выводовъ, которые лишь 20—25 лѣтъ спустя будутъ съ особенной силой выдвинуты дѣйствительностью. Какъ бы то ни было, онъ открываетъ романтическую фазу социализма, и не слѣдуетъ забывать, что эта фаза является необходимымъ условіемъ другого, слѣдующаго за нею періода.

Сень-симонистская школа.

I.

Невозможно изучить отдѣльно Сень-Симона; всякое изслѣдованіе, касающееся его ученія, по необходимости должно распространиться на всю школу, сгруппировавшуюся вокругъ него и давшую дальнѣйшее развитіе основнымъ принципамъ учителя. Базаръ и Анфантэнъ особенно намъ помогутъ понять отношеніе Сень-Симона къ собственности, къ общественной іерархіи, къ авторитарической диктатурѣ и къ религіи. Тотъ, кто не познакомится съ этими писателями, рискуетъ оставить въ тѣни цѣлую массу взглядовъ секты. Масса положеній разбросана въ разныхъ мѣстахъ сочиненій Сень-Симона; его ученики ихъ собрали воедино, систематизировали, комментировали. Такъ, наиримѣръ, Базаръ посвящаетъ много интересныхъ страницъ превращенію рабства въ крѣпостничество и въ наемный трудъ—вопросъ, едва затронутый въ трудахъ родоначальника школы. Дальше, Анфантэнъ, истолковывая и идя гораздо дальше первоначальной мысли учителя, создаетъ въ высшей степени мистическую теократію, какую только можно себѣ представить.

Помимо того, при изученіи документовъ, въ которыхъ сконцентрировалось ученіе «семья» (какъ выражались сами сень-симонисты), трудно отдѣлить то, что принадлежитъ родоначальнику школы, отъ того, что вносилось его учениками. Рѣдко какая нибудь идейная группа отличалась подобными преимущвенностью и единствомъ теорій; черезъ все многословіе, черезъ самыя характерныя отклоненія учениковъ, красной нитью проходятъ взгляды учителя. Базаръ оставался вѣрнымъ духу ученія, вплоть до своихъ самыхъ смѣлыхъ положеній, касающихся права наслѣдства, а Анфантэнъ имѣлъ право утверждать, что онъ не совершилъ никакой измѣны.

Сень-симонизмъ оказалъ огромное вліяніе на идейныя теченія вѣсколькихъ французскихъ поколѣній. Практически онъ распространялъ идею демократическаго образованія и превосходство крупныхъ промышленныхъ предприятий. Небезынтересно напомнить, что Сень-Симонъ предсказывалъ прорытіе Суэзскаго и Панамакскаго перешейковъ и устройство плотинъ на Нилѣ. Но мы главнымъ образомъ или даже исключительно должны обратить вниманіе на теорію сень-симонизма, разъ мы стараемся открыть его связь съ современнымъ социализмомъ.

II.

Жизнь Сень-Симона достаточно извѣстна, какъ изъ его автобіографіи, такъ и изъ того, что о немъ писали толкователи этого философа. Онъ былъ чрезвычайно богатъ. Этотъ потомокъ Карла Великаго обладалъ огромнымъ состоя-

нiемъ, которое онъ растратилъ въ путешествiяхъ, спекуляцiяхъ и разнаго рода анкетахъ. Когда ему было лѣтъ подъ сорокъ, онъ страстно увлекся науками; онъ нанималъ себѣ самыхъ лучшихъ учителей до тѣхъ поръ, пока не остался совершенно безъ средствъ. Въ 1812 г. онъ писалъ: «Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я питаюсь однимъ только хлѣбомъ съ водой; я работаю въ холодной нетопленной комнатѣ и продалъ все, даже платье». Слѣдуетъ ли допустить, какъ это утверждаютъ нѣкоторые, что бѣдственное его положенiе повлiяло на направлениe его мысли и побудило его описать общественное зло? Это вопросъ второстепенный, и мы не станемъ его разбирать, точно такъ же, какъ не будемъ останавливаться на томъ чисто-фанатическомъ чувствѣ обожанiя, которое сенъ-симонисты питали къ своему учителю.

III.

Для пониманiя ученiя философа недостаточно познакомиться съ однимъ какимъ нибудь изъ его сочиненiй. Несмотря на неизбѣжныя повторенiя, они составляютъ однородное цѣлое съ вполне опредѣленнымъ направлениемъ. Различныя произведенiя Сепъ Симона содержатъ изложенiе очень хорошо координированныхъ положенiй, освобожденныхъ отъ всякихъ противорѣчiй.

Центральнымъ пунктомъ ученiя служитъ философiя исторiи, состоящая въ непрерывномъ движенiи общества къ лучшему будущему. Въ «*Lettre au bureau des Longitudes*» онъ уже объявляетъ о своемъ открытiи: «Я думаю, что нашелъ энциклопедическое мировоззрѣнiе—лучшее, чѣмъ у Бекона, миропониманiе—лучшее, чѣмъ у Ньютона, и научный методъ—лучшiй, чѣмъ у Локка».

Въ «*Mémoire sur la science de l'homme*» онъ показываетъ, какъ человѣчество непрерывно прогрессировало; онъ реабилитируетъ среднiе вѣка и заявляетъ, что они являются высшей стадiей развитiя по отношенiю къ древнему периоду и низшей—по отношенiю къ современной эпохѣ; онъ пытается открыть въ жизни народовъ тѣ же черты, что и въ жизни индивидовъ. Для него характерной чертой прогресса являются: разложенiе рабства, образованiе большихъ обществъ, развитiе наукъ. Пытаясь заглянуть въ будущее, онъ такъ опредѣляетъ конечную цѣль человѣчества: «Возможно больше облегчить участь того класса, у котораго нѣтъ другихъ средствъ къ существованiю, кромѣ того, что онъ зарабатываетъ трудомъ своихъ рукъ». А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Золотой вѣкъ не въ прошломъ, а въ будущемъ», и въ этомъ отношенiи онъ отличается отъ нѣкоторыхъ изъ просвѣтителей XVIII вѣка, съ которыми у него имѣется много общаго.

IV.

Но каковъ принципъ этой эволюціи, одно лишь понятіе которой уже со-держитъ революціонный ферментъ? Это—безпрестанное измѣненіе формы собственности. Въ первый разъ за все время развитія философской мысли, Сень-Симонъ приписываетъ способу пригвоенія то рѣшающее значеніе, которое онъ играетъ въ человѣческихъ обществѣхъ; онъ не пошелъ дальше: онъ не показалъ намъ, какъ именно измѣняется форма собственности въ зависимости отъ развитія производительныхъ силъ, но и высказанное имъ положеніе имѣеть чрезвычайно важное значеніе.

Онъ сразу замѣнилъ политическую точку зрѣнія экономической, и мы увидимъ, что онъ изъ своихъ предпосылокъ сдѣлалъ чрезвычайно важные выводы:

«Нѣтъ измѣненій соціального порядка безъ соответствующихъ измѣненій въ формѣ собственности.

«До очевидности ясно, что въ каждой странѣ основнымъ закономъ является тотъ, который устанавливаетъ форму собственности и мѣры, ее охраняющія; но изъ того, что этотъ законъ является основнымъ, еще не слѣдуетъ, что онъ не можетъ быть измѣненъ.

«Такимъ образомъ, вопросы: какіе предметы могутъ стать собственностью? Какими средствами люди могутъ приобрѣтать собственность? Какъ могутъ они пользоваться правомъ собственности?—все это вопросы, которые законодатели разныхъ странъ и эпохъ имѣютъ право обсуждать каждый разъ, когда они это находятъ удобнымъ; ибо право собственности можетъ быть основано исключительно на общей ея полезности, а эта послѣдняя можетъ измѣняться, въ зависимости отъ времени».

Такимъ образомъ, Сень-Симонъ отвергаетъ непреложность принципа собственности. Онъ, правда, не доходитъ до конца, не провозглашаетъ принципа общественной собственности, но это не такъ важно, потому что онъ все-таки пробилъ первую брешь въ догмѣ «вѣчной и неприкосновенной собственности», провозглашенной Учредительнымъ собраніемъ и Конвентомъ.

V.

Авторъ «*Système industriel*» высказалъ не менѣе рѣшительное положеніе, когда онъ, формулируя свои взгляды на собственность и законодательство, заявилъ: «Мы придаемъ слишкомъ большое значеніе образу правленія». Этими онъ хотѣлъ сказать, что экономическія проблемы доминируютъ надъ всѣми остальными, а также и то, что управленіе людьми должно все болѣе и болѣе уступить мѣсто управленію вещами. Его оцѣнка революціи

чрезвычайно запутана; онъ никогда не былъ демократомъ, но признавалъ, что движеніе 1789 г. было неизбежно, что дворянство и духовенство стали бесполезны и опасны: первое—своимъ раболѣпствомъ, второе—своей праздностью. Вернуть имъ власть было бы и глупо и невозможно: одинъ только промышленный классъ долженъ отнынѣ управлять. Въ трудахъ учениковъ мы найдемъ логическое развитіе этой мысли, но и въ трудахъ учителя она изложена довольно пространно, такъ какъ онъ вполне основательно приписываетъ ей первенствующее значеніе.

«Все общество основывается на промышленности. Последняя является единственной гарантіей его существованія, единственнымъ источникомъ всѣхъ богатствъ и всякой собственности. Такимъ образомъ, положеніе вещей, наиболѣе благоприятствующее промышленности, лучше всего отвѣчаетъ интересамъ общества.

«Промышленный классъ долженъ занимать первое мѣсто, потому что это самый важный классъ: онъ можетъ обойтись безъ всѣхъ остальныхъ классовъ, но никакой другой не можетъ обойтись безъ него».

Въ своемъ «*Catéchisme Politique*», составленномъ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, онъ говоритъ, что въ государствѣ существуютъ два класса: буржуа и промышленники; къ первымъ принадлежатъ военные, законовѣды и раянъ; ко вторымъ принадлежатъ фабриканты, купцы и рабочіе. Этой второй категоріи должна быть передана власть, а первая категорія должна находиться въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ промышленникамъ.

Знаменитая «парабола» 1819 г., содержащая болѣе непосредственныя нападки, и за которую противъ Сень-Симона было возбуждено судебное дѣло, отличается еще большей опредѣленностью. «Предположимъ, что Франція вдругъ потеряетъ своихъ первыхъ пятьдесятъ химиковъ, своихъ первыхъ пятьдесятъ физиологовъ, своихъ первыхъ пятьдесятъ механиковъ и т. д. и т. д., своихъ первыхъ пятьдесятъ банкировъ, своихъ первыхъ пятьдесятъ каменщиковъ и т. д., и т. д.—тогда нація сдѣлается тѣломъ безъ души.

«Предположимъ, наоборотъ, что Франція сохранитъ всѣхъ своихъ гениальныхъ людей, но потеряетъ короля, членовъ королевской семьи и т. д. и, кромѣ того, десять тысячъ самыхъ богатыхъ собственниковъ—отъ этого для государства не получится никакого ущерба».

Сень-Симонъ продолжаетъ свою беспощадную критику: «Современное общество—это мѣръ ваянзванку: бѣдняки должны быть великодушны по отношенію къ богачамъ; главные воры наказываютъ другихъ за маловажные проступки; неспособные управляютъ способными».—Во время Реставраціи было опасно говорить подобныя вещи.

Сень-Симонъ съ презрѣніемъ относился къ тремъ враждовавшимъ между собой политическимъ партіямъ, которыя онъ называлъ такъ: ретрограды, консерваторы и либералы. Наиболѣе передовые люди, по мнѣнію философа, мечтаютъ лишь о томъ, чтобы стать руководителями націи и обратить въ свою пользу преимущества власти. Исторія доказала, что онъ былъ правъ.

VI.

Сенъ-Симонъ полагаетъ, что преобразование общества неизбежно; мы уже знаемъ, что въ основаніе этого преобразованія онъ кладетъ измѣненіе способа присвоенія. Кромѣ того, это преобразование можетъ явиться слѣдствіемъ лишь сильной организаціи, основанной на іерархическихъ началахъ. Въ основу новаго общества будетъ положенъ принципъ ассоціаціи; каждый гражданинъ будетъ занимать положеніе, соответствующее его способностямъ, и будетъ вознагражденъ сообразно съ его заслугами. Поступать иначе было бы равносильно явному нарушенію справедливости. Философъ отвергаетъ принципъ полнаго равенства, а также метафизическую идею объ абсолютной свободѣ, которая, по его мнѣнію, противорѣчитъ цивилизаціи, такъ какъ «люди связаны между собой раздѣленіемъ труда». Отвергается также принципъ вародовластія, ибо «догма турецкаго равенства, т. е. допущеніе всѣхъ къ отправленію власти, можетъ надѣлать массу бѣдъ». Единственное, что дѣйствительно важно, это — чтобы «каждый человѣкъ, каково бы ни было его происхожденіе, могъ достигнуть самаго высшаго общественнаго положенія, за исключеніемъ королевскаго».

Преобразование Франціи и всего міра — Сенъ-Симонъ примѣняетъ свою теорію по отношенію ко всему человѣчеству — совершится не демократіей и не въ демократическомъ духѣ: оно будетъ проведено въ жизнь своеобразнымъ просвѣщеннымъ деспотизмомъ, въ родѣ того, который существовалъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы наканунѣ 1789 г., и въ этомъ отношеніи нашъ авторъ опять-таки является сыномъ XVIII в. Онъ взывалъ къ чувству Наполеона I, чтобы тотъ взялъ на себя роль творца этого преобразованія; онъ стоялъ за твердую королевскую власть, которая взяла бы на себя выполнение перехода отъ современнаго строя къ будущему. Впослѣдствіи эта власть сама, такъ сказать, механически, исчезла бы, по жѣрѣ того какъ восторжествовало бы «управленіе вещами».

Тутъ, такимъ образомъ, совершенно отсутствуетъ мысль объ эволюціи или о революціи, совершаемой снизу. Сенъ-Симонъ находитъ даже возможнымъ совѣтовать рабочимъ, чтобы тѣ просили бароновъ промышленности, какъ наиболѣе богатыхъ и образованныхъ, взять въ свои руки всю общественно-государственную власть.

Когда всѣ предлагаемыя измѣненія будутъ выполнены, производители стапуть хозяевами положенія и, въ согласіи съ учеными, будутъ рѣшать судьбу общества. Какова будетъ форма общественной власти? На этотъ вопросъ великій писатель даетъ въ различныхъ мѣстахъ различные отвѣты. Въ «*Organisateur*» онъ развиваетъ планъ трехъ палатъ: палаты изобрѣтеній, палаты для обсужденія и исполнительной палаты, роль которой ограничивалась бы экономическимъ веденіемъ дѣлъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказывается за то,

чтобы Институту ¹⁾ была предоставлена неограниченная власть римскаго сената.

Съ другой стороны, онъ всегда проводилъ мысль, что главная роль государства должна заключаться въ томъ, чтобы доставлять работу всѣмъ способнымъ къ труду гражданамъ, браться за крупныя предпріятія, имѣющія цѣлью улучшеніе сельскаго хозяйства, ограничить роль бюрократіи и распространять пріобрѣтеныя положительныя знанія среди класса пролетаріевъ. Онъ говорилъ также, что раньше всего слѣдовало бы обезпечить всѣмъ людямъ наиболѣе свободное развитіе ихъ способностей.

VII.

Одной изъ наиболѣе обстоятельно разработанныхъ частей ученія Сень-Симона является та, которая касается философскаго и религіознаго міровоззрѣнія.

Никто болѣе, какъ Сень-Симонъ, не ставилъ такъ высоко положительную науку и разумъ, и, тѣмъ не менѣе, никто больше его не старался примирить науку съ религіей. Отъ начала до конца своей жизни, родоначальникъ школы былъ воодушевленъ этимъ стремленіемъ, проявившимся въ еще болѣе сильной степени у его послѣдователей и приведшимъ Анфантена къ самымъ невѣроятнымъ вымысленіямъ.

Если Сень-Симонъ писалъ въ своемъ сочиненіи «Introduction aux travaux scientifiques»: «Религіи суждено погибнуть и быть замѣщенной *физикоміей*», то онъ этимъ не хотѣлъ сказать, что слѣдуетъ немедленно оставить религію, не замѣнивъ ея другимъ вѣрованіемъ; къ тому-же, эта фраза была, кажется, написана какъ разъ въ ту эпоху, когда онъ еще сомнѣвался, колебался, ибо изъ его трудовъ, взятыхъ въ цѣломъ, выдѣляются другія положенія: религія, вѣсто того, чтобы исчезнуть, сольется съ наукой въ одно цѣлое; наука составляетъ основу исторіи, но религія - резюмируетъ науки; науки и религія развиваются одновременно, и каждая научная эпоха поощряетъ соответственную религію.

Признавая отчасти христіанство, Сень-Симонъ находилъ, что оно было скажено. Критеріемъ догмы въ его глазахъ служить ея общественное значеніе. Духовенство должно доказать, что необходимо улучшить условія существованія послѣдняго общественнаго класса, и что это улучшеніе содѣйствуетъ даже увеличенію благосостоянія вышнихъ классовъ.

Папа - еретикъ, потому что онъ даетъ плохое воспитаніе католикамъ, а

¹⁾ Институтъ (Institut de France)—высшее официальное учрежденіе въ Парижѣ, имѣющее цѣлью содѣйствовать развитію наукъ и искусствъ, состоитъ изъ 5 академій: французской академіи, академіи надписей и медалей, академіи наукъ, академіи художествъ и академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ.

его управленіе церковью, гораздо больше, чѣмъ поведеніе какого бы то ни было свѣтскаго принца, противорѣчитъ моральнымъ и матеріальнымъ интересамъ класса обездоленныхъ. Еретикомъ былъ и Лютеръ, потому что мало заботился о благосостояніи народа. Авторъ «Industrie» особенно цѣнитъ въ христіанствѣ то, что оно пыталось уничтожить власть меча. Но религія Христа была затемнена, искажена до такой степени, что ее приходится освѣжить, возобновить, причемъ слѣдуетъ согласовать ее съ наукой и отвести первое мѣсто морали.

Вѣяномъ ученія служить, такимъ образомъ, туманная теорія, въ которой дензмъ переищивается съ позитивизмомъ, но мы впоследствии увидимъ, что большинство французскихъ социалистовъ до 1848 г. никакъ не могли освободиться отъ этого сложнаго спиритуализма, и что очень часто они считали необходимымъ, въ оправданіе своихъ міровоззрѣній, ссылаться на волю providѣнія. Эта черта еще больше, чѣмъ у Сенъ-Симона, проявлялась у Фурье, но послѣдній, по крайней мѣрѣ, не посвятилъ вопросу о сліяніи науки и религіи такой массы страницъ своихъ произведеній.

Резюмируя труды изучаемаго нами родоначальника школы, необходимо выдѣлать слѣдующіе принципы, особенно заслуживающіе того, чтобы быть отмѣченными: онъ признавалъ необходимость преобразовать общество; онъ проповѣдывалъ замѣну клерикальнаго военнаго и бюрократическаго образа правленія «управленіемъ вещами». Онъ признавалъ за собственностью характеръ простаго общественнаго договора, который можетъ видоизмѣняться; онъ приписывалъ собственности главную роль въ государственномъ механизмѣ. Наконецъ, защищаемая имъ философія исторіи предусматриваетъ постепенную матеріальную, интеллектуальную и моральную эмансипацію пролетаріата.

VIII.

Ученики Сенъ-Симона не измѣнили ученію своего учителя; какъ разъ на оборотъ, никакая школа не оставалась такъ вѣрна себѣ, какъ сенъ-симонистская школа; но нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что каждый изъ членовъ «семьи» посвящалъ себя пропагандѣ той именно части ученія, которая больше всего его увлекала, и что, отдавшись дѣлу распространенія тѣхъ или иныхъ идей, онъ старался вополнѣ ихъ исчерпать.

Не приходится также удивляться тому, что нѣкоторые изъ приверженцевъ сенъ-симонизма изъ умѣренныхъ предпосылокъ учителя сдѣлали смѣлые крайніе выводы.

Читатель здѣсь не найдетъ исторіи «семьи», ея публичныхъ чтеній, ея судебныхъ процессовъ, ея расколовъ и т. д. Мы будемъ обращать вниманіе исключительно на идейную сторону. Однимъ изъ важнѣйшихъ документовъ является изданный сенъ-симонистами въ 1830 г. манифестъ въ отвѣтъ на нападки, которые были направлены противъ нихъ съ трибуны палаты дею

татовъ. Этотъ манифестъ содержитъ по существу взгляды сень-симонистовъ на собственность, равенство и производственныя отношенія.

«Сень-Симонисты отвергаютъ равный раздѣлъ собственности: по ихъ мнѣнію, подобный раздѣлъ составлялъ бы еще большее насиліе, еще болѣе возмутительную несправедливость, чѣмъ неравный раздѣлъ, совершившійся первоначально силой оружія, путемъ завоеваній.

«Ибо они признаютъ естественное неравенство людей и смотрятъ на это неравенство, какъ на основу ассоціаціи, какъ на необходимое условіе общественнаго строя.

«Они отвергаютъ принципъ общности благъ, ибо подобная общность была бы явнымъ нарушеніемъ самаго главнаго изъ моральныхъ законовъ, который они призваны защищать, и который требуетъ, чтобы каждый занималъ мѣсто, соответствующее его способностямъ, и получалъ бы вознагражденіе, соответствующее его услугамъ.

«Но на основаніи этого самаго закона они требуютъ уничтоженія всякаго рода привилегій отъ рожденія, а слѣдовательно, и отиѣны права наслѣдства, этой самой крупной привилегіи, вышѣ включающей въ себѣ прочія, и ставящей въ зависимость отъ случая и распредѣленіе социальныхъ привилегій.

«Они требуютъ, чтобы всѣ орудія труда, земля, капиталы, образующіе нынѣ раздробленную собственность, эксплуатировались бы ассоціаціей, основанной на іерархическихъ началахъ.

«Они хотятъ эмансипировать женщину... Религія Сень - Симона должна положить конецъ этому постыдному торгу, этой узаконенной проституціи, какой является современный бракъ, часто освящающій чудовищный союзъ между преданностью и эгоизмомъ, между просвѣщеніемъ и невѣжествомъ, между молодостью и дряхлостью».

IX.

Мировоззрѣніе Базара все цѣлкомъ выразилось въ «*Exposé de la Doctrine saint-simonienne*», которое было имъ составлено въ 1829—1830 г.г. и состоитъ изъ семнадцати лекцій или сеансовъ.

Развиваемая имъ философія исторіи есть не что иное, какъ болѣе обстоятельно изложенная философія исторіи Сень-Симона.

Заслуга и слава Сень-Симона заключается въ томъ, что онъ стремился къ установленію такого общественнаго строя, гдѣ люди отличались бы другъ отъ друга только способностью любить, научными познаніями и умѣнѣемъ управлять промышленностью, и гдѣ руководителями были бы наиболѣе способные люди.

Общество поочередно проходитъ черезъ *органическія* фазы, когда все находится на своемъ мѣстѣ, и черезъ *критическія* фазы, когда все разлагается, въ ожиданіи переустройства общества на новыхъ началахъ. Последняя

критическая фаза началась вмѣстѣ съ реформаціей и продолжается понынѣ.

Три органа социальной жизни: наука, промышленность и искусство плохо дѣйствуютъ, или, вѣрнѣе, ихъ нормальное отправленіе пріостанавливается каждую минуту; этимъ объясняется тотъ фактъ, что современная наука лишена всякой согласованности, что она даже не въ состояніи подводить итоги своимъ открытіямъ.

Промышленность находится въ еще большемъ разстройствѣ и еще болѣе безсильна. Дѣйствія въ разбродѣ, преобладаніе корыстолюбивыхъ стремленій, незнаніе нуждъ потребителей, борьба личнаго интереса противъ общественнаго, ужасныя послѣдствія машиннаго производства, сосредоточеніе орудій производства не въ рукахъ наиболѣе способныхъ, а въ рукахъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье родиться отъ богатыхъ родителей—вотъ чѣмъ характеризуется современная промышленность. Зло исчезнетъ лишь въ тотъ день, когда веденіе дѣлъ будетъ регулироваться общими принципами. Наконецъ искусство находится въ упадкѣ, потому что эгоизмъ убиваетъ чувства; послѣднія воскреснутъ лишь тогда, когда восторжествуетъ всеобщая любовь.

Но этой послѣдней суждено въ близкомъ будущемъ овладѣть всѣмъ чело-вѣчествомъ. Взаимная дружба дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи. Человѣчество—это коллективный организмъ, который непрерывно развивается и стремится къ все болѣе и болѣе широкой формѣ ассоціаціи: таковъ законъ усовершенствованія.

Базаръ намъ показываетъ, какъ чело-вѣчество, прошедши черезъ ужасныя сраженія, эволюціонировало отъ тѣсной семьи до главныхъ современныхъ группировокъ, и какъ взаимодействіе силъ мало-по-малу уничтожало антагонизмъ. Такъ, наиболѣе яркое проявленіе антагонизма, война, вызвавъ къ жизни сплоченіе до того изолированнаго населенія, сдѣлало позднѣе возможной организацію послѣдняго въ видѣ сообщества. Въ то же время участь чело-вѣческаго рода улучшается въ трехъ отношеніяхъ: моральномъ, физическомъ и умственномъ.

Когда-то сражались для того, чтобы грабить; грубая сила была верховнымъ властелиномъ. Она и понынѣ еще проявляется въ правительствѣ, въ законодательствѣ, въ сношеніяхъ между нолами; хотя все-таки въ болѣе мягкой формѣ.

Другой примѣръ: эксплуатація чело-вѣка чело-вѣкомъ ослабѣвала отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ началѣ она охватывала всѣ стороны чело-вѣческаго существованія, ибо рабъ лишешъ всего: денегъ, семьи, свободы передвиженія.

Крѣпостной уже пользуется нѣкоторой свободой передвиженія, можетъ имѣть свое хозяйство, дѣтей. Наемный рабочій находится въ еще меньшей зависимости, хотя его участь часто крайне печальна, и хотя онъ притѣ-сняется хозяиномъ.

Базаръ клеймитъ въ сильныхъ выраженіяхъ современную организацію обще-ства, и въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ по смѣлости Сепъ-Симона.

Онъ обрушивается на «наслѣдственность» пицеты и противопоставляетъ классъ пролетаріевъ другому классу, «монопользировавшему богатства и орудія труда», и Базаръ, по примѣру Бабефа, пишетъ: «Новая революція неизбѣжна».

Х.

Гдѣ же находится корень зла?

Въ способѣ присвоенія. Только въ силу предразсудка люди считаютъ форму собственности неизмѣнной. Всѣ на нее смотрятъ, какъ на основу политическаго строя; въ дѣйствительности же, она является лишь существующимъ фактомъ и можетъ быть урегулирована различными способами. Форма собственности должна измѣниться въ соотвѣтствіи съ принципомъ равенства отъ рожденія. Современная форма собственности исчезнетъ, поэтому, тогда, когда прекратится эксплуатація человѣка человѣкомъ.

Законъ безпрестанно вышивался съ цѣлью измѣненія формы собственности, а въ особенности—съ цѣлью уничтоженія рабства.

Вышательствомъ закона будетъ достигнуто и конечное измѣненіе, ибо современная форма собственности доживаетъ свои послѣдніе дни; необходимо ее уничтожить, если люди дѣйствительно стремятся къ организаціи производства.

Базаръ указываетъ затѣмъ, каковы будутъ основы грядущаго социальнаго строя. Политическая община, преобразованная въ ассоціацію работниковъ, присвоитъ себѣ право наслѣдства, которое будетъ отнято у частныхъ лицъ. Никто не будетъ имѣть права на богатство, не являющееся плодомъ его личныхъ способностей. Общественная власть укажетъ каждому его мѣсто, сообразуясь съ его способностями, и вознаградитъ каждого, сообразно его услугамъ. Неравенство и соревнованіе, необходимыя для существованія и для прогресса человѣчества, сохранятся, но анархія производства, нынѣ оставленнаго на произволъ жадныхъ аппетитовъ, будетъ устранена, такъ какъ возможно будетъ производить не иначе, какъ съ согласія государства, которое будетъ владѣльцемъ орудій производства. Положенія Сень-Симона получаютъ, такимъ образомъ, большую ясность и полноту; дѣлается первый шагъ къ коммунизму. Уничтоженіе наслѣдства приведетъ къ сосредоточенію орудій производства и капиталовъ въ рукахъ государства.

Всѣмъ этимъ будетъ завѣдывать національный банкъ, который будетъ повсюду имѣть свои отдѣленія; послѣднія будутъ заниматься распредѣленіемъ труда и продуктовъ производства.

Такимъ образомъ, въ будущемъ право собственности будетъ опираться исключительно на трудъ, его законную основу; это право будетъ сохраняться лишь при жизни работника. Интересно, что сень-симонисты, а раньше всего Базаръ, отрещиваются отъ всякихъ коммунистическихъ тенденцій въ то время, какъ уничтожая право наслѣдства, они фатально дѣлаютъ государство единственнымъ наслѣдникомъ.

XI.

Въ сочиненіи «Exposé de la Doctrine» отводится мѣсто вопросу объ отношеніяхъ между религіей и наукой, и онъ является однимъ изъ основныхъ вопросовъ сенъ-симонизма.

Пришло время создать новую религію, которая охватила бы всѣ повѣшія міровоззрѣнія. Наука не противорѣчитъ ни понятію о Богѣ, ни представленію о божественномъ планѣ. Общественный строй есть не что иное, какъ отраженіе божества въ практической организаціи общества.

Человѣчеству предстоитъ великое религіозное будущее; религія будущаго будетъ болѣе величественна, болѣе могущественна, чѣмъ какая бы то ни было религія прошлаго..., ея догматы будутъ синтезомъ всѣхъ формъ бытія человѣка..., и социальное-политическое учрежденіе, взятое въ цѣломъ, будетъ учрежденіемъ религіознымъ.

Однако, эта совокупность догматовъ будетъ отлаться отъ христіанства. Самый поразительный, самый новый, если не самый важный видъ прогресса, который человѣчество призвано теперь осуществить, состоитъ въ реабилитаціи матеріи; эту реабилитацію возможно будетъ осуществить лишь тогда, когда новое міровоззрѣніе введетъ въ божественный порядокъ и въ самое божество этотъ элементъ (матерію) или, вѣраже, этотъ видъ всемірнаго бытія, къ которому христіанство относилось отрицательно.

Изъ этого сочетанія науки и возрожденной религіи Базаръ выводитъ основы будущаго социальнаго строя. Религія или мораль, теологія или наука, культъ или промышленность—вотъ три формы человѣческой активности. Священники, ученые и промышленники—вотъ будущее общество!

Священникъ, вдохновляющій ученаго и промышленника, связываетъ людей между собою и служитъ посредникомъ между людьми и Богомъ. Священникъ управляетъ наукой, являющейся теоріей, и промышленностью, являющейся приложеніемъ теоріи, и самъ исполняетъ многочисленныя функціи. Базаръ создаетъ теократію, и онъ этого не отрицаетъ, онъ лишь старается подчеркнуть ея различіе съ другими предшествовавшими ей видами.

На самой вершинѣ іерархической лѣстницы величественно стоитъ «общественный священникъ»—на гигантскомъ пьедесталѣ всемогущества.

Это онъ издаетъ законы, или, вѣраже, онъ—воплощеніе закона, «живой законъ», олицетворяющій власть по примѣру Моисея или Христа; организаціонныя декреты являются только выраженіемъ его непогрѣшимой воли. Это пріятная и законная диктатура, ибо повинненіе «живому закону» есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ любви, которую онъ къ себѣ внушаетъ. Это господство авторитета есть вмѣстѣ съ тѣмъ и господство свободы. Мы видимъ, такимъ образомъ, что послѣ интереснѣйшихъ и рѣшительныхъ социальныхъ выводовъ авторъ «Exposé» впадаетъ въ бредъ мистицизма.

ХІІ.

Когда Базаръ закончилъ свои лекціи въ 1830 г., Анфантэнъ занялъ его мѣсто. Нѣтъ никакой надобности останавливаться на спорахъ и на антагонизмѣ этихъ двухъ людей. Анфантэнъ—это почти прямая противоположность Базару. Послѣдній, помимо метафизики, страстно увлекается социальными реформами; онъ предвидитъ экономическія преобразованія, потребность которыхъ уже назрѣла; онъ, какъ профессоръ университета, съ трибуны читаетъ курсы этихъ реформъ. Анфантэнъ, наоборотъ, мало интересуется вопросами производственныхъ отношеній; онъ всю силу своего активнаго и пронизательнаго ума направляетъ на развитие теократическаго ученія, часто довольно туманнаго, нѣкоторые выводы котораго были оспариваемы съ точки зрѣнія ходячей морали. Можно сказать, что Анфантэнъ, какъ проповѣдуемыми имъ положеніями, такъ и своими манерами первосвященника и духовнаго главы, содѣйствовалъ упадку сенъ-симонистской школы.

Онъ цѣлкомъ принялъ всю юридическую и социальную систему учителя. Въ опубликованномъ имъ въ 1838 г. письмѣ онъ выступаетъ противъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, противъ перехода собственности по праву рожденія.

«Новая форма собственности, говоритъ онъ,—это распредѣленіе орудій труда между гражданами, сообразно съ ихъ промышленными способностями; новая комбинація силъ—это ассоціація».

Въ «Запискахъ промышленника 2240 г.» онъ пошелъ еще дальше. Онъ тамъ пытается дать очеркъ организаціи будущаго общества. Тамъ не имѣютъ понятія о конфликтахъ на почвѣ собственности; тамъ могутъ происходить лишь споры относительно права того или другого на орудія труда. Въ такихъ случаяхъ третейскимъ судьей является центральный банкъ. Тамъ не существуетъ ни купли-продажи, ни передачи имущества; участь вдовъ и сиротъ обезпечивается коммунной. Еврона федеруется, и война имѣетъ своей единственной цѣлью насаждать культуру на отдаленныхъ окраинахъ и т. д. и т. д.

Къ несчастью, Анфантэнъ не ограничился лишь этими благородными идеями. Ему захотѣлось играть роль новаго отца церкви; онъ охотно поднимается на пьедесталь и разрѣшаетъ своимъ ученикамъ обожать его. Когда онъ обращается къ членамъ «семьи», онъ ихъ называетъ своими «дѣтьми». Онъ не ограничивается восхваленіемъ Бога и Сенъ-Симона—онъ и себя самого восхваляетъ.

Въ своихъ бесѣдахъ на Monsigny и Taisbout онъ устанавливаетъ въ свою пользу исповѣдь. Сенъ-симонисты д'Эйхталъ, Родригъ, Дюгэ, Клуэ, Гольштейнъ и мн. др. изливаютъ передъ нимъ свои чувства и при-

вѣтствуютъ въ его лицѣ намѣстника божества. Чѣмъ больше продолжаютъ эти бесѣды, тѣмъ школа становится все болѣе и болѣе похожей на мистическую конгрегацію. Заявленія, о которыхъ можно подумать, что они взяты изъ какой нибудь книги среднихъ вѣковъ, сводятся къ какимъ то непонятнымъ разглагольствованіямъ, среди которыхъ отъ поры до времени раздается воззваніе къ женщинѣ или проповѣдь о реабилитаціи плоти.

На мѣсто священника Вазара и Сень-Симона, Анфантанъ ставитъ «жреческую пару» (*couple sacerdotal*), призванную развивать науку, промышленность и мораль, освящать бракъ и разводъ, царствовать силой своего ума и красоты. Но все это слишкомъ насъ отдаляетъ отъ разума и отъ социализма.

XIII.

Каковы бы ни были заблужденія сень-симонистскаго ученія, оно приближало дорогу болѣе яснымъ мировоззрѣніямъ плеяды 1840-хъ гг. Изъ того, что мы привели, читатель могъ понять, какимъ вліаніемъ должна была пользоваться сень-симонистская школа.

Собственно говоря, въ широкихъ массахъ это ученіе не имѣло большого успѣха. Тенденціи сень-симонизма, вмѣстѣ съ его строгой іерархіей, носили слишкомъ аристократическій характеръ, чтобы понравиться пролетариату. Но значить ли это, что работа секты оказалась совершенно бесплодной? Было бы смѣшно и несправедливо утверждать вѣчто подобное. Подобныя широкія движенія, подобныя революціонныя теченія всегда оставляютъ глубокіе слѣды, и не напрасно авторъ «Промышленной системы» и его ученики доказывали неустойчивость формы собственности, или незаконность наслѣдства, или, еще лучше, необходимость общественной организаціи промышленности.

Сень-симонистовъ, какъ и Фурье и фурьеристовъ, обыкновенно причисляютъ къ романтикамъ или къ утопистамъ. Они, дѣйствительно, были романтиками, а также и утопистами, въ томъ смыслѣ, что слишкомъ много вѣрили въ благородныя чувства высшихъ классовъ, что не понимали роли производительныхъ силъ, какъ дѣйствительной и постоянной основы исторіи, и въ томъ смыслѣ, наконецъ, что они слишкомъ охотно смѣшивали экономическія проблемы съ вопросами религіозными или метафизическими. Но невозможно отъ людей 1820-хъ и 1830-хъ гг. требовать преждевременнаго анализа и собственныхъ выводовъ; они еще не имѣли передъ глазами ни крупнаго мануфактурнаго производства, ни переворота въ средствахъ сообщенія. Неудивительно поэтому, что они свои выводы и теоріи связывали съ идеей права и справедливости или съ нѣсколькими поверхностнымъ взглядомъ на историческій процессъ скорѣе, чѣмъ съ правильнымъ объясненіемъ экономическихъ явленій. Это послѣднее совершенно отсутствуетъ у Вабефа и у его приверженцевъ, оно находится въ зародышевомъ состояніи у Сень-Симона—въ его положеніяхъ, касающихся собственности, обще-

ственной анархii и сосредоточенія орудій производства; она пріобрѣтаетъ больше ясности и опредѣленности у Фурье и получаетъ значительно большее развитіе при Пекеръ, Луи-Бланъ и Прудонъ, уживаясь съ туманнымъ идеализмомъ 1820-хъ гг. Мы, впрочемъ, уже говорили, что этотъ идеализмъ примѣшивался къ французскому социализму даже послѣ парижской коммуны и даже въ наше время. Мы, однако, не хотимъ сказать, что историческій материализмъ, такъ блестяще сформулированный въ «Коммунистическомъ манифестѣ 1848 г.», не сгруппировалъ вокругъ себя во Франціи особой школы, не диктовалъ программъ, не оказывалъ преобладающаго вліянія на замѣчательнѣйшіе тезисы нашего времени. Пока для насъ было достаточно указать, что Сень-Симонъ и его ученики были въ одно и то же время выразителями тенденцій всѣхъ почти нашихъ интеллектуальныхъ новаторовъ.

Фурье.

I.

Фурье, какъ и Сень-Симонъ, основалъ школу, которая имѣла особенно блестящій успѣхъ.

Вокругъ его ученія, получившаго широкое распространеніе, создавались группы по всей Франціи. Вліяніе этой школы продолжалось и долгое время послѣ смерти основателя.

Принципы этой теоріи получили самую ясную, а также наиболѣе политическую формулировку наканунѣ революціи 1848 г. у Консидерана, котораго мы изучимъ впоследствии.

Ни одно ученіе — за исключеніемъ марксизма — не оказывало на французскій социализмъ такого глубокаго и такого продолжительнаго вліянія. Фурьеризмъ продолжалъ еще существовать и при третьей республикѣ: Пелларенъ занимался его пропагандой; даже въ наше время существуетъ не мало фурьеристовъ. Фурьеризмъ провикалъ даже въ изящную литературу.

Попытки воплотить фурьеризмъ въ практическую жизнь не увѣнчались успѣхомъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ получалъ примѣненіе, послѣднее не было продолжительнымъ, или же оно было частичнымъ. Но это обстоятельство не можетъ служить показателемъ несостоятельности фурьеризма; и интегральный коммунизмъ не былъ въ этомъ отношеніи болѣе счастливъ; и ему не удавались попытки практическаго примѣненія.

Подобныя неудачи объясняются одной и той же причиною, а именно: маленькое общежитіе, основанное на промежуточныхъ принципахъ полнаго

равенства, не можетъ сохранить свою первоначальную чистоту, если ему приходится жить и дѣйствовать въ капиталистическомъ государствѣ.

При изученіи фурьеризма слѣдуетъ поэтому исходить изъ другой точки зрѣнія, и мы постараемся въ немъ раскрыть какъ то, что намъ кажется ошибочнымъ, такъ и то, что въ немъ имѣется вѣрнаго и неоспоримаго. Пока же намъ хотѣлось бы указать причины, содѣйствовавшія распространенію фурьеризма. Сень-симонизмъ намъ далъ нѣсколько узкую критику социальнаго строя и туманные взгляды на общество будущаго. Фурьеризмъ съ самаго же начала далъ намъ общедоступную критику капиталистическаго строя, указалъ на недостатки этого строя и на вызываемыя имъ гибельныя послѣдствія. Онъ далъ намъ также стройный, ясный и крайне привлекательный идеалъ будущаго строя. Фаланстеръ въ высшей степени соблазнителенъ; легко вскрыть зло, пронтекающее отъ конкуренціи, и каждый можетъ его констатировать или провѣрить. Этимъ объясняется успѣхъ, который имѣли въ нашей странѣ положенія Фурье, и слава, которой онъ пользовался каждый разъ, когда на первую очередь выступали социальные вопросы.

Впрочемъ, фурьеризмъ пугалъ буржуазію меньше, чѣмъ сень-симонизмъ. Послѣдній съ самаго же начала повелъ атаку противъ одной изъ основъ капиталистическаго могущества, т. е. противъ права наследства; фурьеризмъ же проводилъ идею медленнаго преобразованія общества, идею уменьшенія роли капитала путемъ увеличенія роли труда. Руководители этого ученія придавали больше значенія этой положительной его сторонѣ, нежели критической, т. е. добросовѣстному и безопаданному анализу господствующихъ экономическихъ формъ.

Вѣрно, тѣмъ не менѣе, то, что социалистическая—мы не скажемъ социальная—работа фурьеризма была шире той, которая была сдѣлана сень-симонизмомъ.

Ничего не остается прибавить къ тому, что уже было сказано авторомъ «Новаго свѣта» противъ дробленія производства, противъ конкуренціи, противъ размноженія посредниковъ и паразитовъ.

Жизнь Фурье слишкомъ хорошо извѣстна для того, чтобы намъ пришлось на ней останавливаться. Это прямой контрастъ жизни Сень-Симона, и тѣмъ не менѣе влияние среды сказывается у Фурье такъ же сильно, какъ у Сень-Симона. Въ то время какъ послѣдній, аристократъ по происхожденію, оставался аристократомъ и въ своихъ даже самыхъ крайнихъ взглядахъ, первый, выросшій за прилавкомъ, постоянно видѣлъ передъ собою обманъ, мошенничество, фальсификацію, практикующіеся въ мелкой торговлѣ. И тотъ и другой являются дѣтьми XVIII в. по общей философіи, а еще больше—по морали, соответствующей морали Кондильяка и сенсуалистовъ. Сень-Симонъ вѣрилъ въ безпредѣльный прогрессъ; Фурье ненавидитъ и клеймитъ современную цивилизацію. Но Кондорсе и Руссо являютъ собою примѣры такихъ же кажущихся разногласій.

Автору «Четырехъ движеній» ставить въ упрекъ его странныя идеи и

смѣшныя выраженія. Дѣйствительно, онъ не довольствуется общимъ планомъ, а разрабатываетъ его до мельчайшихъ подробностей. Онъ былъ бы, вѣроятно, не прочь указать размѣры дверей въ его фаланстерѣ, потому что часто онъ останавливался на едва ли болѣе интересныхъ мелочахъ. Вѣрно также и то, что онъ вводитъ массу новыхъ терминновъ, чтобы удовлетворить всѣмъ потребностямъ его богатаго воображенія. Но какое значеніе могутъ имѣть эти мелкіе недостатки наряду съ грандіозной работой, выполненной имъ въ области соціальной критики? Какое значеніе могутъ имѣть для насъ нѣсколько смѣшныя слабости философа, разъ онъ далъ въ руки противникамъ буржуазной экономіи самыя лучшія оружія?

Противники социализма, вполне понятно, отпускали на его счетъ эпиграммы и шуточки и выставляли на показъ его нерѣшительность и боязнь передъ крайними мѣрами. Но не намъ подражать этимъ господамъ.

II.

Сенъ-Симонъ исходитъ изъ историческаго закона человѣческаго развитія и приходитъ къ примиренію науки и религіи. У него метафизика является вѣщью ученія. Фурье беретъ исходнымъ пунктомъ божественную волю, чтобы выводить изъ нея цѣлую систему возрожденія. Когда приступаютъ къ анализу человѣческихъ учрежденій, тогда самое важное—это узнать виды Провидѣнія. Необходимо узнать волю божію и предписываемое ею соціальное уложеніе. Но виды божества должны быть проникнуты единымъ принципомъ, потому что, въ противномъ случаѣ, они находились бы между собой въ противорѣчій, а этого невозможно допустить: «Богъ управляетъ матеріальнымъ міромъ при помощи силы тяготѣнія; если бы для управленія соціальнымъ міромъ онъ употребилъ другую силу, въ системѣ получилась бы двойственность дѣйствій». Это тяготѣніе проявляется въ пяти видахъ; два изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы быть отмѣченными въ этюдѣ, касающемся человѣчества—это интеллектуальный видъ тяготѣнія или движеніе, нарастаніе и комбинированіе страстей; загѣмъ соціальныи видъ или инстинктивное движеніе чело- вѣка къ лучшему будущему.

Исходя изъ этихъ положеній, Фурье полагаетъ, съ одной стороны, что божеству желательно все большее и большее расширеніе ассоціаціи, а, съ другой стороны, онъ думаетъ, что христіанство совершило ошибку, осудивъ страсти. Осужденіе послѣднихъ равносильно заявленію, что Богъ не знаетъ, что творить, или же, что онъ вложилъ въ чело- вѣка зародышъ зла, но въ этомъ случаѣ онъ не былъ бы больше Богомъ.—Все это носитъ нѣсколько упрощенный характеръ, но объ этомъ нельзя не упомянуть въ точномъ и добросовѣстномъ анализѣ ученія.

III.

Страстямъ суждено сыграть огромную роль въ фаланстерѣ, въ этой новой организаціи, которую Фурье хочетъ создать. Приходится поэтому остановиться нѣсколько на его классификаціи страстей.

Обыкновенно полагають, что страсти нарушаютъ согласіе, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онѣ стремятся къ единству. Существуютъ пять чисто *чувственныхъ* страстей; четыре аффективныхъ или стремящихся къ созданію группъ: честолюбіе, дружба, любовь и семейная привязанность, три *раздѣлительныя* (distributives): кабалистическая, затѣвающая интриги и развивающая наши способности, *композиционная* (composite), стремящаяся объединить наши чувственные и духовныя наслажденія, *papillonne*,—стремляющаяся къ измѣненіямъ, наконецъ, тринадцатая страсть—уничензмъ или заграничная филантропія, устанавливающая согласіе между личнымъ счастьемъ каждаго въ отдѣльности и счастьемъ другихъ.

Долгое время мораль проповѣдывала подавленіе этихъ страстей, какъ постыдныхъ и вредныхъ; а теперь еще воспитаніе стремится къ тому, чтобы обуздать эти страсти, учить ихъ презирать, подавлять. Слѣдуетъ же, напротивъ, ихъ поощрять, предоставить имъ полнѣйшую свободу, потому что всѣ онѣ превосходны и являются самымъ лучшимъ стимуломъ человѣческой дѣятельности. Невѣрно утвержденіе, будто человѣкъ находится въ разладѣ съ самимъ собой, и будто ему всегда придется бороться со своими ближними.

IV.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію нашего соціального строя, Фурье излагаетъ свои общіе взгляды на исторію. Взгляды эти далеко не имѣютъ той философской цѣны, какую имѣютъ воззрѣнія Сень-Симона. Міръ будетъ существовать еще въ продолженіе 80.000 лѣтъ (трудно сказать зачѣмъ понадобилась такая точность), изъ которыхъ 40.000 лѣтъ будутъ фазой прогресса, остальные 40.000 лѣтъ—фазой упадка. Человѣчество должно пережить, 36 періодовъ, изъ которыхъ три предшествовали промышленности; они принадлежатъ къ раздробленной и отталкивающей промышленности: патриархатъ, варварство и цивилизація; три относятся къ привлекающей общественной промышленности: періодъ взаимной поруки (*garantisme*), періодъ сотрудничества (*sociantisme*) и періодъ гармоніи (*harmonisme*). Затѣмъ идутъ другіе періоды, характеристики которыхъ Фурье не даетъ. Первые шесть періодовъ продолжались 7.000 лѣтъ, слѣдующіе три поочередно наступаютъ въ томъ строѣ, о которомъ мечтаетъ Фурье.

Его картина современной эры или цивилизаціи далеко не утѣшительна. Она

составляет одну из важнейших частей его трудов, и нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ Фурье не затрагивалъ бы этого вопроса. Самое существо по этому предмету содержится въ его сочиненіяхъ «Всемирное единство» и «Новый свѣтъ».

Міръ находится въ гибельномъ, постыдномъ и подавленномъ состояніи. Последнее характеризуется раздробленностью, сводящей на-нѣтъ человѣческую дѣятельность и парализующей всякій прогрессъ. «Философы! Напрасно станете вы нагромождать библиотеки сочиненіями, трактующими о счастьѣ: вы его не найдете до тѣхъ поръ, пока не вырвете съ корнемъ ствола всѣхъ социальныхъ бѣдствій, какимъ являются промышленная раздробленность или разрозненный трудъ, противорѣчащій божеской волѣ... Индустриализмъ—это новѣйшая изъ нашихъ научныхъ химеръ. Это манія вести производство въ разбродъ, безъ всякаго плана пропорціональнаго вознагражденія, безъ всякой гарантіи для наемнаго рабочаго въ томъ, что и онъ будетъ получать свою долю въ увеличеніи богатствъ».

Въ современномъ обществѣ совершенно отсутствуетъ согласованность дѣйствій; каждый поступаетъ такъ, какъ ему заблагоразсудится, нисколько не заботясь о томъ, чтобы согласовать свою инициативу или свои дѣйствія съ трудомъ другихъ. Отсюда тѣ необычайные результаты, къ которымъ привела эта анархія. «Одинъ превращаетъ въ пастбища склоны горъ, самой природой предназначенные для виноградниковъ; другой засѣваетъ пшеницей землю, которая болѣе всего подходитъ для луга. Иной, для того, чтобы имѣть свой хлѣбъ, распахиваетъ крутой косогоръ, откуда хлѣбъ можетъ быть спесенъ первымъ ливнемъ; другой, чтобы не покупать вина, насаждаетъ виноградныя лозы въ сырой долині. Масса семействъ тратятъ свое время и деньги на то, чтобы вести безконечныя тяжбы изъ-за вопросовъ о границахъ и покражахъ. Всѣ эти семейства отказываются выполнять общепользныя работы потому только, что эти работы могутъ пойти въ прокъ ненавистнымъ сосѣдямъ; каждый хищническимъ образомъ вырубаетъ лѣса и личный интересъ ставитъ выше общественнаго блага».

Такимъ образомъ, въ капиталистическомъ обществѣ ведется непрерывная ожесточенная борьба между гражданами. «Каждый капиталистъ (industrieux) ведетъ войну съ массой». Отсутствие единства въ планахъ и въ ихъ исполненіи фатально приводитъ къ хищничеству и къ бесполезной тратѣ наилучшихъ силъ. Вслѣдствіе отсутствія согласія и солидарности, каждому поколѣнію приходится сизнова начать работу предшествовавшаго ему поколѣнія, такъ что «та крушица добра, которую можно найти въ цивилизованномъ обществѣ, обязана своимъ происхожденіемъ явленіямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ цивилизаціей».

Какъ можно, впрочемъ, требовать, чтобы индивидуальныя дѣйствія пошли въ прокъ всему обществу? Каждую минуту производство тормозится, замедляется или разлагается благодаря смерти «чиновника», т. е. главы предпріятія, благодаря «личному непостоянству», противоположности характеровъ отпа-

и сына, мошенничеству, воровству, обману, борьбѣ предпріятій, интересы которыхъ противоположны, и т. д. Самымъ главнымъ порокомъ капиталистическаго строя является *конкуренція*, учащающаяся кризисы, обостряющая борьбу, вызывающая ужасную вражду и увеличивающая число несчастныхъ. Фурье прекрасно понялъ, что капитализмъ вноситъ разстройство въ ряды самой буржуазіи, и что она производитъ частичные перевороты въ социальномъ строѣ.

Разоряя однихъ, —огромное большинство,—она обогащаетъ другихъ, —нечтожное меньшинство,—и такимъ образомъ создаетъ денежную аристократію, промышленное дворянство, захватывающее власть, угнетающее народъ. Но не одни только фабриканты погибаютъ отъ этой конкуренціи: благодаря послѣдней, условія жизни рабочихъ постоянно ухудшаются.

Конкуренція привела къ возрожденію рабства подъ названіемъ ваемнаго труда. На трудъ продолжаютъ смотрѣть, какъ на наказаніе, какъ на порокъ, до такой степени онъ плохо распредѣленъ, плохо организованъ, до такой степени онъ противенъ и однообразенъ. Работники такъ многочисленны и съ такимъ трудомъ находятъ заработокъ, что нищета растетъ наряду съ ростомъ богатствъ. «Промышленные районы въ такой же, а можетъ быть еще въ большей степени, кишатъ нищими, какъ и мѣстности, не затронутыя этимъ видомъ прогресса. Очевидно, что крайности конкуренціи приводятъ цивилизованный народъ къ тому же состоянію нищеты и порабощенія, которое существуетъ среди населенія Китая и Индостана». Эта картина настолько полна, что къ ней ничего не приходится прибавить.

V.

Фурье долго распространяется на счетъ того, какую роль играютъ въ цивилизованномъ обществѣ торговля и посредничество. Они изображаютъ колоссальную и непроизводительную трату работоспособныхъ рукъ и умовъ въ *современномъ обществѣ*.

Что, по его мнѣнію, характеризуетъ нашу эпоху, такъ это всемогущество не производителей, купцовъ или потребителей, а людей праздныхъ.

Онъ даетъ намъ подробнѣйшую номенклатуру бесполезныхъ людей, т. е. тѣхъ, которые живутъ на счетъ народа, ничего ему не давая взамѣнъ. Онъ различаетъ: 1) *домашнихъ паразитовъ*, къ которымъ принадлежатъ женщины, дѣти и прислуга; 2) *социальныхъ паразитовъ*, къ которымъ относятся солдаты, фискальные чиновники, фабриканты, число которыхъ могло бы быть уменьшено наполовину, купцы, девять десятыхъ которыхъ оказываются совершенно бесполезными, агенты транспорта, число которыхъ можно было бы сократить на двѣ трети; наконецъ, 3) *дополнительныхъ паразитовъ*; сюда относятся безработные, софисты и особенно юристы. Къ этой же категоріи принадлежатъ больные, арестанты, люди, питающіе отвращеніе ко всякаго рода труду,

прислужники капитализма, публичныя женщины, воры. Существуетъ, такимъ образомъ, масса людей, ничего не производящихъ и живущихъ чужимъ трудомъ.

Но это не все: какая масса людей, даже среди тѣхъ, кто извуряетъ себя непосильнымъ трудомъ, исполняютъ, вслѣдствіе господствующей анархіи, бесполезную работу! «Мы употребляемъ сто рабочихъ тамъ, гдѣ было бы достаточно трехъ». И это положеніе дѣлъ слѣдуетъ приписать исключительно нашей рутинѣ, нашему незнанію условій, облегчающихъ существованіе. «Мы такіе же новички, какъ народы, незнакомые съ употребленіемъ машинъ, и употребляющіе для размельченія зеренъ 50 рабочихъ въ то время, какъ для этого было бы достаточно одного жернова».

Съ особенной яростью обрушивается Фурье на купцовъ, этотъ классъ паразитовъ по преимуществу. Они одни получаютъ въ годъ столько, что на эти деньги можно было бы прокормить четыре милліона человѣкъ. Долгое время ихъ презирали бывшіе феодалы, отодвигали ихъ на задній планъ, но въ настоящее время они вознаграждаютъ себя за прежнія униженія. Эти «естественные враги фабрики» ведутъ себя, какъ настоящіе корсиканцы, и разоряютъ фабрикантовъ; будучи хозяевами рынка, они могутъ, по своему желанію, ограничить продажу того или иного товара, или же выбросить его на рынокъ цѣлыми массами и такимъ образомъ ускорить его обращеніе. Они по своему произволу опредѣляютъ повышеніе или пониженіе товарныхъ цѣнъ, и ихъ габельное эгоистическое вліяніе приводитъ къ самымъ чудовищнымъ противорѣчіямъ: «Двадцать пять милліоновъ французовъ не имѣютъ вина, въ то самое время, когда цѣлыя массы винограда выбрасываются въ водостокъ». Эти купцы вызываютъ періодическія промышленныя катастрофы тѣмъ, что набрасываются на рынокъ, какъ только онъ открывается, не будучи въ состояніи учитывать аппетиты своихъ конкурентовъ.

Неизбѣжнымъ и постояннымъ слѣдствіемъ подобнаго строя являются мошенничество и фальсификація. Мало того, что рабочіе обречены на каторжныя работы фабрикъ, что всюду и вездѣ господствуетъ анархія, что число людей, ничего не производящихъ, все размножается, что паразитизмъ отнимаетъ у промышленности и у сельскаго хозяйства милліоны работниковъ,—для господства людей, не приносящихъ обществу никакой пользы, необходимы еще: обманъ, недобросовѣстность и ложь; эти господа постепенно развращаютъ чело-вѣчество и накладываютъ отвратительный отпечатокъ на нашу психику.

Особенно важное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что этотъ строй одобряется одной категоріей писателей, посвѣдившихъ его оправдать, якобы основываясь на научныхъ принципахъ. «Барышники и ажіотеры нашли себѣ защитниковъ среди той категоріи ученыхъ, которыхъ называютъ экономистами, и въ настоящее время нѣтъ занятія болѣе почтеннаго, нежели барышничество и ажіотажъ, что на современномъ языкѣ называютъ банковской спекуляціей, потому что люди находятъ неудобнымъ называть вещи ихъ именами... Смѣшивать функцію купца съ функціей фабриканта — значитъ не знать азбучной истины».

Нѣтъ ни одной стороны общественнаго строя, которая не была бы изслѣдована, анализирована и раскритикована Фурье. Ему настолько неавиственъ существующій строй, что онъ не хочетъ оставить камня на камнѣ въ современной цивилизаціи, и онъ радуется тому, что онъ одинъ относится къ ней отрицательно: «Стало ясно, что индустриализмъ—это какой-то заколдованный кругъ, и всѣ начинаютъ къ нему относиться съ недоувѣріемъ».

Такова критическая или разрушительная сторона работы Фурье. Посмотримъ теперь, каковы провозглашенные имъ новые принципы для обновленія общества, и какъ онъ себѣ представлялъ функционированіе этого преобразованнаго общества.

VI.

Въ благоустроенномъ обществѣ никто не долженъ умирать съ голоду, а потому всякому должна быть предоставлена возможность, подъ извѣстными условіями, принимать участіе въ производствѣ. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ провозглашеніе права на трудъ: «Въ продолженіе вѣковъ мы спорили о правахъ человѣка, но не додумались до того, чтобы признать за человѣкомъ самое существенное право—право на трудъ, безъ котораго всѣ остальные права не имѣютъ никакой цѣны». Справедливая и полная глубокаго смысла мысль! Что такое свобода, равенство и братство? Одни лишь пустыя слова, если личность лишена возможности зарабатывать свое существованіе. Но и самое «право на трудъ» осталось бы слишкомъ теоретическимъ правомъ, если бы оно не было санкціонировано установленнымъ вознагражденіемъ. Необходимо поэтому установить минимумъ средствъ существованія или минимумъ заработной платы. Фурье—какъ и послѣ него, по его почину, и социалисты 1848 г.—сразу понялъ, какую огромную брешь онъ могъ бы пробить въ капиталистическомъ строѣ однимъ только провозглашеніемъ этого права: «Необходимо дать народу гарантіи благосостоянія, какъ въ настоящемъ, такъ и на будущее время; необходимо также, чтобы эта гарантія избавила каждого человѣка отъ безпокойства за свою судьбу и за судьбу его близкихъ». Это серьезный ударъ принципу неограниченнаго права частной собственности.

Одна лишь ассоціація въ состояніи привести общество «къ гармоническому строю». Но надо быть точнымъ. «Говорятъ, что люди существуютъ для общества; упускаютъ только изъ виду, что общество можетъ быть двухъ родовъ: раздробленное и комбинированное. Одно соответствуетъ противообщественному, а второе—общественному состоянію. Между этими двумя состояніями существуетъ такая же пропасть, какъ между ложью и истиной».

Но комбинированное дѣйствіе можетъ стать на мѣсто дѣйствія въ разбродъ лишь въ томъ случаѣ, когда первое является слѣдствіемъ свободной игры страстей. Только эмансипируя послѣднія, т. е. предоставляя страстямъ возможность свободно проявляться и взаимно переплетаться между собой, мы можемъ достигнуть высшей формы ассоціаціи. Эта ассоціація будетъ отли-

чаться такой полнотой, какую намъ невозможно даже себѣ представить, настолько она будетъ стоять выше условій труда въ современной семьѣ.

Фурье даетъ классификацію нашихъ наклонностей. Три изъ нихъ будутъ играть доминирующую роль въ его фаланстерѣ. Во-первыхъ, *перемѣнная* страсть, которая есть не что иное, какъ любовь къ перемѣнамъ: человѣкъ стремится къ перемѣнѣ занятій и среды. Слѣдовало бы поэтому удовлетворить это его стремленіе зачисленіемъ каждаго поочередно то въ одну, то въ другую группу, гдѣ онъ будетъ заниматься то однимъ, то другимъ трудомъ. Вотъ программа для работника фаланстера: работникъ встаетъ въ 3¹/₂ часа утра; въ 4 часа—группа конюховъ; въ 5 ч.—группа садовниковъ; въ 7¹/₂ ч.—группа косарей; въ 9¹/₂ ч.—группа огородниковъ; въ 11 ч.—группа хлѣбниковъ; въ 2 ч.—группа лѣсничихъ; въ 6 ч.—мануфактурный трудъ; въ 7 ч.—орошеніе; въ 8 ч.—распредѣленіе занятій и развлеченій.

«Гармонисты» спать мало—всего лишь 4¹/₂ часа, но превосходныя гигиеническія условія замѣняютъ имъ сонъ. «*Кабалистическая*» страсть, или партійный духъ и «*композитивная*» или «*эжальтирующая*» страсть также получаютъ удовлетвореніе въ фаланстерѣ путемъ распредѣленія «серій» или «сектъ». Любители интригъ, честолюбцы и т. д. найдутъ тамъ свободный просторъ для своихъ наклонностей. Зачѣмъ ихъ обуздывать, разъ онѣ служатъ общему интересу и разъ послѣдній, по необходимости, совпадаетъ съ интересами каждой отдѣльной личности? «Серія противоположныхъ страстей, пишетъ Фурье на своемъ нѣсколько причудливомъ языкѣ, находитъ себѣ пищу въ противорѣчій интересовъ волигики современной цивилизаціи».

Сообразуясь со своими наклонностями, люди соединяются въ ассоціаціи труда. Личный поступокъ каждаго понимается лишь, какъ дѣйствіе, соответствующее общему интересу; каждый является не больше, какъ составной частью всей системы силъ, но этимъ нисколько не ограничивается личная свобода кого бы то ни было, такъ какъ никто не можетъ быть принуждаемъ вступать непремѣнно въ определенное сообщество. Можно было бы опасаться, что вмѣсто уничтоженной конкуренціи между гражданами появится конкуренція между отдѣльными обществами производителей, но это—опасность не серьезная, такъ какъ всѣ члены «гармоній» безпрестанно переходятъ отъ одной группы къ другой, и поэтому они будутъ остерегаться того, чтобы не разорить той группы, въ которой они принимали участіе наканунѣ, и куда они могутъ попасть и завтра. Правда, будетъ существовать соперничество, но оно послужитъ только интересамъ коллективности членовъ и приведетъ къ численному и качественному росту производства. Наконецъ, каждая «серія» будетъ получать, помимо дивиденда отъ своего собственнаго труда, еще и дивидендъ отъ труда другихъ «серій»; такимъ образомъ, общность интересовъ будетъ такъ сильна, что альянсы отдѣльныхъ личностей не смогутъ ее нарушить. Фурье резюмируетъ свою систему въ слѣдующихъ словахъ: «Растворить корыстолюбивыя стремленія отдѣльныхъ личностей въ коллективныя интересы каждой данной «серіи» и подчинить коллективныя

требованія отдѣльныхъ серій интересамъ участниковъ въ массѣ другихъ серій».

Что касается труда, который нынѣ и надоѣдаетъ, и порабощаетъ, то онъ въ «Гармоніи» Фурье ставеть привлекательнымъ—и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ онъ будетъ разнообразнѣе. Если трудъ въ настоящее время тягостенъ, то это потому, что ткачъ за своими ставками, рудокопъ въ своей шахтѣ и т. д. вынуждены въ продолженіе 12 или 14 часовъ, изо дня въ день, изъ года въ годъ, въ теченіе тридцати, сорока или пятидесяти лѣтъ выполнять одну и ту же работу. Какъ мириться съ такимъ однообразіемъ, убивающимъ умственные способности и превращающимъ человѣка въ автомата? Въ фаланстерѣ же работникъ пойдетъ на работу, не протестуя, не по принужденію, а съ искренней радостью, такъ какъ ему будетъ предоставленъ свободный выборъ занятій, которыя онъ будетъ часто мѣнять. Трудъ будетъ тѣмъ болѣе производительнымъ и тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, что онъ будетъ выполняться не рабами, а эмансипированными людьми, проникнутыми сознаниемъ своего общественнаго долга и полезности ихъ работы. Мы уже сказали, что члены фаланстера будутъ въ одно и то же время заниматься земледѣліемъ и работать на фабрикѣ. Фурье справедливо ставили въ упрекъ то, что онъ игнорировалъ принципъ раздѣленія труда, которое, путемъ продолжительной специализаціи работниковъ, развиваетъ въ послѣднихъ огромную техническую сноровку. Современные социалисты стараются поэтому облегчить участь пролетаріевъ скорѣе путемъ сокращенія рабочаго дня, чѣмъ разнообразіемъ занятій. Но фурьеристская теорія, основанная на принципѣ всесторонняго развитія и свободной комбинаціи страстей, не могла придти къ другимъ выводамъ.

Община, такъ называемый фаланстеръ, дѣлится на опредѣленное число «серій», изъ которыхъ каждая соотвѣтствуетъ особой отрасли производства. Приведемъ примѣръ: тридцать человѣкъ будутъ заниматься скотоводствомъ; пятьдесятъ—земледѣліемъ; двадцать—мануфактурнымъ производствомъ, и т. д., и т. д. Каждая серія, въ свою очередь, дѣлится на двадцать четыре, тридцать или тридцать двѣ «группы», между которыми будутъ распредѣляться отдѣльныя функціи данной отрасли производства. Различіе между двумя соотвѣдными группами крайне слабое, почти ничтожное. «Каждая изъ нихъ, говоритъ Фурье, соотвѣтствуетъ отдѣльному виду страсти даннаго рода». Тщательная классификація этихъ группъ чрезвычайно важна, ибо «соревнованіе, усовершенствованіе личности и прибыли увеличиваются въ зависимости отъ точнаго опредѣленія отѣнокъ наклонностей членовъ «серіи» и отъ дѣленія этой послѣдней на соотвѣтственное число группъ».

Вопросъ о распредѣленіи является наиболѣе важнымъ или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ всякой теоріи преобразованія общества. Фурье не упускалъ этого изъ виду. «Узы, связывающія общество, были бы порваны, въ случаѣ неудачнаго рѣшенія этого вопроса».

Его идеаль не коммуна, а ассоціація, т. е. организація, при которой каждый ея членъ получаетъ изъ общей массы продуктовъ не сообразно его

потребностямъ, а по установленной «прогрессіи». Въ обществѣ, основанномъ на коммунистическихъ началахъ, все принадлежитъ всѣмъ, и никто не получаетъ спеціального вознагражденія. Въ ассоціаціи, наоборотъ, капиталъ, даже тогда, когда онъ находится въ распоряженіи коллективности, приноситъ своему владѣльцу заранѣе установленное вознагражденіе. Онъ остается однимъ изъ элементовъ договорной организаціи, къ которой пристають сотни и тысячи участниковъ, и занимаетъ особое мѣсто, какъ отдѣльная основная категорія, наряду съ трудомъ и талантомъ. Этимъ Фурье избавилъ себя отъ нападокъ правовѣрныхъ буржуазныхъ экономистовъ. Фаланстеръ будетъ имѣть форму огромнаго акціонернаго общества, члены котораго будутъ пользоваться правомъ собственности на имущество даннаго фаланстера: «Путемъ участія въ фаланстерѣ бѣднякъ становится собственникомъ цѣлаго каптона».

Фурье предлагаетъ слѣдующее распредѣленіе: $\frac{5}{12}$ —труду, $\frac{4}{12}$ —капиталу и $\frac{3}{12}$ —таланту. Но ничто не мѣшаетъ работнику получить часть дивиденда капитала, потому что онъ легко можетъ сдѣлаться владѣльцемъ акціи. Что касается самого труда, то вознагражденіе за него не будетъ однообразнымъ: трудныя и малопривлекательныя работы будутъ оплачиваться лучше пріятныхъ работъ. Слѣдуетъ добавить, что каждому будетъ обезпеченъ минимумъ средствъ существованія, чего требуютъ законъ Христа и необходимость восстановленія естественныхъ правъ: охоты, рыболовства, собиранія плодовъ и пользованія пастбищемъ, правъ, которыхъ человѣкъ нынѣ лишень. До тѣхъ поръ, пока этотъ минимумъ не будетъ обезпеченъ закономъ, не прекратится гнѣтъ, а, слѣдовательно, не исчезнетъ и опасность революціи.

Фурьеризмъ приписываетъ первенствующее значеніе земледѣлію, и это составляетъ еще одну изъ отличительныхъ чертъ этого ученія. Сельскохозяйственнымъ работамъ отводится въ фаланстерѣ $\frac{3}{4}$ рабочаго дня. Это пристрастіе къ сельскому хозяйству присуще не одному только автору «Новаго Свѣта». То же самое мы замѣчаемъ у многихъ соціологовъ всѣхъ направленій, какъ въ началѣ XIX в., такъ и въ наше время.

Фурье, какъ и его современниковъ, поражали нѣкоторыя явленія, получившія хронической характеръ и непрерывно развивавшіяся. Эти характерныя явленія новѣйшей экономической эволюціи свойственны не одной лишь Франціи или Англіи, которыя 75 лѣтъ тому назадъ были главными, если не единственными странами, гдѣ эти явленія наблюдались; послѣднія имѣютъ мѣсто также и въ новыхъ странахъ, поздне затронутыхъ капитализмомъ: въ Россіи, Венгріи, Соединенныхъ Штатахъ, Аргентинской республикѣ, Японіи и т. д. Это — уходъ крестьянскаго населенія въ города, оставленіе пахотныхъ земель, колоссальное расширеніе крупныхъ центровъ, недостатокъ рабочихъ рукъ въ деревняхъ, поглощеніе крестьянъ фабрикой, вытѣсненіе сельскохозяйственнаго труда промышленнымъ. Фурье хотѣлъ противодействовать этому экономическому перевороту, который, какъ ему казалось, угрожалъ равновѣсію силъ, общему благосостоянію и народному здравію. Довольно странно, что эта идея, впервые выраженная у Фурье въ смѣшной и нелѣпой формѣ (ибо капиталистиче-

ское развитіе, явившееся слѣдствіемъ органической эволюціи общества, слыш-комъ сильно, чтобы его можно было задержать), была принята и облечена въ новую форму социологами нашей эпохи, которые ее сопровождаютъ довольно пріемлемыми практическими рѣшеніями. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что новѣйшія усовершенствованія орудій производства создали особенно благоприятную почву для подобнаго рода примѣненій, и что въ дѣйствительности рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы замедлить ходъ экономическаго развитія, а лишь о томъ, чтобы вѣскольکو видопзмѣнить соотношеніе его спль.

Фурье не возлагаетъ никакихъ надеждъ на государство. Какъ могъ бы онъ разсчитывать на его поддержку, разъ онъ стремится къ уничтоженію государства? Онъ не ждетъ также осуществленія своихъ пдей отъ возстанія пролетаріата, который захотѣлъ бы освободиться отъ рабства. Понятіе о борьбѣ классовъ отсутствуетъ во всѣхъ его сочиненіяхъ. Несмотря на то, что наша цивилизація ему представляется хаотичной, неорганизованной, онъ не вскрываетъ въ ней противоположности интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ; онъ не вскрываетъ, такъ сказать, фермента переворота и обновленія общества. Его не занимаетъ вопросъ, какимъ образомъ совершится переходъ отъ современнаго строя къ непосредственно за нимъ слѣдующему (между современнымъ «необщественнымъ» строемъ и «гармоніей» должны пройти нѣскольکو историческихъ фазъ). Онъ клеймитъ существующій строй, рисуетъ идеаль бу-душаго, утверждаетъ, что свободное проявленіе страстей спасетъ все. Но какъ? На этотъ вопросъ онъ не отвѣчаетъ. На что особенно слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ это то, что Фурье—какъ и Сень-Симонъ и сень-симонисты—не входитъ даже въ разсмотрѣніе вопроса о возможности пролетарской революціи; если онъ иногда на нее ссылается, то онъ это дѣлаетъ исключительно съ дѣлюю аргументировать свои воззрѣнія. Онъ никогда не допускалъ серьезно возможности такой революціи. Въ этомъ отношеніи онъ отлчается отъ демократовъ, не забывшихъ 1789, 92 и 93 гг. и считавшихъ возможнымъ, или даже необходимымъ, государственный переворотъ, который былъ бы совершенъ самимъ народомъ. Ссылки на исторію, на событія прошлаго—на основаніи которыхъ можно было бы судить о будущемъ—совершенно отсутствуютъ въ сочиненіяхъ Фурье. Въ основаніе его теорій положены одни лишь разсужденія и самая отвлеченная философія, причемъ и эти разсужденія и эта философія нерѣдко припимаютъ нѣскольکو причудливый характеръ.

VII.

Авторъ сочиненій «Новый Свѣтъ» и «Всемирное единство» охотно распро-странялся о фаланстерѣ. Послѣдній состоитъ изъ 1.600 или 1.800 человекъ, которыхъ третья часть—холостые. Члены фаланстера будутъ различаться между собой по достоянію, возрасту и воспитанію; капиталисты, ученые и артисты должны составлять не болѣе $\frac{1}{3}$ общаго числа членовъ. Фаланстеръ—

это ядро, зародышевая форма, социальная ячейка будущего общественного строя. Последний потерпѣлъ бы крушеніе, если бы эта ячейка не была основана на точныхъ правилахъ, на сохраненіи нѣкоторыхъ градацій, безъ которыхъ общество опять пришло бы въ разстройство.

Люди тамъ соединяются между собою, сообразно уже указаннымъ нами принципамъ, слѣдя своимъ многочисленнымъ отраслямъ. Мы также уже изложили вкратцѣ способъ распредѣленія занятій и доходовъ.

Центромъ фаланстера служатъ огромное помѣстье, гдѣ сосредоточивается вся жизнь коллективности. Зданія построены на хорошо подобранномъ, здоровомъ и живописномъ мѣстѣ. Тутъ находятся жилища для членовъ или «сектантовъ» и общепользныя учрежденія. Слѣдуетъ подробный планъ фаланстера. Воздухъ очищается самыми лучшими научными способами. Отдѣльныя части фаланстера соединяются между собою отапливаемыми корридорами. Это чудное комфортабельное помѣстье, которое будетъ ласкать взоръ, обойдется не дороже стоимости 400 жалкихъ хижинъ, необходимыхъ для 400 семействъ. И тутъ Фурье распространяется насчетъ поразительной экономіи и насчетъ удобствъ, которыя даетъ подобная комбинація. Въмѣсто 300 и 400 кухонь, понадобится всего лишь 5. То же самое справедливо и по отношенію къ погребамъ, чердакамъ и т. д. Экономія времени и труда получится отъ массы работъ, которыя теперь выполняются каждымъ въ отдѣльности, а въ фаланстерѣ будутъ выполняться однимъ человѣкомъ на пользу всѣхъ. Личная инициатива станетъ тѣмъ болѣе плодотворной, что она не будетъ сталкиваться съ другой соперничающей инициативой. Паразиты и бездѣльники, нынѣ размножающіеся вслѣдствіе господствующей анархіи, обязаны будутъ заниматься полезнымъ дѣломъ. Совѣстный трудъ, который будетъ вестись по определенному, строго согласованному плану, будетъ въ высшей степени производительнъ. Хищничество и бесполезная трата силъ будутъ устранены. Фурье полагаетъ, что за очень короткій промежутокъ времени доходъ фаланстера учетверится.

За предѣлами фаланстера населеніе будетъ заниматься земледѣліемъ и различными, связанными съ послѣднимъ мануфактурными работами, а также работами, связанными съ другими формами эксплуатаціи природы. Не будетъ больше ни банкировъ, ни купцовъ, ни бюрократовъ. Домашнія работы будутъ выполняться спеціально для этого предназначенными «серіями». Занятія эти не будутъ неприятны, такъ какъ они будутъ имѣть общественный характеръ. Никто не будетъ имѣть своего слугу, но каждый будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи пятьдесятъ слугъ, услугами которыхъ онъ будетъ пользоваться каждый разъ, когда онъ въ нихъ будетъ нуждаться. Если бы оказалось слишкомъ мало охотниковъ на этотъ родъ занятій (которыя, вслѣдствіе атавизма или ложнаго воспитанія, продолжали бы считать менѣ благородными), то этотъ недостатокъ пополнялся бы «маленькими ордами» дѣтей.

Видъ окружающей фаланстеръ мѣстности совершенно измѣнится. Не будетъ болѣе ни изгородей, ни заборовъ; всѣ слѣды практикующагося нынѣ

гибельнаго дробленія земель будутъ уничтожены. Зачѣмъ все это, разъ индивидуальное веденіе дѣлъ замѣнено общественнымъ и разъ всеобщее благосостояніе устраиваетъ стимулы къ воровству? Полиція исчезнетъ: всѣмъ членамъ «Гармоніи» придется признать ея бесполезность. Постоянное сожителство и сотрудничество «серій» и «группъ» приведетъ не только къ уничтоженію борьбы за захватъ собственности, но также и къ исчезновенію соціальной вражды. Нельзя ничего имѣть противъ избранія руководителей: при ихъ назначеніи граждане будутъ руководствоваться исключительно интересами фаланстера, и къ тому же эти должностныя лица не будутъ располагать никакой принудительной властью. Отсутствие какого бы то ни было политическаго учрежденія обезпечиваетъ свободу каждаго.

Воспитаніе играетъ огромную роль въ «Гармоніи», и Фурье по этому вопросу высказываетъ цѣлый рядъ мыслей, столь же справедливыхъ, какъ и оригинальныхъ. Онъ хочетъ съ самаго ранняго дѣтства развивать врожденные инстинкты, чтобы впослѣдствіи употреблять людей какъ разъ для тѣхъ функций, для которыхъ они предназначены самой природой. «Слѣдуетъ развить не одно какое нибудь призваніе, а цѣлыхъ тридцать». Фурье высказываетъ затѣмъ массу интересныхъ и оригинальныхъ взглядовъ относительно того, какъ использовать маніи дѣтей и какъ «постепенно развивать силы послѣднихъ».

Фурье былъ также однимъ изъ наиболее убѣжденныхъ феминистовъ XIX в. Этотъ жизненный для всѣхъ обществъ вопросъ онъ рѣшаетъ на основаніи взглядовъ, которые впослѣдствіи были приняты и социализмомъ; другими словами, онъ связываетъ этотъ вопросъ съ общественнымъ развитіемъ, взятымъ въ цѣломъ. «Историческій прогрессъ идетъ параллельно съ усиленіемъ женщинъ по пути къ свободѣ, а регрессъ— параллельно съ уменьшеніемъ свободы женщинъ». Нашъ философъ полагаетъ, что женщина должна (за исключеніемъ извѣстныхъ случаевъ) наравнѣ съ мужчиной принимать участіе въ общественной жизни и въ производствѣ. Въ настоящее время женщина знаетъ одни лишь лишенія. Втянутая капитализмомъ, захваченная машиной, она истощаетъ свои силы въ непосильномъ трудѣ. Слишкомъ часто она, чтобы поддержать свое существованіе, вынуждена прибѣгать къ проституціи. Въ «Гармоніи» эмансипированная женщина, благодаря всестороннему развитію ея способностей, превзойдетъ мужчину во всѣхъ тѣхъ умственныхъ и физическихъ функцияхъ, которыя не являются атрибутомъ физической силы.

Остается еще сказать, какъ Фурье опредѣлилъ общественный строй, который долженъ придти на сѣну «періоду цивилизаціи», а также, какииъ образомъ фаланстеры будутъ между собою соединяться для выполненія грандіозныхъ общепользныхъ работъ.

Въ періодъ «гарантизма» не будетъ еще фаланстера, а будутъ лишь учреждены повсюду коммерческія бюро, т. е. складочныя мѣста для продуктовъ, имѣющія цѣлью сокращеніе расходовъ по веденію дѣлъ, выдающія ссуды сельскимъ хозяевамъ и постепенно развивающія кооперативный духъ.

Рядомъ съ этими бюро будутъ возникать общества взаимнаго страхова-

нія и другія учрежденія, основанія на болѣе радикальныхъ началахъ, какъ, напр., коммунальныя аптеки и т. д.

Общество будетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ бороться противъ посредниковъ, этихъ паразитовъ торговли, и постарается сократить ихъ численность. Увеличеніе торговыхъ пошлинъ приведетъ къ разоренію торговцевъ. Вытѣсненные, такимъ образомъ, самымъ фискомъ изъ лавокъ, они будутъ искать убѣжища въ земледѣліи и найдутъ это убѣжище въ спеціально для нихъ предназначенныхъ фермахъ. Последнія будутъ называться «фермы-убѣжища» и вмѣстѣ съ «коммерческими бюро» будутъ содѣйствовать наступленію будущей общественной организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, эти учрежденія разорятъ частную торговлю, а вмѣстѣ съ нею — и банки. Капиталы, ранѣе употреблявшіеся для торговыхъ и банковыхъ операцій, теперь будутъ притекать къ земледѣльческимъ и фабричнымъ предаріятіямъ, которыя все болѣе и болѣе будутъ группироваться вокругъ фермъ. Веденіе дѣлъ этихъ фермъ дастъ такіе блестящіе результаты, что владѣльцы помѣстій добровольно откажутся отъ своего права собственности, чтобы стать акціонерами новаго общества. Такимъ образомъ, безъ рѣзкихъ толчковъ и безъ затрудненій, человѣчество перейдетъ отъ «гарантизма» къ высшей формѣ организаціи общества.

VIII.

Въ періодъ «Гармоніи», съ организаціей которой мы въ существенныхъ чертахъ уже знакомы, человѣчество будетъ въ состояніи выполнять такія грандіозныя работы, о которыхъ никто никогда не смѣлъ даже мечтать. Если обработка земли не достигаетъ своего совершенства, если мы безсильны преобразовать среду, въ которой живемъ, то въ этомъ повинна господствующая у насъ разрозненность. Какъ мы можемъ успѣшно выполнять работы по осушенію, удобренію почвы, прорытію каналовъ и туннелей и т. д., если мы не въ состояніи согласовать наши усилія, и если каждый думаетъ только о своихъ мелкихъ личныхъ интересахъ и сознательно ведетъ борьбу съ общественнымъ интересомъ?

Фурье констатируетъ, что нѣкогда плодородныя мѣстности, какъ напримѣръ, часть Азіи и сѣверная часть Африки, стали безплодными и почти пустынными. Въ этомъ повинна одна лишь цивилизація. Обновленное человѣчество направитъ свои усилія къ тому, чтобы опять сдѣлать эти запущенныя территоріи плодородными.

Фаланстеръ, со своимъ ограниченнымъ числомъ работниковъ, не могъ бы, конечно, удовлетворить общія потребности; но фаланстеръ есть только социальная ячейка. Рядомъ съ нимъ будутъ существовать крупныя города (хотя авторъ «Новаго Свѣта» не особенный поклонникъ крупныхъ обществъ), которые будутъ располагать болѣе обширными средствами. Затѣмъ ничто не помѣшаетъ составить сильныя промышленныя арміи, которыя переѣзжали бы

съ мѣста на мѣсто и удовлетворяли бы всѣмъ коллективнымъ потребностямъ. Эти арміи сдѣлаютъ Сахару обитаемой, пророчятъ Суэцкій и Панажскій перешейки, создадутъ водные пути въ Канадѣ. Такимъ образомъ, Фурье—какъ и Сень-Симонъ—предвосхитилъ нѣкоторыя изъ наиболѣе грандіозныхъ попытокъ нашей эпохи и восхвалялъ «Гармонію», которая благодаря своей организаціи въ десять, въ сто разъ увеличила бы энергію и инициативу народовъ.

IX.

Фурье, какъ это бываетъ съ большинствомъ соціальныхъ реформаторовъ, былъ крайне суровъ по отношенію къ тѣмъ, кто наряду съ нимъ, но нѣсколько иными путями, стремился къ обновленію общества. Онъ часто высмѣивалъ своего современника Оуэна, несмотря на то, что опыты этого геніальнаго англичанина увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Достигнутые Оуэномъ практическіе результаты составляли даже прямую противоположность неудачамъ фурьеристовъ—въ особенности, неудачному опыту Бодэ-Дюлари (1832 г.).

Относительно многихъ пунктовъ Оуэнь придерживался оригинальныхъ и отличныхъ отъ проводимыхъ францужскимъ философемъ взглядовъ. Онъ, на примѣръ, пошелъ дальше Фурье, признавъ общность имущества и распредѣленіе продуктовъ сообразно съ насущными потребностями. Въ его теоріи отсутствуетъ понятіе о божествѣ (любопытная для того времени особенность), а религія сводится къ благотворительности, къ поискамъ за правдой, къ любви, къ стремленію ко всеобщему счастью.

Опередивъ современныя ему криминалистскія школы, онъ утверждалъ, что человѣкъ—продуктъ окружающей его среды и, какъ таковой, не можетъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки, а потому Оуэнь считалъ необходимымъ уничтоженіе наградъ и наказаній. Но онъ приближался къ Фурье въ томъ отношеніи, что въ своей знаменитой запискѣ, представленной имъ аахенскому конгрессу, онъ доказывалъ параллельный ростъ производительныхъ силъ и нищеты, требовалъ, чтобы преимущества, даваемые машинами, пошли на общую пользу и стоялъ за учрежденіе немногочисленныхъ общинъ, которыя занимались бы въ одно и то же время сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью.

Мы сочли необходимымъ указать въ нѣсколькихъ словахъ на взгляды Оуэна; но, чтобы не выйти изъ рамокъ нашей задачи, мы должны отказаться отъ детальнаго изученія теорій этого соціальнаго реформатора. Прибавимъ только, что Фурье часто выдвигалъ противъ Оуэна обидныя обвиненія и особенно его упрекалъ за его коммунизмъ, за его атензмъ и за то, что тотъ придавалъ слишкомъ большое значеніе развитію мануфактурнаго производства.

Х.

Соціалісты второй половины XIX в. гораздо строже относились къ писателямъ 1840—1848 г.г.—къ Луи-Блану Пьеръ-Леру, Пекеру и т. д.,—чѣмъ къ Сень-Симону и Фурье. Возможно, что упреки, которые посылались по адресу сочиненій «Organisation du travail» и «Traité des améliorations matérielles» не совсѣмъ справедливы. Именно потому, что современный соціализмъ объявляетъ себя научнымъ и противопоставляетъ себя утопіи или чистой идеологіи,—именно поэтому онъ долженъ былъ бы проявить нѣкоторое великодушіе по отношенію къ прошлому. Невозможно было сразу дойти до того пѣлаго міросозерцанія, которое Марксъ, Энгельсъ, ихъ современники и послѣдователи, координировали и привели въ стройную систему. Но мы еще вернемся къ этому вопросу.

Если Сень-Симонъ и Фурье были пощажены критикой, то они этимъ обязаны тому, что ихъ дѣятельность ограничивалась литературно-теоретической областью. Луи-Бланъ, Видалъ, Пекеръ, Прудонъ, Консидеранъ, наоборотъ, прямо или косвенно, принимали участіе въ политическомъ управленіи Франціи въ торжественный моментъ въ исторіи развитія демократіи. Недовѣріе, которое эти мыслители могли вызвать своими практическими дѣйствіями, нерѣдко, совершенно несправедливо, переносилось на ихъ сочиненія.

Фурье принадлежитъ та заслуга, что онъ далъ намъ исчерпывающую критику капитализма, подробное и полное описаніе соціального паразитизма, вѣрную и убѣдительную оцѣнку преимуществъ коллективныхъ дѣйствій. Всѣ соціалистическіе писатели 1830—1848 г.г. немало позаимствовали у Фурье для своихъ сочиненій. Безъ автора «Новаго Свѣта» ни французскій, ни даже нѣмецкій соціализмъ не получили бы такого широкаго распространенія, какимъ знаменуется конецъ іюльской монархіи. И какъ бы мало революціонны были эти два предвѣстника соціализма, какъ бы отрицательно они ни относились къ пролетарскому возстанію,—они все же оказали вліяніе на революцію 1848 г. Фурье, въ особенности своими нападками на капитализмъ и на его недостатки и противорѣчія, проложилъ дорогу для самыхъ крайнихъ коммунистическихъ теорій. Болѣе того, онъ является законнымъ отцомъ этихъ теорій, несмотря на всю очевидную революціонность послѣднихъ по сравненію съ фаланстерскими идеями.

Консидеранъ.

I.

Викторъ Консидеранъ представляетъ собой переходную ступень отъ періода предвѣстниковъ социализма къ періоду политическихъ писателей 1840 г. Онъ является прямымъ послѣдователемъ Фурье, мысли котораго онъ старается передать и развить; но въ то же время онъ является выразителемъ болѣе крайнихъ и болѣе настоятельныхъ требованій пролетаріата, ставшаго болѣе сознательнымъ. Соціальная война, которая до него разсматривалась, какъ глѣчто отвлеченное, получаетъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ характеръ постоянной угрозы.

Онъ въ очень ясныхъ и категорическихъ выраженіяхъ формулировалъ понятіе о противорѣчій классовыхъ интересовъ. Впрочемъ, его ученіе, особенно его критика людей и учреждений, сильно эволюционировали отъ его сочиненія «Судьбы общества», («Destinée sociale») появившагося въ 1884 г. и вышедшаго позднѣе вторымъ изданіемъ, до его произведеній «Принципы социализма», «Социализмъ передъ Старымъ Свѣтомъ», появившихся въ 1847 и въ 1848 г. Журналистъ и депутатъ, выдвинутый событіями въ руководителя демократической партіи, онъ вынужденъ во вторую половину своей жизни порвать со спокойнымъ методомъ, получившимъ выраженіе въ трудахъ, написанныхъ имъ въ періодъ его кабинетной жизни. Человѣкъ дѣла, онъ мѣняетъ, если не свои теоріи, то, по крайней мѣрѣ, ихъ выраженіе и выводы. Онъ, такимъ образомъ, носитъ на себѣ печать двойного вліянія: онъ находится подъ вліяніемъ идей своихъ предшественниковъ, а также подъ вліяніемъ эпохи, въ которую ему приходится жить и дѣйствовать. Обстоятельства заставили его собрать и конденсировать положенія своего учителя, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе повседневной борьбы. Интересно послѣдовательно прослѣдить у него два главныя вліянія, только что нами отмѣченныя; для этого достаточно изложенія идей Консидерана.

II.

Мы не намѣрены подробно останавливаться на уже разобранныхъ вами фурьеристскихъ воззрѣніяхъ, получившихъ выраженіе въ «Судьбахъ общества» Консидерана. Слѣдуетъ, однако, дать краткій очеркъ этихъ воззрѣній, хотя бы для того, чтобы обнаружить различія, существующія между авторомъ «Новаго свѣта» и его наиболѣе извѣстнымъ послѣдователемъ.

«Судьбы общества» не пытаются низвергнуть французское правительство.

Какъ разъ наоборотъ, тамъ помѣщено посвященіе королю, какъ «главѣ государства и первому собственнику, наиболее заинтересованному въ порядкѣ, процвѣтаніи государства и отдѣльныхъ лицъ, въ счастье гражданъ и народовъ». Такъ писалъ Консидеранъ въ 1834 г. Изданію 1847 г. онъ предпосылаетъ новое предисловіе, въ которомъ заявляетъ, что не питаетъ больше прежняго довѣрія къ правительству Людовика-Филиппа.

«Организація общины—это краеугольный камень общественнаго зданія. До тѣхъ поръ, пока въ общинѣ будетъ существовать противоположность интересовъ, невозможно будетъ имѣть хорошее правительство, какъ бы совершенно оно ни было... До сихъ поръ занимались организаціей войны и финансовъ, а не организаціей промышленности и труда, этихъ созидателей жизни».

Исходя изъ этихъ принциповъ, Консидеранъ, по примѣру Фурье, старается найти законы и механизмъ новаго общественнаго строя, ибо онъ не вѣритъ въ возможность усовершенствованія существующаго дурного и несправимаго строя. Господствующая въ немъ анархія, раздробленность и внутренніе раздоры готовятъ его крушеніе. Огромная масса труда и энергія тратится непроизводительно; болѣе того, даже трудъ, участвующій въ производствѣ, не достигаетъ той производительности, которую онъ имѣлъ бы при нормальныхъ условіяхъ. Конкуренція, являющаяся душой современнаго строя, приводитъ къ монополіи—съ одной стороны и къ обнищанію наемныхъ рабочихъ—съ другой.

Что касается торговли, то ученикъ Фурье на нее обрушивается съ немалой яростью, чѣмъ родоначальникъ школы. Купцовъ онъ то называетъ «вампирами», то сравниваетъ ихъ съ «бандитами разбойничьихъ шаекъ». «Современный социальный строй противорѣчитъ общиннымъ интересамъ гражданъ и народовъ. Онъ истощаетъ общественный организмъ».

Мы не станемъ останавливаться на его историческомъ очеркѣ жизни человѣчества, не представляющемъ собою ничего оригинальнаго. Говоря о будущемъ строѣ, Консидеранъ высказываетъ достойную вниманія мысль, а именно, что общество будущаго должно быть основано на дѣйствительномъ изобиліи благъ. «Гармоническое развитіе общественныхъ чувствъ должно опираться на широкую основу общественныхъ богатствъ». Иначе даже невозможна никакая свобода. «Образованіе, свобода, счастье и гармонія невозможны безъ крупнаго роста общественныхъ богатствъ».

Этотъ ростъ общественныхъ богатствъ, являющійся необходимымъ условіемъ всякаго прогресса, будетъ достигнуть, какъ путемъ научныхъ открытій, такъ и путемъ рациональнаго сочетанія силъ. Предлагаемая имъ форма ассоціаціи одинаково далека, какъ отъ крайняго индивидуализма, такъ и отъ коммунизма. Коммунизмъ или, другими словами, сведеніе всѣхъ людей подъ одинъ уровень, влечетъ за собою несправедливость и анархію и представляетъ собою не что иное, какъ особый видъ деспотизма.

Консидеранъ не вводитъ ничего новаго въ фаланстеръ. Замѣтимъ, однако, что онъ посвящаетъ много любопытныхъ страницъ роли машинъ. Въместо того,

чтобы выбрасывать рабочих на улицу, разорять их путем лишения труда, машины будут служить интересам рабочих и увеличат, для общей пользы, производительность труда. Авторъ «Судебъ общества», по примѣру Фурье, распространяется также и о гигиенѣ и санитаріи государства будущаго, которыя онъ противопоставляетъ нездоровой атмосферѣ нашихъ городовъ и деревень, гдѣ масса людей въ одно и то же время лишены жилища, одежды и пищи. Жилище служитъ показателемъ фазы цивилизаціи, достигнутой человѣчествомъ: «Общественное развитіе, которое приведетъ человѣчество къ «гармоническому» періоду, создастъ дворцы тамъ, гдѣ раньше стояли глинобитныя избушки». И давши подробное описаніе своей коммуны и открывъ широчайшіе горизонты искусству, Консидеранъ восклицаетъ: «Все это слишкомъ прекрасно, чтобы не быть самой истинною и не соответствовать великому назначенію человѣка, осуществленію воли Божьей на землѣ».

Воспитаніе, занимающее такое видное мѣсто въ ученіи Фурье, естественно, должно было привлекать къ себѣ и вниманіе Консидерана. Третій выпускъ «Судебъ общества» цѣлкомъ посвященъ этому вопросу, и защищаемыя тамъ (съ поразительнымъ богатствомъ аргументаціи) идеи сохраняютъ все свое значеніе и въ настоящее время. Общество обязано дать каждому гражданину раціональное образованіе. Въ настоящее время образованіе носитъ чисто-военный характеръ: «учатъ людей тому, какъ они должны подставлять свою грудь подъ пули пушекъ».

Образованіе, получаемое богатымъ классомъ, настолько непроизводительно и нелѣпо, что ни подъ какимъ видомъ не можетъ считаться образцовымъ. Въ самомъ дѣлѣ, основанное на подавленіи свободы, порабощеніи ума и единообразіи методовъ, оно не въ состояніи воспитать полезныхъ гражданъ. Кромѣ того, такъ какъ современное образованіе носитъ въ большинствѣ случаевъ характеръ домашняго воспитанія, то оно поддерживаетъ понятія объ общественныхъ различіяхъ и вслѣдствіе этого идетъ въ разрѣзъ съ требованіями раціональнаго воспитанія. Необходимо поэтому совершенно отказаться отъ практикующихся нынѣ методовъ воспитанія.

Воспитаніе должно быть единымъ и цѣльнымъ: должны быть устранены противорѣчія между религіозными вѣрованіями и научными данными; оно не будетъ долго продолжаться, дабы человѣкъ возможно меньше оставался паразитомъ и уже съ ранняго возраста выполнялъ полезную функцію. Оно будетъ всеобщимъ, каждый гражданинъ получитъ воспитаніе, соответствующее его призванію, свободное отъ всякаго произвола, цѣльное, а не частичное, оно не будетъ имѣть принудительнаго, а потому и отталкивающаго характера.

Изъ сказаннаго видно, что теорія Консидерана составляетъ прямую противоположность классической теоріи, состоящей въ томъ, чтобы воспитать привилегированное меньшинство избранныхъ и развивать нѣкоторыя ихъ способности, насчетъ всѣхъ остальныхъ.

Дѣло образованія, находящееся въ настоящее время, главнымъ образомъ, въ рукахъ частныя лицъ и лишь въ незначительной степени—въ вѣдѣніи

государства, цѣликомъ перейдетъ къ коллективности: къ фаланстеру. Послѣдній одинъ только можетъ и долженъ сообразоваться съ изложенными принципами, иначе онъ бы не отвѣчалъ своему назначенію—обеспечить гражданамъ развитіе и благоденствіе. Заинтересованный въ томъ, чтобы имѣть сотрудниковъ во всѣхъ областяхъ, фаланстеръ будетъ избѣгать воспитанія, дающаго исковерканныхъ и слабыхъ людей, и будетъ имѣть въ виду, что его будущность зависитъ отъ полнаго развитія естественнаго призванія каждаго изъ его членовъ.

Консидерантъ, оставаясь всегда вѣрнымъ мысли Фурье, придаетъ ей больше широты и дѣлаетъ всѣ соотвѣтствующіе выводы изъ его превосходной педагогической формы. Ничего изъ всего того, что писалось въ XIX в. по вопросу объ общественномъ воспитаніи, не отличается большей красотой, обоснованностью и полнотой. Одного этого было бы достаточно, чтобы считать Консидерана однимъ изъ наиболѣ заслуженныхъ защитниковъ демократіи. Но, указавъ на одну сторону его экономическихъ и моральныхъ воззрѣній, намъ слѣдуетъ перейти къ анализу второй стороны его ученія.

III.

Въ своемъ сочиненіи «Принципы социализма» (1847 г.) Консидерантъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ капиталистическій строй. Если къ этому прибавить нѣкоторыя извлеченія изъ другихъ его сочиненій, главнымъ образомъ, изъ его труда «Социализмъ передъ Старымъ Свѣтомъ», то сразу выступаютъ на-ружну различія, существующія между позиціей чистаго фурьеризма и позиціей, которую это ученіе должно было занять послѣ того, какъ оно соприкоснулось съ дѣйствительностью, съ повседневными экономическими явленіями.

Фурье всю свою жизнь взывалъ къ чувствамъ богачей и надѣялся на то, что вотъ-вотъ явится къ нему благородный капиталистъ, который поможетъ ему осуществить его идеи, устроить фаланстеръ. Каковы бы ни были его вападки на существующую анархію и на социальную несправедливость,—онъ никогда не доходитъ до пониманія неизбежности пролетарскаго возстанія; онъ никогда не формулировалъ ясно дѣленія общества на враждебные другъ другу классы.

Въ отличіе отъ него, Консидерантъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ указываетъ на противорѣчіе интересовъ между собственниками и пролетаріями. Цѣлымъ рядомъ выводовъ онъ доказываетъ половинчатый характеръ революціи 1789 г., оставившей нетронутыми перегородки между социальными категоріями.

Она, правда, провозгласила новые принципы права, но она слишкомъ скоро подрѣзала свои крылья и выполнила лишь отрицательную часть своей задачи. Она слишкомъ увлеклась игрой благородныхъ абстракцій, предоставляя времени самому дополнить начатое ей дѣло.

Такимъ образомъ, революція разрушила прошлое, но не позаботилась о будущемъ. Она перевернула вверхъ дномъ всю политическую структуру Франціи, выдвинувъ на авансцену одни соціальные элементы вмѣсто другихъ, но до такой степени игнорировала экономической базисъ, что господство тотчасъ же перешло къ наиболѣе сильнымъ и къ наиболѣе жаднымъ.

Уничтоженіе стѣснительныхъ для массы населенія цеховъ можно было бы защищать лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они были замѣнены другой формой ассоціаціи. А между тѣмъ, дѣятели великой революціи оставили все на произволъ судьбы, и ихъ небрежности мы обязаны всей современной неурядицей. Это положеніе заслуживаетъ вниманія, хотя и находится въ противорѣчій съ фурьеризмомъ, относящимся отрицательно къ государственной власти вообще. Въ этой своей критикѣ Консидеранъ опредѣленно высказывается въ пользу государственнаго вмѣшательства, и его симпатіи къ рѣшительнымъ мѣропріятіямъ государственной власти находились даже въ нѣкоторомъ противорѣчій съ его фаланстерскими идеями. Отметимъ, что подобное противорѣчіе наблюдается и у нѣкоторыхъ соціалистовъ второй половины XIX вѣка, даже у самихъ Маркса и Энгельса.

Конкуренція, анархія, монополія, не замедлили оказать свое пагубное вліяніе сейчасъ же послѣ революціи 1789 г. Трудъ такъ плохо организованъ и такъ сильно эксплуатируется ничтожнымъ меньшинствомъ, что народныя массы находятся въ угнетенномъ и порабощенномъ положеніи. Эта очевидная истина была уже высказана Сень-Симономъ и Фурье, но Консидеранъ ихъ превосходитъ силой своихъ нападковъ и анализомъ условій существованія пролетаріата.

«Промышленная организація—это огромная машина, производящая тѣмъ больше бѣдныхъ и пролетаріевъ, чѣмъ она могущественнѣе и чѣмъ интенсивнѣе ея движенія. Экономисты восхваляютъ свободу, явившуюся результатомъ событій 14 іюля и 4 августа. Но эта свобода означаетъ не что иное, какъ отдачу безоружныхъ и бѣдныхъ массъ во власть вооруженныхъ и богатыхъ... Гдѣ они, эти свободные люди? Вы показываете видъ, что считаете свободными эти безчисленныя массы пролетаріевъ, лишенныхъ капиталовъ и орудій производства и вынужденныхъ, подъ страхомъ безпрестанно витающей надъ ними и надъ ихъ семьями голодной смерти, искать себѣ каждый день новаго господина». Фактически установилась новая аристократія, еще болѣе замкнутая, чѣмъ старая. Бѣдный умираетъ бѣднымъ. Правда, и богатъ рискуетъ впасть въ бѣдность, но, какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что и теперь, какъ и при старомъ режимѣ, извѣстное число семействъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ государственныя функціи: «Въ дѣйствительности, мы все еще живемъ при кастовомъ строѣ»... «Промышленная борьба, замѣнившая собою обыкновенную войну, установила особый видъ крѣпостничества, на этотъ разъ уже не личнаго и не непосредственнаго, а косвеннаго и коллективнаго: установилось господство класса капиталистовъ, собственниковъ машинъ и орудій производства, надъ классомъ обездоленныхъ». И къ этому крѣпостни-

честву относятся точно такимъ же образомъ, какъ когда-то относились къ рабству: никто ему не удивляется, никто имъ не возмущается; «въ глазахъ оффиціального общества, оно является естественнымъ и законнымъ».

Положеніе рабочихъ не только находится въ печальномъ состояніи, оно, чѣмъ дальше, все болѣе и болѣе ухудшается; конкуренція между рабочими понижаетъ заработную плату до крайняго мннума необходимыхъ средствъ существованія. Если и находятся нѣкоторые болѣе человѣчные, болѣе проникнутые сознаніемъ своего долга предприниматели, старающіеся противостоять этому движенію обезцѣниванья рабочей силы, то они безсильны осуществить свои добрыя намѣренія, они должны либо слѣдовать этому движенію, либо разорить себя.

Не одинъ только пролетаріатъ страдаетъ отъ конкуренціи: разлагается и средній классъ, противъ котораго ведется атака и снизу и сверху; близкое и окончательное разореніе этого класса неизбежно. Собственники съ ограниченными средствами, съ небольшимъ землевладѣніемъ, не имѣющіе возможности часто вводить новыя орудія производства, осуждены на неминуемую гибель.

Машинное производство ихъ давитъ и гнететъ; поработивъ работниковъ, оно разоряетъ и этихъ собственниковъ.

Такимъ образомъ, сосредоточеніе экономического могущества развивается съ головокружительной быстротой, слѣдуя неизбежной логикѣ вещей. Промежуточные слои исчезаютъ и вступаютъ въ ряды пролетаріата, который становится огромнымъ резервуаромъ для побѣжденныхъ капиталистическаго строя. Имущіе и немущіе, крупные капиталисты и обездоленные, становятся въ два враждебныхъ другъ другу лагеря, и это противорѣчіе классовыхъ интересовъ свойственно не одной только Франціи: оно проявляется во всѣхъ окружающихъ насъ странахъ, напр., въ Бельгіи и въ Англіи.

Но еще болѣе опасно то, что правительство служитъ интересамъ класса капиталистовъ; всѣ законы имѣютъ въ виду защиту этихъ интересовъ.

Какъ же послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что мы находимся на пути къ самымъ ужаснымъ переворотамъ? «Буржуа не хотять признать, что революція не кончилась, что она будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не установится новый общественный строй». Это заявленіе напоминаетъ собою языкъ Бабефа и его послѣдователей, но мы уже знаемъ, что Консидеранъ расходится съ ними въ своихъ положительныхъ воззрѣніяхъ.

IV.

Консидеранъ провозглашаетъ право на трудъ и право каждаго на обладаніе собственностью, но, по примѣру своего учителя, проповѣдуетъ союзъ капитала съ трудомъ—фаланстерскую ассоціацію.

Самое большее, что онъ допускаетъ, это вмѣшательство государственной власти, въ смыслѣ подготовленія почвы для будущаго строя. Интересно отиѣ-

тять, что, несмотря на то, что Консидерану были ясны революціонныя тенденціи пролетаріата, онъ не думаетъ прибѣгать къ помощи послѣдняго. Онъ его боится: онъ къ нему относится, какъ къ неосмысленной массѣ, руководимой одними лишь инстинктами, неспособной къ творческой работѣ; онъ обращается къ «настоящимъ консерваторамъ», заботящимся объ общемъ согласіи. Онъ ждетъ отъ нихъ чего-то въ родѣ буржуазнаго 4 августа—частичнаго отказа отъ ихъ экономическихъ и политическихъ привилегій.

Онъ относится отрицательно къ коммунизму, основную идею котораго онъ приписываетъ сенъ-симонистамъ и ихъ теоріи о незаконности наслѣдства. А вотъ оцѣнка, которую онъ даетъ разнымъ политическимъ или социальнымъ партіямъ его эпохи. «Политическія фракціи не опираются на опредѣленные принципы и не имѣютъ подъ собой реальной почвы, которая оправдывала бы ихъ существованіе: избирательные и другіе вопросы отжили свой вѣкъ; политическая нечистоплотность и интриги, составляющіе ходячую монету парламентской жизни, дѣлаютъ населеніе равнодушнымъ къ этимъ вопросамъ. Послѣдніе не заслуживаютъ даже никакого вниманія, такъ какъ весь центр тяжести лежитъ въ социальныхъ проблемахъ»...

Что касается партій, занимающихся вопросами экономического характера, то Консидеранъ ихъ дѣлитъ на нѣсколько категорій: на *доктринеровъ*, не предлагающихъ никакого рѣшенія; *ретроградную* или *революціонную демократію*, задающуюся цѣлью замѣнить монархію республикой и уничтожить собственность; наконецъ, *мирную* и *организаторскую детрократію*. Программу этой послѣдней и защищалъ Консидеранъ, не безъ таланта и не безъ риска для своей свободы: его газета «Мирная демократія» была конфискована въ 1847 г., и противъ него было возбуждено судебное дѣло за «разжиганіе ненависти противъ классовъ, лицъ и правительства».

Вмѣсто ассоціаціи, о которой мечталъ авторъ «Новаго Свѣта», Консидеранъ формулируетъ другія идеи: провозглашеніе религіознаго единства путемъ свободы совѣсти—нѣчто въ родѣ сліянія протестантизма, католицизма и рационалистской философіи; замѣву войны третейскимъ судомъ.

Консидеранъ нѣсколько безразлично относится къ образу правленія, и онъ не питаетъ никакой ненависти къ государственному вмѣшательству: этимъ-то и своей болѣе рѣзкой критикой капиталистическаго строя Консидеранъ отличается отъ своего учителя.

Пьеръ Леру.

I.

Подобно тому, какъ Консидеранъ является продолжателемъ школы фурьеристовъ, Пьеръ Леру является послѣднимъ представителемъ Сенъ-Симонизма, впрочемъ, ненадежнымъ.

Авторъ «Egalité», «Humanité», «Ploutocratie» и многихъ другихъ произведеній, какъ и мыслители, о которыхъ намъ уже приходилось говорить, подкупаетъ читателя своей убѣжденностью и преданностью защищаемому имъ дѣлу. Въ этомъ отношеніи онъ, несмотря на неясность мысли и на путанницу, которую онъ внесъ въ понятія о религіи и соціальной экономіи, заслуживаетъ нашего уваженія. Онъ оставилъ послѣ себя рѣзкую критику капитализма. Сенъ-симонизмъ, какъ и фурьеризмъ, уступивъ мѣсто новымъ и лучше отвѣчающимъ запросамъ времени ученіямъ, сталъ рѣзче осуждать современный строй. И сенъ-симонисты и фурьеристы заговорили quasi-революціоннымъ языкомъ въ то время, какъ они питали къ насильственному перевороту или даже къ народной самодѣятельности явно выраженныя чувства боязни и презрѣнія. Въ практической области они также боялись крайнихъ рѣшеній; слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе, признать, что Пьеръ Леру провозгласилъ почти коммунистическіе принципы или, по крайней мѣрѣ, принципы, способные положить начало коммунизму. Правда, онъ ограничился разработкой чисто отвлеченныхъ идей и мало заботился о томъ, чтобы приготовить почву для осуществленія поваго порядка вещей. Онъ не меньше своего учителя увлекался общей философійю; исторія развитія человѣчества привлекала его вниманіе, онъ, несомнѣнно, отдался бы ей всецѣло, если бы не былъ захваченъ потокомъ общественныхъ событій. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, себѣ представить, какое огромное вліяніе оказывала на мыслителей эпохи Людовика-Филиппа рѣзко обозначившееся во вторую половину его царствованія соціальное раздѣленіе общества на классы.

Пьеръ Леру является гуманитарнымъ философомъ, моралистомъ, а отчасти—и метафизикомъ; мы считаемъ его демократомъ и социалистомъ, потому что это былъ одинъ изъ наиболѣе благородныхъ мыслителей его времени, и изъ его сложнаго, часто мистическаго ученія рельефно выдѣляется его стремленіе къ улучшенію быта «наиболѣе многочисленнаго класса», какъ выражались сенъ-симонисты.

II.

Въ основу общества положенъ догматъ о равенствѣ, но на дѣлѣ всюду господствуетъ неравенство, а потому современное общество находится въ

противорѣчіи съ божеской волею, не терпящей различій между людьми. До тѣхъ поръ, пока эти различія будутъ существовать, не будетъ справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ, а будетъ существовать угнетеніе однихъ другими. Пьеръ Леру не основываетъ, слѣдовательно, своего ученія на экономическихъ выводахъ, на анализѣ производственныхъ отношеній. Онъ поступаетъ иначе: господство буржуазіи и сосредоточеніе капиталовъ и машинъ для него служатъ лишь аргументомъ въ пользу его заключеній; его діалектическая мысль съ такимъ же успѣхомъ могла бы принять другое направленіе.

Монтескье не понялъ необходимости соціальной инвеллировки; Руссо, напротивъ того, восхвалялъ ее и въ этомъ отношеніи стоялъ неизмѣримо выше автора книги «Духъ законовъ». Для созданія идеальнаго строя достаточно замѣнить принципы, являющіеся основой существующаго строя, въ которомъ господствуетъ неравенство, новыми, противоположными имъ принципами.

Въ настоящее время неравенство господствуетъ въ промышленности, гдѣ орудія производства сосредоточены въ рукахъ небольшой кучки людей; оно кладетъ свою печать на судопроизводство; благодаря ему, самая свобода мысли превращается для рабочаго класса въ одно лишь отвлеченное право; оно проявляется, наконецъ, въ подчиненномъ и безправномъ положеніи женщины.

Если присмотрѣться къ современной Франціи, то придется констатировать, что равенство всюду и во всемъ нарушается, и что нація дѣлится на различныя и враждебныя другъ другу касты. Собственники не составляютъ большинства населенія, какъ это утверждаютъ иные, а образуютъ лишь незначительное его меньшинство. Изъ 35-ти милліоновъ гражданъ 12 милліоновъ лишены всего или почти всего, обречены на нужду, безработицу, на жалкое существованіе; 4 милліона нищихъ, 4 милліона бѣдныхъ, 4 милліона наемныхъ рабочихъ, безъ опредѣленныхъ источниковъ дохода.

А вотъ вѣрная картина положенія страны: «190.000 лицъ образуютъ огромный торговый домъ, называющейся Франціей, и владѣющей неисчислимыми капиталами. Въ этомъ домѣ заняты 34 милліона служащихъ, рабочихъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Торговля оперируетъ валовой доходъ, по крайней мѣрѣ, въ 9 милліардовъ. Наемнымъ рабочимъ и служащимъ уплачивается, приблизительно, 5 милліардовъ; торговый домъ получаетъ около 4 милліардовъ чистой прибыли». Если бросимъ ретроспективный взглядъ на античный періодъ, то окажется, что не всегда справедливость была пустымъ звукомъ. Тутъ Пьеръ Леру впадаетъ въ ошибку, которая часто повторялась и до него: онъ представляетъ намъ Спарту и утопическую республику Платона, какъ образцы справедливаго распределенія продуктовъ. Христіанство уничтожило касты и различія между отдѣльными соціальными категориями, и въ этомъ заключается величайшая его заслуга. «До извѣстной степени Евангеліе представляетъ собою попытку придать глубокой смыслъ принципу равенства, положенному въ основу древнихъ республикъ», и общая

трапеза является символомъ этого стремленія. Вотъ положеніе, которое Леру разпаваетъ въ своемъ сочиненіи «Равенство», появившемся въ 1838 г.

Все зло современнаго строя вытекаетъ изъ того, что люди забыли принципы, завѣщанные древней культурой и христіанствомъ. Предшествующая жизнь человѣчества содержала въ зародышѣ демократію, но на протяженіи вѣковъ мало-по-малу было забыто ученіе Платона и Христа. Грубая сила взяла верхъ надъ правомъ, или, вѣрнѣе, ловкіе писатели, старавшіеся сохранить современныи строй, сумѣли обратить эту грубую силу въ право. Если мы теперь ищемъ рѣшенія социальныи проблемъ, то это потому, что мы поияли этотъ многовѣковъи разладъ между дѣйствительностью и правомъ и стремимся приспособить первую ко второй.

III.

Заключенія Пьера Леру носятъ довольно сложный характеръ; ихъ философская или метафизическая сторона составляетъ предметъ книги «Человѣчество» (1840 г.), а ихъ экономическая или политическая сторона получила выраженіе въ произведеніи «Афоризмы доктрины», изданномъ Дежажемъ и Августомъ Демулевымъ въ 1848 г.

Религія—это необходимое условіе социальнаго благополучія. Религія есть не что иное, какъ пытающаяся познать себя философія, точно также, какъ философія—это пытающаяся найти себя религія. Не заключается ли въ этомъ положеніи самая сущность сенъ-симонистской доктрины, съ ея неизмѣнной попыткой примирить рационализмъ съ догмой?

Человѣкъ долженъ ждать отъ Бога рѣшенія жизненныхъ вопросовъ, и вся роль современныхъ писателей сводилась къ тому, чтобы выдѣлить изъ Моисеева и христіанскаго ученія заключающіяся въ нихъ истины. Они разрушили форму, но оставили нетронутой самую сущность.

Въ видахъ осуществленія равенства, всѣ люди объявятъ себя гражданами, членами и сотрудниками новаго общества, республики, основанной на принципахъ свободы и братствѣ. Въ основѣ всякаго учрежденія лежитъ «тріада». Напримѣръ: ассоціація должна будетъ удовлетворить тремъ элементамъ нашей психики: ощущенію, чувству и познанію. Три учрежденія будутъ управлять государствомъ: административное, воспитательное и законодательное. Воспитаніе будетъ состоять изъ трехъ частей: гимнастики, воспитанія въ собственномъ смыслѣ слова и образованія. Можно было бы еще продолжать въ томъ же духѣ; слѣдуетъ, однако, себя спросить, каково положительное значеніе этихъ своеобразныхъ, повторяющихся на каждомъ шагѣ комбинацій.

Пьеръ Леру—и это несравненно болѣе интересно—приходитъ къ почти коммунистическимъ выводамъ.—Каждый человѣкъ имѣетъ право на жилище, пропитаніе и одежду, но это индивидуальное право не должно противорѣчить

праву остальныхъ гражданъ. Каждый человекъ можетъ владѣть собственностью, потому что каждому должна быть предоставлена возможность пользоваться опредѣленными предметами въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ. Это почти то же самое, что Робеспьеръ включилъ въ свою знаменитую декларацию правъ, которую онъ защищалъ въ якобинскомъ клубѣ, чтобы потомъ отъ нея отказаться въ Конвентѣ.

Но Леру идетъ еще дальше; но крайней мѣрѣ, его «Афоризмы доктрины» гораздо болѣе радикальны. Недостаточно измѣнить организацію собственности, заявивъ, что она является простымъ договоромъ и что она находится въ зависимости отъ воли договаривающихся. Орудія производства и сырье будутъ сосредоточены въ рукахъ государства. На обязанности послѣдняго будетъ лежать—привести въ соотвѣтствіе производство съ потребностями; государство, слѣдательно, должно будетъ управлять всѣми работами. Что касается производителей, то они будутъ распределены сообразно ихъ способностямъ и будутъ вознаграждаться соотвѣтственно оказываемымъ ими услугамъ и въ зависимости отъ ихъ потребностей.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Пьеръ Леру, вообще, послѣдователь Сень-Симона, значительно расширилъ соціальныя воззрѣнія сень-симонистской школы, враждебно относившейся къ коммунизму. Точно такъ же, какъ Консидеранъ, Пьеръ Леру стоитъ между предвѣстниками социализма—съ одной стороны и коммунистами или коллективистами 1840 г.—съ другой. Въ этомъ и заключается все значеніе его теоріи, во многихъ отношеніяхъ устарѣлой и смѣшной.

Луи-Бланъ.

I.

Мысли Консидерана и Пьера Леру непосредственно заимствованы изъ теорій Фурье и Сень-Симона. Луи-Бланъ и Видаль даютъ намъ въ своихъ произведеніяхъ формулу соціальной реформы, имѣющую болѣе политической характеръ и болѣе близкую къ осуществленію. Консидеранъ, Пьеръ Леру, Луи-Бланъ, Видаль, Пекеръ, Кабэ и Прудонъ составили то, что мы уже назвали школой 1840 г.

Эта школа, представляющая собою, въ сущности, не что иное, какъ соединеніе людей различныхъ темпераментовъ, стремленій и философскихъ воззрѣній, придавъ высшую степень ясности и опредѣленности французской соціалистической мысли періода, предшествовавшаго революціи 1848 г., съ которой совпало опубликованіе «Коммунистическаго Манифеста». Никому изъ

перечисленныхъ нами мыслителей не удалось формулировать эту социалистическую мысль во всей ея полнотѣ, но каждый изъ нихъ содѣйствовалъ образованію элементовъ доктрины, во многихъ отношеніяхъ похожей на доктрину знаменитаго документа, подписаннаго Марксомъ и Энгельсомъ.

Луи-Бланъ и Видаль указали на необходимость прибѣгнуть къ государственной власти и обосновали принципъ захвата общественной власти, какъ необходимаго предварительнаго условія всякой революціи. Пекеръ и Кабэ первые дали намъ подробное изложеніе коллективизма и коммунизма. Наконецъ, Прудонъ рельефно изобразилъ противорѣчіе классовыхъ интересовъ, указалъ на недостатки частной собственности, на постоянную эксплуатацію наемнаго рабочаго капиталистомъ, обнаружилъ внутреннія противорѣчія экономического строя, порождающаго тѣмъ болѣе несчастныхъ, чѣмъ больше онъ производитъ богатствъ. Собравъ все это воедино, мы получили почти полное выраженіе марксизма. И тѣмъ не менѣе, міровоззрѣніе этой школы во многомъ отличается отъ ученія, которое положено въ основу международнаго социализма. Во-первыхъ, всѣ названные мыслители насквозь пропитаны идеализмомъ и на каждомъ шагу то и дѣло ссылаются на отвлеченныя права и справедливость. Во-вторыхъ, они не дошли до историческаго матеріализма, т. е. до объясненія исторіи развитіемъ производственныхъ отношеній; они поэтому не могли доказать съ достаточной ясностью, что естественное развитіе капиталистическаго строя должно привести всѣ народы къ новой исторической фазѣ, и что этотъ переходъ можетъ совершиться сравнительно слабыми толчками и съ минимумомъ усилій. Слѣдуетъ, вмѣстѣ со многими другими современными социалистическими писателями, прибавить, что историческій матеріализмъ не составляетъ одного цѣлаго со всѣми законами марксистской теоріи, и можно не признавать перваго безъ того, чтобы этихъ хоть сколько нибудь была подорвана теорія прибавочной стоимости или же теорія промышленной и сельскохозяйственной концентраціи.

Французскіе писатели 1840 г., которыхъ мы соединили въ одну группу для т. го, чтобы привести въ систему ихъ теорій, на дѣлѣ не образуютъ тѣсно сплоченной группы, въ родѣ школы сенъ-симонистовъ или фурьеристовъ. Въ дѣйствительности, между этими писателями не было ничего общаго, развѣ только эпоха, въ которой они жили. Ихъ стремленія находились между собой въ рѣзкомъ противорѣчій. Наряду съ Луи-Бланомъ и Видалемъ, которые ожидаютъ отъ общественной власти выполненія всей работы социальнаго переворота и не побоятся предоставить правительству самыя широкія права, — наряду съ ними мы видимъ Прудона, считающаго необходимыми условіемъ обновленія общества полное уничтоженіе государственной власти. Онъ не только не довѣряетъ послѣдней руководительство рѣшающими общественными актами, онъ ее ненавидитъ всѣми фибрами своей души; онъ въ ней видитъ лишь орудіе для пораженія народа. Марксъ, наоборотъ, дѣлаетъ различіе между общественной властью, которая можетъ въ будущемъ перейти къ пролетаріату, и современнымъ государствомъ, носящимъ буржуазно-классовой характеръ.

Между писателями 1840 г. существовали еще разногласія и по другому пункту. Луи-Бланъ и Видаль, точно такъ же, какъ Пекеръ и Кабе, вѣрили въ возможность сближенія, союза между буржуазіей и пролетаріатомъ; они вѣрили въ возможность сотрудничества этихъ двухъ классовъ въ видахъ выработки новой соціальной конституціи. Они сохранили несокрушимую вѣру предвѣстниковъ соціализма въ человѣческое великодушіе. Они надѣялись на капиталистическое 4 августа и не допускали вѣроятности народнаго движенія. Прудонъ, напротивъ того, не переставалъ выдвигать на первый планъ понятіе о противорѣчии классовыхъ интересовъ, и лѣтлопытно видѣть, какъ этотъ мелкобуржуазный мыслитель, практическіе проекты котораго выражаютъ тенденцію буржуазіи, съ самаго начала и до конца своей дѣятельности предостерегаютъ пролетаріевъ отъ компромиссовъ съ предпринимателями.

Можно было бы подчеркнуть и другія разногласія, но они сами будутъ выступать наружу по мѣрѣ изложенія взглядовъ интересующихъ насъ мыслителей. А пока мы лучше оставимся на роли, которую соціалистическая пропаганда играла въ подготовленіи февральскихъ дней.

До 1832 и 1833 годовъ пролетаріатъ оставался въ сторонѣ отъ какой бы то ни было соціальной пропаганды. «Бесѣды» сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ предназначались скорѣе для интеллигентовъ, чѣмъ для рабочихъ, и всѣ лица, принимавшія участіе въ работахъ этихъ двухъ сектъ, принадлежали къ крупной или средней буржуазіи. Во время реставраціи оппозиція отстаивала исключительно политическія требованія, какъ расширеніе избирательнаго права, ограниченіе монархической власти и т. д. Въ началѣ царствованія Людовика-Филиппа опять-таки одни лишь политическіе вопросы привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе, такъ какъ польскія баррикады привели къ образованію республиканской партіи. Ліонское возстаніе 1831 г. явилось неожиданнымъ ударомъ. Оно сразу выдвинуло на первый планъ соціальные требованія, долгое время оставшіяся въ скрытомъ состояніи. Для всѣхъ стало ясно, что на сцену выступили новые, вышедшіе изъ тѣни люди, требуя своей доли богатствъ и счастья. Возстаніе ткачей, написавшихъ на своемъ знамени: «жить въ трудѣ или умереть въ борьбѣ», освѣтило яркимъ свѣтомъ ученія сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ. Оно привело къ тому, что республиканскія общества, отличавшіяся активностью и революціонностью, включили въ свою программу пункты съ соціалистическимъ оттѣнкомъ. Почва была какъ нельзя лучше подготовлена для воспріятія идей, которыя проповѣдывали Луи-Бланъ и его современники.

Если февральская революція рѣзко отличалась отъ революцій 1789 и 1830 гг., если она была отмѣчена грандіознымъ рабочимъ возстаніемъ, если она въ первые дни имѣла видъ торжества народной демократіи, то всѣми этими особенностями она обязана тѣмъ самымъ мыслителямъ, которыхъ мы перечислили. Пролетаріатъ 1848 г. еще не проникся сознаніемъ противорѣчій классовыхъ интересовъ; онъ думалъ, что его господа могли бы съ нимъ соединиться, чтобы положить конецъ его рабству, и что всеобщее избирательное

право послужить введеніемъ къ обобществленію собственности. Въ этомъ отношеніи пролетаріатъ придерживался ошибочныхъ взглядовъ, которые ему вбивало въ голову большинство тогдашнихъ книгъ и брошюръ; но хотя его тактика не отличалась увѣренностью, хотя онъ ошибался относительно самаго способа его эмансипаціи, но зато онъ уже зналъ, что его подчиненное положеніе является результатомъ всей совокупности экономическихъ отношеній. Онъ научился понимать, что политическія завоеванія не дадутъ ничего или почти ничего, что на нихъ должно смотрѣть, какъ на средства, но отнюдь не какъ на самостоятельную цѣль.

Онъ убѣдился въ томъ, что корень всѣхъ золъ лежитъ въ сосредоточеніи орудій производства въ рукахъ меньшинства, и что его страданія прекратятся лишь въ тотъ день, когда будетъ уничтожена эта монополія. Вотъ почему пролетаріатъ, направившись къ городской ратушѣ, требовалъ не только всеобщаго избирательнаго права—къ которому онъ относился далеко не безразлично, — но также и права на трудъ, санкціи этого права и организаціи труда.

Такимъ образомъ, февральскіе дни представляются, какъ пролетарское возстаніе, хотя и переплетавшееся съ возстаніемъ мелкой буржуазіи. Вторая республика, по крайней мѣрѣ, въ періодъ ея творческой работы и наибольшей жизнеспособности, занимаетъ мѣсто между двумя возстаніями рабочаго класса: первое, полное надеждъ, а второе, іюньское, полное отчаянія. Оба эти возстанія являются результатомъ пропаганды, которая велась въ разныхъ формахъ во второй половинѣ іюльской монархіи;—Луи-Бланъ и Видалъ, Консидеранъ и Леру, Пекеръ и Кабэ, Прудонъ и Бланки — всѣ они содѣйствовали упроченію новаго демократическаго сознанія. Ихъ дѣятельность не ограничивалась одной теоріей; они не довольствовались распространеніемъ воззрѣній и идей, которыя медленно производили бы переворотъ въ умахъ и подготовили бы будущія поколѣнія для новыхъ формъ жизни. Ихъ вліяніе было непосредственное, ихъ идеи, жадно воспринятыя пролетаріатомъ, сознаніе котораго вдругъ пробудилось, благодаря ліонскимъ и парижскимъ возстаніямъ, вызвали къ жизни народную силу, и благодаря сложившимся обстоятельствамъ эти люди были въ одно и то же время и мыслителями, и писателями, и вожаками революціи. Эта-то особенность, да еще разнообразіе высказанныхъ ими взглядовъ, придаютъ интересъ изученію французской школы 1840 г.

II.

Первое мѣсто въ этомъ обзорѣ заслуживаетъ Луи-Бланъ, во-первыхъ, потому, что онъ предлагаетъ рѣшенія болѣе умѣренныя, а слѣдовательно, восяція болѣе политическій характеръ, чѣмъ Кабэ или Пекеръ; во-вторыхъ, потому, что тѣ самыя событія, которыя поставили его у власти, позволили ему произвести опытъ надъ прак-

тическимъ примѣненіемъ своихъ идей; наконецъ, потому, что распространеніе его идей среди рабочаго класса достигло необычайной интенсивности. Мысли, которыя онъ проводитъ въ книжкѣ «Организація труда», стали девизомъ и лозунгомъ февральскихъ дней. Нѣтъ сомнѣнія, Прудонъ проявляетъ большую глубину анализа, большую силу діалектическаго мышленія и производитъ болѣе систематическій переворотъ во всѣхъ установившихся понятіяхъ; но произведенія «Трактатъ о собственности» и «Противорѣчія», съ ихъ слишкомъ сжатой аргументаціей, не были еще доступны широкимъ массамъ. Напротивъ того, книжка Луи-Блана, написанная простымъ, но сильнымъ языкомъ, съ приемами ораторскаго искусства, а подчасъ и высокаго краснорѣчія, лучше дѣйствовала на французскую народную массу, которая въ эпоху сороковыхъ годовъ, больше чѣмъ когда либо, была сантиментально настроена. Прудону особенно вряжутся логическіе выводы, Луи-Бланъ даетъ намъ пространныя соціальныя замѣтки, вскрывающія всю массу нищеты, существующей въ современномъ обществѣ, угнетеніе наемныхъ рабочихъ, учащеніе безработицы, порабощеніе мелкаго земледѣльца. Онъ имѣлъ успѣхъ, которымъ обязанъ своему литературному стилю, романтическому способу изложенія и состраданію къ обездоленнымъ; этотъ успѣхъ былъ настолько значителенъ, что «Организація труда» выдержала до 1847 г. семь изданій.

Въ предлагаемой нами критикѣ, вѣрнѣе обзорѣ, намъ хотѣлось бы отличить двѣ стороны. Было-бы несправедливо смѣшать полигическаго дѣятеля съ мыслителемъ и недовольство, вызываемое поступками и ошибками перваго, перенести на втораго.

Въ 1848 г. Луи-Бланъ самымъ рѣшительнымъ образомъ объявлялъ себя соціалистомъ: нѣтъ никакого основанія не считать его таковымъ, потому, что онъ въ своихъ трудахъ, дѣйствительно, пришелъ къ коммунистическимъ выводамъ. Пригласивъ его къ участію во временномъ правительствѣ, его коллеги стремились, съ одной стороны, дискредитировать соціализмъ, а съ другой стороны—поставить Луи-Блана въ противорѣчіе съ самимъ собою; они, къ тому же, въ данномъ случаѣ уступили народному натиску, настоянію толпы, требовавшей, чтобы ея представителю было предоставлено мѣсто въ центральномъ органѣ государственной власти.

Революція—это пробный камень экономическихъ, политическихъ и социальныхъ доктринъ. Подобно тому, какъ парижская Коммуна доказала несостоятельность прудонизма, заставивъ прудонистовъ рѣшиться на акты, которые они порицали, и раньше всего—на захватъ государственной власти, — подобно этому и февральская революція нанесла смертельный ударъ теоріи Луи-Блана, или, вѣрнѣе, положенію о сеструдничествѣ классовъ. Никто не сомнѣвается въ искренности желанія Луи-Блана осуществить крупныя преобразованія, о которыхъ онъ мечталъ. Мы полагаемъ, что, согласившись вступить во временное правительство—а такое вступленіе не противорѣчило тогдашнимъ взглядамъ пролетаріата, — онъ это сдѣлалъ не изъ-за честолюбія, а потому, что хотѣлъ принести пользу народу.

Нѣтъ никакой надобности извращать факты и искать лишь въ мотивахъ личнаго интереса стимулы поступковъ людей. Мы не станемъ даже останавливаться на томъ, какъ быстро испарилась идея коммунизма у писателя, ставшаго у власти и вынужденнаго воевать на два фронта: съ одной стороны—противъ выдвинушаго его пролетаріата, а съ другой—противъ остальныхъ членовъ правительства, обезумѣвшихъ отъ страха передъ лѣвой партіей. Мы это дѣлаемъ потому, что желаемъ остаться вѣрнымъ нашей основной задачѣ, которой чужда всякая полемика.

Сейчасъ же послѣ февральской революціи, въ тотъ самый моментъ, когда рабочіе Парижа сдѣлали героическое, но несвоевременное и безразсудное заявленіе: «Мы готовы на три мѣсяца всяческихъ лишеній для блага республики»—въ этотъ самый моментъ уже ясно обнаружилась измѣна правительственной правой. Она отвергла проектъ учрежденія «министерства труда» и спасла высшую финансовую аристократію. Въ нѣсколько часовъ она опредѣлила всю свою дальнѣйшую политику. Парижскія предмѣстія могли не понять этой перемѣны фронта; но Луи-Бланъ, засѣдавшій въ совѣтѣ министровъ, не могъ не видѣть того, что происходитъ. Онъ повиненъ въ томъ, что закрылъ глаза предъ настоящимъ положеніемъ вещей; мало-по-малу, его заблужденіе превратилось въ соучастіе, сначала пассивное, а затѣмъ и активное. Вотъ все, что мы считаемъ здѣсь нужнымъ сказать о Луи-Бланѣ, какъ о человѣкѣ и министрѣ.

III.

Введеніе къ седьмому изданію «Организація труда», появившемуся въ 1847 г., резюмируетъ положенія, развиваемыя въ этомъ сочиненіи.

Авторъ требуетъ, «чтобы было установлено и гарантировано каждому право жить своимъ трудомъ»; онъ «привѣтствуетъ Творца въ его твореніи». Система, которую онъ защищаетъ, въ видахъ уничтоженія нищаты, «основывается на спиритуализмѣ самаго высшаго порядка».

Луи-Бланъ не допускаетъ, чтобы пролетарское или народное возстаніе—которое онъ считаетъ возможнымъ—носило случайный характеръ и находилось бы подъ вліяніемъ непостоянныхъ капризовъ массы. «Жестоко ошибаются тѣ, кто полагаетъ, что революція совершается неожиданно. Удаются лишь тѣ революціи, цѣль которыхъ ясна и заразае намѣчева». Тѣмъ-же, которые его называютъ мечтателемъ, онъ справедливо отвѣчаетъ: «Можете ли вы поручиться за то, что сегодняшняя мечта не станетъ дѣйствительностью черезъ десять лѣтъ?».

Самая главная цѣль, которую онъ преслѣдуетъ,—это социальная реформа; но если и необходимо ее подготовить, то «не менѣе необходимо добиться политической реформы», потому что «первая составляетъ цѣль, а вторая—средство для достиженія этой цѣли». Власть, органическая сила по преимуществу, должна быть захвачена людьми, стремящимися къ обновленію общества;

работа послѣднихъ останется безплодной до тѣхъ поръ, пока они будутъ лишены власти. «Не пользоваться ею, какъ орудіемъ, значить встрѣчать ее, какъ препятствіе». Услуги ея тѣмъ болѣе нужны, что освобожденіе низшаго класса не можетъ совершиться путемъ цѣлаго ряда частичныхъ реформъ и отдѣльныхъ попытокъ. Для этого слѣдуетъ употребить всю силу государственной власти. Государство будетъ исполнять роль банкира бѣдняковъ, а не органа, сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ промышленность и собственность. Оно одно освободитъ угнетенныхъ, дастъ имъ дѣйствительную свободу, которая въ настоящее время существуетъ лишь для меньшинства, злоупотребляющаго ею и которой лишены всѣ остальные; оно одно дастъ человѣку возможность развивать свои умственные способности. Въ тотъ моментъ, когда совершенно исчезнутъ классы, правительство окажется бесполезнымъ. Но до тѣхъ поръ социализмъ, стремящійся къ тому, чтобы сдѣлать богатство общедоступнымъ, можетъ быть плодотворнымъ только при посредствѣ политики.

Все вышеизложенное ясно выражаетъ тенденціи Луи-Блана. Мы еще не знаемъ, какова предлагаемая имъ формула распределенія, или какимъ онъ себѣ представляетъ будущій строй. Намъ придется констатировать тотъ фактъ, что его отрицательное отношеніе къ роли государства въ области экономической какъ-то плохо вяжется съ остальными его выводами. Что же касается всего остального, то Луи-Бланъ является ярымъ «государственникомъ» и чрезвычайно энергично отстаиваетъ теорію захвата общественной власти. Онъ, правда, вноситъ поправку къ своему принципу «государственности», заявляя, что правительство исчезнетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ классовъ; но мы увидимъ, что эта поправка является нѣсколько неожиданной и спорной.

IV.

Критика современнаго социальнаго строя заимствована Луи-Бланомъ у Фурье, но у Луи-Блана она изложена болѣе стройно, а потому и производитъ болѣе сильное впечатлѣніе. Самая сущность экономики, доминирующее надъ нею начало—это противоположность интересовъ, борьба силъ, другими словами, конкуренція.

Но конкуренція губительна для народа, и Луи-Бланъ изучаетъ и классифицируетъ ея отрицательныя стороны.

Во-первыхъ, «она вызываетъ непрерывный ростъ производства». Анархія, вытекающая изъ этой войны всѣхъ противъ всѣхъ, дѣлаетъ для каждаго въ отдѣльности невозможнымъ знать потребности рынка. «Многіе производятъ продукты съ убыткомъ для себя, и тѣмъ не менѣе, вынуждены продолжать производство, чтобы не потерять стоимости машинъ, орудій производства, сырья». Слѣдствіемъ этой анархіи, этого непрерывнаго соревнованія, выбрасывающаго на рынокъ несмѣтныя количества товаровъ, этого чрезмѣрнаго поощренія личной инициативы, проявляющейся нецѣлесообразно,—слѣдствіемъ

всего этого является постоянное перепроизводство, приводящее въ разстрой-ство весь современный строй.

Первой жертвой конкуренціи является рабочій. Перепроизводство и кри-зисы лишаютъ многихъ работы.

Рабочимъ приходится конкурировать между собой и, чтобы найти хоть какую нибудь работу, каждому рабочему приходится понизить свою заработную плату до самаго низкаго уровня; «голодная заработная плата» становится нормальнымъ явленіемъ. Но пролетарію приходится не только вести борьбу съ огромной арміей другихъ пролетаріевъ,—ему приходится также страдать отъ тѣхъ, которые ежедневно рождаются, и отъ машинъ, которыя вытѣсняютъ цѣлыя тысячи рабочихъ рукъ. Въ самомъ дѣлѣ, при нашемъ современномъ общественномъ строѣ та часть населенія, которая не принимаетъ участія въ производствѣ, лишь увеличиваетъ страданія массъ; машина, которая должна была бы служить на пользу всѣхъ, облегчая ихъ трудъ, становится орудіемъ господства въ рукахъ правящей аристократіи и осуждаетъ народную массу на голодное существованіе.

Недостатки существующаго строя не исчерпываются этими печальными особенностями. Въ началѣ капиталистической эры мужичи въ приходилось соперничать съ мужичной, въ настоящее же время его соперниками на рынкѣ труда являются женщины и дѣти, которыхъ вужда заставляетъ продавать свою рабочую силу и которыя, благодаря болѣе низкой заработной платѣ, слишкомъ часто вытѣсняютъ мужчину. Такимъ образомъ, одинъ возрастъ ведетъ войну съ другимъ, одинъ полъ—съ другимъ, слабый—съ сильнымъ, и на этомъ огромномъ полѣ битвы число побѣжденныхъ и умирающихъ постоянно растетъ. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы повышаться (какъ это утвер-ждаютъ правовѣрные политико-экономы, псевдо-либералы, восхваляющіе дѣй-ствительность и игнорирующіе право), заработная плата быстро понижается. Лун-Вланъ утверждаетъ, что это пониженіе было постояннымъ и всеобщимъ явленіемъ за періодъ времени отъ 1840 до 1847 г., и что наканувѣ февраль-ской революціи многія женщины зарабатывали не больше 57 сант. въ день (около 20 коп.).

Несмотря на всю эту вужду, вопреки лишеніямъ и опасностямъ, связан-нымъ съ развитіемъ фабричнаго производства, деревенскій людъ непрерывно притекаетъ въ города. Это происходитъ не отъ того, что крестьянинъ не знаетъ, что его ждетъ въ городѣ, а отъ того, что капиталы отливаютъ отъ сельскаго хозяйства и притекають къ металлургіи, текстильной промышлен-ности и т. д. Этому переселенію содѣйствуетъ также развитіе желѣзнодорожной сѣти, соединяющей самыя отдаленныя деревушки съ городами и со столицей. Перенаселеніе крупныхъ промышленныхъ центровъ еще больше уси-ливаетъ конкуренцію между пролетаріями, такъ что желѣзныя дороги, какъ и машины, паровые молоты и т. д., не только не облегчаютъ условій суще-ствованія людей, а, наоборотъ, усиливаютъ нищету.

Все это ведетъ къ тому, что рабочіе враждуютъ между собой: «общество,

построенное на такихъ началахъ, находится въ состояніи непрерывной гражданской войны».

Рабочіе лишаются въ настоящее время и своего послѣдняго убѣжища—домашняго очага, потому что прогрессъ или, если хотите, экономическое развитіе разрушаетъ семью. Отецъ, мать, дѣти—всѣ работаютъ въ разныхъ мѣстахъ и почти не видятся другъ съ другомъ; они возвращаются домой совершенно истощенные, усталые. Какъ можетъ при подобныхъ условіяхъ сохраниться естественная семейная привязанность?

Въ будущемъ пролетаріевъ ждутъ еще новыя лишенія, новыя бѣдствія. Слишкомъ продолжительный рабочий день преждевременно лишаетъ насъ трудоспособности и оказываетъ губительное вліяніе на здоровье вашихъ потомковъ. Употребляя трудъ подростковъ, заставляя ихъ дышать отравленнымъ воздухомъ фабрики, мы подрываемъ ихъ здоровье и жизнь.

Мы не только закрываемъ для нихъ школу, слишкомъ рано открывая двери мастерской, мы каждую минуту совершаемъ насиліе надъ ихъ правомъ на существованіе. «Мы подготовляемъ поколѣніе дряхлыхъ, уродливыхъ, развращенныхъ и испорченныхъ людей».

Буржуазія основываетъ свое господство на этой внутренней противоположности интересовъ и на этомъ матеріальномъ и моральномъ упадкѣ рабочаго класса.

Чѣмъ сильнѣе борьба между обездоленными изъ-за куска хлѣба, чѣмъ упорнѣе конкуренція между женскимъ и дѣтскимъ трудомъ—съ одной стороны, и трудомъ взрослога мужчины—съ другой, чѣмъ больше трудъ людей вытѣсняется машиной, чѣмъ быстрѣе развиваются крупныя центры, а вмѣстѣ съ ними растутъ и контингентъ безработныхъ, тѣмъ сильнѣе и могущественнѣе становится господствующая буржуазія.

V.

Современный строй такъ же пагубенъ для буржуазіи, какъ и для пролетаріата. Конкуренція, опустошающая ряды послѣдняго, непрерывно выхлѣбываетъ жертвы и изъ рядовъ буржуазіи, все болѣе и болѣе уменьшая ея численный составъ.

Не безслѣдно проходитъ борьба, которую непрерывно ведутъ между собою землевладѣльцы, владѣльцы машинъ и купцы. Антагонизмъ, этотъ высшій принципъ тиранинн, обезпечившій господство капиталистовъ, является для нихъ-же смертельнымъ орудіемъ.

Конкуренція, поражающая слабыхъ и не пугающая сильныхъ, приводитъ къ монополіи. Иной, разоривъ, законными или незаконными средствами, своихъ противниковъ, сегодня является господиномъ положенія, или, по крайней мѣрѣ, считаетъ себя таковымъ; на завтра онъ самъ можетъ стать жертвой болѣе сильнаго соперника. Никакое положеніе нельзя считать прочнымъ; ни-

какое привилегированное состояніе не устойчиво: экономическій переворотъ въ прекращается ни на минуту. «Въ этой непрекращающейся борьбѣ средняя промышленность разорила мелкую. Пиррова побѣда! ибо средняя промышленность, въ свою очередь, будетъ разорена крупной промышленностью». Подъ господствующимъ классомъ начинаютъ колебаться тѣ самыя основы, которыя онъ считалъ везыблемыми; «онъ не замѣчаетъ того, что истекаетъ кровью и самъ же ускоряетъ свою смерть».

Если разсмотрѣть этотъ классъ въ цѣломъ, то его паденіе окажется несомнѣннымъ, потому что мелкая и средняя собственность, эти точки опоры господствующаго класса, постепенно исчезаютъ, а на ихъ развалинахъ воздвигается крупная собственность. Этотъ процессъ совершается, какъ въ сельскохозяйственной промышленности, такъ и въ промышленности въ собственномъ смыслѣ слова. И тутъ и тамъ меньшія предпріятія уступаютъ мѣсто болѣе крупнымъ, развивающимся насчетъ первыхъ и мало-по-малу захватывающимъ въ свои руки все производство и обмѣнъ. Мелкій земельный собственникъ, которому учредительное собраніе оказывало столько вниманія, не можетъ заниматься исключительно обработкой своего участка земли; чтобы быть въ состояніи себя прокормить, онъ вынужденъ поступить въ батраки къ своему богатому сосѣду. Итакъ, съ одной стороны—обвиненіе пролетаріата, съ другой стороны—внутри самой буржуазіи происходитъ разложеніе, причѣмъ часть ея беспощадно выбрасывается въ низы обездоленныхъ. Конкуренція—это палка о двухъ концахъ: она одновременно побиваетъ и тѣхъ, кто ею пользуется, и тѣхъ, противъ кого она направлена.

VI.

Луи-Бланъ не обрываетъ на этомъ своего обвинительнаго акта противъ существующаго строя. Онъ воспроизводитъ нападки Фурье на торговлю, на этого «паразита, развѣдающаго производство», на современную организацію кредита, служащаго орудіемъ въ рукахъ богатыхъ для угнетенія работниковъ; онъ критикуетъ, наконецъ, нынѣшнюю систему воспитанія, совершенно игнорирующаго интересы наиболѣе бѣднаго и наиболѣе многочисленнаго класса.

Угнетенное состояніе сельскаго хозяйства привлекаетъ къ себѣ его вниманіе. Крестьяне бѣгутъ изъ деревень въ крупныя промышленныя центры. Сельское хозяйство въ одно и то же время страдаетъ и отъ латифундій, крупныхъ помѣстій, поглощающихъ мелкія и среднія хозяйства, и отъ закона о наслѣдствѣ, приводящаго къ безконечному дробленію земельныхъ участковъ. Крестьянинъ-собственникъ не въ состояніи отстоять свою самостоятельность: ничтожныя размѣры его земельного участка и отсутствіе капиталовъ не позволяютъ ему примѣнять новѣйшіе усовершенствованные способы обработки земли. Уже Юнгъ во время своего посѣщенія Франціи передъ великой революціей констатировалъ фактъ упадка сельскаго хозяйства, упадка, который всѣ

болѣе и болѣе прогрессируетъ, и который, если мы не примемъ соотвѣствующихъ мѣръ, можетъ привести наше сельское хозяйство къ тому же состоянію, которое наблюдается въ Англіи.

Это заботливое отношеніе къ сельскому хозяйству (которое въ извѣстныхъ эпохи совершенно игнорировалось социализмомъ, посвящавшимъ все свое вниманіе промышленному развитію) было свойственно, какъ мы видѣли, и Фурье. Это объясняется, несомнѣнно, вѣрной оцѣнкой той роли, какую сельскохозяйственная промышленность играетъ въ жизни народовъ; но не менѣе вѣскимъ мотивомъ служило опасеніе, которое въ то время внушала безиррегулярная эмиграція крестьянъ въ города. Этотъ притокъ населенія въ города продолжается и понынѣ; мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ имѣть случай показать, что это явленіе замѣчается повсюду, на обоихъ полушаріяхъ, и что оно кореннымъ образомъ измѣнило старыя отношенія населенія. Но для насъ это явленіе давняго происхожденія, а потому не внушаетъ никакой опасности.

Мы, кромѣ того, научились понимать, что земля, при современныхъ способахъ обработки, не нуждается въ такомъ огромномъ количествѣ рабочихъ рукъ, какъ когда-то. Примѣръ современной Франціи, гдѣ производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ, несмотря на бѣгство изъ деревень, достигло небывалыхъ размѣровъ, въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучителенъ. Но Луи-Блашъ не могъ еще оцѣнить все значеніе техническихъ усовершенствованій и химическаго удобренія; онъ не могъ также видѣть, что противоположныя тенденціи, на которыя онъ указалъ,—образованіе крупной земельной собственности—съ одной стороны и безконечное ея дробленіе—съ другой—взаимно нейтрализуются. Но, несмотря на это, его критика остается въ силѣ, а его выводы сохраняютъ всю свою убѣдительность.

VII.

Подведемъ итоги. Пролетаріатъ и буржуазія одинаково страдаютъ: первый—отъ нищеты, а второй—отъ отсутствія всякой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ; торговля и банковое дѣло возстанавливаютъ привилегированную олигархію; невѣжество становится неизбѣжнымъ и какъ бы естественнымъ состояніемъ для милліоновъ гражданъ. Пренебреженіе земледѣліемъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ недостаточное производство жизненныхъ припасовъ. Какъ можно защищать подобный строй и каковы тѣ социальныя элементы (не считая ничтожнаго меньшинства), которые желали бы его сохраненія?

И чтобы придать больше опредѣленности своимъ взглядомъ, Луи-Блашъ прибавляетъ: «Неравенство способностей должно привести не къ равенству правъ, а къ равенству обязанностей.»

Оставимъ пока эту послѣднюю формулу и перейдемъ къ сужденіямъ автора «Organisation du travail» о революціи.

Для установленія законности сверженія капиталистическаго строя Луи-Бланъ не ссылается на экономическое развитіе. Онъ, правда, указываетъ на прогрессирующую концентрацію промышленности и на господство монополіи, но онъ, повидимому, не повялъ тѣсной связи, существующей между непрерывной экспроприаціей мелкихъ и среднихъ собственниковъ орудій производства—съ одной стороны и паступленіемъ новаго общественнаго строя—съ другой. Мы, по крайней мѣрѣ, нигдѣ не находимъ у него категорическаго заявленія въ этомъ смыслѣ. Это революціонеръ изъ состраданія, сантиментальности, но его сочувствіемъ пользуется не одинъ только пролетаріатъ,—оно находится также и на сторонѣ буржуазіи, будущность которой представляется Луи-Блану въ мрачномъ свѣтѣ. Соціальный переворотъ будетъ, по мнѣнію Луи-Блана, совершенъ не пролетаріатомъ, какъ отдѣльнымъ классомъ, съ особыми классовыми интересами и стремленіями,—его выполнитъ пролетаріатъ въ союзѣ со своими не менѣе угрожаемыми со стороны капитализма и болѣе просвѣщенными хозяевами. Луи-Бланъ, то тутъ, то тамъ, нападаетъ на капиталъ, на его захваты и неасытные аппетиты, на учрежденія, основанныя на его господствѣ, и т. д. Но все это ему не мѣшаетъ, путемъ странныхъ умозаключеній, допустить возможность рыцарскаго и идеальнаго союза между капиталистами и рабочими для крестоваго похода противъ прошлаго.

Соціалисты послѣ Маркса, какъ и самъ Маркъс, указывали на непрочный характеръ буржуазной собственности и на жалкое положеніе пролетариализующихся собственниковъ, но они никогда не допускали, чтобы крупная буржуазія, изъ великодушія, путемъ самоотреченія, сама себя экспроприровала.

Предпосылки Луи-Блана остаются неоспоримыми въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе экономическихъ силъ въ одно и то же время приводитъ къ порабощенію рабочихъ и къ опустошенію въ рядахъ капиталистовъ; но выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ этого положенія, находятся съ послѣдними въ явномъ противорѣчій, потому что онъ не дѣлаетъ различія между интересами, а, слѣдовательно, и требованіями мелкихъ промышленниковъ, мелкихъ лавочниковъ, мелкихъ сельскихъ хозяевъ, постепенно и неизбежно пролетариализующихся, и интересами милліонеровъ и милліардеровъ, представляющихъ собой новую аристократію, не менѣе замкнутую, чѣмъ старая, и сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ все производство.

Другими словами, въ то время, какъ основнымъ положеніемъ соціализма, начиная съ «Коммунистическаго Манифеста», была борьба классовъ, Луи-Бланъ возлагалъ всѣ свои надежды на тѣсное сотрудничество угнетателей и угнетенныхъ. Перечисливъ всѣ пороки, которыми страдаетъ современное общество, онъ пригласилъ тѣхъ, кому нынѣшнее положеніе вещей выгодно, положить ему конецъ однимъ росчеркомъ пера, отказавшись добровольно отъ своихъ политическихъ и экономическихъ привилегій. Отсюда понятно, почему Луи-Бланъ настаивалъ на законномъ и мирномъ характерѣ преобразованія общественнаго строя, и почему онъ не допускалъ даже возможности упорной и продолжительной борьбы.

Завоеваніе общественной власти, предлагаемое Луи-Бланомъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что, начиная съ 1875 г., проводится въ разныхъ программахъ рабочихъ партій. Тутъ рѣчь идетъ не объ отвоеваніи представителями рабочихъ большинства мѣстъ въ парламентѣ, не о диктатурѣ пролетаріата, вызвавшей столько споровъ: для подготовки полнаго преобразованія общества достаточно, чтобы въ парламентъ проникли нѣсколько представителей народа и засѣдали бы тамъ рядомъ съ представителями крупной промышленности и крупнаго землевладѣнія. Завоеваніе общественной власти будетъ частичнымъ, а не полнымъ. А когда новая «Гора» пріобрѣтетъ достаточное вліяніе, на очередь будетъ поставленъ вопросъ о пересмотрѣ существующихъ социальныхъ отношеній. Это приведетъ къ учрежденію временнаго правительства, которому будетъ поручено ликвидировать прошлое, декретировать первыя реформы, а главное — организовать всестороннія анкеты. Теорія исполнительной власти 1848 г., той комбинаціи, которая была вызвана къ жизни февральской революціей, находится въ зачаточномъ состояніи въ книгѣ Луи-Блана; вполне естественнымъ является поэтому тотъ фактъ, что онъ не отказывался отъ сотрудничества съ представителями демократическихъ партій.

Этотъ взглядъ не совсѣмъ согласуется съ другимъ положеніемъ, которое мы выше отмѣтили: разъ революція начнется, то государственная власть исчезнетъ, потому что она является выраженіемъ классоваго господства. Научному социализму не приходилось встрѣчать болѣе лапидарную формулу; она соотвѣтствуетъ взглядамъ марксистовъ, но звучитъ нѣсколько странно въ устахъ автора «Organisation du travail». Если капиталистическій строй будетъ сверженъ пролетаріатомъ, то торжество послѣдняго приведетъ къ уничтоженію частной собственности и тѣмъ самымъ приведетъ и къ исчезновенію классовъ. Но Луи-Бланъ, предлагающій сотрудничество классовъ, ожидающій отъ капиталистическаго государства самыхъ радикальныхъ и самыхъ великодушныхъ рѣшеній, не можетъ желать его уничтоженія. По его мнѣнію, вполне допустимо, чтобы пролетаріи еще въ теченіе нѣкотораго времени поддерживали существующій строй, чтобы его использовать въ своихъ цѣляхъ, хотя подобное приспособленіе привело бы къ самымъ страшнымъ социальнымъ передѣлкамъ, и затѣмъ, какъ только существующая форма собственности будетъ уничтожена, правительство, лишенное своей послѣдней опоры, потерпитъ окончательное крушеніе.

Какъ согласиться на подобнаго рода заключеніе, когда, несмотря на нѣкоторыя данныя, приводимыя коммунизмомъ, стараются сохранить на довольно продолжительное время совмѣстное существованіе двухъ антагонистическихъ социальныхъ формъ, и когда вся дѣятельность государства—государства, составленнаго изъ элементовъ, по природѣ своей враждебныхъ другъ другу,—будетъ, по необходимости, направлена на то, чтобы обезпечить побѣду одной социальной формы надъ другой? Положеніе безвыходное, и это становится тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ глубже его изучаешь.

VIII.

Луи-Бланъ посвятилъ цѣлую главу своей книги вопросу объ организаціи промышленнаго труда. Мы уже знаемъ, какъ онъ относился къ общественной власти: по его мнѣнію, послѣдняя будетъ революціонизировать общество и сама же установитъ новый строй. До сихъ поръ она олицетворяла собой сопротивление общественному прогрессу; отнынѣ она будетъ олицетворять самый этотъ прогрессъ; первой ея задачей будетъ учрежденіе министерства труда съ значительнымъ бюджетомъ.

Рѣчь идетъ о томъ, чтобы передать въ вѣдѣніе національной коллективности всю промышленность и все сельское хозяйство. Теорія Луи-Блана представляетъ собой нѣчто среднее между коллективизмомъ и фурьеризмомъ: онъ не вѣритъ въ жизнеспособность свободной ассоціаціи и не осмѣливается сразу экспроприировать частныхъ собственниковъ въ пользу общества.

Революціонное государство, о которомъ онъ мечтаетъ, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи только банки, рудники, желѣзныя дороги, страхованіе, нѣкоторыя складочныя мѣста для товаровъ. Кредитъ, часть промышленности, торговли и транспорта перейдутъ къ государству, но инициатива частныхъ лицъ сможетъ еще свободно проявляться, и частная собственность будетъ существовать рядомъ съ общественной.

Государство, при помощи имѣющихся въ его распоряженіи средствъ, устраиваетъ мастерскія, въ которыхъ рабочіе будутъ принимать участіе, какъ своимъ трудомъ, такъ и своими сбереженіями. И капиталистамъ будетъ открытъ доступъ въ эти мастерскія (гочъ въ точъ, какъ это предполагалось для фаластера Фурье и Консидерана) и вносимые капиталы будутъ приносить соответственные проценты. Начальники мастерскихъ будутъ на первое время назначаться правительствомъ, а впослѣдствіи будутъ выбираться самими участниками. Изъ чистой прибыли часть пойдетъ на содержаніе инвалидовъ, вдовъ и сиротъ, на общіе расходы, погашеніе капитала и на помощь нуждающимся мастерскимъ. Что касается способа вознагражденія работниковъ, то на этотъ счетъ у Луи-Блана нѣтъ ни одной опредѣленной формулы: онъ то предлагаетъ равномѣрную заработную плату, то требуетъ установленія права на полный продуктъ труда, то, наконецъ, проводитъ принципъ распредѣленія, сообразно съ потребностями. Слѣдуетъ замѣтить, что больше всего пользуется его симпатіями слѣдующая формула: «Каждый будетъ производить по своимъ способностямъ и получать по своимъ потребностямъ»; онъ считаетъ эту формулу непримѣнимой въ переходный періодъ.

Общественныя мастерскія, которыя будутъ основаны въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ опыта, будутъ побывать частныя мастерскія и частную промышленность. Общественныя мастерскія стремились бы не къ тому, чтобы разорить частную промышленность, а къ тому, чтобы ввести ее въ свой составъ и

чтобы наглядно показать частнымъ промышленникамъ, что въ ихъ же собственныхъ интересахъ прикнуть къ этимъ мастерскимъ. По истеченіи известнаго періода борьбы, относительно конечныхъ результатовъ которой не можетъ быть никакихъ сомнѣній, частной промышленности, по необходимости, придется сдаться, и тогда организациа всего промышленнаго производства въ цѣломъ будетъ такова, что возможность кризисовъ будетъ устранена. Учреждая, съ одной стороны, государственный банкъ, при посредствѣ котораго всѣ граждане имѣли бы возможность становиться участниками мастерскихъ, вмѣняя, съ другой стороны, правительству въ обязанность открывать образцовыя фабрики, Луи-Бланъ ни на минуту не хочетъ допустить мысли, что частныя лица, какъ бы богаты они ни были, будутъ въ состояніи выдержать борьбу противъ его системы. Эта система будетъ примѣняться не только въ области обрабатывающей промышленности, — она будетъ распространяться и на сельское хозяйство. Тутъ Луи-Бланъ все далѣе и далѣе приближается къ Фурье, требуя основанія коллективныхъ колоній, которыя получали бы отъ государства землю и движимую собственность; зимою члены этихъ колоній работали бы въ специально для нихъ приспособленныхъ промышленныхъ мастерскихъ. Все имущество составляло бы собственность всѣхъ членовъ, которые дѣлили бы между собой продукты, за вычетомъ отчисленій въ пользу фиска, общественной благотворительности и страхованія. Нашъ авторъ особенно настаиваетъ на притягательной силѣ этихъ образцовыхъ колоній, указывая на массу развлеченій, которыя доставитъ этотъ новый фаланстеръ, на уменьшеніе всякаго рода расходовъ и т. д. Подобно городскимъ общественнымъ мастерскимъ, деревенскія общественныя колоніи, благодаря своимъ преимуществамъ, не замедлятъ привлечь къ себѣ крестьянъ-собственниковъ. Производство расширится, нищета исчезнетъ, и бѣгство изъ деревень прекратится.

IX

Читая книгу Луи-Блана, страшно поражаешься полной аналогіей между предлагаемыми имъ мѣрами и проектами знаменитой люксембургской комиссіи. Послѣдняя, подъ вліяніемъ своего руководителя, пришла къ заключеніямъ, проникнутымъ духомъ мыслителя-министра. Но этимъ заключеніямъ не суждено было претвориться въ жизнь, ибо «національныя мастерскія» второй республики представляли собой прямую противоположность (мы считаемъ лишнимъ это доказывать) тому, что думалъ устроить рабочей парламентъ.

Мы не станемъ здѣсь разбирать ни декретовъ, составленныхъ Луи-Бланомъ, ни перемены его взглядовъ, которую онъ обнаружилъ сейчасъ же по вступленіи въ министерство, отвергнувъ учрежденіе «Министерства труда». Мы предпочитаемъ критиковать самую его теорію и доказать ея несостоятельность.

Разъ Луи-Бланъ отвергалъ и борьбу классовъ, и самостоятельную клас-

совую политику пролетаріата, то онъ неизбежно долженъ былъ прійти къ рѣшенію, съ которымъ связано его имя. Не онъ одинъ защищалъ это рѣшеніе: оно нашло себѣ приверженцевъ и по ту сторону Рейва, но отъ этого оно не выиграло ни въ положительности, ни въ состоятельности.

Какой бы правильностью ни отличалась (если не по мнѣнію коллективистовъ, то, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію коммунистовъ) формула распределенія, пользовавшаяся симпатіями Луи-Блана, слѣдуетъ раньше всего себя спросить, была ли предложенная имъ система жизнеспособна. Но жизнеспособность этой системы болѣе, чѣмъ сомнительна, такъ какъ Луи-Бланъ оставляетъ въ новомъ строѣ враждебныя послѣднему силы.

Авторъ «Организаціи труда» исходилъ изъ неоспоримаго, по его мнѣнію, положенія, что государственныя предпріятія должны неизбежно привести къ разоренію частныхъ предпріятій. Но именно это положеніе является однимъ изъ наиболѣе спорныхъ. Въ государствѣ, какъ Франція 1848 г. или начала XX вѣка, частныя капиталы—крупныя металлургическія заводы или текстильныя фабрики (и мы нарочно беремъ эти отрасли, гдѣ концентрація достигла наиболѣе высокой степени)—въ состояніи успѣшно вести борьбу съ государственными предпріятіями. Государство, правда, располагаетъ огромными средствами, но эти послѣднія предназначены вѣдь главнымъ образомъ не для промышленныхъ предпріятій, а для иныхъ цѣлей; оно можетъ заключать выгодныя торговыя сдѣлки, но послѣднія не будутъ непременно болѣе выгодными, чѣмъ тѣ, которыя заключаютъ акціонерныя общества: эти общества, несомнѣнно, соединятся въ синдкаты, чтобы такимъ образомъ одержать верхъ надъ государствомъ, какъ предпринимателемъ, угрожающимъ ихъ процвѣтанію. Соединившись же, они будутъ составлять такую же, а можетъ быть и болѣе крупную величину, чѣмъ національныя предпріятія. Если правительство, какъ полагаетъ Луи-Бланъ, окажется владѣльцемъ желѣзныхъ дорогъ, то оно сможетъ установить для своихъ предпріятій льготныя тарифы; но вѣдь остальные способы транспорта останутся въ рукахъ частныхъ предпринимателей; кромѣ того, министерство, которое захотѣло бы поставить частныхъ предпринимателей въ отношеніи условій транспорта въ менѣе выгодное положеніе, встрѣтило бы съ ихъ стороны страшную оппозицію. Наконецъ, надо полагать, что въ національныхъ мастерскихъ рабочіе будутъ оплачиваться лучше, чѣмъ въ частныхъ предпріятіяхъ (хотя это вознагражденіе не можетъ на много превышать среднюю норму заработной платы, иначе могли бы придти въ разстройство государственныя финансы и самыя мастерскія), а этимъ обстоятельствомъ уменьшаются для первыхъ шансы успѣха въ ихъ конкуренціи съ послѣдними.

Чтобы избавиться отъ конкуренціи со стороны частныхъ предпріятій, правительство будетъ вынуждено злоупотреблять своими правами. Оно либо будетъ перевозить свои товары почта бесплатно, либо заставитъ своихъ поставщиковъ отдавать преимущество продуктамъ національныхъ мастерскихъ, либо будетъ ставить всевозможныя препятствія частной конкуренціи. Но въ такомъ случаѣ было бы гораздо разумнѣе съ самаго же начала произ-

вести коренной переворотъ и вмѣсто непрерывнаго произвола провозгласить обществленіе всѣхъ орудій производства.

Можно также допустить, что рабочіе капиталистическихъ предпріятій устроятъ стачку, съ цѣлью добиться всѣхъ преимуществъ, которыми будутъ пользоваться рабочіе національныхъ предпріятій. Тогда государственной власти придется выбирать между нейтралитетомъ и вмѣшательствомъ. Нейтралитетъ можетъ, въ подобномъ случаѣ, привести къ революціонному возстанію, котораго Луи-Бланъ, какъ мы видѣли, боится пуще огня. Вмѣшательство же должно было бы быть въ пользу наемныхъ рабочихъ, и тогда оно привело бы къ экспроприаціи капиталистовъ, т. е. къ мѣрѣ, которую можно было бы и слѣдовало бы принять гораздо раньше.

Итакъ, какую бы гипотезу мы ни допустили, ни въ какомъ случаѣ нельзя будетъ придти къ заключенію о возможности мирнаго, постепеннаго, такъ сказать, автоматическаго поглощенія частной промышленности общественной. Мы скорѣе готовы допустить какъ разъ обратное.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что государство, которому все еще придется исполнять роль правительства (такъ какъ буржуазія и пролетаріатъ будутъ продолжать существовать бокъ-о-бокъ) и которому, съ другой стороны, придется вести крупныя промышленныя предпріятія, по необходимости будетъ совершать тѣ или иные ошибки. Ошибки эти будутъ неизбежны не потому, что государство будетъ выражать интересы коллективности, а потому, что оно будетъ представлять существованіе двухъ различныхъ классовъ, одинъ изъ которыхъ будетъ заинтересованъ въ успѣхѣ национальныхъ мастерскихъ, а другой — въ ихъ крушеніи. Эти промахи будутъ служить орудіемъ въ рукахъ реакціи. Нетрудно предвидѣть и кампаніи противъ правительства, и клевету, и возбужденіе недовольства, справедливаго или несправедливаго, со стороны общественнаго мнѣнія. Все это заставитъ защитниковъ этой системы, какъ бы стойки и искренни они ни были, уступить; ихъ попытки потерпятъ крушеніе, а вмѣстѣ съ ними померкнутъ и тѣ высшіе идеалы, во имя которыхъ эти попытки предпринимаются.

Луи-Бланъ разработалъ проектъ, который былъ лишенъ жизнеспособности: онъ оставилъ нетронутымъ самое большое зло, такъ сказать, самую сущность современнаго общественнаго строя — конкуренцію. Несмотря на то, что онъ же разоблачилъ всѣ ея пороки, онъ, тѣмъ не менѣе, считалъ возможнымъ обновить общество, не посягнувъ на ея господство. Положительная часть «*Organisation du travail*» должна быть отвергнута, критическая же часть, равно какъ и критика Фурье и Сень-Симона, сохраняютъ всю свою силу и убѣдительность. Программа преобразованія общества, которой заканчивается цитируемое нами произведеніе, непримѣнима потому, что въ основу ея положено ошибочное и опасное положеніе о возможности романтическаго союза между классами съ противоположными интересами.

«Разстояніе, существующее между современнымъ строемъ и тѣмъ, къ которому мы стремимся, — писалъ Луи-Бланъ — безконечно меньше разстоянія,

которое раздѣляло старую дореволюціонную Францію отъ современной». Возможно! Но идеаль Луи-Блана нисколько не соответствуетъ тому, къ чему стремится современный социализмъ.

Франсуа Видаль.

I.

Франсуа Видаль, имя котораго почти забыто въ настоящее время, долженъ быть изучаемъ рядомъ съ Луи-Бланомъ, съ которымъ у него много точекъ соприкосновенія въ отношеніи главныхъ идей. Судьба не особенно его баловала, хотя ему суждено было сыграть видную роль при второй республикѣ и дать ясную и обоснованную теорію «государственнаго» социализма.

Онъ не ограничивался абстрактными построениями. Принимая непосредственное участіе въ активной политической жизни — онъ былъ главнымъ секретаремъ люксембургской комиссіи, — онъ имѣлъ возможность защищать свои взгляды передъ своего рода рабочимъ парламентомъ. Онъ проявилъ себя, какъ одинъ изъ главныхъ вдохновителей собранія, которое въ самый разгаръ революціоннаго кризиса, въ моментъ, когда все считалось дозволеннымъ, лишь бы припимались быстрыя рѣшенія, — академически обсуждало социальный вопросъ. Наконецъ, ему вмѣстѣ съ Некеромъ было поручено согласовать мнѣнія представителей хозяевъ и рабочихъ.

Но онъ заслуживаетъ нашего вниманія не только, какъ политикъ, но и какъ писатель. Въ началѣ фурыеристъ, а впослѣдствіи — сторонникъ «организации труда», онъ служилъ живымъ примѣромъ того, какъ социалистическая мысль могла, за какихъ нибудь двадцать или тридцать лѣтъ, эволюционизировать отъ отрипательнаго отношенія къ государственной власти до преклопенія передъ нею. Рѣшительный сторонникъ государственнаго вмѣшательства убѣжденный въ томъ, что социальный переворотъ можетъ быть совершенъ сверху, онъ является предвѣстникомъ многихъ современныхъ публицистовъ.

Биографія Видала не представляетъ ничего особенно выдающагося. Онъ родился въ Кутра въ 1814 г. и умеръ въ 1872 г., по его активно-политическая жизнь ограничивается періодомъ 1848—1851 г. Въ молодости онъ былъ фурыеристомъ: онъ сотрудничалъ въ разныхъ изданіяхъ новаго направленія — между прочимъ, въ «Revue Indépendante» и въ «Démocratie Pacifique». Въ 1845 г. онъ закончилъ эту же о сберегательныхъ кассахъ; въ 1846 г. онъ издалъ свое главное сочиненіе: «О распредѣленіи богатствъ» (критика теоріи, какъ буржуазныхъ экономистовъ, такъ и социалистовъ). Въ эту эпоху, когда социальные вопросы страшно волновали толпу, названное сочиненіе на-

столько привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе, что послѣ февральской революціи назначеніе Видаля на важный постъ само собой напрашивалось. Онъ поэтому былъ приглашенъ въ люксембургскую комиссію, гдѣ онъ, повидимому, «сыгралъ важную роль».

Послѣ июньскихъ дней онъ сошелъ со сцены, но лишь на короткое время. Въ 1850 г. онъ издалъ свое произведеніе «Освобожденный трудъ». 10 марта 1850 г. онъ былъ одновременно избранъ депутатомъ въ Парижѣ и въ нижверейскомъ округѣ. Онъ выбралъ представительство Парижа въ палатѣ депутатовъ и засѣдалъ на скамьяхъ Горы Луи Бонапартъ не имѣлъ противника болѣе рѣшительнаго, чѣмъ этотъ глубокоубѣжденный республиканецъ. Наконецъ, 2 декабря Видаль покинулъ Парижъ.

II.

Мы попытаемся на основаніи труда «Распредѣленіе богатствъ» прослѣдить теорію или, по крайней мѣрѣ, совокупность идей нашего автора. Это тѣмъ болѣе важно, что время, въ которое этотъ трудъ появился—за два года до февральской революціи,—было такое, что авторъ долженъ былъ пріобрѣсть вліяніе на ходъ почти непосредственно послѣдовавшихъ событій.

По своимъ основнымъ взглядамъ Видаль является безусловнымъ представителемъ своей эпохи. Мы у него находимъ взгляды, преобладавшіе во всей соціалистической литературѣ (исключая Прудона) июльской монархіи и составлявшіе—несмотря на нѣкоторыя противорѣчивыя тенденціи—основу теорій Консидерана, Леру, Луи-Блана, Пекера, Кабэ. Прібавимъ сейчасъ же, что эти взгляды были завѣщаны поколѣніемъ, непосредственно предшествовавшимъ названному мыслителемъ.

Видаль—это прямая противоположность матеріалисту. Онъ не думаетъ ссылаться на экономическіе факторы, какъ на основу эволюціи. Какъ разъ наоборотъ, онъ приписываетъ идеямъ, идеалу, невѣроятную силу. Какъ и его современники, Видаль деистъ, хотя мы у него не находимъ того мистицизма, который былъ тогда общимъ правиломъ; но онъ приписываетъ Провидѣнію активность и волю и, по примѣру Фурье, старается опредѣлить предначертанія провидѣнія. Оптимизмъ является естественнымъ слѣдствіемъ подобнаго міросозерцанія.

Диалектическій способъ мышленія Видаля тоже не представляетъ собою ничего оригинальнаго для того, кто читалъ или просматривалъ сочиненія этого періода. Ихъ сущность сводится къ тремъ понятіямъ: человекъ рожденъ для одной цѣли—для счастья; соціальная наука есть наука о счастьѣ и дѣлится на три отдѣла: 1) соціальная философія, занимающаяся моральными потребностями, 2) соціальная экономія, посвященная матеріальнымъ потребностямъ, и 3) политика. Но эти отдѣлы далеко не независимы другъ отъ друга.

Видалъ возстаетъ противъ теоріи, которая, дѣлая различіе между политической экономіей и моралію, отдѣляетъ полезность отъ блага или права. Политическая экономія есть наука о томъ, какъ слѣдуетъ организовать промышленность и какъ распредѣлять богатства согласно принципамъ общей пользы и «воздающаго по заслугамъ правосудія (justice distributive)».

Что касается относительной важности вопросовъ чисто политическихъ и вопросовъ строго социальныхъ, то Видалъ на этотъ счетъ выражается, какъ и всѣ его современники. Онъ даже съ особенной силой и ясностью раздѣляетъ въ началѣ своей книги софистовъ публичнаго права: «Доброе старое время конституціонной схоластики прошло безвозвратно. Достаточно уже спорили о «равновѣсіи трехъ формъ власти», о сущности представительнаго правительства и т. д. Пора уже оставить въ сторонѣ вопросы о личностяхъ и заняться рѣшеніемъ настоящихъ вопросовъ, вопросовъ экономическихъ и социальныхъ». Но эти важнѣйшіе вопросы сводятся въ дѣйствительности къ двумъ: къ вопросу объ организаціи труда и къ вопросу о распредѣленіи богатствъ. Отмѣтимъ тутъ же, что Видалъ по примѣру Луи-Блана, не затрагиваетъ непосредственно вопроса о собственности—вопроса, который у Прудона занимаетъ подобающее мѣсто.

Существуютъ двѣ школы: съ одной стороны, школа экономистовъ, ограничивающихъ описаніемъ голыхъ фактовъ, не задавая себѣ вопроса о томъ, насколько эти факты справедливы; съ другой стороны, школа социалистовъ, стремящихся къ осуществленію опредѣленнаго идеала. Послѣдней школѣ Видалъ ставитъ въ вину то, что она недостаточно изучила вопросъ о распредѣленіи.

Онъ не скрываетъ своего намѣренія создать свой общественный идеалъ, но онъ не скрываетъ также и того, что всѣ его симпатіи на сторонѣ социализма. Это съ удивительной ясностью вытекаетъ изъ тѣхъ нѣсколькихъ положеній, которыя онъ приводитъ раньше, чѣмъ перейти къ детальному разбору и критикѣ заключеній названныхъ школъ.

Видалъ указываетъ на то, что обвиняніе трудящагося класса прогрессируетъ пропорціонально росту богатства. Это заявленіе проходитъ красной нитью черезъ всю литературу іюльской монархіи. И Видалъ продолжаетъ: «Не можеть сохранить свое достоинство, свою правдивность и независимость тотъ, чье существованіе не обезпечено, кто не можеть быть увѣренъ въ томъ, что онъ всегда найдетъ работу, чтобы зарабатывать себѣ на жизнь». Это строгая оцѣнка либерализма, отстаивающаго теоретическую, а не фактическую свободу. Видалъ клеймитъ конкуренцію и анархію производства, а изъ отсутствія дѣйствительной свободы выводитъ необходимость «организаціи». Онъ затѣмъ рѣзко нападаетъ на принципъ невмѣшательства государства въ экономическія отношенія—на знаменитую формулу «laissez faire, laissez passer», порицаетъ современный индивидуализмъ и горячо защищаетъ принципъ государственнаго вмѣшательства, которое одно въ состояніи защитить слабыхъ отъ сильныхъ. Наконецъ, одно уже предисловіе позволяетъ намъ предугадать, каковы главныя черты идеала нашего автора: онъ тамъ требуетъ уничтоженія

наемнаго труда, установленія дѣйствительной солидарности, полного примѣненія принципа ассоціаціи и приглашаетъ политико-экономовъ переимѣнить свою тактику и пойти по пути, проторенному социализмомъ.

Мы, такимъ образомъ, получали общее представленіе о Видалѣ. Этотъ общій обзоръ можетъ насъ только побудить послѣдовать за Видалемъ въ его анализъ ученій его противниковъ.

III.

Нашъ авторъ обстоятельно критикуетъ экономистовъ. Онъ долго разбираетъ ихъ идеи и строй, который они съ такимъ упорствомъ защищаютъ. Онъ, конечно, имѣетъ въ виду тѣхъ экономистовъ, которые, называя себя правовѣрными и либеральными, претендуютъ монополизировать всю политическую экономію.

Видалъ различаетъ между ними представителей аграрной школы, руководителемъ которой является Кенэй (Quesnay), и представителей собственно либеральной школы, которая дѣлится на двѣ группы: описательная (вещи такъ происходятъ) и фаталистическая (вещи должны такъ происходить); слѣдуютъ затѣмъ: критическая школа, занимающаяся одной лишь критикой, не дѣлая изъ нея соответственныхъ выводовъ; эклектическая школа, заимствующая все у другихъ школъ и не дающая ничего самостоятельнаго, новаго; наконецъ: христіанская школа, основывающаяся все на благотворительности. Видалъ вообще крайне отрицательно относится ко всѣмъ этимъ школамъ, хотя и дѣлаетъ различіе между болѣе благородными тенденціями Сисмонди и тенденціями всѣхъ остальныхъ.

Онъ больше всего нападаетъ на *послѣдователей* Адама Смита и главнымъ образомъ—на Сэ. (J.-B. Say). Эти господа, согласно ихъ собственнымъ заявленіямъ, обходили вопросы о справедливости, обращая вниманіе только на факты, а не на право. Адамъ Смитъ, напротивъ того, никогда не оправдывалъ того, что не было законнымъ, и ограничивался описаніемъ наблюдаемыхъ имъ явленій.

Видалъ удивительно остроумно побиваетъ «защитниковъ современнаго общества», пользуясь ихъ собственными орудіями, выставяя прогивъ нихъ ихъ собственную критику. Не самъ ли Сэ, на примѣръ, указывалъ на недостатки наемнаго труда и конкуренціи, заявляя, что минимальная заработная плата становится нормальнымъ явленіемъ? И не находимъ ли мы у Смита ту истину, что справедливость требуетъ, чтобы заработная плата рабочаго равнялась стоимости произведеннаго имъ продукта? А между тѣмъ, въ дѣйствительности не происходитъ ничего подобнаго, такъ какъ произведенный рабочимъ продуктъ продается въ 4, 10, 100 разъ дороже. Въ этомъ заключается осужденіе всего современнаго строя.

Видалъ разбираетъ также, съ поразительной убѣдительною, софизмы,

касающіеся ренты, ссылаясь при этомъ опять таки на такъ пазываемыхъ либеральныхъ экономистовъ. Онъ изучаетъ ренту въ ея историческомъ развитіи, начиная съ варварскихъ временъ и доходя вплоть до крѣпостничества и наемнаго труда. Являясь налогомъ на трудъ, рента ведетъ къ тому, что заработная плата не соответствуетъ стоимости произведеннаго продукта. Она растетъ, какъ это доказалъ Адамъ Смитъ, вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ. Она именно является причиной упадка сельскаго хозяйства.

Опять таки Смитъ, своей теоріей о промышленной прибыли, позволяетъ намъ прійти къ тому выводу, что предприниматель, капиталистъ, по необходимости долженъ вести борьбу съ рабочимъ, и что первый живетъ на счетъ второго. Мальтусъ, наконецъ, нѣлъ основаніе забить въ вѣбать, при видѣ того, какъ общество идетъ по наклонной плоскости пауперизма. Бѣда лишь въ томъ, что этотъ консервативный писатель, которому принадлежитъ заслуга того, что онъ предостерегалъ общество отъ грозившей ему опасности, нашелъ средства, которыя могутъ укладываться только въ головѣ узколобаго ретрограда: однимъ онъ предлагаетъ воздержаніе, а другимъ—безумную роскошь.

Въ общемъ, на основаніи произведеній буржуазныхъ экономистовъ можно составить цѣлый обвинительный актъ противъ капиталистическаго общества, и мы находимъ у Видаля тѣ же діатривы, что у всѣхъ современныхъ ему публицистовъ. Во многихъ отношеніяхъ онъ приближается къ Луи-Блаву.

Нарисованная имъ картина пауперизма, который онъ ясно отличаетъ изъ древней нищеты, чрезвычайно вѣрна и полна. Пауперизмъ вытекаетъ изъ наемнаго труда и представляетъ собой естественное состояніе наемнаго рабочаго. Пауперизмъ нѣлъ, несомнѣнно, менѣе острый характеръ и былъ менѣе распространенъ въ то время, когда еще существовали цехи. Это не означаетъ еще, что «старый режимъ» слѣдуетъ считать совершеннымъ или даже сноснымъ,—это только значить, что цехи дѣлали невозможнымъ перепроизводство, обезцѣвнваніе продуктовъ, крайнюю конкуренцію, наплывъ крестьянъ въ города и всѣ вытекающія отсюда бѣдствія.

Во многихъ отношеніяхъ наемный рабочій могъ бы позавидовать бывшему крѣпостному: послѣдній находился въ положеніи рабочаго скота, которому было обезпечено существованіе, между тѣмъ какъ наемный рабочій лишень этой обезпеченности. Современный наемный рабочій, утверждаютъ философы, свободенъ; но есть свобода и свобода: абстрактная же свобода—только звукъ пустой. «Наемный трудъ—это олицетвореніе зависимости и униженія, свойственныхъ труду крѣпостному».

Видаля указалъ, въ не менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, на социальныя и экономическія послѣдствія развитія машиннаго производства. Въ этомъ отношеніи существуетъ общность взглядовъ между Видалемъ и Прудономъ, превосходно развившимъ эту тему въ своемъ сочиненіи «Contradictions» «Техническій прогрессъ, восторженно восклицаютъ фабриканты, освободилъ капиталъ отъ притязаній труда.—Техническій прогрессъ, съ грустью говорятъ филантропы, отдалъ работника во власть предпринимателей». Эти два утвержденія

дополняютъ и подтверждаютъ другъ друга. Трудъ, такимъ образомъ, становится привилегіей для однихъ, для тѣхъ, которые не обречены на безработицу, и наказаніемъ для другихъ. Но и тѣ, кому удастся продавать свою рабочую силу, обрекаютъ себя и свое потомство на всевозможныя физическія лишения. «Человѣчскій родъ нищаетъ и вырождается въ то самое время, когда огромныя средства тратятся на то, чтобы кормить породистыхъ лошадей, рогатый скотъ и овецъ». Алкоголизмъ и отупѣніе — вотъ непремѣнные спутники торжествующаго капитализма.

Вліяніе машины не ограничивалось приближеніемъ рабочаго класса въ социальномъ и физиологическомъ отношеніи,—она разстроила всю хозяйственную систему, нарушивъ гармонію между производствомъ и потребленіемъ. Она неизбежно влечетъ за собой не ограниченное и рассчитанное на всякія случайности производство, потому что она должна быть непрерывно въ употребленіи. Отсюда кризисы, періодически парализующіе промышленную жизнь; отсюда всѣ палліативы — болѣе вредныя, чѣмъ само зло,—изобрѣтенныя для противодѣйствія кризисамъ: протекціонистская и колониальная политика и т. д. Такимъ образомъ, изъ совокупности фактовъ, изъ убійственной конкуренціи, изъ человѣческой эксплуатаціи, вытекаетъ та печальная истина, что нищета есть неизбежное слѣдствіе нашей цивилизаціи. Буржуазные экономисты всячески стараются скрыть эту истину. Но, вопреки ихъ желанію, она громко кричитъ изъ каждой строки ихъ произведеній. Видадь спрашиваетъ экономистовъ, что они предлагаютъ для того, чтобы помочь такому возмутительному положенію вещей. Но онъ встрѣчаетъ съ ихъ стороны одну лишь индифферентность, жестокость или безсиліе мысли.

IV.

Видадь обращается затѣмъ къ социалистамъ, у которыхъ надѣется найти болѣе глубокой умъ и болѣе широкое сердце. Но слѣдуетъ сговориться на счетъ значенія слова «соціалистъ». Нашъ авторъ склоненъ его толковать точь въ точь, какъ Луи-Бланъ, послѣ его вступленіе во временное правительство 1848 г. Заботясь о томъ, чтобы сдѣлать социализмъ болѣе популярнымъ и болѣе пріемлемымъ, чтобы освободить его отъ всего того, что можетъ препятствовать быстрому достиженію власти, онъ дѣлаетъ различіе «между людьми науки, возлагающими всѣ свои надежды на прогрессъ разума, и горячими, благородными головами, жаждущими революціи; представители послѣдней категоріи хотѣли бы нацѣльственнымъ путемъ обезсичить торжество своихъ убѣжденій».

Не слѣдуетъ удивляться этой нѣсколько ловкой классификаціи: она была въ ходу у трехъ четвертей крайней лѣвой.

Какъ бы то ни было, Видадь, этотъ теоретикъ-соціалистъ и идеалистъ-философъ, не боится крайнихъ выводовъ. Обозрѣвая всѣхъ социальныхъ пу-

блицистовъ XIX в., онъ выказываетъ все свое расположеніе къ коммунистамъ и рѣзко критикуетъ ихъ предшественниковъ.

Онъ признаетъ, что Сень-Симонъ сыгралъ огромную роль, онъ и его послѣдователи были правы, когда ставили порядокъ, іерархію и власть выше господствующей въ настоящее время анархіи, потому что послѣдняя, равно какъ и конкуренція, служатъ лишь интересамъ богатыхъ и сильныхъ. Но они были глубоко неправы, когда, создавъ «живой законъ», всемогущаго папу, они тѣмъ самымъ хотѣли принизить демократію и возстановить невыносимый деспотизмъ. Крайне неправы были они и тогда, когда, предоставивъ этому «живому закону» право опредѣлять способности и заслуги каждаго гражданина, они тѣмъ самымъ положили произволъ въ основу распредѣленія.

Видалъ хвалилъ Фурье, уважавшаго свободу и избѣгнувшаго введенія и появленія тиранніи. Онъ указывалъ на всѣ преимущества фаланстера—обеспеченіе за каждымъ извѣстнаго благосостоянія, всеобщее, обязательное, полное воспитаніе и т. д. Мы въ дальѣйшемъ увидимъ, что Видалъ, который былъ въ началѣ фурьеристомъ, до конца оставался подъ вліяніемъ этого ученія, по его не удовлетворяла фурьеристская формула распредѣленія.

Онъ переходитъ затѣмъ къ коммунистамъ, на сторонѣ которыхъ находятся всѣ его симпатіи. Онъ полагаетъ, что коммунисты удаляются отъ дѣйствительности, что они витаютъ въ сферахъ чистой идеи, но прибавляетъ, что сегодняшняя утопія можетъ стать завтрашней дѣйствительностью, и питаетъ внутреннее глубокое убѣжденіе, что близокъ часъ торжества коммунизма. Что его привлекаетъ въ коммунизмъ, это то, что онъ основывается на равенствѣ правъ. Распредѣленіе будетъ неоднобразнымъ для всѣхъ, соразмѣрно съ потребностями каждаго. Нашъ авторъ сравниваетъ основанное на такихъ началахъ общество съ семьей, гдѣ каждый беретъ за столомъ столько, сколько ему захочется, заботятся, однако, о томъ, чтобы и другимъ было довольно. Правда, подобный строй возможенъ лишь при одинаковомъ для всѣхъ воспитаніи и обиліи продуктовъ. Но и то, и другое легко достижимо, и съ развитіемъ машиннаго способа производства двухъ часовъ труда будетъ достаточно, чтобы удвоить или утроить производство полезностей.

Ковечно, не всякій родъ труда будетъ одинаково привлекателенъ, и очень вѣроятно, что не найдется много охотниковъ для выполненія «отгалкивающихъ работъ»; но послѣднія либо будутъ производиться при помощи соотвѣтственныхъ машинъ, либо, за неимѣніемъ таковыхъ, для выполненія такого рода будетъ введенъ рекрутскій наборъ, какъ это дѣлается теперь для арміи. Замѣтимъ по этому поводу, что эта послѣдняя мысль шокируетъ нашихъ современниковъ: они ничего не имѣютъ противъ того, чтобы заставлятъ людей убивать себѣ подобныхъ, но считаютъ чѣмъ-то чудовищнымъ и унижительнымъ для человѣка, если его заставляютъ, для общаго блага, подметать улицы или убирать нечистоты.

Видалъ знакомъ съ нападками, направленными противъ коммунизма, нападками, которыя онъ считаетъ клеветой. Утверждаютъ, во-первыхъ, что ком-

мунизмъ подавляетъ личную свободу. Въ дѣйствительности же, опъ, напротивъ того, предполагаетъ всѣ свободы и исключаетъ только свободу отъ труда; нарушение какой бы то ни было свободы было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, еслибъ большинство гражданъ отъ нея добровольно отказались. Коммунизмъ обвиняютъ въ стремленіи уничтожить семью и установить общность женъ. Но это въ высшей степени бессмысленное обвиненіе. Женщина—не вещь, по крайней мѣрѣ; она, слѣдовательно, будетъ принадлежать себѣ, и ее нельзя будетъ «присвоить».

Наконецъ, утверждаютъ, что социаллисты хотятъ все перевернуть вверхъ дномъ; но почему имъ защищать современный строй, въ которомъ все изъ рукъ вонъ плохо? Этотъ строй продолжаетъ существовать, лишь благодаря образовавшимся въ немъ вѣсколькимъ коммунистическимъ элементамъ, и когда буржуазные экономисты связываютъ свободу съ собственностью, то они не замѣчаютъ того, что коммунисты являются самыми послѣдовательными ихъ учениками, такъ какъ они хотятъ сдѣлать собственность всеобщей именно для того, чтобы свобода была всеобщимъ достояніемъ. Необходимо, однако, въ интересахъ преслѣдуемой цѣли, чтобы собственность стала однородной и коллективной, такъ какъ неограниченное дробленіе собственности привело бы къ всеобщей нищетѣ.

«Тѣ, кто черезъ тысячу лѣтъ прочтеть наше изложеніе, кто увидитъ миллионы нашихъ постановленій и судебныхъ приговоровъ за проступки или преступленія, вызванные современной формулой собственности, съ удивленіемъ спросятъ себя, какъ могло подобное общество существовать; еще болѣе велико будетъ ихъ удивленіе, когда они узнаютъ, что великіе умы XIX в. считали ассоціацію—эту простую, естественную, такъ легко осуществляемую вещь,—иморой и безуміемъ.—Это не языкъ Маркса, это языкъ оптимиста, пропитаннаго сантиментализмомъ, языкъ поколѣнія 1848 г.

V.

Мы, такимъ образомъ, познакомились съ теоретическими взглядами Видаля: онъ сильно склоняется на сторону коммунизма. Сторонники этого ученія, по его мнѣнію, правы, но не потому, что это ученіе признаетъ историческую необходимость экономическихъ явленій современнаго общества (историческій матеріализмъ не могъ получить признанія со стороны насъ сквозь проникающаго идеализма мыслителя), а потому, что оно основывается на принципѣ братства. Если бросить ретроспективный взглядъ, то придется признать—и это замѣчаніе имѣетъ свое значеніе въ устахъ человѣка 1848 г.,—что коммунизмъ напоминаетъ собой первобытное христіанство, и нѣтъ поэтому никакого основанія думать, что онъ противорѣчитъ волѣ господней. Мы, слѣдовательно, имѣемъ тутъ дѣло съ коммунизмомъ, основаннымъ на божественномъ правѣ. Соціальная наука приводитъ насъ къ тому же рѣшенію великой человѣ-

ческой проблемы. Мы видимъ, такимъ образомъ, что нашъ авторъ, по примѣру Сенъ-Симона и Фурье, стремится примирить науку съ религіей. Въ то время догматъ и разумъ еще уживались вмѣстѣ.

Если полное торжество коммунизма осуществится не скоро, то превосходной переходной формой могъ бы служить нѣсколько исправленный фурьеризмъ. Видалъ обладаетъ примирительнымъ умомъ; онъ вѣритъ въ возможность соглашения между консерваторами и революціонерами. Онъ особенно хочетъ предотвратить опасность новыхъ революцій, которыя ему кажутся анахронизмомъ въ серединѣ XIX вѣка. Бабефъ, несмотря на то, что жилъ на пѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ раньше и не видѣлъ, какъ развивалась, вмѣстѣ съ ростомъ капитализма и машиннаго способа производства, противоположность классовыхъ интересовъ—все-таки предсказывалъ дополненіе великой революціи 1879 г. Соціализмъ 1848 г. былъ, по крайней мѣрѣ, въ произведеніяхъ, его отражавшихъ, гораздо менѣе революціоннымъ, нежели соціализмъ Бабефа и его сторонниковъ. И по какому-то непонятному противорѣчію, одна изъ наиболѣе кровавыхъ соціальныхъ революцій, одинъ изъ наиболѣе ужасныхъ въ исторіи эпизодовъ борьбы классовъ—июньскіе дни—обязавъ своимъ происхожденіемъ именно этой, съ виду мирной пропагандѣ.

Видалъ ничего не ждетъ отъ народнаго возстанія: онъ всѣ свои надежды возлагаетъ на общественную власть, на обязанности которой лежатъ упорядоченіе всей интеллектуальной жизни и методическая организація труда. Выпадаютъ, правда, минуты, когда онъ приходитъ въ отчаяніе и упрекаетъ общественную власть въ томъ, что она находится въ рукахъ торговаго сословія; но его оптимизмъ постоянно беретъ верхъ. Въ общемъ, онъ постепенно становится все менѣе и менѣе требовательнымъ. Отъ коммунизма онъ спустился къ фурьеризму; онъ дальше спускается еще ниже, приходя къ еще менѣе радикальнымъ рѣшеніямъ, которыя предлагаетъ, какъ палліативы, вполне достаточные для настоящаго момента.

Мы тутъ подходимъ къ практической программѣ Видала, къ его плану немедленныхъ реформъ, плану, который былъ принятъ большинствомъ политическихъ писателей, принадлежавшихъ къ демократіи 1848 г. Опытъ примѣненія части этой программы на практикѣ былъ сдѣланъ сейчасъ же послѣ февральскихъ дней. Мы его вкратцѣ изложимъ; но прежде всего положеніями указать на ея важное значеніе и сказать, что она, вмѣстѣ съ положеніями «Organisation du travail», составляла самую сущность совѣщанія люксембургской комиссіи и послужила матеріаломъ для доклада, опубликованнаго Видалемъ въ «Официальной газетѣ» (Moniteur officiel). Высокое положеніе, которое Видалъ занималъ—онъ былъ главнымъ секретаремъ «рабочаго парламента»,—позволяло ему претворить въ жизнь идеи, которыя онъ координировалъ въ своемъ главномъ сочиненіи.

Такъ какъ невозможно сейчасъ же уничтожить причины пауперизма, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствовать противъ его послѣдствій. Существуетъ нѣсколько категорій бѣдныхъ. Во-первыхъ, неспособные къ труду, т. е.

дѣти, больные, калѣки, старики; всѣ они, по плану Видаля, должны содержаться на счетъ частной благотворительности и существующихъ учрежденій общественнаго призрѣнія. Во-вторыхъ, способные къ труду лѣтяги: ихъ Видадь преслѣдуетъ судомъ. Наконецъ, способные къ труду рабочіе, вынужденные на безработицу; для нихъ будутъ учреждены постоянныя мастерскія, подъ условіемъ, чтобы послѣднія не конкурировали съ остальными мастерскими. Тамъ будетъ установлено соотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ, и произведенные въ мастерскихъ продукты будутъ, въ предѣлахъ возможнаго, потребляться самими участниками. Это будутъ сельскохозяйственныя колоніи, основанныя на принципѣ ассоціаціи.

Эти мастерскія будутъ правильно развиваться. Онѣ будутъ прибѣгать къ ссудамъ, за которыя будутъ платить 4%. Совокупность доходовъ будетъ на первое время распредѣляться слѣдующимъ образомъ: выдача минимальной заработной платы, отчисленіе въ резервный капиталъ, распредѣленіе остающихся суммъ между участниками, пропорціонально производительности каждаго изъ нихъ.

Помимо этой реформы, не содержащей въ себѣ ничего революціоннаго, Видадь предлагаетъ правительству заняться постройкой жилищъ для рабочихъ и учредить пенсіи. Въ общемъ, Видадь комбинируетъ частную инициативу съ государственнымъ вмешательствомъ, но не идетъ такъ далеко, какъ Луи-Бланъ, который мечталъ о томъ, чтобы общественная власть служила всецѣло интересамъ наемныхъ рабочихъ.

Отправнымъ пунктомъ служатъ для Видаля возвышенныя идеи, ясное и обоснованное осужденіе капиталистическаго строя, но все это у него размѣнивается на мелкую монету частичныхъ реформъ, а къ концу онъ даже удовлетворяется такими мѣропріятіями, на которыя могла бы согласиться даже легитимистская монархія.—Не заключается ли въ этомъ примѣрѣ вся исторія революціи 1848 г., разсматриваемой съ ея соціальной стороны?

П е к к е р ь.

I.

Сень-Симонъ и Фурье—съ одной стороны и Прудонъ—съ другой пользовались особеннымъ вниманіемъ со стороны критики въ теченіе полувѣка и даже болѣе.

Пеккеръ, неизвѣстно почему, оставался обыкновенно безъ вниманія, а между тѣмъ онъ, безусловно, заслуживаетъ изученія, и созданный имъ

планъ будущаго общества представляетъ поразительное сходство съ современными постройками.

Онъ приближается къ Луи-Блану и Видалю по своимъ воззрѣніямъ на государство и по своей вѣрѣ въ сотрудничество классовъ. Съ другой стороны, онъ примыкаетъ ко всей социалистической школѣ временъ Реставраціи и Іюльской монархіи (за исключеніемъ Прудова) своимъ деизмомъ, своимъ постояннымъ стремленіемъ объяснять пути Провидѣнія, своими метафизическими и моральными запросами.

Несмотря на все значеніе, которое онъ придавалъ явленіямъ экономического характера, они одни, по его мнѣнію, не могутъ опредѣлять социальнаго уклада.

Рѣшающее вліяніе въ жизни народовъ онъ приписываетъ сознанію, чувствамъ, понятіямъ о правѣ и справедливости, и въ этомъ отношеніи несетъ на себѣ явный отпечатокъ своей среды и своего времени. Если онъ чѣмъ либо отличается отъ своихъ предшественниковъ, то лишь тѣми крайними выводами, къ которымъ приходитъ, и которые представляютъ собой не что иное, какъ коллективизмъ. Ученіе это еще ни разу не было формулировано до него.

Въ манифестѣ «Равныхъ» 1796 года эти послѣдніе однимъ взмахомъ поднялись на высоту абсолютнаго коммунизма; сень-симонизмъ пытается искоренить институтъ наслѣдованія, который лежитъ въ основѣ всякой чисто-индивидуалистической формы общества, и, рѣшительно отвергая его, оказывается уже на пути къ общинному началу; фурьеризмъ не признаетъ никакихъ правъ за коллективностью и отдаетъ орудія въ руки свободно-организованныхъ ассоціацій. Луи-Бланъ и Видалъ, сторонники принципа государственности, стоятъ за коопераціи, субсидируемыя государствомъ, и не представляютъ себѣ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, возможности концентраціи машинъ подъ однимъ общимъ руководствомъ. Пеккеръ хочетъ обосновать свой социалистическій строй на передачѣ обществу всѣхъ и всякаго рода капиталовъ, на превращеніи индивидуальнаго труда въ общественную функцію, при частичномъ сохраненіи наслѣдственнаго права и установленіи равенства въ вознагражденіи за трудъ. Все это не что иное, какъ основные элементы современнаго коллективизма—въ той формѣ, въ какой себѣ представляютъ его его сторонники и противники.

Въ виду этого, мы считаемъ нужнымъ подвергнуть критикѣ, съ одной стороны, его произведеніе «*Traité des améliorations matérielles*», написанное въ 1839 г., а съ другой—его «*Théorie nouvelle de l'économie sociale*», появившуюся въ 1841 г. Обѣ книги представляютъ два различныхъ момента въ развитіи мысли автора. Первая изъ нихъ разсматриваетъ лишь одну сторону социальной проблемы—вопросъ о примѣненіи науки въ дѣлѣ расширенія общественнаго богатства и общаго благосостоянія. Вторая посвящена установленію принциповъ, на которыхъ должно зиждиться новое дѣйствительно цивилизованное общество, обеспечивающее общую безопасность и выцѣженіемъ нищеты, и такой организаціи труда, которая обеспечивала бы

широкое использование активных сил и положила бы конец происходящей в настоящее время чудовищной и непрерывной тратѣ силъ. Но оба эти наиболѣе важныя изъ его произведеній (ибо есть еще и другія) представляють, въ сущности, полное сходство въ развитіи основныхъ идей: вторая изъ нихъ—«*Théorie nouvelle*» чрезвычайно логично вытекаетъ изъ первой—«*Traité des Améliorations*», хотя во многомъ и опережаетъ ее, охватывая болѣе широкіе горизонты.

II.

Пеккеръ заботливо выставляетъ себя бѣрнымъ послѣдователемъ Иисуса Христа, Руссо и революціонеровъ Сень-Симона и Фурье. Тѣмъ не менѣе, онъ старается провести извѣстную разницу между собою и двумя главарями социалистической школы. Онъ упрекаетъ сенъ-симонизмъ въ томъ, что онъ низвелъ избраніе съ небесъ, что онъ уничтожилъ или посягнулъ на право народа и свободу. Онъ уличаетъ Фурье въ анархизмъ, который тотъ косвенно превозноситъ, отрицая въ принципѣ единство дѣйствія и авторитетъ власти. Что касается великаго англійскаго реформатора Роберта Оуэна, Пеккеръ объявляетъ неприемлемой его формулу коммунистическаго распредѣленія.

Для того, чтобы открыть тайну всѣхъ вещей и найти дорогу къ будущему, которое принесетъ съ собою больше справедливости, чѣмъ ея имѣется въ настоящее время, необходимо вернуться къ Богу.

Божество—это законъ, устанавливающій права и обязанности, причѣмъ каждая обязанность истолковывается, лишь какъ обязанность выполнять волю божества. Къ тому же, знать эту волю является тѣмъ болѣе необходимымъ, что «экономія всякаго общества основывается на моральныхъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ, которыя исповѣдываются большинствомъ его членовъ». Такимъ образомъ, социологія Пеккера не только не оглядается большей независимостью взглядовъ, чѣмъ воззрѣнія его предшественниковъ, но еще осложняется новыми элементами, совершенно чуждыми чистой наукѣ или анализу матеріальной (естественной) эволюціи.

Три важныя проблемы требуютъ внимательнаго изученія: это свобода, государственная власть и политическая реформа. Послѣдняя изъ нихъ можетъ и не считаться настолько важной, и позволительно отложить на время ея обсужденіе, связавъ ее съ первыми двумя проблемами, такъ какъ политическая реформа подчинена реформѣ социальной, которой она служитъ средствомъ или, если угодно, первой стадіей; ея должны коснуться тѣ принципиальныя соображенія, которыя связаны съ двумя другими вопросами.

Нѣтъ свободы безъ собственности; а такъ какъ собственность является достояніемъ ограниченаго числа лицъ, то большинство людей—лишено свободы. Этотъ захватъ земель, машинъ и всякаго рода капиталовъ и является первоисточникомъ всего социальнаго зла. Такимъ образомъ, созданіе теоріи

собственности становится задачей писателя, «который хочет посвятить смена для будущих вѣков».

Въ настоящее время средства, необходимыя для производства, отсутствующъ у большей части людей, и тѣ, кто ихъ не имѣетъ вовсе, принуждены отдавать себя въ услуженіе другимъ обладателямъ этихъ средствъ. Одни, не имѣющіе, находятся въ зависимости отъ имущихъ; они отдаютъ все въ руки послѣднихъ и такимъ образомъ нарушаютъ свое естественное равенство. Въ то же время, люди, лишеныя собственности, работаютъ на пользу людей, которые все больше концентрируютъ ее въ своихъ рукахъ, нисколько сама не работая. Христіанская проповѣдь, знаменитая заповѣдь св. Павла — нарушены, нравственность извращена, такъ какъ толпа тунеядцевъ купается въ золотѣ. Уже эти первыя положенія отличаются сами по себѣ достаточной убѣдительною, но Неккеръ ими не ограничивается, такъ какъ онъ анализируетъ явленіе собственности и осуждаетъ его, въ его современной индивидуалистической формѣ, съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія. Съ точки зрѣнія религіозной, человѣкъ не можетъ ничѣмъ владѣть, ибо все принадлежитъ Богу. Съ точки зрѣнія моральной, онъ не имѣетъ права на какую бы то ни было частицу земли, потому что все челоуѣчество должно располагать, какъ землей, такъ и всѣмъ, что она производитъ. Съ точки зрѣнія соціальной, человѣкъ не можетъ получить въ свое пользованіе ни малѣйшаго куска поля или виноградника, не нарушивъ этимъ принципа по которому всѣ на одинаковомъ правѣ должны быть собственниками. Если всѣ не могутъ стать собственниками, никто не долженъ присваивать себѣ этого преимущества. Но такъ какъ каждый, въ интересахъ собственнаго развитія, а также развитія своего ближняго, долженъ чѣмъ либо владѣть, то право это должно стать общимъ для всѣхъ. Другими словами, право собственности не всѣхъ матеріальныхъ и нематеріальныхъ предметовъ будетъ находиться въ зависимости не отъ отдѣльныхъ лицъ, а отъ цѣлаго общества. Но современный общественный строй находится въ противорѣчій съ этимъ логическимъ выводомъ, и потому онъ не можетъ существовать; онъ обреченъ на гибель: право собственности такъ же священно, какъ жизнь, ибо оно является ея необходимымъ условіемъ.

Современная форма собственности или владѣнія не является чѣмъ-то, созданнымъ самой природой. Это чистѣйшая фикція, созданная закономъ. Законная собственность отдѣльнаго лица—это часть, дарованная ему закономъ въ пользованіе; она можетъ быть измѣнена. Вслѣдствіе этого, режимъ, основанный на присвоеніи, господствовавшій до сихъ поръ и представляющій грубое насиліе, долженъ исчезнуть и уступить мѣсто новому строю, который гарантируетъ свободу всѣмъ, и который будетъ изображенъ ниже.

Въ истинной демократіи, государственная власть не могла бы быть окончательно уничтожена. Но ея господство ограничивалось бы только хозяйственной областью, гдѣ ея присутствіе вполне закононо, въ виду самой природы общественного богатства и условій его созиданія. Государственная власть

является охранительницей свободы, которая безъ нея на каждомъ шагѣ находилась бы въ опасности. Самъ Фурье, какъ враждебно онъ въ отношеніи къ власти въ силу своего темперамента и сдѣланныхъ имъ выводовъ, не отвергалъ ее окончательно или, по крайней мѣрѣ, устранялъ ее только по внѣшности, такъ какъ допускалъ удовлетвореніе потребностей лишь постольку, поскольку оно не нарушало общественнаго порядка.

Чѣмъ болѣе углубляешься въ разрѣшеніе проблемы о свободѣ и государственной власи, тѣмъ болѣе становится вѣроятнымъ столь необходимое примиреніе между этими двумя принципами, долгое время считавшимися враждебными другъ другу. Только при сочетаніи обоихъ принциповъ можно будетъ добиться строя, дѣйствительно терпимаго и равнаго для всѣхъ. Ибо если рабочій въ настоящее время не что иное, какъ рабъ, то своимъ рабскимъ положеніемъ онъ обязанъ всемогуществу королей промышленности, не признающихъ никакой власти надъ собою, а потому чувствующихъ себя полновластными господами.

Пеккеръ не ограничивается указаніемъ этого чисто абстрактнаго рѣшенія вопроса. Прежде, чѣмъ предлагать болѣе конкретныя мѣры и новую форму экономической организаціи, онъ не могъ не довести до конца своего анализа соціальной структуры общества и, раскрывъ всѣ его недостатки, не могъ придти къ выводу о его полнѣйшемъ безсиліи, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ. Рискавъ допустить нѣкоторыя повторенія, мы, все же, признаемъ нужнымъ сгруппировать нѣкоторые пункты этого обвинительнаго акта, предъявленнаго современному обществу. Это даетъ намъ возможность лучше понять тѣ коллективистскіе выводы, которые сдѣланы изъ вышеозначенныхъ двухъ его произведеній, существенное содержаніе коихъ въ общихъ чертахъ нами изображено.

III.

Критика существующаго строя представлена, главнымъ образомъ, въ книгѣ «*Traité des améliorations matérielles*». Матеріальныя улучшенія, дѣйствительно, являются необходимымъ условіемъ всякаго прогресса; они имѣютъ цѣлью облегчить, упростить, украсить жизнь; а между тѣмъ, условія современнаго распредѣленія богатствъ таковы, что эти улучшенія не только не служатъ ко всеобщему благу, но еще больше отягчаютъ существующія неравенства.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть пророкутъ гдѣнибудь каналъ, проведутъ новую дорогу, сдѣлаютъ великое открытіе;—совокупность гражданъ не получаетъ выгодъ отъ этого увеличенія матеріальныхъ средствъ: оно цѣликомъ пойдетъ на пользу тѣхъ, у кого въ рукахъ капиталы, и такимъ образомъ свабдитъ ихъ новымъ орудіемъ угнетенія. Англія, наприимѣръ, страна, которая въ отношеніи матеріальнаго прогресса стояла всегда впереди всѣхъ другихъ, пред-

ставляетъ въ то же время арену самыхъ рѣзкихъ контрастовъ въ области социальныхъ отношеній. Богатство и бѣдность въ ней одинаково громадны по своимъ размѣрамъ, такъ какъ развитіе машиннаго производства, способствующее увеличенію производительныхъ силъ, повело только къ пониженію заработной платы. Въмѣсто того, чтобы отношенія между хозяевами и рабочими становились болѣе дружественными по мѣрѣ возрастанія количества производимыхъ продуктъ, годныхъ для распредѣленія, они, наоборотъ, становятся все болѣе и болѣе натянутыми.

Это странное явленіе, противное разуму, постыдное для нашей эпохи, можно объяснить только неслыханнымъ развитіемъ конкуренціи. Конкуренція сама по себѣ есть не что иное, какъ борьба эгоистическихъ инстинктовъ, борьба безнравственная и губительная, вызывающая жертвы со всѣхъ сторонъ. Этотъ постоянный конфликтъ никогда бы не имѣлъ мѣста, если бы въ понятіе свободы не было вложено содержаніе совершенно противоположнаго характера.

Экономическая свобода, въ томъ видѣ, какъ ее понимаютъ правовѣрные экономисты, есть не что иное, какъ свобода давить другого, сѣять повсюду въ обществѣ разореніе, учреждать монополію. Неккеръ даетъ этому очень мѣткую характеристику: «такъ называемое *«laissez faire»*, говорилъ онъ, является для XIX вѣка тѣмъ же, чѣмъ было воинственное *«laissez faire»* севьоровъ XVIII и XIX вѣковъ; это прелюдія новаго феодализма... это агонія равенства, свободы, всѣхъ принциповъ и всѣхъ общаній революціи 1789 года».

Такъ какъ законъ призналъ за всѣми право пользоваться и злоупотреблять землей и капиталами всѣхъ родовъ, то каждый считаетъ себя вполне свободнымъ слѣдовать всѣмъ своимъ прихотямъ. Исключительное право собственности на средства производства, произволь въ опредѣленіи размѣровъ производства и обмѣна, ссуда подъ проценты во всѣхъ ея видахъ, право передачи капиталовъ по наслѣдству—вотъ гдѣ источники современнаго зла, которому имя—анархія. Общій безнорядокъ порождаетъ распущенность въ нравахъ, ведетъ къ монополіи, къ розговничеству; результатомъ всеобщаго дробленія является безсиліе. Банкротства, кризисы, безработица наносятъ безпрерывно свои удары этому міру, утратившему всякое равновѣсіе, лишившему всякихъ принциповъ и организаціи и облегчающему торжество лишь физически сильнымъ и наименѣе одареннымъ совѣстью людямъ.

Уже одно перечисленіе всѣхъ этихъ недостатковъ существующаго общественнаго порядка доказываетъ съ полной очевидностью всю его непригодность и вызываетъ потребность въ радикальномъ его преобразованіи.

IV.

Эта реформа общества не должна быть ни дѣломъ насилія, ни результатомъ воздѣйствія со стороны угнетаемыхъ классовъ. Буржуазія не можетъ

желать, чтобы существующій порядокъ былъ испровергнутъ грубымъ пате-скомъ пролетаріевъ, всѣхъ немущихъ, и потому необходимо, чтобы она по-пила свою обязанность: «оставлять въ бѣдности цѣлыя массы—значитъ увѣ-ковѣчивать духъ возмущенія».

Шеккеръ, призывая въ свидѣтеля исторію, отмѣчаетъ постоянное заблу-жденіе тѣхъ классовъ, которые завоевывали себѣ соціальныя привилегіи, и затѣмъ, забывъ свои собственные страданія, отказывались даровать свободу низшимъ классамъ общества. Едва освободившись отъ гнета, они становятся въ непримиримое противорѣчіе съ другими категоріями гражданъ. Вчеръ еще, въ общей массѣ съ этими послѣдними, они одинаково изывали подъ игомъ рабства, а сегодня они требуютъ созданія цѣлой бездны соціальныхъ раз-личій. Они не понимаютъ, что смѣшно и нелѣпо становиться поперекъ пути дальвѣйшаго прогресса, и что часть его прахода неизбѣженъ. Та самая буржуазія, которая вела столь продолжительную борьбу за завоеваніе изби-рательнаго права, теперь отказываетъ въ немъ пролетаріямъ. Точно то, что было правомъ для нея, не является правомъ и для нихъ! Точно ея непо-нятное поведеніе не обрекаетъ ее на вѣрную гибель! Цензовый принципъ въ избирательномъ правѣ—это не что иное, какъ принципъ консерватизма чистѣйшей пробы. Полагаютъ обыкновенно, что только тѣ, у кого есть какое либо имущество, заинтересованы въ сохраненіи порядка. Можетъ быть, это мнѣніе и справедливо, но тогда почему же не надѣлать всѣхъ собствен-ностью? И почему не вызвать подобнаго интереса во всѣхъ гражданахъ?

Вмѣсто того, чтобы дѣлать уступки прогрессу, противъ своего желанія, буржуазія погнушила бы гораздо благоразумнѣе, принимая на себя инициа-тиву въ его проведеніи. Она можетъ руководить имъ, направлять его; она дастъ изъ своей среды вождей будущаго, лишь бы только они сьумѣли дѣй-ствовать въ пользу коллективности, служить ея интересамъ и обращать на общее благо матеріальныя улучшенія, которыя до сихъ поръ приводили къ совершенно другимъ, менѣе достойнымъ результатамъ.

V.

Среди мѣръ, предлагаемыхъ Шеккеромъ, слѣдуетъ отличать мѣры, которыя онъ считалъ безотлагательными и переходными, отъ другихъ, болѣе ради-кальныхъ, къ которымъ должно быть направлено общественное движеніе. Первые изъ нихъ проводятся главнымъ образомъ въ «*Traité des améliorations*», хотя въ этой же книгѣ встрѣчаются также въ зародышѣ теоріи, которыя особенно энергично отстаиваются въ «*Théorie nouvelle de l'éco- nomie sociale*». Мы знаемъ уже, что нашъ авторъ старается примирить государственную власть со свободой, путемъ надѣленія всѣхъ собственностью и замѣны неорганизованнаго труда организованнымъ.

Чтобы расчислить дорогу коллективистическому строю и добиться осво-

боженія рабочаго класса, правительство, къ которому Пеккеръ питаетъ полное довѣріе, должно постоянно стремиться къ матеріальнымъ улучшеніямъ, создавать крупныя общественныя работы, вродѣ осушенія болотъ, пользуясь для этого особымъ исключительнымъ бюджетомъ. Когда народная масса достигнетъ большей степени довольства и безопасности, число и потребности потребителей, естественно, возрастуть, а вслѣдствіе этого—и товары найдутъ болѣе широкой сбытъ. Въ то же время государство будетъ давать образованіе всѣмъ гражданамъ, особенно поощряя профессиональное образованіе. Подобно тому, какъ тратятся большія средства на разведеніе скота, нужно стараться подымать уровень нравственности и интеллектуальнаго развитія народа, не останавливаясь ни предъ какими жертвами. Вкладывать милліоны въ такое предпріятіе—значитъ обогащаться. Поступая такимъ образомъ, можно будетъ добиться болѣе равномернаго распредѣленія культуры, чего въ настоящее время не существуетъ. Когда это воспитаніе проникнетъ собой всю массу, государственная казна сможетъ объявить себя банкротомъ и отдавать деньги въ кредитъ даже тѣмъ, у кого нѣтъ никакой гарантіи, ни движимой ни недвижимой собственности. Наконецъ, капиталисты и работники соединятся вмѣстѣ и образуютъ новую форму промышленности, заключать договоръ о взаимномъ страхованіи и, благодаря этому соглашенію, достигнуть первой фазы соціального обновленія. Но это все лишь предварительныя, временныя мѣры. Нужно идти гораздо дальше; было бы навпю ограничиваться тѣми мѣрами, которыя запрашиваются со всѣхъ сторонъ, какъ на-примѣръ, ограниченіе трудового дня, установленіе закономъ заработной платы, провозглашеніе права на трудъ. Ни одна изъ этихъ мѣръ не исчерпываетъ всего содержанія соціальной проблемы. Все это—разумѣется—совершенно вѣрно, и чрезвычайно любопытно встрѣтить у Пеккера такую критику, которую многіе признали бы вполне современной. Во время появленія «*Traité des améliorations*», т. е. ровно за девять лѣтъ до Февральской Революціи, и даже въ то время, когда выходила въ свѣтъ «*Théorie nouvelle de l'économie sociale*», т. е. въ 1842 г., народъ еще охотно поддавался обаянію лозунга, сулившаго такъ много общаго — *права на трудъ*. Для многихъ онъ означалъ основное требованіе современнаго поколѣнія. Право на трудъ само по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности и пріобрѣтаетъ ее лишь съ того момента, когда оно осуществляется со всѣми его логическими послѣдствіями. Для людей, логически мыслящихъ и добросовѣтныхъ, это право необходимо требуетъ реорганизациіи собственности и социализациіи капиталовъ. Большинство дѣятелей 1848 года, не только масса избирательная, но и публицисты и политики, стоявшіе вѣдѣ ея, не сумѣли удловить истинный смыслъ словъ, скрывающійся въ этомъ выраженіи. Они полагали, что достаточно провозгласить ихъ, подобно тому, какъ нѣкогда, во время первой Революціи, считали достаточнымъ подписать слова: свобода, равенство и братство, не заботясь о томъ, чтобы перейти отъ словъ къ дѣлу. Временное правительство, подписывая знаменитый декретъ отъ 27 февраля, не имѣло понятія о томъ,

какую петлю оно себѣ накинуло, или же приходится допустить (и эта гипотеза чрезвычайно правдоподобна), что оно это сдѣлало съ твердымъ намѣреніемъ ограничиться одной пустой фразой. Открывшіеся затѣмъ послѣ іюльскихъ дней дебаты въ учредительномъ собраніи, чрезвычайно интересные, между прочимъ, какъ по качеству и количеству ораторовъ, такъ и по изобилію представленныхъ ими доводовъ, свидѣтельствуютъ также о тѣхъ заблужденіяхъ, въ которыя впадали нѣкоторые защитники права на трудъ.

Пеккеру принадлежитъ та довольно рѣдкая въ то время заслуга, что онъ предвидѣлъ, насколько эта формула сама по себѣ призрачна, и что для проведенія ея, если не хотѣть обманывать народной массы, необходимо немедленно перейти къ преобразованію формъ собственности. Вотъ почему онъ не ограничился только доказательствомъ того, что каждый человекъ долженъ умѣть жить собственнымъ трудомъ: онъ разработалъ цѣлую систему, которая предоставляла всѣмъ возможность пользоваться капиталами, землей, машинами, получать заработную плату и добиваться свободы подъ сѣнью собственности. Въ такомъ именно направленіи Пеккеръ представлялъ себѣ переходъ къ коллективизму.

VI.

«У націи долженъ быть одинъ только собственникъ, одинъ предприниматель, одинъ капиталистъ—государство (т. е. самъ народъ, въ лицѣ своихъ представителей)... Національная земля и всѣ орудія труда, съ нею связанныя, принадлежать всѣмъ и не принадлежать никому. Ими управляютъ, ихъ эксплуатируютъ и употребляютъ въ дѣло подъ высшимъ руководствомъ представительной власти».

Надѣленіе всѣхъ собственностью можно понять только въ двухъ смыслахъ: это значить либо надѣлить cadaque частью земли и другихъ благъ, либо соединить все вмѣстѣ и предоставить въ распоряженіе всего общества.

Первая система была выставлена нѣкоторыми публицистами до-революціоннаго періода, а также и крестьянами передъ революціей, во время и послѣ нея, но формула эта бесплодна и гибельна, такъ какъ, освѣщая и увеличивая анархію, она лишь ослабляетъ социальный организмъ и вноситъ большую ожесточенность въ экономическую борьбу.

«Требовать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, универсализаціи индивидуальной собственности—одно безуміе: въ рукахъ у cadaque былъ бы клочекъ земли—и только».

Вторая система защищается Бабефомъ и «Равными», теоретиками-коммунистами XVIII-го вѣка; Фурье также приближался къ ней, когда устанавливалъ «корпоративное право собственности» и требовалъ до извѣстной степени социализаціи орудій производства; удѣляя капиталу наименьшую часть въ доходахъ и дивидендахъ, онъ этимъ самымъ подготовлялъ условія

его уничтоженія. Иначе говоря, онъ поколебаль существующій порядокъ вещей, но еще не распаталъ его. Что же касается Пеккера, то онъ не опасается разрушить его окончательно.

И приняаясь за это колоссальное предпріятіе, онъ не только хочетъ обезпечить пролетаріяшъ свободу, но разсчитываетъ, главнымъ образомъ, положить конецъ непроизводительной тратѣ силъ, являющейся характерной чертой индивидуалистическаго государства. Воля отдѣльныхъ лицъ должна бытъ подчинена одной высшей волѣ. Необходимъ центральный распорядитель.

Производители не сдумѣли бы сами рѣшать, какого рода продукты и въ какомъ количествѣ слѣдуетъ производить. «Самое разумное, что социальная наука могла бы предложить, это созданіе центральной администраціи, выполняющей функціи необходимаго посредника между производителемъ и потребителемъ, и законнымъ образомъ завѣдывающая, какъ орудіями производства, такъ и распредѣленіемъ богатствъ».—Таковы принципы экономической организаціи, и не можетъ быть никакого сомнѣнія насчетъ естественно вытекающихъ отсюда выводовъ.

Въ обществѣ, организованномъ на такихъ началахъ, всякій гражданинъ имѣетъ право требовать у администратора какого либо занятія, а, слѣдовательно, и необходимыхъ инструментовъ для работы по своей спеціальности. Тутъ возникаетъ два вопроса, требующіе немедленнаго рѣшенія: какимъ образомъ будутъ распредѣляться занятія? Какъ они будутъ вознаграждаться?

Безспорно, между гражданами возникнутъ соревнованіе и соперничество, при поступленіи на извѣстныя должности, и потому замѣщеніе ихъ по наследству, или по назначенію, одинаково должно быть отвергнуто, ибо замѣщеніе по наследству противорѣчитъ демократическому принципу, по которому человекъ оцѣнивается лишь по своимъ личнымъ заслугамъ, а замѣщеніе по назначенію свыше могло бы дать просторъ произволу и разнымъ соображеніямъ, идущимъ во вредъ общественному благу. Поэтому долженъ быть примѣненъ конкурсъ, въ связи съ выборнымъ началомъ.

Такъ какъ всѣ будутъ равны, и одно и то же общее образованіе будетъ даво всѣмъ дѣтямъ, которые лишь впоследствии, соответственно способностямъ, будутъ специализироваться въ той или другой технической области, такъ что подборъ будетъ совершаться вполнѣ мирно, то останется только выбирать начальниковъ и надсмотрщиковъ, согласно правиламъ, практикуемымъ въ республиканскихъ странахъ. Къ тому же выборныхъ всегда можно будетъ лишить ихъ званія, въ случаѣ неудовлетворительнаго исполненія ими своихъ обязанностей.

Должность, которая не наследственна, не можетъ быть и пожизненною.

По общему правилу, члены коммуны будутъ получать одинаковое вознагражденіе. Нужно замѣтить, что на самомъ дѣлѣ формула, даваемая на этотъ счетъ Пеккеромъ, не всегда отличается такой опредѣленностью, и что въ разныхъ мѣстахъ она изложена различно. Тѣмъ не менѣе, повсюду Пеккеръ выказывалъ явное предпочтеніе равенству въ вознагражденіи; повсюду

онъ разбивалъ формулу сеяч-симонистовъ и особенно формулу чистаго коммунизма, предполагающую, что человѣкъ, въ качествѣ существа совершеннаго, можетъ безгранично расширять свои потребности. Онъ возстаетъ противъ подобнаго пониманія вещей, которое привело бы къ тому, что король или другой, стоящій во главѣ правленія, получали бы непомерно высокое вознагражденіе, въ то время какъ плата чистильщику отхожихъ мѣстъ была бы понижена до крайнихъ предѣловъ. Гораздо легче найти людей, согласныхъ быть королями, чѣмъ людей, желающихъ заняться очисткою отхожихъ мѣстъ. Могутъ замѣтить, что есть всегда интересъ оказывать преимущество таланту, генію. На это можно отвѣтить, что они въ достаточной степени будутъ вознаграждены выпадающимъ на ихъ долю всеобщимъ уваженіемъ, благодарностью, славой. Къ тому же, слишкомъ упускаютъ изъ виду, что всякое различіе въ получаемомъ вознагражденіи допускаетъ сначала моральное неравенство, а потомъ предварительный вычетъ въ пользу одного на счетъ другого: «давать кому либо за его трудъ и его таланты, значить заставлять кого нибудь другого не получать за свой трудъ, значить заставлять этого послѣдняго работать въ пользу перваго».

Какъ и его предшественники, Пеккеръ удѣляетъ часть общественныхъ доходовъ на содержаніе стариковъ. Требуя, слѣдовательно, чтобы каждый получалъ продуктъ своего труда, онъ ограничивается выставленіемъ общаго принципа—а на практикѣ онъ, по необходимости, отъ него уклоняется. Этимъ въ значительной степени нарушается принципъ равенства вознагражденія; но, съ другой стороны, какъ сохранить его во всей его цѣлости?

Мы теперь знаемъ первое различіе между коллективизмомъ и коммунизмомъ: способъ вознагражденія тамъ и тутъ построенъ не на однихъ и тѣхъ же началахъ. Но вотъ и другое различіе: коммунисты не допускаютъ никакой частной собственности; коллективисты же признаютъ, что каждый по своей волѣ можетъ пользоваться назначеннымъ ему продуктомъ, при томъ, однако, условіи, чтобы не превращать его ни въ орудіе производства, ни въ товаръ для обмѣна. Всѣ работники имѣютъ право сохранять свои сбереженія, либо затѣмъ, чтобы имѣть возможность прожить нѣкоторое время не работая, либо затѣмъ, чтобы передать ихъ, кому угодно. Такимъ образомъ, право наследства, въ ограниченной, спеціальной формѣ допускается.

Таковъ, въ общемъ, экономическій порядокъ, какимъ онъ представляется въ построеніяхъ Пеккера.

Освобожденный отъ вліянія нѣкоторыхъ паразитныхъ элементовъ и метафизическихъ осложненій, режимъ этотъ изображенъ въ ясной, систематической формѣ. Но чтобы вполне оцѣнить его, необходимо обратить особое вниманіе на нѣкоторыя предвидѣнія будущаго, которыя разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ и въ «*Traité des améliorations matérielles*» и въ «*Manuel d'économie sociale*».

Авторъ полагаетъ, что возрожденіе міра при помощи коллективизма, послужитъ толчкомъ къ необычному развитію производительной энергіи.

Такъ какъ всю свою систему онъ строитъ на анализѣ научнаго прогресса, на критикѣ результатовъ машиннаго производства въ государствѣ, раздробленномъ на части, то, естественно, онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не показать, каковы будутъ результаты приѣненія новыхъ открытій, новыхъ способовъ производства, въ обществѣ, организованномъ на совершенно иныхъ началахъ.

Усовершенствованные пути сообщенія, большая углизація пара, которые въ настоящее время лишь обостряютъ общественный недугъ, послужатъ только тому, чтобы удешевить человѣческую энергію и обезпечить для общей пользы сочетание и объединеніе рынковъ. Въмѣсто того, чтобы разными искусственными приемами удерживать исключительно за собой національный рынокъ, вмѣсто того, чтобы увеличивать число производствъ и насаждать новыя культуры, даже тамъ, гдѣ условія почвы и климата имъ мѣше всего благоприятствуютъ, государства распределятъ между собою работу такимъ образомъ, что каждый народъ будетъ посвящать себя производствамъ, для которыхъ онъ болѣе всего приспособленъ, благодаря своимъ особымъ естественнымъ преимуществамъ.

Населенныя территоріи мало-по-малу обратятся въ одну обширную федерацію, которая откажется навсегда вести войны и выработаетъ для большаго удобства въ сношеніяхъ однаъ общій языкъ. Человѣчество займетъ мѣсто «отечества». Замѣчательно не то, что эти идеи встрѣчаются у Пеккера, но то, что онѣ выведены съ такой логичностью и, главное, выражены въ такой ясной и смѣлой формѣ. Авторъ «*Traité des améliorations*» изслѣдовалъ почти все поле предвидѣній социализма: отъ коллективистической организаціи отдѣльной націи, онъ, въ силу самой логики своихъ разсужденій, переходитъ къ построенію другого, объединеннаго міра, гдѣ всякіе внутренніе барьеры уничтожены. Безъ сомнѣнія, идея сліянія различныхъ коммунъ еще не развита здѣсь такъ полно, какъ это было сдѣлано впоследствии, но уже самое появленіе подобной мысли совершенно достаточно для характеристики столь заслуживающаго вниманія произведенія одного изъ слишкомъ забытыхъ мыслителей поколѣнія 1840-хъ годовъ.

Кабэ.

I.

Если заняться разборомъ однихъ только предложеній и социальныхъ построеній, формулированныхъ во второй половинѣ Іюльской монархіи, придется зачислить Кабэ въ ряды крайняго авангарда. Онъ не довольствуется однимъ лишь ограниченіемъ права на наслѣдство, онъ не ограничивается

однимъ лишь провозглашеніемъ права на трудъ или защитой кооперативныхъ организацій, субсидируемыхъ государствомъ и постоянно расширяющихъ свои размѣры. Онъ становится энергичнѣйшимъ приверженцемъ коммунизма.

Нужно замѣтить, что рѣшительные коммунисты встрѣчались довольно рѣдко въ исторіи социалистической мысли. Многихъ публицистовъ останавливали послѣдніе выводы коммунизма, какъ полное уничтоженіе богатства и частной собственности, и распределеніе продуктовъ соразмѣрно потребностямъ cadaго. Въ болѣе степени, нежели коллективисты или же чистые государственники, вродѣ Видаля или Луи-Блана, послѣдователи Бабефа навлекли на себя насмѣшки однихъ и яростную критику другихъ. Государственникъ своею вѣрой въ государство, которое, по необходимости, въ теченіе извѣстнаго времени будетъ представлять собой типъ современнаго государства съ его орудіями принужденія и конституціоннымъ аппаратомъ, болѣе или менѣе приспособленнымъ къ жизни, не внушаетъ такого абсолютнаго и непреодолимаго страха всѣмъ представителямъ либеральной и правовѣрной экономіи. Въ государственникѣ они видятъ своего противника, но никакъ не своего врага, противъ котораго всѣ средства допустимы—отъ возмутительнаго насилія, до самаго вопіющаго злоупотребленія правомъ. Коллективизмъ, передающій къ руки общества господство надъ вещами, взаимъ современнаго господства надъ людьми, предлагаетъ самъ программу переходнаго характера; онъ не уничтожаетъ ни правъ завѣщанія, ни права наслѣдованія. У него нѣтъ, хотя, правда, не очень прочная, но все же кое-какая связь съ современной организаціей; вотъ почему, какъ бы онъ ни былъ склоненъ перейти къ режиму коллективизма, все же коллективистъ никогда не будетъ внушать защитникамъ современнаго строя такого отвращенія, какое въ нихъ вызываетъ коммунизмъ.

Коммунизмъ—это отвратительное существо по самой природѣ своей, это—дикарь, который угрожаетъ мирному спокойствію городовъ, прочности семейнаго союза и женской добродѣтели,—современный вандализмъ или гуннъ, который стремится пробить брешь въ современномъ обществѣ, дабы, проникнувъ въ вѣдра его, посѣять въ немъ терроръ и убійство.

Таковы были воззрѣнія крестьянъ 1848 года, которымъ комитеты роялистовъ, бонапартистовъ и клерикаловъ старались привить ненависть къ социализму; таковы понятія, которыя еще и теперь распространяются нашими профессорами-юристами, согласно программамъ, рекомендующимъ борьбу противъ грознаго натиска пролетаріата.

Всѣ согласятся, что для того, чтобы отстаивать основныя положенія коммунизма, сослаться на него, изучать предполагаемый ходъ его развитія, нужно умѣть отнестись съ нѣкоторой насмѣшкой ко взглядамъ «хорошаго тона» и любить рѣзкую и смѣлую прямоту. И вотъ именно за то, что Кабэ, не оставившаяся ни предъ язвительными насмѣшками, ни предъ мстостью противниковъ, пошелъ на встрѣчу всему,—онъ заслуживаетъ почетнаго мѣста въ исторіи социалистической литературы.

II.

Онъ заслуживаетъ этого мѣста вдвойнѣ: онъ не ограничился выставленіемъ своихъ идей въ одной только догматической или полемической формѣ, онъ написалъ коммунистическій романъ, который остается однимъ изъ лучшихъ, мы охотно сказали бы: даже лучшимъ изъ всѣхъ, когда либо написанныхъ до сихъ поръ.

Въ наши дни онъ приобрѣлъ себѣ подражателей въ Англии, Америкѣ и другихъ мѣстахъ, причемъ изданія этихъ подражателей, которыми часто были выдающіеся писатели, распространились въ огромномъ количествѣ, совершенно не соответствующемъ численности социалистической арміи. Но никто изъ нихъ не сумѣлъ съ такимъ интересомъ, и особенно съ соблюденіемъ большей точности и строгости, какъ у Кабэ, представить подробности будущей коммунистической жизни.

Нѣкоторые мыслители, хотя и считаютъ себя приверженцами идей, защищаемыхъ въ этихъ книгахъ, относятся критически къ самой формѣ ихъ выраженія.

Можетъ быть, имъ кажется, что доктрина, распространяемая въ нѣсколько игривой формѣ, теряетъ въ своемъ достоинствѣ; можетъ быть, они предполагаютъ, что необходимо всегда писать, обращаясь къ разуму, къ логикѣ и избѣгая элементовъ чувства и воображенія. Но это была бы излишняя суровость, которую пикомъ образомъ нельзя было бы оправдать, если принять во вниманіе подобныя же примѣры въ прошломъ.

Вообще говоря, распространеніе социализма должно идти тѣмъ же путемъ, какъ это было съ распространеніемъ идей политическаго либерализма полтора вѣка тому назадъ, или съ движеніемъ противъ рабства въ еще болѣе близкую намъ эпоху.

Средства, которыми можно пользоваться, чтобы поражать вниманіе людей, внушать имъ извѣстныя понятія, освѣщать нередъ ними извѣстное положеніе, вовсе не такъ уже многочисленны. Прямой путь состоитъ въ абстрактномъ изложеніи отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ, но наряду съ этимъ можно пользоваться и косвеннымъ путемъ, замѣняя абстракцію, сухую и голую діалектику—вымышленными, обреченными въ плоть и кровь, образами романа или драмы. Никто не станетъ отрицать роли, которую сыграли 1789 г. играли рассказы Вольтера или комедіи Бомарше, наряду съ трактатами Монтескье, Руссо и энциклопедистовъ.

Знаменитая книга «Хижина дяди Тома», благодаря крайнему интересу, который она вызывала, необычайно способствовала тому, что движеніе противъ рабства въ Америкѣ еще болѣе окрѣпло и въ концѣ концовъ одержало побѣду. Викторъ Гюго въ своихъ романахъ представилъ гораздо больше аргументовъ противъ смертной казни, чѣмъ это могли сдѣлать самыя логическія, самыя краснорѣчивыя разсужденія.

Почему же социализму не воспользоваться орудіемъ, которое такъ хорошо послужило другимъ освободительнымъ движеніямъ, преслѣдовавшимъ, правда, не столь широкія цѣли, какъ онъ? Онъ не можетъ отказаться отъ услугъ, предлагаемыхъ ему художественной литературой и искусствомъ, ибо поступить иначе значило бы взмѣнять своимъ прямымъ обязанностямъ. Его доктрина, сама по себѣ, сведенная къ однимъ экономическимъ и историческимъ положеніямъ, можетъ быть совершенно достаточной для сознательныхъ пролетаріевъ, уже закалившихся въ борьбѣ. Но она можетъ оттолкнуть отъ себя людей менѣе сознательныхъ, предпочитающихъ нѣчто болѣе конкретное и готовыхъ принять предлагаемую имъ нишу только въ томъ случаѣ, если она не покажется имъ слишкомъ неудобоваримой. Кабэ оказалъ коммунизму ту услугу, что предположилъ полное его осуществленіе, показалъ всѣ подробности его примѣненія на дѣлѣ, привелъ въ дѣйствіе всѣ колесики его механизма, вводя всюду въ свое описаніе главнаго героя, который и самъ по себѣ внушаетъ симпатію. Но, чтобы понять его мысль во всей ея полнотѣ, оцѣнить всю возвышенность ея полета, необходимо рядомъ съ его «Икаріей» разобрать его ученые труды болѣе догматическаго характера, какъ, на примѣръ, его произведеніе «Истинное христіанство», появившееся въ 1847 г., годъ спустя послѣ «Икаріи», и въ которомъ еще рѣзче выступаютъ его коммунистическіе выводы.

III.

Въ «икарійскомъ» общественномъ строѣ частная собственность не существуетъ; всѣ граждане пользуются одинаковыми правами; всѣ работаютъ въ одинаковой степени; денежные знаки больше не обращаются; члены администраціи избираются лишь на извѣстное время и вообще считаются смѣняемыми; палата изъ 2000 депутатовъ рѣшаетъ общегосударственные вопросы, по народѣ, въ случаѣ надобности, проявляетъ свою волю путемъ законодательной инициативы или референдума.

Икара, столица, представляетъ собою городъ, построенный въ новѣйшемъ стилѣ и способный удовлетворить требованіямъ самого Фурье или Консидерана видомъ своихъ крытыхъ улицъ, пышнымъ расцвѣтомъ искусствъ, коллективными орудіями производства, облегчающимъ снабженіе жителей провіантомъ, образцовыми домами, широкимъ распространеніемъ знаній какъ научныхъ, такъ спеціальныхъ и чисто-практическихъ. У всѣхъ на лицахъ — выраженіе счастья, на улицахъ полная безопасность, въ отношеніяхъ между жителями сердечное радушіе. Таковы черты, которыя прежде всего поражаютъ вниманіе читателя, возбуждая въ немъ желаніе проникнуть дальше въ самую глубь экономической, политической и социальной организаціи республики Кабэ.

Община, которая имѣетъ въ своемъ распоряженіи капиталы, т. е. машины, желѣзныя дороги, сырые матеріалы, все, что требуется для произ-

водства, опредѣляетъ ежегодно количество предметовъ для изготовленія. Въ общины—нѣтъ никакой промышленности, никакой торговли. Разсчитавъ по даннымъ статистики величину спроса на предметы потребленія, община назначаетъ отдѣльнымъ гражданамъ или цѣлымъ группамъ ихъ работу, которую они обязаны выполнить, и въ то же время снабжаетъ ихъ инструментами и необходимымъ матеріаломъ. По окончаніи работы товары складываются въ общихъ магазинахъ, куда каждый затѣмъ приходитъ получать свою долю, соразмѣрно своимъ потребностямъ.

Этотъ трудъ не внушаетъ отвращенія, какъ въ капиталистическомъ обществѣ. Напротивъ, благодаря непрерывному росту технического прогресса, замѣняющаго человѣческую работу силой машины, трудъ становится несравненно легче, кромѣ того, онъ приуроченъ къ естественнымъ наклонностямъ и врожденнымъ вкусамъ членовъ общины: каждый имѣетъ право выбирать себѣ профессію; въ случаѣ соперничества между членами, помогающимися одного и того же мѣста въ общинѣ, вопросъ рѣшается посредствомъ конкурса. Но такое соперничество встрѣчается рѣдко—и, къ тому же, оно здѣсь ничѣмъ не объяснимо, такъ какъ нѣтъ болѣе прежнихъ раздѣленій:—почетный трудъ, унизительный трудъ, работа, хорошо оплачиваемая, и работа, дурно оплачиваемая. Съ одной стороны, община не прибѣгаетъ при оцѣнкѣ труда къ приемамъ капиталиста, по которымъ вознагражденіе выдается пропорціонально сдѣланной работѣ. Съ другой стороны, всякій трудъ одинаково почетенъ, ибо каждый смотритъ на свой трудъ, какъ на служебную обязанность, точно такъ же, какъ каждое служебное лицо считаетъ свою службу за трудъ.

Никто болѣе не служитъ отдѣльнымъ лицамъ или группѣ капиталистовъ, каждый служитъ всему обществу въ цѣломъ, и всякая служба, поэтому, необходимо пользуется уваженіемъ и утрачиваетъ свой унизительный характеръ.

Земледѣліе въ Икарѣ, какъ и въ фаланстерахъ Фурье, играетъ преобладающую роль, и икарійцы падѣлены всѣми свѣдѣніями, касающимися обработки земли.

Религія ничѣмъ не связана съ государствомъ. Къ тому же, она представляетъ собой не что иное, какъ ученіе о братствѣ, облеченное въ форму туманнаго деизма. Самая широкая терпимость соблюдается въ отношеніи всѣхъ метафизическихъ воззрѣній. Общественное мнѣніе строго слѣдитъ за соблюденіемъ вѣрности между супругами, т. е. незаконное сожителство и адюльтеры самымъ строгимъ образомъ осуждаются, такъ что, вопреки клеветническимъ нападкамъ буржуазныхъ писателей, моногамія является здѣсь закономъ въ отношеніяхъ между полами.

Въ національномъ собраніи, являющемся первымъ органомъ власти послѣ народа,—говорятъ мало, такъ какъ болтуны не пользуются уваженіемъ, но зато тамъ больше заботятся объ общемъ благѣ.

Впрочемъ, палата пользуется лишь ограниченными правами: провинціальнымъ собраніямъ и коммунамъ предоставлены очень широкія прерогативы—и та-

кимъ образомъ децентрализація проведена широко. Число газетъ ограничено: ихъ содержаніе все болѣе сводится къ протокольному занесенію событій.

Не забудемъ и театра: подобно массѣ продуктовъ, предназначенныхъ къ потребленію соотвѣтственно потребностямъ каждаго гражданина, и театръ находится всегда въ распоряженіи всѣхъ икарійцевъ, проникающихъ въ него каждый поочередно.

Такова, въ существенныхъ чертахъ, организація коммунистическаго общества. Остается установить, какимъ образомъ человѣчество перешло къ нему отъ стараго режима, сосредоточеннаго въ немногихъ рукахъ, гдѣ царилъ одинъ лишь безпорядокъ, гдѣ депутаты занимались больше разговорами, чѣмъ дѣломъ, гдѣ въ театры народъ только извѣдка допускался безплатно.

Кабэ не уклонился отъ отвѣта. Первоначально частная собственность еще сохранялась, но прогрессивные налоги, все съ большей тяжестью ложившіеся на капиталы и наслѣдства, довольно быстро заключили ихъ въ тѣсныя рамки; установленіе законодательнымъ путемъ заработной платы нанесло новый ударъ капитализму.

Сотни милліоновъ, составленныхъ изъ фискальныхъ палоговъ или сокращенныхъ военныхъ бюджетовъ, предоставили возможность надѣлать всѣхъ работой, обезпечить жилища бѣднякамъ, дать всѣмъ образованіе.

Это, какъ можно видѣть, представляетъ собой, приближительно, программу-минимумъ социалдемократіи Стараго и Новаго свѣта, и гипотетически основатели Икаріи выполнили ее болѣе полувѣка тому назадъ.

IV.

Во второй части своего романа Кабэ даетъ оцѣнку работъ наиболѣе знаменитыхъ своихъ предшественниковъ социалистовъ. Если, съ одной стороны, онъ превозноситъ Бабэфа—чему не приходится удивляться, такъ какъ онъ воспринялъ почти всѣ привіцины «Равныхъ»—то, съ другой стороны, онъ дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по адресу сенъ-симонизма и фурьеризма. Первая система грѣшила въ томъ отношеніи, что все сводила къ религіи и теократіи—обвиненіе, нѣсколько странное со стороны автора «Истиннаго христіанства», который самъ считаетъ нужнымъ ссылаться на Откровеніе.

Что же касается фаланстера, то онъ не сумѣлъ уничтожить неравенство состояній, и слѣдовательно, данное имъ рѣшеніе—неполно.

Третья часть «Икаріи» посвящена изложенію доктрины, которую, впрочемъ, встрѣчаешь потомъ снова въ «Истинномъ христіанствѣ». Критика промышленнаго міра менѣе сильна и менѣе подробна у Кабэ, чѣмъ у Консидерана и Пеккера. Онъ, правда, указываетъ на то, что частная собственность, дежное обращеніе, анархія производства—главные источники нашихъ несчастій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не забываетъ указать на антагонизмъ, возникшій между современнымъ обществомъ и тѣмъ, которое создано было христіанствомъ.

И онъ стремится возстановить прежнее равновѣсіе, прежній строй первобытной христіанской семьи путемъ примѣненія тѣхъ новыхъ средствъ, которыми располагаетъ современное ч ловѣчество.

Иисусъ въ его глазахъ является революціонеромъ, который стремится виспровергнуть общепринятія идеи и государства и создать соціальную демократію, въ которой бы царили общность благъ и равенство вознагражденія. Коммуна являлась бы тогда не чѣмъ инымъ, какъ практическимъ осуществленіемъ апостольскаго ученія. Она принимаетъ за образецъ Бога, то есть само совершенство, и, по его примѣру, устанавливаетъ совершенную соціальную организацію.

Она олицетворяетъ въ себѣ всемогущество на землѣ, ибо все въ себѣ соединяетъ и къ силѣ человѣка прибавляетъ безконечное могущество промышленности и машинъ. Она сохраняетъ личность во всей ея полнотѣ и обезпечиваетъ достоинство, порядокъ, гармонію и миръ, другими словами, она ведетъ къ тѣмъ самымъ конечнымъ цѣлямъ, которыя преслѣдовалъ Христосъ. Какъ и онъ, она стремится къ освобожденію слабой половины человѣческаго рода; совершенно неосновательнымъ является обвиненіе ея въ томъ, что она стремится къ общности женъ: «ни одинъ изъ тѣхъ, кто бросаетъ въ насъ этой клеветой, не отстаиваетъ брака и семьи въ такой степени, какъ мы».

И тутъ Кабо обращается съ призывомъ ко всѣмъ, кто признаетъ въ Иисусѣ Христѣ воплощеніе мудрости, ко всѣмъ, кто видитъ въ немъ человѣка, ко всѣмъ, кто смотритъ на него, какъ на Бога: всѣ должны соединиться и общими усиліями содѣйствовать торжеству коммунизма.

Такимъ образомъ, деизмъ, представляющій характерную черту всего поколѣвія 1848 года, неспособность обосновать соціальное переустройство ходомъ органическаго развитія промышленной жизни, прорываются и у наиболѣе передового изъ публицистовъ Іюльской монархіи и кладутъ на него печать своей эпохи. Нигдѣ въ своихъ произведеніяхъ Кабо не задавался цѣлью показать, что концентрація капитала можетъ до извѣстной степени автоматически повести къ другому способу распредѣленія; исходя изъ однихъ лишь простыхъ требованій морали и справедливости, онъ дошелъ до системы, которую современные коммунисты хотя и находятъ далеко не соответствующей ихъ собственнымъ воззрѣніямъ, но которая, тѣмъ не менѣе, вполне соответствуетъ вульгарному традиціонному коммунизму.

Кабо вполне опредѣленно примыкаетъ ко всей школѣ Іюльскаго періода по своей вѣрѣ въ доброгу чловѣчества и въ великодушіе богачей и сильныхъ міра сего. Идея глубокаго антагонизма классовъ нисколько не отразилась въ его умѣ, и онъ поэтому не признаетъ за народомъ никакого права на возмущеніе. Не съ помощью силы, а путемъ убѣжденія и пропаганды идей о братствѣ, будетъ достигнуто полное уничтоженіе соціального неравенства. Если для обновленія соціального организма недостаточно будетъ десяти лѣтъ, можно будетъ потратить на это тридцать, пятьдесятъ, сто лѣтъ, ибо

лучше продолжительный переходъ къ будущему строю, нежели внезапное нарушение общественнаго мира.

Неудачныя революціи,—а ихъ очень много въ исторіи народовъ,—ведутъ только къ большому порабощенію тѣхъ, кто ихъ напрасно затѣвалъ. И народъ злоупотреблялъ бы своею властью, если бы онъ въ своихъ интересахъ прибѣгалъ бы къ насилию, ибо въ результатѣ насилія всегда является тиранія; а угнетеніе богачей заслуживаетъ не большей похвалы, чѣмъ угнетеніе бѣдняковъ.

Извѣстна знаменитая фраза, которой кончается первая часть «Икаріи»: «если бы я держалъ революцію въ своей рукѣ, я оставилъ бы ее закрытой, даже если бы мнѣ прѣшло умереть въ ссылкѣ». Это нѣчто совершенно противоположное бланкистской теоріи, о которой мы будемъ говорить ниже; невольно удивляешься, когда подумаешь, что эта фраза была написана въ промежуткѣ между двумя революціями—іюльской и февральской—и почти на другой день послѣ нѣлаго ряда кровавыхъ возстаній. Но та же самая фраза могла бы вылиться и изъ-подъ пера Консидерона или Видаля, Пеккера или Леру. Мыслители, которые своими произведеніями подготовили великое пролетарское возмущеніе 1848 года, никогда не предвидѣли всего обаянія своего ученія, всей силы того броженія, которое оно вызвало въ рабочемъ классѣ. Но развѣ Монтескье, Вольтеръ и даже Руссо отличались большей проницательностью, и развѣ они предвидѣли событія 1792 и 1793 годовъ?

Прудонъ.

I.

Прудонъ въ своихъ практическихъ выводахъ не прикинулъ ни къ коммунизму, ни къ коллективизму, и однако никто не рѣшился бы написать исторію социализма во Франціи, не удѣливъ извѣстнаго вниманія Прудону, въ соотвѣтствіи съ той крупной ролью, которую онъ сыгралъ. Онъ неоднократно провозглашалъ себя социалвостомъ, несмотря на то, что, по своимъ положительнымъ взглядамъ, нисколько не заслуживалъ этого названія. Что дѣйствительно достойно удивленія, это кригическая сторона его ученія, несравненно болѣе разработанная, чѣмъ что-либо другое; это—анализъ общественныхъ золь, освѣщеніе самой сущности тѣхъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ нѣкоторыхъ нашихъ современныхъ теорій.

Если выикнуть глубже въ крайне многочисленныя произведенія Прудова, среди которыхъ нѣтъ ни одного, лишеннаго интереса, то можно убѣдиться, что еще раньше великой работы, исполненной Марксомъ, онъ сумѣлъ объединить въ одномъ могучемъ синтезѣ всѣ разрушительныя тенденціи капита-

листическаго строя. Борьба классовъ, предугаданная Бабефомъ, замаскированная Фурье и Сень-Симономъ, Консидераномъ и Луи-Бланомъ, Пеккеромъ и Каба, выдвигается имъ въ качествѣ господствующаго явленія исторической эволюціи. Онъ рѣшительно отвергаетъ объединеніе классовъ, на каждомъ шагѣ восхваляемое его предшественниками и другими мыслителями 1840-хъ годовъ. Исходя изъ непримиримаго антагонизма интересовъ буржуазіи и пролетаріата, отвергая совмѣстную инициативу, исходящую одновременно изъ верховъ и низовъ общества, онъ провозгласилъ безусловную необходимость революціи, хотя и не выяснилъ условій ея осуществленія. Въ области другихъ вопросовъ онъ до основанія разрушилъ установившіяся воззрѣнія на собственность, провозгласилъ право работника на полный продуктъ своего труда, формулировалъ желѣзный законъ заработной платы, ясно представилъ образованіе капитала изъ прибавочной стоимости. Можно ли не поражаться сходству этихъ выводовъ съ выводами «Коммунистическаго Манифеста», появившагося въ тотъ самый моментъ, когда авторъ «*Mémoires sur la Propriété*» былъ только на пути къ полному расцвѣту своего творчества? Можно ли не предать забвенію, хотя бы изъ уваженія къ столькимъ услугамъ, оказаннымъ дѣлу пролетаріата и социалистической мысли, тѣ ругательства, которыми Прудонъ осыпалъ социалистовъ, тѣ аргументы, которыми, противъ своей воли, онъ снабжалъ ихъ противниковъ, тѣ превозносимыя имъ мѣропріятія, которыя повели бы къ еще большому упроченію существующаго строя?

Помимо своей способности къ разрушительной критикѣ, великій публицистъ не менѣе поражаетъ своимъ талантомъ въ діалектикѣ. Конечно, по нѣкоторымъ причинамъ есть основаніе упрекнуть его въ излишней привязанности къ абстрактнымъ разсужденіямъ, въ крайнемъ увлеченіи пустыми и двусмысленными формулами и въ погонѣ за софизмами, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не преклониться передъ богатствомъ его доводовъ и нутъ логической силой, тѣмъ болѣе, что эти черты характеризуютъ съ начала до конца все его произведенія. И въ то время, какъ столь многіе, едва достигнувъ полной зрѣлости таланта, перестаютъ, по обыкновенію, быть самими собой и неспособны дать болѣе того, что уже дали, Прудонъ неустанно шелъ впередъ, и его лучшее произведеніе—«*La capacité des classes ouvrières*», которое само по себѣ могло бы увѣковѣчить его имя, появилось въ 1864 году, незадолго до его смерти.

Многіе обвиняли Прудона въ противорѣчивости его утвержденій, жаловались на то, что онъ, по образцу древнихъ греческихъ риториковъ, какъ бы находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы высказывать и защищать самыя противорѣчивыя положенія, какъ бы играя діалектикой. Безспорно, у него на каждомъ шагѣ встрѣчаются противоположныя тезисы, часто исключаютъ другъ друга. Тѣмъ, которые его мало читали, и при томъ плохо читали, часто удавалось открывать въ его произведеніяхъ одну только сторону его доктрины или, точнѣе, умозрѣнія; другая сторона ускользала отъ нихъ, и они, вполне естественно, не могли имѣть о ней представленіе. Понятно, почему только одна эта сто-

рона служила имъ арсеналомъ для цитатъ, которыя они выуживали въ произведеніяхъ извѣстнаго философа. Парламентскія дискусіи во Франціи и въ другихъ странахъ давали не разъ любопытныя и не лишеныя пикантности примѣры этой неспособности пониманія у нѣкоторыхъ, слишкомъ порывистыхъ натуръ. Достаточно указать на дебаты по вопросу о подоходномъ налогѣ въ Бурбонскомъ дворцѣ и другихъ парламентахъ, гдѣ въ одно и то же время ссылались на Прудона, какъ въ защиту, такъ и въ опроверженіе такого способа обложенія. Въ дѣйствительности, тѣ, которые ссылались на авторитетъ великаго публициста для защиты прогрессивнаго налога, были правы; правы были и тѣ, которые, пользуясь тѣмъ же авторитетомъ, выступали противъ принципа прогрессивности.

Но какъ тѣ, такъ и другіе, виновны въ недостаточной полнотѣ своего знакомства съ авторомъ; они набрасывались на первую желательную имъ фразу, игнорируя всю остальную часть текста, и вслѣдствіе этого оставляли безъ вниманія дѣйствительныя, содержащіяся въ немъ тенденціи и заключенія. А между тѣмъ, діалектической методъ Прудона не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека. Прудонъ не изъ тѣхъ, которые бросаютъ свои идеи непродуманно, въ грубой формѣ, безъ предварительной ихъ обработки. Каждая теорія или часть теоріи являются у него слѣдствіемъ цѣлаго ряда разсужденій, за которыми необходимо слѣдить очень тщательно. Его мысль цѣлва, едина и логически выражена,—достаточно взять любой томъ его произведеній, чтобы убѣдиться въ этомъ. И между тѣмъ, никогда, можетъ быть, никакой другой писатель не боролся такъ, какъ онъ, противъ самого же себя. Въ его произведеніяхъ—*Les Mémoires sur la Propriété* (1840), *Les Contradictions économiques* (1846), *L'idée générale de la Révolution* (1851), *La Révolution sociale* (1852), *La Justice dans la Révolution et dans l'Eglise* (1858) и *La Capacité des Classes ouvrières* (мы намѣренно отмѣтили книги, выходившія черезъ нѣсколько лѣтъ одна за другой и считающіяся наиболѣе существенными)—во всѣхъ этихъ книгахъ Прудонъ исходитъ изъ однихъ и тѣхъ же привціповъ, приходитъ къ одной и той же разрушительной критикѣ, къ однимъ и тѣмъ же положительнымъ выводамъ. Чрезвычайно любопытно отмѣтить фактъ, что порицатели Прудона никогда не пытались доказать, съ цитатами въ рукахъ, его, якобы, недостаточную способность къ діалектикѣ.

Методъ Прудона заключается въ развитіи трехъ положеній: тезы, антитезы и синтеза. Его примѣненіе проведено съ особенной строгостью въ «*Contradictions économiques*» и «*Traité de la Propriété*», что и будетъ нами доказано впоследствии соответствующими иллюстраціями. Мы нашли полезнымъ съ самаго же начала напомнить въ двухъ словахъ о методѣ, чтобы облегчить пониманіе дальнѣйшаго вашего изложенія. Наиболѣе слабая и непріемлемая часть прудонизма—это система предлагаемыхъ имъ мѣръ, которая представляетъ собою нѣчто, совершенно противоположное социализму. Во многихъ отношеніяхъ, въ области практической, авторъ знаменитаго афоризма:

«собственность—это кража» остается значительно позади Луи-Блана и Консидерана, Пеккера и Кабэ. После того, как он надѣлилъ было пролетаріатъ всѣми орудіями для побѣдоносной борьбы съ капитализмомъ и индивидуализмомъ, онъ сталъ отвлекать его въ сторону, на окольные пути, на которыхъ онъ растратилъ бы всю свою энергію: начавъ съ провозглашенія принципа борьбы классовъ и отрицанія права на личную собственность, онъ въ конечномъ выводѣ пришелъ къ коопераціи и взаимопомощи. Это было равносильно тому, чтобы сказать: «отнынѣ я хочу основать на непоколебимой скалѣ политическое и экономическое господство буржуазіи». И еще вопросъ: допускалъ ли Прудонъ возможность полнаго расцвѣта своего общества, построеннаго на взаимопомощи, на другой день послѣ революціи, т. е., когда вародъ захватилъ бы власть въ свои руки и сталъ бы во главѣ государства, чтобы покончить навсегда со старымъ режимомъ? Подобное пониманіе вещей нисколько не соотвѣтствуетъ духу Прудона, ибо онъ относится съ отвращеніемъ къ такой формѣ проявленія коллективной воли.

Итакъ, теперь понятно, что въ пылу повседневной борьбы противники Прудона обращали вниманіе лишь на его ругательства и слабыя мѣста его построений, совершенно игнорируя всю глубину и мѣткость его критики. У него не было болѣе яраго врага, чѣмъ Марксъ, ибо Марксъ тотчасъ обнаруживалъ все гибельное и деморализующее вліяніе, которое ученіе Прудона должно было оказать на пролетаріатъ. Отсюда эти полные ядовитости упреки: «Натура Прудона, писалъ нѣмецкій мыслитель, толкала его къ діалектикѣ, но, не сумѣвши никогда подняться до пониманія научной діалектики, онъ не пошелъ дальше софизмовъ. И понятно: все это вытекало изъ его мелкобуржуазной точки зрѣнія. Мелкій буржуа говоритъ всегда: съ одной стороны и съ другой стороны. Онъ представляетъ собою ходячее противорѣчіе». Въ другомъ мѣстѣ Марксъ писалъ по поводу «Mémoires sur la Propriété»: «Въ научной исторіи политической экономіи имя Прудона почти не заслуживаетъ быть упомянутымъ; но сенсаціонный характеръ подобныхъ писаній играетъ извѣстную роль въ наукахъ, какъ и въ романахъ». «Манифестъ коммунистической партіи» отличался не меньшей страстностью, когда обвинялъ Прудона въ томъ, что тотъ призываетъ рабочихъ свернуть съ пути революціи и политики. Наконецъ, всѣмъ извѣстно, какую борьбу велъ Бланки противъ своего современника, на котораго онъ главнымъ образомъ нападалъ за его тяготѣніе къ кооперативизму. «Онъ является социалистомъ, сказалъ онъ о Прудонѣ, лишь постольку, поскольку онъ признаетъ незаконность ростовщичества». И по настоящее время не прекратились еще нападки на прудонизмъ. Въ извѣстной полемикѣ между Бернштейномъ и Каутскимъ не разъ вызывалась изъ гроба тѣнь Прудона. Каутскій упрекалъ Бернштейна въ томъ, что тотъ старается воскресить Прудона, а Бернштейнъ, возражая Каутскому, говорилъ, что самый ходъ событій заставляетъ возродить прудоновскіе тезисы. Каково бы, однако, ни было мнѣніе объ авторѣ «Противорѣчій», трудно не признать той роли, которую онъ сыгралъ въ

эволюціи пролетарской мысли во Франціи и виѣ ся, такъ какъ первыя прокламаціи Интернаціонала, первыя совѣщанія конгрессовъ этой великой ассоціаціи, несутъ на себѣ явный отпечатокъ его вліянія. Эта роль была гибельна. Послѣдователи Прудона проводили въ жизнь не его критику разрушенія, которая была и остается непоколебимой, а положительную сторону его системы, которую можно считать либо непрактичной, либо дѣтски-ванпой, а то и прямо ретроградной. Выводы Прудона уничтожали всякіе слѣды тѣхъ соображеній, которыя легли въ ихъ основу. Противники социализма ухватились за принципъ взаимопомощи, чтобы тѣмъ легче замаскировать борьбу классовъ и все зло, происходящее изъ частной собственности. Часть рабочаго класса, которая въ повседневной борьбѣ находила не мало аргументовъ противъ политической дѣятельности, дала себя вовлечь на совершенно безцѣльный путь чистаго синдикализма. Прудонъ, поддерживаемый значительной частью пролетаріата, возбуждаемый буржуазіей, которая вѣкогда клеймила его презрѣніемъ и клеветой, былъ обращенъ въ орудіе противъ социализма, которому онъ самъ помогъ выковать оружіе. Быть можетъ, Марксъ былъ правъ, когда обратилъ главнымъ образомъ вниманіе на практическую сторону великой задачи, которая непосредственно вытекала изъ всей прудоновской концепціи. Но когда рѣчь идетъ объ исторіи идейнаго движенія, необходимо разобрать всю систему въ ея цѣломъ и отдѣлить тѣ ся элементы, которые ею внесены въ сокровищницу современной социалистической доктрины, отъ тѣхъ, которые должны быть отвергнуты.

II.

Прежде всего необходимо остановиться на его книгѣ «*Contradictions économiqnes*», такъ какъ именно въ этой книгѣ Прудонъ перечислилъ всѣ недостатки существующаго строя и вскрылъ тѣ противорѣчія, которыя ведутъ къ его разрушенію. Съ самаго же начала онъ въ слѣдующихъ словахъ резюмировалъ преслѣдуемую имъ программу: «Если я докажу, что современная политическая организація со всѣми своими противорѣчивыми гипотезами и двусмысленными комбинаціями есть не что иное, какъ организація, основанная на привилегіяхъ и нищетѣ, я этимъ самымъ докажу, что она косвеннымъ образомъ содержитъ въ себѣ зародышъ другой организаціи, основанной на трудѣ и равенствѣ. Слѣдовательно, выставить систему «Экономическихъ противорѣчій»—все равно, что положить начало всемірной ассоціаціи».

Мы оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о восхваляемомъ имъ строѣ будущаго и обратимъ все свое вниманіе на картину современнаго общества и на противорѣчія, которыя въ немъ скрыты на каждомъ шагѣ. Промышленность, характерное явленіе нашей эпохи, основана на принципѣ раздѣленія труда; безъ него нѣтъ богатства, нѣтъ прогресса. Но это же самое раздѣленіе труда приводитъ къ полному подчиненію рабочаго, дѣлаетъ разумъ человѣка бесполезнымъ, богатство—вреднымъ, равенство—недостижимымъ. Что, послѣ труда,

является главной причиной возрастания богатства и развития ловкости работника?—Раздѣленіе труда. Что является главной причиной умственного вырожденія и современной нищеты?—Раздѣленіе труда. Вотъ гдѣ первое противорѣчіе. Но вслѣдъ за нимъ идетъ и второе, создаваемое машиной.

«Въ обществѣ непрерывное появленіе машинъ является антитезой, формулой, идущей въ разрѣзъ съ принципомъ раздѣленія труда: это геній индустріи возстаетъ противъ убійственной формы раздробленнаго труда».

«Благодаря машинѣ, окажется возможнымъ возродить частичнаго работника, уменьшить страданія рабочаго, понизить цѣну продуктовъ, расширить поле прогресса въ области новыхъ открытій, достигнуть общаго благополучія... Машина—это символъ человѣческой свободы, эмблема нашей власти надъ природой, необходимый атрибутъ нашего могущества».

Если остановиться на этомъ, можно было бы предположить, что широкое распространеніе машиннаго производства поведетъ къ однимъ только благодѣяніямъ. Но, наряду съ приведенными преимуществами, имѣются и многіе недостатки. Почему, въ самомъ дѣлѣ, цѣлыя массы рабочихъ увичтожали новыя, болѣе усовершенствованныя орудія, которыми ихъ снабжали изобрѣтатели?

Тѣмъ самымъ, что машины уменьшаютъ страданія работника, онѣ сокращаютъ, уменьшаютъ его трудъ, предложеніе котораго, въ силу этого, съ каждымъ днемъ все увеличивается, въ то время какъ спросъ на него уменьшается. Гибельное вліяніе машинъ на экономію общественнаго хозяйства и на условія труда проявляется въ разнообразнѣйшихъ формахъ: прекращеніе работы, сокращеніе заработной платы, перепроизводство, нагроможденіе товаровъ, порча и фальсификація продуктовъ, смѣшеніе воедино рабочихъ разныхъ категорій и, въ конечномъ итогѣ, вырожденіе, болѣзни и смерть».

Съ такой же двоякой точки зрѣнія, съ какой мы разсмотрѣли раздѣленіе труда и введеніе машинъ, необходимо разсмотрѣть и конкуренцію. Конкуренція необходима, но вслѣстѣ съ тѣмъ она—врагъ свободы. «Конкуренція является результатомъ введенія машинъ, организаціи мастерскихъ, стремленія къ сокращенію общихъ расходовъ. Конкуренція—это выраженіе самопроизвольнаго общественнаго процесса, эмблема демократіи и равенства, самое вѣрное орудіе для установленія цѣнностей, основа ассоціаціи», но вслѣстѣ съ тѣмъ она ведетъ къ монополіи, которая, въ виду злоупотребленій, становится явленіемъ антисоціальнымъ. И вотъ такимъ-то образомъ создается и развивается собственность, которая является результатомъ всей совокупности фактовъ и лежитъ въ основѣ всякой организаціи.

III.

Обратимся теперь къ знаменитому сочиненію: «Что такое собственность», которое, отличаясь большой смѣлостью мысли и ясностью формы, сразу обратило на себя вниманіе ученыхъ и любопытство толпы. Никогда еще подоб-

наго рода изслѣдованіе не было сдѣлано такъ открыто. «Собственность—это кража!»

Правда, еще Brissot de Warville въ 18 вѣкѣ высказывалъ нѣчто подобное о собственности, но во всякомъ случаѣ его положеніе не вытекало изъ строго обоснованной системы. «Декларация правъ» смотрѣла на собственность, какъ на естественное право человѣка, но въ этомъ правѣ на практикѣ было отказано большинству людей. Къ тому же, государство, считая въ принципѣ священными свободу, равенство и безопасность гражданъ, никогда не проводило столь же рѣшительно того же взгляда въ отношеніи собственности, которую оно всячески старалось урывать, достигая этого то пропорціональнымъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ, то конверсіями, то выкупомъ рентъ. Государство стоитъ во главѣ той части населенія, которая борется съ собственностью. Впрочемъ, еслибы собственность дѣйствительно вытекала изъ естественнаго права человѣка, никто бы такъ много не ломалъ себѣ головы надъ вопросомъ о ея происхожденіи.

Но, можетъ, быть, она является слѣдствіемъ захвата? Если отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, то попадешь опять въ заколдованный кругъ, ибо придется неизвѣстное объяснять неизвѣстнымъ. Право на владѣнія, если таковое имѣется, должно быть одинаково для всѣхъ, и такъ какъ границы владѣнія опредѣляются не какой либо личной волею, а измѣняющимися условіями мѣста и времени, то, въ сущности, это не могло бы повести къ образованію собственности.

Но, можетъ быть, право собственности можетъ быть основано на трудѣ? Если трудъ дѣйствительно является основой собственности, то почему же работники такъ часто лишены ея? Если бы рабочій всегда находилъ себѣ занятіе, то общество пришло бы къ равномѣрному распредѣленію собственности, или, другими словами—не было бы никакой собственности.

Она была бы упразднена трудомъ въ томъ смыслѣ, что была бы уравнена для всѣхъ. Къ тому же, если принять эту гипотезу, то законодательство было бы изобличено во лжи, ибо какъ обосновать тогда право наслѣдованія, многочисленныя правила относительно совершеннолѣтія, освобожденія отъ опеки и т. п.?

Необходимо, слѣдовательно, признать, что собственность поконится просто на общественномъ соглашеніи; но это все равно, что ничего не сказать, ибо, если приходится призывать на помощь актъ коллективной воли, необходимо представить и мотивы этой воли, такъ какъ именно эти мотивы прежде всего должны быть объяснены.

Собственность есть фактъ, и только; она есть кража, и даже всемірное соглашеніе не могло бы оправдать ея, ибо человѣкъ такъ же не можетъ отказаться отъ результатовъ своего труда, какъ и отъ права на свободу. «Право на собственность—это первоисточникъ зла на землѣ, первое кольцо той длинной цѣпи бѣдъ и преступленій, которую человечество влачитъ со дня своего рожденія». Это утвержденіе напоминаетъ знаменитую фразу Жиль-Жака

Руссо: «Я предъявляю искъ на право собственности всему обществу, я полагаю, что тѣ, которые ничѣмъ не владѣютъ, имѣютъ также же право на собственность, какъ и тѣ, кто обладаетъ ею; но вмѣсто того, чтобы отсюда придти къ выводу, что собственность должна быть раздѣлена между всѣми, я требую, чтобы въ интересахъ общей безопасности она была уничтожена одинаково для всѣхъ».

Обвинительная рѣчь Прудона направлена не только противъ *личной* собственности; перешагнувъ сразу черезъ границы, опредѣляемыя договорными отношеніями людей, Прудонъ выступаетъ противъ собственности цѣлыхъ народовъ. «Франція, подобно отдѣльному человѣку, владѣетъ территоріей, которую эксплуатируетъ. Есть націи, которыя находятся въ такихъ же отношеніяхъ другъ къ другу, какъ отдѣльные индивиды: онѣ трудятся и имѣютъ право пользованія. И только по привычкѣ злоупотреблять словами, имъ приписываютъ право на территорію».

Собственность есть вещь, недопустимая въ принципѣ, и тѣмъ не менѣе она развивается въ силу тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя породили ее: путемъ мошенничества, вымогательства, насилія. Хозяинъ выжимаетъ соки изъ пролетарія, вырываетъ изъ его рукъ продуктъ его труда за ничтожное вознагражденіе и обогащается на его счетъ.

«Подъ видомъ чистаго дохода, тунеядцы, оставляя въ свою пользу часть сдѣланныхъ продуктовъ, отнимаютъ у работника его сбереженія и капиталы, а такъ какъ безъ капитала невозможно работать и производить новыя цѣнности, то очевидно, что производитель является не чѣмъ инымъ, какъ простымъ орудіемъ въ рукахъ капиталиста, который продаетъ трудъ рабочаго до сбыта произведеннаго имъ продукта».

Если работникъ, несмотря на всѣ усилія, не можетъ сдѣлаться капиталистомъ, то исключительно потому, что получаетъ вознагражденіе ровно настолько, чтобы его хватило лишь на предметы потребленія и на воспроизводство. Правда, ему даютъ нѣ сколько болѣе того, что безусловно необходимо для удовлетворенія насущныхъ потребностей, и даютъ не изъ чувства гуманности и не изъ личнаго къ нему расположенія, а изъ простаго расчета и въ интересахъ самихъ собственниковъ. «Необходимо, чтобы рабочій находилъ въ условіяхъ производства обезпеченіе своего существованія не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, ибо ему грозитъ преждевременное истощеніе, полнѣйшая потеря работоспособности».

Здѣсь мы видимъ ту же формулировку «железнаго закона», которая выставлена и Лассалемъ и Марксомъ. Она не нова, ибо была извѣстна еще прежнимъ экономистамъ. Чѣмъ болѣе вычетъ въ свою пользу дѣлаетъ собственникъ съ созданнаго товара, тѣмъ больше онъ обогащается, тѣмъ больше возрастаетъ его капиталъ. И вотъ тутъ-то кроется противорѣчіе между способомъ распредѣленія и самой формой производства. Въ самомъ дѣлѣ, производство имѣетъ коллективный, общественный характеръ. Отдѣльный человѣкъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, былъ бы въ состояніи удо-

влетворить лишь самую ничтожную часть своихъ потребностей. Онъ далеко не все можетъ изготовлять для своихъ нуждъ. Въ современномъ мѣрѣ отдѣльный человѣкъ—ничто; все могущество находится въ рукахъ общества. Каждый получаетъ предметы потребленія, изготовленные не имъ лично, а всѣми остальными. Короче говоря, производство одного предполагаетъ производство всѣхъ. Земледѣлецъ пользуется телѣгой, одѣваетъ платье, пьетъ вино, загребаютъ сѣно въ амбары. Но какъ получилъ бы онъ и эту телѣгу, и вино, и платье, и амбары, безъ сотрудничества цѣлой массы другихъ людей? По всей справедливости, производитель имѣетъ право лишь на часть продуктовъ, и въ то же время онъ пользуется ипотечнымъ правомъ на всѣ другіе продукты. Для примѣненія на практикѣ этого вывода, было бы необходимо, чтобы производитель могъ получать плату, соотвѣтственно стоимости произведеннаго продукта. Въ дѣйствительности, ничего подобнаго нѣтъ, ибо собственникъ, стремясь какъ можно больше использовать трудъ пролетарія, возвращаетъ ему только часть законнаго вознагражденія. И въ довершеніе всего, капиталистъ перепродаетъ рабочему его собственный продуктъ за сумму выше той, которую самъ за него уплатилъ раньше рабочему. Въ этомъ весь секретъ капиталистической системы производства. Съ одной стороны, она подавляетъ цѣлые народы, принуждая ихъ къ сокращенію до минимума ихъ средствъ къ существованію; съ другой стороны, заставляя людей, въ силу самихъ условій ихъ существованія, находиться всецѣло во власти собственниковъ, она уничтожаетъ всякую возможность социальнаго равенства.

Мы уже знаемъ основную тезисъ Прудона. Онъ повергъ въ прахъ индивидуалистическую теорію, отъ которой остались одни лишь развалины. Прудонъ самъ заявилъ: «Собственность не воскреснетъ болѣе; повсюду, гдѣ будутъ обсуждаться эти рѣчи, будетъ брошено сѣмя ея разложенія». Въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ: «Если кто когда-либо оказалъ важную услугу коммунизму, то это, безъ сомнѣнья, авторъ книги, появившейся въ 1840 году». И затѣмъ, сдѣлавъ въ нѣсколькихъ словахъ краткую оцѣнку всей общественной работы своего поколѣнія, онъ, не безъ основанія, приходитъ къ заключенію: «Заговоръ противъ собственности—явленіе всемірное, животрепещущее; онъ приводитъ въ волненіе всѣ умы, является вдохновителемъ всѣхъ нашихъ законовъ, лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ теорій». И, къ тому же, заговоръ, который непремѣнно увѣличается уснѣхомъ: «собственность, на которую со всѣхъ сторонъ сыпались нападки, во имя гуманности, справедливости или требованій социальной экономіи, никогда не могла привести въ свое оправданіе ничего другого, кромѣ словъ: «Я существую... потому что существую...» Казалось бы, въ силу самой логики вещей, Прудонъ долженъ былъ придти къ идеѣ коммунизма. Но онъ пришелъ къ антитезису: онъ съ ужасомъ отбрасываетъ коммунизмъ. Коммуна—это измышленіе, созданное подъ влияніемъ предрасудка о собственности; она стремится стать сразу владычицей надъ всѣми благами, надъ всѣми людьми и ихъ волей; она ведетъ къ такому могуществу общественной власти, какая противна автору «Социальной

революціи»; она ведетъ къ эксплуатаціи слабого сильнымъ или, еще лучше, къ равному для всѣхъ рабству. Истина находится между тезой и антитезой, въ синтезѣ, который соединяетъ въ себѣ преимущества обѣихъ концепцій — индивидуалистической и коммунистической. Собственность покоится на принципахъ независимости и пропорціональности; коммуна — на принципахъ равенства и закона. То, чего онѣ хотятъ — прекрасно; во къ чему приводятъ въ дѣйствительности — ужасно, ибо каждое изъ этихъ двухъ началъ представляетъ собою исключительную односторонность. Необходимо сохранить *право владѣнія*, уничтоживъ собственность, иначе говоря, нужно найти формулу, примиряющую обѣ крайности. Съ такой формулой мы познакомимся ниже.

IV.

Обратимся снова къ отношенію Прудона къ социализму и коммунизму. Крайне любопытно прослѣдить за той критикой и тѣми эпиграммами, которыми онъ бросалъ, часто довольно грубой рукой, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ, озабоченныхъ, какъ и онъ, вопросами о переустройствѣ общества на лучшихъ началахъ.

Чтобы вполне понять духъ этой желчной критики, вспомнимъ его діалектической методъ: «Всякая истинная идея представляется одновременно въ двухъ положеніяхъ. Каждое изъ этихъ положеній является отрицаніемъ другого, причемъ оба положенія исчезаютъ только подъ вліяніемъ высшей идеи. Отсюда слѣдуетъ, что противорѣчіе есть основной законъ жизни и прогресса». И затѣмъ еще: «Соціальную истину нельзя искать ни въ утопіи, ни въ рутинѣ».

Рутинеры—это ортодоксы; утописты—это социалисты. При этомъ невольно напрашивается сопоставленіе этого мѣста съ неоднократными заявленіями Прудона о своихъ социалистическихъ вѣрованіяхъ. Но его социализмъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, которому онъ тутъ же даетъ соответственную характеристику, и который достоинъ полнаго осужденія, какъ самъ по себѣ, такъ и въ лицѣ его наиболее извѣстныхъ представителей. «Социализмъ правъ, когда протестуетъ противъ политической экономіи, называя ее рутинной, которая сама себя не понимаетъ; въ свою очередь, права политическая экономія, когда называетъ социализмъ утопией, лишенной реальности и возможнаго приложенія къ жизни. Но оба они, въ социализмъ, отрицающій опытъ всего человѣчества, и политическая экономія, отрицающая разумъ всего человѣчества, не содержатъ въ себѣ условій, необходимыхъ для полнаго торжества истины».

Прудонъ не ограничивается, однако, этими почти, можно сказать, безвредными утвержденіями; онъ сейчасъ же начинаетъ выходить изъ себя, становится гнѣвнымъ, страстнымъ, сокрушающимъ. «Социализмъ—это соединеніе всѣхъ золь, это—вмѣненіе обществу проступковъ отдѣльныхъ лицъ, отвѣтственность всѣхъ за вину каждаго... Коммунизмъ—это религія нищеты; онъ сокращаетъ размѣры потребленія, слѣдовательно, и производства, а за нимъ—и заработн

платы цѣлой массы работниковъ». Какой неисчерпаемый источникъ для официальныхъ экономистовъ, все назначеніе которыхъ въ томъ и состоитъ, чтобы вносить расколъ въ ученіе социализма!

Но пойдемъ дальше, посмотримъ, какая оцѣнка дается отдѣльнымъ сектамъ и личностямъ: «Коммунисты—это устрицы, которыя безъ малѣйшаго проявленія активности, безъ капли чувства, прилѣпились другъ возлѣ друга на скалѣ, называемой братствомъ». Они пропагандируютъ «отвращеніе къ труду, къ жизни, гоненіе на мысли, умерщвленіе своего «я», утвержденіе небытія... Какая разумная и прогрессивная философія! Коммунисты! Даже на далекомъ разстояніи несетъ воню отъ вашего присутствія! Одинъ вашъ видъ вызываетъ во мнѣ отвращеніе!»

Сень-симонизмъ, какимъ онъ представленъ въ произведеніяхъ самого учителя или какимъ онъ проповѣдуется его вульгарными учениками—и въ томъ и въ другомъ видѣ одинаково кажется невыносимымъ Прудону. Онъ съ презрѣніемъ говоритъ о «сень-симонистскихъ безумствахъ», съ высокомеріемъ относится къ фаланстерамъ, называя ихъ ерундой, несмотря на то, что въкоторыя отдѣльныя предложенія Фурье ему кажутся приемлемыми. Онъ особенно напираетъ на то, что послѣдній отстаиваетъ дифференцированную форму труда, непродолжительнаго и въ то же время безконечно разнообразнаго; онъ говоритъ, что это уничтожило бы у работниковъ ихъ способность къ обобщенію, повело бы къ раздѣленію людей по спеціальностямъ, сократило бы размѣры производства. Онъ ставитъ въ упрекъ создателю фаланстера его непримиримость, его упрямство и его оппозиціонное отношеніе къ демократіи.

Консидеранъ и Шьеръ Леру далеко не пользуются у Прудона такой же, можно сказать, снисходительностью, которая у него можетъ означать выраженіе высокаго уваженія, почти удивленія. Но больше всего достается на долю Луи-Блана. Прудонъ указываетъ на него, какъ на одного изъ виновниковъ событій 1848 года. Его особенно возмущаетъ не столько его пребываніе у власти, его участіе во временномъ правительствѣ, какъ его теза о государственности: «Луи-Бланъ, стоя на границѣ социализма и демагогіи, одной ступенью ниже республики, двумя ступенями ниже М. Varrot, тремя ступенями ниже Тьера, является самъ по себѣ, чтобы онъ тамъ ни говорилъ и ни дѣлалъ, однимъ изъ представителей четвертаго поколѣнія потомковъ Гизо или, попросту, доктринеромъ».

Такъ раздѣлялся Прудонъ со всей школой 1840 годовъ, на радость и утѣшеніе всѣмъ социальнымъ консерваторамъ.

V.

Если Прудонъ набросился съ такой злобой на Луи-Блана, то потому, что въ его глазахъ авторъ «Организаціи труда» является прежде всего яркимъ выразителемъ системы вмѣшательства и принципа государственности.

Эти двѣ формулы, почти сливающіяся въ одну, никогда не встрѣчали въ исторіи болѣе яраго противника, чѣмъ былъ Прудонъ.

Если судить по отдѣльнымъ положеніямъ, разсѣяннымъ въ «Противорѣчіяхъ», въ «Революціи», въ «Capacité des Classes» и особенно въ «Confessions d'un révolutionnaire», то оказывается, что все социальное зло происходитъ отъ политической и административной организаціи общества. Государственная власть и человѣческая свобода, по мнѣнію Прудова, совершенно несовмѣстимы, а потому обезпеченность свободы требуетъ полного отрицанія государственнаго начала.

Теперь станетъ понятнымъ, почему Прудонъ съ такимъ гнѣвомъ обрушился на коммунистовъ, которые стремились воспользоваться политической формой организаціи для достиженія своихъ преобразованій въ способахъ присвоенія и затѣмъ значительно усилить власть правительства, предоставивъ ему управленіе всей хозяйственной жизнью.

Все содержаніе книги: «Les Confessions» имѣло назначеніемъ разбить въ пухъ и прахъ доктрину, которую поддерживали, какъ въ Исполнительномъ Совѣтѣ, такъ и внѣ его, вожди и теоретики социализма во время февральской революціи.

Якобинцы охотно провозглашаютъ извѣстный афоризмъ: «Соціальная революція—это цѣль, политическая революція—средство». Философія, напротивъ, говоритъ: «политическая революція, т. е. уничтоженіе власти—это цѣль, социальная революція—это средство». Социализмъ сдѣлалъ ошибку, отдавши всецѣло во власть иллюзіямъ якобинизма. Онъ призываетъ революцію сверху. Но какъ она произойдетъ? Правительства не дѣлаютъ революцій, они не могутъ сами себя уничтожить.

Названіе «*Правительство Труда*», которое дали февральской республикѣ, содержитъ въ себѣ противорѣчіе. Люди, которые принимали участіе въ этомъ режимѣ, ничего не сдѣлали, ибо они были *правителями*.

«Въ дѣлѣ революціи духъ инициативы такъ же противенъ государственному началу, какъ трудъ противоположенъ капиталу. Правительство и трудъ такъ же несовмѣстимы, какъ несовмѣстимы вѣра и разумъ».

Идя далѣе въ томъ же направленіи, Прудонъ противопоставляетъ социальную конституцію политической. Соціальная конституція характеризуется гармоніей интересовъ, основанной на свободномъ договорѣ и организаціи экономическихъ силъ. Политическая конституція имѣетъ въ своемъ основаніи принципъ власти. Введеніе всеобщаго избирательнаго права должно повести къ уничтоженію правительства и къ коренному перевороту въ области публичнаго права. «Соціальная конституція подчиняетъ себѣ и приводитъ къ отрицанію конституцію политическую». Вслѣдствіе того, что дѣятели 1848 г. не знали этой истины, или оттого, что сознательно пошли противъ нея, имъ пришлось пуститься въ самыя рискованныя предпріятія. Социалистическія предписанія, которыя они ввели въ статутъ республики, стояли въ непримиримомъ противорѣчій съ атрибутомъ власти. Право на общественное призрѣ-

віе, право на трудъ, не могли бы существовать, въ силу политической конституціи, безъ того, чтобъ не подрывать ее въ корнѣ, если только она сама не уничтожила ихъ заранѣе.

Если Прудонъ говоритъ всегда въ полемическомъ тонѣ о соціалистическихъ публицистахъ своего времени, то лишь потому, что никто изъ нихъ не сумѣлъ проникнуть въ глубокой смыслъ совершавшихся событій; они пытались помѣшать имъ, остановить ихъ теченіе. Одинъ вслѣдъ за другимъ, они осудили себя сами, и Луи-Бланъ, потребовавшій образованія министерства прогресса, и Консидеранъ домогавшійся 4-хъ милліоновъ и куска земли для своей образцовой коммуны, и Пьеръ Леру, пытавшійся воскресить суевѣрія древности.

Когда Прудону предложили въ іюлѣ 1849 года кандидатуру въ законодательное собраніе, этотъ философъ отвѣтилъ: «я не хочу придти на помощь тому, что можетъ лишь продлить дальнѣйшее существованіе партій и власти, я не хочу ни управлять, ни быть управляемымъ.—Долой господство чело-вѣка надъ чело-вѣкомъ посредствомъ капиталистическаго накопленія!».

Исторія Республики 1848 года, какъ она представлена въ книгѣ «Les Confessions», есть не что иное, какъ исторія цѣлаго ряда реакціонныхъ попытокъ разныхъ партій, одна другой ретрограднѣе, и правительственныхъ актовъ, одинъ другого безумнѣе. Примѣръ для иллюстраціи этой мысли былъ подобранъ удивительно удачно. Нужно, однако, замѣтить—и это чрезвычайно важная оговорка,—что соціализмъ не овладѣлъ вполнѣ властью въ февральскіе дни. Самое большее, если признать, что онъ самъ находился въ рукахъ власти.

«Вина, и великая вина, участниковъ временнаго правительства состояла не въ томъ, что они не умѣли создавать, а въ томъ, что они не умѣли разрушать». Марксъ въ своей «Ворьбѣ классовъ» высказалъ мнѣніе, очень близкое къ этому. Для того, чтобы рухнулъ старый политическій и соціаль-ный строй, не было вовсе надобности атаковать его съ помощью тарановъ; достаточно было—просто не поддерживать его болѣе. По несчастью, его укрѣпили еще болѣе—и самой лучшей иллюстраціей этого утвержденія можетъ послужить прокламація о принудительномъ курсѣ, которая спасла отъ гибели французскій банкъ и крупный капитализмъ.

День 17-го марта отмѣченъ началомъ реакціи Луи-Блана. Достигнувъ власти, представитель пролетаріевъ рѣшилъ, что пришелъ моментъ положить конецъ всякаго рода «бреднямъ».

Онъ заговариваетъ съ рабочими на языкѣ, которымъ говорилъ Гизо. Опъ начинаетъ выдавать агитаторовъ, замѣчать въ толпѣ зловѣщія и незнакомыя ему лица. Это все борцы пролетарской арміи, которые теперь ввухаютъ ему страхъ своими требованіями справедливости. Имъ удалось дождаться отъ него лишь перваго сигнала къ репрессіямъ.

Съ 17 марта начинается долгій періодъ реакціи, которая послѣдовательно переходитъ отъ соціализма къ якобинизму, отъ якобинизма къ доктринерству, отъ доктринерства къ іезуитству.

Такъ, уже 16-го апрѣля Ледрю-Ролланъ велитъ трубить отбой. Красный призракъ заполняетъ собой весь горизонтъ. Варбесъ и Шьеръ Леру предлагаютъ свои услуги «Исполнительному комитету». Дѣлается еще одинъ шагъ назадъ. 15-е мая знаменуетъ собой еще болѣе рѣшительное отступленіе. На этотъ разъ революція сдалась на капитуляцію. Кавеньяку, несмотря на его драконовскія мѣры, остается лишь констатировать ея гибель.

Она поднялась—прекрасная, пламенная, торжествующая, въ февральскіе дни. Но стоило ей только прикоснуться къ власти, какъ отъ нея сейчасъ же остались однѣ лишь развалины. Она пала подъ тяжестью своихъ собственныхъ идлюзій. Оттого, что она «съ такимъ упрямствомъ добивалась соціальной реформы при помощи реформы политической», она была побѣждена, или, вѣрнѣе, часть ея побѣды была оторочена, и дѣло пролетариата и всѣхъ національностей было проиграно въ первой же инстанціи для всей Европы.

VI.

Идея борьбы классовъ защищалась Прудомъ съ энергіей, которая не имѣла себѣ равной. Благодаря выставленной имъ и неоднократно развиваемой имъ формулѣ этого основнаго положенія, онъ выдѣляется среди другихъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оставляетъ далеко позади себя многихъ французскихъ писателей своего времени.

Все содержаніе его столь обширнаго и интереснаго труда: «*La Capacité des classes ouvrières*» посвящено защитѣ этого положенія. Общество—не только французское общество, ибо всѣ цивилизованныя общества находятся въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ,—распадается на два большіе лагера: буржуазію—съ одной стороны, пролетариатъ—съ другой. Первый это—группа управителей, второй же—вся масса управляемыхъ. Эти послѣдніе должны будутъ неизбежно считаться съ задачей соціальнаго переустройства, какъ только всеобщее избирательное право поставитъ ихъ на одинъ уровень съ буржуазіей, и они поймутъ весь контрастъ между ихъ политической силой—съ одной стороны и несовершенствомъ ихъ экономическаго положенія—съ другой.

Начиная съ 1848 года, пролетариатъ во Франціи и Англии проникается сознаніемъ своихъ силъ и своихъ правъ, и это участіе въ общественной жизни самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса является фактомъ огромной важности, однимъ изъ крупнѣйшихъ событій исторіи. Передъ такимъ внезапнымъ выступленіемъ народа обезумѣвшая буржуазія бросается опротивить во всѣ стороны. Она больше не владетъ собой, она плыветъ по волѣ волнъ, отдавшись теченію обстоятельствъ, и, чувствуя близость своего крушенія, думаетъ лишь о томъ, какъ бы удовлетворить свои крайнія вожделѣнія. Какова бы ни была форма ея политической организаціи—республиканская или монархическая, рѣзко радикальная или умѣренная,—она одѣиваетъ власть только съ точки зрѣнія выгоды; она держитъ ее въ рукахъ изъ одного лишь страха

передъ неизвѣстностью, — ищетъ въ ней лишь новое полодья эксплуатаціи. Это уже больше не классъ, сильный волей и духомъ, это — ничтожная кучка торгашей. Ея роль сыграна.

Пролетаріатъ народился не со вчерашняго дня, какъ это многимъ могло бы показаться. Онъ проявилъ себя уже во время первой революціи: еще послѣдователи Марата, Геберта, Бабефа, выдвинули ту идею, носительницей которой является пролетаріатъ. Но въ кровавой бойнѣ движеніе было подавлено. Тѣмъ не менѣе, пролетаріатъ не переставалъ расти, ставоясь все многочисленнѣе, все энергичнѣе, и такимъ образомъ постепенно вытѣсняетъ третье сословіе съ исторической арены.

«Буржуазія, первая добившаяся свободы, должна была въ 1789 году поглотить дворянство и уничтожить его привилегіи». Теперь пришла очередь за пролетаріатомъ. Ему необходимо сорганизоваться съ тѣмъ, чтобы преобразовать въ своихъ интересахъ весь соціальныи строй. Часъ его побѣды близокъ, ибо теперь народъ не представляетъ болѣе безформенную и невѣжественную массу: напротивъ, со всѣхъ сторонъ въ него проникаютъ лучи свѣта, онъ сознаетъ свои права. За исторіей буржуазіи послѣдуетъ исторія пролетаріата — или, другими словами — произойдетъ сліяніе воедино всѣхъ слоевъ общества.

Нужно ли отсюда заключить, что Прудонъ, провозгласившій автагопизмъ классовъ, въ данномъ случаѣ высказывается, наиротивъ, за ихъ объединеніе, отъ котораго ожидаетъ внезапнаго или постепеннаго измѣненія экономическаго строя? Именно здѣсь-то онъ значительно опережаетъ и Сенъ-Симона и Фурье, Луи-Блана и Леру, Кабэ и Пеккера. Онъ считаетъ такое объединеніе гибельнымъ — онъ совсѣмъ отказывается разсматривать его. Пролетаріатъ долженъ собственными руками добиться своего освобожденія. Было бы безуміемъ съ его стороны ожидать помощи отъ своихъ естественныхъ противниковъ, даже если бы въ порывѣ великодушія и энтузіазма они предложили ему свое содѣйствіе. Пролетаріату не слѣдуетъ даже участвовать въ парламентѣ, гдѣ они за сѣдаютъ.

Никогда ни одинъ соціалистъ не доводилъ до такого крайняго вывода теоріи борьбы классовъ. Формулированная въ первый разъ во Франціи, она сразу же получаетъ тамъ самое крайнее развитіе. Она яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ мысль Прудона. Его предшественники не выходили въ своихъ ислѣдованіяхъ за предѣлы своей страны. Прудонъ своимъ яснымъ провицательнымъ взоромъ охватываетъ весь міръ, изображая и предвѣщая борьбу пролетаріевъ всѣхъ странъ противъ міроваго капитализма.

VII.

Сиптовъ, или общее рѣшеніе, предлагаемое Прудонемъ, представляетъ поразительный контрастъ съ цѣлымъ рядомъ его положеній, только что нами изложенныхъ. Онъ провозгласилъ борьбу классовъ, неизбѣжность соціальной

революціи—и вибѣтъ съ тѣмъ пришелъ къ системѣ, которая можетъ быть признава всѣми сколько нибудь осмысленными консерваторами, такъ какъ она ничѣмъ не угрожаетъ ихъ привилегіямъ.

Именно здѣсь, въ области чисто практической, выступаетъ наиболѣе слабая сторона философа. То онъ пытается найти почву для примиренія между индивидуальной и коллективной формой собственности, восхваляя нѣчто въ родѣ временнаго «владѣнія - пользованія», которое въ одно и то же время сохраняло бы и принципы свободы, и принципы равенства, а въ дѣйствительности только соединило бы опасности, пристающія изъ индивидуализма, съ неудобствами коммунизма; то онъ развиваетъ свою идею о пресловутомъ народномъ банкѣ, который имѣлъ лишь частичный успѣхъ: въ учредительномъ собраніи за него высказались 31 іюля 1848 г. лишь 2 голоса противъ 691. На практикѣ это учрежденіе, открытое въ 1849 г. съ цѣлью предоставленія почти бесплатнаго кредита, просуществовало не болѣе нѣсколькихъ недѣль.

Прудонъ напрасно защищалъ передъ финансовымъ комитетомъ національнаго собранія ту мысль, что увеличеніе кредита должно быть въ основѣ соціальной реформы, что при одновременномъ уменьшеніи ренты, арендной платы, учета, заработной платы, увеличится въ соотвѣтственной степени и быстрота обращенія, а въ силу этого—и вся сумма общественнаго и частнаго богатства. Проекта этого не поняли, да, къ тому же, онъ и не отличался большою ясностью.

Приступая къ дѣлу, Прудонъ создалъ свой народный банкъ, который не былъ—по его собственному выраженію—ни государственнымъ, ни акціонернымъ банкомъ, а банкомъ, предлагающимъ капиталы почти бесплатно, т. е. за ничтожный процентъ, всѣмъ, желающимъ пользоваться его услугами. Но чтобы дать жизнь такому предпріятію и обезпечить всѣ преимущества, которыя можно было ожидать отъ подобнаго образа дѣйствій, столь далекаго отъ коммерціи, вужно было располагать огромными средствами, а между тѣмъ денегъ—то и не хватало. Питая ненависть къ организованной коллективной формѣ дѣйствія, критикъ теоріи собственности, писатель, такъ энергично заклеившій нравственный обликъ буржуазіи, обращался безразлично ко всѣмъ, зывая ко всеобщему великодушію и проявленію инициативы. Невзбѣжность пораженія была слишкомъ очевидна—самая попытка представлялась дѣтски-наивной.

Книга «Правоспособность рабочаго класса», къ которой необходимо обратиться, чтобы воидаѣ постигнуть мысль Прудона въ ея наиболѣе точно выраженной формѣ, резюмируетъ довольно опредѣленно достоинства проповѣдаемаго имъ общественнаго порядка. До сихъ поръ его представленіе о будущемъ обнаруживалось лишь частично: онъ требовалъ установленія равновѣсія производительныхъ силъ, свободной ассоціаціи, взаимнаго обмѣна услугъ, права работника на полную стоимость продукта своего труда. Но, въ сущности, можно вложить какое угодно содержаніе въ эти звучныя формулы.

Въ общемъ, Прудонъ предсказываетъ въ будущемъ безграничное расширение области коопераціи и взаимопомощи. Эти два принципа должны восторжествовать въ экономической организаціи общества, и люди будутъ пользоваться равными правами, обмѣниваясь равными услугами. Каждый продуктъ будетъ оплачиваться другимъ продуктомъ, равнымъ ему по стоимости производства. Базисомъ для установленія цѣнъ служить нормальный рабочій день человѣка среднихъ силъ. Тѣ же данныя должны лечь въ основу *политической* организаціи общества. Не должно быть ни іерархіи, ни власти. Нація является автономнымъ союзомъ гражданъ. Правительство, въ его наиболѣе простой формѣ, сводится къ системѣ гарантій.

Центральный органъ этого новаго государства (сохраняя старый терминъ, къ слову сказать, довольно не подходящій), не имѣетъ опредѣленной резиденціи; онъ повсюду, стало быть, его болѣе не существуетъ. Отдѣльныя области, объединенныя въ федерацію, управляются автономно. Отдѣльные округа добровольно устанавливаютъ взаимныя отношенія и учреждаютъ совѣты для завѣдыванія общими дѣлами. Эта федерація, имѣющая вполнѣ національный характеръ, будетъ расти все болѣе и болѣе, покуда не охватитъ собой всего міра и не замѣнитъ собой раздробленныхъ государствъ, раздираемыхъ на части внутреннимъ антагонизмомъ и ревниво слѣдящихъ за другими. Но болѣе всего заслуживаетъ вниманія изученіе экономическаго строя общества, ибо недостаточно изученіе однихъ основныхъ элементовъ — необходимо еще, чтобы организація отличалась жизненностью и способностью функціонировать, чтобы абстракціи были одушевлены жизненнымъ содержаніемъ. Кооперація разовьется въ области производства, потребленія и транспорта. Такъ какъ организація собственности будетъ преобразована, такъ какъ временное владѣніе землей станетъ доступнымъ каждому и вслѣдствіе этого индивидуальное пользованіе, теперь недоступное большинству людей, станетъ дѣйствительностью, ассоціація будетъ жизненна, плодотворна, могущественна. Одни промышленныя товарищества, организованныя пролетаріями, будутъ отпущать чугуны, сталь, ткани, по цѣнѣ, равной стоимости ихъ производства; другія возьмутся за транспортъ по водѣ и сушѣ; третьи будутъ заняты выполненіемъ общественныхъ работъ; четвертыя, наконецъ, будутъ завѣдывать складами, куда будутъ приходять граждане за полученіемъ необходимыхъ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ. Мелкія торговныя заведенія могутъ сохраниться и будутъ служить отдѣленіямъ большихъ магазиновъ. Хорошо организованная статистика обезпечитъ соотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ.

Это, однако, не все. Строительныя общества займутся постройкой гигиеническихъ квартиръ, которыя будутъ уступаться по цѣнѣ ихъ дѣйствительной стоимости. Банки будутъ доставлять почти даровой кредитъ. Школы, организуемыя обществами взаимопомощи, сдѣлаютъ излишнимъ государственное преподаваніе. Общества взаимнаго кредита объединяютъ людей въ борьбѣ противъ старости, инвалидности, смерти и разнаго рода несчастій.

Такова система, которая представлена въ «*Capacité des classes ouvriè-*

ges», и которая наибѣе полно отражаетъ прудоновское міровоззрѣніе. Онъ, разумѣется, признаетъ свободу во всей ея полнотѣ. Вступленіе въ кооперативное общество или общество взаимопомощи ни для кого не обязательно. Нигдѣ никакой законъ, хотя бы и самый благодѣтельный, не вмѣшивается въ жизнь; нѣтъ ни дисциплинарной власти, ни однообразныхъ дѣйствій. Опасность коммунизма, такимъ образомъ, предотвращена.— Но уничтожены ли вмѣстѣ съ этимъ все зло и всѣ недостатки индивидуализма?

Пусть право пользованія или владѣнія будетъ *временнымъ*, но все же собственность существуетъ и вмѣстѣ съ этимъ— всѣ связанныя съ ней неудобства. Въ самомъ дѣлѣ: либо распредѣленіе земли должно будетъ возобновляться ежегодно, въ любой моментъ, либо индивидуальное право будетъ нарушено. Болѣе того; граждане имѣютъ возможность использовать свои доходы либо сообща, либо каждый въ отдѣльности. Если они соединятъ свои участки въ одно общее владѣніе, тогда «всѣ завоеванія науки и техники пойдутъ имъ на пользу, всѣ общіе расходы будутъ сокращены до минимума—и богатство общественное, какъ и индивидуальное, будетъ возрастать». Но что дѣлать, если *временный* владѣлецъ собственности отказывается вступить въ синдикатъ, если такого рода отказъ становится общимъ явленіемъ по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться дробленіе земли на части? Вѣдь тогда общество будетъ обречено на голодъ и нищету, которые подготовятъ почву для новаго переворота!

Замѣтимъ, что повсюду Прудонъ отстаиваетъ принципъ конкуренціи, которая происходитъ между самостоятельными кооперативными обществами въ такой же мѣрѣ, какъ у Луи-Блана— между кооперациями, пользующимися правительственной субсидіей. Не явится ли результатомъ всего этого *монополія*, въ такихъ яркихъ краскахъ описанная Прудономъ въ его «Противорѣчіяхъ»? И откуда эта монополія еще наступитъ, не разрушить ли сама жизнь, съ ея повседневной борьбой, всю эту систему, не давая возможности производить обмѣвъ продуктовъ въ соотвѣтствіи съ длиной рабочаго дня?

Сохраненіе мелкой торговли увѣковѣчитъ все то зло, которое съ нею связано: разбоженіе общественныхъ паразитовъ, фальсификацію продуктовъ, озлобленіе потребителей и т. д. Взаимное страхованіе будетъ имѣть лишь ограниченную цѣнность, ибо оно не сможетъ захватить въ свою сферу всѣхъ людей, всѣ не смогутъ принимать въ немъ участіе, и, слѣдовательно, жизненная проблема *нацмеризма* останется неразрѣшенной.

Такимъ образомъ (я подобаю критику можно было бы продолжать и дальше) Прудонъ, начавъ съ разрушенія индивидуалистическихъ теорій, кончилъ тѣмъ, что самъ, незамѣтно для себя, присоединился къ нимъ. Его страстная любовь къ отвлеченной свободѣ, его ненависть къ коммунизму, дурно имъ понятому, все болѣе и болѣе удаляли его отъ социализма, и для насъ какъ нельзя болѣе ясно, почему въ настоящее время консерваторы такъ единодушно стараются возвести его на пьедесталь.

Луи-Бланъ отклонялся въ сторону, увлекая пролетаріатъ идеей госу-

дарственности, химерой сотрудничества классовъ и участія въ раздѣленіи враждебной пролетаріату власти. Прудонъ, поколебавшій до основанія принципъ частной собственности, отклонился въ другую сторону, проповѣдуя лишь кооперацію-взаимопомощь.

Объ эти формы организаціи вредны, если ихъ разсматривать, какъ конечную цѣль соціального движенія. Имъ расходуется энергія пролетаріата, онѣ ведутъ къ сохраненію существующаго строя, съ которымъ онѣ прекрасно согласуются, ибо онѣ является необходимымъ условіемъ ихъ существованія. Для выполненія своихъ функцій онѣ не требуютъ ни уничтоженія собственности, ни уничтоженія классовъ, ни уничтоженія диктатуры буржуазіи. Прудонъ своимъ учевіемъ оказалъ губительное вліяніе на пролетаріатъ. Это вліяніе было доминирующимъ во времена второй имперіи, оно укрѣпилось послѣ коммуны и даже теперь еще не совсѣмъ заглохло.

Спрашивается, зачѣмъ было Прудону направлять всю силу своей разрушительной діалектики, всю мощь своей отрицательной критики, противъ существующаго строя, если онѣ полагалъ сохранить его въ той или другой смягченной формѣ. Но могъ ли онѣ проникнуться другимъ, позитивнымъ міровоззрѣніемъ, разъ онѣ отказывался признавать какое бы то ни было совмѣстное дѣйствіе, разъ соціальная революція, такъ рѣшительно имъ провозглашенная, являлась у него выраженіемъ, лишеннымъ опредѣленнаго смысла?

Прудонъ считается соціалистомъ въ виду тѣхъ идей, которыя онѣ внесъ въ сокровищницу соціальной доктрины 19-го вѣка; въ области практической онѣ остается индивидуалистомъ, мелкобуржуазнымъ консерваторомъ.

Понстинъ, Марксъ былъ правъ.

Б л а н к и .

I.

Читатель, быть можетъ, не ожидалъ найти здѣсь изложеніе ученія Вланки; ему даже можетъ показаться страннымъ то, что Вланки у насъ фигурируетъ въ числѣ писателей, содѣйствовавшихъ развитію соціалистическихъ идей во Франціи. «Заключенный» вообще извѣстенъ, какъ руководитель тайныхъ обществъ, какъ организаторъ возстаній, какъ вожакъ на баррикадахъ. Онѣ особенно прославился своими долгими тюремными заключеніями и возобновляемыми имъ неоднократно заговорами. Наше поколѣніе совершенно или почти незнакомо съ мыслями, которыя онѣ высказывалъ относительно современнаго экономического строя и неизбежнаго хода его эволюціи; а между тѣмъ эти мысли, отличающіяся большой продуманностью и ясностью, заслуживаютъ того, чтобы съ ними ближе познакомиться. Онѣ представляютъ собою по-

слѣдній этапъ развитія коммунистической мысли во Франціи, до основанія подъ вліяніемъ Маркса и Энгельса французской рабочей партіи.

Собственно говоря, значительное число страницъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Бланки и собранныхъ въ сборникѣ «Critique sociale», были написаны имъ уже послѣ появленія «Коммунистическаго Манифеста». Многое, напр., относится къ тому періоду, когда чисто-революціонная партія вела борьбу съ партіей прудонистовъ; но бланкизмъ, рассматриваемый съ точки зрѣнія его теоретическихъ основъ и выводовъ, находится въ преемственной связи со всѣмъ французскимъ социалистическимъ движеніемъ, отъ Бабефа до Луи-Блана; позволительно поэтому рассматривать бланкизмъ, независимо отъ всякихъ вѣдшихъ вліяній.

Съ біографіей Бланки знакомы всѣ, кто читалъ прекрасное произведеніе Жофруа. Онъ прожилъ болѣе трехъ четвертей вѣка, какъ бы связавъ своей жизнью ученіе Бабефа съ нынѣшнимъ періодомъ. Значительную часть своей жизни онъ провелъ въ тюрьмахъ, потому что іюльская монархія, вторая республика, вторая имперія и третья республика питали одинаковыя чувства къ этому неутомимому борцу за интересы рабочей демократіи; и въ наше время Бланки еще остается вдохновителемъ значительной части организованнаго французскаго пролетаріата.

Намъ придется въ другой главѣ этой книги разбирать тѣ средства, которыя предлагаются французскому и международному социализму въ видахъ завоеванія политической власти и осуществленія цѣлей, которыя ставитъ себѣ социализмъ. Въ тотъ историческій періодъ, который являлся какъ бы естественной обстановкой бланкизма, т. е. при іюльской монархіи, онъ стоялъ на той же тактической позиціи, на которой, во время первой революціи, стояли послѣдовательно жирондисты и монтаньяры; онъ вѣрилъ во всемогущество насильственнаго переворота, который былъ бы совершенъ дисциплинированнымъ меньшинствомъ, способнымъ, благодаря сплоченности своихъ дружинъ, увлечь за собой неорганизованную массу. Возстаніе 12 мая 1839 г. является лучшей иллюстраціей этой теоріи. Подобно якобинцамъ, и даже въ большей степени, чѣмъ они—ибо якобинцы организовали сильныя якобинскіе клубы во всѣхъ департаментахъ—бланкисты полагали, что достаточно имѣть въ своихъ рукахъ Парижъ, чтобы вся Франція пошла за ними. Они стремились только къ захвату центральной власти, чтобы затѣмъ при ея помощи упорядочить всю національную жизнь страны. Тутъ не мѣсто разбирать эти положенія, которыя, какъ нельзя лучше, соответствовали политическому и экономическому состоянію страны 70 лѣтъ тому назадъ послѣдовавшія затѣмъ событія и происшедшія измѣненія ослабили или уничтожили господство этихъ взглядовъ.

Методы мѣняются, ибо для того, чтобы устоять, они должны приспособляться къ измѣняющимся условіямъ окружающей дѣятельности; но идеи, лежащія въ ихъ основѣ, остаются, и именно социальной теоріи Бланки (ибо онъ имѣлъ свою социальную теорію) мы намѣрены посвятить настоящій очеркъ;

мы рассмотрим ее въ цѣломъ, не касаясь частичныхъ измѣненій, которымъ она отъ поры до времени подвергалась.

II.

Бланки имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ «государственными коммунистами». Какъ практической дѣятель и какъ вожакъ вооруженныхъ массъ, онъ скорѣе, чѣмъ кто-либо другой, долженъ былъ связать социальную революцію съ политической. Тутъ сразу открывается пропастъ между бланкизмомъ и прудонизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдній ставитъ политическую революцію въ зависимость отъ социальной и вслѣдствіе этого отвергаетъ всякій, даже временный, захватъ государственной власти.

Не менѣе крупное и не менѣе серьезное разногласіе существуетъ между обими ученіями и по другому вопросу: Бланки былъ коммунистомъ, Прудонъ и прудонисты были приверженцами коопераціи и обществъ взаимопомощи; борьба между этими двумя направленіями продолжалась довольно долго. Но если въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ Бланки сходится съ Луи-Бланомъ, Видалемъ, Пеккеромъ и Кабэ, шедшими по пути коммунизма, но остававшия на полпути, то въ другомъ существенномъ вопросѣ онъ проявилъ полную оригинальность мысли. Нигдѣ и никогда онъ не высказывался за «сотрудничество классовъ»; нигдѣ и никогда онъ не осуждалъ революціи, понимаемой въ смыслѣ насильственного натиска пролетаріата на буржуазный общественный строй. Онъ совершенно освободился отъ оптимизма, свойственнаго его современникамъ, совершенно отдѣлался отъ вѣры въ великодушіе правящихъ классовъ. И если взвѣсить все—исключая, можетъ быть, его тактики, которая по необходимости должна мѣняться,—то современный социализмъ долженъ признать въ Бланки одного изъ своихъ послѣдовательнѣйшихъ учителей.

III.

Бланки въ своихъ сужденіяхъ о собственности высказывается не менѣе категорично, чѣмъ Прудонъ: «Земельная собственность можетъ быть лишь тройкаго происхожденія: она можетъ быть приобрѣтена силой, путемъ покупки или трудомъ... О *силѣ* говорить не приходится—самое ея названіе ее осуждаетъ. *Покупка* есть приобрѣтеніе посредствомъ капитала. Но капиталъ самъ незаконенъ, какъ продуктъ чужого труда, а потому онъ не можетъ дать правъ. Трудъ даетъ право лишь на тотъ участокъ земли, который обрабатывается его владѣльцемъ. Все, что получается лишь благодаря труду другого, есть незаконное присвоеніе того, что по праву принадлежитъ работнику. Право завладѣнія ограничивается лишь той частью, которую завладѣлецъ въ состояніи самъ обрабатывать». Изъ этого заявленія можно было бы заклю-

читать, что Бланки является сторонником «парцеллярной системы», пользовавшейся огромной популярностью накануне 1789 г. и даже во время первой революции, но он сбишить сдѣлать слѣдующую поправку: «Присвоеніе земли— это чудовищное безстыдство».

Отсюда вытекаетъ, что частное богатство есть кража у человѣчества, и что это богатство по необходимости питается изъ нечистаго источника. «Богатства образовались въ первые вѣка нашей исторіи путемъ завоеваній: позднѣе они имѣли своимъ первоисточникомъ конфискацію, грабежъ, королевскую щедрость; у среднихъ классовъ богатства накапливались путемъ ростовщичества и мошенничества; во время революціи они были нажиты путемъ спекуляціи національнымъ имуществомъ, путемъ ажіотажа и подрядовъ для арміи; во время имперіи наживѣ содѣйствовали война и императорскіе подарки; начиная съ 1814 г., накопленіе богатствъ совершается путемъ спекуляцій, игры на биржѣ, ловкихъ банкротствъ.

Съ ростомъ частныхъ богатствъ увеличивается и порабощенность пролетаріата; и обратно: ростъ этихъ богатствъ возможенъ лишь потому, что современный строй Франціи организуетъ порабощеніе народа. «Бѣдный необходимъ богатому»— писалъ Бланки, и врядъ ли кто либо до него выразилъ эту мысль сильнѣе. Капиталъ образуется, лишь благодаря конкуренціи этихъ безчисленныхъ работниковъ, лишенныхъ орудій производства и продающихъ свои силы и свою жизнь, чтобы имѣть возможность временно ее поддерживать. Рабочіе терпятъ отъ господствующаго класса не меньше, чѣмъ римскій рабъ терпѣлъ отъ патриція или побѣжденнаго расы древнихъ временъ— отъ своихъ побѣдителей: «Порабощенъ не только рабъ или крѣпостной. Несвободенъ и тотъ, кто, будучи лишенъ орудій производства, находится во власти привилегированнаго меньшинства. Именно это-то сосредоточеніе богатствъ, а не тотъ или иной политическій строй, дѣлаетъ массу порабощенной».

Но, несмотря на всѣ средства, которыми буржуазія обладаетъ и пользуется, чтобы держать пролетаріатъ въ повиновеніи, несмотря на то, что ей удалось наложить свою тяжелую руку на всю экономическую организацію, она все таки чувствуетъ, что ея положеніе становится шаткимъ. Опасность, угрожающая ея богатствамъ, происходитъ отъ ея же элчности; чѣмъ больше соковъ выжимаетъ она изъ народа, тѣмъ больше разрушаетъ она самую основу существующаго строя. Для упроченія или просто поддержанія современнаго политическаго и соціальнаго строя ей необходимо продавать. Продать свои товары—это для нея вопросъ жизни и смерти, а ей никогда не удастся продать въ достаточномъ количествѣ. Кредитъ вноситъ оживленіе въ производство, но онъ не въ состоянн въ такой же мѣрѣ увеличить потребленіе, такъ какъ рабочій, вслѣдствіе того, что часть произведенной имъ стоимости присваивается капиталистомъ, не въ состоянн купить равноцѣнности своего продукта. Отсюда по необходимости вытекаетъ непрерывное накопленіе товаровъ и, какъ слѣдствіе этого, всеобщіе кризисы, повторяющіеся каждыя 5 или 6 лѣтъ.

Буржуазія знаетъ лишь два способа предупрежденія перепроизводства, но оба они недостаточны. Съ одной стороны, колонизація: это—средство недействительное, потому что эмигрирующие сейчасъ же замѣщаются другими, а конкуренція остается такой же интенсивной; но колонизаціонная политика и разорительна, потому что она поглощаетъ огромнѣйшія средства, и государству обошлось бы гораздо дешевле содержать этихъ людей на мѣстѣ, чѣмъ эксплуатировать ихъ въ колоніяхъ.

Второе средство—это завоеваніе новыхъ рынковъ въ чужихъ странахъ, сохраняющихъ свою политическую самостоятельность, но которыя стремятся подчинить въ экономическомъ отношеніи: «Индустрія рыщетъ по свѣту въ погоню за рынкомъ, который она теряетъ вслѣдствіе нищеты работника.... Организовавъ нужду и смерть въ своей собственной странѣ, капиталистъ отправляется въ самыя отдаленныя страны мошенничать, красть, грабить и убивать». Такимъ образомъ, система олигархическаго гнета мало-по-малу охватываетъ весь земной шаръ.

IV.

Противъ всѣхъ золь, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество, противъ угрожающаго ему каждую минуту крушенія, противъ вопіющаго неравенства, противъ анархій производства, единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ является коммунизмъ, и все заставляетъ насъ идти ему на встрѣчу.

Иногда возражаютъ, что коммунизмъ вернулъ бы насъ къ первобытнымъ формамъ общегитія. Взглядъ этотъ совершенно неоснователенъ. Коммунизмъ не есть первое проявленіе общественной жизни: «онъ является высшей стадіей ассоціаціи», а никто не станетъ оспаривать того, что ассоціація—настоящее орудіе прогресса; «жертвы, приносимыя человѣчествомъ, всегда прямо пропорціональны преобладанію индивидуализма».

Если земля когда-то не была раздѣлена, то лишь вслѣдствіе отсутствія культуры; этимъ объясняется общественный бытъ австралійцевъ въ XIX в. Но какъ можетъ это темное прошлое служить аргументомъ противъ социализма? Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ человѣчество, каждый его шагъ впередъ приближаетъ его къ коммунизму. Все его развитіе ведетъ къ этому новому экономическому строю, который одинъ лишь въ состояніи осуществить справедливость и равенство, потому что одновременное существованіе бѣдности и богатства обязано своимъ происхожденіемъ частному присвоенію земли.

Бланки, слѣдовательно, по своимъ идеямъ близко соприкасается съ Бабефомъ и Кабэ, но превосходитъ ихъ обоихъ своимъ реалистическимъ взглядомъ на переустройство общества. Бабефъ, которому приходилось дѣйствовать сейчасъ-же послѣ революціи, и который воображалъ, что возможно перестроить общество по заранѣе начертанному плану, вѣрилъ во всемогущество декретовъ. Кабэ разработалъ планъ идеальной общины, и сила его воображенія была такъ велика, что онъ видѣлъ уже эту общину существующей на

дѣлѣ. Бланки, какъ практической дѣятель, воспитавшійся въ повседневной борьбѣ, меньше довѣрялъ предвосхищеніямъ чистаго разума; онъ придавалъ огромное значеніе событіямъ, которыя, несмотря на свое кажущееся различіе, логически между собою связаны, но нерѣдко представляютъ собою временныя, непредвидѣнныя регрессивныя движенія. Онъ вападаетъ на утопистовъ, разрабатывающихъ въ глубинѣ своихъ кабинетовъ планы новаго политическаго, экономическаго и социальнаго строя. Нельзя по своему произволу строить планъ будущаго общества: это означало бы создать для людей новую каторгу. Слѣдуетъ ограничиться критикой капиталистическаго строя и формулировкой основныхъ принциповъ того строя, который ему придется на смѣну. «Социальный организмъ не можетъ быть дѣломъ рукъ одного или нѣсколькихъ лицъ, онъ не зависитъ ни отъ ихъ доброй воли, ни отъ ихъ преданности идеѣ. Онъ не можетъ быть импровизированъ.... Сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ потерпѣли крушеніе именно потому, что слишкомъ переоцѣнивали свои силы. Точно также, неминуемо крушеніе всякаго догматизма.... Никто не можетъ изобразить карту неизвѣстной страны».

V.

Но если строить подробныя гипотезы и смѣшно и бесполезно, то, напротивъ, распространеніе знавій въ массѣ является первоначальнымъ условіемъ всякой революціи. Нѣкоторыя прекраснѣйшія страницы всей демократической литературы послѣдняго вѣка, посвященныя вопросу о народномъ образованіи, принадлежатъ перу Бланки. Его мысли по этому вопросу должны быть сопоставлены съ приведенными нами выше разсужденіями Консидерана. Послѣдній, пожалуй, уступаетъ даже Бланки въ глубинѣ мысли и силѣ слога.

«Заключенный», организовавшій часть французскаго пролетаріата, жившій среди народныхъ массъ, каждый разъ, когда онъ выходилъ изъ тюрьмы на волю, ясно сознавалъ, какую огромную воспитательную работу предстоитъ еще выполнить. Большинство другихъ социалистовъ, такъ же, какъ и онъ, понимали общественное значеніе и революціонизирующую роль науки, но они не могли ей придавать исключительное значеніе, такъ какъ расчитывали на великодушіе и проницательность буржуазіи. Бланки всѣ свои надежды возлагаетъ на народъ, но его долгій опытъ научилъ его понимать, что народъ останется въ угнетенномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока будетъ пребывать въ унаслѣдованномъ ямѣ отъ прежнихъ вѣковъ невѣжествъ. Этимъ отчасти объясняется тотъ фактъ, что Бланки питаетъ непримиримую вражду къ церкви и монархіи. Онъ республиканецъ и антиклерикалъ не только потому, что диктатура одного человѣка оскорбляетъ чувство свободы и равенства, а господство церкви оскорбляетъ разумъ, но также и потому, что между трономъ и алтаремъ существуетъ братскій союзъ, съ цѣлью вѣчно держать народъ въ невѣжествѣ. И тотъ и другой опираются на глупость десятковъ милліоновъ людей; ихъ крушеніе станетъ неизбежнымъ въ тотъ день, когда проснется народная совѣсть, а

вмѣстѣ съ ними падеть и соціальная олигархія, которую они поддерживаютъ.

«Въ образованіи—все; безъ него—ничего... Прежде всего, необходимо быстрое распространеніе образованія». Въ заключеніе, Бланки требуетъ ассигновки въ 500 мил. франковъ на нужды народнаго образованія, а также полнаго устраненія отъ него духовенства.—Никогда еще до Бланки социализмъ не формулировалъ такъ рѣзко въ отношеніи государства и церкви проблемы народнаго образованія.

VI.

Коммунизмъ, основывающійся на распространеніи просвѣщенія,—вотъ сущность бланкизма. Онъ составляетъ прямую противоположность прудонизму, пользовавшемуся успѣхомъ среди рабочаго класса во время второй имперіи. «Заключенный» безпрестанно велъ отчаянную борьбу—и часто съ значительнымъ успѣхомъ—противъ великаго теоретика собственности, увлекшагося въ сторону оппортунистическихъ и реакціонныхъ мѣропріятій.

Бланки смотритъ на «кооперацію», какъ на средство, усиливающее революціонный духъ и служащее орудіемъ въ рукахъ враговъ пролетаріата; она убиваетъ гражданина въ рабочемъ; она низводитъ его требованія до уровня потребностей желудка и подавляетъ въ немъ запросы ума. Это ни больше, ни меньше, какъ маневръ со стороны буржуазіи, какъ попытка капиталистовъ одурачить своихъ противниковъ, толкая ихъ на путь безплодныхъ авантюръ.

Не такими попытками—неудача которыхъ обрадовала бы буржуазію, а успѣхъ обезпечилъ бы ей спокойное существованіе—можетъ народъ освободиться и сбросить съ себя экономическій гнетъ. Онъ выдетъ изъ рабства лишь путемъ развитія той крупной организаціи, выраженіемъ которой является государство.

Такимъ образомъ, въ послѣднемъ счетѣ Бланки становится на точку зрѣнія государственнаго, т. е. авторитарнаго, коммунизма. Замѣтимъ тутъ же, что марксизмъ, несмотря на свою борьбу противъ современнаго государства, приходитъ къ тѣмъ же выводамъ. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи стали бы всѣ рабочія партіи, теоретическую основу которыхъ составляетъ марксизмъ, выставлять требованіе захвата политической власти, если бы оно не вытекало логически изъ самыхъ положеній автора «Капитала»? Но это вопросъ нѣсколько спорный, и слѣдуетъ низвести до дѣйствительныхъ размѣровъ то значеніе, какое современный социализмъ придаетъ государственному вмѣшательству.

Какой бы горячностью ни отличались споры, которые Бланки велъ противъ теорій коопераций и обществъ взаимопомощи, онъ никогда не былъ сектантомъ. Онъ слишкомъ презиралъ доктринерство, чтобы пренебрегать тѣми полезными данными, которыя могли въ себѣ содержать воззрѣнія его противниковъ. По его мнѣнію, революція должна заимствовать способы борьбы отовсюду, гдѣ она ихъ находитъ, при условіи устраненія личнаго честолюбія

и гибельныхъ компромиссовъ. И Бавки, котораго всецѣло поглощала повседневная борьба, далъ намъ великій урокъ терпимости въ слѣдующихъ словахъ: «Оба направленія социализма — прудовизмъ и другой — потерпѣли, въ 1848 г., поражение, но побѣда не достается въ одинъ день... Коммунисты и прудонисты стоятъ на одномъ берегу рѣки и съ ожесточеніемъ спорятъ о томъ, что собою представляетъ другой берегъ — мансовое ли или злачное поле. Они хотятъ во что бы то ни стало разрѣшить этотъ вопросъ, раньше чѣмъ переправятся на тотъ берегъ. Охъ, переплыть бы намъ сначала! А тамъ — ужъ увидимъ!»

Коммунистическій манифестъ.

I.

Несмотря на то, что «Коммунистическій манифестъ» былъ составленъ, въ февралѣ 1848 г., двумя иностранцами, Марксомъ и Энгельсомъ, мы все-таки не можемъ его обойти молчаніемъ. Мы должны познакомиться съ этимъ документомъ по двумъ соображеніямъ: онъ, во-первыхъ, намъ ясно покажетъ, что марксизмъ позаимствовалъ у французскаго социализма; во-вторыхъ, сопоставленіе «Манифеста» съ документами и теоріями публицистовъ, которыхъ мы разберемъ дальше, позволитъ намъ опредѣлить, какое вліяніе марксизмъ оказалъ на современный французскій социализмъ.

Появленіе «Манифеста» составляетъ эпоху въ исторіи пролетаріата. Наши писатели 1840-хъ гг., проповѣдывавшіе или предсказывавшіе экономическій и социальный переворотъ, насильственный или мирный, смотрѣли на него, какъ на движеніе, къ которому примкнулъ бы и самъ господствующій классъ. Прудонъ, смотрѣвшій на него, какъ на самостоятельное дѣло рабочаго класса, такъ сузилъ его задачи, что почти лишилъ его всякаго смысла. Марксъ и Энгельсъ, провозгласивъ вступленіе эры революціи, вмѣстѣ съ тѣмъ показали, что ея элементы уже существуютъ въ современномъ обществѣ, и что ея исключительные творцы, пролетаріи, готовы ее выполнить. Помимо этого, они ее не обосновываютъ чисто моральными доводами, не выставляютъ на первый планъ, вмѣсто условій экономическаго развитія, понятія о справедливости и равенствѣ. Какъ разъ наоборотъ, именно изъ непрерывныхъ измѣненій, происходящихъ въ органической структурѣ общества и раньше всего — въ производственныхъ отношеніяхъ, они выводятъ не законность — вопросъ о «законности» ихъ мало занимаетъ, — а необходимость революціи. Не зная «Манифеста» — значитъ, не звать происхожденія могучаго социалистическаго движенія, охватившаго Францію, всю Европу и заокеанскія страны немедленно послѣ парижской Коммуны.

II.

Мы приведемъ здѣсь лишь краткое резюме «Манифеста», лишь самыя существенныя его положенія. Первая часть его посвящена изученію силъ, имѣющихся налицо въ современномъ обществѣ: эта часть заслуживаетъ самаго большаго вниманія.

«Исторія всякаго общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ». Этотъ антагонизмъ не былъ уничтоженъ и современнымъ буржуазнымъ обществомъ. «Оно только замѣнило старыя классы, старыя условія порабощенія, старыя формы борьбы, новыми».

Буржуазія, которая вышла изъ вѣдръ городскихъ общинъ, развилась благодаря географическимъ и научнымъ открытіямъ. Старый способъ производства не могъ уже удовлетворять возрастающихъ съ открытіемъ рынковъ потребностей; ремесло уступило свое мѣсто мануфактурѣ; раздѣленіе труда внутри мастерской и дальнѣйшій ростъ потребностей привели къ тому, что мануфактура, въ свою очередь, была вытѣснена крупной промышленностью.

Этотъ экономическій переворотъ легъ въ основу господства класса буржуазіи. Современная государственная власть есть не что иное, какъ исполнительный комитетъ, вѣдающій дѣла этого класса.

Буржуазія играла въ исторіи въ высшей степени разрушительную роль: она установила прямую эксплуатацію человѣка—наемный трудъ. Она можетъ существовать лишь при условіи непрерывнаго революціонизированія орудій труда, а слѣдовательно, и способовъ производства и вообще всей совокупности общественныхъ отношеній. Ей необходимо проникать всюду, чтобы завоевать новые рынки, безъ которыхъ она не можетъ существовать. Она придала производству космополитическій характеръ, вытѣснивъ національныя отрасли промышленности, а міровая торговля создаетъ взаимную зависимость всѣхъ народовъ.

Буржуазія подчинила деревню городу, земледѣльческія страны—промышленнымъ, централизовала собственность, средства производства, политическую и административную власть. Уничтоживъ феодальный способъ производства, свободная конкуренція основала диктатуру этого новаго класса.

Но въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ (напомнимъ, что «Манифестъ» появился въ 1848 г.) производительныя силы возстаютъ противъ отношеній собственности. Производятъ слишкомъ много. Собственность становится тормозомъ общественнаго развитія. Буржуазный строй сталъ слишкомъ тѣснымъ для того, чтобы выѣстать создавныя имъ богатства. Буржуазія вынуждена уничтожить цѣлую массу производительныхъ силъ, а самымъ завоеваніемъ новыхъ рынковъ она подготавливаетъ будущіе кризисы.

«Но она не только выковала оружіе, которое должно нанести ей смертельный ударъ: она создала также и людей, которые возьмутъ въ свои руки это оружіе, а именно, современныхъ рабочихъ, пролетаріевъ».

Пролетаріи являются товаромъ, простымъ придаткомъ машины: «Издержки производства рабочаго сводятся почти исключительно къ средствамъ существовавія, необходимымъ ему для жизни и продолженія рода». Мелкіе буржуа, пролетаризующіея экономическимъ развитіемъ, постепенно переходятъ въ ряды пролетаріата.

Въ началѣ эта рабочая масса дѣйствуетъ подъ руководствомъ буржуазіи, интересамъ которой она служитъ, защищая ее и отъ остатковъ абсолютной монархіи и отъ поземельныхъ собственниковъ. На этой первой ступени развитія каждая побѣда есть побѣда буржуазіи.

Но нищета и численность пролетаріевъ непрерывно растутъ; заработная плата падаетъ и нивелируется на самой низкой нормѣ; рабочіе, скопляясь на фабрикахъ, проникаются сознаниемъ солидарности своихъ интересовъ. Они пользуются внутренними раздорами въ средѣ буржуазіи, чтобы вынудить ее къ законодательной регламентаціи труда, затѣмъ вступаютъ съ ней въ открытую борьбу, а «въ рѣшительный часъ, часть господствующаго класса отъ него откалывается и присоединяется къ революціонному классу».

Одинъ только пролетаріатъ способенъ выполнить эту послѣднюю революцію. Мелкая буржуазія и крестьяне являются антибуржуазнымъ, но консервативнымъ элементомъ, и не отъ нихъ намъ ждатель революціоннаго почина. Всѣ предшествующія историческія движенія были движеніями меньшинства въ пользу меньшинства. Пролетаріатъ же дѣйствуетъ въ интересахъ огромнаго большинства. Такъ какъ пролетаріатъ представляетъ собой самый низшій слой современнаго общества, то онъ можетъ выпрямиться не иначе, какъ уничтоживъ всѣ остальные слои.

Рѣшительный часъ приближается, потому что условія существованія рабочаго непрерывно ухудшаются, и существованіе буржуазіи становится несовмѣстимымъ съ существованіемъ общества. Этотъ господствующій классъ «производитъ своихъ собственныхъ могильщиковъ. Его пораженіе и побѣда «пролетаріата одинаково неизбежны».

Вторая часть «Манифеста» озаглавлена: *Пролетаріи и коммунисты*. Коммунисты добиваются отмены частной собственности: личная собственность, плодъ личнаго труда, давно уже уничтожена. Трудъ создаетъ только капиталъ—общественную силу, приводимую въ движеніе коллективною. Если превратить этотъ капиталъ въ общественную собственность, то не личная собственность превратится въ общественную: измѣнится только общественный характеръ собственности.

Въ настоящее время рабочій получаетъ минимумъ заработной платы: онъ получаетъ какъ разъ то, что ему необходимо для поддержанія своего жалкаго существованія и для продолженія своего рода. Его трудъ служитъ раньше всего средствомъ къ увеличеніямъ накопленнаго труда, но онъ не имѣетъ права на частную собственность. Коммунизмъ отнимаетъ у меньшинства возможность подчинить себѣ чужой трудъ.

Пролетаріатъ не имѣетъ отечества. Нельзя отнять у него того, чего у

него нѣтъ. Національный антагонизмъ уменьшается по мѣрѣ политическаго развитія буржуазіи. Условія производства повсюду одни и тѣ же: элементы общественнаго переворота повсемѣстно одинаковы.

Для совершенія переворота, пролетаріатъ долженъ стать господствующимъ классомъ и захватить политическую власть. Онъ тогда сможетъ цѣлымъ рядомъ мѣропріятій экспроприровать своихъ господъ отъ капитала. Мѣропріятія эти слѣдующія: конфискація земельной ренты, уничтоженіе права наслѣдства, централизація кредита при помощи національнаго банка, централизація путей сообщенія, увеличеніе числа національныхъ промышленныхъ предпріятій, обработка невоздѣланныхъ земель, организація промышленныхъ и земледѣльческихъ армій, обязательность труда, бесплатное общественное воспитаніе. Эти мѣропріятія позволяютъ разрѣшить существующіе антагонизмы, сосредоточивъ собственность въ рукахъ общества.

Третья часть «Манифеста» посвящена историческому и критическому обзору соціалистической и коммунистической литературы. Марксъ и Энгельсъ различаютъ: мелко-буржуазный соціализмъ, главой котораго является Симонди, буржуазный или консервативный соціализмъ и критически-утопическій коммунизмъ, на которомъ они особенно останавливаются. Вначалѣ пролетаріатъ еще не располагалъ матеріальными условіями своего освобожденія. Сень-Симонъ, Фурье, Оуэнъ, сознаютъ существованіе антагонизма классовъ, равно какъ и элементовъ разложенія внутри современнаго общества, но они еще не имѣютъ представленія о присущей пролетаріату исторической роли, и такъ какъ они не замѣчаютъ эмансипирующихъ началъ, содержащихся въ самомъ промышленномъ развитіи, то они впадаютъ въ утопію. Они изобрѣтаютъ планы будущихъ обществъ, они взываютъ ко всему обществу и даже предпочитаютъ обращаться къ правящему классу. Они отвергаютъ всякій насильственный образъ дѣйствій, всякое рѣзкое нововведеніе. Такъ какъ ихъ системы застыли, не подверглись измѣненію у учениковъ, то онѣ у послѣднихъ стали реакціонными. Ученики ихъ продолжаютъ осуждать всякую политическую активность рабочихъ, а слѣдовательно, и ихъ организацію.

Роль коммунистовъ—это всюду поддерживать всякое движеніе противъ капиталистическаго общества и противъ частной собственности. Пусть дрожатъ господствующіе классы при мысли о коммунистическомъ переворотѣ! «Пролетаріямъ нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей. Приобрѣтутъ же они весь міръ... Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»

Существенныя мысли «Манифеста» можно резюмировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Борьба классовъ образуетъ неизмѣнную основу, самую сущность исторіи.—Это понятіе не могло зародиться въ умахъ французскихъ соціалистовъ первой половины XIX в.; нигдѣ оно не выражено съ такой поразительной ясностью.

2) Коммунизмъ вытекаетъ изъ самого промышленнаго развитія; онъ уже существуетъ въ потенциальномъ состояніи, по крайней мѣрѣ, всѣ его элементы

уже налицо.—Ни одинъ французскій социалистъ не пришелъ еще, до появленія «Манифеста», къ этому выводу.

3) Пролетаріатъ, призванный къ тому, чтобы перестроить все общество, защищаетъ интересы, прямо противоположные интересамъ буржуазіи: онъ одинъ въ состояніи совершить этотъ общественный переворотъ, и сдѣлаетъ онъ это своими собственными силами.—Это положеніе было уже сформулировано Прудонъ, но остальные французскіе писатели—отъ Сень-Симона до Кабэ—отвергали антагонизмъ между правящими и управляемыми и совѣтовали союзъ между ними.

4) Уничтоженіе пролетаріатомъ капиталистическаго строя совершится не во имя осуществленія идеи справедливости и равенства, а потому, что къ этому ведутъ экономическая необходимость и развитіе способа производства.—Это воззрѣніе было впервые сформулировано авторами Манифеста.

Международное общество рабочихъ и Коммуна.

I.

Послѣ 1848 г. плп, вѣрнѣе, послѣ смерти писателей этой эпохи, ¹⁾ французскій социализмъ не представляетъ собою болѣе ничего оригинальнаго. Руководящая роль въ пролетарскомъ движеніи переходитъ къ Германіи, выдвинувшей Маркса и Лассля; тамъ одновременно развиваются сильная социалистическая мысль и могучая организація.

Насколько первая половина XIX в. отличалась во Франціи богатствомъ новыхъ идей, настолько вторая половина характерна скудостью ихъ. Это быстрое оскудѣніе мысли слѣдуетъ, быть можетъ, приписать двумъ явленіямъ различнаго характера, но взаимно дополнявшимъ другъ друга: разгромъ социализма въ іюльскіе дни и распространеніе *Коммунистическаго Манифеста*, полно и точно *формулировавшаго* требованія пролетаріата.

Кровавыя репрессіи Кавеньяка (точно такъ же, какъ и позднѣе репрессіи Тьера и Галифа) внесли страшное разстройство въ ряды рабочаго народа. Подъемъ духа народа былъ сломенъ; магическія слова, раньше воодушевлявшія народъ на героическіе подвиги въ его борьбѣ съ капиталистическимъ строемъ, сразу потеряли свою силу. Долгіе мѣсяцы и годы обезумѣвшія массы

¹⁾ Прудонъ и Бланки, которые продолжали писать гораздо позже 1848 года, ограничивались лишь развитіемъ своихъ старыхъ идей. И хотя „*Capacité des classes ouvrières*“ вышло почти одновременно съ „Капиталомъ“ Маркса, все же это раздѣленіе вѣка на двѣ равныя части очень легко оправдывается. Мы хотимъ сказать, что ни одинъ крупный социалистическій писатель не появился во Франціи послѣ 48-го года.

напрасно искали точки опоры: социальная революція, потопленная въ крови разстрѣленныхъ рабочихъ парижскихъ предмѣстій, казалось, погибла навсегда.

Когда пролетаріи опять подняли головы и прониклись сознаниемъ своихъ интересовъ и своихъ классовыхъ обязанностей, они нашли въ положеніяхъ Маркса, мало для нихъ доступныхъ въ *Капиталѣ*, но болѣе ясно и болѣе популярно изложенныхъ въ «Манифестѣ»,—совершенно готовую философію. Эти положенія связали въ одно элементы, почерпнутые изъ всего французскаго социализма, начиная съ Бабефа, съ самостоятельными выводами Маркса и поражали своими координированностью и логичностью. И такъ какъ марксизмъ давалъ одновременно анализъ существующаго экономическаго строя и его пороковъ и изложеніе принциповъ будущаго коммунистическаго строя, такъ какъ онъ затрагивалъ всевозможные вопросы, на которые и давалъ отвѣты, то онъ скоро пріобрѣлъ господствующее вліяніе на всю социалистическую литературу, какъ во Франціи, такъ и внѣ ея. Научныя произведенія и социалистическія программы послѣднихъ тридцати лѣтъ имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ заключенія *Капитала*.

Мы не думаемъ отрицать того, что идеализмъ, знаменосцами котораго были Сень-Симонъ, Луи-Бланъ, Кабэ, Прудонъ, продолжалъ еще играть нѣкоторую роль. Но его вліяніе, остававшееся почти исключительнымъ до 1848 г., было далеко не преобладающимъ послѣ 1848 г.

Во время основанія «Международнаго общества рабочихъ» прудонизмъ вступаетъ въ борьбу съ реалистическими взглядами нѣмецкихъ мыслителей: его престижъ мало-по-малу ослабѣваетъ и совершенно исчезаетъ наканунѣ Коммуны. Послѣ майской бѣи 1871 г., когда пролетаріатъ пытался сорвать туго затянутую на его шею петлю, прудонизмъ сталъ опять показывать признаки жизни, но лишь затѣмъ, чтобы скоро быть окончательно побѣжденнымъ коллективизмомъ и революціоннымъ коммунизмомъ. Несомнѣнно, онъ еще и въ наше время не отказался отъ борьбы: онъ представляется въ новыхъ видахъ. Но его значеніе ничтожно въ сравненіи съ огромнымъ вліяніемъ, которое пріобрѣлъ во всѣхъ странахъ историческій материализмъ съ его логическими выводами.

Хотя въ настоящее время во французскомъ социализмѣ существуютъ два теченія—одно идеалистическое, а другое—марксистское,—тѣмъ не менѣе, разногласія между ними гораздо менѣе существенны, чѣмъ это полагаютъ нѣкоторые. Сами идеалисты вынуждены признать эволюцію общества, измѣненія, вызываемыя производственными отношеніями; они не осмѣливаются формулировать систему сотрудничества классовъ. Они только стараются доказать возможность примиренія между неизбѣжнымъ ходомъ экономическаго развитія и выводами, къ которымъ они приходятъ, исходя изъ соображеній справедливости и отвлеченнаго равенства. Они, по меньшей мѣрѣ, полу-марксисты; они не отрицаютъ ни борьбы классовъ, ни вытекающаго изъ нея объясненія исторіи; современный идеализмъ—плодъ латинскаго склада ума и наслѣдіе социальныхъ мыслителей—только подкрѣпляетъ положенія *Манифеста* и *Капи-*

тала. Овъ, по крайней мѣрѣ, можетъ отстаивать свою позицію противъ своего противника не иначе, какъ отнимая у послѣдняго самыя лучшія изъ его орудій.

II.

Отступленіе стараго соціалистическаго міровоззрѣнія и крушеніе прудонизма особенно рельефно выразились въ теоріяхъ «Международнаго общества рабочихъ» и въ актахъ Коммуны.

Когда около 1860 г. началось пробужденіе рабочаго класса, авторъ «Противорѣчій», оставшійся вѣрнымъ своей идеѣ объ обществахъ взаимопомощи, опять пріобрѣлъ широкую популярность въ пролетаріатѣ. Несмотря на то, что эта популярность была подорвана Бланки, который былъ ярымъ противникомъ «кооперативовъ», вліяніе прудонизма было еще значительно. Оно было до такой степени дѣйствительнымъ ко времени основанія «Международнаго общества рабочихъ», что Марксу и его друзьямъ приходилось съ нимъ считаться. И первый манифестъ (1864 г.) общества носитъ на себѣ двойной отпечатокъ: мотивировки признаютъ необходимость политической борьбы, а резолюція провозглашаетъ, какъ «основы дѣйствій» общества, правду, мораль и справедливость.

Но коммунизмъ, поддерживаемый бланкистами, не замедлилъ овладѣть пролетарскимъ движеніемъ. Брюссельскій (1868 г.) и базельскій (1869) конгрессы закончились побѣдой крайнихъ идей «Международнаго общества рабочихъ» и пораженіемъ идей «кооперативовъ». Коммуна нанесла послѣдній ударъ прудонистскому міровоззрѣнію, доказавъ на дѣлѣ его бесплодность.

Въ то же время историческія событія во второй разъ разрушили карточный замокъ, построенный школой 1840 г. 18-е марта 1871 г., какъ и іюльскіе дни 1848 г., безпощадно доказали, что пролетаріату нечего ждаты отъ буржуазіи. что сотрудиничество правящихъ и управляемыхъ, такъ часто воспѣваемое мыслителями первой половины XIX в., есть одна лишь иллюзія, и что народу приходится рассчитывать исключительно на свои собственныя силы. Коммуна представляла собою наиболѣе поразительное примѣненіе бланкистской методы, но она въ то же время воздала должное заключеніямъ «Манифеста» 1848 г., а идея интернаціонализма, которой она была проникнута, дополнила оригинальность.

Послѣ 1871 г. не существуетъ болѣе стдѣльно французскаго и нѣмецкаго соціализма: оба они слились въ одинъ международный соціализмъ.

Рабочая партія.

I.

Рабочая партія, взятая въ цѣломъ, представляетъ у насъ марксистскій элементъ, социалистическій реализмъ, всю совокупность идей „Коммунистическаго манифеста“. До Коммуны намъ приходилось изучать отдѣльныхъ писателей, какъ, напр., Певкера или Кабэ, или школы, какъ напр., фюреристскую и сень-символистскую. Теперь сущность этого ученія теряетъ свой индивидуальный характеръ: она становится коллективной или, по крайней мѣрѣ, формулируется главнымъ образомъ отъ имени цѣлой группы; сообразно съ этимъ, въ изложеніи теоріи уже отводится мало мѣста отдѣльнымъ личностямъ, а самыя міровоззрѣнія получаютъ совершенно иной характеръ. Программа конгрессовъ замѣняетъ собой труды отдѣльныхъ авторовъ. Писатели—это члены руководящаго совѣта партіи, занимающіеся одновременно литературнымъ трудомъ и практической организаціонной работой. Тѣ изъ нихъ, которые выпускаютъ книги или брошюры—скорѣе, брошюры—съ цѣлью популяризировать установившіеся въ партіи взгляды или отвѣчать на нападки противниковъ, строго придерживаются рѣшеній фракціи, къ которой они принадлежатъ. Труды Лафарга, Гэда, Девиля, представляютъ собой, главнымъ образомъ, поясненія теоріи Маркса или партійной программы, разработанной, впрочемъ, самимъ Марксомъ.

Читатель не найдетъ здѣсь историческаго обзора рабочей партіи, какъ и не найдетъ историческаго обзора бланкизма, алеманизма или другихъ социалистическихъ группъ, возникшихъ за послѣднія тридцать лѣтъ. При разсмотрѣніи самыхъ событій необходимо знать разные факты, оказавшіе вліяніе на движеніе пролетаріата и дѣйствовавшіе, то въ одномъ и томъ же, то въ противоположномъ направленіи. Если же обратить вниманіе исключительно на идеи, то слѣдуетъ пройти мимо извѣстныхъ фактовъ, игнорировать даты, могущія имѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для полемики напр., рѣшающее значеніе.

Рабочая партія образовалась болѣе четверти вѣка тому назадъ. Прудонисты, сейчасъ же послѣ трагическаго опыта съ Коммуной, лишній разъ попытались пріобрѣсти популярность въ народѣ; это имъ удавалось вплоть до марсельскаго конгресса (состоявшагося въ 1879 г.), освятившаго коллективизмъ, провозгласившаго основаніе классової партіи и выставившаго требованіе обобществленія орудій и средствъ производства.

Въ 1880 г. «районный конгрессъ федераціи центра», состоявшійся въ Парижѣ, выработалъ капитальный документъ, рекомендующій активность не только рабочей партіи, но также и всѣмъ социалистическимъ политическимъ организаціямъ; этотъ документъ и понынѣ остается самымъ вѣрнымъ

выраженіемъ марксистскаго ученія. Нѣкоторые его пункты могли подвергнуться измѣненіямъ или дополненіямъ; но въ области теоретической, какъ и въ области практической, онъ остается хартіей пролетарскихъ требованій. Онъ былъ составленъ авторомъ *Капитала*, совмѣстно съ Гэдомъ, Лафаргомъ и другими; мотивировка и изложеніе импонируютъ даже идеалистамъ, все еще продолжавшимъ упорно держаться традицій сороковыхъ годовъ.

Программа рабочей партіи, такъ называемая программа-минимумъ, довольно пространна, но ее стоитъ воспроизвести цѣликомъ, во-первыхъ, потому, что она сама по себѣ представляетъ собою настоящее изложеніе положеній, а, во-вторыхъ, потому, что сопоставленіе ея съ нѣмецкой готской программой, выработанной нѣсколько раньше, показываетъ, какъ идеи Маркса получаютъ международный характеръ.

«Районный конгрессъ центра,

«Принимая во вниманіе, что лишеніе политическихъ свободъ является препятствіемъ на пути къ социальному просвѣщенію народа и къ экономическому освобожденію пролетаріата;

«Принимая во вниманіе, что пролетаріатъ намѣренъ пользоваться всѣми средствами съ цѣлью добиться своего освобожденія, и что онъ долженъ пользоваться свободами, уже завоеванными цѣною крови, пролитой въ трехъ послѣднихъ революціяхъ;

«Принимая затѣмъ во вниманіе, что политическая активность полезна, какъ агитационное средство, и что избирательная арена, безспорно, является ареной борьбы,

«Подтверждаетъ рѣшенія, принятыя по этому вопросу социалистическими національными и международными конгрессами,

«И заявляетъ:

I. Соціальное освобожденіе рабочихъ неразрывно связано съ ихъ политическимъ освобожденіемъ.

II. Воздержаніе отъ политической дѣятельности оказалось бы гибельнымъ по своимъ послѣдствіямъ.

III. Политическое вмѣшательство должно выразиться въ формѣ классовыхъ кандидатуръ на всѣ выборныя должности, безъ какого бы то ни было союза съ фракціями старыхъ политическихъ партій.

IV. Хотя пролетаріатъ и долженъ использовать законныя средства, но онъ не можетъ добиться своего освобожденія мирнымъ путемъ, и социальная революція, которая совершится насильственнымъ путемъ, остается единственно возможнымъ рѣшеніемъ.

V. Политическое вмѣшательство должно находиться въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ социалистическому движенію и служить лишь средствомъ для этого движенія.

VI. Вмѣшиваясь во внутренніе раздоры между отдѣльными фракціями

буржуазіи, пролетаріатъ долженъ развивать свою особую организацію, являющуюся не чѣмъ инымъ, какъ подготовительной формой грядущаго общества.

«Районный конгрессъ центра,

«Принимая во вниманіе, что первымъ актомъ организованнаго рабочаго класса, по необходимости, должно быть отдѣленіе его отъ буржуазныхъ политическихъ партій, и что это отдѣленіе возможно на избирательной почвѣ, при помощи того же самаго избирательнаго бюллетеня, создавшаго политическое смѣшеніе классовъ;

«Принимая во вниманіе, что худшими врагами революціи являются тѣ, кто любитъ о ней много говорить, и не предпринимаетъ тѣхъ мѣръ, которыя ее сдѣлали бы возможной,

«Заявляетъ,

«Что онъ принимаетъ избирательную программу, опубликованную газетами *Le Citoyen, La Revue Socialiste, Le Proletaire, L'Egalité* и *la Fédération*, внося въ нихъ слѣдующія поправки:

«Принимая во вниманіе, что освобожденіе производительнаго класса есть вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіе всѣхъ людей, безъ различія пола и расы;

«Что производители могутъ быть свободны лишь при томъ условіи, если они обладаютъ средствами производства;

«Что существуютъ только двѣ формы, въ которыхъ средства производства могутъ имъ принадлежать: 1) личная форма владѣнія, никогда не существовавшая, какъ общій фактъ, и все болѣе и болѣе вытѣсняемая промышленнымъ прогрессомъ; 2) коллективная форма владѣнія, матеріальные и интеллектуальные элементы которой создаются самимъ развитіемъ капиталистическаго общества;

«Принимая во вниманіе, что вторая форма можетъ явиться лишь результатомъ борьбы организованнаго рабочаго класса, и что къ подобнаго рода организаціи слѣдуетъ стремиться всѣми средствами, которыми располагаетъ пролетаріатъ, въ томъ числѣ и при помощи всеобщаго избирательнаго права, превращающагося благодаря этому изъ орудія обмана, какимъ оно было до сихъ поръ, въ орудіе освобожденія,

«Французскіе рабочіе-соціалисты, ставя цѣлью своей дѣятельности въ области экономической обобществленіе всѣхъ средствъ производства, рѣшили, въ качествѣ средства организаціи и борьбы, принимать участіе въ выборахъ, для которыхъ выставляютъ слѣдующую программу-минимумъ:

«А. Политическая программа.

«1. Отмѣна всѣхъ законовъ о печати, собраніяхъ и союзахъ, въ особенности—закона противъ *международнаго общества рабочихъ*. Отмѣна рабочихъ

книжекъ и всѣхъ статей уложенія, ставящихъ рабочаго въ низшее по сравненію съ хозяиномъ правовое положеніе.

«2. Уничтоженіе бюджета исповѣданій и возвращеніе націи духовныхъ имуществъ, движимыхъ и недвижимыхъ, принадлежащихъ религіознымъ корпораціямъ, въ томъ числѣ и промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій этихъ корпорацій.

«3. Всеобщее вооруженіе народа.

«4. Передача въ вѣдѣніе органовъ городского самоуправленія исполнительной власти, полиціи и всѣхъ платныхъ общественныхъ функцій.

«В. Экономическая программа.

«1. Однодневный отдыхъ въ теченіе недѣли или законодательное запрещеніе работы болѣе шести дней въ недѣлю. Законодательное сокращеніе рабочаго дня для взрослыхъ до восьми часовъ. Запрещеніе въ частныхъ мастерскихъ труда дѣтей моложе четырнадцати лѣтъ; сокращеніе рабочаго дня до шести часовъ для подростковъ отъ четырнадцати до восемнадцати лѣтъ; надзоръ рабочихъ корпорацій надъ учениками.

«2. Установленный закономъ минимумъ заработной платы, опредѣляемой каждый годъ сообразно съ мѣстными цѣнами на пищевые продукты.

«3. Одинаковая заработная плата для работниковъ обохъ половъ.

«4. Всестороннее научное и профессиональное образованіе всѣхъ дѣтей; содержаніе послѣднихъ на счетъ общества, представленнаго въ лицѣ государства и коммуна.

«5. Содержаніе на счетъ общества стариковъ и инвалидовъ труда.

«6. Устраненіе всякаго рода вмѣшательства работодателей въ дѣло управленія кассами взаимнаго страхованія рабочихъ и т. п., которыя должны перейти въ исключительное вѣдѣніе рабочихъ.

«7. Отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи; въ обезпеченіе работодателемъ вносится залогъ, пропорціонально числу занятыхъ у него рабочихъ и степени опасности данной отрасли промышленности.

«8. Участіе рабочихъ въ выработкѣ специальныхъ правилъ для различныхъ мастерскихъ; отмѣна права, которое присвоили себѣ предприниматели, дѣлать какія бы то ни было взысканія съ рабочихъ, въ формѣ штрафовъ или вычетовъ изъ заработной платы.

«9. Пересмотръ всѣхъ договоровъ, касающихся отчужденія общественной собственности, банковъ, желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и т. п.; веденіе дѣлъ всѣхъ предпріятій запятыми въ нихъ рабочими.

«10. Отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ и превращеніе всѣхъ прямыхъ налоговъ въ прогрессивный налогъ на доходы, превышающіе 3.000 фр. Уничтоженіе права наслѣдства по боковой линіи и всякаго права наслѣдства по прямой линіи для суммъ, превышающихъ 20.000 фр.

«11. Безусловное прекращеніе отчужденія земельной собственности со стороны коммунъ или государства.

«12. Обращеніе свободныхъ суммъ муниципалитетовъ на постройку, на принадлежащихъ коммунамъ земляхъ, разнаго рода зданій, какъ, напр., жилища, складочныя мѣста, чтобы сдавать ихъ въ наемъ, не извлекая изъ этого прибыли, жителямъ».

Въ этомъ документѣ слѣдуетъ отличать двѣ части: принципиальную и практическую. Последняя, имѣющая политическій характеръ и приуроченная къ выборной агитаціи, не можетъ составить предмета нашего разбора. Замѣтимъ только, что она вытекаетъ цѣликомъ изъ очень широкаго взгляда на общественную власть.

Что именно тотъ взглядъ, который получилъ свое выраженіе въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», предлагающемъ захватъ общественной власти; онъ составляетъ прямую противоположность прудонизму. Онъ долженъ быть разсмотрѣнъ самъ по себѣ, а не съ точки зрѣнія его непосредственныхъ послѣдствій.

Программу рабочей партіи можно привести къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: чтобы добиться своего экономическаго и соціального освобожденія, пролетаріатъ долженъ раньше всего избавиться отъ политической опеки буржуазіи. Для этой цѣли онъ долженъ пользоваться, какъ орудіемъ, всеобщимъ избирательнымъ правомъ; но ему придется также прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Онъ долженъ вести свою самостоятельную борьбу своими собственными орудіями, не вступая въ союзъ съ другими классами, интересы которыхъ противоположны его интересамъ. Онъ долженъ стремиться къ замѣнѣ личной собственности коллективной, такъ какъ только обобществленіе средствъ производства въ состояніи обезпечить ему свободу.

Этого простого и краткаго изложенія достаточно для того, чтобы показать, что въ программѣ позаимствовано у марксизма, и что она взяла у бланкизма.

II.

Готская программа заслуживаетъ того, чтобы ее сопоставить съ программой рабочей партіи. И она открываетъ собой новую фазу въ исторіи германскаго социализма, а именно фазу политической организаціи и популяризаціи марксизма. Она была выработана за пять лѣтъ до программы французскаго пролетаріата и оказала на послѣдней непосредственное вліяніе. Готская программа была составлена сейчасъ же послѣ сліянія марксистовъ и лассальянцевъ и носила поэтому отпечатокъ двухъ различныхъ, съ трудомъ живающихся соціальныхъ философій.

«I. Трудъ есть источникъ всякаго богатства и всякой цивилизаціи, и такъ какъ полезный для всѣхъ трудъ возможенъ только благодаря обществу, то обществу-же, т. е. всѣмъ его членамъ, долженъ принадлежать продуктъ труда,

причемъ каждый долженъ быть обязанъ работать и пользоваться правомъ получать изъ того плода общаго труда часть, необходимую для удовлетворенія его разумныхъ потребностей.

«Въ современномъ обществѣ орудія производства составляютъ монополію класса капиталистовъ; вытекающая отсюда для рабочаго класса зависимость является причиной нищеты и порабощенія во всѣхъ его видахъ.

«Дѣло освобожденія труда должно быть дѣломъ рабочаго класса, въ противоположность къ которому всѣ остальные классы составляютъ одну реакціонную массу.

«II. Исходя изъ этого принципа, германская социалистическая рабочая партія стремится всѣми законными средствами основать свободное государство и социалистическій строй, сломать желѣзный законъ заработной платы, уничтоживъ систему наемнаго труда, прекратить эксплуатацію во всѣхъ ея видахъ, устранить всякое социальное и политическое неравенство.

«Германская социалистическая рабочая партія, хотя и дѣйствуетъ раньше всего въ національной обстановкѣ, проникнута сознаниемъ международнаго характера рабочаго движенія и твердо намѣрена исполнить всѣ обязанности, которыя этотъ международный характеръ налагаетъ на рабочихъ, для того, чтобы братство всѣхъ людей стало совершившимся фактомъ.

«Въ видахъ подготовки путей для разрѣшенія социального вопроса, германская социалистическая рабочая партія требуетъ учрежденія социалистическихъ производительныхъ обществъ, поддерживаемыхъ государствомъ и функционирующихъ подъ демократическимъ контролемъ рабочаго народа. Промышленные и земледѣльческія производительныя общества должны получить широкое распространеніе для того, чтобы они привели къ социалистической организаціи коллективнаго труда».

Какъ выводъ изъ этихъ заявленій, готская программа требуетъ всеобщаго активнаго и пассивнаго избирательнаго права, прямого народнаго законодательства, народной милиціи, отміны всѣхъ законовъ, ограничивающихъ свободу выраженія мнѣній, народнаго правосудія, всеобщаго, равнаго государственнаго воспитанія, признанія религіи частнымъ дѣломъ, единаго прогрессивнаго подоходнаго налога взамѣнъ существующихъ косвенныхъ налоговъ, установленія нормальнаго рабочаго дня, воскреснаго отдыха, законодательной защиты женщинъ и дѣтей, законовъ о гигиенѣ мастерскихъ, регламентаціи труда въ тюрьмахъ, свободнаго завѣдыванія рабочихъ вспомогательными кассами.

Въ общемъ, германская программа 1875 г. отличается поразительнымъ сходствомъ съ французской программой 1880 г. Какъ и послѣдняя, первая основывается на борьбѣ классовъ и требуетъ обобществленія средствъ производства; хотя она не заявляетъ о томъ, что всѣ элементы грядущаго общественнаго строя находятся въ зародышевомъ состояніи въ современномъ обществѣ, но зато она принимаетъ формулу коммунистическаго способа распределенія и «провозглашаетъ желѣзный законъ». Готская программа дѣлаетъ, впрочемъ, лассальянцамъ и другую уступку въ томъ отношеніи, что рекомендуетъ осно-

ваніе субсидируемыхъ государствомъ кооперативовъ, очень похожихъ на тѣ, которые рекомендовалъ Луи-Бланъ. Но вслѣдъ затѣмъ программа опять становится на точку зрѣнія «Манифеста» и марксизма, указывая на международный характеръ рабочаго движенія.

Эта позиція германской социалдемократіи подверглась суровой критикѣ: мы не можемъ заняться ея разборомъ, не выходя изъ рамокъ нашего труда, тѣмъ болѣе, что программа была нѣсколько разъ измѣнена, главнымъ образомъ, на Эрфуртскомъ конгрессѣ, въ октябрѣ 1901 г.

Эрфуртская программа во многихъ отношеніяхъ полнѣе готской; она отличается большей точностью, нежели программа французской рабочей партіи. Укажемъ на существенныя ея черты: она даетъ очеркъ образованія пролетаріата, растущей пролетаризаціи мелкой буржуазіи, концентраціи земель и машинъ въ рукахъ все болѣе и болѣе ограниченнаго меньшинства; она указываетъ на получаемую капиталистами прибавочную стоимость, на своеобразную роль рабочаго класса, на политическій характеръ борьбы, которую онъ ведетъ съ цѣлью экономическаго освобожденія; она подчеркиваетъ международный характеръ этой борьбы, опредѣляемой объединеніемъ міроваго рынка. Въ отношеніи переходныхъ мѣропріятій. Эрфуртская программа по существу не отличается отъ готской, но изъ первой исключены заимствованныя у лас-сальянской системы кооперативныя общества.

Мы воспроизвели и резюмировали эти двѣ важнѣйшія программы, выработанныя германскимъ социализмомъ лишь для того, чтобы показать ихъ глубокую аналогію съ французскими социалистическими документами. Мы бы могли съ такимъ же успѣхомъ сослаться на бельгійскія, австрійскія, итальянскія, швейцарскія, датскія, польскія и другія программы, чтобы доказать, какое единство взглядовъ господствуетъ у пролетаріата Стараго и Новаго Свѣта, — единство, вытекающее изъ сліявія въ одно всѣхъ отдѣльныхъ національных теченій. Марксизмъ, наложивъ свой отпечатокъ на рабочій классъ Европы, Америки и Австраліи, нашель во всѣхъ языкахъ однородныя выраженіе.

III.

Намъ остается изучить сочиненія французскихъ толкователей и популяризаторовъ марксизма, заявившихъ себя приверженцами этого ученія и приспособившихъ его воззрѣнія къ потребностямъ французской пропаганды.

Гдѣ, основатель французской рабочей партіи, написалъ немало краткихъ брошюръ, въ которыхъ онъ либо разъяснялъ коллективистскіе выводы, либо отвѣчалъ на возраженія правовѣрныхъ буржуазныхъ экономистовъ. Одной изъ лучшихъ написанныхъ имъ брошюръ является, по нашему мнѣнію, «Коллективизмъ въ Collège de France» (1883) — отвѣтъ на лекціи и толстые томы Поль Леруа-Болье (Paul Leroy-Beaulieu).

Въ строѣ съ капиталистическимъ способомъ производства, въ которомъ ка-

питались принимать все меньшее и меньшее участие, все функции, начинаясь чисто умственных и кончая чисто физическими, выполняются наемными рабочими; единственное участие капиталиста выражается в присвоении и потреблении уже произведенного продукта.

Леруа-Болье не могъ понять, что обобществление машинъ, уничтоживъ классъ, живущій прибылью, обезпечило бы весь продуктъ всей совокупности работниковъ; въ коллективистскомъ строѣ, гдѣ лица, занимающія общественныя должности, при ихъ избираемости и смѣняемости будутъ лишены всякой принудительной власти, эти лица будутъ ни больше ни меньше, какъ простыми сотрудниками.

Либералы защищаютъ капиталистическій способъ присвоения во имя справедливости, но ихъ справедливость есть не что иное, какъ узаконеніе грабежа, произвола и монополій. Они, напримѣръ, допускаютъ, чтобы открытіе, вродѣ бессемеровскаго способа приготовления стали, являющееся результатомъ научныхъ усилій цѣлыхъ поколѣній, эксплуатировалось однимъ человѣкомъ, въ ущербъ всемъ прочимъ.

По мнѣнію Леруа-Болье, коллективизмъ идетъ въ разрѣзъ съ общественной пользой, такъ какъ онъ, будто бы, убиваетъ личную инициативу. Какая глубокая ошибка! Въ настоящее время въ интересахъ труда—производить возможно меньше въ возможно больший промежутокъ времени, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть безработицы. Этому соображенію не будетъ мѣста въ новомъ общественномъ строѣ, при которомъ каждый будетъ вознагражденъ, согласно его труду, при которомъ производство увеличится, благодаря участию въ немъ тѣхъ, кто въ настоящее время ничего не производитъ, благодаря устраненію хищничества, техническому прогрессу, лучшему примѣненію естественныхъ силъ.

Гдѣ показываетъ также несостоятельность аргументовъ, которые правые экономисты основываютъ на утвержденіи, будто коллективизмъ уничтожаетъ свободу. Въ коллективистскомъ строѣ рабочій, вмѣсто того, чтобы быть вещью, станетъ совладѣльцемъ орудій производства; онъ обратитъ машину въ свою пользу вмѣсто того, чтобы находиться отъ нея въ зависимости, и чело-вѣку будетъ возвращена самостоятельность, которой онъ въ настоящее время лишенъ.

IV

Гдѣ былъ преимущественно пропагандистомъ при помощи устнаго слова; Лафаргъ посвятилъ себя печатному разбору марксистскаго ученія и отдалъ на служеніе социалистической мысли свой легкой, живой слогъ и замѣчательную политико-экономическую эрудицію. Его маленькая брошюра—«Право на лѣнь» (1880 г.)—обошла весь свѣтъ и вполне заслуживаетъ эту популярность прекрасными страницами, посвященными роли механическихъ орудій производства, этихъ искупителей чело-вѣчества; но наиболѣе сильнымъ изъ написанныхъ

имъ произведеній является «Коммунистическая теорія собственности», трудъ, посвященный Энгельсу.

Буржуазные экономисты смотрятъ на форму собственности, какъ на что-то застывшее, не подвергающееся развитію; но вѣдь капиталистическая форма собственности получила свое значеніе всего нѣсколько вѣковъ тому назадъ, вслѣдствіе развитія торговой политики. Она родилась «отъ эксплуатаціи свободнаго производителя, у котораго ежедневно отнимается часть произведенныхъ имъ стоимостей». Но она составляетъ лишь звено въ общей цѣпи послѣдовательныхъ эволюцій: и до нея существовала коммунистическая собственность рода и коллективная собственность античной семьи.

Полный промышленный переворотъ совершился, главнымъ образомъ, въ 1789 г., когда промышленность и торговля были освобождены отъ всякихъ путъ, и когда промышленность совершенно отдѣлилась отъ земледѣлія.

Земледѣліе подверглось вторженію капитализма; машины подчинили себѣ землю; онѣ служили сельскохозяйственнымъ переворотамъ, необходимымъ для удовлетворенія потребностей горожанъ; пришлось скоро открыть границы для ввоза иностранныхъ съѣстныхъ припасовъ, между тѣмъ какъ деревенское населеніе бѣжало въ города; торговля хлѣбомъ, мясомъ, масломъ, стала международной, и міровая конкуренція привела къ постоянному сельскохозяйственному кризису.

Не менѣе коренному перевороту подверглась и промышленность. Сначала произошло раздѣленіе труда между отдѣльными городами, затѣмъ вся страна раздѣлилась на отдѣльные экономическіе организмы—хлопчатобумажный, горный, металлургическій,—находившіеся всѣ въ зависимости другъ отъ друга; наконецъ, сами народы, раздѣливъ между собой міровое производство, вступили во взаимную между собою зависимость. «Капиталистическое производство, разрушивъ хозяйственную единицу ремесленного производства, ограниченную даннымъ городомъ или провинціей, теперь готово разрушить созданный имъ самымъ національный организмъ и замѣстить его болѣе обширнымъ—международнымъ».

Въ силу происшедшихъ перемѣнъ, роль купца, посредника, все болѣе и болѣе увеличивалась, и преобладаніе финансоваго дѣльца, банкира стало, подавляющимъ. Финансовая аристократія основала свое господство на продажѣ національныхъ имуществъ, на ликвидаціи земель 1793 г., на ростѣ государственнаго долга, на тысячахъ явленій, характеризующихъ развитіе капиталистическаго строя. Она поглощаетъ все, централизуя и направляя въ разныя стороны потоки золота; она управляетъ производствомъ, отдаетъ свои приказанія печати и правительствамъ, совершенно измѣняетъ внѣшній видъ общества и распределеніе богатствъ путемъ непрерывнаго ажіотажа. Она—чудовищный цвѣтъ капиталистической цивилизаціи. Она установила своеобразный видъ коллективизма, несомнѣнно, подготовляющій къ социалистическому коллективизму.

Въ первобытномъ обществѣ собственность имѣла своимъ происхожденіемъ трудъ. Эта бывшая дѣйствительность обратилась въ наше время въ фикцію,

потому что собственность теперь лишена всякаго личнаго характера; акціонеръ, оторванный отъ своего помѣстья, есть не что иное, какъ номинальный владѣлецъ и паразитъ, въ такой же мѣрѣ бесполезный, какъ дореволюціонный помѣщикъ; такимъ образомъ «смертный приговоръ его (акціонера) класса подписанъ, и экономическія явленія сами же совершатъ его казнь».

Современный строй самъ подготовилъ элементы сложнаго и научнаго коммунизма, который придетъ ему на смѣну, подготовивъ обобществленіе труда и орудій производства. Онъ самъ ускоряетъ свое паденіе, уменьшая съ каждымъ днемъ численность господъ, соединяя пролетаріевъ, осуществляя мало-по-малу организацію, къ которой стремилась революція 1848 г. Тогда человѣку останется только управлять машиной: послѣдняя, нынѣ порабощающая рабочаго, сдѣлается его свободнымъ; тогда останется одинъ пролетаріатъ, потому что границы, расшатанныя капиталистическимъ космополитизмомъ, будутъ навсегда уничтожены. Человѣкъ подчинилъ себѣ природу, чтобы впасть въ рабство къ имъ же созданному общественному строю. Силы капитализма его пытаются и губятъ; но эти же силы приведутъ къ его окончательному освобожденію. Коммунизмъ насъ окружаетъ и ждетъ только момента общественнаго переворота. «Какъ плодъ ребенка въ утробѣ матери, онъ растетъ и движется въ современномъ обществѣ».

V.

Девилль ¹⁾, познакомившій насъ съ «Капиталомъ» Маркса, воспользовался трудами нѣмецкаго мыслителя для извѣстнаго числа публичныхъ лекцій, которыя онъ впослѣдствіи издалъ подъ заглавіемъ: «Соціалистическіе принципы». Мы не намѣрены ихъ резюмировать полностью; приведемъ лишь нѣсколько характерныхъ цитатъ.

«Во Франціи, какъ и повсюду въ настоящее время, социализмъ, который неминуемо долженъ восторжествовать, это социализмъ, вытекающій изъ экономической критики Маркса... Что составляетъ научную силу доктрины, это именно то, что, какъ съ точки зрѣнія ея примѣненій, такъ и въ отношеніи утвержденій, она является лишь вѣрнымъ толкованіемъ общественной жизни, разсматриваемой въ ея матеріальныхъ основахъ и во всемъ разнообразіи всѣхъ ея проявленій».

Относительно экономического матеріализма Девиля выражается слѣдующимъ образомъ: «Въ основѣ всего, что касается человѣка, мы находимъ вліяніе естественной и экономической среды, и если безусловно вѣрно то, что мы

¹⁾ Мы здѣсь разсматриваемъ только популяризаторовъ Маркса и совершенно не входимъ въ разборъ политической роли приводимыхъ нами личностей. Девиля не принадлежитъ больше къ рабочей партіи, членомъ которой онъ раньше состоялъ.

признаемъ преобладающее вліяніе за экономической средой, то, съ другой стороны, насъ совершенно неосновательно обвиняютъ въ томъ, что будто мы не признаемъ вліянія человѣческаго ума; неосновательно—потому, что мы считаемъ человѣческій умъ созидателемъ этой среды. Мы только не забываемъ, что на какой бы ступени развитія ни находилось человѣчество, роль умственного фактора ограничивается тѣмъ, что онъ обрабатываетъ элементы, предварительно почерпнутые въ экономической средѣ».

Авторъ сочиненія «Соціалистическіе принципы» не любитъ останавливаться на подробностяхъ организаціи будущаго общественнаго строя, потому что «соціализмъ не претендуетъ на то, чтобы предшествовать экономическимъ фактамъ: онъ довольствуется тѣмъ, что слѣдуетъ за ними и приспосаблиется къ условіямъ, которыя не имъ создаются».

Девилье стоитъ за завоеваніе выборныхъ мѣстъ, но отвергаетъ всеобщую стачку. Онъ указываетъ на различіе, которое слѣдуетъ установить между обществомъ, неотдѣлимымъ отъ личностей, и государствомъ, находящимся въ ихъ и подлежащимъ уничтоженію послѣ того, какъ будетъ осуществлено обобществленіе.

Программа рабочей партіи, какъ и сочиненія ея пропагандистовъ, показываютъ вамъ, насколько марксизмъ проникъ въ одну часть французскаго пролетаріата. Мы докажемъ, что марксизмъ оказалъ вліяніе и на другихъ писателей или на партіи, считающія себя прямыми продолжателями стараго французскаго соціализма.

Интеграллисты.

I.

Выраженіе «Интегральный соціализмъ», которымъ озаглавлено самое извѣстное произведеніе Бенуа Малона (Benoit Malon) и которое заключаетъ въ себѣ теоретическую программу извѣстнаго числа рабочихъ организацій Франціи, никогда не было хорошо понято по ту сторону Рейна. По крайней мѣрѣ, до ближайшаго къ намъ времени оно не оказало вліянія на германскую соціалдемократію. Бернштейнъ явился выразителемъ новыхъ тенденцій, обнаружившихся также въ Бельгіи, Голландіи и Италіи, и нельзя оспаривать также, что идеалистическое теченіе, явившееся, главнымъ образомъ, плодомъ французской мысли періода іюльской монархіи, вышло за предѣлы Франціи.

Это теченіе можетъ показаться реакціей противъ чистаго марксизма, протестомъ противъ объясненія историческихъ событій исключительно эконо-

мическими факторами. На самомъ же дѣлѣ, тутъ вѣтъ никакого непримиримаго антагонизма, мы тутъ имѣемъ скорѣе дѣло съ примиреніемъ, чѣмъ съ открытой борьбой.

Историческое объясненіе, данное «Коммунистическимъ Манифестомъ», формулированныя имъ законы пролетарской борьбы, научно выведенныя предсказанія, нисколько не оспариваются цѣликомъ. Никто не думаетъ отрицать того, что производственныя отношенія опредѣляютъ измѣненія соціальной структуры, или что антагонизмъ классовъ является доминирующей чертой современнаго положенія. Впрочемъ, подобное абсолютное отрицаніе противорѣчило бы заключеніямъ социализма 1840 г. Но писатели, вернушіеся къ традиціямъ Неккера, Луи-Блана, Кабэ и Прудона, полагали, что марксистская теорія грѣшитъ неполнотой; они ее упрекали въ томъ, что она оставляетъ въ тѣни цѣлый рядъ существенныхъ данныхъ, что она совершенно игнорируетъ область морали.

«Капиталь», сочиненія Энгельса, программы 1880 г. во Франціи и 1891 г.—въ Германіи, совершенно игнорируютъ естественное право и врожденное человѣку чувство справедливости; идеалисты хотятъ опредѣлить вліяніе человѣческой совѣсти на историческій ходъ вещей, изслѣдовать не только проблемы матеріальнаго характера, но и всѣ стороны человѣческаго существованія. Они не отвергаютъ реалистическихъ взглядовъ, господствовавшихъ больше полувѣка, но, по ихъ мнѣнію, эти взгляды освѣщаютъ лишь одну сторону общественной жизни, и они не желаютъ оставить въ тѣни другую сторону. Интегральный социализмъ не отказывается, слѣдовательно, отъ наслѣдства коммунистовъ, но онъ въ то же время принимаетъ и наслѣдство мыслителей, къ которымъ «Коммунистическій Манифестъ» относится отрицательно. Таковы, по крайней мѣрѣ, основныя тенденціи, которыя мы найдемъ у Бенуа Малона, родоначальника этой школы, у его наиболѣе вѣрнаго послѣдователя Фурньера и, наконецъ, у Жореса.

II.

Бенуа Малонъ, быть можетъ, не столь замѣчательнъ своими литературными заслугами, какъ пройденной имъ жизненной карьерой. Его главныя произведенія: «Третье пораженіе пролетаріата» (1871 г.), «Критическая исторія политической экономіи» (1876 г.), «Новая партія» (1881 г.), «Интегральный социализмъ» (1891 г.), «Общественная мораль» (1896 г.), не въ состояніи, конечно, соперничать съ произведеніями великаго періода 1840 г., но они заслуживаютъ нашего вниманія, по меньшей мѣрѣ, какъ популяризаціи. Но, какъ человѣкъ, Малонъ представляетъ собой болѣе крупное явленіе, чѣмъ, какъ писатель.

Форезійскій пастухъ, ставшій затѣмъ красильщикомъ въ Пюто, путемъ неутомимаго труда добился широкаго и основательнаго образованія. Если

онъ часто загромождаетъ свое изложеніе разными цитатами и перечисленіями, не разбираясь въ томъ, какія изъ нихъ лужны и какія излишни, то лишь потому, что недостатокъ времени не позволилъ ему привести въ порядокъ огромную массу накопленныхъ, собранныхъ имъ фактовъ и знаній. Онъ является яркимъ примѣромъ того, чего можетъ достигнуть пролетаріатъ, когда онъ проникается сознаниемъ своей общественной мисси и своего порабощенія. Одной лишь роли Малона, какъ борца, было бы достаточно, чтобы внушить къ себѣ уваженіе потомства, если бы даже онъ не пытался воспитывать массы. До и послѣ Коммуны, въ нѣсколько забытый теперь періодъ воинствующаго социализма, въ то время, когда противники капитализма подвергались всевозможнымъ гоненіямъ, Малонъ одновременно отдавался дѣлу политической и профессиональной организациі рабочаго класса, и его вліяніе не оставалось безплоднымъ.

Въ сочиненіи «Интегральный социализмъ», а еще больше—въ произведеніи «Общественная мораль» онъ изложилъ сущность своей доктрины. По его мнѣнію, социализмъ слѣдуетъ разсматривать со всѣхъ его сторонъ, со всѣми элементами, изъ которыхъ онъ образовался, и со всѣми его проявленіями; онъ есть вѣнецъ всего, а потому извлекаетъ пользу изъ всѣхъ видовъ прогресса. «Человѣкъ живетъ не одними лишь политическими и экономическими интересами. Социализмъ, стремящійся къ осуществленію высшей формы цивилизациі, долженъ изслѣдовать всѣ болячки нашего вѣка, давать отвѣты на всѣ великія проблемы... Думать, что борцы за обновленіе человѣчества должны заботиться исключительно о матеріальныхъ интересахъ рабочаго люда и могутъ безнаказанно игнорировать духовные, моральные его запросы, значить готовить себѣ въ будущемъ жестокія разочаранія».

Чисто-материалистическое движеніе является естественной реакціей противъ утопизма; оно объясняется событіями 1830, 1848 и 1871 гг.

Но хотя положенія о борьбѣ классовъ и о завоеваніи политической власти слѣдуетъ признать вѣрными, ихъ нельзя признать исчерпывающими, потому что они упускаютъ изъ виду нѣкоторыя иныя двигательныя силы первостепенной важности. «Культъ права и справедливости, горячая любовь къ человечеству—активныя силы, и французская революція имъ отчасти обязана своей побѣдой надъ европейской реакціей». Не менѣе недостаточенъ классовый социализмъ и въ практическомъ отношеніи, потому что онъ «не вызываетъ къ альтруистическимъ чувствамъ всѣхъ людей, безъ различія классовъ». Признавая одинъ лишь классовый антагонизмъ, безъ всякихъ поправокъ, мы развиваемъ скорѣе критическій, чѣмъ положительный социализмъ. Но чистая критика, очень цѣнная въ цѣляхъ разложенія старыхъ началъ, ставшихъ зловерными, въ то же время вредитъ и будущему, такъ какъ устраняетъ безъ разбору и нѣкоторые цѣнные элементы, которые, несмотря на свою принадлежность къ прошлому, необходимы для дѣла общественнаго обновленія.

Мировоззрѣніе Малона не отличается особенной стройностью. Онъ провозглашаетъ борьбу классовъ, но это ему не мѣшаетъ совѣтовать обращаться

къ власть имущимъ, обладающимъ хотя какимъ нибудь благородствомъ или умомъ. Конечно, это туманное положеніе далеко отъ очень ясной идеи о со-трудничествѣ классовъ, провозглашенной старымъ французскимъ утопическимъ социализмомъ. Мы хотимъ только указать на причины этого отклоненія отъ марксистскаго ученія; онѣ, эти причины, лежатъ въ quasi-метафизическихъ положеніяхъ интегральнаго социализма. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдній не ограничивается предвозвѣщеніемъ новаго экономическаго строя; онъ надѣляетъ этотъ строй моралью, элементы которой онъ заимствуетъ у Конта и Шопенгауэра, проповѣдуя объединеніе для борьбы, а также соблюденіе нѣкоторыхъ добродѣтелей, характерныхъ для первобытнаго Христіанства: справедливость и солидарность, искренность и доброту, уваженіе и состраданіе.

Малонъ старается установить планъ перехода отъ современнаго общественнаго строя къ коммунистическому, онъ стоитъ за обобществленіе орудій производства и обнаруживаетъ въ современномъ обществѣ разныя тенденціи, которыя должны содѣйствовать полному перевороту: эволюція государства, собственности, труда, семьи; онъ даже упрекаетъ писателей іюльской мовархіи въ томъ, что они игнорировали экономическіе законы, и воздастъ должное экономическому матеріализму, дающему намъ ясныя перспективы будущаго; во тутъ же онъ добавляетъ, что пролетаріатомъ не исчерпывается социализмъ, что классовый интересъ не есть единственный общественный двигатель, и требуетъ искорененія губительнаго духа нетерпимости и сектанства.

Его программа переходныхъ реформъ напоминаетъ собой, съ нѣкоторыми измѣненіями, программы-минимумъ французской рабочей партіи и германской социалдемократіи. Онъ—врагъ насильственнаго переворота, который можетъ ускорить развязку, но можетъ также повредить дѣлу. Онъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя на время усилятъ государственную власть, но въ то же время обратятъ ее на пользу рабочему классу: рабочее законодательство и международная регламентація труда; провозглашеніе права на существованіе, санкціонированнаго общественнымъ страхованиемъ, которое обойдется въ три миллиарда фр.; учрежденіе министерства труда, общественныхъ мастерскихъ, земледѣльческихъ колоній и ассоціацій; основаніе національнаго банка; монополизация желѣзныхъ дорогъ и рудниковъ; организація коммунальныхъ монополій, широкое распространеніе образованія всѣхъ разрядовъ.

Малонъ въ конечныхъ выводахъ приходитъ къ коллективизму, который онъ считаетъ компромиссомъ между господствующимъ въ настоящее время индивидуализмомъ и утопическимъ коммунизмомъ, но, въ заботахъ о томъ, чтобы приобщить къ социализму всю совокупность идейныхъ теченій, дабы оправдать такимъ образомъ свой слишкомъ оптимистическій взглядъ на современную эпоху, онъ одинаково привѣтствуетъ Фулье, Ренана, Шефле, Лавелля, какъ писателей, подготовившихъ торжество новаго общественнаго строя. Нельзя оспаривать того, что каждый философъ, содѣйствующій освобожденію человѣческой мысли, тѣмъ самымъ приноситъ пользу пролетаріату. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что не нужно дѣлать различія между писателями, до-

бровольно посвятившими себя дѣлу пролетаріата, и тѣми, которые, оставаясь къ нему индифферентными или даже относясь къ нему враждебно, косвеннымъ образомъ приносятъ ему пользу. Довѣрчивое отношеніе Бенуа Малона къ буржуазнымъ писателямъ, свойственное и его послѣдователямъ, не менѣе опасно, чѣмъ вѣра Сень-Симова или Консидерана въ человѣческой альтруизмъ.

III.

Фурньеръ продолжаетъ развивать мысли своего учителя въ сочиненіи «Общественный идеализмъ» (1898 г.). Онъ пытается вывести изъ современной общественной структуры указанія относительно возможнаго будущаго. Онъ далекъ отъ мысли изъ своей головы создать общественную конструкцію: развѣ достаточно было бы сдѣлать подобнаго рода изобрѣтеніе для того, чтобы измѣнить весь ходъ общественнаго развитія? Утопіи первой половины XIX вѣка могли имѣть свою цѣну, но этотъ этапъ общественной мысли давно уже пройденъ, и въ настоящее время слѣдуетъ создавать свой идеаль на основаніи строгаго анализа всѣхъ окружающихъ явленій; этотъ идеаль, по необходимости, долженъ, главнымъ образомъ, заключаться въ улучшеніи условій жизни, въ болѣе устойчивой обеспеченности, въ болѣе тѣсной солидарности.

Подобно Малону, Фурньеръ обращаетъ вниманіе на экономическія данныя, на явленія производства и обращенія собственности. Формы собственности получаютъ все болѣе рѣзко выраженный общественный характеръ, по мѣрѣ того, какъ все яснѣе опредѣляется договорный характеръ ихъ установленія и по мѣрѣ того, какъ законодательство и общественныя учрежденія все болѣе подрываютъ старинныя начала римскаго права.

Собственность есть осязаемое проявленіе и гарантія индивидуальной свободы. Но не одна лишь индивидуальная собственность обеспечиваетъ личную свободу. Личная собственность явилась слѣдствіемъ общественнаго раздѣленія труда, подобно тому, какъ капиталистическая собственность создалась вслѣдствіе мануфактурнаго раздѣленія труда. Машинны произвели переворотъ въ способѣ присвоенія въ прошломъ, революціонизируютъ его въ настоящемъ, уже теперь уравниваютъ условія существованія 160 милліоновъ людей и, продолжая свое дѣло, ведутъ насъ къ новой общественной формѣ—новой не только по своему виду, но и по своему назначенію.

Капитализмъ, черпавшій свои силы изъ конкуренціи, а также изъ средствъ, предоставляемыхъ ему государствомъ, кредитными учрежденіями, желѣзными дорогами, рудниками, осужденъ самимъ ходомъ вещей; экономическій детерминизмъ не удовлетворяетъ Фурньера: во имя справедливости, онъ осуждаетъ эксплуатацію человѣка человѣкомъ; во имя честности, онъ клеймитъ ажіотажъ. Строй, къ которому мы приближаемся, есть коллективизмъ, который будетъ установленъ путемъ конверсій, погашенія и пожизненной ренты. Если господствующій классъ не будетъ особенно сопротивляться установленію новаго об-

щественнаго строя, то ему будутъ уплачиваться ежегодно суммы въ счетъ погашенія экспропрированнаго капитала; въ противномъ случаѣ, онъ будетъ экспропрированъ безъ всякаго вознагражденія.

Коллективизмъ не установитъ полного равенства, а лишь возможный максимумъ равенства; во всякомъ случаѣ, всякое усиліе будетъ справедливо вознаграждаться. Онъ обезпечитъ каждому максимумъ свободы и явится только переходнымъ этапомъ отъ современнаго государства къ коммунизму. Правительство, являющееся въ настоящее время орудіемъ угнетенія, мало-по-малу исчезнетъ, и его функціи будутъ распределены между общественными организаціями.

Каждое человѣческое поколѣніе имѣло свой идеаль. Прежде человѣческимъ идеаломъ было безсмертіе мысли, отдѣленной отъ тѣла, затѣмъ идеаломъ стали солидарность и коллективный долгъ. Соціализмъ подготавливаетъ почву для государства будущаго, въ которомъ найдутъ убѣжище наши потомки. Все благопріятствуетъ соціализму, все ведетъ къ торжеству общественной формы собственности: развитіе производительныхъ силъ, все болѣе и болѣе широкое приложеніе науки къ промышленности, обнаруженіе истиннаго характера частной собственности, являющейся не чѣмъ инымъ, какъ кристаллизаціей неоплаченнаго труда. Но не менѣе матеріальныхъ условій созрѣли и моральные элементы коллективизма и коммунизма. Капитализмъ, создавъ наемнаго рабочаго, разрушилъ семью. Жена достигла признанія правъ своей личности, такъ что общественной ячейкой стала личность, безъ различія пола. Обладающій огромнымъ богатствомъ знаній, преисполненный чувства справедливости, освобожденный отъ гнета поработщающаго государства, человѣкъ объявитъ себя живымъ закономъ и подчинитъ себѣ машину. При свѣтѣ просвѣщенія, мы проникаемъ сознаніемъ широкихъ перспективъ будущаго: соціальная неизбежность существуетъ лишь до тѣхъ норъ, пока сохраняется невѣжество.

IV.

Довольно трудно опредѣлить соціальное міровоззрѣніе Жореса. Мы нигдѣ у него не находимъ систематическаго изложенія его взглядовъ: въ пылу полемики, онъ поочередно касается самыхъ разнообразныхъ, занимающихъ насъ вопросовъ, не подвергая ихъ никакой систематизаціи. Кромѣ того, его мысль эволюционируетъ, приспособляясь къ мѣняющимся обстоятельствамъ и не обращая особеннаго вниманія на допускаемые противорѣчія. Его политическая роль—а она ограничена—имѣла отрицательное вліяніе на развитіе его міросозерцанія. Повседневная парламентская дѣятельность привела его къ тому, что онъ сталъ подчинять свои выводы и теоретическія соображенія выгодамъ тактики, вмѣсто того, чтобы свои голосованія и образъ дѣйствій подчинить твердымъ принципиальнымъ соображеніямъ. Отсюда—противорѣчивыя или туманныя положенія, которые мы верѣдко встрѣчаемъ у Жореса по цѣ-

лему ряду существенныхъ вопросовъ. И никто не можетъ поручиться за то, что эволюція его возрѣній закончилась, и что онъ въ будущемъ не сдѣлалъ, дальнѣйшихъ принципиальныхъ уступокъ: онъ колеблется между чистымъ социализмомъ и реформаторскимъ социализмомъ, представляющимъ собой не что иное, какъ государственный социализмъ или систему Луи-Влана и Видаля. Жоресъ пытается примирить эти два направленія, но на дѣлѣ онъ постоянно измѣняетъ первому ради второго, и нельзя оспаривать того, что даже въ его противорѣчивыхъ утвержденіяхъ, даже въ его скрытомъ признаніи чего-то въ родѣ сотрудничества классовъ, сказывается вліяніе на него Малона.

Если логически развить взглядъ Малона относительно альтризма, то безусловно можно придти къ выводу о сотрудничествѣ классовъ, который впервые подвергъ такой рѣзкой критикѣ Прудонъ. Оптимисту противны вѣкоторыя виды борьбы; убѣжденный въ врожденной людямъ добротѣ, онъ хочетъ соединить всѣхъ людей для борьбы съ дурными учрежденіями, не считаясь съ тѣмъ, что эти самыя учрежденія приводятъ къ угнетенію и дѣленію людей на классы. Жоресу свойствененъ почти безграничный оптимизмъ; онъ вѣритъ въ возможность того, что буржуазія поможетъ пролетаріату эмансипироваться не путемъ индивидуальныхъ дѣйствій отдѣльныхъ выходцевъ изъ буржуазнаго класса—на возможность такого рода дезертирства указывалъ и Марксъ,—а путемъ общаго, почти коллективнаго содѣйствія.

Во всякомъ случаѣ, чѣмъ дальше онъ идетъ въ анализѣ своей мысли, тѣмъ больше инстинктивное отвращеніе проявляетъ онъ къ употребленію силы, къ установленію знаменитой беспильной диктатуры пролетаріата. Послѣдній долженъ оставаться на легальной почвѣ, чтобы не вызвать контръ-революціонной коалиціи. Въ своихъ «Соціалистическихъ очеркахъ» (1902 г.) Жоресъ формулировалъ свое міровозрѣніе съ нѣкоторой ясностью. Экономическія, матеріальныя условія жизни работниковъ не ухудшаются; соціальной катастрофы бояться не приходится. Рабочій классъ достигнетъ, слѣдовательно, власти не насильственно-революціоннымъ путемъ, а путемъ законной и методической организаціи собственныхъ силъ, подъ эгидой демократіи и всеобщаго избирательнаго права. И именно потому, что пролетаріатъ ничего не можетъ ожидать отъ насильственнаго образа дѣйствій, онъ долженъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ, лучше опредѣлить свои конечныя цѣли. Жоресъ не измѣняетъ совершенно Марксу, въ томъ смыслѣ, что признаетъ классовый антогонизмъ и преобладающее значеніе производственныхъ отношеній; но то, что онъ косвенно отвергаетъ примѣненіе народной силы и осуждаетъ знаменитое мѣсто въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» и бланкизмъ, приближаетъ его къ идеалистической школѣ.

Чтобы обосновать свою позицію, онъ ссылается на исторію, указывая на то, что всякій успѣшный переворотъ является дѣломъ рукъ большинства, и что движеніе 1789 г. охватило 24 милліона гражданъ противъ 200.000, (что фактически невѣрно); онъ преувеличиваетъ силу сопротивленія буржуазіи и утверждаетъ, что она жизнеспособна. Затѣмъ онъ логическимъ путемъ дохо-

дѣтъ до отрицательнаго отношенія къ всеобщей стачкѣ, или, по крайней мѣрѣ, охотно перечисляетъ всѣ ея недостатки. Хотя Жоресъ претендуетъ на то, что сохраняетъ во всей неприкосновенности революціонную мощь пролетаріата, онъ на дѣлѣ, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, отводитъ рабочему классу исключительно законную арену дѣятельности. Это теорія, по поводу которой можно спорить, но она, безусловно, представляетъ собой уклоненіе отъ марксизма.

Преобладающая черта темперамента Жореса—это его тенденція найти во всѣхъ фактахъ современности элементы осуществленія коммунизма, а также открыть во всѣхъ литературныхъ или научныхъ произведеніяхъ данныя для пролетарской пропаганды. Для Жореса, какъ и для Малона, противоположныя теченія взаимно уничтожаются или слпваются въ направленіяхъ, отвѣчающихъ его воззрѣніямъ. Повсюду, гдѣ онъ находитъ выраженіе идея справедливости, повсюду, гдѣ кинитъ жизнь, повсюду, гдѣ основывается ассоціація—соціализмъ находитъ матеріаль для построенія будущаго своего зданія. Даже гражданское уложеніе ограниченіями, внесенными имъ въ привиліи собственности, своимъ наслѣдственнымъ правомъ, какъ и законами, касающимися опеки, затѣмъ законъ объ экспроприаціи, наконецъ, рабочее законодательство, проторили уже дорогу для новой формы собственности. Въ этихъ неоригинальныхъ, и не выдаваемыхъ, впрочемъ, за оригинальныя, утвержденіяхъ содержится частица правды. Но отъ этого еще далеко до того, чтобы привѣтствовать во всемъ, даже въ произведеніяхъ буржуазнаго деспотизма, предвѣстниковъ будущаго; опасно внушать рабочему классу губительную и принижавшую его довѣрчивость. Это самый главный упрекъ, который можно послать по адресу идеализма Малона, какъ и по адресу утопизма 1840 г., усыпавшаго себя славной, но обманчивой мечтой о братствѣ людей. Было бы, однако, несправедливо смѣшивать оба направленія. Послѣднее имѣло лишь частичное представленіе о матеріальной структурѣ капиталистическаго общества или же не могло установить внутренніе законы, управляющіе этимъ обществомъ; малонизмъ, напротивъ того, находился подъ обаяніемъ Маркса и Энгельса, ихъ научнаго коммунизма, всю діалектическую мощь и практическое значеніе котораго онъ вполне оцѣнилъ и отъ котораго не могъ отказаться. Къ чести его, слѣдуетъ замѣтить, что онъ и не пытался освободиться отъ вліянія марксизма и старался только приспособить его къ своимъ сантиментальнымъ абстракціямъ.

Лучшую часть очерковъ Фурньера и Жореса, какъ и книгъ Малона, составляютъ, опять-таки, идеи, заимствованныя ими изъ «Коммунистическаго Манифеста» 1848 г. Эти три публициста, которыхъ темпераменты увлекли по различнымъ путямъ, своими произведеніями широко содѣйствовали славѣ «Коммунистическаго Манифеста».

Государство будущаго.

I.

Современный социализм не ограничивается только тѣмъ, что вскрываетъ язвы промышленнаго капитализма и указываетъ на элементы его разложенія. Онъ пытается также распознать черты новаго строя, опредѣляя способъ его установленія и предусматривая его экономическую, политическую и социальную организаціи.

Эти положительныя построенія—мы преднамѣренно оставляемъ въ сторонѣ измышленія Беллами, Вильямовъ Мориссонъ и т. п.—вызываютъ со стороны буржуазныхъ политико-экономистовъ рѣзкія и презрительныя насмѣшки. Когда социалисты отказываются разработать подробный планъ государства будущаго, имъ противопоставляютъ указы 1789 г. и упрекаютъ ихъ въ авантюризмъ самаго худшаго сорта за то, что они, будто-бы, сами не знаютъ, къ чему стремятся. Когда же они формулируютъ свою программу, ихъ называютъ мечтателями, склонными превратить поэтическую мечту въ непосредственную дѣйствительность.

Лучше всего поэтому коллективистамъ и коммунистамъ не особенно обращать вниманіе на мнѣнія ихъ противниковъ, потому что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что псевдо-либералы всегда будутъ на нихъ нападать и въ одно и то же время будутъ ихъ упрекать и въ стремленіи увеличать прерогативы власти и въ желаніи ввести слишкомъ неограниченную свободу.

Всегда полезно отдѣлаться отъ неопредѣленности, дабы придти къ единству. Рабочій классъ давно уже требуетъ, чтобы, помимо разрушительной критики, ему давали и указанія относительно новаго общественнаго строя, подготавлиаемаго историческимъ ходомъ вещей. Пролетаріи готовы мириться съ тѣмъ, что они умрутъ раньше, чѣмъ коснутся порога обѣтованной земли, но имъ хочется подняться на гору, чтобы хоть издали увидать эту новую страну, куда вступаютъ грядущія поколѣнія. Социалистическіе писатели, пытавшіеся нарисовать отличный отъ современнаго общественный строй, удовлетворили, слѣдовательно, назрѣвшей потребности пролетарской души. Они въ то же время дали богатый матеріалъ для пропаганды социалистическихъ идей, которая выигрываетъ въ активности и прочности, благодаря тому, что ей приходится опираться не исключительно на отвлеченности.

Раньше всего слѣдуетъ сдѣлать различіе между тѣми построеніями, о которыхъ ниже будетъ рѣчь и тѣми, которыя оставлены намъ въ наслѣдство минувшей эпохой. Послѣднія утопичны—и не только по своей формѣ, но, главнымъ образомъ, и по своему содержанію. Они появились въ такое время, когда внутренняя работа экономического организма и революціонная роль производительныхъ силъ были еще мало извѣстны, и когда вслѣдствіе этого хартерія новаго человѣчества опиралась исключительно на отвлеченныя понятія

о братствѣ, человѣческой добротѣ и справедливости. Такова, въ частности, «Икарія» Кабэ, не уступающая лучшимъ коммунистическимъ фикціямъ нашей эпохи и даже превосходящая большинство изъ нихъ. Напротивъ того, планы социалистическаго государства, появившіяся за послѣднія нѣсколько лѣтъ, составлены по дѣйствительно научному методу. Они приспособлены къ самому ходу развитія органическихъ явленій современности, которыя они стараются оправдать, выводя изъ нихъ, путемъ тщательнаго анализа, вытекающія изъ нихъ тежденціи.

Они выражаютъ въ конкретной, осязательной формѣ тѣ выводы, къ которымъ приходитъ социальная наука; ихъ можно защищать и обосновать, не прибѣгая къ сантиментальностямъ или къ мистической вѣрѣ въ новый видъ альтруизма. Въ общемъ, научно обоснованныя построенія XX в. настолько же противоположны утопіямъ 1840 г., насколько социализмъ Маркса противоположенъ социализму Севъ-Симова.

Однако, архитекторы будущаго общественнаго зданія не всегда избѣгали ошибокъ. Если Жоржъ Ренаръ ограничился установленіемъ принциповъ, вытекающихъ изъ критики капиталистическаго строя, то другіе пытались дойти до послѣднихъ выводовъ изъ этихъ принциповъ; они пустились въ подробности; они изобразили всѣ колеса и колесики коллективистскаго механизма; но имъ пришлось споткнуться о тотъ самый камень, отъ котораго ихъ же предостерегали. Всякая попытка быть абсолютно точнымъ и оставить большую дорогу, чтобы блуждать по мелкимъ дорожкамъ и тропинкамъ, — бесплодна и даже опасна.

Второстепенныя и третьестепенныя ливніи подготовляющагося строя обрисуются лишь послѣ того, какъ собственность будетъ обобществлена. Наказы 1879 г. требовали ограниченія королевской прерогативы и контроля собраній, но предоставляли палатамъ самимъ опредѣлять свой распорядокъ.

II.

Между положительными построеніями, отмѣчающими собой новѣйшую фазу въ исторіи социалистической мысли, существуютъ три произведенія, по нашему мнѣнію, особенно заслуживающія вниманія: «Социалистическій строй» Жоржа Ренара, «Примѣненіе коллективистской системы» Деллиньера и «Государство будущаго» Тарбуриеша. Мы ихъ рассмотримъ въ томъ же порядкѣ, въ которомъ мы ихъ перечислили, во-первыхъ, потому, что это хронологическій порядокъ, а, во-вторыхъ, потому, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ соотвѣтствуетъ порядку изложенія отъ простаго къ сложному.

Жоржъ Ренаръ избѣгъ напередъ злостной критики, такъ какъ онъ въ своемъ описаніи коллективистскаго государства не вдавался въ детали; но если вопросы объ освѣщеніи и отопленіи его занимаютъ меньше, чѣмъ они занимали Фурье, Консидерана и Кабэ, то зато онъ намъ даетъ довольно ясное

представленіе о будущемъ строѣ. Будучи интегралистомъ, подобно Малону, онъ стремится привести въ соотвѣтствіе развитіе общества съ развитіемъ личности, отыскать одновременно высшую точку справедливости и возможный максимумъ пользы, принимая въ соображеніе матеріальныя и моральныя основы проблемы. «Я старался, говоритъ онъ, заложить на твердой почвѣ философскій и правовой фундаментъ медленно созидающагося новаго общества».

Абсолютный индивидуализмъ и абсолютный коммунизмъ одинаково неосуществимы. Новый принципъ долженъ лежать посрединѣ между этими двумя крайними полюсами. Общественная собственность должна достигнуть своего максимума; личная собственность должна быть низведена до минимума, власть должна быть возможно больше ограничена путемъ почти безграничнаго расширенія свободы. «Если мы назовемъ социализмомъ строй, въ которомъ преобладающей формой собственности является коллективная или общественная собственность, то наши первыя построения приводятъ насъ къ социализму, основанному на принципѣ свободы».

Слѣдуетъ различить три категоріи богатствъ: земля, не принадлежащая никому, потому, что она не является плодомъ труда кого бы то ни было; рабочая сила, принадлежащая каждому человѣку; совокупность продуктовъ, которые должны быть предназначены тѣмъ, кто ихъ создалъ. Отсюда два вывода: такъ какъ производство носить по преимуществу коллективный характеръ, то вполне естественно, чтобы и форма собственности имѣла коллективный характеръ. Такъ какъ каждый имѣетъ право только на продуктъ своего труда, то право наслѣдства должно быть почти совершенно уничтожено. Въ современномъ государствѣ богаты отдѣльныя личности, а общество бѣдно. Въ новомъ обществѣ положеніе вещей будетъ прямо противоположно: община сосредоточитъ въ своихъ рукахъ все или почти все и будетъ распределять вмѣсто того, чтобы получать. Чувство солидарности растетъ, получаетъ опредѣленную форму, охватываетъ весь міръ, но тѣмъ не менѣе, конкуренція сохраняется, возбуждаемая стремленіемъ къ высшимъ наслажденіямъ и взаимнымъ соревнованіемъ. Каждый отдѣльный индивидуумъ будетъ тѣмъ лучше вознаграждаемъ, чѣмъ больше продуктовъ онъ произведетъ, и общество будетъ тѣмъ богаче, чѣмъ успешнѣе будетъ производство, такъ какъ при новомъ строѣ нечего будетъ бояться перепроизводства. Частный интересъ будетъ совпадать съ общимъ интересомъ. Конечно, трудъ будетъ обязательенъ для всѣхъ, за исключеніемъ инвалидовъ, но и въ настоящее время одно лишь ничтожное меньшинство въ состояніи жить въ праздности; что касается свободы, то она будетъ полной и несравненно болѣе дѣйствительной, чѣмъ въ наше время, такъ какъ она будетъ основана на собственности. Богачъ лишится, правда, права угнетать бѣдняка, но нельзя же ссылаться на подобное право, какъ на атрибутъ человѣческаго достоинства!

Продукты будутъ распределяться сообразно приложенному каждымъ труду: формула коллективистская, а не коммунистическая. Прежде всего, будетъ

удержана известная доля общественных средств въ резервный фондъ, на обновленіе орудій производства, для обезпеченія неспособныхъ къ труду гражданъ. Остальная часть будетъ распредѣляться сообразно личному труду каждаго и на основаніи вкратцѣ изложенной Жоржемъ Ренаромъ теоріи стоимости. Въмѣсто современной монеты, будутъ введены социальныя талоны—именные и безъ права передачи,—взаимъ которыхъ работники будутъ получать съѣстные припасы, одежду, мебель изъ общественныхъ складочныхъ мѣстъ, которыя замѣнятъ нынѣшнія лавки.

Государство будетъ совершенно преобразовано. Центральная власть сохранитъ завѣдываніе національной обороной, веденіе высшихъ сношеній, отправленіе правосудія, дѣло гигиены и воспитанія; но армія будетъ преобразована въ милицію, и третейскій судъ станетъ нормальнымъ и обязательнымъ способомъ рѣшенія международныхъ конфликтовъ. Помимо этого, административная власть будетъ широко децентрализована учрежденіемъ федерализма, при которомъ значительная часть общественныхъ учреждений (Services publics) перейдетъ въ вѣдѣніе районовъ и коммунъ.

Политическая организація исчезнетъ, или, вѣрнѣе говоря, станетъ совершенно безобидной, такъ какъ въ основу народнаго представительства лягутъ профессиональная группировка и избирательное равноправіе обонхъ половъ; кромѣ того, прерогативы представительнаго учрежденія будутъ ограничены установленіемъ прямого народнаго законодательства. У парламента останется лишь власть надъ вещами; его власть надъ людьми будетъ уничтожена. Национальные органы должны будутъ, главнымъ образомъ, заботиться объ экономномъ веденіи дѣлъ, ведя для этой цѣли тщательную статистику, чтобы быть въ состояніи въ каждый данный моментъ привести производство въ соотвѣтствіе съ потребностями. Задача власти будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы содѣйствовать увеличенію производительности—задача, которая будетъ облегчена тѣмъ, что расходы, какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи, уменьшатся; послѣ обобществленія собственности, паразиты исчезнутъ, многочисленныя причины безполезной траты силъ и хищничества, въ настоящее время допускаемаго, въ будущемъ, по необходимости, будутъ устранены.

Машина освободитъ рабочаго, котораго она вотъ ужъ болѣе вѣка порабощаетъ; что касается кризисовъ, то они совершенно исчезнутъ, если только общественныя учрежденія будутъ исполнять свои обязанности. Соціалистическое государство—да будетъ намъ позволено употребить теперь этотъ терминъ, значеніе котораго было уже достаточено объяснено—будетъ покровительствовать изящной литературѣ и искусству либо тѣмъ, что будетъ покупать замѣчательныя произведенія, или же тѣмъ, что будетъ воспитывать на свой счетъ тѣхъ, кто обнаружитъ особенныя способности. Резюмируя вышеизложенное, мы можемъ сказать, что Жоржъ Ренаръ своей конструкціей охватилъ всю политическую, промышленную и интеллектуальную жизнь обновленнаго человѣчества.

III.

Одно лишь названіе труда Делливьера—«Примѣненіе коллективистской системы» — ясно указываетъ на цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ. Онъ также отказывается отъ абсолютныхъ построений и пытается вывести изъ общественной эволюціи основныя черты почти автоматически подготовляющагося новаго строя. Общество станетъ владѣльцемъ орудій производства и обезпечитъ каждому человѣку, помимо опредѣленнаго минимума, продуктъ его труда. Старики, калѣки, женщины, освобожденные отъ всякаго труда, будутъ, слѣдовательно, получать средства существованія соотвѣтственно среднимъ потребностямъ. Право наследства сохраняется, право завѣщанія получаетъ условный характеръ; но это право распространяется лишь на средства потребления и перестаетъ быть орудіемъ угнетенія въ рукахъ plutokratii.

Что не безъ основанія поражаетъ Делливьера, это огромное количество паразитовъ, эксплуатирующихъ цивилизованное человѣчество, и онъ, по примѣру Фурье, пытается установить ихъ статистику. Въ настоящее время во Франціи 15 милліоновъ обязаны прокормить 38 милліоновъ человѣкъ, а изъ этихъ 15 милліоновъ 6 милліоновъ, или 40%, олицетворяютъ социальное хищничество. Дробленіе имущества есть вторая причина значительныхъ потерь, особенно въ земледѣліи.

Агрономъ Грандо вычислилъ, что если бы во всей Франціи велось такое же интенсивное сельское хозяйство, какъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ районахъ, она легко могла бы прокормить 83 милліона жителей. Нашъ авторъ идетъ еще дальше: онъ полагаетъ, что при вномъ экономическомъ строѣ производство хлѣба, вина и мяса черезъ очень короткое время утроилось бы. Машинное производство является для человѣка неограниченнымъ источникомъ богатствъ: стоитъ лишь вспомнить о томъ, что новѣйшія земледѣльческія машины позволяютъ въ Америкѣ выполнить при помощи 7 рабочихъ такую же работу, для которой раньше потребовалось бы тысячи человѣкъ, или о томъ, что прядильная машина увеличила въ 320 разъ производительность труда рабочаго времени Аркрайта, или, наконецъ, о томъ, что доменные печи увеличили въ двадцать разъ производительность желѣзодѣлательной промышленности.

Делливьеръ, въ отличіе отъ другихъ писателей, не находитъ возможнымъ, чтобы одновременно существовали бокъ о-бокъ двѣ противоположныя или различныя системы и поэтому предлагаетъ экспроприровать всѣхъ имущихъ путемъ народнаго декрета, дабы такимъ образомъ перейти къ интегральному коллективизму. Было бы, однако, лучше—изъ великодушія и во избѣжаніе всякихъ нареканій—выдавать экспроприруемымъ пожизненную, но не наследственную ренту.

Послѣ обобщенія собственности, статистика будетъ играть несравненно болѣе важную роль, чѣмъ она играетъ въ настоящее время.

Люди будутъ заниматься свободно выбранной ими профессіей въ возрастѣ между 15 и 55 г., по безъ обязательства работать до предѣльнаго возраста, если данное лицо накопило достаточно средствъ существованія. Благосостояніе будетъ общимъ явленіемъ, такъ какъ, помимо минимума, каждый будетъ получать сравнительно высокое вознагражденіе.

Государство, которое явится владѣльцемъ капиталовъ, будетъ заниматься веденіемъ хозяйства страны. вмѣсто того, чтобы вступить въ договоръ съ корпораціями, которыя могли бы себѣ присвоить нѣчто въ родѣ монополіи, и интересы которыхъ могли бы, во всякомъ случаѣ, идти въ разрѣзъ съ интересами всей націи, государство само вѣдаетъ всѣ свои дѣла; являясь представительницей рабочихъ группъ, государственная власть сама назначаетъ руководителей и регулируетъ производство, соображаясь съ потребностями и съ условіями каждой данной мѣстности: крупное сельское хозяйство—въ низменныхъ мѣстахъ, мелкое—въ гористыхъ мѣстностяхъ, крупная, средняя или мелкая промышленность, мелкая продовольственная торговля рядомъ съ магазиномъ или коммунальнымъ складочнымъ мѣстомъ. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ пути и средства сообщенія, государство постарается извлечь изъ нихъ наибольшую пользу для массы производителей, которымъ теперь приходится страдать отъ конкуренціи частныхъ желѣзнодорожныхъ и навигаціонныхъ компаній. Граждане будутъ пользоваться бесплатнымъ проѣздомъ, а сопряженные съ этимъ расходы будутъ покрываться изъ общественныхъ доходовъ. Власть, центральная или мѣстная, смотря по обстоятельствамъ, будетъ вѣдать распределеніемъ естественныхъ силъ, дѣломъ взаимопомощи, гигиены и назначенія жилищъ.

Экономическая роль государства будетъ огромна, но зато его политическое значеніе сведется почти къ нулю. Спрашивается только, зачѣмъ Делипьеру нужно было сохранить сенатъ, палату депутатовъ, отвѣтственныхъ министровъ и президента республики? Зачѣмъ весь этотъ сложный механизмъ, если административная власть сведена на нѣтъ?

Можно было бы найти еще вѣсколько другихъ слабыхъ мѣстъ въ разбираемомъ нами сочиненіи. Самой интересной является та часть книги, которая посвящена изложенію экономическихъ принциповъ социалистическаго общества; эта часть, по крайней мѣрѣ, несравненно цѣннѣе описанія переходнаго строя—завоеваніе власти, экспроприация капиталистовъ, провозглашеніе первыхъ законовъ, которое ни въ коемъ случаѣ не можетъ претендовать на научность.

IV.

Книгу Тарбуріеша: «Государство будущаго» слѣдуетъ, несомнѣнно, признать однимъ изъ наиболѣе подробно разработанныхъ произведеній, посвященныхъ описанію грядущаго строя. Мы даже находимъ, что авторъ хотеть быть слишкомъ точнымъ, и что нѣкоторыя главы его книги изобилуютъ совер-

шенно ненужными подробностями. Онъ, правда, основательно изучилъ нѣкоторые вопросы, до него оставшіеся неизслѣдованными, во зато онъ не сумѣлъ отдѣлить существенное отъ несущественнаго.

Можно ему поставить въ упрекъ и то, что онъ внесъ путаницу въ свое собственное первоначальное описаніе государства будущаго и соединилъ въ весьма нестройную систему государственный коммунизмъ и анархическій фурьеризмъ. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, «Государство будущаго» остается самымъ полнымъ изслѣдованіемъ структуры социалистическаго общества.

Большинство разобранныхъ нами писателей приписывали производству рѣшающее и первенствующее значеніе. По мнѣнію Тарбуриеша, первое мѣсто должно быть отведено вопросу о потребленіи. Право на полный продуктъ труда является химерой, такъ какъ изъ общаго производства необходимо отчислять средства, идущія въ резервный капиталъ и на общія нужды. Необходимо поэтому принять другую формулу, и Тарбуриешъ полагаетъ, что каждый долженъ получать, сообразно его законнымъ потребностямъ. Другими словами, каждый гражданинъ станетъ одновременно и чиновникомъ и рантье, такъ какъ онъ на всю жизнь будетъ внесенъ въ «Вольшую книгу» для ежегоднаго кредита на всевозможныя средства существованія.

Каждый гражданинъ будетъ работать соразмѣрно съ его силами, никто не сможетъ отказаться отъ работы, для которой онъ способенъ, ни требовать занятія, для котораго онъ неспособенъ. Каждый будетъ принадлежать къ опредѣленной группѣ производителей, процвѣтаніе которой будетъ зависѣть отъ активности участниковъ; соревнованіе будетъ стимулировать производительность труда. Тутъ явно сказывается вліяніе фурьеризма.

Организація производства будетъ зависѣть отъ преслѣдуемой цѣли. Крупная промышленность — эксплуатація рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ и пр. — будетъ управляться извѣстнымъ числомъ вѣдомствъ: инженерное дѣло, пути сообщенія, рудники и металлургія, воды и лѣса, земледѣліе, внѣшняя торговля и т. д. Средняя промышленность будетъ вестись обществами или кооперативными товариществами подъ контролемъ и согласно указаніямъ государства; наконецъ, мелкая промышленность будетъ распределена между отдѣльными лицами или корпораціями.

Всѣ ассоціаціи труда будутъ находиться въ завѣдываніи центральной власти, которая опредѣлитъ ихъ функціи и будетъ ихъ снабжать орудіями производства, землей и сырьемъ. Центральная власть будетъ состоять изъ двухъ палатъ, изъ которыхъ одна будетъ завѣдывать производствомъ, а другая — погребленіемъ. Эти палаты будутъ избирать изъ своей среды правленіе, въ качествѣ исполнительнаго органа.

Города совершенно преобразятся: скверы и парки замѣнятъ вышшіе нездоровые кварталы; главныя города будутъ представлять собой пріятное сочетаніе городской и деревенской жизни. Государство, на которомъ будетъ лежать забота о народномъ здоровіи, станетъ слѣдить за условіями существованія каждаго отдѣльнаго гражданина; браки будутъ допускаться не иначе,

какъ съ разрѣшенія комнетентныхъ людей науки, по постановленію коихъ, дѣтей, предрасположенныхъ къ преступленіямъ и къ неизлечимымъ болѣзнямъ, будутъ уничтожать.

Такой же обязательный характеръ будетъ имѣть и воспитаніе. Государство распространить просвѣщеніе среди всей массы молодыхъ поколѣвій, а затѣмъ будетъ назначать каждому занятіе, соображаясь съ его индивидуальными способностями и врожденнымъ призваніемъ. Роль государства будетъ, слѣдовательно, чрезвычайно сложна, но она не будетъ существенно отличаться отъ той роли, какую государственная власть играетъ въ настоящее время въ европейскихъ странахъ (за исключеніемъ чисто-политическихъ прерогативъ современнаго государства). Въ итогѣ, Тарбуріешъ старается доказать, что коллективистскій или коммунистическій строй, вопреки противоположнымъ увѣреніямъ, не сложитѣ капиталистическаго строя. Первый является лишь болѣе благоустроеннымъ и болѣе однороднымъ. Нѣтъ никакого сомнѣвія въ томъ, что гораздо пріятнѣе и легче начертать систематическій проектъ организаціи государства будущаго, чѣмъ изобразить господствующіе въ настоящее время хаосъ и анархію.

Критика и заключенія.

I.

Данный нами анализъ идей, формулированныхъ, начиная съ революціи 1789 г., показываетъ, какую громадную роль сыграла Франція въ дѣлѣ организаціи социалистическаго пролетаріата.

Вліяніе это не находится и никогда не находилось въ соотвѣтствіи съ численностью сознательной рабочей арміи. Въ Соединенномъ Королевствѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки имѣется гораздо болѣе многочисленный контингентъ концентрированныхъ наемныхъ рабочихъ (укажемъ для примѣра, что эти страны насчитываютъ однихъ горнорабочихъ: первая—въ пять разъ, а вторая—въ четыре раза больше, нежели Франція), и тѣмъ не менѣе, въ исторіи социалистической мысли они занимаютъ несравненно менѣе видное мѣсто, и уже, во всякомъ случаѣ, никто не можетъ признать за ними инициативу въ этомъ отношеніи. Этимъ престижемъ, нѣсколько подорваннымъ за послѣднія 40 лѣтъ Германіей, выдвинувшей такихъ мыслителей, какъ Марксъ, Лассаль и др., и создавшей сильную политическую организацію,—этимъ престижемъ Франція обязана не только діалектической мощи своихъ публицистовъ. Онъ особенно поднялся и утвердился благодаря массовымъ движеніямъ, возникшимъ въ разныя эпохи. Во Франціи имѣло мѣсто первое явно пролетарское возстаніе—стачка лонскихъ ткачей 1831 г.; во Франціи разыгралась первая граждан-

ская война во имя чисто экономических требованій—іюньскіе дни 1848 г.; во Франціи, наконецъ, рабочая демократія въ мартѣ 1871 г. въ первый разъ сломила политическую власть буржуазіи и захватила въ свои руки государственную власть. И до настоящаго времени всѣ народы Стараго и Новаго свѣта празднуютъ, какъ знаменательныя для всего человѣчества даты, главные этапы въ исторіи французскаго социализма. Но какимъ бы величіемъ ни отличались эти воспоминанія, ими не исчерпываются заслуги французовъ передъ рабочей массой, которая повсюду работаетъ съ неодинаковыми шансами на успѣхъ на пользу будущаго своего освобожденія. Сила идей не уступаетъ силѣ фактовъ, или, вѣрнѣе, факты безъ идей—ничто. Несмотря на внутренніе распри и кризисы, часто замедлявшіе ростъ организованнаго французскаго пролетаріата, несмотря на относительно медленное промышленное и сельскохозяйственное развитіе, Францію все еще считаютъ источникомъ кипучей жизненной энергіи, и весь міръ воздастъ должное развитію ея коммунистической мысли, имѣющей свою вѣковую исторію; всѣ преклоняются передъ неоднократно проявленной ею самоотверженностью и выдвинутыми ею великими дѣятелями, начиная съ Бабефа до Бланка и отъ Бланка—до современнаго намъ Вальяна.

Либералы съ гордостью и не безъ основанія превозносятъ услуги, оказанныя революціей 1789 г. дѣлу всемірной свободы. Французскіе социалисты имѣютъ также право указывать на свои заслуги передъ международнымъ социализмомъ. Да послужитъ имъ это утѣшеніемъ въ томъ, что за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ оригинальность французской общественной мысли какъ бы пошла на убыль.

II.

На социализмъ нельзя смотрѣть, какъ на движеніе демагогическое, какъ на инстинктивное движеніе разнужданныхъ аппетитовъ, какъ на одно лишь возмущеніе крайней и невыносимой нужды. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ возстаніями рабовъ и съ крестьянскими бунтами. Въ первый разъ, быть можетъ, въ исторіи человѣчество стремится къ преобразованію общественнаго строя во имя опредѣленной и научно обоснованной доктрины.

Что бы ни говорилось или писалось противниками социализма—требованія его отличаются гораздо большими опредѣленностью и послѣдовательностью, нежели наказы третьяго сословія передъ революціей 1789 г. Тогдашніе выразители интересовъ буржуазіи воздерживались отъ систематизаціи своихъ взглядовъ и отъ требованія полнаго переворота. По крайней мѣрѣ, если просвѣтители XVIII в. выработали общее политическое міросозерцаніе, то послѣднее не могло дѣликомъ проникнуть въ сознаніе массъ, ухватившихся лишь за самые непосредственные выводы. Современный коммунизмъ, напротивъ того, какъ своими принципами, такъ и выводами, властно овладѣваетъ сознаніемъ рабочаго класса, а между тѣмъ это міросозерцаніе гораздо сложнѣе, чѣмъ либе-

ральное міросозерцаніе временъ перваго учредительнаго собранія. Пройденный соціализмомъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, путь свидѣтельствуетъ о его логической мощи и объ умственномъ подъемѣ современнаго пролетаріата. Истокованіе экономическихъ явленій—вопросъ, нѣкогда занимавшій лишь ничтожное меньшинство—въ настоящее время возбуждаетъ поразительную любознательность рабочихъ массъ, привѣтствующихъ въ немъ орудіе своего освобожденія.

Какой жалкой и ничтожной является, наряду съ дѣйствительностью, тактика вныхъ консерваторовъ и либераловъ, пытающихся доказать несостоятельность коммунизма! Въ 1854 г. «*Dictionnaire d'économie politique*» торжественно объявилъ міру о смерти соціализма. Съ тѣхъ поръ не прошло года безъ того, чтобы правящіе классы, по тому или иному поводу, не отпѣвали отходной соціализму. На слѣдующій день послѣ Коммуны многимъ казалось, что соціализмъ навсегда погибъ, какъ будто въ исторіи соціальной борьбы пораженіе, явившееся слѣдствіемъ торжества грубой силы, могло быть окончательнымъ. Когда произошелъ первый расколъ въ средѣ французской рабочей партіи, отъ которой отдѣлились POSSIBILISTES, а затѣмъ расколъ среди этихъ послѣднихъ, правовѣрные буржуазные экономисты устроили соціализму торжественныя похороны, съ обычной церемоніей. И въ настоящее время—быть можетъ, еще въ большей степени, чѣмъ когда бы то ни было—разногласіе во французской и международной пролетарской партіяхъ служатъ нашимъ противникамъ неизмѣнной темой для нападокъ. Они сами того не замѣчаютъ, что своимъ страстнымъ стремленіемъ предотвратить соціальный переворотъ лишь доказываютъ его непреодолимую мощь.

Другіе консервативные писатели, въ противоположность предыдущимъ, на всѣхъ перекресткахъ кричатъ о растущей силѣ соціализма, предостерегаютъ отъ опасности, угрожающей съ его стороны существующему строю и порядку. Эти господа, выражающіеся то изысканнымъ, то грубымъ языкомъ, пользуются вліяніемъ, главнымъ образомъ, въ латинскихъ государствахъ, во Франціи и въ Италіи, и за послѣднія нѣсколько лѣтъ опубликовали нѣсколько сенсационныхъ сочиненій. Они изображаютъ соціалиста вырождающимся типомъ расы, отъ котораго общество должно избавиться, хотя бы цѣной огромнѣйшихъ жертвъ. Они не замѣчаютъ, что вступаютъ въ противорѣчіе не только съ экономической эволюціей—что ихъ мало беспокоитъ,—но и съ умственнымъ и художественнымъ теченіями, за которыми они признаютъ такое огромное значеніе. Они не видятъ того, что коммунизмъ, пли, проще, идея рабочаго класса, проникъ въ театръ и въ современный романъ. Они, правда, могутъ сказать, что художники нашего времени,—будь это писатели вродѣ Золя или Анатолія Франса, или живописцы вродѣ Курбэ, или, наконецъ, скульпторы, вродѣ Далу,—преступники отъ рожденія; до сихъ поръ они еще не осмѣлились зайти такъ далеко.

Можно, по меньшей мѣрѣ, усомниться въ практичности предлагаемыхъ этими господами мѣръ противодѣйствія росту соціализма. Г. Лебонъ видитъ един-

ственное спасеніе для цивилизаціи въ массовомъ истребленіи враговъ современнаго способа присвоенія. Это средство не новое. Исторія намъ предлагаетъ безчисленное множество примѣровъ его примѣненія; массовая рѣзня рабовъ во время римской имперіи, крестовый походъ альбигойцевъ, варооломеевская ночь, подавленіе іюльскаго возстанія, подавленіе Коммуны. Но, несмотря на это, рабъ былъ освобожденъ; вопреки преслѣдованіямъ цезарей, христіанская религія восторжествовала; вопреки гоненіямъ со стороны церкви, христіанская ересь процвѣтала, и вопреки принесеннымъ гекатомбамъ, считавшимся самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, рабочій пролетаріатъ возстановилъ свои силы и растетъ матеріально и морально.

III.

Научный социализмъ явился реакціей противъ утопическаго социализма. На мѣсто метафизическихъ взглядовъ или сантиментальныхъ аргументовъ, онъ поставилъ точное и тщательное изученіе экономическихъ фактовъ. Марксисты относились къ Сень-Симону, Фурье и ихъ послѣдователямъ еще болѣе строго, чѣмъ самъ Марксъ. Строгія осужденія и ѣдкия эпиграммы пускались въ ходъ каждый разъ, когда рѣчь заходила о томъ, чтобы одно направленіе замѣнить другимъ, и чтобы выработать стройную идеологію и тактику пролетаріата. Побѣдителю подобаетъ быть снисходительнымъ и спокойнымъ, торжество же марксизма отнынѣ обезпечено, потому что даже тѣ, которые считаютъ себя преемниками философскихъ традицій 1840-хъ годовъ, заявляютъ, что они принимаютъ только нѣкоторые элементы этого ученія, а во всемъ остальномъ расходятся съ Консидераномъ, Леру, Луи-Вланомъ.

Научный социализмъ стоитъ на точкѣ зрѣнія исторической необходимости: онъ предвѣщаетъ торжество коллективистской или коммунистической собственности въ силу того, что самое развитіе производительныхъ силъ подорвало въ корнѣ личную собственность. Онъ не говоритъ: это справедливо; онъ говоритъ: это должно случиться. Онъ констатируетъ только, что неизбежное преобразование экономического строя должно привести все человѣчество къ свободѣ и къ лучшему будущему.

Научный социализмъ лишенъ какой бы то ни было метафизической или религіозной окраски. Онъ реалистиченъ и позитивенъ. Онъ освободилъ коммунистическую теорію отъ всѣхъ угрожающихъ ее вредныхъ и излишнихъ элементовъ. Сложныя тяжеловѣсныя построенія своихъ предшественниковъ онъ замѣнилъ простыми очертаніями болѣе яснаго стиля. Онъ нашелъ на землѣ достаточно элементовъ и согласованныхъ доводовъ, достаточно фактовъ, подлежащихъ изученію и объясненію, чтобы обойтись безъ обращенія взоровъ къ небу, гдѣ создавались всѣ химерическія мечтанія и вмѣстѣ—подготавливались всѣ разочарованія и всяческія порабошающія воззрѣнія прошлыхъ временъ. Онъ отказался отъ сопоставленія божества, человѣка и производительныхъ силъ. Задача, стоящая передъ современнымъ обществомъ, достаточно обширна,

чтобы не усложнять ее еще больше. Грохочущая машина, разрывающей морские волны пароходъ, выпускающая огненные языки доменная печь, мѣрные шаги пролетаріевъ, идущихъ въ дымящія фабрики или спускающихся въ рудники,—все это цѣликомъ поглощаетъ вниманіе современнаго человѣка. Ему уже не приходится искать за облаками проявленій неземной воли.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ утопическій социализмъ, который главнымъ образомъ французскаго происхожденія,—но не исключительно французскаго, достаточно указать хотя бы на Оуэна,—находится въ противорѣчій съ научнымъ социализмомъ. Онъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія исторической необходимости, а предается оптимистическимъ чаяніямъ, питаетъ безграничную вѣру въ будущее, не зная, на чемъ основана эта вѣра. Въ отличіе отъ философовъ XVIII в., которые изъ ненависти къ настоящему относили золотой вѣкъ къ историческому прошлому, утопическій социализмъ *инстинктивно* ждалъ его наступленія въ будущемъ. Этимъ объясняется его любопытная тенденція—тенденція, присущая и нѣкоторымъ изъ нашихъ современниковъ,—ограничиваться одними надеждами, а иногда даже привѣтствовать возвратъ къ прошлому или какоенибудь незначительное событіе, въ качествѣ рѣшительнаго шанса общественнаго возрожденія.

Онъ вѣрилъ во всеобщій альтруизмъ, или, по меньшей мѣрѣ, полагалъ, что достаточно взывать къ прекраснымъ человѣческимъ чувствамъ, чтобы творить чудеса. Въ теченіе долгихъ лѣтъ Фурье ждалъ пришествія благороднаго капиталиста, который установилъ бы «гармоническій» строй. Консидеранъ, Леру, Луп-Блавъ, Кабэ, хотя и угрожали обществу самыми ужасными катастрофами, если оно не смягчитъ своего сердца, въ то же время пытались повліять на его добрыя чувства и въ концѣ концовъ убѣдили самихъ себя въ состоятельности предлагаемыхъ ими мѣръ. Они требовали отъ буржуазіи, чтобы она сама, по своей доброй волѣ, отказалась отъ своихъ преимуществъ и совершила бы переворотъ противъ своей собственной власти. Это міросозерцаніе тѣсно связано съ отрицательнымъ отношеніемъ къ какимъ бы то ни было насильственнымъ мѣрамъ и къ народному возстанію. Іюньскіе дни 1848 г. были для французскаго коммунизма—даже для наиболѣе скептическаго—днями жестокихъ разочарованій.

Утопическій социализмъ выставляетъ себя преемникомъ, *продолжателемъ* или даже реформаторомъ христіанства. Фурье, Сень-Симонъ, Леру и другіе пытаются разузнать волю провидѣнія и исполнить предначертанія Божіи. На каждомъ шагу они взываютъ къ Богу, на каждомъ шагу превозносятъ его всемогущество; сень-симонистская теократія, получившая полнсе развитіе у Лифантена, является лишь логическимъ завершеніемъ ученія, которое другіе не рѣшились довести до конца. Но если для опредѣленія плана грядущаго общества необходимо и достаточно знать предначертанія божества, то всякое экономическое изслѣдованіе просто-на-просто излишне. Къ счастью, утопическій социализмъ не сдѣлалъ этого крайняго вывода и самъ собралъ мате-

ріаль, который былъ въ послѣдствіи использованъ и приведенъ въ стройную систему Марксомъ.

Каковы бы ни были противорѣчія, заключающіяся между положеніями утопистовъ и тезисами коммунистовъ, послѣдніе не являются отрицаніемъ первыхъ. Напротивъ того, они преемственно съ ними связаны и чаще всего включаютъ ихъ въ себя. Хотя фурьеристы, сенъ-симонисты и большинство писателей польской монархіи проповѣдывали сотрудничество классовъ, тѣмъ не менѣе, они указывали на то, что между буржуазіей и пролетаріатомъ наблюдается антагонизмъ; ссылки на провидѣніе не мѣшали имъ вскрыть язвы промышленной анархіи, указать на обезлюдѣніе деревень, формулировать «железныи законъ» заработной платы и отмѣтить капиталистическую концентрацію. Оптимизмъ, которымъ они были проникнуты, не помѣшалъ имъ угадать, что современное общество подвержено дѣйствию силъ, подрывающихъ его равновѣсіе, и что форма собственности, эта арена безпрестанной борьбы, въ которой многіе безопадно выбиваются изъ строя, неизбежно должна преобразоваться, въ силу тѣхъ противорѣчій, которыя она создастъ и развиваетъ. Марксъ своей теоріей превзошелъ Луи-Блана, Каба, Пеккера, но элементы его ученія разсѣяны во всей социалистической литературѣ сороковыхъ годовъ XIX в.

IV.

Промышленная концентрація, являющаяся одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ экономическаго развитія и одной изъ прочныхъ основъ социализма, концентрація, отмѣченная еще восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ предвѣстниками социализма, неизмѣнно оспаривается либералами. Они иногда находили себя единомышленниковъ даже въ рядахъ социалдемократіи. Бернштейнъ въ своей напумѣвшей книгѣ ¹⁾ пытался доказать, что крупная промышленность отнюдь не убиваетъ средней и мелкой промышленности, и что первая лишь развивается наряду съ послѣдними.

Если бы это утвержденіе оказалось вѣрнымъ, то оно получило бы огромное значеніе по своимъ послѣдствіямъ. Теоріи, формулированныя въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», сразу лишились бы почвы или, по крайней мѣрѣ, сильно пошатнулись бы. Все поняли серьезность взятаго на себя Бернштейновъ почина, и этимъ объясняются компрометирующія автора привѣтствія, которыми встрѣтили его книгу представители буржуазной политической экономіи.

Но промышленная концентрація не есть явленіе, относительно котораго были бы допустимы отвлеченныя споры. Это законъ, или тенденція, вытекающая изъ фактовъ, и оспаривать ее можно, только осповываясь на статистическихъ данныхъ.

¹⁾ «Socialisme théorique et Socialdémocratie pratique». Paris, 1900.

Относительно Германіи Бернштейну представилъ возраженія Каутскій и доказалъ, что во всемъ государствѣ крупная фабрика воздвигалась на развалинахъ старой мастерской. Мелкія предпріятія, составлявшія въ 1882 году $\frac{2}{3}$ всѣхъ промышленныхъ предпріятій, составляли уже лишь половину въ 1895 г. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, какъ, напр., въ металлургическомъ и химическомъ производствахъ, это превращеніе совершилось чрезвычайно быстро, благодаря условіямъ ихъ эксплуатаціи, и экономіи, получаемой отъ сокращенія общихъ расходовъ.

Официальная французская перепись 1896 г. даетъ намъ всѣ необходимыя данныя для опроверженія критики Бернштейна и для блестящаго подтвержденія марксистскаго тезиса о концентраціи капитала.

Въ 1896 году во Франціи существовало 784.240 промышленныхъ предпріятій въ то время, какъ въ 1866 г. число ихъ доходило до 1.450.223. А между тѣмъ, всѣ условія, которыя могли бы исказить результаты переписи 1896 г. (какъ напр., различія классификаціи, потеря Эльзасъ-Лотарингіи и т. д.), были самымъ тщательнымъ образомъ устранены. Такимъ образомъ, несмотря на ростъ народонаселенія и потребностей, несмотря на появленіе массы новыхъ важныхъ отраслей производства, число предпріятій уменьшилось почти на половину. Каждая два предпріятія 1866 г. соединились въ одно предпріятіе къ 1896-му году.

Но это общее сопоставленіе данныхъ имѣетъ лишь ограниченное значеніе, такъ какъ не всѣ отрасли производства были въ одинаковой степени затронуты процессомъ экономическаго развитія: есть между ними такія, въ которыхъ техничeskія орудія производства играютъ лишь второстепенное или даже ничтожное значеніе, есть другія, какъ наиримѣръ, изготовленіе одежды, производство которыхъ обусловлено, главнымъ образомъ, личнымъ вкусомъ; эти отрасли производства труднѣе поддаются измѣненіямъ, и, тѣмъ не менѣе, общій процессъ развитія, хотя и въ болѣе слабой степени, отразился и на нихъ. Перепись 1896 г. констатируетъ существованіе 245.281 предпріятія по продажѣ одежды и 194.281—по продажѣ жизненныхъ припасовъ, противъ 355.812 и 3.744.558 въ 1866 г.; такимъ образомъ, въ этихъ двухъ отрасляхъ на которыя критики концентраціи капиталовъ обыкновенно ссылаются для подкрѣпленія своихъ утверженій, число предпріятій сократилось на 289.000. Къ тому же, надо еще считаться съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ мелкія предпріятія находятся въ зависимости отъ крупныхъ. Сколько владѣльцевъ и владѣльцъ мелкихъ предпріятій для изготовленія платья и шляпъ, предпріятій, съ виду самостоятельныхъ, въ дѣйствительности находятся въ зависимости отъ болѣе или менѣе крупныхъ фирмъ, на которыя они работаютъ, и которыя имъ иѣшаютъ вступить въ непосредственныя сношенія съ публикой! То же самое, и въ еще болѣе сильной степени, пришлось бы констатировать въ отношеніи производства жизненныхъ припасовъ. Но эта область еще мало изслѣдована, и намъ волей-неволей приходится ограничиться однѣми лишь сухими цифрами.

Самыя главныя отрасли производства въ современномъ обществѣ, отрасли, группирующія вокругъ себя наибольшій контингентъ наемныхъ рабочихъ— это металлургическое производство и прядильное и ткацкое, вообще, текстильное производство. Тутъ результаты переписи прямо таки ошеломляющіе. Съ 1866 до 1896 г. число металлургическихъ заведеній сократилось съ 1.786 до 171, т. е. на 90%, а текстильныхъ—съ 151.867 до 37.235, т. е. на 75%. Эти цифры доказываютъ всю неосновательность и необоснованность утвержденій Беряштейна.

Даже торговля, которая по своей природѣ менѣе поддается концентраціи, и та слѣдовала аналогичному ходу развитія. Отъ 1866 до 1896 г. число магазиновъ готоваго платья сократилось съ 83.346 до 31.003, а число заведеній, торгующихъ съѣстными припасами,—съ 201.285 до 91.192. Если бы можно было сомнѣваться въ точности приведенныхъ цифръ, то ежедневные или еженедѣльные списки банкротствъ должны были бы разсѣять всякія сомнѣнія.

Въ общемъ, можно сказать, что каждый предприниматель начала XX в. представляетъ двухъ предпринимателей эпохи второй имперіи. Представимъ себѣ, что экономическое развитіе продолжаетъ идти тѣмъ же путемъ,—а нѣтъ никакого основанія для того, чтобы оно измѣнило направленіе,—и черезъ короткій промежутокъ времени почти полная концентрація станетъ совершившимся фактомъ.

Данныя относительно контингента рабочихъ, занятыхъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, и числа развившихся въ данной отрасли крупныхъ предпріятій дадутъ намъ новыя цѣнныя указанія.

Перепись 1896 г. показываетъ, что изъ 3111000 рабочихъ 1122000 были заняты въ предпріятіяхъ, съ количествомъ рабочихъ, превышающимъ 100 человекъ; 861.000—въ предпріятіяхъ съ 10—100 человекъ и 1.133.000 — въ предпріятіяхъ съ 1—10 чел. Другими словами, во Франціи, гдѣ даже металлургическая и текстильная отрасли производства не такъ концентрированы, какъ въ Англии или Германіи, 36% изъ общаго числа рабочихъ заняты въ крупной промышленности. Въ мелкой промышленности, число мастерскихъ которой составляетъ 85% общаго числа предпріятій, заняты лишь 36% всѣхъ рабочихъ.

Въ общемъ, во Франціи имѣются 3.668 фабрикъ или мануфактуръ, на каждой изъ которыхъ число рабочихъ выше 100 чел., 457 предпріятій съ количествомъ рабочихъ, превышающимъ 500 челов. Въ торговлѣ это отношеніе нѣсколько менѣе рѣзко выразило.

Большая часть этихъ крупныхъ предпріятій приходится прежде всего на долю горной промышленности, гдѣ изъ 151 предпріятія 106 насчитываютъ отъ 50 до 500 и болѣе рабочихъ въ каждомъ; затѣмъ идутъ металлургія и связанная съ нею отрасли производства: 100.000 рабочихъ распредѣляются между 1800 предпріятій. Въ желѣзодѣлательной промышленности существуетъ 31 предпріятіе съ 500 и болѣе рабочихъ въ каждомъ;

51—съ 50—500 рабочихъ; въ сталелитейномъ производствѣ нѣются 12 предприятий, въ каждомъ изъ коихъ заняты болѣе 500 рабочихъ, и 53—по 50 и болѣе человекъ; 16 судостроительныхъ заводовъ насчитываютъ каждый болѣе 500 чел. и 9—болѣе 50.

Въ текстильной отрасли промышленности 850.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей распределяются между 37.000 предприятий. Эта именно отрасль промышленности и положила начало развитію крупнаго капиталистическаго производства, такъ какъ тутъ были введены первыя механическія приспособленія. Консерваторы любятъ указывать на фактъ сохраненія «работы на дому» въ кружевномъ производствѣ (Вогезы, Кальвадо, Верхняя Луара) или на возвращеніе къ этому роду работы къ шелковомъ производствѣ, вслѣдствіе приобщенія электричества (Луара, Рона). Но это ни больше, ни меньше, какъ ловко представленная фикція, потому что домашнее кружевное производство въ дѣйствительности находится въ зависимости отъ крупныхъ свѣтскихъ или церковныхъ предприятий, которыя платятъ «работникамъ на дому» голодную заработную плату, такъ что ткачъ изъ окрестностей С.-Этьена не пользуется уже болѣе никакой самостоятельностью. Онъ является простымъ придаткомъ крупнаго ленгочнаго производства.

Пряденье льна насчитываетъ во Франціи 70 предприятий съ количествомъ рабочихъ, превышающимъ 50 чел.; тканье холста насчитываетъ ихъ 450; хлопчатобумажное пряденье и тканье—523; шелковое производство—415. Кожевенная, химическая и стекольная отрасли промышленности могли бы намъ дать новыя доказательства въ пользу факта концентрации, но особенно убѣдительно оны доказываются таблицей, составленной съчетчиками 1896 г., которые какъ бы задались цѣлью заранѣе опровергнуть утвержденія Бернштейна. А между тѣмъ у нихъ, само собой разумѣется, не было и въ поминѣ намѣренія—доставить фактическій матеріалъ въ пользу коммунизма.

Число рабочихъ, которое приходится въ среднемъ на каждое предприятие, достигаетъ 467—въ желѣзодѣлательномъ и сталелитейномъ производствѣхъ; 414—въ горнозаводской промышленности, 126—въ металлургіи мѣди, свинца и т. д.; 124—въ стекольномъ производствѣ; 54—въ производствѣ хлопка и бумаги. А если принять во вниманіе тотъ неоспоримый фактъ, что мелкія производства все болѣе поглощаются и подчиняются производительности крупныхъ и все же значительно сокращаютъ среднюю численность рабочихъ въ отдѣльномъ предприятии,—если принять все это во вниманіе, то фактъ концентрации выступить съ несомнѣнной очевидностью для каждаго безпристрастнаго наблюдателя.

Но намъ слѣдуетъ еще рассмотреть это явленіе и съ другой точки зрѣнія.

Въ странахъ съ значительнымъ развитіемъ техники, какъ въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ, крупныя промышленныя предприятия соединяются между собой и образуютъ производственные синдикаты. Эта новая стадія эволюціи, сравнительно недавно вступившая, бросаетъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя положенія марксизма. Эта организаціонная тенденція проявляется въ двухъ

формах: въ формѣ трестовъ и въ формѣ картелей. Трестъ основанъ главнымъ образомъ, на соучастіи и представляетъ собой гигантское акціонерное общество, въ которомъ—совершенно или отчасти, на время или навсегда—сливаются десятки и сотни отдѣльныхъ предпріятій. Картель заключается въ соглашеніи, имѣющемъ въ виду ограниченіе производства и повышеніе цѣнъ. Какъ тресты, такъ и картели, стараются противодействовать опасностямъ конкуренціи; устрояя ее, насколько это оказывается для нихъ возможнымъ, они приводятъ или ведутъ къ монополіи, которая, какъ это доказывалъ Прудонъ, является неизбѣжнымъ результатомъ интенсивной борьбы между экономическими организаціями.

Тресты, съ ихъ огромными арміями работниковъ, нерѣдко превышающими 100.000 человекъ, съ ихъ гигантскимъ накопленіемъ капиталовъ—2, 5, 10 миллиардовъ, т. е. капиталы, равняющіеся состоянію второстепеннаго государства, съ ихъ доходами въ сотни милліоновъ. съ ихъ сложнымъ административнымъ механизмомъ, — такіе тресты являются силой, которой не знали еще наканунѣ XX в. Они сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ цѣлыя отрасли промышленности.—каменноугольную, желѣзодѣлательную, сталелитейную, нефтяную, сахарную, табачную, — и одновременно пріобрѣтаютъ въ свою собственность желѣзныя дороги, флотиліи, цѣлые города. Они являются организаціями, достаточно сильными для того, чтобы сопротивляться и государственной власти, властвовать надъ парламентомъ, предпринимать войны, обирать потребителей. Принимаемая противъ нихъ мѣры, законы, разрабатываемые съ цѣлью противодействовать угрожающей отъ нихъ опасности,—все это заранее обречено на безплодіе.

Тресты не только игнорируютъ государство—они его и дезорганизуютъ. Изъ національныхъ они превращаются въ международные, знаменуя собой несостоятельность старыхъ теорій политическихъ границъ, уничтожаемыхъ головокружительнымъ развитіемъ промышленности и торговли. Океанскій трестъ отнимаетъ у великихъ и малыхъ европейскихъ націй резервныя суда ихъ военныхъ флотовъ; Пирпонтъ Морганъ обладаетъ флотомъ, болѣе могущественнымъ, чѣмъ флоты Германіи или Россіи, и почти равнымъ по силѣ французскому флоту; ему стоитъ только вооружить и бронировать свои суда, чтобы имѣть, если не первую, то одну изъ первыхъ эскадръ земного шара.

Тресты господствуютъ въ Америкѣ. Старый Свѣтъ довольствуется картелями, которые уже играютъ значительную роль, соединяя однимъ общимъ договоромъ нѣсколько промышленныхъ предпріятій. Покровительствуемые таможенными ставками и снисходительностью законовъ, картели получили въ Германіи въ теченіе 4—5 лѣтъ распространеніе, превзошедшее всякія ожиданія. Только благодаря картелямъ, германскіе и австро-венгерскіе сахарорафинадные заводчики могли реализовать неслыханные барыши. Недавно они получили законное признаніе и во Франціи (вопреки уголовному уложенію), благодаря рѣшенію кассационнаго суда по одному частному дѣлу, и г. Мелинъ

рекомендуетъ ихъ распространеніе, видя въ нихъ спасеніе для французской промышленности.

Трестъ и картель являются властителями современнаго производства. Было бы бессмысленно пытаться остановить ихъ развитіе, какъ бессмысленны попытки спасти мелкую промышленность и мелкую торговлю. Подобно крупной металлургической или прядильной промышленности, трестъ и картель являются результатомъ экономической эволюціи. Они подтверждаютъ фактъ концентраціи и въ дальнѣйшемъ развитіи могутъ привести къ образованію треста трестовъ и картеля картелей, которые осуществили бы—дѣйствуя противъ обираемыхъ потребителей и экспроприруемыхъ среднѣхъ предпринимателей—федерацию производительныхъ силъ, о которой мечталъ Прудонъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что авторъ «Противорѣчій» не подозревалъ того, что эта кооперація силъ и это объединеніе орудій производства дѣйствовали бы въ ущербъ народной массѣ, въ ущербъ почтѣ всей совокупности человѣческаго рода.

V.

Анархія въ области промышленности, торговли и сельскаго хозяйства, съ такой яркостью обрисованная Фурье и Консидераномъ, является однимъ изъ характерныхъ признаковъ современнаго общества. Синдикаты капиталистовъ, ихъ тресты и картели не мѣшаютъ ей проявиться почти во всей ея полнотѣ; прежде всего, они возникли далеко не повсюду; даже въ Америкѣ, гдѣ они получили наибольшее распространеніе, ими захвачено не больше одной пятнадцатой всей суммы общественнаго капитала. Но помимо того, до сихъ поръ они охватили только нѣкоторыя части производства, и потому огромное поле производственной дѣятельности находится внѣ сферы ихъ воздѣйствія.

Въ капиталистическомъ государствѣ всякаго рода инициатива, какъ гибельная, такъ и плодотворная, получаетъ полную свободу развитія. Каждый производитель вступаетъ въ борьбу со всѣми другими и стремится ихъ разорить, подъ страхомъ собственнаго разоренія. Такъ какъ на немъ лежатъ заботы по содержанію машинъ, пропитанію рабочихъ, погашенію общихъ расходовъ, онъ ухитряется извлечь максимумъ возможной выгоды.

Знаніе рынка ему недоступно, такъ какъ отдѣльный человѣкъ не въ состояніи подвести точную статистику безчисленной массѣ товаровъ, выбрасываемыхъ ежедневно въ обращеніе, и измѣрить на разстояніи всю сумму общественныхъ потребностей. Если бы даже ему удалось основательно изучить всѣ необходимыя данныя, касающіяся его района, его расчеты могли бы ежеминутно быть разстроены неотгаданнымъ выступленіемъ на сцену какого-нибудь другаго отдаленнаго пункта. Трестъ, вооруженный въ этомъ отношеніи лучше обыкновенныхъ хозяйственныхъ предпріятій, не отличается большей увѣренностью въ точности своихъ комбинацій. Онъ находится во власти малѣйшаго застоя въ дѣлахъ, который можетъ имѣть

мѣсто за тысячи верстъ отъ центра его дѣятельности, онъ находится въ зависимости отъ внезапнаго появленія на свѣтъ какого-нибудь новаго предпріятія, отъ перемены во вкусахъ, отъ паденія министерства, отъ введенія новаго усовершенствованія. Керосиновый синдикатъ потерялъ бы огромный уронъ, если-бы употребленіе алкоголя, за которое высказывается большая часть европейскихъ государствъ, получило бы широкое распространеніе. Брюссельская конвенція своимъ постановленіемъ привела въ разстройство сахарныя картели Австріи и Германіи.

Концентрація огромныхъ капиталовъ можетъ, до извѣстной степени, ограничивать производство; и то ихъ вліяніе можетъ имѣть усѣхъ только въ извѣстныхъ случаяхъ, при наличности множества разнообразныхъ условий, совпаденіе которыхъ бываетъ чрезвычайно рѣдко. Какъ на причѣръ подобнаго рода затрудненій, на которыя приходится наталкиваться, можно указать на положеніе владѣльцевъ угольныхъ копей, которые вотъ уже болѣе десяти лѣтъ тщетно стараются придти къ соглашенію для избѣжанія перепроизводства, вызывающаго во всемъ мірѣ пониженіе цѣнъ на уголь: было предложено соглашеніе между французами, нѣмцами и англичанами, былъ устроенъ многочисленный рядъ конференцій—и все это оказалось безуспѣшнымъ.

Экономическая анархія продолжается, такимъ образомъ, царитъ надъ міромъ. Нѣкогда она оутошала лишь западную половину нашего материка; мало-по-малу поле ея дѣятельности расширилось—и теперь она охватила Сѣверную и Южную Америку, Австралію, двѣ трети Азіи и береговую линію Африки. Всюду, гдѣ колонизація и капиталистическая цивилизація дѣлаютъ свое дѣло, появляется и анархія; она утверждаетъ свое господство и начинаетъ свою разрушительную работу. Конкуренція, бывшая вначалѣ національной, потомъ европейской, становится все болѣе и болѣе интернаціональной: японцы борются съ англичанами, русскіе—съ американцами, Австралія и Новая Зеландія—съ Франціей и Даніей, Аргентина—съ Венгріей и Румыніей. Отсюда—крайнее упорство и интенсивный характеръ кризисовъ.

Нѣкоторые либеральные критики, стремящіеся поколебать одно изъ основныхъ положеній марксизма, а за ихъ спинами—и нѣкоторые социалисты, поспѣшившіе заявить о своей измѣнѣ, нашли, что вопросъ о возрастаніи разкѣровъ экономическихъ кризисовъ, или, проще, о болѣе частомъ ихъ повтореніи—вопросъ спорный. Но это значить не замѣчать явленій, которыя бьютъ въ глаза своей очевидностью.

Кризисы прежнихъ временъ были дѣтской игрушкой по сравненію съ современными кризисами. Назадъ тому сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ они не выходили за предѣлы нѣсколькихъ департаментовъ, одной какой-либо области, одного государства. Народы не находились между собой въ такой тѣсной зависимости, чтобы бѣдствіе одного изъ нихъ влекло за собой бѣдствіе для всѣхъ другихъ. Къ тому же, катастрофы въ промышленности случались сравнительно рѣже, такъ какъ число мѣстностей, отличающихся избыткомъ производительныхъ силъ, было ограничено. Но, начиная съ конца 19 го вѣка, онѣ

слѣдуютъ одна за другой съ такой необычайной быстротой и охватываютъ такія обширныя и густо населенныя пространства, что становятся какъ бы хроническимъ и повсемѣстнымъ бѣдствіемъ.

Чѣмъ болѣе какая нибудь область промышленности развивается, становится старше, совершенствуется свои орудія производства, расширяетъ сферу своей дѣятельности, тѣмъ большей опасности она подвергается. Текстильная промышленность, какъ самая старинная форма крупнаго капиталистическаго производства и какъ наиболѣе распространенная на обонѣ полушаріяхъ, находится въ состояніи хроническаго перепроизводства. Англія, которой нѣкогда принадлежало господство надъ хлопчатобумажнымъ рынкомъ, пользовавшаяся своего рода монополіей, продолжала обычнымъ темпомъ изготовлять свои ма-вufactуры, несмотря на то, что она мало-по-малу вытѣснялась—сначала съ европейскаго континента, затѣмъ изъ Индіи, Дальняго Востока и Южной Америки. Разстройство, впесенное обиліемъ товаровъ, которое она сама вызвала и отъ котораго не можетъ избавиться теперь, тяготѣетъ надъ всѣмъ міромъ.

Металлургическая промышленность подвергается той же участи, какъ и текстильная. Нѣкогда она не выходила за предѣлы Соединеннаго Королевства и Франціи, но затѣмъ она совершила чудеса прогресса въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ. И именно вслѣдствіе необычайнаго развитія металлургической промышленности въ послѣднихъ двухъ странахъ и особенно—вслѣдствіе постройки доменныхъ печей въ Донецкомъ бассейнѣ на югѣ Россіи—прежнее равновѣсіе было нарушено. Наступилъ опять продолжительный кризисъ, доведшій многихъ до разоренія и все болѣе и болѣе мрачающій горизонты будущаго.

Еще болѣе характернымъ, получившимъ еще болѣе всеобщее значеніе и болѣе очевиднымъ представляется кризисъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ виду интернаціональнаго перепроизводства, которое признается всѣми и всѣхъ повергаетъ въ уныніе. Здѣсь анархія достигаетъ высшаго своего развитія, въ виду того, что здѣсь собственность отличается большей раздробленностью, и производитель не обладаетъ даже тѣми элементарными свѣдѣніями, которыми пользуется промышленникъ. Производятъ слишкомъ много хлѣба, вина, сахара, алкоголю: заработная плата современнаго поколѣнія слишкомъ низка, чтобы дать ему возможность покупать и потреблять колоссальныя богатства, вмѣющіяся въ его распоряженіи. Отсюда—скопленіе съѣстныхъ припасовъ и неизбѣжная порча ихъ въ магазинахъ и амбарахъ; отсюда—страшное пониженіе цѣнъ, вызывающее вѣчныя жалобы земледѣльцевъ и виноградарей во Франціи, Германіи, Италіи и Венгріи, отсюда, наконецъ, непрерывное обезцѣвленіе земель, задолженность крестьянина, увеличеніе ипотекъ,—все бѣдствія, поражающія сельское хозяйство, которыя, несмотря на техническій прогрессъ, или, вѣрнѣе, благодаря ему, благодаря усовершенствованію орудій производства, ложатся тяжелымъ бременемъ на крестьянъ Стараго Свѣта.

Можетъ быть, кризисы обращаютъ теперь на себя вниманіе въ меньшей

степени, чѣмъ прежде, въ силу того, что они стали болѣе частыми и приняла болѣе широкіе размѣры. Прежде они были зломъ періодическимъ, теперь это зло стало хроническимъ; прежде они поражали отдѣльныя мѣстности, отдѣльныя отрасли производства; теперь они стали повсемѣстнымъ и всеобщимъ явленіемъ.

Между тѣмъ, роль, которую играютъ кризисы въ развитіи производительныхъ силъ и въ эволюціи общества, достаточно выяснена экономической исторіей. Они не только ведутъ къ сокращенію числа капиталистовъ, выводя изъ строя наиболѣе слабыхъ изъ нихъ; они не только непрерывно выбрасываютъ, путемъ автоматической экспроприаціи, новые элементы въ среду пролетаріата; они поддерживаютъ и разжигаютъ социальныя страсти, обнаруживая всѣ недостатки современной экономической организаціи, всю неспособность существующаго строя залѣчить свои собственныя язвы.

Революціи 1789 г., въ которой крестьяне сыграли такую огромную роль, предшествовалъ страшный упадокъ въ земледѣліи; взрывъ 1848 года послѣдовалъ почти немедленно за промышленнымъ и торговымъ кризисомъ, который, будучи вызванъ внезапнымъ переворотомъ въ технику орудій производства и быстрымъ развитіемъ путей сообщенія, выбросилъ тысячи рабочихъ изъ мастерскихъ на улицу. Каково же должно быть дѣйствіе экономическихъ катастрофъ въ наше время, когда насъ поражаютъ результаты катастрофъ въ предыдущіе вѣка, которыя носили всегда мѣстный и ограниченный характеръ!

VI.

Повышеніе заработной платы въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ также послужило темой для нападокъ противъ социализма. Измѣряя ея величину по десятилѣтіямъ, многіе думали нанести результатами этихъ выводовъ тяжелый ударъ извѣстной «теоріи обнищанія».

Никто не сталъ бы спорить противъ факта повышенія номинальной заработной платы. Въ своемъ докладѣ о «Соціальной экономіи» на всемірной выставкѣ 1900 года (докладъ появился въ 1903 г.) г-нъ Жидъ установилъ слѣдующую таблицу увеличенія заработной платы во Франціи:

1806	—	45	}	(число, принятое за базу).
1856	—	61		
1880	—	98		
1900	—	103		
Для Бельгій:				
1831	70	483	}	(число, принятое за базу).
1871	80	1013		
1881	90	918		
1891	1900	1055		

«L'office du Travail» опубликовало въ 1902 г. статистику нѣкоторыхъ заработныхъ платъ для опредѣленныхъ профессій и городовъ.

Каленцижъ, зарабатывавшій въ 1806 году 32 сантимъ въ часъ, получалъ въ 1900 году 80 сантимовъ.

Обойщикъ—вмѣсто 55 сант. получаетъ теперь 85.

Плотникъ—вмѣсто 30 сант. получаетъ 90 сантимовъ.

Землекопъ—вмѣсто 22 сант. получаетъ 55 сантимовъ.

Въ Марсели, въ промежутокъ времени 1853—1901, плата повысилась съ 3,03 fr. — до 4.61; въ Везансонѣ—съ 2.31 до 4.78; въ Дижонѣ—съ 1.84 до 4.21; въ Тулузѣ—съ 2 fr. до 3.86 fr; въ Бордо—съ 2.61 до 4.62; въ Греноблѣ—съ 2.31 до 4.63 fr.; въ Сентъ-Этіенѣ—съ 2.70 до 4.37; въ Нантѣ—съ 2.44 до 4.51. Въ среднемъ, за 48 лѣтъ заработная плата удвоилась, но наиболѣе быстрый темпъ повышенія приходится на промежутокъ 1853—1874 г.

Если судить по этимъ таблицамъ, пришлось бы заключить, что положеніе рабочаго класса въ значительной степени улучшилось со времени расцвѣта крупной промышленности, и что все идетъ къ тому, чтобы бѣдствія пролетаріата не только не увеличивались, а съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе смягчались. А между тѣмъ, самъ г-нъ Жидъ въ одномъ официальномъ докладѣ не стѣсняется признать, что средній заработокъ во Франціи—4.20 фр. для мужчинъ и 2.20 фр. для женщинъ—въ сущности говоря, недостаточенъ.

Заработная плата увеличилась; нѣтъ социалиста, который вздумалъ-бы это отрицать. Къ тому же, подвергать сомнѣнію фактъ безпрерывнаго увеличенія платы—значило бы оскорблять организацію пролетаріата и косвеннымъ образомъ утверждать безрезультатность дѣятельности синдикатовъ. Нельзя считать безразличнымъ того факта, что повышеніе платы наблюдается исключительно въ страпахъ, гдѣ рабочей классъ отличается наибольшей сплоченностью. Это повышеніе было ничтожно въ теченіе долгаго времени въ Россіи и Ивдіи; оно, напротивъ, проявляется въ Японіи, гдѣ рабочіе сьорганизовались въ союзы.

Но скудость вознагражденія не есть единственная причина пролетарскаго науперизма. Намъ нѣтъ даже надобности останавливаться на поразительномъ контрастѣ между нищетою пролетаріата и громадными богатствами, какъ общества въ цѣломъ, такъ и его отдѣльныхъ лицъ. Скопленіе капиталовъ въ рукахъ представителей привилегированныхъ классовъ, особенно въ странахъ съ англо-саксонскимъ населеніемъ, не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что было когда-то. Мы не станемъ также разбирать вопроса о томъ, увеличивается ли *реальная* заработная плата одновременно съ *номинальной*.

Давно уже социалистами доказано, что излишекъ въ поденной заработной платѣ, въ большей своей части, фиктивенъ. Современный работникъ, какъ п работникъ прежнихъ временъ, доведенъ до минимума въ своемъ существованіи; исключенія составляютъ лишь тѣ профессиональныя группы, которыя,

благодаря своимъ синдикатамъ, заставляютъ капиталистовъ считаться съ ихъ требованіями. вмѣстѣ съ общимъ измѣненіемъ условій жизни, развились и реальныя потребности рабочихъ; плата за квартиру и цѣна нѣкоторыхъ необходимыхъ продуктовъ повысилась. «Желѣзный заковъ заработной платы» дѣйствуетъ съ такой же силой, какъ и во времена Маркса и Лассалы.

Если сослаться, въ опроверженіе этой теоріи, объявленной многими устарѣлой, на разницу въ заработной платѣ различныхъ профессій въ разныхъ странахъ, то можно впасть въ крупную ошибку, ибо несомнѣнно, что не у всѣхъ пролетаріевъ однѣ и тѣ же потребности, что физическое, интеллектуальное развитіе и много другихъ условій играютъ тутъ немаловажную роль, и что также образъ жизни рабочихъ и относительная цѣнность денегъ неодинаковы повсюду.

Зло пауперизма кроется, главнымъ образомъ, въ уменьшеніи спроса на трудъ. Если есть рабочіе, которые зарабатываютъ слишкомъ много, то зато имѣется много другихъ, которые ничего не зарабатываютъ, потому что никто не хочетъ покупать ихъ рабочія руки.

Въ настоящее время мужчины не въ состояніи однимъ своимъ трудомъ удовлетворять потребностямъ своего хозяйства, ибо ово неизбежно разрушается экономической организаціей современнаго строя. Въ прежнее время женщины и дѣти работали только въ исключительныхъ случаяхъ; теперь же все болѣе и болѣе увеличивается область приложенія ихъ труда на фабрикахъ, гдѣ они скопляются въ большомъ числѣ. Въ 1866 омъ году во французской промышленности насчитывалось однѣхъ только женщинъ 1.366.000; въ 1896 г. это число возрастаетъ до 2.178.000., иначе говоря, за тридцать лѣтъ болѣе 800.000 женщинъ покинули свое хозяйство и пополнили ряды фабричныхъ работницъ. Онѣ разсѣялись по разнымъ отраслямъ производства, особенно въ текстильной промышленности и другихъ, вплоть до ремесельныхъ болѣе тяжелыхъ условіями труда. Во Франціи законы еще оказываютъ имъ кой-какую защиту, но въ Бельгіи до сихъ поръ молодія дѣвушки продолжаютъ работать въ угольныхъ шахтахъ, подъ землей.

Современная фабрика охотно принимаетъ женщинъ и дѣтей; она даже предпочитаетъ ихъ мужчинамъ, такъ какъ послѣдніе предъявляютъ большія требованія и благодаря синдикатамъ оказываютъ болѣе энергичное сопротивленіе. Сотни тысячъ работницъ и подростокъ обоого пола, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ труда, вытѣснили постепенно взрослога рабочаго, въ мускульной силѣ котораго оказалась меньшая надобность. Ему приходится переходить въ другія мастерскія, къ другой отрасли труда, къ другимъ профессіямъ, но предъ нимъ вырастаютъ все тѣ же препятствія: нѣжная рука женщины или подростка можетъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и рука мужчины, если не лучше, привести въ движеніе легко сбѣпляющіяся колеса современныхъ механизмовъ.

Безработица имѣетъ вначалѣ временный характеръ: потомъ она становится все болѣе и болѣе продолжительной, покуда наконецъ человекъ не

попадаетъ въ категорію людей безъ названія, граничащую съ арміей безработныхъ. Каждый мѣсяцъ въ «Bulletin de l'office du Travail» появляется списокъ безработныхъ по промышленностямъ: средняя годовая цифра колеблется около 10%. Если бы эта цифра была вполнѣ точна и почерпнута изъ достаточнаго количества данныхъ, то уже можно было бы насчитывать сотнями тысячъ пролетаріевъ, лишенныхъ работы. Но эти статистическія свѣдѣнія доставлены меньшинствомъ синдикатовъ, наиболѣе организованныхъ, наиболѣе приспособленныхъ къ борьбѣ, и нѣтъ возможности установить размѣры безработицы въ неорганизованныхъ группахъ, которыя въ дѣйствительности она больше всего угрожаетъ.

Пусть разразится кризисъ—и вся эта армія безработныхъ возрастетъ до небывалыхъ размѣровъ, какъ это уже имѣло мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Чикаго, затѣмъ въ Германіи и недавно въ Англии, гдѣ безработица всюду явилась угрозой спокойствію правящихъ классовъ и правительства.

Безработица—главный факторъ науперизма. Она все возрастаетъ по мѣрѣ развитія машиннаго способа производства, по мѣрѣ вытѣсненія взрослого рабочаго женщиной-подросткомъ, обостренія экономическихъ кризисовъ, безпрерывнаго пополненія все новыми элементами городского пролетаріата, этого резервуара, куда стекаются всѣ, кто потерялъ связь съ мелкой земельной собственностью и мелкой буржуазіей. Общество, въ которомъ десятая, если не восьмая или шестая, часть населенія остается безъ заработка, безъ надежды на лучшее будущее, само провозноситъ себѣ приговоръ. Оно подготавливаетъ гражданскую войну и куетъ орудія для собственнаго разрушенія. Къ чему ссылаться на то, что плата наемнаго рабочаго повышается, когда изо дня въ день становится все невыносимѣе состояніе наемника?

VII.

Уменьшеніе населенія въ деревняхъ и постоянный притокъ крестьянъ въ промышленные центры носятъ характеръ явленій, органически связанныхъ съ капиталистическимъ строемъ общества. Эти явленія были обнаружены и встрѣчены съ прискорбіемъ публицистами всѣхъ партій, сейчасъ же послѣ французской революціи. Робертъ Оуэнъ и Фурье занялись ихъ изученіемъ, видя въ нихъ существенные элементы для разрѣшенія соціальной проблемы. Также и Неккеръ, въ своемъ произведеніи «Traité des Intérêts du Commerce» забилъ по этому поводу тревогу, по тутъ же, по какой то странной фантазіи, выставилъ соображеніе, согласно коему разладъ между земледѣліемъ и промышленностью прекратится съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ: «деревни станутъ дешевле походить на города, а города—попемногу на деревни». Многіе писателя конца 19 вѣка, а также и въ наше время, какъ Рескинъ, Толстой, Моррисъ, предсказываютъ обратное движеніе изъ города въ деревню.

Но эти писатели не задаются вопросом—не является ли это движение въ обратномъ направленіи несомвѣстимымъ съ условіями современной жизни.

Вандервельде въ своей прекрасной книгѣ: «Бѣгство изъ деревень» (Exode rural), подвергъ тщательному анализу это бѣгство съ пахотныхъ земель. Нѣтъ ничего болѣе краснорѣчиваго, какъ цифры, иллюстрирующія это движеніе во всѣхъ крупныхъ странахъ съ мануфактурнымъ способомъ производства. Вотъ прежде всего статистика во Франціи за послѣднія тридцать пять лѣтъ: Въ 1866 году сельское населеніе во Франціи составляло 53,1% общаго населенія; оно понижается до 51,4% въ 1876 году, до 46,6%—въ 1886 г., до 45,5%—въ 1891, и не подлежитъ сомнѣнію, что съ того времени это сокращеніе все продолжается. Съ каждой переписью приходится констатировать абсолютное уменьшеніе плотности населенія въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ земледѣліе является главнымъ источникомъ богатства, и гдѣ не имѣется фабричныхъ центровъ. За время съ 1876 по 1891 г. плотность крестьянскаго населенія повзвилась на 2,91 жителей на гектаръ, тогда какъ въ городахъ прибавилось 5,63 человѣка на гектаръ.

То же явленіе замѣчается въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ съ 1890 по 1900 г. населеніе деревень уменьшилось на 5%; въ Англіи, гдѣ за тотъ же періодъ времени оно спутилось съ 25% до 23%; въ Германіи, гдѣ это явленіе пріобрѣтаетъ еще болѣе активный характеръ; въ Россіи, гдѣ со времени постройки новыхъ шахтъ и домовныхъ печей въ Донецкомъ бассейнѣ, а также съ появленіемъ новыхъ ткацкихъ фабрикъ въ Польшѣ, наплывъ сельскаго населенія въ промышленные центры прививаетъ чудовищные размѣры. Въ то же время главные центры, столицы, точно вооруженныя чудовищными щупальцами, до того переполняются избыткомъ рабочихъ силъ, что приводятъ въ изумленіе даже тѣхъ, кто имъ предсказывалъ самую блестящую будущность. Цѣною сколькихъ разрушенныхъ сельскихъ коммунъ купленъ ростъ такихъ городовъ, какъ Лондонъ, Парижъ, Берлинъ или Будапештъ! Этотъ ростъ достигаетъ еще большихъ размѣровъ въ новыхъ странахъ, гдѣ населеніе еще не успѣло осѣсть на землю. какъ, напр., въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ и особенно въ Австраліи и Аргентинѣ, съ ихъ крупными городами—Синсемъ, Мельбурномъ и Буэносъ-Айресомъ.

Причины описаннаго переселенія въ предѣлахъ Европы, ограничимся Старымъ Свѣтомъ, довольно многочисленны. Заработная плата въ деревнѣ значительно повысилась, и именно вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ, который все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать. Средняя дневная плата, по даннымъ французской статистики, была: 1,08 фр.—въ 1862 г., 1,31 фр.—въ 1882 г., 2,04 фр.—1892 г. зимой и 1,82 до 1,98 и 2,94—лѣтомъ того же года. Ватраки, получавшіе 256 фр. годовой платы въ 1862 г., получали затѣмъ 324 фр. въ 1882 г., 300 фр.—въ 1892 г., а пастухи вмѣсто 230 фр. въ 1862 г. получали 289 фр. въ 1882 г. и 322 фр.—въ 1892 г. Но вся эта повышенная плата за трудъ не могла удержать при землѣ молодежь, кото-

рую привлекало еще болѣе высокое вознагражденіе большихъ городовъ. Каждый разъ, какъ появлялась на свѣтъ какая нибудь новая крупная отрасль промышленности, горная, металлургическая или текстильная, она бросала своей призывный кличъ, который доходилъ до самыхъ отдаленныхъ уголковъ, и тамъ находилъ откликъ. Въ прежнее время крестьянинъ призывался къ землѣ, потому что находилъ возможность, помимо земледѣлія, удѣлять часть времени домашнему производству. Это послѣднее еще сохранилось въ извѣстной мѣрѣ въ Россіи, хотя и здѣсь оно влечитъ довольно жалкое существованіе; что же касается другихъ странъ, болѣе прогрессивныхъ въ экономическомъ отношеніи, то можно сказать, что повсюду домашній способъ производства почти совершенно исчезаетъ, если не совсѣмъ уже исчезъ.

Вандервельде указываетъ на различныя мѣстныя производства въ Бельгіи, которыя въ некоторое время способствовали замедленію повальнаго бѣгства изъ деревень, но затѣмъ внезапно уступали его напору; такъ было съ производствомъ соломы для шляпъ, съ ручнымъ пряденіемъ, съ оружейнымъ мастерствомъ въ бассейнѣ Льежа, съ производствомъ гвоздей Haute Semoу. Въ настоящее время ткачи изъ провинціи Flandre находятъ болѣе выгоднымъ тратить ежедневно четыре часа на ѣзду по желѣзной дорогѣ, чтобы работать въ угольныхъ шахтахъ центральнаго бассейна Франціи. Если они продолжаютъ оставаться въ своихъ деревняхъ, то лишь благодаря льготному желѣзнодорожному тарифу, которымъ они пользуются. Но отчего не предположить, что, во избѣжаніе всѣхъ трудностей подобнаго переѣзда, они не начнутъ затѣмъ переселяться цѣлыми массами? Какую ужасную пытку представляетъ для этихъ несчастныхъ необходимость оставаться въ теченіе девятнадцати часовъ вѣ своего дома!

Это отдѣленіе мѣстнаго производства отъ земледѣлія, представляющее само по себѣ одну изъ формъ раздѣленія труда, является одной изъ главныхъ причинъ бѣгства крестьянъ изъ деревни. Но имѣются и другія, довольно многочисленныя причины: 1) появленіе земледѣльческихъ машинъ, — какъ молотилки, жатвенныя машины, число которыхъ все болѣе и болѣе возростааетъ; по даннымъ статистики, ихъ было во Франціи:

до	4½ миллионъ	въ	1892 г.
противъ	3.800.000	въ	1882 г.
и противъ	3.365.000	въ	1862 г.

Паровыхъ двигателей было:

	12.060	въ	1892 г.
противъ	9.288	въ	1882 г.
и »	2.849	въ	1862 г.

и, къ тому-жъ, Франція въ этомъ отношеніи стоитъ позади другихъ странъ. 2) Затѣмъ, какъ на одну изъ причинъ, нужно указать на сельско-хозяйственный кризисъ, вносящій вездѣ ужасъ и отчаяніе и заставляющій мало-по-малу обращать пастбища въ пахотныя земли; 3) наконецъ, разви-

тіе путей сообщенія, позволяющее поденщикамъ изъ крестьянъ за незначительную плату передвигаться съ мѣста на мѣсто и искать работы въ городѣ. Можно было бы привести много другихъ, болѣе второстепенныхъ причинъ, какъ, на примѣръ, преобразованія въ воинской службѣ, но всѣ онѣ но носятъ общаго характера, такъ какъ не имѣютъ примѣвенія одновременно къ Англіи, Бельгіи и Голландіи, гдѣ, однако, бѣгство изъ деревень въ города наблюдается, какъ и всюду.

Если теперь перейти къ послѣдствіямъ этого движенія въ городъ, то придется констатировать, что оно, съ одной стороны, ведетъ къ увеличенію безработицы, а съ другой—къ неизбежному развитію социализма. Тысячи работниковъ, стекающихся со всѣхъ концовъ, но всѣмъ проселочнымъ и желѣзнымъ дорогамъ, для того чтобы постучаться въ двери фабрики и увеличить число рабочихъ рукъ, способствуютъ все большому распространенію пауперизма. Менѣе требовательные, нежели коренные жители данной мѣстности, они мало-по-малу вытѣсняють послѣднихъ и побивають ихъ успѣшной конкуренціей, покуда сами въ свою очередь не будутъ побѣждены и вытѣснены другими, прибывшими на ихъ мѣсто. Въ то же время они увеличивають собой ряды социалистическаго пролетаріата, нисколько не заинтересованнаго въ поддержаніи существующаго строя, и угрожають существованію правящихъ классовъ.

Если даже эти земледѣльцы, оторванные отъ земли, но еще не прикрѣпленные окончательно къ фабрикамъ, если, какъ это происходило въ бельгійской Флавдріи, они по вечерамъ и возвращаются изъ города домой въ свои деревни, то все же для общества, видѣвшаго въ нихъ до сихъ поръ свою опору, они потеряны навсегда. Они, наоборотъ, становятся его наиболѣе опасными противниками, потому что, проникаясь новыми идеями, они приносятъ ихъ съ собой въ деревни, распространяють среди поденщиковъ, еще прикрѣпленныхъ къ землѣ. Увеличеніе числа социалистическихъ голосовъ въ часто крестьянскихъ округахъ (провинція Гандъ) представляетъ характерное явленіе.

То же явленіе наблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ центральнаго бассейна, откуда жители отправляются ежегодно на работу въ Парижъ или другіе города.

Такимъ образомъ, ужасъ, въ который повергаетъ буржуазныхъ экономистовъ бѣгство сельскаго населенія изъ деревни въ городъ, воплѣ понятенъ.

УІІІ.

Противники социализма указываютъ, какъ на аргументъ противъ него, на равнительную неподвижность земельной собственности. Они довольно охотно выдаютъ область промышленности, въ которой слишкомъ легко можно до-
 ать процессъ безирерывной конценраціи, и обращаются къ земледѣлію.

Они рисуютъ типъ крестьянина, защитника классической парцеллы, неустанно округляющаго размѣръ своего имущества и все увеличивающаго число конфискованныхъ имъ земель; они ссылаются на ростъ этой сельской демократіи, которая дробитъ на части латифундіи прежнихъ временъ и обращается въ классъ самостоятельныхъ собственниковъ, враждебныхъ всякаго рода новшествахъ.

Выдвигаемая ими проблема весьма существенна и обширна. Если бы оказалось правильнымъ, что число землевладѣльцевъ все болѣе возрастаетъ, и что дробленіе на парцеллы совершается систематически по всей территоріи — то одно изъ положеній — и даже очень существенныхъ положеній марксистской доктрины — было бы отчасти опровергнуто. Оставалось бы, правда, доказать еще, что земледѣліе сохраняетъ преобладающую или рѣшающую роль въ экономической организаціи.

Что особенно бросается въ глаза съ перваго взгляда, это уменьшеніе населенія въ деревняхъ. Если бы число собственниковъ дѣйствительно увеличивалось, это сокращеніе деревенскаго населенія было бы необъяснимо.

Если бы сельская демократія не чувствовала себя въ опасности и не приходила бы въ ужасъ передъ ожидающей ее перспективой, она оставалась бы на землѣ, на которой сидитъ въ теченіе столькихъ вѣковъ. Но въ томъ то и дѣло, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго.

По наружному виду, поземельная собственность не испытала на себѣ тѣхъ рѣзкихъ измѣненій, которыя самымъ рѣшительнымъ образомъ измѣнили положеніе промышленности. По даннымъ статистики оказывается, что число владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ неизмѣнно, хотя и медленно, уменьшается.

Въ 1862 г. ихъ было	3.799.000
» 1882 г.	3.525.000
» 1892 г.	3.387.000

Такимъ образомъ, экспроприація совершается, хотя и не безъ колебаній.

Наряду съ этимъ движеніемъ, замѣчается и другое, не менѣе достойное вниманія: общая площадь самой мелкой земельной собственности, величиной съ «носовой платокъ», какъ говорятъ французы, увеличивается такъ же, какъ на противоположномъ полюсѣ увеличивается площадь очень крупной собственности, между тѣмъ какъ площадь участковъ средней величины уменьшается.

На основаніи этихъ данныхъ позволительно заключить, что нѣтъ никакого застоя въ движеніи собственности, и что вмѣсто дробленія на мелкія части замѣчается скорѣй концентрація собственности. Но это еще не все, такъ какъ съ большою наглядностью отсюда вытекаютъ и другіе выводы, которые К. Каутскій въ своей книгѣ «Аграрный вопросъ» обнаружилъ съ удивительной ясностью мысли.

Мелкая и крупная земельная собственность, величиною отъ 1 до 100 гек-

таровъ, проявляетъ тенденцію къ сокращенію. Она не въ состояніи болѣе бороться съ самой крупной собственностью, которая вооружается могущественными капиталами, приспосаблиется къ техническимъ способамъ обработки, располагаетъ усовершенствованными орудіями производства. Мы уже указали, съ какой быстротой развивалось усовершенствованіе механическихъ аппаратовъ во Франціи. Не менѣе поразительны изъ успѣхи въ Германіи. Повсюду одиѣ и тѣ же причины порождаютъ одинаковыя слѣдствія, то есть, гибель средней собственности. Какимъ образомъ послѣдняя могла бы, въ самомъ дѣлѣ, устоять, съ одной стороны, протавъ конкуренціи латифундій, а съ другой—противъ кризиса, охватившаго весь міръ? Пользуясь покровительствомъ законовъ о хлѣбныхъ пошлинахъ, ведя интенсивное хозяйство, крупный землевладѣлецъ можетъ еще оттянуть моментъ своего разоренія, но тѣмъ, которые рядомъ съ нимъ обрабатываютъ лишь нѣсколько гектаровъ, ничего больше не остается, какъ покинуть свою землю или ограничиться потребленіемъ своихъ собственныхъ продуктовъ; они должны отказаться отъ продажи своихъ продуктовъ, ибо изъ хлѣбъ обходится дороже привезеннаго изъ Россіи или Америки, а изъ масло вытѣсняется на рынкѣ его суррогатомъ; для изготовленія ихъ наука придумываетъ все новые и новые способы.

Наряду съ очень крупной собственностью уживается и самая мелкая—явленіе, нѣсколько странное, но тѣмъ не менѣе, легко объяснимое. Поденщики, привлекаемые городскимъ заработкомъ, все болѣе и болѣе отказываются работать на землѣ у капиталиста, владѣющаго нѣсколькими сотнями гектаровъ. Чтобы удержать при себѣ работниковъ, которыхъ машина не можетъ вполне замѣнить, онъ облегчаетъ имъ возможность обзавестись крохотными участками земля; зтоя ничтожный клочекъ земельной собственности становится для него священнымъ, ибо въ ней онъ видитъ условіе своего благосостоянія и господства. Такимъ образомъ, всѣ эти безчисленныя мелкія хозяйства располагаются во-кругъ огромнѣйшихъ владѣній помѣщика, подобно крестьянскимъ хижинамъ, окружавшимъ нѣкогда средневѣковые замки феодаловъ. На самомъ же дѣлѣ, всѣ эти мелкіе землевладѣльцы, съ ихъ крайне непрочнымъ положеніемъ, являются тѣми же пролетаріями, но лишь въ нѣсколько замаскированной оболочкѣ.

Такимъ образомъ, если подвергать цифры анализу вмѣсто того, чтобы оказывать имъ слѣпое довѣріе, то првдется заключить, что въ дѣйствительности экономическое развитіе въ области земледѣлія ничуть не уклонилось отъ общей эволюціи и не приняло обратнаго направленія. Одинъ и тотъ же законъ развитія производительныхъ силъ господствуетъ во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Когда удастся сорвать обманчивую оболочку съ современнаго общества и проникнуть въ глубь его, взору открываются поразительныя перспективы. Такъ, напримѣръ, мы иногда задумываемся надъ ужаснымъ бременемъ ипотечныхъ долговъ, которые лежатъ на земельной собственности. Ея юридическому хозяину осталось одно лишь пользованіе ею, или, въ сущности даже, онъ обрабатываетъ ее лишь для другого. До тѣхъ поръ, покуда въ каждой странѣ не будетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ под-

считана вся сумма ипотечныхъ долговъ, до тѣхъ поръ всѣ выводы въ этой области нужно считать наимвными и призрачными. Каутскій сообщаетъ, что въ Пруссіи, за время отъ 1886-го до 1895-го года, этотъ долгъ увеличился на полтора миллиарда. Какому числу отдѣльныхъ экспропріацій соотвѣтствуетъ подобное увеличеніе?

Это, однако, не все. Земледѣліе, пользовавшееся независимостью приблизительно до 1880 го года, все болѣе и болѣе подпадаетъ подъ вліяніе промышленности. И не только въ томъ отношеніи, что оно теряетъ своихъ работниковъ: самый характеръ его измѣняется. Эволюція общества, какъ замѣчено нѣкоторыми, возвращается къ первоначальной точкѣ своего отравленія. Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что земледѣльческая дѣятельность становится въ связь съ дѣятельностью мануфактурной, съ той, однако, разницей, что теперь онѣ обмѣнялись своими ролями.

Тотъ, кто занимается разведеніемъ бураковъ, служить рабочимъ на сахарномъ заводѣ, кто занимается производствомъ хмеля и ячменя, находится въ зависимости отъ пивовареннаго завода; винокуренные и крахмальные заводы, молочныя заведенія и консервные фабрики—представляютъ собою капиталистическіе очаги, вокругъ которыхъ гнѣздятся, въ полномъ подчиненіи у нихъ, мелкія и среднія предпріятія; и достаточно было бы провести социализацію сооружений, уставовленныхъ въ латифундіяхъ или воздвигнутыхъ крупнымъ фабричнымъ капитализмомъ, для того чтобы однимъ ударомъ было повергнуто той же социализаціи громадное число земельныхъ участковъ мелкихъ собственниковъ.

Буржуазные экономисты, указывающіе, въ опроверженіе марксизма или коммунистическихъ теорій, на застой въ области земледѣлія, обнаруживаютъ полнѣйшую слѣпоту въ отношеніи явленій, бьющихъ въ глаза своей очевидностью. По невѣжеству или недобросовѣстности, они продолжаютъ топтаться въ тѣсномъ кругу давно отжившихъ понятій, опровергаемыхъ на каждомъ шагѣ самой дѣйствительностью. Въ заключеніе, приходится признать, что переворотъ въ промышленности неустанно вырабатываетъ матеріальныя условія осуществленія будущаго социалистическаго строя.

IX.

Международное объединеніе пролетаріевъ, провозглашенное Марксомъ и Энгельсомъ въ послѣдней фразѣ «Коммунистическаго Манифеста» 1848 года, все болѣе подготавливается самимъ ходомъ экономической жизни. Повсюду, куда проникаетъ капитализмъ, гдѣ появляются фабричныя трубы, гдѣ населеніе скучивается вокругъ кузницъ и ремесленныхъ станковъ,—создается почва для развитія классоваго антагонизма. Современная социальная проблема рождается повсюду при однихъ и тѣхъ же условіяхъ; ходъ развитія повсюду одинаковъ и исключаетъ какія бы то ни было фантазіи и отклоненія въ сторону. Но онъ

становится болѣе посильнымъ въ странахъ, гдѣ капиталистическая промышленность привилась сравнительно позднѣе. Въ то время какъ въ Западной Европѣ потребовалось для ея расцвѣта нѣсколько десятилѣтій, она чрезвычайно быстро пробѣгаетъ всѣ этапы своего развитія въ Японіи и Россіи, гдѣ капиталисты сразу обзаводятся наиболѣе усовершенствованными орудіями производства.

Болѣе полувѣка тому назадъ идея о международномъ соглашеніи пролетаріевъ, которое привѣтствовалось уже и Прудонъ, казалась мечтой, осуществимой лишь въ очень отдаленномъ будущемъ. Въ то время одиѣ только Франція и Англія бросились въ водоворотъ крупнаго производства. Ни Германія, ни Бельгія, ни Швейцарія, ни скандинавскія государства, ни Америка, ни Россія, не принимала еще участія въ капиталистическомъ производствѣ. Въ настоящее время новѣйшая цивилизація уравнила страны обоихъ полушарій. Буржуазія французская, англійская, нѣмецкая, въ жадной погонѣ за сбытомъ своихъ товаровъ, завладѣла, путемъ насильственнаго захвата или съ помощью дипломатів, огромными пространствами земли въ Азіи и Африкѣ. Колонизація, имѣющая цѣлью продолжити могущество и благосостояніе правящихъ классовъ, положила начало пролетарскимъ арміямъ на сѣверѣ и югѣ, на берегахъ китайскихъ водъ и на далекихъ островахъ Тихаго океана. Рабочій классъ, лишенный своихъ орудій производства, получающій различную заработную плату, очень низкую въ Индіи и въ Японіи, довольно высокую въ Австраліи и Калифорніи, но всюду угрожаемый безработицей, попадаетъ въ заколдованный кругъ, а капиталистическая организація вытѣсняетъ всѣ пережитки предшествовавшихъ ей общественныхъ формъ. Она охватила собой всѣ материки, всѣ обитаемые острова, подобно тому, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ феодальная организація охватила Европу, начиная съ Испаніи и кончая Россіей.

Но всемірная побѣда капитала вызываетъ противъ него всемірную же реакцію, въ формѣ могучаго интернаціональнаго движенія пролетаріата. Работники всѣхъ странъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проникаются сознаниемъ тѣсной солидарности, которая соединяетъ ихъ межъ собой черезъ моря, рѣки и горы. Они знаютъ, что человѣчество вовсе не разбито на отдѣльныя части или кантоны, изелюванныя другъ отъ друга, они это слишкомъ больно чувствуетъ на себѣ, когда, напримѣръ, перепроизводство въ Америкѣ вызываетъ кризисъ въ Австріи или Бельгіи. Они прекрасно замѣчаютъ, какъ время отъ времени, во избѣжаніе слишкомъ убыточной конкуренціи, крупные промышленники двухъ или нѣсколькихъ странъ вступаютъ непосредственно или дипломатическимъ путемъ въ переговоры о соглашеніи межъ собою. И такимъ образомъ новѣйшій характеръ современнаго рынка, національныя рамки котораго давнымъ давно разбиты и уничтожены, бросается имъ въ глаза прежде всего. Почему бы поэтому брюссельской конвенціи сахарозаводчиковъ, на которую приглашаются капиталисты почти всѣхъ крупныхъ государствъ, не

дать соответственнаго отпора въ рабочей средѣ большихъ и малыхъ государствъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ?

Пролетаріи повсюду живутъ въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Подобно тому, какъ русское фабричное производство напоминаетъ каждой своей чертой производство въ Испаніи или Италіи, рабочій металлургическаго завода въ Гессенѣ (Германія) могъ бы работать и на заводѣ Крезо во Франціи или Scraing'a—въ Бельгіи, почти не замѣчая разницы въ своемъ положеніи. Международная зависимость, установившаяся между націями, которыя являются теперь не болѣе, какъ частями одного цѣлага, создала мало-по-малу экономическое объединеніе всего міра. Развитіе производительныхъ силъ гораздо болѣе способствовало достиженію этихъ результатовъ, еще не получившихъ яснаго отраженія въ области морали, чѣмъ всѣ предсказанія наиболѣе великодушныхъ философовъ. И такимъ образомъ пролетаріатъ, нѣкогда раздробленный, разведенный, неуклонно собираетъ воедино свои разрозненные части.

X.

Борьба, которую ведетъ рабочій классъ противъ капиталистическаго строя, выражается въ двухъ различныхъ формахъ: съ одной стороны, рабочіе соединяются въ профессиональные союзы, устраиваютъ кооперативныя общества и общества взаимопомощи, съ другой стороны—они ведутъ политическую агитацию и стремятся увеличить число своихъ представителей въ парламентахъ.

Въ настоящее время насчитывается болѣе шести милліоновъ работниковъ обоаго пола, организованныхъ въ синдикаты, которые выступили почти повсюду, организовавъ въ однихъ странахъ подъ покровительствомъ законодательства, а въ другихъ—наперекоръ всякимъ препятствіямъ, которыя администрація старалась ставить ихъ распространенію. Цыфра шесть милліоновъ дана экономистомъ Жидомъ въ его докладѣ, уже цитированномъ нами выше, и, надо полагать, цыфра эта скорѣе ниже дѣйствительной. Въ одной только Англіи числится до 2-хъ милліоновъ организованныхъ рабочихъ; въ Сѣверной Америкѣ—ихъ насчитываютъ до 1.600.000; въ Германіи—до 1.000.000, во Франціи ихъ болѣе полутора милліона, и въ Даніи, которая, пропорціонально съ другими странами, занимаетъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто, ихъ имѣется болѣе 100.000.

Это гигантское движеніе, которое, собственно говоря, началось лишь недавно, но крайней мѣрѣ, въ большинствѣ государствъ,—развивается все болѣе и болѣе съ головокружительной быстротой. Можно, конечно, указывать на сравнительно незначительный процентъ лицъ, вступившихъ въ синдикаты, даже наиболѣе многочисленныхъ, какъ напр., въ горномъ дѣлѣ, въ текстильной, въ металлургической промышленности. Можно напоминать о томъ, что число организованныхъ рабочихъ составляетъ не болѣе, какъ треть или пятую часть общаго числа рабочихъ. Но справедливость требуетъ сопоставить и сличить

то, что мы видимъ теперь, съ тѣмъ, что было тридцать лѣтъ тому назадъ—и тогда контрастъ получается поразительный!

Синдикаты не замыкаютъ себя рамками собственнаго, изолированнаго отъ всего окружающаго существованія; они согласуютъ свои дѣйствія съ дѣйствіями другихъ синдикатовъ, принимая участіе то въ общихъ союзахъ, то выступая на «биржахъ труда», представляющихъ собой какъ бы первыя центры рабочихъ организацій, все болѣе и болѣе возрастающіе въ числѣ (во Франціи ихъ болѣе 80); наконецъ, синдикаты входятъ въ сношенія съ иностранными синдикатами и такимъ образомъ вкладываютъ реальное содержаніе въ идею интернаціональной солидарности пролетаріевъ.

Сила изъ матеріальнаго и духовнаго вліянія громадна; она все болѣе и болѣе возрастаетъ и теперь ужъ никѣмъ не оспаривается. Повсюду, гдѣ бы они ни выступали—для организаціи ли стачки, или при заключеніи дѣла по обоюдному соглашенію, они добиваются повышенія заработной платы и улучшенія общихъ условій труда. Всякаго рода подчиненныя имъ учрежденія, которыя они организуютъ вокругъ себя, разнаго рода лекціи, бібліотеки, товарищескія кассы и т. п. способствуютъ укрѣпленію боевой эвергіи рабочаго класса. Въ то же время профессиональная организація развиваетъ въ рабочемъ классѣ большую степень сознанія своей солидарности и своего достоинства и закаляетъ для будущаго его духовную мощь, выдвигая въ передніе ряды людей, наиболѣе достойныхъ и талантливыхъ; даже писатели, защищающіе буржуазный порядокъ, принуждены признать высокія качества англійскихъ трэдъ-юніоновъ.

Кооперація—по крайней мѣрѣ, потребительная кооперація—оказываетъ не меньшія услу и рабочему классу. Она не только является для него лишнимъ средствомъ объединенія, но тамъ, гдѣ она достигаетъ максимума своего распространенія—какъ наприимѣръ, въ Бельгіи, гдѣ 189 кооперативныхъ учреждений насчитываютъ около 90.000 членовъ и совершаютъ десятки милліоновъ сдѣлокъ—кооперація является главнымъ нервомъ соціалистической пропаганды, потому уже, что она снабжаетъ организацію деньгами, отсутствіе которыхъ такъ сильно даетъ себя чувствовать во Франціи, Италіи и другихъ странахъ, особенно наканувѣ избирательной кампаніи. Если бельгійская рабочая партія имѣетъ въ парламентѣ представителей, выдѣляющихся изъ общей массы, то она обязана этимъ успѣхомъ своимъ коопераціямъ, какъ Vooruit, Maison du Peuple, Progrès de Jolimont, жертвующимъ на афиши, брошюры и организаціи собраній большую часть своихъ доходовъ.

Итакъ, экономическую организацію пролетаріата ни въ коемъ случаѣ нельзя признать безсильной. Она—плодотворна по своимъ результатамъ, она необходима для рабочаго дѣла. Но, съ другой стороны, тѣ, которыхъ ослѣпляетъ ея значеніе, которые готовы все свести къ экономической организаціи пролетаріата и приписать ей первенствующую роль въ его освободительномъ движеніи, рискуютъ впасть въ очень опасныя заблужденія.

Коммуна 1871 года окончательно осудила прудонизмъ, но онъ возродился

вновь въ формѣ синдикализма, который консерваторы пытались использовать и приспособить къ своимъ цѣлямъ. Рабочихъ старались всячески убѣдить въ томъ, что они имѣютъ полную возможность безконечно улучшать свою судьбу, организуясь въ профессиональные союзы, коопераціи, общества взаимопомощи. На этой почвѣ Бернштейнъ встрѣтился съ публицистами, которые отнюдь не считаютъ себя, какъ онъ, приверженцами социализма, и, наоборотъ, нисколько не скрываютъ своего намѣренія бороться противъ него.

Нѣкоторые писатели-анархисты упрекали синдикаты и коопераціи въ томъ, что они какъ бы создали почву для возникновенія своего рода рабочей аристократіи и этимъ внесли расколъ въ ряды пролетаріата. Не подлежитъ сомнѣнію, что синдикаты выдвигаютъ цѣлую особую категорію выборныхъ лицъ, какими являются управляющіе, секретари, администраторы; не подлежитъ сомнѣнію и то, что въ союзахъ, въ биржахъ труда и т. д. принимаетъ участіе лишь меньшинство всѣхъ организованныхъ рабочихъ, и что это меньшинство вербуетъ, главнымъ образомъ, среди наименѣе обездоленныхъ членовъ рабочаго класса. Но принимая въ соображеніе, что въ профессиональной средѣ выполненіе тѣхъ или другихъ функций не назначается по произволу и не дается пожизненно, нетрудно понять, что это никоимъ образомъ не можетъ повести къ созданію особой касты правителей. Перемены и колебанія слишкомъ часты въ этой средѣ, чтобы подобная опасность могла казаться неизбежной. Что касается другой упрёка по адресу синдикатовъ, то онъ, главнымъ образомъ, былъ внушенъ изученіемъ американскихъ трэдъ-юніоновъ, которые проводятъ различіе между квалифицированнымъ трудомъ и неквалифицированнымъ. Но, въ сущности, рабочіе сами должны слѣдить за предупрежденіемъ подобныхъ явленій, имъ однимъ принадлежитъ право надзора, и они должны уничтожать всякаго рода исключительныя положенія и преимущества, стараясь вербовать какъ можно большее число членовъ въ свои синдикаты. Ни въ какомъ случаѣ размѣръ членскаго взноса не долженъ служить основаніемъ для исключенія кого бы то ни было.

Съ гораздо болѣе рѣзкой и болѣе обоснованной критикой слѣдовало бы выступить противъ синдикатовъ и кооперативныхъ обществъ, если бы они дѣйствительно стали претендовать на разрѣшеніе социальнаго вопроса. Мы уже указали, въ чемъ ихъ назначеніе: цѣль ихъ—упрочивать взаимную связь между пролетаріями и готовить ихъ къ борьбѣ; но и синдикаты и коопераціи остаются одинаково бессильными передъ задачей кореннаго преобразованія общества и сверженія гнета капитализма, ибо они создаются и развиваются въ рамкахъ самого существующаго строя. Они могутъ заключать въ себѣ значительное большинство или даже цѣликомъ состоятъ изъ гражданъ, стоящихъ за коренное измѣненіе современнаго способа присвоенія; но сами собой, своими собственными силами, они не въ состояніи добиться того, чтобы частная собственность стала общественной, или чтобы всякаго рода машины были переданы въ руки коллективнаго цѣлаго. Подобная революція будетъ возможна лишь въ силу захвата политической власти, и вотъ почему остаются въ силѣ

положенія Маркса и Энгельса, а также и всѣхъ рабочихъ партій Старого и Нового Свѣта, относительно того, что политическая организація пролетаріата должна стоять выше его экономической организаціи.

XI.

Вотъ уже болѣе четверти вѣка, какъ рабочій классъ борется за завоеваніе депутатскихъ мѣстъ въ парламентахъ. Онъ успѣлъ въ Германіи, Франціи, Бельгіи, Италіи, захватить въ свои руки извѣстное число избирательныхъ округовъ и избрать депутатовъ, на когорыхъ возложена обязанность защищать исключительно его интересы. Обыкновенно кандидаты выступаютъ съ вполне опредѣленными программами, которыя обязательно включаютъ въ себя принципиальныя положенія, принятыя на интернаціональныхъ конгрессахъ. Избранные представителями своей партіи, они обыкновенно составляютъ особую классовую фракцію, стоящую отдѣльно отъ всѣхъ другихъ парламентскихъ группъ.

Парламентаризмъ или, вѣрнѣе, парламентская дѣятельность, наряду съ несомнѣнными преимуществами, представляетъ и нѣкоторыя опасности, на которыя неоднократно и не безъ основанія указывали анархисты. Въ палатахъ депутатовъ создается спеціальная атмосфера, въ которой процвѣтаетъ торгашество всякаго рода, гдѣ мѣстные интересы борются противъ интересовъ общаго характера, гдѣ самая строгая честность можетъ быть поколеблена въ этой тинѣ повседневныхъ дрызгъ и интригъ. Опасность особенно грозитъ депутату—соціалисту въ виду того, что буржуазныя партіи всегда ищутъ случая присоединиться къ могущественной въ моральномъ и матеріальномъ отношеніяхъ партіи работниковъ. Современные правительства обладаютъ многочисленными средствами для того, чтобы путемъ подкупа вліять на выборы и продолжать всякаго рода пренятствія.

Въ парламентской средѣ честность представителей рабочей партіи подвергается, такимъ образомъ, каждый день самымъ тяжелымъ испытаніямъ, а между тѣмъ, на нихъ возлагаютъ свои надежды миллионы обездоленныхъ. Стоить имъ войти въ какую нибудь сомнительную сдѣлку—и всей будущности социализма будетъ нанесенъ серьезный ударъ, отъ котораго онъ долгое время не сможетъ оправиться. Стоить какому нибудь министру или цѣлому министерству заручиться постоянной поддержкой представителей коллективизма или коммунизма,—какъ этому министерству представляется полная возможность дискредитировать своихъ помощниковъ, какъ бы искренни ни были ихъ вѣрвенія, и въ то же время убить въ массѣ всякое довѣріе къ легальной агитаціи. Никогда національные совѣты партій и вся масса пролетаріевъ не смогутъ установить достаточно строгаго контроля надъ каждымъ голосованіемъ и каждымъ дѣйствіемъ делегатовъ въ ихъ законодательной

работѣ; никогда сами делегаты не смогутъ достаточно бережно охранить себя отъ всякаго козпей и компромиссовъ.

Если пролетаріатъ дѣйствительно расчитываетъ захватить въ свои руки политическую власть, дѣйствуя быстрымъ натискомъ, то онъ долженъ отказаться отъ всякаго соприкосновенія съ элементами буржуазіи. Антагонизмъ классовъ не замѣнится сотрудничествомъ классовъ, ибо это сотрудничество уже показало себѣ цѣну въ 1848 году, въ періодъ между февральской революціей и іюньскими днями. Если Бернштейнъ подвергся такимъ сильнымъ нападкамъ со стороны критики, то потому лишь, что онъ покушался подорвать одну изъ основъ интернаціональной доктрины, предлагая социализму отказаться отъ систематической борьбы противъ либеральныхъ движеній буржуазіи. Нѣкоторые пытались различать среди господствующаго класса различные элементы и счатали, что необходимо войти въ соглашеніе съ наиболѣе передовыми изъ нихъ, съ тѣми, которые выставляютъ въ числѣ своихъ требованій—введеніе подоходнаго налога и свѣтскаго преподаванія. Отсюда до участія социалистовъ въ центральномъ правительствѣ или, что то же, до прикрѣпленія ихъ къ капиталистическому порядку—одинъ только шагъ. И дѣйствительно, начало XX столѣтія явило намъ удивительное зрѣлище участія коллективистовъ въ голосованіи противъ коллективизма, или, что еще лучше, въ поддержкѣ бюджета исповѣданій, и, наконецъ, въ торжественномъ приѣмѣ, отъ имени французскаго государства, европейскаго деспота. Германія создала теорію, которую Франція примѣняла на практикѣ.

Социализмъ, безспорно, имѣетъ своей задачей защиту свободы и равенства гражданъ каждый разъ, когда имъ угрожаетъ опасность со стороны соединенныхъ силъ реакціи. Если при извѣстныхъ обстоятельствахъ, когда придется вести борьбу, какъ, напримѣръ, во французской палатѣ,—противъ опасныхъ диктаторскихъ попытокъ или въ германскомъ рейхстагѣ—противъ аграріевъ, въ Италіи—противъ ненависти ко всему французскому, въ Брюсселѣ—противъ мракобѣсія католичества, если во всѣхъ такихъ случаяхъ бюллетени пролетарскихъ депутатовъ смѣшиваются съ бюллетенями либераловъ или радикаловъ, то въ этомъ надо видѣть лишь чисто-временное явленіе, результатъ чисто-случайнаго соглашенія. Но соглашеніе продолжительное было бы преступленіемъ, ибо оно можетъ быть основано только на недоразумѣніи и сводится только къ обману. Какъ справедливо указалъ Каутскій, объединеніе демократическихъ фракцій, въ которомъ социализмъ принимаетъ офиціальное участіе, всегда ведетъ лишь къ большому укрѣпленію капиталистическихъ основъ, какими бы вышними формами это объединеніе ни прикрывало себя.

Въ противоположность взглядамъ Бернштейна, коллективистская доктрина исключаетъ какой бы то ни было либерализмъ, потому что она ведетъ къ сохраненію существующаго хозяйственнаго строя, тогда какъ коллективизмъ вступая въ самую рѣшительную борьбу съ современными условіями производства. Если рабочій классъ посылаетъ въ палаты своихъ

уполномоченныхъ, то не за тѣмъ, чтобы они вступили въ союзъ со своими противниками и этимъ упрочили бы ихъ позицію, а за тѣмъ, чтобы на каждомъ шагѣ они призывали къ необходимости кореннаго преобразованія общества и къ все большей организаціи массы наемныхъ рабочихъ.

Если какая нибудь буржуазная фракція, въ порывѣ ли самоотреченія, или въ виду болѣе яснаго проникновенія въ судьбы будущаго или, наконецъ, вслѣдствіе слишкомъ явнаго пониманія всей непрочности современнаго порядка вещей, захочетъ перейти на сторону пролетаріата, то онъ готовъ будетъ принять ее, какъ принималъ не разъ въ свою среду отдѣльныхъ лицъ или группы лицъ, предпочитавшихъ сократить время перехода къ новому строю. Во всѣ выдающіеся моменты исторіи, въ исторіи грековъ, римлянъ, наканунѣ революціи 1789 г., бывали подобные примѣры личныхъ или групповыхъ переходовъ, которые вносили внезапное разстройство въ ряды правящихъ классовъ. И всегда они служили явнымъ симптомомъ приближенія грядущаго строя.

ХII.

Въ наше время принято за обыкновеніе противопоставлять другъ другу социализмъ реформистскій и социализмъ революціонный. На самомъ дѣлѣ, никакого реформистскаго социализма не можетъ быть, ибо по своей сущности и по самому своему опредѣленію социализмъ всегда революціонеръ. Эпитетъ «революціонный» не означаетъ, что пролетаріатъ долженъ достигнуть своихъ конечныхъ цѣлей непременно посредствомъ насилія и кроваваго переворота; это слово означаетъ лишь, что коммунизмъ добывается глубокаго и всеобъемлющаго преобразованія системы собственности, являющейся основой всего режима, а также, что рабочій классъ добывается полнаго захвата политической власти.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ во всѣхъ государствахъ Стараго и Новаго Свѣта, какъ республиканскихъ, такъ и монархическихъ, правительства успѣли создать цѣлую систему регламентаціи труда и ввели, въ томъ или другомъ видѣ, системы страхованія рабочихъ. Эти новые законы, ставящіе государство въ нѣкоторую зависимость отъ фабричной демократіи, нигдѣ не являлись результатомъ абстрактнаго или сантиментальнаго пониманія идей справедливости и человѣческой солидарности. Въ Германіи и Австріи они пытались дать отпоръ социализму, обѣщая массамъ соблазнительную защиту сверху; во Франціи, Бельгіи, Италіи, они были созданы подъ давленіемъ социализма. Сознательному и организованному пролетаріату нѣтъ никакого основанія отказываться отъ этихъ мѣропріятій, ведущихъ къ ограниченію рабочаго дня, къ созданію лучшихъ гигиеническихъ условій или къ обезпеченію куска хлѣба на время старости, какъ бы ничтожна ни была присуждаемая ему рента.

Каждый разъ, когда какой нибудь канцлеръ или министръ предлагалъ на

обсужденіе проектъ рабочаго законодательства, депутаты-соціалисты старались какъ можно болѣе расширить его рамки, и, когда имъ это не удавалось, они все же вотировали за проектъ, чтобы нанести этимъ поражение своимъ противникамъ, т. е. аграріямъ или представителямъ крупной промышленности. Всякая реформа, ведущая къ улучшенію общихъ условій труда, увеличиваетъ боевую энергію пролетаріата. Въ странахъ, гдѣ пролетаріатъ наиболѣе подавленъ, какъ, напримѣръ, въ Россіи и въ Испаніи, онъ менѣе энергично ведетъ свою борьбу съ существующимъ строемъ. Онъ можетъ, конечно, внезапно подняться подъ давленіемъ своей нищеты, устроить бунтъ, въ порывѣ голоднаго отчаянія, но вслѣдъ за тѣмъ онъ впадаетъ въ прѣжнее рабское состояніе, не будучи способнымъ вести сознательную, планомерную борьбу.

Такимъ образомъ, соціалистическая партія стоитъ за всякаго рода реформы; мало того, она ихъ сама проводитъ, и фактически дѣло всегда обстоитъ такъ, что, если бы не ея постоянно угрожающее присутствіе, то рабочее законодательство не двигалось бы съ мѣста или не существовало бы вовсе.

Но она совершила бы непоправимую ошибку, если бы рассчитывала путемъ частичныхъ реформъ добиться полного экономическаго освобожденія пролетаріата.

Что бы тамъ ни говорилъ Бернштейнъ, его утвержденіе—«движеніе—это все»—неправильно. Какъ бы интенсивно оно ни было, оно не можетъ заслонить собой вопроса о конечной цѣли.

XIII.

Тутъ не мѣсто разсматривать вопросъ о цѣлесообразности всеобщей стачки. Въ принципѣ нельзя ее ни одобрять, ни осуждать; она представляетъ опасность, если, въ виду недостаточной предварительной подготовки и неумѣлой организаціи, она принимаетъ форму буйныхъ и безцѣльныхъ беспорядковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она является однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ орудій, предоставленныхъ промышленнымъ развитіемъ въ руки рабочихъ. Заимчательнъ тотъ фактъ, что публицисты середины прошлаго вѣка никогда въ своихъ писаніяхъ не разсматривали вопроса о совмѣстномъ прекращеніи работы милліонами людей, останавливающими всякую дѣятельность и парализующими нормальное теченіе національной и интернаціональной жизни государства. Это объясняется, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что понятіе всеобщей стачки можетъ отвѣчать лишь высокой степени экономическаго развитія, характеризуемого усиленной концентраціей капиталовъ и рѣзко опредѣлившимся классовымъ самосознаніемъ.

Явленія эти съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развиваются въ Западной Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Когда они постепенно вытѣснятъ собой всѣ другія, противоположныя имъ черты, пока еще уживающіяся рядомъ съ ними, то организованныя прекращенія работъ и остановка машинъ во всѣхъ

большихъ и малыхъ центрахъ явятся сами собой, логическимъ слѣдствіемъ происшедшихъ измѣненій въ области экономическихъ отношеній.

XIV.

Какимъ образомъ пролетаріатъ овладѣетъ государственной властью, и въ чемъ должны будутъ заключаться первые шаги его дѣятельности? Это для насъ еще не такъ существенно. Въ свое время Кабэ, какъ теперь Деливьеръ, пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ спустя, пытался начертать пролетаріату программу его ближайшихъ дѣйствій. Для того чтобы пускаться въ предвидѣнія подобнаго рода, нужно было бы знать, какую борьбу ему придется выдержать, какую поддержку, какія уступки или, напротивъ, какую ярую оппозицію онъ встрѣтитъ.

Единственное, что можно предусмотрѣть, это то, что первымъ и самымъ важнымъ его декретомъ, тѣмъ, безъ котораго всѣ остальные были бы заранѣе сведены къ нулю, явится социализація орудій производства.

Но въ то же время пролетаріи удивятъ міръ своей гуманностью. Они докажутъ, что борются не затѣмъ только, чтобы на мѣсто одного класса поставить у власти другой, но затѣмъ, чтобы положить конецъ и всякаго рода классовымъ различіямъ, всякой оппозиціи, всякой социальной ненависти, которая поддерживалась и обострялась лишь капитализмомъ.

XV.

Маркса и Энгельса упрекали въ томъ, что они ошиблись въ предсказаніи момента наступленія коммунистическаго строя.

По этому поводу очень снисходительно разсуждаетъ въ своей книгѣ Берштейнъ. Но самъ онъ дѣлаетъ болѣе существенную и по своимъ послѣдствіямъ болѣе заслуживающую осужденія ошибку, когда совершенно произвольно увеличиваетъ силу сопротивленія господствующаго класса.

Совершенно вѣрно, что пролетаріатъ раздѣленъ на части, изъ которыхъ одна сознательна и организована, а другая еще невѣжественна и аморфна. Но первая съ каждымъ днемъ все увеличивается на счетъ другой, и именно это-то увеличеніе сознательной его части и составляетъ главную задачу политической и экономической пропаганды социализма.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Бабефъ и его школа	9
«Манифестъ Равныхъ»	11
Севъ-симонистская школа	18
Фурье	31
Консидеранъ	48
Пьеръ Леру	55
Луи-Вланъ	58
Франсуа Видалъ	75
Пеккеръ	84
Кабэ	95
Прудонъ	102
Вланки	120
Коммунистическій манифестъ	127
Международное общество рабочихъ и Коммуна	131
Рабочая партія	134
Интеграллисты	144
Государство будущаго	152
Критика и заключенія	159

Ф. Юри
Книгоиздательство „МОЛОТЪ“

Поль Луи.

*Исторія социализма
во Франціи.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія „Энергія“, Загородный, 17.

1906.

I.

XVIII вѣкъ и собственность.

Историческій обзоръ социализма не можетъ обойти молчаніемъ XVIII вѣкъ. Хотя пролетаріатъ представляетъ собою явленіе совершенно новое, хотя рабочій 1789 г. не можетъ ни съ какой точки зрѣнія сравняться съ рабочимъ 1848 или 1900 г., хотя, съ другой стороны, общія условія, облегчившія распространеніе коллективистскихъ идей, появились только вмѣстѣ съ крупной промышленностью, т. е. около 1820 или 1830 г., — мы все-таки не считаемъ возможнымъ начать настоящей обзоръ лишь съ Ліонскаго возстанія 1831 г. Необходимая для распространенія коллективистскихъ идей среда: прогрессивная концентрація капитала, послѣдовательная экспроприация среднихъ и мелкихъ собственниковъ земли и орудій производства — все это отсутствовало еще въ 1796 г. Но это не помѣшало Бабефу (Babeuf) выпустить „Манифестъ Равныхъ“, который, въ нѣкоторомъ родѣ, является первымъ эталомъ современнаго социализма. Тогдашній коммунизмъ черпалъ, такимъ образомъ, свои основанія не въ экономической эволюціи общества, которое еще медленно преобразовывалось, а въ идеалистическихъ соображеніяхъ справедливости и социальнаго равенства. Основанія этой новой для XVIII вѣка доктрины мы встрѣтили и у писателей, теорій которыхъ мы вкратцѣ изложимъ. Заговоръ 1796 г. остался бы почти непонятнымъ, если бы мы не захотѣли заглянуть въ исторію предшествовавшей ему эпохи.

XVIII вѣкъ приковываетъ къ себѣ наше вниманіе съ трехъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, онъ все критиковалъ, подвергая испытанію разума, ставшаго властнымъ господиномъ, всѣ тѣ начала и формы, безграничное господство которыхъ никѣмъ не подрывалось, какъ имѣющихъ естественное или божественное происхожденіе. Неограниченная верховная власть, чрезмѣрное господство дворянства, привилегіи и власть духовенства, католическая догма,—все это было подвергнуто самому тщательному анализу. Публицисты этой эпохи дали намъ всѣ оружія противъ деспотизма, противъ олигархіи, противъ бессмысленности откровеній, противъ религіозной нетерпимости. Мы не могли бы прибавить ничего новаго къ тѣмъ аргументамъ, которые эти писатели формулировали противъ отжившей уже политической системы и вѣрованій. Задача эта была ими выполнена въ совершенствѣ. Но было бы ошибочно думать, что энциклопедисты и ихъ современники могли сузить свою задачу ограничить свои нападки одной или двумя формами общественной жизни: натискъ неизбѣжно долженъ былъ быть общимъ, и послѣ того, какъ брешь была пробита въ одномъ мѣстѣ, онъ долженъ былъ быть направленъ на другое. Послѣ проблемъ династической и католической, вниманіе, по необходимости, должно было быть обращено на социальную проблему, а съ послѣдней тѣсно и неразрывно связана проблема экономическая.

Низвергнувъ принципъ королевской власти, разрушивъ догму, философы очутились лицомъ къ лицу съ дворянской іерархіей. Могли ли они воздержаться отъ того, чтобы не разбирать ея и не открыть ея тѣсной связи съ монархическимъ абсолютизмомъ и съ господствомъ духовенства? Если разумъ не могъ мириться съ принципомъ неограниченной власти какого-нибудь Людовика XIV или Людовика XV, ни съ безпрекословнымъ повиновеніемъ религіи, основанной на отрицаніи здраваго смысла и науки, то какъ могъ онъ оправдывать

образованіе олигархіи среди народа, подчиненіе миллионъ буржуа, крестьянъ и рабочихъ нѣсколькимъ тысячамъ куртизановъ, сосредоточенныхъ въ Версалѣ или же разсыянныхъ по своимъ землямъ? Согласно ли съ естественнымъ правомъ, чтобы узко ограниченная каста господствовала надъ многочисленнымъ народомъ? И такъ какъ отвѣтъ могъ быть только одинъ, а именно, что и здѣсь необходимо разрушить существующее, то отсюда, въ силу самой элементарной логики, вытекала необходимость разсмотрѣть самыя условія соціального правопорядка. Пришлось натолкнуться на принципъ собственности. Было обнаружено, что дворянство обязано своей живучестью созданной имъ зависимости крѣпостного отъ крупнаго землевладѣльца; что безъ фискальныхъ правъ, которыя оно себѣ присвоило, дворянство не имѣло бы никакого значенія, что, въ послѣднемъ счетѣ, его положеніе въ государствѣ основывается на его экономическомъ положеніи. Такимъ образомъ, открывалась критика сложной и крайне запутанной феодальной собственности. Вотъ почему XVIII вѣкъ, являющійся великой эпохой философовъ, былъ также великой эпохой экономистовъ. Д. Аржансонъ, Кенэй, маркизъ Мирабо, Тюрго и Неккеръ дополняютъ работу, начатую Монтескье, Руссо, Вольтеромъ, Дидро, Гольбахомъ, Гельвеціемъ.

Во-вторыхъ, если не бросить хотя бы поверхностнаго взгляда на сочиненія этого вѣка, то невозможно будетъ понять движеніе крестьянской демократіи за послѣднія сто лѣтъ. Укоренившееся въ крестьянинѣ 1789 г. желаніе добиться свободнаго отъ налоговъ и находящагося въ его полномъ распоряженіи клочка земли, страстное стремленіе къ „парцеллярной“ собственности, которое въ 1848 г., и еще долгое время потомъ, господствовало надъ всѣми политическими и соціальными чаяніями деревни,— все это беретъ свое начало отъ эпохи энциклопедистовъ. Приходится отыскивать корни этихъ желаній и стрем-

лений, потому что, въ противномъ случаѣ, трудно будетъ понять и самую Революцію, которая въ началѣ была скорѣе дѣломъ рукъ крестьянъ, чѣмъ городскихъ рабочихъ. Она вытекаетъ изъ теорій, господствовавшихъ въ теченіе предшествовавшихъ ей пятидесяти лѣтъ, теорій, которыя въ 1750 г. считали такими же разрушительными, какими наши современники считаютъ коллективистскую доктрину.

Въ-третьихъ, XVIII вѣкъ представляетъ собою интересъ еще въ слѣдующемъ отношеніи. Мы тамъ находимъ первые споры, которые приводятъ къ коммунистическимъ выводамъ, первыя раціональныя и обоснованныя осужденія личнаго способа присвоенія, его сопоставленіе съ „естественнымъ правомъ“ и съ идеей справедливости. Нѣкоторыя слова, пользовавшіяся въ 1848 г. большой популярностью и содѣйствовавшія тогдашнему возбужденію умовъ, являются только выводомъ или повтореніемъ положеній конца XVIII вѣка. Промышленная эволюція, явившаяся слѣдствіемъ развитія машиннаго производства, могла подкрѣпить точными и вѣскими аргументами коммунистическую діалектику; но она не создала коммунизма, и одно констатированіе этого факта имѣетъ свое значеніе. Оно, конечно, не ослабляетъ матеріалистическаго міровоззрѣнія, но этого достаточно, чтобы показать, что социализмъ не обусловливается исключительно измѣненіемъ способовъ производства, что онъ только въ этомъ измѣненіи нашелъ себѣ подкрѣпленіе и благопріятствующія его развитію условія, и что онъ также вполне вытекаетъ изъ чисто отвлеченныхъ теорій, изъ философскихъ понятій о справедливости и о социальномъ равенствѣ. Такимъ образомъ, идеологія въ обоснованной своей части должна, по необходимости, и при свѣтѣ самихъ историческихъ фактовъ согласоваться съ матеріализмомъ. Послѣдній какъ бы служитъ оправданіемъ первой, являющейся только чѣмъ-то вродѣ созерцанія и предвосхищенія.

II. Восемнадцатый вѣкъ, въ противоположность девятнадцатому, заботится больше о крестьянинѣ, чѣмъ о рабочемъ. Писатели, начиная съ Ла Брюэра (La Bruyère), у котораго мы находимъ удивительныя изреченія, касающіяся условій существованія крестьянъ, проявляютъ несравненно больше состраданія и трогательной симпатіи по отношенію къ первому, чѣмъ ко второму. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: самыя измѣненія, происшедшія за послѣднія 70 или 80 лѣтъ въ способѣ производства, въ широкой мѣрѣ объясняютъ эту разницу въ оцѣнкѣ. Точно такъ же, какъ городской ремесленникъ при Іюльской Монархіи, Второй Имперіи или Третьей Республікѣ, — сельскохозяиственный батракъ, арендаторъ, крѣпостной, словомъ, всѣ тѣ, кто пытался жить землею, были до 1789 г. самыми угнетаемыми слоями населенія. Теперь бѣшенная конкуренція приводитъ къ многочисленнымъ застоямъ, крахамъ и закрытію фабрикъ; тогда крѣпостной, каковы бы ни были его договорныя отношенія съ сеньоромъ (феодаломъ), неминуемо долженъ былъ голодать. Пауперизмъ былъ тогда распространенъ въ деревняхъ точно такъ же, какъ онъ теперь господствуетъ въ нашихъ большихъ городахъ. Послѣ того, какъ феодалъ-дворянинъ отбиралъ свой оброкъ, духовенство — свою десятину, а фискъ — свои налоги, несчастный крестьянинъ оказывался совершенно нищимъ. Взаимная порука оброчныхъ была, къ тому же, самой ужасной язвой стараго строя, и никогда этотъ бичъ не давалъ себя чувствовать въ полной силѣ городскимъ работникамъ.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ между графомъ или барономъ и простолюдиномъ, деревенскимъ плебеємъ, существовало такое же разстояніе, такая же пропасть, какъ въ девятнадцатомъ — между крупнымъ фабрикантомъ и его наемнымъ рабочимъ. Напротивъ, рабочій предшествовавшаго революціи періода, за очень рѣдкими исключеніями, жилъ въ почти одинаковыхъ условіяхъ

со своимъ хозяиномъ: онъ рядомъ съ нимъ исполнять свою работу, зналъ его, ѣлъ за его столомъ, видѣлъ, во всякомъ случаѣ, какъ тотъ работалъ своими собственными руками. Здѣсь классовое или кастовое различіе было незначительно или его совсѣмъ не существовало. Третье сословіе—съ одной стороны, то же третье сословіе — съ другой. Въ деревнѣ феодалъ являлся владѣльцемъ земель, которыхъ онъ не зналъ, куда онъ никогда не пріѣзжалъ, владѣльцемъ, живущимъ за сотни верстъ отъ своей собственности и ограничивавшимся тѣмъ, что въ установленные сроки онъ посылалъ своего сборщика собирать оброкъ.

Мы далеки отъ того, чтобы думать, что городской рабочій былъ особенно счастливъ! Ему тоже приходилось испытывать тяготы фиска, платить налоги за дворянство и духовенство, которыя ничего не платили, бороться противъ мастера, естественнымъ образомъ старавшагося платить ему возможно меньше. Не Лассаль первый формулировалъ „железный законъ“. При старомъ режимѣ стачки вспыхивали гораздо чаще, чѣмъ можно было бы предполагать, несмотря на то, что онѣ разсматривались, какъ преступленія или проступки, въ зависимости отъ произвола мѣстныхъ судей, и строго подавлялись властями. Исторія сохранила воспоминаніе о нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно важныхъ и даже драматическихъ. Таковы: стачки парижскихъ кузнецовъ и шапочниковъ въ 1697 г.; чулочниковъ—въ 1793 г.; рабочихъ шелкового производства—въ 1744 и 1752 гг.; кузнецовъ С.-Этьена—въ 1752 г.; руэнскихъ суконщиковъ—въ 1736 г., 1744 и 1772 гг.; нѣмецкихъ суконщиковъ—въ 1787 г.; аміенскихъ—въ 1772 г.; дофинскихъ рабочихъ бумажнаго производства—въ 1724 г. и парижскихъ—въ 1783 г.; стачки парижскихъ портныхъ, сапожниковъ, плотниковъ и типографовъ—въ 1783 г.—незадолго до созыва Генеральныхъ Штатовъ. Но нѣтъ никакого сравненія между страданіями тогдашнихъ рабочихъ и страданіями крестьянъ.

Цеховая организація, несмотря на всю свою стѣснительность, оказывала большія услуги, по крайней мѣрѣ, своимъ членамъ. Затѣмъ мелкая промышленность не порождала той ужасающей неизбежной нищеты, которая является слѣдствіемъ крупной промышленности. Наконецъ, первая не отличается той ужасной эксплуатаціей человѣка человѣкомъ, которая является характерной для второй.

Слѣдуетъ прибавить, что старая Франція была въ гораздо большей степени страной сельско-хозяйственной, чѣмъ промышленной, и что, несмотря на значительное развитіе внѣшней торговли (въ 1789 г. она превышала миллиардъ фр.), главными источниками доходовъ для нея являлись земледѣліе и скотоводство. Крестьянинъ былъ, слѣдовательно, главнымъ колесомъ экономической машины. Онъ тѣмъ болѣе заслуживалъ вниманія, что, если бы онъ вздумалъ перестать сѣять, сажать, косить, жать, страна очень скоро впала бы въ нищету. Вслѣдствіе трудности перевозки, государства этой эпохи вынуждены были заниматься сельскимъ хозяйствомъ, чтобы самимъ производить необходимыя средства существованія, такъ какъ привозъ иностранныхъ хлѣба и скота нельзя было считать обезпеченнымъ. Францію Людовика XV'I-го больше всего напоминаютъ Россія при Николаѣ I и Пруссія начала XIX вѣка. Земледѣліе занимало первое мѣсто; прядильное, ткацкое, чугунно-плавильное, кожевенное и всѣ другія производства, содѣйствовавшія впослѣдствіи увеличенію общественныхъ богатствъ, а въ особенности— развитію нѣкоторыхъ частныхъ богатствъ, находились еще на низкой ступени развитія. Тогдашніе философы и экономисты, посвятивъ свое вниманіе изученію положенія земледѣльческаго класса, поддавались, такимъ образомъ, вполне естественному влеченію, какъ это происходитъ и съ экономистами нашего времени, посвящающими себя изученію положенія рабочей демократіи.

Но особенное вниманіе современниковъ Руссо и Воль-

тера привлекаетъ къ себѣ ужасный кризисъ, который переживали земледѣліе и скотоводство къ концу царствованія Людовика XV и въ царствованіе Людовика XVI. Этотъ кризисъ отразился, конечно, какъ всякое экономическое бѣдствіе, на всей совокупности населенія, но больше и раньше всѣхъ отъ него пострадали крѣпостные. Количество земли подѣ паромъ увеличилось съ невѣроятной быстротой. Во время путешествія Юнговъ 1787—1788 гг. оно достигло почти половины всей пахотной земли во Франціи. Обнищавшіе земледѣльцы оставляли свои избытки, покидали свои поля и направлялись въ большіе города, пользовавшіеся славой житницъ изобилія. Арендная плата, по нѣкоторымъ вычисленіямъ, уменьшилась со времени Людовика XIV на $\frac{2}{3}$. Это бѣгство изъ деревень, это бѣдственное положеніе земледѣлія, ставшаго все менѣе и менѣе производительнымъ, вызывалось притѣсненіями дворянства и духовенства, а больше всего—условіями, которыя ставили арендаторамъ сельскіе предприниматели (нѣчто вродѣ посредниковъ, арендовавшихъ большіе земельные участки, которые они сдавали въ аренду мелкими частями). Это крайне непрочное положеніе крестьянина объясняетъ совершенно небывалое состраданіе, которое обнаруживали по отношенію къ нему философы изъ среды аристократіи и крупной буржуазіи. Это даетъ намъ также возможность найти происхожденіе нападокъ на феодальную собственность, а также понять стремленія, которыя при Людовикѣ XV обрисовываются въ земледѣльческомъ классѣ.

III. Помимо этого, было вполне естественно, чтобы XVIII вѣкъ, критикуя институтъ собственности, направлялъ всю силу анализа и споровъ на земельную собственность. Послѣдняя представляла собою единственную извѣстную, распространенную, надѣленную властью форму собственности. Промышленный доходъ былъ ничтоженъ; торговые доходы составляли незначительную часть всей суммы національныхъ доходовъ; большая

часть богатствъ получалась отъ обработки земли, и даже въ годы сельско-хозяйственнаго кризиса доходность земли превышала доходность другихъ отраслей промышленности. Кромѣ того, такъ какъ дворянство не могло заниматься торговлей, не теряя при этомъ своихъ правъ, и къ тому же не имѣло никакого желанія работать, живя доходами со своихъ наслѣдственныхъ земель; такъ какъ оно являлось господствующей кастой—что, вполне естественно, должно было побудить писателей изслѣдовать причины этого господства, то этимъ объясняется, почему всѣ они обратили вниманіе на земельную собственность.

Монтескье, Руссо точно такъ же, какъ и коммунисты, главнымъ образомъ, изслѣдовали способъ присоединенія земли и связанная съ ними юридическія формы. Движимый капиталъ имѣлъ въ ихъ глазахъ лишь ничтожное значеніе. Накапунѣ Революціи можно, правда, найти очень рѣзкія діатрибы противъ финансовой аристократіи, которая, благодаря спекуляціямъ министровъ Людовика XVI, начинаетъ играть важную роль; но, когда писатели этого періода спорятъ и толкуютъ о происхожденіи собственности, они имѣютъ въ виду недвижимую собственность. Политическое и социальное устройство Франціи XVIII вѣка, такъ близко соприкасающееся съ устройствомъ средневѣковымъ, и которое резюмировалось латинской формулой: нѣтъ сеньора безъ земли, другими словами: нѣтъ власти безъ земельной собственности,—оправдываетъ эту quasi-исключительность экономическихъ выводовъ. Слѣдуетъ, вдобавокъ, замѣтить, что даже въ теченіе XIX вѣка въ тѣхъ новыхъ странахъ, гдѣ сельское хозяйство составляло источникъ всякаго накопленія богатствъ, социалисты направляли главные свои нападки противъ земельной собственности. Достаточно указать въ видѣ примѣра на Анри Жоржа (Henri Georges) и на русскихъ народниковъ временъ Николая I и Александра II. Во Франціи Сэнъ-Симонъ и Фурье

являются первыми писателями, сознавшими необходимость поставить движимыя богатства на одну доску съ недвижимыми; но великій натискъ противъ промышленнаго капитализма начался только около 1840 г., т. е. послѣ того, какъ промышленный капиталъ окончательно побѣдилъ аграрную аристократію.

IV. Критика собственности имѣла при Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI гораздо меньшее вліяніе на массу, чѣмъ критика абсолютной монархіи и могущества духовенства. Политическій либерализмъ и вѣротерпимость интересовали просвѣщенную часть третьяго сословія гораздо больше, чѣмъ вопросы чисто экономическаго характера. Споры объ англійской конституціи, о нелѣпости такъ называемыхъ догматовъ откровенія, объ инквизиціи и капитализмѣ, объ интригахъ іезуитовъ, о гражданскомъ безправіи гугенотовъ и евреевъ, о подлости куртизановъ, объ отжившихъ прерогативахъ феодальнаго дворянства, о варварствѣ уголовныхъ наказаній,— всѣ эти вопросы поглощали почти все вниманіе смѣнлившихъ другъ друга поколѣній за періодъ времени отъ 1740 до 1789 гг. Помимо этихъ вопросовъ, еще два другихъ вопроса имѣли, повидимому, нѣкоторое значеніе, но только для цвѣта общества: это вопросъ о свободѣ хлѣбной торговли и фискальный вопросъ. Періодическій неурожай, сконцентрированіе огромныхъ запасовъ хлѣба въ рукахъ барышниковъ, спекулировавшихъ на „голодные цѣны“ (*pacte de famine*), а также безпрестанное увеличеніе налоговъ, выдвигали эти вопросы и придавали имъ злободневный интересъ. Собственность, несмотря на направленную противъ нея критику, и несмотря на глухую ненависть къ ней, таившуюся въ сердцахъ угнетаемой крестьянской массы, не была еще, какъ три четверти вѣка спустя, предметомъ размышленій горожанъ. Новыя идеи, а еще больше иппцета преобразовывали крестьянъ, незамѣтно открывали въ деревняхъ дорогу для крупныхъ измѣненій. Нападки на земельную

собственность далеко не такъ занимали умы при дворѣ и въ городѣ, какъ памфлеты противъ „безчестнаго“ (такъ называли Людовика XVI) или противъ смѣшного дворянства. Это была раньше всего эпоха антиклерикализма и отрицанія всякаго авторитета, и ничто не пользовалось такимъ успѣхомъ, какъ сатиры на іезуитовъ или эпиграммы противъ перваго министра.

Чтобы не оставить ничего невыясненнымъ, слѣдуетъ, наконецъ, сказать, что у пользовавшихся популярностью писателей до-революціоннаго періода вопросъ о законности и о происхожденіи „естественнаго права“ занимаетъ случайное и побочное мѣсто. Даже тогда, когда они этотъ вопросъ выдвигали на первый планъ, они очень скоро переходили къ другому, менѣе запутанному вопросу. И тѣмъ, которые опрокинули вверхъ дномъ всю систему гражданскихъ отношеній и которые доходили въ своей критикѣ до конца, эти вопросы не доставляли ни престижа стилистовъ, ни европейской извѣстности, ни французской славы разрушителей трона и алтаря. Ихъ непосредственное вліяніе было ограничено: ихъ мало читали, а потому мало и комментировали, и только ужъ позднѣе вспомнили объ этихъ несправедливо забытыхъ писателяхъ.

V. Теоріи собственности XVIII в., которыя могутъ насъ интересовать, какъ подготовившія почву для социализма, можно раздѣлить на четыре различныя категоріи: нѣкоторыя отличались самымъ крайнимъ радикализмомъ и пошли такъ далеко, что нашимъ современникамъ не приходится ихъ дополнять; другія ограничивались критикой и отрицаніемъ и не осмѣливались предлагать какія бы то ни было новыя положительныя рѣшенія или же, если онѣ обнаруживали кой-какія прогрессивныя тенденціи, то не шли дальше системы раздробленія земли; другія, наконецъ (и, вопреки ихъ кажущейся умѣренности, ихъ нельзя игнорировать, потому что онѣ послужили предпосылками для болѣе смѣлыхъ

выводовъ), ограничивались тѣмъ, что указывали на чело-
вѣческое и договорное происхожденіе собственности.
Внимательное разсмотрѣніе этихъ теорій должно было
бы быть предметомъ особаго болѣе, обстоятельнаго об-
зора, спеціально посвященнаго эволюціи экономическихъ
идей, потому что теоріи эти дѣйствительно дали перво-
начальный толчекъ критикѣ института собственности.

Въ представленіи людей стараго режима, до временъ
Людовика XV, политическія и соціальныя формы обще-
житія имѣли своимъ источникомъ волю божію. Ихъ бо-
жественный характеръ ставилъ ихъ внѣ всякихъ споровъ.
Легко было писать исторію на манеръ Bossuet, и не
было никакой необходимости изучать жизнь народовъ,
чтобы открывать причины событій. Каждый разъ, когда
въ этомъ была надобность, являлся, какъ въ древней
трагедіи, *deus ex machina*, разрушалъ имперіи, одержи-
валъ побѣды, мѣнялъ строй. Философская работа писа-
телей поистинѣ великаго вѣка, начиная отъ Монтескье,
состояла въ томъ, чтобы повсюду вводить рачіонали-
стическую діалектику и въ объясненіи историческихъ
фактовъ замѣнить вмѣшательство провидѣнія дѣяніями,
иниціативой и ошибками людей. Собственность не могла
ускользнуть отъ этого анализа. Можно съ полнымъ
правомъ сказать, что въ тотъ день, когда были обна-
ружены дѣйствительныя основы практикующагося въ
настоящее время способа присвоенія, было положено
начало соціальной революціи,—точно такъ же, какъ въ
тотъ день, когда абсолютизмъ былъ лишенъ своего не-
земного и мистическаго престижа, деспотическая мо-
нархія была осуждена на быстрое крушеніе.

Grotius и Puffendorff первые высказали мнѣніе, что, ка-
кова бы ни была ея форма, собственность создается за-
кономъ, является продуктомъ договора. Слѣдовательно,
ея форма можетъ подвергаться измѣненіямъ. Въ своей
книгѣ „Духъ законовъ“ (*Esprit des lois*) Монтескье не
боится дать одной изъ главъ слѣдующее названіе: „о

томъ, что порядокъ наслѣдованія зависитъ отъ политическаго и соціальнаго права, а не отъ естественнаго права⁴. Первый шагъ былъ сдѣланъ. Такимъ образомъ, первыя сѣмена будущихъ переворотовъ были брошены въ пространство. Такъ какъ человѣческая воля освятила феодальныя права, лишила однихъ гражданъ земли, чтобы передать ее въ почти исключительную собственность другимъ; такъ какъ, опять таки, человѣческая воля рѣшила, что имущества будутъ передаваться отъ отца къ сыну,—то та же человѣческая воля съ такимъ же успѣхомъ можетъ привести и къ другимъ результатамъ. Ничто, напр., ей не мѣшаетъ возстановить общинное землевладѣніе или же раздѣлить между всѣми семьями всю пахотную землю, ограничить право наслѣдованія или даже совершенно его уничтожить. Замѣйте, что это эволюціонистское положеніе по смѣлости своей превосходитъ многія изъ положеній современныхъ правовѣрныхъ экономистовъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы послѣдніе пытались возстановить принципъ божественной воли, какъ основаніе современныхъ формъ, но, чтобы лучше защищать эти послѣднія отъ нападокъ социалистовъ, они стараются имъ придать характеръ непреложности и вѣчной необходимости. Они думаютъ, что путемъ простыхъ и необоснованныхъ утверженій имъ удастся навсегда обезпечить неприкосновенность частной собственности. Но эта новая догма, предлагаемая болѣе просвѣщеннымъ и болѣе скептическимъ поколѣніемъ, не можетъ имѣть того успѣха, какой имѣла старая догма. Наши Léon Lay, наши Leroü-Beaulieu, ограничивающіеся лишь тѣмъ, что комментируютъ и развиваютъ мысли Тьера, являются только обезоруженными реакціонерами. Чтобы ихъ разбить, достаточно имъ противопоставить нѣкоторыхъ изъ тѣхъ самыхъ авторовъ, на которыхъ они ссылаются: писателей XVIII вѣка, идеями которыхъ они, якобы, вдохновляются; достаточно противопоставить формулу всемірной эволюціи.

За рационалистическимъ объясненіемъ слѣдуютъ нападки: за юристами слѣдуютъ публицисты-демократы. Руссо не довольствуется установленіемъ договорнаго принципа въ присвоеніи земли: онъ осуждаетъ это присвоеніе, какъ узурпацію; онъ его клеймитъ въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ, какъ ни одинъ изъ позднѣйшихъ писателей. Луи-Вланъ, ссылаясь на знаменитыя фразы женевского философа, писалъ, не безъ преувеличенія, впрочемъ: „предстагъ новый видъ гражданъ, требуя своего мѣста въ мірѣ“. Въ дѣйствительности же, Руссо, какъ и большая часть его современниковъ, еще не думалъ уничтожить, разрушить сейчасъ же существующій экономическій строй. Для него достаточно было указать на несправедливость этого строя, на его недостатки, и, такимъ образомъ, поработать, можетъ быть, на пользу отдаленнаго будущаго.

Въ его рѣчи „О неравенствѣ“ находится слѣдующее, такъ часто цитируемое рѣзкое замѣчаніе: „Первый, кто оградилъ участокъ земли, сказавъ: это принадлежитъ мнѣ, былъ дѣйствительнымъ основателемъ гражданского общества. Отъ сколькихъ преступленій, убійствъ, бѣдствій, ужасовъ избавилъ бы человѣческій родъ тотъ, кто, вырвавъ колья и засыпавъ канаву, крикнулъ бы своимъ ближнимъ: горе вамъ, если послушаетесь этого обманщика. Вы погибли, если забудете, что плоды принадлежатъ всѣмъ, а земля—никому“. И Руссо прибавляетъ: „Если мы прослѣдимъ успѣхи неравенства на различныхъ стадіяхъ его эволюціи, мы найдемъ, что установленіе закона и права собственности является началомъ этой эволюціи“; и Руссо думаетъ, что отсюда исходятъ все зло, все злоупотребленія, отъ которыхъ страдаютъ народы. Но дѣлаетъ ли онъ изъ этого тотъ выводъ, что слѣдуетъ преобразовать заклейменный имъ строй и примѣнять провозглашенный имъ принципъ: „плоды принадлежатъ всѣмъ?“ Нѣтъ, онъ не идетъ дальше положенія „Esprit des Lois“. Онъ признаетъ, что

частная собственность, такъ сильно противорѣчащая естественному праву и справедливости, неотдѣлима отъ „общественнаго состоянія“: она только допускаетъ видоизмѣненія, и коллективность, которой принадлежитъ верховная власть, можетъ всегда ее преобразовать. Различіе, которое Руссо дѣлаетъ между „естественнымъ состояніемъ“, пользующимся всѣми его симпатіями, и при которомъ торжествовали бы всякія добродѣтели, и общественнымъ состояніемъ, которое онъ ненавидитъ и при которомъ развиваются всевозможные пороки,—это различіе избавляетъ его отъ необходимости пойти по пути практическаго коммунизма.

Нѣтъ никакой необходимости останавливаться на сочиненіи Linguet „Théorie des lois civiles“, отличающемся тѣми же противорѣчіями и не проводящемъ требованія—несмотря на свой относительно революціонный характеръ—обобществленія земельной собственности. Что же касается Brissot de Warville, то онъ вначалѣ чрезвычайно точно повторяетъ діалектическія разсужденія Руссо; онъ формулируетъ положеніе, позднѣе повторенное Пруденомъ въ болѣе сжатой формѣ: „исключительное право собственности это кража природныхъ богатствъ“. Онъ стоитъ только за временное сохраненіе законодательства, освящающаго это „всеобщее воровство“. Изъ своихъ разсужденій онъ, нѣсколько неожпданнымъ образомъ, выводитъ предложеніе, имѣющее въ виду облегченіе наказаній. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи строго наказывать воровство, разъ оно является только „актомъ несчастнаго, лишеннаго своего права и осмѣливающагося требовать его, чтобы избѣжать голодной смерти“? Въ общемъ, категория публицистовъ, теоріи которыхъ резюмируются вышеприведенными тремя писателями, пошла уже гораздо дальше эволюціонистовъ. Они открыли походъ противъ частной собственности, но остановились посрединѣ этого пути, потому что злоупотребленія, болѣе вопіющія на ихъ взглядъ, чѣмъ

частная собственность, поражали ихъ и останавливали на себѣ ихъ вниманіе. Руссо занимаетъ вопросъ о конституціи; вниманіе Linguet приковываетъ къ себѣ вопросъ объ условіяхъ существованія народа; Brissot останавливается на вопросѣ объ уголовномъ законодательствѣ. Такимъ образомъ, только послѣ отрицательной критики появляются требованія положительныхъ мѣропріятій: парцеллярная система—съ одной стороны и коммунистическая—съ другою.

Теоретики парцеллярной системы были въ области политики настоящими учителями великихъ революціонеровъ періода Учредительнаго и Законодательнаго Собраній. За періодъ времени отъ 1750 до 1789 г. имя имъ—легіонъ. Они мечтали о безконечномъ дробленіи земли, которое разбило бы на мелкіе участки крупныя феодальныя помѣстья, уничтожило бы непрерывность полей и равнинъ, разбросанныхъ на огромныхъ территорияхъ, вернули бы работнику его орудіе труда. Эта идея казалась въ то время такой же разрушительной, какъ полная социализація—въ наше время. Какъ послѣдняя, она предполагала полное переустройство существующаго строя: она подкапывалась подъ самыя его основы—захватъ земель и феодальное господство. Исходя изъ принципа, что человѣкъ долженъ быть свободенъ, что собственность является необходимою принадлежностью свободы, что первая составляетъ условіе и гарантію второй,—признавая, вслѣдствіе этого, что каждое человѣческое существо должно быть собственникомъ, капиталистомъ (въ томъ смыслѣ, въ которомъ употреблялось тогда это слово), „парцеллярная система“ осуждала систему латифундій и предвѣщала немедленную или постепенную экспропріацію ихъ владѣльцевъ. Конечно, далеко не всѣ защитники этой системы предлагали насильственные мѣры. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, Монтескье, ограничивались тѣмъ, что доказывали законность дробленья и его благотвѣтельное вліяніе въ экономическомъ

отношеніи; другіе, какъ напрімѣръ, д'Аржансонъ, полагали, что естественно считать собственникомъ земли того, кто ее обрабатываетъ. Мирабо говорилъ, что не слѣдовало бы слишкомъ дробить земля одного и того же кантона; Рейналь требовалъ ограниченія права собственности, а Мерсье—чтобы правительство устранило крайнее неравенство имуществъ. Но на ряду съ этими умеренными писателями имѣются и другіе, проповѣдывавшіе „аграрный законъ“ въ духѣ „Гракха“¹⁾, т. е. распределение между бѣдными земель болѣе или менѣе запущенныхъ или заброшенныхъ богачами. Эти писатели не мало содѣйствовали всплнкѣ народнаго возстанія 1789 г.

Не слѣдуетъ забывать, что, когда писатели, имена которыхъ мы только что цитировали, отстаивали „парцеллярную систему“, они не думали сопоставлять крупную и мелкую собственность и сравнивать ихъ съ точки зрѣнія производительности труда; они не выходили за предѣлы чисто философскихъ разсужденій, за предѣлы анализа метафизическихъ правъ личности. Какъ и современные имъ коммунисты и какъ коллективисты втсрой половины XIX вѣка, стремясь къ установленію равенства, они понимали, что послѣднее не можетъ существовать тамъ, гдѣ капиталъ является монополіей одной какой-нибудь касты. Исходный пунктъ, слѣдовательно, у тѣхъ и у другихъ одинъ и тотъ же; но они отличаются другъ отъ друга въ отношеніи предлагаемыхъ ими рѣшеній: коммунисты или коллективисты требуютъ обобществленія имуществъ, между тѣмъ какъ сторонники „парцеллы“ требуютъ, напротивъ, ихъ безконечнаго дѣленья, согласно формулѣ: „каждому свое поле“.

Доктрина крайняго дробленія земли, безспорно, оказывала огромное вліяніе на крестьянское возстаніе, которое было прочнымъ основаніемъ Революціи. Принятая съ самаго же начала представителями третьяго сословія въ

¹⁾ Такъ называли Бабефа.

преобразованныхъ генеральныхъ штатахъ, эта доктрина господствовала надъ всѣми мѣрами, которыя принимались съ цѣлью уничтоженія феодальнаго строя. И на протяженіи всего XIX вѣка эта система продолжаетъ жить, какъ глубокое и неизмѣнное требованіе деревенской демократіи.

Коммунизму не суждено было—какъ противоположной ему парцеллярной теоріи—сдѣлаться ферментомъ глубокаго недовольства народныхъ массъ до-революціоннаго періода. Онъ соотвѣтствовалъ высшему интеллектуальному развитію, отъ котораго крестьяне XVIII вѣка были чрезвычайно далеки, условіямъ общей эволюціи, появившимся только гораздо позднѣе. Его выводили не изъ условій развитія производства и изъ концентраціи капиталовъ, а изъ принциповъ равенства. Необходимо, тѣмъ не менѣе, отмѣтить эти первые проявленія социалистическаго мышленія, во-первыхъ, потому, что и сами по себѣ они не должны быть обойдены молчаніемъ, а затѣмъ еще потому, что въ корни возстанія 1796 г. находится теорія Морелли (Morelly).

„Завѣщаніе кюре Meslier, написанное еще въ первую треть XVII вѣка, содержитъ уже краснорѣчивый протестъ противъ частнаго присвоенія людьми земельныхъ богатствъ. Какъ мы уже видѣли, Руссо, Лингэ, Бриссо не больше проявляли снисхожденія по отношенію къ институту частной собственности, но между тѣмъ, какъ онѣ ограничивались нападками, не дѣлая изъ нихъ соотвѣтствующихъ выводовъ, этотъ Кюре предлагаетъ возстановленіе общиннаго землепользованія. Точно такъ же Mably, въ своей книгѣ „Droits et Devoirs des Citoyens“, восклицаетъ: „Знаете ли вы, гдѣ главный источникъ всѣхъ бѣдъ, обрушивающихся на человѣчество?—Въ правѣ собственности“. А въ своемъ сочиненіи „Doutes aux économistes“ онъ смѣло заявляетъ, что „вся земля составляетъ отчинную собственность каждаго изъ насъ“. Что же касается Morelly, безусловно, самаго интереснаго изъ

всѣхъ публицистовъ этой категоріи, и на „Code de la nature“ котораго ссылался Babeuf въ одинъ изъ трагическихъ моментовъ Директоріи, то надо признать, что онъ написалъ самое значительное социалистическое сочиненіе своего вѣка. Если оставить въ сторонѣ отрицательную часть, представляющую собою обвинительный актъ противъ частной собственности и противъ порождаемыхъ ею бѣшеныхъ страстей, то въ остальной части мы найдемъ подробно изложенное авторомъ представленіе его объ обществѣ, основанномъ на началахъ коммунизма. Въ этомъ обществѣ объектомъ личной собственности были бы только предметы, которые необходимы для непосредственнаго удовлетворенія потребностей или, какъ средства производства. Болѣе того, каждый гражданинъ былъ бы общественнымъ человѣкомъ, работающимъ и содержащимся на счетъ общества. Онъ приносилъ бы свою долю пользы въ общей работѣ. Не было бы торговли, такъ какъ всѣ продукты собирались бы въ общественныхъ магазинахъ, и ничто не продавалось и не обмѣнивалось бы. Образование было бы обязательнымъ и т. д. По всему этому видно, что Морелли уже формулировалъ нѣкоторые изъ основныхъ принциповъ, принятыхъ впоследствии социалистами XIX вѣка. Онъ былъ, если не практически, то, по крайней мѣрѣ, теоретически, самымъ большимъ разрушителемъ изъ мыслителей „старого порядка“. Онъ закрываетъ кругъ теорій собственности XVIII в. Одного перечисленія этихъ теорій достаточно для того, чтобы понять, какому страшному нападенію долженъ былъ подвергнуться феодализмъ въ своихъ экономическихъ основаніяхъ.

VI. Въ настоящемъ изложеніи, гдѣ мы пытаемся рельефно выставить тѣ различные элементы, которые современныи социализмъ могъ позаимствовать у XVIII-го вѣка, слѣдуетъ остановиться на одной теоріи, пользовавшейся впоследствии большимъ успѣхомъ. Лассаль, Марксъ и многіе другіе основывали на ней цѣлую серію

выводовъ. Рѣчь идетъ о формулѣ, извѣстной подъ именемъ „желѣзнаго закона“. Мы знаемъ, что нѣкоторые извѣстные социалисты нашего времени сочли нужнымъ критиковать этотъ законъ, оспаривать его, даже совершенно его отвергнуть и высмѣивать его. Вандервельдъ, Ванъ-Коль и особенно Бернштейнъ полагаютъ, что факты послѣднихъ тридцати лѣтъ, прогрессирующее повышение заработной платы, различная величина ея, въ зависимости отъ мѣста,—все это находится въ полномъ противорѣчii съ этимъ закономъ. Тутъ не мѣсто разбирать этотъ вопросъ. Мы пока ограничимся лишь указанiемъ на то, что этотъ законъ беретъ свое начало отъ публицистовъ дореволюціоннаго періода. Интересно отмѣтить, что тѣ, у которыхъ мы находимъ первую его формулировку, не были, за исключенiемъ Linguet, людьми революціоннаго образа мыслей (двое изъ нихъ были даже министрами Людовика XVI), и что они только ограничивались признанiемъ существованiя опредѣленнаго экономическаго соотношенiя, не заботясь о томъ, было ли бы рационально его уничтожить.

Кенэй (Quesnay), глава физиократовъ, полагаетъ, что заработная плата, а слѣдовательно, и сумма удовольствiй, доступныхъ наемному рабочему, не подвергается измѣненiямъ и, благодаря конкуренціи, находится на самомъ низкомъ уровнѣ. Тюрго заявляетъ, что для всякаго вида труда долженъ наступить и, дѣйствительно, наступаетъ моментъ, когда заработная плата понижается до уровня, ниже котораго продолженiе существованiя рабочаго было бы невозможно. По мнѣнiю Linguet, договоры между собственниками и рабочими не являются свободными для послѣднихъ. Наконецъ, Неккеръ признаетъ, что во власти собственниковъ—давать возможно болѣе ничтожную заработную плату. Извѣстно, что школа англійскихъ экономистовъ стояла на этой же точкѣ зрѣнiя. Но настѣ теперь не эта школа интересуется, такъ какъ мы раньше

всего стараемся отыскать во Франціи же происхождение французскаго социализма.

Слѣдуетъ упомянуть еще и о другихъ идеяхъ, получившихъ выраженіе у энциклопедистовъ или у другихъ писателей. Этотъ періодъ больше, чѣмъ какой-либо другой, отличается преклоненіемъ передъ принципомъ всемогущества государства, такъ какъ полагали, что гражданская власть достаточно сильна, чтобы произвести рѣзкій переворотъ въ общественномъ строѣ, а отсюда заключали, что эта власть должна непрерывно расширять область общественнаго веденія дѣлъ и ослаблять роль частныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи этотъ періодъ объявилъ себя противникомъ пробывавшаго себѣ дорогою крайняго индивидуализма. У Boisguillebert'a и Vauban'a принципъ государственности, употребляя новѣйшій терминъ, выступаетъ съ особенной силой. Онъ все больше и больше упрочивается, по мѣрѣ того какъ XVIII вѣкъ приближается къ концу, и торжествуетъ въ эпоху Руссо и его учениковъ, Мерсье и Рейналя. Опять таки школа женевскаго философа дала ѣдкую и сильнѣйшую критику финансовой аристократіи, гибельное дѣйствіе которой получило широкое развитіе при Людовикѣ XV, благодаря все болѣе и болѣе возрастающимъ бюджетнымъ затрудненіямъ. Но интересно отмѣтить, что самая прогрессивная мысль этой эпохи была высказана Монтескье: „Государство обязацо обезпечить всѣмъ гражданамъ нищу, приличную одежду и образъ жизни, не противорѣчащій условіямъ, необходимымъ для сохраненія ихъ здоровья“. Впрочемъ, эта мысль, какъ совершенно изолпированная, не даетъ намъ права причислить автора „Esprit des Lois“ къ учителямъ якобинцевъ. По примѣру Малтона, мы сохранимъ этотъ эпитетъ для Руссо.

VII. Таковы различныя положенія, являющіяся приемлемыми для социализма 1900 г. изъ всего огромнаго умственнаго багажа, оставленнаго намъ въ наследство послѣдними семью десятилѣтіями „старого режима“.

Мы не можемъ къ нимъ отнести безразлично, такъ какъ, помимо ихъ внутренняго значенія, они еще представляютъ интересъ и въ томъ отношеніи, что сильно волновали всю Францію и проявились въ началѣ революціи 1789 г., а нѣкоторыя изъ нихъ сыграли первенствующую роль въ крестьянскомъ возстаніи; другія были положены въ основу программы Горы; наконецъ, наиболѣе смѣлыя и передовыя изъ нихъ вызвали первое нападеніе коммунизма. Впрочемъ, несмотря на ихъ различіе съ точки зрѣнія политическаго значенія каждаго изъ нихъ, всѣ они тѣсно связаны единствомъ и оригинальностью взгляда на права и обязанности личности и коллективности. Однако, провозглашенія принципа свободы и ея обоснованной связи съ принципомъ собственности, даже одного отрицанія божественнаго и непреложнаго характера всевозможныхъ институтовъ, было бы достаточно, чтобы прославить эту эпоху всеобщаго броженія. Въ дѣйствительности, она намъ дала гораздо больше, такъ какъ ея предпосылки повели къ дальнѣйшимъ выводамъ. Было бы несправедливо игнорировать творческую работу эпохи, такъ какъ она является необходимымъ условіемъ всего послѣдующаго развитія. Безъ теорій экономистовъ послѣднихъ царствованій абсолютной монархіи невозможно понять ни періода Учредительнаго Собранія и Конвента, ни возникновенія чисто социалистическихъ теорій, не являющихся—какъ это утверждаютъ консерваторы—антиподомъ идей 92 и 93 гг. Въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся установить предметность мировоззрѣній отъ поколѣнія къ поколѣнію. Между революціонерами разныхъ историческихъ стадій неизбежно существуютъ точки соприкосновенія. Тѣмъ легче найти эти точки соприкосновенія, когда это сопоставленіе дѣлается только на протяженіи ста двадцати пяти или ста пятидесяти лѣтъ.

II.

Революція 1789 г. и Бабёфъ (Babeuf).

I. Революція 1789 г. является самымъ крупнымъ историческимъ событіемъ, даже по мнѣнію социалистовъ. Ошибоченъ взглядъ, котораго придерживались нѣкоторые, но который теперь отвергается всѣми или почти всѣми, будто Великая Революція представляетъ собою событіе чисто политическаго характера. Она, наоборотъ, носила явно выраженный экономическій и социальный характеръ, который легко обнаружить путемъ краткаго анализа.

Во-первыхъ, она замѣнила одинъ классъ другимъ въ управленіи государствомъ, поставивъ буржуазію на мѣсто дворянства. Правда, еще задолго до взятія Бастиліи „разночинцы“ (roturiers) имѣли доступъ въ королевскіе совѣты; они могли даже дѣлаться министрами, при условіи, однако, пріобрѣтенія ими дворянскаго званія, но достиженіе этими отдѣльными личностями государственной власти не сопровождалось соответствующимъ измѣненіемъ въ положеніи всего ихъ социальнаго класса, объ угнетенномъ правовомъ состояніи котораго достаточно свидѣтельствуютъ его податныя тяготы и устраненіе его отъ участія въ дѣлѣ назначенія большинства налоговъ. Вѣрно, съ другой стороны, и то, что еще долгое время послѣ 14 іюля и 4 августа титулованныя особы пользовались значительнымъ вліяніемъ, что онѣ продолжали занимать почетныя и доходныя должности, что, удержавъ за собою лишь ограниченное число центральныхъ административныхъ постовъ, они пристраивались въ арміи и дипломатіи; но и въ данномъ случаѣ дворяне опять таки сохраняли за собою эти мѣста, не какъ каста, разрушенная больше вѣка тому назадъ, а въ качествѣ, хотя и многочисленныхъ, но отдѣльныхъ личностей. Верховная власть принадлежитъ буржуазіи, и если

ей угодно приглашать къ себѣ на службу (для того ли, чтобы пощеголять своими связями съ аристократіей, или же для того, чтобы укрѣпить свое вліяніе) бывшихъ маркизовъ, графовъ, князей; если ей пріятно назначать ихъ посланниками, генералами, казначеями,—то въ ея же власти ихъ отстранить отъ этихъ должностей, когда ей это заблагоразсудится. Ея гегемонія представляетъ собою нѣчто совершенно новое. Но этотъ классъ достигъ власти только благодаря Великой Революціи; его различные слои, даже послѣ того, какъ самый верхній слой выдвинулся, должны были сдѣлать другія революціи въ 1830 и 1848 гг., чтобы завоевать себѣ всѣ права. Этотъ классъ, по существу—классъ революціонный въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ могъ достигнуть господства не иначе, какъ насильственнымъ путемъ, низвергнувъ господство дворянства и узурпировавъ въ свою исключительную пользу выгоды обладанія властью.

Это замѣщеніе однихъ лицъ другими само опирается на колоссальное передвиженіе земельной собственности, передвиженіе столь грандіозное, какого Европа не видала со времени секуляризаціи эпохи Реставраціи. Продажа національныхъ земель является актомъ, консерватизмъ котораго на слѣдующій же день послѣ ихъ распрѣдѣленія и послѣ необузданныхъ ажіотажей „Черныхъ бандъ“ пытался ослабить значеніе этой частичной соціализаціи, но послѣдняя, все-таки, остается специфическимъ явленіемъ движенія 1789 г. Крестьянское возстаніе, дробленіе земельной собственности, сосредоточеніе старыхъ дворянскихъ имуществъ въ рукахъ разбогатѣвшаго третьяго сословія—такое главное значеніе этого великаго событія, если его разсмотрѣть съ точки зрѣнія его экономическихъ основъ. И въ этомъ отношеніи оно отличается отъ всѣхъ другихъ рѣзкихъ и кровопролитныхъ или мирныхъ переворотовъ, предшествовавшихъ ему на протяженіи XVII вѣка и имѣвшихъ почти исключительно политическій характеръ. Революціи 1640 и

1688 г., если даже допустить, что онѣ были облегчены ростомъ мелкой аристократіи (виги) въ ущербъ крупной (тори), все-таки, не сопровождалась лишеніемъ собственности и званія какого бы то ни было класса. Онѣ сводились къ измѣненіямъ въ конституціонномъ режимѣ. Тотъ, кто видитъ въ событіяхъ 1789—1794 гг. только Генеральные Штаты, конституцію 1791 г., казнь Людовика XVI и комитетъ общественнаго благосостоянія, лишь наполовину понялъ смыслъ этихъ событій. Продажа по низкой цѣнѣ дворянскихъ и монастырскихъ земель, одновременно съ отмѣной всевозможныхъ феодальныхъ привилегій, уничтоженіемъ старыхъ земельныхъ договоровъ, насильственнымъ уничтоженіемъ хартій, поджогомъ замковъ—провозгласила на весь міръ новую формулу собственности. Мы разберемъ эту формулу; мы постараемся разсмотрѣть, пережила ли она себя или же, наоборотъ, сохраняетъ свое значеніе и послѣ переворота 1789 г. Но одного того факта, что она хоть на одинъ моментъ восторжествовала на практикѣ, что она, такъ сказать, самопроизвольно выплыла на поверхность этого всеобщаго натиска угнетенныхъ классовъ,—этого одного достаточно, чтобы освѣтить яркимъ свѣтомъ всю самую интересную для насъ сторону Французской Революціи.

Впрочемъ, самыя политическія учрежденія, вызванныя къ жизни Революціей, и моральный толчокъ, данный послѣдней старому свѣту, не остались безъ вліянія на позднѣе разросшееся движеніе пролетаріата, и въ этомъ заключается третій пунктъ нашего изслѣдованія. Покончивъ съ деспотизмомъ и низвергнувъ феодальный режимъ, 89-й годъ претворилъ въ жизнь теоріи философовъ: послѣ присяги въ Зданіи Мяча, послѣ гражданской организаціи духовенства, послѣ декретовъ противъ духовенства, отвергшаго гражданскую присягу, послѣ 10 августа и 21 января нѣтъ больше ничего святого и священнаго. Нѣтъ больше ничего—ни государства, ни

религии, ни господства классов—что могло бы претендовать на божественное происхождение. Передъ волей человека рухнули изстари господствовавшая ложь и таинственный характеръ вещей. Церкви закрывались, но это не приводило къ свѣтопреставленію; король сложилъ свою голову на эшафотѣ, а кары божіей не послѣдовало; произошелъ коренной переворотъ всего строя, но во всемъ этомъ не сказывалось никакое другое вліяніе, кромѣ разсужденій, вѣрныхъ или ошибочныхъ, гражданъ. „Милость божія“ перестала фигурировать во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ и издаваемыхъ законахъ; все подлежитъ критикѣ, ничто не прикрывается больше догматомъ. Но если десятинное право было уничтожено; если на исполнительную власть была наложена узда; если права крестьянъ были признаны и санкціонированы,—то все можетъ измѣниться съ теченіемъ времени, въ зависимости отъ желаній большинства. Капиталистическій строй держится, только благодаря снисходительности народа. Частная собственность дѣлается институтомъ временнымъ и неустойчивымъ. Такимъ образомъ, Революція 89 года является только введеніемъ къ другимъ Революціямъ, которыя она сама поставила на очередь, которыя она призываетъ и заранѣе узаконяетъ, точно такъ же, какъ конституція предусматриваетъ свой собственный пересмотръ.

Наконецъ, Декларация правъ провозглашаетъ равенство. Что это означаетъ? Абстрактное, теоретическое или же конкретное и дѣйствительное равенство? Добившись одного, гражданинъ потребуетъ и другого. Какая ему польза отъ формулы, если она приводитъ только къ обману, если она терпитъ *statu quo*, если крестьянинъ „старого режима“ находится въ крѣпостной зависимости отъ новаго, будучи угнетаемъ третьимъ сословіемъ точно такъ же, какъ его предки были угнетаемы баронами? Существуютъ слова, которыхъ нельзя безнаказанно пустить въ ходъ, и притягательная сила кото-

рыхъ непреодолима. Учредительное Собраніе не думало, конечно, обезпечить за всѣми гражданами фактическое равенство—одинаковую сумму собственности и благосостоянія. Оно въ данномъ случаѣ, какъ и во всемъ остальномъ, становилось на абсолютную точку зрѣнія, предоставляя будущему заботу о необходимыхъ дополненіяхъ. Но немного времени нужно было для того, чтобы крестьянинъ и рабочій замѣтили, что равенство передъ закономъ ничто безъ экономическаго равенства, и что тамъ, гдѣ нѣтъ послѣдняго, господствуетъ политическое неравенство; что его свобода—одна пустая фразаологія, если его жизнь находится всецѣло во власти работодателя; что на дѣлѣ у рабочаго нѣтъ свободнаго избирательнаго права, разъ хозяинъ можетъ лишитъ его куска хлѣба, когда онъ подаетъ голосъ за непріятнаго патрону кандидата. Медленная внутренняя работа, вызванная пресловутой Декларацией, принесетъ свои плоды: идея потребуетъ своего осуществленія.

Пролетаріатъ можетъ, поэтому, смотрѣть на усиліе XVIII вѣка, какъ на что-то неполное и частичное, и даже жалѣть о томъ, что оно привело къ простому утвержденію диктатуры буржуазіи. Но онъ долженъ также себя спроситъ, не являлось ли бы, слишкомъ 100 лѣтъ тому назадъ, болѣе коренное измѣненіе простой химерой. Онъ, въ особенности, долженъ принять во вниманіе, что третье сословіе Генеральныхъ Штатовъ, этотъ полновластный господинъ Учредительнаго Собранія и Конвента, выполнивъ свою историческую миссію, этимъ самымъ подготовило условія для осуществленія идеи организованнаго пролетаріата XX вѣка. Трудно понять удивленіе нынѣшнихъ правителей, возмущеніе правнуковъ пріобрѣтателей національныхъ имуществъ, по поводу все болѣе и болѣе распространяющагося пролетарскаго движенія. Предки этихъ господъ были учителями, проповѣдниками всякаго соціальнаго возстанія. На протяженіи всей исторіи, до появленія буржуазіи, не

было класса, который больше послѣдней содержалъ бы въ себѣ революціоннаго фермента, который лучше ея сумѣлъ бы подготовить, дисциплинировать и выполнить насильственные перевороты.

II. Переворотъ 1789 и слѣдующихъ годовъ нельзя объяснить исключительно распространеніемъ философскихъ теорій; нельзя его привести къ одному только идеологическому фактору. Это былъ, такъ сказать, разрывъ общественной оболочки, явившійся слѣдствіемъ той медленной внутренней работы, которая, начиная съ времени Людовика XIV, приводила въ разстройство все старое французское общество. Экономическая роль дворянства мало-по-малу уменьшалась, цтому что оно не принимало никакого активнаго участія въ хозяйственной жизни страны и ограничивалось только собираніемъ оброковъ и повинностей. Практиковавшійся имъ абсентизмъ былъ всюду, за исключеніемъ, быть можетъ, Вандеи и Бретани, одной изъ главныхъ причинъ его матеріальнаго упадка. Французская земля стала производить гораздо меньше; посѣщавшіе насъ иностранцы удивлялись прогрессирующему уменьшенію доходности земли. Такъ какъ политическія привилегіи феодальной аристократіи основывались на экономическомъ неравенствѣ ея хозяйственной системы, и такъ какъ послѣдняя приходила въ упадокъ, то фатальнымъ образомъ долженъ былъ наступить конецъ и политическому первенству этой господствующей касты. Такимъ образомъ, непрерывное экономическое развитіе, продолжавшееся еще и послѣ 1830, 1848 и 1870 гг. и отодвинувшее на второй планъ сельскохозяйственную промышленность, беретъ свое начало отъ времени Людовика XV и Людовика XIV. Мы уже видѣли, что оно не осталось безъ вліянія на теоріи первыхъ экономистовъ, въ частности, на теоріи фізіократовъ и защитниковъ „parcelлярной системы“. Земельное дворянство замѣтно приходило въ упадокъ

по мѣрѣ того, какъ усиливалось экономическое значеніе третьяго сословія, владѣльца движимыхъ имуществъ.

Этотъ видъ общественнаго богатства значительно развился путемъ ажіотажа, несмотря на катастрофу Ло; основывались колониальныя и торговыя общества для внѣшней и внутренней торговли; между акціонерами этихъ обществъ находились, несомнѣнно, и дворяне, но главнымъ образомъ они состояли изъ богатыхъ буржуа. Хлѣбная торговля, вводившая посредника между сельскимъ хозяиномъ и потребителемъ, представляла собою источникъ обильныхъ доходовъ для барышниковъ, занимавшихся хлѣбными спекуляціями съ рискомъ подвергнуть себя часто законному возмущенію толпы. Финансовая аристократія, которая при Людовикѣ XV была уже крупной силой, воспользовалась финансовыми затрудненіями правительства во время тріумвирата и другихъ продажныхъ министерствъ, чтобы усилить свое политическое вліяніе. Внѣшняя торговля Франціи достигла въ 1788 г. одного миллиарда фр. Такимъ образомъ, по отношенію ко всей хозяйственной жизни страны роль индустріи (несмотря на процвѣтаніе шелковаго и суконнаго производствъ) и торговли усиливалась насчетъ роли сельскаго хозяйства. Въ этомъ и находится экономическая основа Революціи. Третье сословіе начинаетъ задавать тонъ, потому что оно сознаетъ свою силу, потому что чувствуетъ, что отъ его успѣховъ зависятъ и процвѣтаніе и могущество государства. Съ другой стороны, оно съ тѣмъ большимъ усердіемъ разоблачаетъ несправедливости фискальной системы и злоупотребленія всевозможными регламентаціями, что все это препятствуетъ ея развитію. Вполнѣ понятно, что этотъ классъ долженъ былъ изъ года въ годъ становиться все болѣе и болѣе горячимъ приверженцемъ низверженія того класса, который ему мѣшаль установить свое господство. Смѣлые парламентскіе делегаты, даже нотабли, которыхъ личный интересъ или семейныя отношенія

связывали съ крупной буржуазіей, имѣютъ мужество открыто высказывать сокровенныя желанія этого класса. Съ этой точки зрѣнія, первыя рѣшенія Генеральныхъ Штатовъ, кажуціяся на первый взглядъ непонятными, не представляютъ собою ничего удивительнаго.

Крестьянская масса сама по себѣ не была ни въ 89 г., ни до этого достаточно сильной, чтобы самостоятельно предпринять дѣло политическаго и соціальнаго преобразованія. Ея хроническія страданія, ея ненависть выливаются въ форму разгрома феодальныхъ замковъ; ея условія существованія, ея матеріальное положеніе, вмѣсто того, чтобы улучшиться, наоборотъ, все болѣе и болѣе ухудшаются изъ-за страшнаго сельскохозяйственнаго кризиса. Крестьяне набрасывались на своихъ угнетателей, какъ дикіе звѣри, руководимые голодомъ; но увѣренность въ себѣ внушало имъ только третье сословіе своими подъемомъ духа, смѣлостью слова и дѣйствій. Крестьянскій бунтъ былъ бы и въ 89 г. такъ же подавленъ, какъ и предшествовавшіе ему аналогичные бунты, если бы его не поддержало возстаніе буржуазіи. Соглашеніе, сначала тайное, а потомъ и явное, между этими двумя классами или, вѣрнѣе, между двумя группами одного и того же класса, сказалось съ самаго же начала.

III. Революція, въ самомъ ея началѣ, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, была, такъ сказать, конфискована олигархіей. Она поставила одну категорію правителей вмѣсто другой. Гигантскія народныя возстанія 14 іюля, 5 и 6 октября, 20 іюня, 10 августа, сентябрьское послужили только для того, чтобы создать господство буржуазіи. Въ первый разъ неорганизованныя массы парижскихъ предмѣстій поднялись, разрушили всѣ устои стараго режима, но все это для того только, чтобы выдвинуть на авансцену новыхъ господъ. То же явленіе повторилось въ 1830 и въ 1848 гг.: и тогда рабочій пролетаріатъ жертвовалъ своимъ временемъ и своею кровью, чтобы завоевать власть для

союзниковъ, готовыхъ немедленно сдѣлаться его угнетателями. Впрочемъ, въ 1879 г. иначе и не могло быть, потому что одни только верхніе слои третьяго сословія могли дать руководителей движенія. Экономическія измѣненія, точно такъ же, какъ и превосходство буржуазіи съ точки зрѣнія культуры и дисциплинированности, фатально должны были обезпечить этому классу немедленное и исключительное наследованіе дворянства. Нѣсколько позже наступитъ моментъ, когда придется приобѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ и нанести послѣдній ударъ старому режиму: тогда мелкая буржуазія и даже работники внесутъ свои собственныя рѣшенія въ парижскую коммуну, и этотъ моментъ мы отмѣтимъ, какъ вторую революцію, прошедшую сквозь первую; но, взятый въ цѣломъ, политическій переворотъ 1789 г. совершился на пользу крайне ограниченнаго меньшинства. Послѣднее наполняло всѣ учрежденія, начиная съ момента созыва Генеральныхъ Штатовъ и кончая VIII годомъ первой республики, чтобы затѣмъ нѣсколько болѣе упрочить свое положеніе при Консульствѣ и при Имперіи; это меньшинство сосредоточило въ своихъ рукахъ министерскіе портфели, мѣста въ комитетахъ Конвента, а затѣмъ въ Директоріи. Франціей управляли бывшіе депутаты королевскаго парламента, разнаго рода сановники, адвокаты, врачи, т. е. просвѣщенная часть третьяго сословія. Если мы перейдемъ непосредственно къ республиканцамъ, то ни Верньо, ни Маратъ, ни Дантонъ, ни Бриссо, ни Робеспьеръ, ни Сэнъ-Жюстъ, ни Инаръ, ни Мэрланъ, ни Демулень не были выходцами низшихъ слоевъ третьяго сословія. Но больше, чѣмъ перечисленіе этихъ именъ, достоинъ вниманія характеръ конституцій 1791 и 1795 гг. Первая дѣлитъ гражданъ на двѣ категоріи: на активныхъ и пассивныхъ. Вторая устанавливаетъ двустепенное избирательное право съ нѣкоторыми цензовыми ограниченіями. Такимъ образомъ, ни та, ни другая не основана на принципѣ политическаго равен-

ства, провозглашеннаго Декларациею Правъ и такъ краснорѣчиво формулированнаго Руссо. Какъ только буржуазія получила власть, она поспѣшила отказаться отъ своихъ обѣщаній и оградить себя барьеромъ отъ требованій народа. Правда, конституція 1793 г. отличается бѣльшимъ либерализмомъ, такъ какъ она устанавливаетъ всеобщее избирательное право и предусматриваетъ даже и нечто вродѣ референдума. Но не слѣдуетъ забывать, что она была выработана какъ разъ въ тотъ моментъ, когда первый періодъ Революціи столкнулся со вторымъ, слишкомъ непродолжительнымъ и очень скоро подавленнымъ Робеспьеромъ, который потомъ и самъ долженъ былъ отъ него погибнуть. А вслѣдъ затѣмъ конституція VIII г. закрѣпила прерогативы третьяго сословія, и вотъ почему буржуазія съ такимъ энтузіазмомъ бросается въ объятія корсиканца: послѣдній въ одно и то же время будетъ защищать ея завоеванія, какъ отъ возврата къ прошлому, такъ и отъ бурнаго потока пролетарскаго гнѣва, который выльется въ формѣ „Заговора Равныхъ“.

Въ то самое время, когда буржуазія утверждала свое политическое первенство, она основывала и свое экономическое могущество. Такъ какъ она стала на мѣсто аристократіи въ ея опеку надъ государствомъ, то она вытѣснила послѣднюю и изъ области землевладѣнія. Она отмѣнила сложную и запутанную феодальную собственность только для того, чтобы укоренить другой, болѣе простой, но не менѣе исключительный порядокъ землевладѣнія. Продажа національныхъ имуществъ, послѣ конфискаціи церковныхъ и монастырскихъ земель и секвестраціи земель эмигрантовъ, благопріятствовала развитію этого новаго порядка землевладѣнія. Больше, чѣмъ на семь милліардовъ дворянскихъ и церковныхъ земель, т. е. значительная часть всей французской земли, была продана съ публичнаго торга въ теченіе какихъ-нибудь трехъ лѣтъ. До сихъ поръ исторія не знаетъ никакой другой націонализаціи, болѣе обширной по своимъ раз-

мѣрамъ и болѣе важной по своимъ послѣдствіямъ. Къ первоначальнымъ продажамъ съ аукціона, часто по крайне низкимъ цѣнамъ, прибавились впослѣдствіи спекуляціи, ажіотажи „черныхъ бандъ“. Скупленные по низкимъ цѣнамъ недвижимыя имущества должны были впослѣдствіи подняться въ цѣнѣ въ огромныхъ пропорціяхъ. Верхній слой третьяго сословія не замедлилъ тогда—въ особености послѣ 1815 г.—извлечь двойную выгоду изъ сдѣланныхъ имъ приобрѣтеній: онъ быстро увеличилъ свои доходы и свой капиталъ и, помимо этого, ему удалось, съ помощью реставрированныхъ Бурбоновъ, положить въ основу всякаго политическаго права земельную собственность. Далеко не ничтожныя выгоды извлекла буржуазія и изъ Революціи и вызванныхъ ею событій: изъ выпуска бумажныхъ денегъ, внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, оккупаціи иностранныхъ территорій, присоединенія старыхъ королевствъ. Подряды для арміи, при выполненіи которыхъ она самымъ безсовѣстнымъ образомъ мошенничала не только во время Директоріи, но также при Комитетѣ общественнаго благосостоянія и при Наполеонѣ, составили для нея источникъ непрерывнаго обогащенія. Побѣдоносные походы, начавшіеся послѣ базельскаго трактата, а затѣмъ образованіе большихъ оккупаціонныхъ арміи создали для буржуазіи такія огромныя движимыя богатства, какихъ старое дворянство никогда не видало. Гордая своимъ господствомъ, увѣренная въ прочности своихъ привилегій, она привѣтствовала гражданскій и уголовный кодексы, какъ выраженіе своего классоваго торжества.

Крестьянство въ самомъ началѣ получило тѣ вольности, которыя составляли предметъ его туманнаго идеала, благодаря отмінію десятинныхъ и феодальныхъ повинностей. Послѣ экономическихъ преобразованій, декретированныхъ Учредительнымъ Собраніемъ, крестьянинъ почувствовалъ себя свободнымъ на свободной землѣ. Затѣмъ, съ раздачей національныхъ имуществъ получила

свое осуществленіе „парцеллярная теорія“; любовь пахаря къ своему орудію труда, къ этой истощенной почвѣ, стонувшей ему столькихъ страданій, проявилась съ невѣроятной силой. Тамъ, гдѣ богачи третьяго сословія видѣли возможность крупныхъ спекуляцій, доходное для нихъ передвиженіе земельной собственности,—простодушный крестьянинъ видѣлъ одно только устраненіе требовательнаго и жестокаго барона и утвержденіе своей земли на отвоеванной, наконецъ, землѣ. Въ этомъ сказывается глубокой смыслъ Революціи. Мишлэ превосходно его опредѣлилъ: „это бракъ крестьянина съ землей“. Этотъ земледѣлецъ, этотъ вчерашній крѣпостной, въ продолженіе вѣковъ добывавшій себѣ своимъ трудомъ полуголодное существованіе, не подозрѣвалъ, что, едва только успѣетъ сдѣлаться собственникомъ, какъ опять лишится своей собственности, что ипотека скоро поглотитъ его маленькое состояніе, и что онъ попадетъ подъ новое иго. Если онъ отъ всей души присталъ къ великому движенію, если онъ со всѣмъ пыломъ бросился въ вулканической потокъ, расшатавшей старую Францію,—то это только потому, что вѣрилъ въ рѣшительную свою побѣду. Потребовалось болѣе трехъ четвертей вѣка послѣ гражданскаго кодекса для того, чтобы крестьянинъ разоблачилъ обманъ, жертвой котораго онъ сдѣлался, чтобы онъ понялъ точный смыслъ событій, которымъ онъ съ такимъ жаромъ рукоплескалъ. Съ самаго начала, съ первыхъ продажъ съ аукціона національныхъ имуществъ, Революція пошла противъ самой себя, противъ своей основной идеи. Крестьяне получили лишь ничтожную долю конфискованныхъ земель. Львиная доля досталась скупщикамъ, „чернымъ бандамъ“. И, несмотря на все это, энтузіазмъ крестьянской демократіи станетъ понятнымъ, если вспомнить, что всѣ королевскія, феодальныя и церковныя тяготы теперь больше не обременяли крестьянъ, что они могли свободно распоряжаться своей собственностью, и что теоретически ничто имъ не мѣ-

шало основать свою гражданскую свободу въ обладаніи землей. Отсюда приверженность крестьянской демократіи къ гражданскимъ законамъ Бонапарта, являющимся, въ свою очередь, освященіемъ юридическихъ взглядовъ Учредительнаго Собранія и Конвента; отсюда, наконецъ, ея упорная и вѣковая борьба не столько противъ политическихъ дѣятелей, сколько противъ всѣхъ тѣхъ, кто показывалъ видъ, что намѣревается распатать традиціи 89 года.

Народу большихъ городовъ, рабочему люду, 1789 г. не далъ почти никакихъ практическихъ выгодъ. Рабочіе парижскихъ предмѣстій, за которыми послѣдовали и рабочіе провинціи, сыграли огромную роль въ событіяхъ эпохи террора. Что же они получили за это? Одну лишь формулу. Изъ трехъ группъ націи, имѣвшихъ право претендовать на извлеченіе для себя выгодъ изъ революціи, они одни были кругомъ обмануты. Имъ не отказали въ реформѣ податной системы въ тѣ годы, когда ихъ содѣйствіе было необходимо буржуазіи въ ея борьбѣ противъ королевской власти. Но если оставить въ сторонѣ періодъ времени между Брауншвигскимъ манифестомъ и паденіемъ гебертизма, то слѣдуетъ признать, что этотъ классъ былъ, безусловно, обойденъ; скорѣе даже все было направлено противъ него. Его политическія права были извращены, урѣзаны. Въ то время, какъ правительство уменьшило налоги на мелкую земельную собственность, оно не замедлило, путемъ столь ненавистныхъ косвенныхъ налоговъ, перенести всю тяжесть фиска на городскую демократію. Больше того: конституція 1795 г. приговорила къ лишенію правъ дѣйствительныхъ побѣдителей Бастиліи. Строгіе драконовскіе регламенты еще больше усилили фактическое и юридическое безправіе нарождающагося рабочаго пролетаріата. Это выразилось не въ одной только отмѣнѣ цеховыхъ корпорацій—мѣрѣ, относительно которой можно спорить, какъ съ точки зрѣнія принципиальной, такъ и съ точки

зрѣнія ея практическихъ результатовъ, и насчетъ которой можно было бы привести безконечное множество аргументовъ, какъ въ одну, такъ и въ другую сторону. Гражданскій кодексъ освятилъ классовое законодательство, установивши въ спеціальныхъ случаяхъ неодинаковыя правовыя нормы для хозяевъ и для рабочихъ. 1781 статья, напр., указываетъ случаи, когда въ спорахъ между рабочимъ и патрономъ голое утвержденіе послѣдняго должно быть принято на вѣру. Классовый характеръ носить и уголовный кодексъ, когда онъ дѣлаетъ различіе между коалиціями патроновъ и союзами рабочихъ, допуская первыя и строго преслѣдуя вторыя. Классовымъ характеромъ проникнуты и законоположенія XI и XII гг., вводящія рабочія книжки и обрекающія, такимъ образомъ, сотни тысячъ гражданъ на самое худшее рабство; императорскія рѣшенія, запрещающія прислугѣ нанимать комнаты безъ вѣдома своихъ господъ и проживать въ большихъ городахъ больше одного мѣсяца безъ мѣста и, наконецъ, учрежденіе монополизированныхъ посредническихъ конторъ, противъ которыхъ пришлось впоследствии такъ долго бороться. Если подвести итогъ всѣмъ выгодамъ, которыя крупная буржуазія, крестьяне и городскіе рабочіе извлекли изъ того новаго порядка, установленію котораго тѣ и другіе въ неравной мѣрѣ содѣйствовали, то обнаружится, что городскіе рабочіе, вопреки всѣмъ красивымъ философскимъ разсужденіямъ, были самымъ безстыднымъ образомъ ограблены. У нихъ осталось только теоретическое право свободы и равенства. Эта то абстракція и послужить имъ орудіемъ въ ихъ борьбѣ въ теченіе всего XIX вѣка, за болѣе положительныя права.

IV. Второй періодъ революціи, болѣе демократическій, чѣмъ періодъ феллантовъ и весь проникнутый страстностью и пыломъ обездоленныхъ, скрывалъ въ себѣ зародыши болѣе глубокихъ соціальныхъ измѣненій. Это былъ террористическій періодъ. Этотъ періодъ не былъ дѣломъ исключительно рабочихъ, а обитателей предмѣстій

въ союзѣ съ мелкой буржуазіей. Парижская коммуна была его убѣжищемъ. Этотъ именно періодъ производитъ давленіе 21-го сентября 1792 г. на обновленное Національное Собраніе и требуетъ республики; это онъ, въ тотъ моментъ, когда нѣкоторые въ перѣшительности останавливаются передъ чудовищнымъ покушеніемъ и возмутительнымъ клятвонарушеніемъ короля, требуетъ его казни; это онъ, наконецъ, приводитъ къ паденію жирондистовъ и ко всеѣмъ слѣдующимъ за нимъ швелдирующимъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже, по выраженію наиболѣе основательно изучившаго эту эпоху историка Олара, къ quasi—коллективистскимъ мѣрамъ. Революціоннымъ очагомъ были клубы, въ особенности секціи, всегда готовые выступить въ защиту интересовъ народа. Менѣе стѣснявшійся юридическими тонкостями ученыхъ, менѣе обращающій вниманіе на формулы, болѣе склонный къ практической работѣ, этотъ второй періодъ выбралъ цѣлью своихъ нападокъ, помимо монархическаго прошлаго, богатство и финансовое могущество,—все то, что противорѣчило его представленію о равенствѣ. Онъ привлекъ на свою сторону главныхъ сторонниковъ Робеспьера которые заговорили его языкомъ; онъ устранилъ отъ власти жирондистовъ и дантонистовъ, поставивъ на ихъ мѣсто Робеспьера, который впоследствии самъ же подавилъ Революцію. Въ самомъ дѣлѣ, съ достиженіемъ Робеспьеромъ власти начинается контръ-революція. Онъ долго колебался въ выборахъ между истинной демократіей, тенденціи которой онъ выразилъ въ своихъ знаменитыхъ нареченіяхъ о собственности, и буржуазной олигархіей, которой онъ впоследствии сталъ служить и которая сама же его погубила. Конституція 1793 г., принудительный заемъ, прогрессивный налогъ представляютъ собой кульминаціонный пунктъ второго періода; но тенденціи перваго періода опять одерживаютъ верхъ надъ тенденціями второго періода, когда послѣ Гебера, апостола Высшаго Существа, предаются казни матеріали-

сты, атеисты, члены гравильерской и других секцій рабочихъ кварталовъ, — всѣ тѣ, кто занимался разсужденіями на запрещенныя темы. Послѣ казни гебертистовъ Конвентъ, спускаясь все ниже и ниже по наклонной плоскости, довершаетъ 9 термидора, разгромъ радикальныхъ идей. Пробилъ часъ финансистовъ, замаскированныхъ монархистовъ, іезуитовъ, обезображенной Республики. Движеніе было окончательно скомпрометировано. „Гракхъ“ (такъ называли Бабеера), своимъ призывомъ 93 г. еще нарушилъ на одинъ моментъ спокойствіе Директоріи, но только на одинъ моментъ. Директорія, Консульство и Имперія тѣсно между собою связаны и логически другъ изъ друга вытекаютъ. Народъ былъ сначала обманутъ, а потомъ подавленъ.

Уже въ этомъ подавленіи Якобинской Горы крестьяне сыграли огромную роль. Рабы своихъ мелкихъ завоеваній, они пошли противъ Революціи, продолжавшей идти своей дорогой. Въ ихъ лицѣ жирондизмъ нашелъ самыхъ вѣрныхъ защитниковъ. Жирондизмъ въ сущности былъ ничѣмъ инымъ, какъ выступленіемъ провинціи противъ Парижа, опередившаго ее на 52 или на 78 лѣтъ и вдохновлявшагося той грозной ненавистью, которая позднѣе, не зная удержа, вырвется наружу въ іюньскіе дни и во время Коммуны. Въ періодъ отчаянной борьбы между жирондистами и якобинцами въ первый разъ рождается анагема противъ столицы—этой громады съ революціонными идеями. Одни угрожаютъ ей полнымъ разрушеніемъ, другіе хотятъ низвести ея влияние на судьбы Франціи до математическихъ размѣровъ, на которые она имѣетъ право претендовать, какъ составляющая $\frac{1}{33}$ всей страны. Почему? Да просто потому, что, за рѣдкими исключеніями, одинъ только Парижъ содержитъ въ себѣ нарождающійся пролетаріатъ, не удовлетворяющійся жалкой программой Жиронды, полагающій, что Революція деревни носила узко эгонистическій характеръ и считающій подозрительными осторожность

и умѣренность Каэна, Бордо и другихъ проникнутыхъ монархическимъ духомъ городовъ. Побѣжденная и разсѣянная, 31-го мая и 2-го іюня, Жиронда имѣеть слишкомъ много корней, слишкомъ много связей въ провинціи, чтобы быть окончательно покоренной. Она только переживаетъ періодъ затменія, но не полное уничтоженіе. Послѣ 9 термидора она опять выступить побѣдоносной, но только подъ другой кличкой. Она же приведетъ къ реваншу крестьянъ.

V. „Парцеллярная теорія“ была доминирующей доктриной Революціи въ экономической области. Это вовсе еще не означаетъ, что теорія эта не была скоро оставлена, чтобы узаконить прямо противоположный ей порядокъ вещей. Но, какъ это доказалъ Мишлэ, если взять Революцію въ ея началѣ, то въ ея намѣреніяхъ было обобщить собственность, чтобы этимъ самымъ обобщить свободу, ибо тогда думали, что первая является основой послѣдней. Правда, парцеллярная теорія имѣла цѣлью поднять матеріальный уровень одного лишь крестьянства, но мы уже указали на то, что рабочій классъ, по многочисленнымъ причинамъ, не пользовался подобнымъ вниманіемъ со стороны просвѣтителей XVIII в. Какъ бы ограничена не должна была быть область примѣненія „парцеллярной системы“, она все же освятила бы огромной важности нововведеніе, если бы ея дѣйствія не парализовались разными обстоятельствами, алчностью новыхъ богачей и позднѣйшими экономическими явленіями.

Мишлэ, раскрывъ, такимъ образомъ, главный смыслъ Революціи, указываетъ на то, что послѣдняя не вполнѣ удалась потому, что она не была достаточно глубока, что ослабляла свой соціальный характеръ. Онъ ее упрекаетъ въ томъ, что она не дополнила своего отрицанія привилегированной собственности провозглашеніемъ положительнаго права непривилегированной, доступной всѣмъ собственности. Онъ, наконецъ, отмѣчаетъ тотъ

фактъ, что, несмотря на передвиженіе земельной собственности, послѣдняя все же осталась монополизированной. Такимъ образомъ, даже тотъ изъ нашихъ историковъ, который больше другихъ любилъ эту великую эпоху, такъ сказать, переживая ее всѣми фибрами своей души,—и онъ признавалъ уже, что революція урѣзала свою задачу, не дошла до логического своего конца. Возстаніе буржуазіи и крестьянства не осмѣлилось полностью воплотить въ жизнь принципъ, который оно инстинктивно или преднамѣренно положило въ свое основаніе. Какъ бы колоссально, поэтому, ни было передвиженіе земельной собственности въ 1789 и въ 1793 г.г., оно теряетъ, если поближе къ нему присмотрѣться, большую часть своего общественнаго значенія.

Санкціонированіе неограниченнаго права собственности, по образцу римскаго права, жестокое преслѣдованіе, „аграрнаго закона“,—таковы постановленія овладѣвшей собой Революціи. Она въ началѣ вынуждена была допустить, по выраженію Тэна, самопроизвольную наполненную массой грабежей анархію; но грабители спѣшатъ узаконить новое положеніе вещей. Послѣ продажи націонализированныхъ земель, буржуазія, чтобы обезпечить за собою спекуляціи и утвердить свои экономическія привилегіи, формулируетъ самое строгое и самое недвусмысленное опредѣленіе права земельной собственности. Крестьянская демократія, думавшая, что теперь ея имущественное положеніе навсегда упрочилось, не предвидѣвшая ни ипотеку, ни экспропріацій, ни будущаго сосредоточенія бывшихъ феодальныхъ помѣстій въ рукахъ новыхъ, не менѣ жестокихъ господъ,—соглашается съ этой формулировкой, рукоплещетъ ей. Такимъ образомъ, декларации правъ и конституціи признали абсолютный и вѣчный характеръ классоваго господства. Эволюціонистская точка зрѣнія философовъ, равно какъ и парцеллярная теорія, были оставлены, забыты: онѣ уже достаточно послужили во время крестьян-

скаго возстанія и при конфискаціи земель. 21 сентября 1792 г.—по странному совпадению, въ самый день замѣщенія монархіи республикой—Дантонъ предложилъ Конвенту заявить, „что всякая индивидуальная собственность, земельная или промышленная, будетъ всегда сохраняться и находиться подъ охраной націи“. Это было самоубійство Революціи, признаніе ея паденія, провозглашеніе ея классоваго характера.

Но это не было все: королевская власть не преслѣдовала людей, критиковавшихъ собственность, потому что она ихъ считала мало опасными. Напротивъ, буржуазія, достигнувъ власти, стала ихъ преслѣдовать съ крайнимъ остервененіемъ. Такъ какъ коммунизмъ больше не проявлялся (ибо „Заговоръ Равныхъ“ явился только первымъ его выраженіемъ), то она всѣ свои преслѣдованія направила противъ сторонниковъ „аграрнаго закона“. Собственно говоря, раздѣлъ земель былъ лозунгомъ, который выставляли въ деревняхъ сами же руководители комитетовъ въ продолженіе всего періода борьбы противъ конституціонной монархіи. Но это могло только послужить лишнимъ доводомъ, чтобы откренциваться отъ „аграрнаго закона“ и осудить его, какъ преступную и покушающуюся на „естественное право“ теорію. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что „аграрный законъ“ такъ часто фигурировалъ въ революціонныхъ и контръ-революціонныхъ газетахъ и листкахъ за періодъ времени отъ 1789 до 1791 г.г. Аббатъ Мари (Mougu) еще въ 1789 г. сказалъ, что „ограбленіе духовенства можетъ оправдывать всѣ возстанія во имя „аграрнаго закона“. Позднѣе, послѣ 10-го августа, Линде (Thomas Lindet) писалъ: „Революція поведетъ насъ далеко; берегитесь аграрнаго закона!“ Но тогда на очереди стояли задачи болѣе важныя, чѣмъ охрана собственности,—и пророчества эти оставались гласомъ, вопіющимъ въ пустынь. Послѣ провозглашенія Республики и знаменитаго предложенія Дантона, начали нѣсколько больше слѣдить з

тѣмъ, кто требовалъ экономическаго преобразованія въ духѣ Бабёфа. Правительство повело противъ нихъ кампанію въ печати; собраніямъ французскихъ департаментовъ было предложено выразить свое отрицательное отношеніе къ этимъ преобразованіямъ; въ Нормандіи арестовали даже двухъ депутатовъ, которыхъ подозрѣвали въ радикальномъ образѣ мыслей. Наконецъ, 25 февраля 1793 г. Конвентъ обнаружилъ всѣ свои опасенія, весь свой истинный классовый характеръ принятіемъ поправки Левассера и Баррера, декретирующей смертную казнь противъ тѣхъ, „кто предложилъ бы „аграрный законъ“ или какую бы то ни было другую реформу, имѣющую цѣлью ниспроверженіе частной собственности“.

Значитъ ли это, что вторая революціонная волна, волна 1793 г., прониклась тенденціями фельянтовъ, жирондистовъ, дантонистовъ или даже нѣкоторыхъ якобинцевъ, вродѣ авторовъ законопроекта 25 февраля? До тѣхъ поръ, пока Революція черпала свою силу въ низшихъ слояхъ народа, она вынуждена была дѣлать побольше уступокъ городскому рабочему населенію. Но это послѣднее, болѣе несчастное, чѣмъ когда бы то ни было—вслѣдствіе прекращенія всякаго рода работъ и вслѣдствіе продолженія гражданской войны, въ отличіе отъ стараго крестьянина, не обладало никакой собственностью, которую ему приходилось бы защищать. Городской пролетаріатъ не требовалъ точной формулировки права собственности: какая ему была бы польза отъ такой формулировки? Онъ требовалъ себѣ орудія противъ богатыхъ; онъ требовалъ отрицанія самаго права собственности или, по крайней мѣрѣ, ограниченія этого права. Этимъ объясняются разныя заявленія, которыя мы услышимъ съ трибуны Конвента почти сейчасъ же послѣ того, какъ былъ проведенъ законъ, угрожающій смертной казнью пропагандистамъ „аграрнаго закона“. Сэнъ Жюсть заявляетъ: „не нужно ни богатыхъ, ни

бѣдныхъ, имущества конспираторовъ должны быть распредѣлены между несчастными“. Самъ Барреръ сказалъ: „слѣдуетъ уничтожить рабство нищеты“. Другіе проповѣдуютъ „болѣе равномерное распредѣленіе богатствъ“. Колло д'Эрбуа (Collot d'Herbois) и Фушэ, въ Лионѣ, при одобреніи парижской коммуны, постановляютъ, что „больные и бѣдные должны содержаться на счетъ богатыхъ, а всѣ способные къ труду должны быть обезпечены работой“. Рабо Ст. Этьенъ требуетъ назначенія извѣстнаго максимума для богатствъ, такъ какъ имущественное неравенство подрываетъ силу политическаго равенства. Тотъ же самый Конвентъ, который окружилъ такими драконовскими гарантіями частную собственность, ведетъ въ концѣ 1793 и въ началѣ 1794 гг. все болѣе и болѣе ожесточенную войну противъ богатства. Онъ доходитъ до того, что поручаетъ комитету общественнаго благосостоянія изслѣдовать положеніе неимущихъ и отыскать способы ихъ „вознагражденія“. По характерной чертой этой эпохи является метаморфоза, происшедшая съ Робеспьеромъ, бывшимъ въ 1792 г. такимъ яркимъ приверженцемъ новыхъ буржуазныхъ институтовъ. Согласно распоряженію якобинцевъ, онъ защищаетъ въ Конвентѣ поправку, которая гласитъ: „собственность есть право, предоставляющее каждому гражданину пользоваться и располагать той частью благъ, которая ему гарантируется закономъ; право собственности, какъ и всѣ прочія права, ограничено обязательствомъ не посягать на права другихъ.

„Оно не должно противорѣчить ни интересамъ общества, ни принципу свободы, ни личной неприкосновенности, ни праву собственности другихъ гражданъ“ Нѣкоторые сторонники усмотрѣли въ этихъ положеніяхъ зародыши „дополнительной Революціи“, о которой заговариваютъ бабувисты 1796 г. Несомнѣнно, что Робеспьеръ хотѣлъ этимъ, такъ сказать, обласкать народную массу, въ которой онъ тогда нуждался; но онъ скоро повернуть

въ противоположную сторону, чтобы угодить буржуазии, которую онъ старался приобщить къ власти. Этотъ великій политическій дѣятель не боялся быстрыхъ перемѣнъ фронта. Онъ формулировалъ самый, можетъ быть, радикальный законопроектъ Конвента и въ то же время поразилъ первыхъ социалистовъ—членовъ гравильерской секціи, послѣдователей Шометта (Chaumette) и Ру (Roux), этихъ борцовъ за истинное и полное равенство.

Какъ бы то ни было, вопреки освященію римскаго права собственности и вопреки анаемамъ противъ послѣдователей Бабефа, въ промежуточный періодъ Революціи—въ эпоху собственно террористическую—замѣчается тенденція, проникнутая духомъ Руссо и его непосредственныхъ учениковъ. Эта тенденція не имѣетъ въ виду сейчасъ же подкопаться подъ самую основу личной собственности; она ее не трогаетъ. Это не социалистическая, а демократическая тенденція. Сосредоточеніе богатствъ и ихъ привилегіи выставляются на видъ, и противъ нихъ начинается походъ. Эту фазу слѣдуетъ отмѣтить, потому что она предвѣщаетъ, подготавливаетъ и объясняетъ бабунизмъ. По существу, „Гракхъ“ будетъ говорить языкомъ Сэнъ-Жюста и крайнихъ якобинцевъ; но исходя изъ тѣхъ же аргументовъ и имѣя передъ собою ту же цѣль — всеобщее счастье, онъ будетъ стоять за болѣе радикальныя реформы; вотъ почему Директорія примѣнитъ къ нему законъ 25 февраля 1793 г., изданный противъ борцовъ за „аграрный законъ“.

VI. Читатель не найдетъ здѣсь подробной исторіи Заговора Равныхъ. Объ немъ такъ много писалось, что мы позволяемъ себѣ отсылать читателя къ сочиненіямъ, специально посвященнымъ этому предмету. Наша же цѣль состоитъ въ томъ, чтобы указать точное значеніе этого заговора, отмѣтить его мѣсто въ общей цѣли событій, понять его связь съ послѣдними и открыть его происхожденіе. По силѣ своего языка, по общему внѣш-

нему своему виду этотъ заговоръ тѣсно связанъ со всѣми великими революціонными актами, имѣвшими мѣсто между 14 іюля и 31 мая; по основной своей идеѣ—съ философами XVIII вѣка, Руссо, Морелли и съ мелкобуржуазнымъ и пролетарскимъ движеніемъ которое въ 1793 г. чуть было не увлекло за собою крайнихъ якобинцевъ. Оригинальность его заключается въ томъ, что онъ хотѣлъ воплотить въ жизнь идеалы нѣсколькихъ мыслителей, а еще болѣе въ томъ, что онъ предвидѣлъ дополнительную революцію и извлекъ изъ самыхъ низовъ еще несознательныя и неорганизованныя недовольныя массы обездоленныхъ. Его девизъ—это лозунгъ клонящихся къ упадку греческихъ республикъ: война бѣдныхъ противъ богатыхъ.

Заговоръ Равныхъ—бабунизмъ—выступаетъ на сцену какъ разъ въ тотъ моментъ, когда олигархія спекулянтовъ вмѣстѣ съ Баррасомъ (Barres) и его категоріей захватила въ свои руки власть. Онъ начинается подготовляясь въ октябрѣ 1795 г.; 29 февраля 1796 г. Бонапартъ, по приказу Директоріи, закрываетъ общество Пантеона; 10 мая того же года арестовываетъ руководителей коммунистическаго движенія, а 28 мая 1797 г. предаются смертной казни Бабефъ и Дартэ (Darthé). Даты эти далеко не безразличны. Этотъ рядъ событій происходитъ между 9 термидора, датой окончательнаго упадка демократической волны, и 18 брюмера, датой разгрома свободы. Возстаніе коммунистовъ было, такимъ образомъ, протестомъ противъ торжества буржуазіи и новой реакціи, противъ движенія въ сторону диктатуры, вызванной къ жизни обезумѣвшимъ правящимъ классомъ. Будущіе историкъ, которые будутъ удѣлять нѣсколько меньше вниманія войнамъ и нѣсколько больше событіямъ, подготовляющимъ крупныя политическія и соціальныя перевороты, должны будутъ отвести бабуизму довольно обширное мѣсто.

Его главный руководитель, Бабефъ, принадлежалъ къ

классу обездоленныхъ. Онъ былъ въ началѣ слугою, а потомъ земельнымъ комиссаромъ. На этой именно должности онъ познакомился, какъ онъ самъ писалъ, со всеми тайнами ужасной узурпаціи дворянства. Въ 1789 г. онъ принимаетъ участіе въ Пикардійскомъ бунтѣ, заставляя сжечь сеньфіальные архивы на публичной площади города Руа. Во все время Революціи его преслѣдуютъ бывшіе феодалы и добиваются его осужденія, а затѣмъ его преслѣдуетъ комитетъ общественной безопасности. Онъ, повидимому, нѣсколько разъ мѣнялъ свой образъ дѣйствій и свое отношеніе къ Робеспьеру и къ терроризму. Но какъ бы то ни было, его многочисленныя стычки съ властями должны были толкнуть его въ самые крайніе ряды оппозиціи. Его газеты, „свобода печати“ и „трибунъ“ наносили удары направо и налево. Но только послѣ его ареста въ Арросѣ, въ февралѣ 1795 г., его міровоззрѣніе вполне опредѣлилось, несомнѣнно подъ вліяніемъ его бесѣдъ съ сидѣвшими вмѣстѣ съ нимъ политическими заключенными. Онъ вышелъ изъ тюрьмы въ сентябрѣ совершенно созрѣвшимъ для той великой задачи, которую ему пришлось выполнить.

Его міровоззрѣніе цѣликомъ отразилось въ „Трибунѣ“ больше еще, чѣмъ въ документахъ Равныхъ — Маннфестѣ, актѣ возстанія, декретахъ,—которые не онъ одинъ составлялъ и съ которыми онъ никогда не былъ вполне согласенъ. Его учителями были: Дидро, въ особенности Руссо, Мабли, Морелли. Онъ былъ также восторженнымъ поклонникомъ сотрудниковъ Робеспьера, въ особенности Сэнъ Жюста, законическія изреченія котораго онъ часто повторяетъ. Цѣль общества, въ его глазахъ, состоитъ во всеобщемъ счастьѣ. У него хватаетъ смѣлости заявить, что французская революція есть война между плебеями и патриціями, между бѣдными и богатыми и онъ поэтому требуетъ новыхъ социальныхъ реформъ; но „аграрный законъ“ его не удовлетворяетъ, потому что сама по себѣ эта реформа не въ состояніи

установить дѣйствительное равенство, „благосостояніе гражданъ въ процвѣтающемъ отечествѣ“. Но какъ достигнуть этой послѣдней цѣли? Возстаніемъ. „Все великое и достойное народа можетъ быть достигнуто только самимъ народомъ и только тогда, когда не будетъ никого, кромѣ народа“.

Послѣ основанія „Общества Пантеона“ былъ составленъ Манифестъ Равныхъ, принадлежащій перу Сильвенъ Марешала (Sylvain Maréchal); Бабефъ и нѣкоторые изъ его друзей не вполне одобряли Манифестъ, но онъ тѣмъ не менѣе, помимо Декретовъ, остается самымъ важнымъ документомъ тогдашняго коммунистическаго движенія:

„Мы отнынѣ хотимъ жить и умирать равными, какими мы рождаемся; мы желаемъ дѣйствительнаго равенства или смерти“. А дальше слѣдуетъ мысль „Гракха“: „Французская революція есть предвозвѣстникъ другой, гораздо болѣе великой, гораздо болѣе торжественной революціи, которая будетъ послѣдней“.

Манифестъ опредѣляетъ и свои положительные взгляды. Онъ отрещивается отъ „аграрнаго закона“. „Безсердечные богачи—собственники! Напрасно вы пытаетесь парализовать наше святое дѣло, утверждая, что мы стоимъ за аграрный законъ, который не разъ защищался до насъ... Замолчите же, наконецъ, клеветники, и въ смущенномъ молчаніи выслушайте наши требованія, диктуемые природою и основанныя на справедливости“.

„Аграрный законъ или раздѣлъ деревень былъ только минутнымъ желаніемъ безпринципныхъ борцовъ... Мы же стремимся къ чему-то болѣе высокому и болѣе справедливому: къ общему благу или къ общности благъ. Не будетъ болѣе личной собственности на землю! Земля не будетъ принадлежать никому. Мы требуемъ всеобщаго права пользованія плодами земли: плоды принадлежатъ всѣмъ“.

Позднѣе комитетъ возстанія Равныхъ распространялъ

„Анализъ доктрины“ (Analyse de la doctrine), содержащей двѣнадцать пунктовъ: „Природа предоставила каждому человѣку право пользоваться всѣми благами... Никто не могъ, не совершивъ преступленія, обратить въ свою исключительную собственность блага земли и промышленности... Въ основанномъ на справедливыхъ началахъ обществѣ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ... Революція еще не кончилась, потому что богачи все еще поглощаютъ всѣ блага и сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ всю власть, между тѣмъ, какъ бѣдные работаютъ, какъ настоящіе рабы, томятся въ нищитѣ и не принимаютъ никакого участія въ управленіи Государствомъ“.

Наконецъ, декреты, приготовленные на тотъ случай, еслибы заговоръ удался, возвращали народу права собственности на землю, закону—регламентацію труда, коллективности—организацію производства, обращенія продуктовъ и ихъ распределеніе.

По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ—а это, можетъ быть, и вѣрно—Бабефъ, согласившись ранѣе съ коммунистическими принципами, все таки находилъ потомъ возможнымъ выставить требованіе, въ качествѣ переходной мѣры, простого сближенія богатствъ—согласно формулѣ 93 г.—и введенія конституціи I года. Различныя заявленія „Гракха“ во время его процесса подтверждаютъ это мнѣніе; но это въ сущности для насъ не имѣетъ большого значенія, такъ какъ мы менѣе заботимся о томъ, чтобы дать подробности движенія, чѣмъ о томъ, чтобы опредѣлить его историческій смыслъ.

Въ маѣ 1796 г. бабувисты могли рассчитывать на 17.000 человѣкъ въ Парижѣ и имѣли многочисленныя группы въ провинціи. Въ составъ заговорщиковъ входили бывшіе члены секцій и Конвента и члены коммуны; они основывали свою силу на старой якобинской организаціи. Ихъ возникновеніе было въ дѣйствительности возрожденіемъ терроризма, какъ противодѣйствія

ретрограднымъ тенденціямъ Директоріи, склонявшейся мало-по-малу въ сторону реакціи. Извѣстенъ гренельскій эпизодъ, а затѣмъ посланіе Карно Пятистамъ. Процессъ Бабефа былъ однимъ изъ наиболѣе продолжительныхъ—онъ продолжался три мѣсяца—и наиболѣе скандальнымъ. Обвинители вандомскаго Верховнаго Суда опустили до самой низкой степени подлости, бросая въ лицо обвиняемымъ оскорбленія и самую низкую клевету, упрекая ихъ въ томъ, что они будто бы служили дѣлу претендента. Одинъ только изъ судей имѣлъ мужество сказать: „Мы имѣемъ дѣло съ преступленіемъ, цѣль котораго была расшатать до самыхъ основъ французское общество“. Этотъ именно ясновидящій членъ суда былъ вѣрнымъ выразителемъ чувства злобы и испуга, которые испытывала вся буржуазія. Тогда ужъ перестали казнить контръ-революціонеровъ, но Бабефъ и Дартэ должны были погибнуть отъ гильотины за то, что сдѣлали покушеніе на ея величество собственность.

Мы вкратцѣ напомнили факты, резюмировали теоріи, воспроизвели изреченія для того, чтобы читатель могъ судить о томъ, можно ли связать современнѣйшій социализмъ съ бабувистскимъ эпизодомъ.

Мы не думаемъ отрицать того факта, что это народное движеніе не отличалось ни чистотой, ни простотой классовой борьбы. Кадры бабувистовъ наполнялись главнымъ образомъ мелкой буржуазіей. Последняя имѣла исправить яacobинскую революцію, и очень вѣроятно, что изъ 17.000 заговорщиковъ многіе не имѣли ни малѣйшаго представленія о конечной цѣли заговора—соціализаціи имуществъ. Но неужели можно съ увѣренностью сказать, что другія возстанія—1831, 1848 и 1871 гг.—были исключительно пролетарскими? Не вѣрно ли, напротивъ, что благородные люди, вышедшіе изъ среды высшихъ, чѣмъ пролетарскій, социальныхъ слоевъ или даже изъ среды господствующаго класса, прини-

малп въ этомъ возстаніи не только умственное, но активное участіе, съ оружіемъ въ рукахъ?

Затѣмъ, отдѣленіе третьяго сословія отъ четвертаго произошло только уже спустя долгое время послѣ Директоріи, во время развитія машиннаго производства, т. е. въ послѣдніе годы Реставраціи и въ началѣ іюльской монархіи. Для того, чтобы мы привѣтствовали заговоръ бабувистовъ, какъ первую великую дату борющагося социализма, достаточно, чтобы первый преслѣдовалъ ту же цѣль, что и второй: всеобщее счастье, политическое освобожденіе всѣхъ гражданъ путемъ экономической эманципаціи каждаго въ отдѣльности. Заслуга бабувизма, его слава заключается въ томъ, что онъ разоблачилъ частичный неполный характеръ Революціи 1789 г., что указалъ на утвержденіе новой аристократіи на развалинахъ феодальной олигархіи и что, понявъ это, онъ прилагалъ всѣ свои усилія на то, чтобы разбить воздвигнутыя фельянтами и термидоріанцами новыя перегородки между социальными слоями.

Но могли ли Бабефъ и его друзья выйти побѣдителями? Пали ли они только потому, что въ ихъ рядахъ очутился измѣнникъ или же, напротивъ, потому, что ихъ попытка была тогда неосуществима и была сдѣлана на цѣлый вѣкъ раньше времени? Они хотѣли поставить народъ на принадлежащее ему по праву мѣсто, передавъ ему въ руки власть, опрокинувъ социальную пирамиду *et en nivel*. Но этотъ народъ еще не выдѣлился въ особый классъ, демаркаціонныя линіи были еще еле замѣтны; этотъ народъ не проникся еще сознаніемъ своихъ правъ, своей силы, необходимости организовать; онъ еще не представлялъ собою пролетаріата, т. е. класса съ опредѣленнымъ самосознаніемъ, съ объединенной разумной энергіей, направленной въ сторону намѣченнаго идеала, — и вотъ почему бабувисты вербовались, главнымъ образомъ, среди мелкой буржуазіи и такъ мало въ рабочихъ предмѣстьяхъ; потому же самому ихъ попытка была

заранѣе обречена на неудачу. Еслибы даже имъ удалось одержать побѣду въ Парижѣ, крестьяне, только что устроившіеся на своихъ освобожденныхъ и пока еще свободныхъ отъ ипотекъ земляхъ, двинулись бы на нихъ страшнымъ и непобѣдимымъ походомъ. Маршалъ, Дартэ, Буонаротти понимали социальную революцію такимъ же точно образомъ, какъ люди 1789, 1792 и 1793 гг. понимали политическую революцію: они думали, что достаточно одной какой-нибудь чрезвычайной мѣры, вроде ареста правителей, захвата государственной власти, чтобы преобразовать всю внутреннюю структуру общества. Если бы имъ, по счастливой случайности, удалось овладѣть ратушей, то они оказались бы въ большемъ затрудненіи и не знали бы, какъ продолжать свое дѣло. Вся тогдашняя Франція возстала бы противъ нихъ; комбинація разныхъ интересовъ привела бы къ страшнѣйшей реакціи. Настоящая, имѣющая рѣшающее значеніе революція выходятъ изъ самыхъ низовъ общества и выплываютъ на поверхность, благодаря методической и непрерывной работѣ экономическихъ силъ: послѣднія же не рождаются ни отъ заговора, ни отъ какихъ бы то ни было личныхъ иниціативъ. И по этой самой причинѣ въ то время, какъ 89 г. сметаетъ съ лица земли цѣлый строй, бабувисты оставляютъ въ исторіи одно лишь воспоминаніе объ ихъ пророческомъ предвидѣніи, объ ихъ высшей гуманности и о кровавой драмѣ, жертвами которой они пали. Но важность событій не измѣряется достигнутыми результатами. 1831, 1848 и 1871 гг. также были датами поражений для пролетаріата, но это не помѣшало ему съ благоговѣніемъ занести эти даты въ свою пролетарскую лѣтопись; и рядомъ съ этими знаменитыми датами онъ ставитъ также и 1796 г., а бабувистовъ рядомъ съ іюльскими и майскими инсургентами, потому что, какъ одни, такъ и другіе,—опередивъ свою эпоху и устремивши свои взоры къ отдаленнымъ горизонтамъ будущаго,

гдѣ сіяло солнце,—имѣли мужество заявить, что эра великихъ революціонныхъ переворотовъ еще не закончилась.

III.

Предвѣстники социализма.

Сень-Симонъ и Фурье.

I. Эпоха первой Имперіи есть одна изъ наиболѣе безцвѣтныхъ историческихъ эпохъ, особенно, если исходить изъ точки зрѣнія социальной. Для четвертаго сословія она была пустой, бесплодной и не оказала почти никакого вліянія на образованіе пролетаріата, какъ и на слѣдующую внутреннюю эволюцію Франціи. Она наполнена большими войнами съ громкими побѣдами, завоеваніями, неограниченнымъ расширеніемъ границъ,—и все это продолжается до тѣхъ поръ, пока пробудившіяся націи не ополчаются во имя тѣхъ самыхъ принциповъ, которые мы сѣяли по всему свѣту—противъ притязаній имперскаго авантюриста. Внутри—величественное спокойствіе римскаго деспотизма, усыпленіе якобинцевъ, утопающихъ въ роскоши и почестяхъ, снисходительность буржуазіи, заботящейся только о сохраненіи своихъ вновь приобретенныхъ имуществъ и довольной тѣмъ, что занимаетъ высшія государственныя мѣста. Правда, мало-по-малу энтузіазмъ буржуазіи пропадаетъ по мѣрѣ того, какъ рекрутскіе наборы начинаютъ все больше и больше ее обременять, нарушать ея спокойствіе; но, въ общемъ, повсюду царитъ какое-то оцѣпенѣніе, наступающее обыкновенно послѣ крупныхъ политическихъ кризисовъ: послѣ анархіи и продолжительнаго возстанія чувствуется потребность въ организаціи. Въ началѣ первой Имперіи имѣютъ мѣсто лишь нѣсколько роялистскихъ заговоровъ, сейчасъ-же потопленныхъ въ крови; къ концу—

нѣсколько безсильныхъ попытокъ со стороны старыхъ революціонеровъ, немогущихъ мприться съ новымъ игомъ. Армія охраняетъ новые институты и диктатуру; гражданскій кодексъ освящаетъ социальную хартію побѣдоноснаго третьяго сословія; уголовный кодексъ окружаетъ его собственность самыми страшными гарантіями. Чего могъ бы еще желать господствующій классъ, т. е. финансовая аристократія и крупные торговцы? Онъ желаетъ мпра и кой-какого либерализма, т. е. какъ разъ того, чего Имперія не можетъ ему дать, не отказавшись отъ своихъ собственныхъ прерогативъ. Но этотъ классъ не требуетъ; онъ ждетъ; онъ обогащается. Впрочемъ, своей безумной алчностью, своими испанской, португальской и русской кампаніями Наполеонъ работаетъ на благо буржуазіи.

Аграрная аристократія—эмигранты Кобленца и Киброна—частію вернувшаяся во Францію, ведетъ интриги противъ новаго правительства. Корсиканскій узурпаторъ открываетъ ей свои салоны, даетъ ей подачки и оказываетъ ей много вниманія, чтобы, такимъ образомъ, сблизить старую аристократію съ новой. Но первая ничего отъ него не принимаетъ, не желая дѣлить власть съ буржуа, владѣльцами ея конфискованныхъ имуществъ. Роль дворянства остается, такимъ образомъ, ничтожной. Что же касается народа, то онъ представляетъ собою неорганизованную массу, лишенную всякаго общественнаго теченія, если не считать недовольства противъ растущихъ налоговъ и рекрутскаго набора. Этотъ прежній горячій защитникъ свободы также отдыхаетъ послѣ перенесеннаго имъ сотрясенія; городскіе рабочіе и крестьяне примиряются съ ничтожной ролью, отведенной имъ конституціей. Они на дѣлѣ лишены какъ активнаго, такъ и пассивнаго избирательнаго права; они несутъ натуральныя и земельныя повинности, смиренно покоряются разнаго рода полицейскимъ законамъ, покушающимся на, считавшіяся раньше священными, права гражданъ, а по-

бѣдителя Аустерлица и Гены они привѣтствуютъ криками: да здравствуетъ Императоръ! Какой бы дорогой цѣной ни покупалась ея слава, Франція угнетаемыхъ и бѣдныхъ живетъ только для этой славы; она больше беспокоится о движеніяхъ войскъ и о планахъ Англіи и Россіи, чѣмъ о соціальныхъ преобразованіяхъ. Она впадаетъ въ рабство, потому что она безсильна мыслить, дѣйствовать, потому что она чувствуетъ потребность довѣриться чужой мысли, чужой волѣ и потому еще, что, въ концѣ концовъ, въ лицѣ Наполеона она почувствовала законодателя „ровнаго раздѣла“ и врага прошлаго. Этотъ періодъ отъ 1804 до 1815 года, давшій такой богатый матеріалъ военнымъ писателямъ и историкамъ стараго покроя, не займетъ и десяти страницъ въ дѣйствительной исторіи общества.

II. Реставрація возвращаетъ на время власть бывшему дворянству, которому союзники широко открываютъ границы Франціи. Въ этомъ все значеніе 15 лѣтъ, протекшихъ отъ 1815 до 1830 года: земельная аристократія, которая въ теченіе четверти вѣка была исключена третьимъ сословіемъ изъ управленія государствомъ, опять беретъ верхъ, горделиво трубить свою побѣду, изощряется въ репрессивныхъ мѣрахъ и опять вноситъ въ общественную жизнь изгяды „старого режима“. Въ области политики и религіи она претендуетъ вычеркнуть неизгладимый актъ—революцію. Она воображаетъ даже, что ей удалось навсегда ее вычеркнуть, потому что ей удалось вознаградить себя за понесенныя ею пораженія, видоизмѣнить гражданскій кодексъ, усложнить уголовный и отдать Францію въ руки конгрегацій.

Отъ времени до времени общественное недовольство достигаетъ угрожающихъ размѣровъ: тогда монархъ прибѣгаетъ къ мнимо-либеральной политикѣ, которая обезоруживаетъ оппозицію. Но, вообще говоря, при Людовикѣ XVIII, какъ и при Карлѣ X, и вопреки участію въ министерствѣ юрисконсультовъ мелкодворянскаго и буржу-

азнаго происхожденія,—страной управляютъ бывшіе сенъ-оры. Послѣдніе не проявляютъ по отношенію къ філософіи даже той снисходительности, которой отличались ихъ предки; Вольтеръ никогда не возбуждалъ къ себѣ больше ненависти, чѣмъ въ эту эпоху; Руссо никогда не подвергался ни большому высмѣиванію, ни большимъ оскорбленіямъ. Классъ, частью экспропрированный декретами Учредительнаго Собранія, пытается теперь возстановить свои прерогативы. Избирательные законы, изданные между 1815 и 1830 гг., болѣе или менѣе точно отражаютъ олигархическій духъ, которымъ были проникнуты законодатели этой эпохи: это ужъ не только буржуазные, но и феодальные законы, потому что они стремились свести на нѣтъ участіе страны въ управленіи государствомъ и основать политическое право на землевладѣніи.

Но введенная представителями „блага террора“ система является совершенно искусственной; ни Виллель (Villele), ни Лабурдоннэ (Labourdonnaye), ни Полиньякъ (Polignac) не поняли требованій своей эпохи. Попытка аграріевъ фатально и черезъ короткое время должна была потерпѣть крушеніе, потому что она шла наперекоръ экономической эволюціи. При Людовикѣ XVIII, а въ особенности при Карлѣ X, старое дворянство не могло больше найти тѣхъ спеціальныя условія, на которыхъ основывалось его господство до конца XVII в., превосходство богатствъ, монополію собственности, сосредоточеніе недвижимыхъ имуществъ. Съ самаго же начала обнаружился разладъ между политическимъ порядкомъ и социальнымъ положеніемъ вещей, а такъ какъ первый является надстройкой второго, то, когда социальный базисъ измѣняется, политическая надстройка все болѣе и болѣе теряетъ почву и естественно рушится.

Буржуазія росла; законы Консульства и Имперіи хорошо упрочили ея власть; финансовая аристократія развивалась, а вмѣстѣ съ ней росла и роль движимаго бо-

гатства, этого соперника гегемоніи землевладѣльцевъ. Основывались банки; вліяніе кредита усиливалось по мѣрѣ того, какъ развивались промышленность и ви́шняя и внутренняя торговля. Тогдашнее экономическое развитіе—несомѣнно менѣе интенсивное, чѣмъ при іюльской монархіи, но уже довольно значительное и достигавшее все высшей и высшей ступени по мѣрѣ приближенія къ 1830 г.—ростъ машиннаго производства и полный переворотъ въ перевозочной промышленности,—все это пошло на пользу бывшему третьему сословію, вполнѣ приспособленному по своему происхожденію, направленію ума, могуществу сосредоточенныхъ въ его рукахъ капиталовъ и по своей жаждѣ наживы—къ эксплуатаціи новыхъ изобрѣтеній и къ увеличенію ихъ доходности. Новые научные приемы позволяли буржуазіи пустить въ оборотъ суммы, накопившіяся въ ея сундукахъ путемъ спекуляцій съ національными имуществами; ученые, открывшіе наиболѣе усовершенствованные для того времени способы производства, были дѣйствительными творцами, послѣдовавшихъ за этими изобрѣтеніями, крупныхъ политическихъ перемѣнъ.

Добываніе каменнаго угля—еще очень слабое, такъ какъ локомотивы были еще очень мало распространены, а паровые двигатели только что появились—удвоилось за десятилѣтній періодъ отъ 1820 до 1830 г.г., поднявшись съ одного до двухъ милліоновъ тоннъ *); производство желѣза увеличилось отъ 80.000 до 148.000, а производство чугуна—отъ 110.000 до 267.000. Ви́шній обмѣнъ Франціи достигъ почти миллиарда фр., т. е. цифры 1789 г., въ то время, какъ войны Имперіи низвели эту цифру къ моменту отреченія Наполеона отъ престола до 600,000; экспортъ предметовъ фабричнаго производства исчислялся наканунѣ Ордонансовъ въ 340 милліоновъ, въ то время, какъ однихъ только тканей было вывезено на 220 милліоновъ.

*) Тонна=62 пуд.

Но не аристократія, вновь призванная ко двору, увлекала матеріальныя выгоды изъ всего этого развитія производства и торговли, а буржуазія, которая была отстранена отъ власти и которую хотѣли отодвинуть на второй планъ. Чѣмъ больше она обогащалась, тѣмъ настойчивѣе дѣлалась она въ своихъ политическихъ требованіяхъ, тѣмъ сильнѣе становилось ея озлобленіе, тѣмъ энергичнѣе становились ея протесты противъ режима, отнимающаго у нея слѣдующее ей мѣсто. Сравнивая свою инициативу, свою творческую смѣлость съ инертностью и косностью дворянства, о которой свидѣтельствовали запущенность имѣній и упадокъ земледѣлія, она возмущалась оскорбительной для нея политикой реставрированной династіи. Надѣленная экономическимъ господствомъ, она требовала и политическаго господства. Что же касается системы, которую она бы предпочла бурбонскому абсолютизму, то въ этомъ отношеніи ея идеалы не отличаются особенной устойчивостью. Она поочередно оказывала свое содѣйствіе конституціонной монархіи, Республикѣ и даже Имперіи. Сущность была для нея важнѣе формы: она только искала и подготавливала режимъ, который вернулъ бы ей дѣйствительную и официальную власть.

Не больше, чѣмъ разбогатѣвшее третье сословіе, былъ доволенъ Реставраціей народъ. Онъ слишкомъ хорошо видѣлъ въ ней реваншъ эмигрантовъ, возвращеніе людей, которыхъ онъ прогналъ изъ Бастиліи, Версаля и Тюльери. Ему было отказано въ провозглашенномъ Револуціей политическомъ равенствѣ. Съ нимъ обращались такъ, какъ будто и не было 1789 г.: такъ какъ феодальныя привилегіи были навсегда уничтожены и ихъ невозможно было возстановить, то нашли новыя средства, позволяющія выколачивать изъ народа подати. Королю нужно было много денегъ, чтобы залѣчить раны своего дворянства, уплатить вознагражденія за конфискованныя имущества, оказывать поддержку обѣдѣвшимъ изъ-за событій дво-

рянскимъ семьямъ. Бюджетъ мало-по-малу росъ; онъ поднялся съ 825 милліоновъ въ 1800 г., до 981 милліона въ 1825 г., до 1095 милліоновъ въ 1830 году. Кто же доставлялъ средства, необходимыя для покрытія этихъ непрерывно растущихъ расходовъ? Все это давалъ народъ, въ особенности городское населеніе. Въ то время, какъ прямыя налоги остались почти неподвижными— 264 милліона въ 1800 г., 291 милл. въ 1815 г., 271 милл. въ 1825 г., 270 милл. въ 1830 г.—косвенныя налоги возрасли съ головокруглительной быстротой. Отъ 1800 г. до 1825 г. они увеличились въ 4 раза, т. е. въ той же пропорціи, какъ за періодъ времени отъ 1825 до 1882 г. Они исчислялись въ 162 милл. въ началѣ Консульства, достигли 342 милл. ко времени вступленія союзниковъ, 567 милл. при восшествіи на престолъ Карла X; ихъ прогрессирующее движеніе не останавливалось ни при Виллельмѣ, ни при Полиньякѣ. Легко, поэтому, понять раздраженіе низкихъ слоевъ населенія, у которыхъ все больше и больше выжимали налоговъ, въ то самое время, когда быстрое развитіе машиннаго производства и безъ того перевернуло вверхъ дномъ всѣ ихъ привычки и омрачало ихъ перспективу будущаго. Помимо этого, постройка фабрикъ, сосредоточеніе промышленности въ крупныхъ центрахъ и введеніе новыхъ механическихъ орудій вызвали къ жизни зачатки пролетаріата. Изъ всей массы рабочихъ выдѣлилась теперь одна часть, численность которой должна была быстро возрасти, уже не работавшая, какъ раньше, въ домашнихъ мастерскихъ, а соединенная крупными заведеніями въ дисциплинированную армію труда. вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ безработица и нищета сдѣлались все болѣе и болѣе частнымъ явленіемъ: лишившись своихъ орудій труда, а иногда и самого труда, ремесленники стали проявлять свое недовольство, формулировать свои первыя требованія, диктуемыя страданіями и порабощенностью. Эти лишеныя избирательнаго права пролетаріи, которымъ

не оставили даже жалкаго подобія на право, достаточно созрѣли для того, чтобы услышать новыя рѣчи, чтобы принимать участіе во всякомъ переворотѣ. Реставрація возстановила, такимъ образомъ, почти весь французскій народъ. И только благодаря какому-то чуду, или, вѣрнѣе, тому, что періодъ времени отъ 1789 г. до 1815 г. потребовалъ такого напряженія народной энергіи, что всѣ ощущали потомъ необыкновенную потребность въ отдыхѣ и покоѣ, она могла продержаться цѣлыхъ 15 лѣтъ.

III. Въ этотъ именно періодъ нашей исторіи, когда разладъ между экономической структурой и политическимъ режимомъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивался, явились предвѣстники социализма, писатели, извѣстные подъ именемъ „утопистовъ“. Бабефъ испустилъ крикъ гнѣва противъ узурпаторовъ народной Революціи; его критика общества была кратка, она сводилась къ нѣсколькимъ общимъ идеямъ, была лишена детальной разработки, которая клеймила бы позоромъ всѣ пороки режима, явившагося законнымъ дѣтищемъ термидорской реакціи. Вместе съ Сень-Симономъ и Фурье (мы оставляемъ въ сторонѣ англичанина Оуэна) является подробно мотивированный протестъ противъ крайняго индивидуализма, санкціонируемаго социальными институтами. Возможно, что между этими двумя великими писателями и современными социалистами существуютъ огромныя разногласія, и что первые въ положительной части своей остались далеко позади своихъ преемниковъ періода польской монархіи. Но эпоха, въ которую они жили, не могла имъ дать матеріаловъ, которыми во вторую половину XIX столѣтія могли пользоваться Пещъ (Реве), Генри Джоржъ или Марксъ. Не слѣдуетъ забывать, что Фурье и Сень-Симонъ приходили въ соприкосновеніе съ Талейраномъ, Шатобрианомъ, м-ме Сталь и Бенжаменъ Констаномъ и что, поэтому, несмотря на нѣкоторыя пробѣлы или отсталыя мнѣнія, приходится восторгаться ихъ исключительнымъ прони-

пательнымъ умомъ. Правда, они не объявляли себя коммунистами; они даже отреклись отъ этого эпитета, оставаясь въ этомъ отношеніи позади бабуистовъ, а еще большую отсталость они проявляли въ своихъ социальныхъ стремленіяхъ. Они не отвергали также и религіи: провидѣнію и христіанству было отведено мѣсто въ ихъ системѣ. Но мы обращаемъ вниманіе читателя на ту особенность, за которую всемірный пролетаріатъ долженъ относиться съ уваженіемъ къ этимъ писателямъ, а, именно, на энергичный натискъ послѣднихъ противъ современнаго (имъ) социальнаго режима, при чемъ они высказались съ полной опредѣленностью противъ англійской или псевдолиберальной политической экономіи. Они оставили послѣ себя: одинъ—философію исторіи и стройную картину эволюціи, а другой—такой тонкій анализъ конкуренціи и такой полный и сжатый обвинительный актъ противъ этой послѣдней, что мы невольно себя спрашиваемъ, превзошелъ ли ихъ кто-нибудь въ этомъ отношеніи. Ихъ заслуга состоитъ въ томъ, что въ едва образовавшемся новомъ общественномъ строѣ имъ удалось раскрыть—кромѣ недостатковъ, кромѣ внутреннихъ его пороковъ и зародыша будущей гибели этого строя—и тѣ прогрессивные элементы, которые онъ въ себѣ заключаетъ. Сень-Симонъ далъ свѣту руководящій принципъ, а Фурье намъ показалъ, какая бесполезная трата силъ связана съ торжествомъ капиталистическаго способа производства.

Если эти два предвѣстника социализма могутъ быть названы утопистами, если мы сохраняемъ за ними этотъ эпитетъ, которымъ ихъ обыкновенно окрещиваютъ консервативные историки и который мы не думаемъ употреблять въ обидномъ для нихъ смыслѣ, то это, конечно, не потому, что ихъ практическіе выводы совершенно непримѣнимы. Уже теперь на практикѣ позаимствовано у Фурье не мало частныхъ, а въ будущемъ, быть можетъ, ихъ придется позаимствовать въ гораздо

большихъ размѣрахъ. Позволительно, однако, назвать утопистомъ всякаго, кто, опережая условія своей эпохи, удѣляетъ будущему больше вниманія, чѣмъ настоящему и приспособляетъ свое мышленіе къ едва зарождающимся явленіямъ. А это, именно, и случилось съ нашими предвѣстниками. Въ то время, когда они писали свои сочиненія, экономическая эволюція получила уже опредѣленные очертанія, но не получила еще всего своего размаха. Они же пытались представить эту эволюцію въ ея полномъ объемѣ, т. е. то, что должно было наступить только при Людовикѣ Филиппѣ. Съ другой стороны, они высказывали мысли, формулировали требованія и системы, которыя могли рассчитывать на сочувствіе и поддержку лишь ограниченнаго числа людей. Благодаря утопистамъ, социалистическая критика появилась раньше образованія пролетаріата. Еще раньше, чѣмъ оно выпрямилось во весь свой ростъ, четвертое сословіе, находившееся еще въ полусонномъ состояніи, уже имѣло, такъ сказать, цѣлый арсеналъ. Но не менѣе вѣрно и то, что Фурье и Сень-Симонъ оставили въ наслѣдство социалистамъ 1840 г. огромный запасъ матеріаловъ, и также еще болѣе цѣнное наслѣдство: первое завоеваніе для дѣла пролетаріата передовой интеллигенціи, первые элементы внѣшней пропаганды.

Мы не останавливаемся на описаніи жизни Сень-Симона, одной изъ наиболѣе удивительныхъ и наиболѣе плодотворныхъ жизней XIX вѣка. Въ отличіе отъ Бабефа, онъ происходилъ изъ высшей аристократіи. Проведши счастливое дѣтство и бурное юношество, онъ предался затѣмъ всевозможнымъ наукамъ, растратилъ все свое достояніе и въ одинъ прекрасный день оказался совершеннымъ бѣднякомъ. Но здѣсь не мѣсто останавливаться на біографическихъ подробностяхъ. Мы предпочитаемъ зарегистрировать основныя положенія, вытекающія изъ трудовъ мыслителя. *La Réorganisation de la Société Européenne, l'industrie, l'organisateur, la Politique,*

le système industriel, le Catéchisme des industriels, les Opinions, le nouveau Christianisme.

1-е. Сень-Симонъ представилъ совершенно новую философію исторіи, съ которой, по удивительной ея стройности, не можетъ сравнятся ни одна изъ предшествовавшихъ ей аналогичныхъ философій. Вико, Лессингъ, Тюрго, Контъ, Гердеръ, Кондорсеъ пытались формулировать законъ развитія человѣчества, но они представили намъ только процессъ совершенствованія, не указавъ конечной стадіи этого процесса. Въ „Resumé général de la doctrine saint-simonienne“ справедливо указывается на открытіе родоначальника этой школы. По мнѣнію послѣдняго, цѣль, къ которой стремится общество—это всеобщая ассоціація. Чѣмъ отдаленнѣе прошлое, тѣмъ уже сфера вліянія этого принципа. Онъ породилъ послѣдовательно семью, городъ, націю, наконецъ, федерацію, основанную на общности вѣрованій, какъ на примѣръ, католицизмъ; эта послѣдняя стадія пока еще не была превзойдена. Болѣе того, въ нынѣшнее время борьба ведется непрерывно и внутри общества и между отдѣльными обществами. Когда, наоборотъ, всеобщая ассоціація восторжествуетъ, всѣ человѣческія усилія будутъ гармонически комбинированы. Антагонизмъ людей исчезнетъ, чтобы уступить мѣсто всеобщему согласію. Какимъ образомъ будетъ достигнутъ этотъ благодѣтельный результатъ? „Путемъ постоянного улучшенія, въ смыслѣ моральномъ, умственномъ и физическомъ, участи наиболѣе многочисленнаго и наиболѣе обездоленнаго класса“. Вотъ уже важное положеніе, опредѣляющее направленіе эволюціи. Примѣняя свое міровоззрѣніе къ исторіи прошлаго, Сень-Симонъ намъ напоминаетъ, что вначалѣ люди пожирали другъ друга. Рабство было первой стадіей прогресса, несмотря на то, что эксплуатация челоѣка челоѣкомъ охватывала тогда всѣ стороны жизни. За рабствомъ послѣдовало крѣпостничество, а за послѣднимъ—наемный трудъ; и это опять-

такъ, несомнѣнно, прогрессъ, хотя эти стадіи являются только болѣе слабыми формами эксплуатаціи: „Достаточно бросить взглядъ на все происходящее вокругъ насъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что рабочій, за исключеніемъ интенсивности труда, эксплуатируется материально и морально, какъ эксплуатировался когда-то рабъ. Кромѣ того, нашъ авторъ заявляетъ, что существуетъ наследственность нищеты. Это—полное глубокаго смысла оригинальное замѣчаніе, котораго пикто до Сень-Симона не сдѣлалъ, и которое само по себѣ характеризуетъ сень-симонистскую работу. Распространяясь на всю совокупность явленій, имѣвшихъ мѣсто на протяжении всей исторіи человѣчества, эволюціонный законъ, философія, разработанная авторомъ „Новаго Христіанства“, даетъ ему основныя данныя соціологической критики. Распространеніе опытныхъ знаній, введенныхъ арабами, было въ XII вѣкѣ могучимъ революціоннымъ ферментомъ. Движеніе, приведшее къ 1789 г., всецѣло возникло, послѣ освобожденія Коммунъ, благодаря открытіямъ ученыхъ. Дворянство и духовенство пали потому, что стали бесполезными, и самый прогрессъ науки осудилъ ихъ на исчезновеніе. Власть должна перейти въ руки промышленнаго класса, который будетъ примѣнять все изобрѣтенія, и будетъ управляться наиболѣе просвѣщенными людьми. Слѣдуетъ затѣмъ знаменитая „Парабола“, довольно страшная и довольно смѣлая для того времени. „Предположимъ, что Франція вдругъ потеряетъ первыхъ пятьдесятъ физиковъ, первыхъ пятьдесятъ химиковъ, первыхъ пятьдесятъ поэтовъ, первыхъ пятьдесятъ священниковъ... и т. д. (длиннѣйшій перечень), — тогда нація сдѣлается тѣломъ безъ души. Но предположимъ, наоборотъ, что мы вдругъ потеряли короля, членовъ королевской семьи, министровъ, дворянъ,—отъ этого не произойдетъ никакого ущерба для государства. А между тѣмъ, въ настоящее время именно эти бесполезные люди управляютъ

страной... Существуют три политическія группы: ретрограды, дѣлающіе попытку возврата къ прошлому режиму; консерваторы, желающіе все примирить, что имъ не удастся; наконецъ, либералы, плетущіеся въ хвостъ бонапартистовъ и не вносящіе никакого элемента порядка“. Изъ всѣхъ этихъ соображеній дѣлается заключеніе, что одни только промышленники въ состояніи вывести страну изъ неурядицы, организовавъ промышленность. Сень-Симонъ признаетъ, такимъ образомъ, крупный экономическій переворотъ, который санкціонуется паденіемъ стараго режима, и который требуетъ соответствующихъ политическихъ послѣдствій. Такъ какъ господство науки отождествляется съ той соціальною категоріей, которую онъ призываетъ къ власти, т. е. съ торжествомъ разбогатѣвшаго третьяго сословія, то онъ, не колеблясь, обосновываетъ теорію буржуазнаго правительства, которое утвердится послѣ 1830 г.

2-е. Наука не находится въ противорѣчій съ религіей. Авторъ „Opinions“ не былъ ни атеистомъ, ни невѣрующимъ. Далекій отъ того, чтобы противопоставлять научное міровоззрѣніе религіозному, онъ ихъ соединяетъ, подкрѣпляетъ одно другимъ. Это примиреніе непримиримаго не ставитъ Сень-Симона въ затруднительное положеніе, не тянетъ его назадъ; напротивъ того, онъ полагаетъ, что новому обществу нужна будетъ новая религія, способная породить новую политику. Мы тутъ подходимъ къ слабому пункту теоріи, къ той части системы, отъ которой получили начало самыя причудливыя aberrации нѣкоторыхъ послѣдователей. А несуразностей немало: съ одной стороны — восхваленіе положительной философіи, апофеозъ разума, изучающаго ходъ цивилизаціи и резюмирующаго всѣ свои наблюденія въ одномъ общемъ законѣ; съ другой — преклоненіе передъ первоначальнымъ христіанствомъ, передъ моралью Христа, которой будетъ достаточно, чтобы направить общество къ его главной цѣли — къ возможно болѣе бы-

строму улучшенію участи бѣднѣйшаго класса. Какъ на этомъ обновленномъ протестантизмѣ воздвигнуть зданіе „индустриализма“? Это вопросъ, на который мы находимъ у Сень-Симона лишь довольно туманный отвѣтъ.

3-е. Нѣтъ измѣненій въ социальномъ строѣ безъ измѣненій въ институтѣ собственности. Еще одна оригинальная мысль, если не сама по себѣ, то, по крайней мѣрѣ, по своей лапидарной формѣ. „Очевидно, что въ каждой данной странѣ основнымъ закономъ является тотъ, который устанавливаетъ собственность и мѣры для ея защиты; но изъ того, что этотъ законъ является основнымъ, еще не слѣдуетъ, что онъ не можетъ видоизмѣняться. Необходимо только законъ, устанавливающийъ право собственности, а не такой, который установилъ бы самую форму ея..., ибо личное право собственности можетъ быть основано только на полезности его для общества, а послѣдняя можетъ мѣняться со временемъ“. Это — возвратъ къ традиціямъ эволюціонистовъ XVIII вѣка. Божественное происхожденіе права собственности отвергается Сень-Симономъ, какъ и философомъ XVIII вѣка. Институтъ собственности дѣлается социальнымъ твореніемъ, продуктомъ договора, и находится всегда въ полной власти коллективности и государства. Этимъ была пробита брешь въ либеральной политической экономіи, избѣгавшей всякихъ споровъ.

4-е. Сень-Симонъ не требуетъ ни всеобщаго избирательнаго права, ни абсолютнаго равенства. Борясь противъ индивидуализма, онъ въ то же время считаетъ неравенство неизбѣжнымъ. Но онъ полагаетъ, что всѣмъ людямъ должна быть въ одинаковой степени предоставлена возможность достигнуть самаго высшаго общественнаго положенія путемъ оказываемыхъ обществу услугъ. Въ представленіи заговорщиковъ 1796 года цѣль общества заключается въ достиженіи всеобщаго счастья путемъ торжества принципа равенства. Цѣль остается та же и для Сень-Симона, но онъ самымъ энергичнымъ обра-

зомъ оспариваетъ предлагаемыя бабувистами средства для достиженія цѣли. Но изъ формулированныхъ Сень-Симономъ принциповъ вытекаютъ новыя тенденціи, заслуживающія быть отмѣченными. Такъ какъ рабочему должна быть дана возможность поднять уровень своего благосостоянія при помощи труда, то на обязанности государства—доставлять работу всѣмъ способнымъ къ труду людямъ;—это не что иное, какъ признаніе права на трудъ; кромѣ того, „государство постарается возможно больше распространять среди класса пролетаріевъ приобретенныя положительныя знанія и гарантировать личностямъ, составляющимъ этотъ классъ, удовольствія и развлеченія, способныя развивать ихъ умъ“. Программа расширяется, развертывается. Въ первый разъ пролетаріатъ выставляется, какъ совершенно отдѣльный классъ. Мы, такимъ образомъ, подошли къ принципу государственнаго вмѣшательства, который уже раньше привѣтствовали нѣкоторые публицисты-демократы XVIII вѣка.

5-е. По вопросу о политической организаціи общества Сень-Симонъ колебался между разными политическими системами. Онъ думалъ, что, какъ въ средніе вѣка, во времена Людовика Тонстаго, котораго онъ охотно цитируетъ, возможно соглашеніе между королемъ и промышленными классами. Онъ, поэтому, высказывался за сохраненіе монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ она функционировала; позднѣе онъ требовалъ внесенія поправки въ Хартію, а еще позднѣе—уже пророчествовалъ гибель монархическаго режима. Но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что онъ хотѣлъ основать нѣчто въ родѣ аристократическаго государства, управленіе которымъ принадлежало бы не наиболѣе сильнымъ и наиболѣе богатымъ, а наиболѣе образованнымъ—артистамъ, ученымъ и т. д.

6-е. Авторъ сочиненія „Новое христіанство“ (Le Nouveau Christianisme) первый изъ своихъ современниковъ понялъ, какія крупныя измѣненія наука должна была

внести въ международныя отношенія и въ средства сообщенія. Извѣстно, что онъ предсказывалъ возникновеніе нѣкоторыхъ изъ крупныхъ предпріятій, какъ прорытіе перешейковъ и др., которыя были выполнены, или для осуществленія которыхъ были сдѣланы попытки не раньше второй половины XIX вѣка, и этимъ объясняется какъ его преклоненіе передъ „индустриализмомъ“, такъ и тотъ фактъ, что его не отпугивали спекулянты и финансисты, въ которыхъ онъ скорѣе видѣлъ служителей прогресса.

Мы изложили основныя мысли Сень-Симона такъ, какъ онѣ представляются въ его сочиненіяхъ. Можетъ быть, читатель найдетъ, что онѣ не всегда тѣсно между собою связаны, и онъ въ этомъ отношеніи не ошибается: мысли Сень-Симона, дѣйствительно, не лишены противорѣчій. Но изъ этого недостаточно систематическаго аггломерата положеній, нерѣдко очень ясныхъ, очень справедливыхъ и очень смѣлыхъ, получается впечатлѣніе, котораго до тѣхъ поръ не производилъ никакой другой писатель. Каково бы ни было сходство между этимъ великимъ писателемъ, умершимъ (это слѣдуетъ отмѣтить, ибо дата имѣетъ свой интересъ) въ 1825 г., съ энциклопедистами, какъ въ отношеніи общаго имъ оптимизма, такъ и въ отношеніи теоріи эволюціи,—онъ ихъ превосходитъ съ точки зрѣнія толкованія, которое онъ далъ своей эпохѣ, а также оригинальностью взгляда и симпатіями къ тому классу, который до него смѣшивали съ третьимъ сословіемъ, и который еле нарождался во время Реставраціи, т. е. его отношеніемъ къ пролетариату. Одной своей философіей исторіи Сень-Симонъ заслуживаетъ того, чтобы ему было отведено почетное мѣсто въ лѣтописяхъ социальдемократіи.

V. Ученіе учителя не осталось неизмѣннымъ. Его ученики, число которыхъ возросло къ концу Реставраціи и въ началѣ Польской Монархіи, видоизмѣнили, расширили это ученіе, даже уклонились отъ него или,

по меньшей мѣрѣ, утрировали нѣкоторыя положенія первоначальной теоріи. Вокругъ Сень-Симона основалась настоящая школа, одна изъ наиболѣе могущественныхъ, не по своимъ непосредственнымъ результатамъ, ибо ея политическое вліяніе было ничтожно, а по моральному своему воздѣйствію. Ея умственное вліяніе было такъ сильно, что слѣды его можно найти въ началѣ великаго періода 1848 г. Эта школа имѣла довольно бурную исторію, въ которой консерваторы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчали смѣшные факты, и главными событіями которой были: разрывъ между Анфантаномъ и Базаромъ, затѣмъ уходъ Менильмонтана, наконецъ, громкій судебный процессъ. Мы тутъ вынуждены выйти изъ рамокъ этой главы, которая не должна была бы коснуться царствованія Людовика-Филиппа, но было бы слишкомъ трудно отдѣлить Сень-Симона отъ сенъ-симонистовъ, а еще труднѣе — такъ какъ мы оставляемъ въ сторонѣ эпизоды, чтобы дать очеркъ развитія идей — порвать цѣль заключеній, которыя секта сенъ-симонистовъ выводила за періодъ времени отъ 1825 г. до 1832 г. изъ основныхъ мыслей родоначальника школы. Выводы эти, разнообразныя и нерѣдко противорѣчивыя, невозможно приписать одному какому-нибудь изъ учениковъ: Анфантану, на примѣръ, больше, чѣмъ Базару или Родригу. Это возможно сдѣлать только по отношенію къ тѣмъ положеніямъ, въ которыхъ они расходились; что же касается тѣхъ положеній, на которыхъ они сходились, то ихъ слѣдуетъ только отмѣтить, не доискиваясь происхожденія каждаго изъ нихъ. Они, къ тому же, не изложены въ одномъ сочиненіи, такъ какъ *Exposé de la Doctrine* напечатанное въ 1831 г. въ *Revue Encyclopédique* нельзя считать цѣльнымъ и полнымъ сочиненіемъ. Заслуживаютъ также вниманія *Le Producteur*, *l'Organisateur*, *le Globe*, т. е. газеты сенъ-симонистовъ,

ибо онѣ представляютъ очень цѣнный матеріаль для изученія развитія идей учителя.

И на этотъ разъ наше изложенеіе будетъ носить характеръ перечисленія, какъ мы это сдѣлали при изложеніи соціальной философіи Сень-Симона. Это, можетъ быть, слишкомъ упрощенный методъ, такъ какъ онъ устраняетъ систематизацію, которую предпочитаютъ нѣкоторые, но этотъ методъ имѣетъ то преимущество, что представляетъ міровоззрѣніе въ болѣе точномъ свѣтѣ, вмѣстѣ съ его пробѣлами, даже съ его противорѣчіями. Прибавимъ только, что читатель и здѣсь найдетъ краткое резюме основныхъ мыслей родоначальника школы; это необходимо, если захотѣтъ понять самую преемственность идей и прослѣдить процессъ ихъ развитія.

1. Антагонизмъ и ненависть, недовѣріе и анархія преобладаютъ во всемъ и вездѣ: въ наукѣ, политикѣ, искусствѣ, промышленности. Но исторія намъ показываетъ, что человѣчество обнаруживаетъ все болѣе и болѣе сильную тенденцію къ ассоціаціи, являющейся принципомъ порядка и любви. На мѣсто военной организаціи должна стать іерархическая организація работниковъ.

2. Основной причиной соціальной нищеты является форма собственности, берущей свое начало отъ права захвата. Исходя изъ эволюціонистской формулы Сень-Симона, принимаемой ими за аксіому, ученики заявляютъ, что слѣдуетъ измѣнить способъ образованія и передачи собственности. Являясь институтомъ соціальнымъ и измѣняющимся, право собственности на землю и на орудія труда подвергнется послѣднему измѣненію: установится такой порядокъ вещей, при которомъ не семья, а государство будетъ наследовать накопленныя богатства. Коллективность сдѣлается, такимъ образомъ, хозяйкой накопленныхъ имуществъ. Дойдутъ-ли сень-симонисты до коммунизма? Нѣтъ, они самымъ рѣшительнымъ образомъ отрещиваются отъ этого крайняго рѣшенія со-

ціальної проблеми, і чтобы доказать, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ коммунизмомъ, они указывали на свою формулу экономического распредѣленія. Когда сейчасъ же послѣ революціи 1830 года Дюпэнъ и Могэнъ обвиняли въ палатѣ депутатовъ сенъ-симонистовъ, какъ сторонниковъ „общности имуществъ и женъ“, они защищались съ крайней энергіей. Мы находимъ не лишнимъ цитировать это мѣсто, потому что оно бросаетъ яркій свѣтъ на интересующій насъ вопросъ:

„Мы вѣримъ въ природное неравенство людей, и мы смотримъ на это неравенство, какъ на самую основу ассоціаціи, какъ на необходимое условіе общественнаго порядка. Мы отвергаемъ систему общности имуществъ, такъ какъ эта общность была бы явнымъ насліемъ надъ первымъ изъ моральныхъ законовъ, который мы призваны защищать, и который гласитъ: „всякому по способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ“. Но мы требуемъ отмѣны всѣхъ наслѣдственныхъ привилегій, а слѣдовательно, уничтоженія наслѣдства, какъ самой крупной изъ этихъ привилегій“.

Но, скажутъ, простого отрицанія недостаточно, ибо уничтоженіе наслѣдственнаго права равносильно, или почти равносильно, уничтоженію самаго принципа индивидуальнаго присвоенія. Между этимъ послѣднимъ способомъ присвоенія и коммунизмомъ сенъ-симонисты выбираютъ ассоціацію; и тутъ опять предоставимъ слово имъ самимъ и ограничимся пока однимъ только зарегистрированіемъ ихъ заявленія, безъ всякихъ комментариевъ:

„Мы требуемъ, чтобы орудія труда, земля и капиталы, образующіе въ настоящее время раздробленную частную собственность, эксплуатировались ассоціаціями, основанными на іерархическихъ началахъ, такъ, чтобы работа каждаго соотвѣтствовала его способностямъ, а его богатство — его дѣламъ“. Это — самая ясная формула, которую можно найти по этому пункту у сенъ-симонистовъ.

3. Сень-симонисты не были революціонерами. Вѣрные своей философіи исторіи, они полагали, что можно ждать, пока общество преобразуется путемъ медленной и методической эволюціи. Этой пассивностью передъ безстрастнымъ теченіемъ событій и объясняется тотъ фактъ, что сень-симонисты не особенно беспокоили утвердившіяся власти.

4. Была-ли сень-симонистская школа республиканской? Въ области политики она воздерживалась отъ того, чтобы оказать предпочтеніе одной какой-нибудь политической системѣ, хотя, по смыслу ученія, естественный ходъ вещей долженъ фатально и нечувствительнымъ образомъ привести къ уничтоженію королевской власти. Мы увидимъ, что противники сень-симонизма ставятъ ему въ упрекъ эту индифферентность.

5. „Le resumé général de l'Exposé de la Doctrine“ 1831 г. пытался установить программу положительной организаціи для сень-симонистскаго общества. Слѣдуетъ признать, что этотъ планъ остался довольно туманнымъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, представляетъ интересъ, съ точки зрѣнія содержащихся въ немъ новыхъ для той эпохи идей. Мы уже знаемъ, что ученики автора „Новаго христіанства“ хотѣли объединить всѣ капиталы въ одинъ социальный фондъ, который эксплуатировался бы ассоціаціей, основанной на іерархическихъ началахъ. Къ концу они дошли до того, что стали мечтать о какомъ-то интеллектуальномъ деспотизмѣ, гдѣ на вершинѣ іерархической лѣстницы стоялъ бы человѣкъ, который резюмировалъ бы въ себѣ все человѣчество и сосредоточивалъ бы въ себѣ весь свѣтъ, чтобы распространять его потомъ вокругъ себя. Это былъ бы „живой законъ“, который, какъ говоритъ Рейбо, установилъ бы всю іерархическую лѣстницу способностей и заработной платы. Это представленіе о государствѣ будущаго находится, впрочемъ, въ связи съ мистицизмомъ, преобладавшимъ подъ конецъ въ сень-симонизмѣ.

Фундаментомъ хозяйственной системы служить могущая организація кредита: центральный фондъ, являющийся хранителемъ фондовъ и представителемъ правительства въ области экономической, а затѣмъ высшіе банки, вѣдающіе дѣло мѣстнаго кредита и, наконецъ, специальные банки, производящіе распредѣленіе продуктовъ между работниками.

Воспитаніе играетъ огромную роль, что не должно насъ удивлять, такъ какъ сентъ-симонизмъ очень высоко ставитъ науку. Оно состоитъ изъ трехъ степеней: первыхъ, главное и одинаковое для всѣхъ воспитаніе; затѣмъ специализація въ одномъ изъ трехъ разрядовъ—искусствѣ, наукахъ или промышленности; наконецъ, прикладное воспитаніе. Это одна изъ наиболѣе плодотворныхъ идей, завѣщанныхъ сектой демократіи.

Законодательство будетъ чрезвычайно упрощено, какъ это и подобаетъ строю, гдѣ право наследства не будетъ больше существовать. Наказанія будутъ болѣе мягкими, каждый будетъ судиться своимъ непосредственнымъ начальствомъ.

6. Въ общемъ, эта программа недостаточно ясна; не отличаются большей ясностью и опредѣленностью и религіозныя основныя положенія сентъ-симонистовъ: „Будучи коллективнымъ выраженіемъ мыслей человечества, синтезомъ всѣхъ его міровоззрѣній, религія должна занять свое мѣсто въ политическомъ строѣ и всецѣло надъ нимъ господствовать“. Сентъ-симонисты проповѣдуютъ, такимъ образомъ, теократію, и авторъ „Exposé“ этого не скрываютъ. Соціальный и политическій институтъ, разсматриваемый въ цѣломъ, будетъ религіознымъ институтомъ. Но эта религія не будетъ имѣть ничего общаго со старой, потерпѣвшей крушеніе, потому что догматы сдѣлались устарѣвшимъ и недостаточнымъ; новая религія будетъ въ себѣ вмѣщать науку, всѣ науки, въ которыхъ проявляется божественный порядокъ вещей.

7. Отъ этого теократизма до пантеизма, до мисти-

цизма — одинъ только шагъ. Извѣстно, какъ былъ сдѣланъ этотъ шагъ, и въ какое невѣроятное сумасбродство ударились къ концу сенъ-симонисты въ своей странной теоріи о „жреческой парѣ“ (couple-prêtre). Отправляясь отъ великой идеи эмансипаціи женщины и отъ осужденія современнаго брака, „этого постыднаго торга, этой узаконенной проституціи“, они приходятъ, пройдя черезъ свой религіозный бредъ, къ самымъ несуразнымъ заключеніямъ. На этомъ здѣсь останавливаться не стоить; противники этой школы, особенно опасавшіеся распространенія ея соціальныхъ идей, достаточно эксплуатировали и разногласія между Леру и Анфантэномъ, и „воззваніе къ женщинѣ“, и засѣданія на улицѣ Монсиньи.

Если изъ всѣхъ сбивчивыхъ и разнородныхъ взглядовъ, которые мы только что привели, захотѣтъ вывести положенія, которыя современный социализмъ могъ позаимствовать, то придется остановиться, по крайней мѣрѣ, на двухъ изъ нихъ: во-первыхъ, на отмѣнѣ наслѣдства, влекущей за собой установленіе порядка, близкаго—что бы ни говорили сами сенъ-симонисты—къ коммунизму, а, во-вторыхъ, на организаціи народнаго образованія, какъ средства, необходимаго для всякаго демократическаго развитія и для повышенія интеллектуальнаго уровня пролетаріата. Остальное можетъ быть отброшено. Невозможно отъ каждаго поколѣнія требовать слишкомъ большого участія въ той тяжелой творческой работѣ, которую выполняютъ человѣчество на своемъ пути къ лучшему будущему и къ рациональнымъ рѣшеніямъ.

VI. Фурье, въ отличіе отъ Сенъ-Симона, не происходилъ изъ аристократической семьи. Въ продолженіе всей своей жизни онъ велъ довольно бѣдственное существованіе, и ничто, кромѣ его сочиненій, не привлекало къ нему вниманія его современниковъ. Его труды свидѣтельствуютъ о глубокой эрудиціи, о большой начитанности, о глубокомъ анализѣ эконолическихъ явленій. Первое большое сочиненіе Фурье: „Теорія четырехъ двп-

жений“ (Théorie des quatre mouvements) появляется въ 1808 г.; сочиненія „Le Traité de l'Association“ и „Nouveau Monde Intermédiaire“—между 1822 и 1829 г., а „Fausse Industrie“—въ 1835 г.

Изъ всѣхъ писателей, пытавшихся опровергнуть старую политическую экономію, никто не былъ такъ осмѣянъ, какъ Фурье. Онъ былъ мишенью для сарказма, и даже умные люди не щадили его. Его сочиненія, правда, представляютъ нѣкоторую причудливость формы и даже нѣкоторыя странности мышленія, но это неважно. Онъ иногда проявлялъ, какъ напр., въ „Quatre mouvements“ чрезмерную гордость, но это не мѣшаетъ ему остаться однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ новаторовъ первой половины XIX вѣка. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на своихъ современниковъ, а также на все развитіе социалистическихъ идей до и послѣ 1848 г. И вотъ почему, оставляя въ сторонѣ, какъ мы это сдѣлали по отношенію къ Сень-Симону и сень-симонистамъ, нѣкоторыя положенія Фурье, противорѣчащія современному коллективизму, не обращая вниманія на нѣкоторыя ретроградныя и отсталыя понятія, мы можемъ и должны отдать должную дань предвѣстнику социализма, который до Маркса былъ самымъ глубокимъ критикомъ капиталистическаго строя.

1°. Прежде всего слѣдуетъ разсмотрѣть критическую часть фурьеризма, ту именно часть, которая занимается разрушеніемъ существующихъ предразсудковъ. Никогда безсиліе индивидуалистическаго и капиталистическаго строя, невѣроятная и бесполезная трата силъ, которую этотъ строй влечетъ за собой, постоянное хищничество, служащее ему основаніемъ,—никогда все это не раскрывалось и не осуждалось съ большей рѣзкостью, большей силой, чѣмъ это сдѣлалъ Фурье. Онъ съ самаго начала, еще тогда, когда новое общество только что начало развиваться, уже открылъ вредный ферментъ, смертельныя зародыши, которые оно въ себѣ посіло. Онъ въ энергичныхъ выраженіяхъ заклеилъ позоромъ конкур-

ренцію и доказалъ, что она незамѣтно подрывается подъ тотъ самый экономическій строй, которому она служить фундаментомъ.

„Напрасно вы, философы, будете нагромождать библиотеки сочиненіями, трактующими о счастіѣ: вы его не найдете до тѣхъ поръ, пока не вырвете съ корнемъ стволъ всѣхъ соціальныхъ бѣдствій — промышленное дробленіе или разрозненный трудъ“ (Théorie de l'unité universelle). Это—руководящая мысль теоріи. Фурье къ ней часто возвращается, варьируя ее на разные лады. Человѣчество несчастно, потому что между его членами не существуетъ согласія относительно ихъ труда, потому что каждый поступаетъ сообразно своей личной инициативѣ и заботится, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы побѣдить своего соперника. Отсюда вытекаютъ одни только страданія для личностей, взаимно другъ друга пожирающихъ, и тягостное положеніе для всего общественнаго тѣла, раздираемаго внутренними распрями. Больше того, плодотворная работа устраняется, такъ какъ населеніе истощаетъ себя въ массѣ некоординированныхъ занятій. „Въ цивилизованной, т. е. капиталистической промышленности каждая личность ведетъ войну—это необходимое слѣдствіе антиобщественной промышленности или міра на изнанку“.

Но Фурье не ограничивается однимъ голымъ утвержденіемъ; еще задолго до нынѣшнихъ социалистовъ онъ вычисляетъ, какую массу бесполезныхъ людей порождаетъ капиталистическій строй. Онъ составляетъ таблицу „ничего не производящихъ“, между которыми онъ различаетъ: 1) домашнихъ паразитовъ, къ которымъ относятся женщины, дѣти и прислуга; 2) соціальныхъ паразитовъ—солдаты, фискальные чиновники, фабриканты, купцы, предприниматели транспортовъ и 3) дополнительныхъ паразитовъ—безработные, софисты, бездѣльники, которыхъ Фурье ставитъ на одну доску съ публичными женщинами, и всякаго рода отщепенцы. Онъ полагаетъ,

что половина фабрикантовъ, девять десятыхъ купцовъ, двѣ трети агентовъ транспорта, могли бы быть упразднены во имя самаго великаго блага всѣхъ („Unité universelle“). Эти пропорціи онъ, впрочемъ, мѣнялъ,—и въ „Quatre mouvements“ мы находимъ слѣдующую фразу: „торговля могла бы вестись четвертью того количества агентовъ, которые теперь ею занимаются, а между тѣмъ, одна только Франція насчитываетъ миллионъ жителей, занимающихся торговлей и отрываемыхъ, такимъ образомъ, отъ земледѣлія и фабрики“.

Каковы другія характерныя черты установившагося экономического строя? Во-первыхъ, купцы и ажіотеры являются всецѣлыми господами; во-вторыхъ, трудящійся классъ страшно угнетается. Фурье все болѣе и болѣе рѣзко нападаетъ на либеральную политическую экономію, питающую, какъ извѣстно, большія симпатіи ко всякаго рода посредникамъ.

„Барышники и ажіотеры нашли себѣ защитниковъ среди этого класса ученыхъ, которыхъ называютъ экономистами,—и въ настоящее время нѣтъ занятія болѣе уважаемаго, чѣмъ барышничество и ажіотажъ, что на современномъ языкѣ называется банковской спекуляціей, потому что находятъ неудобнымъ называть вещи ихъ именами“... Купецъ---это промышленный живодеръ, живущій на счетъ фабриканта или производителя. „Смѣшать эти двѣ функціи—значитъ не знать азбучной истины“. А вотъ еще болѣе интересное мѣсто, ибо оно содержитъ нѣкоторыя положенія, которыя позже получили большее развитіе въ „Капиталѣ“ Маркса и въ „Прогрессѣ нищеты“ Джорджа. „Индивидуализмъ---это новѣйшая изъ нашихъ научныхъ химеръ. Это способъ производства безъ опредѣленнаго плана, безъ какого бы то ни было метода пропорціональнаго вознагражденія, безъ какой бы то ни было гарантіи для производителя или наемнаго рабочаго, что его положеніе будетъ улучшаться вмѣстѣ съ ростомъ богатствъ. Поэтому-то мы видимъ, что про-

мышленные районы въ такой же, а, можетъ быть, еще и въ большей мѣрѣ, кишать нищими, какъ и мѣстности, не затронутыя этимъ видомъ прогресса".—А въ другомъ мѣстѣ: „стало ясно, что индустриализмъ—это какой-то заколдованный кругъ, и все начинаютъ удивляться тому, что въ цивилизованномъ обществѣ нищета порождается самимъ изобиліемъ благъ“. Это—глубокая, полная смысла, неопровержимая критика.

20. Въ отличіе отъ энциклопедистовъ и по примѣру Сень-Симона, Фурье въ высшей степени религіозенъ. Въ противоположность католическому догмату, онъ провозглашаетъ свободу и святость страстей. Прибавьте къ этому его утвержденія о постоянномъ вмѣшателствѣ Промысла—и вы получите всю систему изобрѣтателя фаланстера, систему въ одно и то же время пантеистскую и сенсуалистскую. Существуетъ, въ самомъ дѣлѣ, начертанный Богомъ планъ, и цѣль социологіи—это распознать этотъ планъ. Чтобы быть счастливымъ; человечество должно только дѣйствовать согласно съ волей господней, которую вовсе не трудно познать. Одна и та же сила приводитъ въ движеніе весь міръ планетъ и міръ социальный,—это тяготѣніе. Исходя изъ этого принципа, Фурье намъ показываетъ, что все зло, прошлое и настоящее, вытекаетъ исключительно изъ преградъ, поставленныхъ законодательствомъ иррѣ страстей, являющихся, въ свою очередь, безчисленными свойствами всемірнаго тяготѣнія. Мораль, которая управляетъ нашими дѣйствіями, ошибочна и фатальна, потому что она идетъ вразрѣзъ со „страстнымъ влеченіемъ“, и потому еще, что она учитъ насъ бороться съ самими собой. Намъ приходится оставить въ сторонѣ подробности классификаціи, въ которыя пускается авторъ. Выводъ его очень простъ. Чтобы основать жизнеспособное, долговѣчное, счастливое общество, нужно создать такія условія общественной жизни, при которыхъ природныя влеченія людей не находились бы между собою въ анта-

гонизмъ; эти влеченія, быть можетъ, приносятъ вредъ, когда люди имъ отдаются каждый въ отдѣльности, но ихъ равновѣсіе сдѣлается совершеннымъ въ группѣ изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Фурье мечтаетъ собрать 1500 или 1600 гражданъ, отличающихся между собою по достоянію, возрасту и характеру, по теоретическимъ и практическимъ познаніямъ. Работы въ этой соціальной ячейкѣ—ибо все общество будетъ состоять изъ цѣлаго ряда подобныхъ ячеекъ, такъ наз. фаланстеръ—будутъ безконечно разнообразны, а слѣдовательно, и безконечно привлекательны. Таковы основанія восхваляемаго новаго строя. Философъ прибавляетъ, что это міровоззрѣніе не есть продуктъ исторической эволюціи и что оно могло появиться и гораздо раньше.

3°. Будетъ-ли въ этомъ новомъ строѣ отведена какаибудь роль правительству? Фурье ненавидитъ правительственное вмѣшательство и все, имѣющее какое бы то ни было отношеніе къ власти. Порядокъ, о которомъ онъ мечтаетъ, установится самопроизвольно, безъ малѣйшаго административнаго воздѣйствія. Авторъ „Четырехъ движеній“ отличается въ этомъ отношеніи отъ Сень-Симона, желавшаго сильную соціальную организацію и строгую іерархію. Его можно было бы зачислить—и нѣкоторые уже такъ и сдѣлали—въ ряды анархистовъ. Если Фурье приближается къ Руссо въ томъ смыслѣ, что и послѣдній осуждалъ въ прошломъ коллективную регламентацію, какъ источникъ всеобщаго зла, то онъ отъ него отличается въ томъ отношеніи, что женевскій философъ почти всѣ свои надежды возлагалъ на эту самую коллективную силу—до такой степени, что его считали отцомъ якобинцевъ.

4°. Нападаетъ-ли Фурье на наслѣдство, на собственность? Онъ относится къ нимъ съ уваженіемъ, какъ къ институтамъ quasi-божественнымъ. Каковы бы ни были симпатіи, которыя онъ питаетъ къ неимущему классу, онъ не намѣренъ экспроприровать имущихъ. Въ своемъ

фаланстерѣ онъ отводитъ мѣсто—и далеко не послѣднее—капиталу. Его идеаль не есть коммунизмъ, но онъ полагаетъ, что участіе въ прибыли сократитъ и уничтожитъ наемный трудъ. Особую вѣру внушаетъ ему ассоціація во всѣхъ своихъ видахъ: кооперація, синдикатъ и пр., потому что одна лишь ассоціація позволяетъ избѣгнуть чудовишнаго хищничества „индустриализма“ и потому еще, что она кореннымъ образомъ измѣнитъ условія производства. Съ соціальной точки зрѣнія—если оставаться въ предѣлахъ самого фаланстера—строй, основанный на принципѣ ассоціаціи, былъ бы чрезвычайно похожъ на то, что предлагаютъ консерваторы, которыхъ пугаетъ ростъ социализма. Фаланстеръ привелъ бы исключительно къ измѣненію способа распредѣленія, не затронувъ самой основы собственности, ибо напрасно Фурье утверждаетъ, что каждый членъ фаланстера будетъ совладѣльцемъ всѣхъ земель и всѣхъ капиталовъ, принадлежащихъ группѣ: отвергнувъ коммунизмъ, онъ самъ обнаружилъ всю беспочвенность, всю бесплодность его формулы. Различіе, которое онъ дѣлаетъ между капиталомъ, который въ фаланстерѣ получалъ бы $4\frac{1}{2}\%$ изъ общей стоимости произведенныхъ фаланстеромъ продуктовъ, трудомъ съ вознагражденіемъ въ $5\frac{1}{2}\%$ и талантомъ съ вознагражденіемъ въ $3\frac{1}{2}\%$ —придастъ еще больше ясности и опредѣленности основной идеѣ Фурье.

5°. Но немало зародышей социалистическаго міровоззрѣнія можно найти въ положительной части его Экономической системы. Въ „Германіи“ (такъ Фурье называетъ свой новый гармоническій общественный строй) не будетъ отказано въ работѣ никому, кто только пожелаетъ работать: „Въ продолженіе вѣковъ мы спорили о правахъ челоуѣка и не подумали о томъ, чтобы признать за челоуѣкомъ самое общественное право—право на трудъ, безъ котораго всѣ остальные права не имѣютъ никакой цѣны“. Никто не будетъ доведенъ до

нищеты; пауперизмъ, разъядающій тѣло современнаго общества, будетъ искорененъ: „нужно будетъ, чтобы народъ имѣлъ гарантію благосостоянія, былъ бы обезпеченъ необходимымъ и достаточнымъ минимумомъ, и чтобы эта гарантія избавляла его отъ всякихъ заботъ за себя и за своихъ близкихъ“.

Мы преднамѣренно оставляемъ въ сторонѣ нѣкоторыя другія части трудовъ Фурье, хотя соображенія, высказываемыя имъ относительно земледѣлія и, въ особенности, относительно Эмансипаціи женщины, заслуживаютъ того, чтобы быть разсмотрѣнными въ болѣе обширномъ трудѣ. Для насъ же было достаточно выставить главныя идеи и показать, что современный социализмъ могъ позаимствовать въ области критической или положительной у ученія, появившагося три четверти вѣка тому назадъ. А позаимствовано не мало. Но Фурье не ограничился созданіемъ теоріи, вѣрныхъ или ложныхъ, устарѣлыхъ или смѣло-новаторскихъ. Родоначальникъ школы, онъ, если и не создалъ партіи (для этого у него не доставало политическаго чутья), то вызвалъ къ жизни секту, игравшую крупную историческую роль вплоть до февральскихъ дней. Учитель не былъ противникомъ ни монархіи, ни церкви. Ученики пойдутъ дальше, сдѣлаютъ изъ мыслей своего философскаго воспитателя раціональные выводы и станутъ авангардомъ демократіи. Между школой сенъ-симонистскою и школою фурьеристскою существуетъ та основная разница, что первая отчасти льнетъ къ установившимся властямъ, между тѣмъ какъ вторая, болѣе демократическая, питающая больше симпатій къ пролетаріату, революціонна и, какъ таковая, продолжаетъ оказывать свое вліяніе, вплоть до появленія болѣе координированной, болѣе стройной системы Луи-Блана.

VII. Въ то время какъ вліяніе сенъ-симонистскихъ и фурьеристскихъ идей распространялось не на толпу, а на идейную интеллигенцію, во французскомъ обществѣ

происходило глухое броженіе. Для многихъ іюльскіе дни были неожиданнымъ ударомъ; на самомъ же дѣлѣ, они долго подготовлялись скрытой внутренней работой. Было бы слишкомъ смѣло утверждать, что появленіе социалистическихъ теорій много содѣйствовало низверженію Реставраціи. Но утверждать противоположное, а именно, что теоріи эти остались безъ всякаго вліянія на паденіе монархіи,—означало бы не признать того, что никакая идея не пропадаетъ даромъ, даже въ средѣ, наиболѣе недоступной для ея проникновенія.

Въ возстаніи, послѣдовавшемъ за Ордонансами, слѣдуетъ усмотрѣть второе и на этотъ разъ рѣшительное нападеніе буржуазіи на дворянство стараго режима—выступленіе „индустриализма“ и движимой собственности противъ аграрной политики и недвижимой собственности. Представители династической оппозиціи, толкнувшіе народъ на путь борьбы противъ арміи Мармона, не мечтали ни о Республикѣ, ни о социальномъ прогрессѣ: они мечтали только о восстановленіи режима, восторжествовавшаго послѣ 9 термидора вмѣстѣ съ Директоріей, и такъ превосходно содѣйствовавшаго ихъ матеріальному развитію. Даже не средняя буржуазія призывала къ возстанію: это была крупная буржуазія чувствовавшая гнетъ бѣлаго знамени; это были, какъ говорили тогда, банкиры, жаждавшіе поднять свои политическія привилегіи до уровня своего экономическаго господства. Пролетаріатъ, смѣшавшись съ купцами, писателями, политехниками, проливалъ только свою кровь; и эта вторая Революція, въ которую онъ вложилъ всю свою душу, при помощи которой онъ надѣялся добиться лучшей участи, социальныхъ правъ на дѣлѣ, а не только на бумагѣ,—и эта революція ничего не дала пролетаріату; она служила исключительно интересамъ категоріи честолюбцевъ, спекулянтовъ и крупныхъ промышленниковъ, сгруппировавшейся вокругъ Тьера, Гизо, Лаффита и Казимира Перье. Пробылъ часъ.

верховой власти фабрикантовъ. Эта власть не замедлитъ проявиться въ безжалостныхъ преслѣдованіяхъ рабочаго движенія. Эра буржуазной борьбы закончилась; открывается эра борьбы пролетарской. Послѣдняя будетъ болѣе медленная и болѣе тяжелая, чѣмъ первая. Являясь слѣдствіемъ развитія машиннаго способа производства и накопленія богатствъ, защищаемая національной гвардіей, власть буржуазіи, несмотря на неоднократныя шатанія, будетъ держаться потому, что она пускаетъ молодежь, развивающуюся, крѣпкую, полную жизненныхъ соковъ корни въ самое экономическое развитіе общества. Но социальныя отношенія выясняются. Препрежнее третье сословіе раскалывается на два противоположныхъ класса; появляется четвертое сословіе.

IV.

Первое пролетарское возстаніе.

Борьба классовъ отъ 1830 до 1840 года.

I. Смыслъ революціи 1830 г. получаетъ полную ясность и опредѣленность: верхній слой буржуазіи утверждается во власти, замѣняя дворянскія фамиліи министровъ Карла X мѣщанскими фамиліями своихъ министровъ. Хартія провозглашается неизблемой; основы конституціонной монархіи укрѣпляются; существенныя гарантіи свободы санкціонируются. Новое правительство, выдвинутое баррикадами, народнымъ возстаніемъ, забудетъ скоро свое происхожденіе, постарается его затемнить, чтобы перейти къ произволу и замаскированному абсолютизму. Іюльская монархія пытается стереть слѣды крови, пролитой при ея рожденіи, сдѣлаться традиціонной, законной наслѣдницей предшествовавшаго ей режима. Эволюція была неизбежна: иначе и быть не могло.

Въ какихъ слояхъ Людовикъ-Филиппъ находилъ бы поддержку, опору своей власти, если бы онъ объявилъ

себя революціоннымъ монархомъ? Народъ былъ тогда лишь придаткомъ, безсознательнымъ рычагомъ, рукой, которую вооружаютъ, и которая повинуется приказаніямъ свыше. Іюльская революція не была задумана ея главными дѣятелями изъ окружающихъ Лафита, Пьера и Гизо ни въ интересахъ орлеанской королевской фамиліи, ни въ интересахъ ремесленниковъ и крестьянъ. Ихъ цѣль была—низвергнуть господство землевладѣльцевъ и завоевать власть для крупной промышленной буржуазіи. Монархія, которая опиралась бы на націю, взятую въ цѣломъ, которая признала бы своей основой общественное право революціи, не отвѣчала бы ихъ сокровеннымъ стремленіямъ, ибо подобная монархія, по необходимости, либо совсѣмъ не признавала бы, либо ограничивала бы ихъ экономическія и политическія привилегіи. Этой господствующей буржуазіи, которая руководитъ возстаніемъ, возбуждаетъ, затѣмъ усмиряетъ, а если нужно—и подавляетъ его,—этой буржуазіи необходимъ цензурный режимъ. Пролетаріатъ долженъ быть лишень пассивнаго избирательнаго права (право быть избираемымъ); даже активнаго избирательнаго права ему нельзя дать, ибо одно только признаніе всеобщаго избирательнаго права было бы нарушеніемъ олигархическаго принципа. Какъ только рабочему будетъ предоставлено право голоса, онъ будетъ протестовать противъ таможенной системы, противъ увеличенія косвенныхъ налоговъ, противъ бюджетныхъ порядковъ, имѣющихъ цѣлью обратить весь бюджетъ исключительно на пользу имущихъ классовъ. Крупная буржуазія устранивъ отъ законодательныхъ выборовъ даже мелкую буржуазію и интеллигенцію, потому что послѣднія являются носителями опасныхъ новаторскихъ идей, проникнутыхъ сенъ-симонизмомъ и фурьеризмомъ, а мелкая буржуазія является еще болѣе опасной, благодаря своему быстрому численному росту, которому благопріятствуетъ развитіе торговли, ея обогащающее и увеличивающее ея значеніе.

Итакъ, Людовикъ-Филиппъ, подъ страхомъ потерять королевскій пирогъ и поддержку крупной буржуазіи, вынужденъ идти наперекоръ огромному большинству гражданъ. Правда, онъ могъ бы порвать съ банкирами и промышленниками и опереться на мелкую буржуазію и ремесленниковъ, но этотъ путь полонъ опасностей, такъ какъ ни одинъ, ни другой изъ этихъ классовъ не проникнутъ монархическимъ духомъ. Точно такъ же, какъ они содѣйствовали низверженію Карла X во имя народовластія, эти лавочники и рабочіе могутъ съ такимъ же успѣхомъ выбросить за бортъ и олигархическую монархію; логически, это рѣшеніе напрашивается для нихъ съ перваго же момента, и если они его не выполняютъ, то это только потому, что они не обладаютъ достаточной силой. Было бы, слѣдовательно, безуміемъ водрузить среди нихъ свое королевское знамя. Іюльское правительство съ самаго же начала было вынуждено прибѣгнуть къ тѣмъ же средствамъ, что и итальянское правительство, также революціонное по существу, послѣ своего вступленія въ Римъ черезъ брешь Porta-Pia. Современная монархія, въ противоположность монархіямъ среднихъ вѣковъ, — не можетъ опираться на народъ противъ феодаловъ; она, по необходимости, должна пользоваться услугами новыхъ феодаловъ противъ четвертаго сословія, и нельзя найти ни одного примѣра, который опровергъ бы эту истину. Между монархіей и пролетариатомъ невозможенъ никакой союзъ, невозможна взаимная терпимость. Пролетаріатъ—это антиподъ монархіи; монархія—это отрицаніе пролетаріата. Что бы ни говорили, социализмъ неизбѣжно долженъ быть республиканскимъ.

Благополучіе Іюльской монархіи тѣсными узами связано съ благополучіемъ крупной промышленной буржуазіи. До тѣхъ поръ, пока этотъ общественный классъ будетъ достаточно силенъ, чтобы отстранять мелкую буржуазію и пролетаріатъ отъ избирательныхъ урнъ,

положеніе Людовика-Филиппа останется прочнымъ. Но, въ силу удивительнаго и раціональнаго хода развитія, по мѣрѣ того, какъ финансовая олигархія увеличивала свои богатства и доходы, по мѣрѣ того, какъ расширились ея фабрики и заводы,—ея могущество подрывалось, ея соперники усиливали свою энергію: мелкая буржуазія благодаря расширенію сферы своей торговой дѣятельности, а пролетаріатъ—вслѣдствіе благопріятствующей его организаціи промышленной концентраціи.

Могъ-ли господствующій классъ 1830—1831 г. согласиться на республику? Точно такъ же, какъ династія была вынуждена защищать интересы буржуазіи, послѣдняя должна была поддерживать монархію, отстранить принципъ демократическаго образа правленія. Она тогда еще не знала, что внутренняя структура общества, и въ особенности его понятіе о собственности, не всегда соответвуютъ его политической формѣ, и что гражданское равноправіе и всеобщее избирательное право уживаются съ сохраненіемъ экономическихъ прерогативъ меньшинства. Вторая и третья республики дали намъ въ этомъ отношеніи достаточно поучительные примѣры; но опытъ не былъ сдѣланъ, и крупная буржуазія, у которой революція 1848 г. вырвала народное избирательное право, была неспособна дать его добровольно. Вѣрная самой себѣ, она хотѣла основать свою соціальную гегемонію на гегемоніи политической,—и въ этомъ отношеніи она слѣдовала политикѣ земельной аристократіи 1815 г. Она сгруппировалась вокругъ Людовика-Филиппа точно такъ же, какъ дворянство въ 1789 г. сгруппировалось вокругъ тогдашней монархіи. Орлеанизмъ не былъ только правительственнымъ режимомъ, династическимъ періодомъ: это былъ апоѳеозъ движимаго капитала.

Республика, стремленія къ которой будутъ проходить красной нитью черезъ всѣ возстанія отъ 31 до 39 г., была тѣмъ дорожке сердцу отстраненныхъ отъ власти классовъ, что къ ней крайне враждебно относился гос-

подствующій слой буржуазіи. Но въ первые мѣсяцы послѣ іюльской революціи республиканская идея сводилась къ пустой формулѣ, которой даже населеніе парижскихъ предмѣстій не придавало серьезнаго практическаго значенія. Достаточно указать на заявленіе, которое Гюберу было поручено прочесть сейчасъ же послѣ паденія Карла X, чтобы увидѣть, какая пропасть отдѣляетъ республиканцевъ этой эпохи отъ республиканцевъ 1848 г. или даже 1833 г., о которыхъ дальше будетъ рѣчь. Ни измѣненіе способа присвоенія, ни улучшеніе быта рабочаго класса не были желательны единомышленникамъ Бастида, Гинара, Томá и Кавеньяка, пытавшимся во время процесса министровъ, 21-го декабря 1830 г., сызнова начать іюльскіе дни. Что же касается сень-симонистовъ, то они, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые ихъ поступки, охотно согласились бы на диктатуру Лафайета. Для того, чтобы расшевелить умы, размежевать партіи, выдвинуть позади фасада республиканскихъ группъ социальное броженіе, — для всего этого нужно будетъ, чтобы возстаніе лонскаго пролетаріата возвѣстило міру рожденіе новой силы.

II. Реставрація пала, потому что господство землевладѣльцевъ-дворянъ было анахронизмомъ, и монархіи стараго режима не могла опираться на финансовую аристократію. Іюльская монархія была осуждена почти на такое же быстрое паденіе, потому что выдвинувшая ее экономическая эволюція скоро обернулась противъ нея. Слѣдуетъ здѣсь указать на прогрессирующее разслоеніе, совершавшееся въ самой буржуазіи послѣ того, какъ она осуществила свои стремленія и захватила власть. Она очень скоро раздѣлилась на два слоя, сначала едва отличающіеся другъ отъ друга, затѣмъ совершенно отдѣльные, а впоследствии до такой степени противоположны, что одинъ изъ нихъ долженъ былъ примкнуть къ бывшимъ феодаламъ, а другой обратился за содѣй-

ствіемъ къ пролетаріату, которому онъ дѣлалъ важныя подчасъ уступки.

Верхній слой буржуазіи пріобрѣлъ свои первыя богатства путемъ спекуляціи съ національными имуществами, т. е. благодаря законамъ, изданнымъ Учредительнымъ Собраніемъ. Ко времени появленія машинъ и преобразованія промышленности одинъ только этотъ слой обладалъ достаточно большими накопленными капиталами, чтобы использовать этотъ необыкновенный переворотъ въ способахъ производства. Но, основывая огромныя фабрики, мануфактуры, сосредоточивавшія сотни и тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей, пріобрѣтая и примѣняя новыя, дорого стоящія орудія производства, получая огромныя дивиденды, высшая буржуазія методически и автоматически экспроприруетъ мелкую промышленность, находящуюся въ рукахъ мелкой и средней буржуазіи, обладающей недостаточными средствами, чтобы поспѣвать за техническимъ прогрессомъ. Такимъ образомъ произошелъ первый расколъ въ средѣ буржуазіи, возростала ненависть къ крупнымъ капиталистамъ, захватившимъ рынокъ, убивавшимъ всякую конкуренцію и съ неумолимой методичностью разорявшимъ своихъ меньше сильныхъ соперниковъ. Разореніе однихъ приводило къ накопленію богатствъ въ рукахъ все болѣе и болѣе ограниченнаго меньшинства. Экономическое развитіе, угнетавшее пролетаріатъ, произвело расщепленіе и въ рядахъ самой буржуазіи.

Но средніе и мелкіе буржуа, вытѣсненные изъ производства, а нѣсколько позднѣе—съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ—и изъ перевозочной промышленности, искали убѣжища въ торговлѣ. Тамъ они могли еще держаться нѣкоторое время, такъ какъ условія торговли отличаются болѣе устойчивостью, медленнѣе преобразовываются, а главнымъ образомъ потому, что въ началѣ промышленнаго періода посредничество развивается и процвѣтаетъ. Фурье далъ намъ описаніе невѣроятнаго

размноженія торговцевъ, живущихъ въ одно и то же время на счетъ производителя и потребителя—описаніе этого паразитизма, неизбежнаго во всякомъ индивидуалистическомъ общественномъ строе и особенно неизбежнаго въ періодъ прогресса фабричнаго производства, когда обмѣнъ развивается съ невѣроятной быстротой. Итакъ, іюльская монархія, славившаяся превосходной постановкой дѣла статистики,—мы въ дальнѣйшемъ изложеніи приведемъ цифры,—представляла для посредниковъ неограниченное поле дѣятельности. Такимъ образомъ, рядомъ съ крупной буржуазіей или, вѣрнѣе, какъ враждебная ей сила—образовалась мелкая торговая буржуазія; послѣдняя *переживала* періодъ сильнаго возбужденія въ началѣ царствованія Людовика-Филиппа, періодъ мирнаго сопротивленія во второй половинѣ этого царствованія и сдѣлалась стойкимъ оппозиціоннымъ непримиримымъ элементомъ въ послѣднія, предшествовавшія февральской революціи, недѣли. Въ ея глазахъ угнетенное матеріальное ея состояніе еще ухудшалось ея политическимъ безправіемъ. Такъ какъ часть ея была лишена активнаго избирательнаго права, а еще большая часть—пассивнаго избирательнаго права, то она не была въ состояніи защищать свои интересы исключительно законными средствами, при помощи существующихъ учрежденій. Она не задавала себѣ вопроса о томъ, не является ли ея упадокъ неизбежнымъ слѣдствіемъ научныхъ открытій и перемѣнъ, происшедшихъ въ способѣ производства: она видѣла только свое угнетенное социальное положеніе; она тѣмъ сильнѣе страдала, что ея экспроприаторы не дали ей даже моральнаго удовлетворенія въ видѣ избирательнаго права и участія въ управленіи государствомъ. Министры и высшіе сановники не выбирались изъ ея среды; высшія степени въ національной гвардіи ей были совершенно или почти недоступны. Все это содѣйствовало тому, что она мало-по-

малу ожесточалась, выступала противъ режима, не появившаго ни ея предостереженій, ни ея ропота.

Въ началѣ царствованія Людовика-Филиппа одно только мыслящее меньшинство этой мелкой буржуазіи вступаетъ въ тайныя общества, куда оно вноситъ узкіе взгляды, лишеныя всякой руководящей идеи; но какъ бы то ни было, оно создаетъ организацію. Оно проникается, главнымъ образомъ, антиклерикальной традиціей первой революціи, привѣтствуетъ всякое движеніе противъ клерикальной партіи, такъ какъ крупная промышленная буржуазія, спускаясь все ниже и ниже по наклонной плоскости, очень скоро возвращается къ религіи, отъ которой она отвернулась при Людовикѣ XVIII и при Карлѣ X, сначала подъ вліяніемъ воспитанія, а затѣмъ изъ ненависти къ аграріямъ и конгрегаціямъ, этимъ союзникамъ въ дѣлѣ эксплуатаціи Франціи. Затѣмъ, мало-по-малу, мелкіе буржуа, пораженные огромной силой, которую они замѣчаютъ въ пролетаріатѣ, пытаются вступать съ нимъ въ переговоры, привлечь его на свою сторону, слить свою жалкую политическую программу съ социальными стремленіями пролетаріата. Мы прослѣдимъ сотрудничество этихъ двухъ классовъ въ тайныхъ обществахъ, особенно послѣ большого пюньскаго и парижекаго (во время похоронъ Ламарка) возстаній. Но этотъ низшій слой бывшаго третьяго сословія не имѣетъ ни гражданскаго мужества, ни революціонной силы крупной буржуазіи. Начиная съ 1834 г. мелкая буржуазія замыкается въ узкія рамки конституціонной оппозиціи, оставляетъ уличную борьбу, которая ей принесла одни только пораженія, и въ продолженіе четырнадцати лѣтъ остается почти молчаливой. Это, однако, не помѣшаетъ паденію июльской монархіи въ тотъ день, когда экономическое развитіе настолько расшатываетъ ея основы, что она похожа на стоящую на своей вершинѣ пирамиду. Она упадетъ сама, безъ битвы, безъ кровопролитія, оставленная какъ мелкой буржуазіей, ко-

торая никогда не была ей предана, такъ и крупной, больше ничего отъ нея не ожидавшей и полагавшей, что было бы невозможно и опасно ее защищать. Что же касается пролетариата, совершенно обойденнаго Хартіей, то его путь былъ вполне ясно намѣченъ.

III. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ послѣ іюльской революціи Франція находилась въ состояніи непрерывнаго всеобщаго броженія. Это возбужденіе, совершенно новое для тѣхъ, кто не былъ свидѣтелемъ 1789 г., вызывалось не сочиненіями соціальныхъ философовъ, мало распространенными въ народѣ и не имѣвшими большого политическаго вліянія. Оно являлось логическимъ продолженіемъ революціи 1830 г. Общество, такъ внезапно и такъ глубоко распатанное, не можетъ въ короткое время вернуться къ состоянію равновѣсія. Существуютъ въ исторіи періоды умственнаго творчества, когда факты рѣдки, когда подъ вѣшнимъ спокойнымъ покровомъ, подъ кажушимся оцѣненіемъ, подготавливаются ураганы, подобные тому, который продолжался отъ 1840 до 1848 г.; бываютъ, напротивъ, другіе періоды, почти совершенно лишенные прогресса идей, но всецѣло наполненные уличными событіями. Нельзя сказать, чтобы французская мысль была совершенно парализована въ началѣ іюльской монархіи: это было время сенъ-симонизма и фурьеризма; но не менѣе вѣрно и то, что періодъ отъ 1830 до 1834 г. и даже періодъ отъ 1834 до 1839 г. особенно прославились возстаніями, которыми они отмѣчены въ исторіи.

1830 г. расшаталъ весь фундаментъ понятій, на которыхъ держалось и прозябало общество Реставраціи. Въ политическомъ отношеніи конституціонная монархія, придерживавшаяся Хартіи, опиравшаяся на народную волю, стала на мѣсто абсолютной монархіи, пренебрегавшей Хартіей и опиравшейся на законность божественнаго права. Въ социальномъ отношеніи старое кобленцкое дворянство совершенно ступсывалось, а на его

мѣсто сталъ промышленный капитализмъ. Въ религіозномъ отношеніи бѣгство Карла X означало поражение Конгрегаціи, поражение теократическаго католицизма Вилетта и Полиньяка, претендовавшаго возродить страну. Это три революціи, слившіяся въ одну. Новая монархія не могла утвердиться въ одинъ день, какъ не могъ и новый господствующій классъ сразу подавить всякое сопротивленіе, а религія восторжествовать надъ враждебнымъ къ ней отношеніемъ народа. Побѣда парижскихъ предмѣстій надъ дѣйствующей арміей вызвала въ народѣ такой подъемъ духа, что страхъ передъ войскомъ совершенно исчезъ. Такъ какъ сила народа удалось низвергнуть цѣлый политическій строй, то полагали, что эта сила сможетъ проявляться безнаказанно, безконечно, уничтожая послѣдовательно все препятствія, не встрѣчая на своемъ пути другихъ силъ, достаточно могущественныхъ, чтобы ее побѣдить. Теорія непрерывнаго возстанія овладѣваетъ умами. Пропаганда отодвигается на задній планъ; люди думали, что призывомъ къ гражданамъ будетъ сдѣлано больше, этапы будутъ пройдены быстрѣе, и июльская монархія будетъ такъ же смыта съ лица земли, какъ была уничтожена Реставрація. Возстанія сдѣлались частыми и грозными. Нѣсколько барабанныхъ ударовъ—и на улицы высыпали многочисленные толпы народа: средняя буржуазія, смѣшанная съ народомъ, республиканцы—съ бонапартистами. Съ одной стороны, традиціи 1793 и 1805 гг., а съ другой стороны—на западѣ—организуются пизонская партія и Вандея. Это была эпоха полной анархіи умовъ! Вокругъ компактнаго меньшинства тайныхъ обществъ группировались тысячи людей, перѣдко не знавшихъ, за что они боролись, за что убивали, за что умирали; такова романтическая сила возстанія. Народный гнѣвъ обрушивался то на министровъ Карла X, привлеченныхъ къ суду; то—на новый режимъ, ограничивавшій избира-

тельное право, то, наконецъ, на духовенство, этого союзника реакціи.

Разъ, въ предпраздничный день, народъ отправился въ Пале-Рояль требовать хлѣба, а затѣмъ народъ далъ выходъ своему возмущенію противъ священниковъ, разгромивъ St.-Germain l'Auxerrois, Archevêché, Notre-Dame и т. д.

Никакая другая эпоха нашей исторіи не была болѣе смутной, не изобиловала въ такой мѣрѣ уличными столкновеніями и героическими нападеніями; и, тѣмъ не менѣе, отъ этой эпохи остались бы одни только прекрасныя воспоминанія, если бы лонскій пролетаріатъ не заявилъ въ неизгладимыхъ выраженіяхъ о новыя требованія четвертаго сословія.

Положеніе орлеанской династіи не разъ было шаткимъ. Она переживала трудныя минуты, когда вдали раздавались ружейные залпы Saint-Merri и на улицѣ Transnonain (въ Лионѣ). Монархія не пала только потому, что она между повстанцами и дѣйствующей арміей поставила свою классовую милицію—національную гвардію. Эти батальоны мелкихъ лавочниковъ улицъ Saint-Denis и Merri были въ свое время, продолжаютъ быть и въ настоящее время объектомъ насмѣшекъ и сарказмовъ. Ихъ историческая роль, тѣмъ не менѣе, ясна. Забудемъ смѣшныя фигуры, забудемъ невѣроятныя интриги, сопровождавшія назначеніе лейтенанта или капитана. Намъ можетъ интересовать только самъ институтъ національной гвардіи. Точно такъ же, какъ римскіе императоры окружали свой деспотизмъ кольцомъ преторіанской стражи, національная гвардія окружила лѣсомъ штыковъ прерогативы господствующаго третьяго сословія и олигархическую организацію польской монархіи. Національная гвардія оставалась ревностной, добросовѣстной, неподкупной защитницей цензоваго избирательнаго права, орлеантской монархіи, но лишь до тѣхъ поръ, пока развитіе идей и экономическая эволюція не

раздѣлили буржуазію на двѣ, неодинаковой величины, части: одну—малочисленную и приверженницу ценза, и другую—болѣе могущественную по своей численности и сторонницу расширенія избирательнаго права. Національные гвардейцы были храбры, воинственны, склонны къ жестокимъ репрессіямъ, но лишь до того момента, когда они почувствовали себя болѣе слабыми; они капитулировали передъ первыми вспышками возстанія, какъ только почувствовали, что они неспособны противостоять. Въ февралѣ 1848 г. они измѣняютъ монархію; отъ 1830 до 1834 г. они ее слѣпо защищаютъ, защищая этимъ самымъ свои собственные интересы. Армія, даже при тогдашнемъ ея составѣ, могла бы измѣнить монархію, если бы она додумалась до того, что этого отъ нея требуютъ ея собственные интересы, или если бы низшіе кадры ея были затронуты пропагандой. Гвардія напротивъ, была, казалось, застрахована отъ всякаго рода вліяній, потому что участь многихъ ея членовъ была тѣсно связана съ участью короны, и потому еще, что въ концѣ-концовъ возстанія угрожали привилегіямъ крупной буржуазіи въ такой же мѣрѣ, какъ и династическому режиму. А вѣдь эта крупная буржуазія и была господиномъ городской милиціи, въ которой она занимала высшіе посты и преданность которой ей удалось себѣ завоевать. Мы ее увидимъ за дѣломъ, противъ баррикады, воздвигавшихся до апрѣля 1834 г. Она умѣла умирать, но не во имя принципа, а защищая свою собственность, защищая свои политическія привилегіи.

Господствующій слой третьяго сословія, защищаемый на улицѣ его классовой арміей, занималъ всѣ государственные посты. Отъ 1830 до 1840 г. старое дворянство совершенно устранялось отъ участія въ правительствѣ. Всюду фигурируютъ имена мѣщанскаго происхожденія: крупные промышленники, адвокаты безъ практики, псевдо-либеральные писатели и т. д. Этотъ персоналъ, на обязанности котораго лежало защищать соціальный

блокъ, замѣчательнѣе тѣмъ, что въ его же собственной средѣ образовалось, наряду съ правительственной партией, нѣчто вродѣ оппозиціи. Впрочемъ, и та, и другая стремились къ простому сохраненію status quo и одинаково сопротивлялись всякой мѣрѣ, имѣвшей цѣлью расширить основы политическихъ учрежденій. Въ общемъ, онѣ чудесно выполнили свою роль. Совсе не было легко подавить смуту, которая, начиная съ 1830 г., бурной волной переливалась по всей Франціи отъ одной границы до другой. Казиміръ Перье олицетворялъ холодную жестокость своего класса; послѣ него Тьеръ, меньшій реакціонеръ, сначала удивлялъ народныя массы своими полными либерализма обѣщаніями, а затѣмъ приводилъ ихъ въ ужасъ своими противорѣчіями, своими репрессивными мѣрами, своими измѣнами. Смѣна министерствъ (слѣдуютъ поочередно министерство Тьера, министерство Моле, потомъ опять министерство Тьера, а затѣмъ министерство Гизо) имѣетъ съ вышней стороны видъ политическихъ уступокъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности правительственная техника осталась прежней: июльская монархія препятствовала всякому прогрессу, и финансовая аристократія побѣдоносно и безнаказанно продолжала свои грабежи. Такимъ образомъ, защищаемый національной гвардіей режимъ могъ укорениться, выйти цѣлымъ изъ заговоровъ, продолжать свое существованіе.

Но въ немъ не было ничего широкаго, ничего импозантнаго. Онъ влачилъ жалкое существованіе. Это не была жизнь, потому что приходилось прибѣгать къ разнымъ уверткамъ, двусмысленнымъ заявленіямъ, потому что политическій строй, имѣвшій классовый характеръ, мало, впрочемъ, скрываемый, находился въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчій съ провозглашеніемъ принципа народовластія, на который ссылалась орлеанская монархія. Управлять означало тогда—какъ это происходило и потомъ, какъ это происходитъ и теперь—не завѣдывать

общественными богатствами для всеобщаго блага, а организовать или прикрывать эксплуатацію однихъ другими, терпѣть и возводить въ принципъ экономическую анархію, хищничество биржевыхъ авантюристовъ; это означало держать милліоны гражданъ подъ игомъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ фабрикантовъ и банкировъ. Низкая, достойная презрѣнія, задача! Люди были такъ же мелочны, какъ и то дѣло, которому они служили. Что бы ни говорили, что бы ни дѣлали нѣкоторыя партіи для того, чтобы поставить ихъ на пьедесталь—Казимиръ Перье, Тьеръ и Моле проявляли только жестокий эгоизмъ и узость буржуазіи. Какія благородныя мысли высказывали они? Какими крупными дѣлами ознаменовали они свою эпоху? Проведите параллель между ними ихъ отцами изъ третьяго сословія 1789 г., или съ дворянами-перебѣжчиками Учредительнаго Собранія, которые были, по крайней мѣрѣ, воодушевлены революціонными страстями своей эпохи и оставались революціонерами: какъ только буржуазія достигла власти, она—въ отличіе отъ старой аристократіи, которая время отъ времени выдвигала такія сильныя фигуры, какъ Мирабо и Сень-Симонъ—стала обезцвѣчиваться, обрастать жиромъ. Она выдвигала дѣловыхъ министровъ, но всѣ они напоминали собою національныхъ гвардейцевъ съ министерскими портфелями. Тщеславіе, упорство, незнакомство со всѣмъ тѣмъ, что происходитъ за предѣлами Франціи, пренебрежительное отношеніе къ совершающейся на ихъ глазахъ огромной экономической эволюціи—вотъ что ихъ характеризуетъ. Тьеръ былъ и останется, несомнѣнно, самымъ типичнымъ представителемъ соціальной категоріи, сосредоточившей въ своихъ рукахъ при Людовикѣ Филиппѣ всю общественную власть. Онъ много разъ мѣнялъ фронтъ, но никогда не мѣнялъ и не расширялъ своего міровоззрѣнія. Эта эпоха, отъ 1830 до 1840 г., если обратить вниманіе только на государственныхъ дѣл-

телей, была бы удивительно безцвѣтной. Но она освѣщается появленіемъ пролетаріата.

IV. Въ исторіи французскаго рабочаго класса слѣдуетъ отмѣтить три знаменательныя даты: это 1831 г., 1848 и 1871 гг. Мы уже указали въ нѣсколькихъ словахъ назначеніе каждой изъ нихъ, а теперь мы подробно остановимся на 1848 г. Мы постараемся разобратъся въ немъ, понять смыслъ наполнившихъ его событий и придать ему подобающую рельефность.

Онъ отличается выступленіемъ на историческую сцену новаго персонала—рабочаго класса, который до того времени былъ составной частью третьяго сословія, съ которымъ онъ смѣшивался. Когда въ 1789 г. вспыхнула и восторжествовала революція, многіе даже изъ первыхъ умовъ были убѣждены въ томъ, что человѣчество не можетъ пойти дальше, что это была совершена послѣдняя революція, и что строй, о которомъ мечтали радикальные философы, окончательно утвердился. „Грабхъ“ первый осмѣлился заявить, что новая революція неизбежна черезъ очень короткое время и что „декларация правъ“ не ликвидировала всѣхъ социальныхъ бѣдствій.

Неоспоримъ тотъ фактъ, что ко времени Генеральныхъ Штатовъ народъ состоялъ изъ трехъ сословій: два изъ нихъ, болѣе или менѣе быстро, были отодвинуты на второй планъ, были устранены отъ управленія государствомъ; третье, представлявшее собой тогда народъ, впоследствии, какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ экономическаго развитія раздѣлилось на крупную буржуазію, ставшую господиномъ промышленности, на среднюю и мелкую буржуазію, нашедшую убѣжище въ торговлѣ, и на пролетаріатъ, изиурявшій себя на фабрикахъ. Всемогущество крупной буржуазіи началось съ іюльской монархіи; средняя и мелкая буржуазія составляли сначала конституціонную оппозицію, затѣмъ вступали въ тайныя общества. Никто тогда не обращалъ вниманія на фабричныхъ рабочихъ, покорность которыхъ, казалось,

обеспечивала неприкосновенность существующаго строя, и которые, не будучи въ состояннн открыть дѣйстви- тельныя причины своихъ страданнй, разбивали ни въ чемъ неповинныя машины. Лионское возстанн 1831 г. показало, что рабоче, эти рабы мастерской, прониклись со- знаннемъ солидарности своихъ интересовъ, сознаннемъ своей коллективной силы. Будущнй историкъ отведетъ подобающее мѣсто этому первому по своей глубокой оригинальности событню.

Это не было политическое движенн, потому что даже наиболѣе недоброжелательные враги и даже Казимиръ Перье не могли открыть въ немъ республиканскую по- пытку, антидинастическое движенн. Тайныя общества еще тогда оказывали чрезвычайно слабое влннн на вто- рой городъ Францн, и къ тому же еще мало соприка- сались съ пролетарнатовъ.

Лионское возстанн не оставило воспомнаннн ни объ одномъ какомъ-нибудь имени, оно не имѣло ни одного руководителя. Этой особенностью отличаются, хотя и въ нѣсколько меньшей степени, июльскня событн 1848 г. и мартовскня 1871 г. Лионскня ткачи вышли на улицу не для того, чтобы демонстрпровать противъ властей, не потому, что поддавались влннню того или другого про- пагандиста, а потому, что жизнь казалась имъ слишкомъ тяжелой, чтобы бояться смерти. Воодушевлялъ ли ихъ какой-нибудь общественный идеаль? Стремилась ли они къ тому, чтобы существующнй экономическнй строй за- мѣнить другимъ, болѣе соответствующнмъ принципу равенства? Нѣтъ, ихъ борьба не была проникнута ни- какой руководящей идеей, никакимъ стремленнемъ пре- образовать общество. Единственный ихъ лозунгъ былъ тотъ, который они написали на своемъ знамени: „уме- реть въ борьбѣ или жить въ трудѣ“. Такъ какъ они умирали съ голоду, то искали занятнй, которыя позволили бы имъ существовать. Они тѣсно между со- бою соединились еще раньше появлення теорн соціа-

лизма, потому что смутно сознавали классовую солидарность ихъ интересовъ, и, толкаемые нуждой, они понимали цѣлесообразность совмѣстныхъ дѣйствій противъ ихъ властелиновъ. Позднѣе Кабе, Луи-Вланъ, Прудонъ привѣтствуютъ образованіе четвертаго сословія. Но оно выступило въ Ліонѣ еще раньше, чѣмъ была формулирована его классовая точка зрѣнія, и вотъ эта-то самопроизвольность движенія, этотъ-то quasi-автоматизмъ придаетъ величіе возстанію 1831 г.

Факты сами по себѣ имѣютъ меньшее значеніе, чѣмъ символъ, который они въ себѣ заключаютъ. Въ Croix-Rousse находилось тридцать или сорокъ тысячъ ткачей, работавшихъ у восьми или десяти тысячъ мастеровъ, которые, въ свою очередь, получали заказы у восьми сотъ фабрикантовъ. Это была, такимъ образомъ, двойная эксплуатація: фабриканты старались по возможности меньше платить мастерамъ, а послѣдніе всячески урѣзывали заработную плату своихъ наемныхъ рабочихъ. Долгое время ткачество процвѣтало, но вотъ пришелъ критическій моментъ, когда ручные станки должны были исчезнуть, чтобы уступить мѣсто новымъ орудіямъ производства, новой организаціи труда. Ліонъ могъ сохранить свои старыя формы производства лишь до тѣхъ поръ, пока его промышленность не начала приходить въ упадокъ. Теперь кризисъ разразился, обнаруживая отсталость способа производства: иностранная конкуренція побѣдила Ліонъ, разорила его. Заработная плата упала отъ 4 фр. до 1 фр. 50 сант. въ день *). Нѣкоторые рабочіе не зарабатывали больше 90 сант. за 18 часовъ работы; положеніе сдѣлалось невыносимымъ; экономическій конфликтъ неизбежно долженъ былъ возникнуть.

Обреченные на голодное существованіе ткачи требовали 11 октября 1831 г. установленія минимальной за-

*) Франкъ равенъ 37 коп.

рабочной платы; которая обезпечивала бы имъ болѣе или менѣе сносное существованіе. Двадцать два фабриканта и двадцать два рабочихъ обсуждали этотъ вопросъ, разсматривали цифры, и сошлись на извѣстныхъ пунктахъ. Но большинство фабрикантовъ остались недовольны, выразили порицаніе своимъ делегатамъ, вызвавъ, такимъ образомъ, своей недобросовѣстностью гражданскую войну. Они утверждали, что рабочій классъ предъявлялъ слишкомъ большія требованія, потому что онъ создавалъ себѣ искусственныя потребности. Ободряемые принятыми военными мѣрами предосторожности, о которыхъ они хлопотали, нѣкоторые изъ фабрикантовъ доходили до неслыханнаго цинизма. „Если ихъ желудки пусты, мы ихъ наполнимъ свинцомъ“,—говорили они. Высшая лонская буржуазія—набожная, клерикальная, преданная династїи, реакціонная—не подозрѣвала, что своими крайностями она вызоветъ одно изъ величайшихъ въ соціальной исторїи событїй, одинъ изъ тѣхъ неизгладимыхъ эпизодовъ, которые навѣки оставляютъ слѣды на кровавомъ пути человѣчества. Какъ и буржуазія, пролетаріатъ прибѣгнулъ къ силѣ: это былъ первый случай долгой экономической борьбы, которая съ тѣхъ поръ продолжается непрерывно. Впервые также настоящій народъ, народъ, живущій ежедневнымъ трудомъ, взялся за оружіе, чтобы защищать свои собственные интересы, не подвергаясь никакому внѣшнему вліянію.

Двадцать перваго декабря ткачи собираются въ Стоix-Rousse. Ихъ встрѣчаетъ національная гвардія и тщетно старается ихъ разсѣять. Повстанцы направляются въ городъ, требуя работы или смерти. Какъ позднѣе Пьеръ въ Парижѣ, 18 мая 1871 г. ронскїй префектъ и военный губернаторъ рѣшили покинуть городъ. Они скоро вернулись, но предшествуемые многочисленной арміей, которой командовали королевскїй принцъ и маршалъ Сультъ (Sault). Пролетаріатъ помѣрялся съ ними

силой, и обратилъ ихъ въ бѣгство. Не будучи организованы, онъ не могъ продолжать начатую борьбу; не имѣя опредѣленной цѣли—не могъ организовать. Не классъ не создается въ окончательной формѣ въ одинъ день.

Урокъ былъ достаточно поучителенъ для фабричной олигархіи, непривыкшей къ такому униженію, для администраціи и для дѣйствующей милиціи, въ первый разъ потерпѣвшей такое пораженіе. Въ 1830 г. борьбой противъ Карла X и Мармона руководили буржуа; теперь какіе-то несчастные ткачи, люди безъ званія, безъ богатствъ, безъ общественнаго положенія позволяли себѣ порицать поведеніе властей.

Впечатлѣніе, произведенное лонскимъ возстаніемъ въ Парижѣ, было сильно, и, что еще замѣчательнѣе, стоявшіе у власти поняли настоящій смыслъ событія. Мы не хотимъ сказать, что они его использовали: вѣрно, однако, то, что они ясно понимали, что возстаніе носило не политическій, а социальный характеръ. Династическая оппозиція—другой не было въ парламентъ—поспѣшила заявить, что она не имѣетъ ничего общаго съ лонцами. Казимиръ Перье утверждалъ, что „повстанцы вооружились противъ свободы торговли и промышленности. Они призывали только къ грабежу и убійствамъ. У всѣхъ добрыхъ гражданъ и честныхъ людей Франціи можетъ быть лишь одно отношеніе къ возстанію. Общество не можетъ оставить безнаказаннымъ такія угрозы“ (26 октября). Въ тотъ же день президентъ Жиро прочелъ королю адресъ депутатовъ. Онъ гласитъ: „повстанцы посягаютъ на принципъ собственности, угрожаютъ свободѣ промышленности. Король можетъ рассчитывать на содѣйствіе всѣхъ, чтобы убить въ корнѣ сѣмена анархіи, чтобы утвердить священные принципы, на которыхъ основывается само существованіе общества“. Единодушіе было полное. Буржуазный парламентъ единогласно клеймилъ „Лонскую анархію“, но онъ все-

таки почувствовалъ полученный имъ ударъ. Подъ голыми фразами рѣчей и адреса чувствуется ужасъ, испытываемый привилегированнымъ классомъ передъ посягательствомъ на его экономическія прерогативы и на установившіяся традиціи, составлявшія всю его силу.

Что касается пролетаріата, то онъ, несмотря на свое поражение, сдѣлалъ большой шагъ впередъ. Пролетаріатъ, находившійся еще въ зачаточномъ состояніи во время экономическихъ преобразованій времени Реставраціи, вступилъ, наконецъ, въ свѣтъ и заявилъ о своемъ существованіи, какъ отдѣльнаго класса. Ліонское возстаніе не осталось безъ вліянія ни на моральную эволюцію республиканскихъ группъ 1832 и 1840 гг., ни на развитіе социалистической мысли, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такъ сильно отличалась, а въ другихъ такъ близко подходила къ фурьеризму и сень-симонизму, господствовавшимъ во вторую половину царствованія Людовика-Филиппа. Событія стали развиваться быстрее, нежели теорія, и такъ какъ теорія тѣсно связана съ практикой, то первая постарается прійти въ соотвѣтствіе съ послѣдней.

V. Намъ остается изучить самый процессъ развитія демократическихъ тенденцій подъ вліяніемъ ліонскаго возстанія. Мы уже сказали, что стремленія и программныя требованія республиканской партіи ограничивались въ 1830 г. уничтоженіемъ монархіи, т. е. исключительно преобразованіями политическаго характера. Такъ какъ республиканская партія находилась всецѣло подъ вліяніемъ мелкой буржуазіи и такъ какъ пролетаріатъ не накладывалъ еще своего отпечатка на ея требованія, то становится вполне понятнымъ, почему въ ея программѣ отсутствовали всякія требованія социальнаго характера. Первое слѣдствіе возстанія Croix-Rousse было то, что оно показало мелкой буржуазіи, какая огромная потенциальная энергія скрывалась въ пролетаріатѣ.

Произошло тогда странное на первый взглядъ, но въ

и которая такъ рѣзко нападала на принципъ личнаго присвоенія. Весь этотъ планъ былъ нѣсколько туманенъ. Экономическіе выводы, которые нынѣ положены въ основаніе коллективистской теоріи, въ немъ совершенно отсутствовали, но повторяемъ: было бы смѣшно требовать отъ людей сравнительно отдаленной отъ насъ эпохи того, что можно требовать теперь, послѣ колоссальныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ соціалистической мыслью за послѣдніе тридцать пять лѣтъ.

Что слѣдуетъ привѣтствовать въ программѣ 1833 г., которая была выработана лицами умѣренными, а именно: Аржансономъ, Гинаромъ, Кавеньякомъ, Керсози, Одриде-Пьюрово—такъ это возрожденіе бабувизма. Коммунистическая мысль не выступаетъ, конечно, въ этой программѣ такъ рельефно, какъ въ „манифестѣ равныхъ“, но, какъ и этотъ послѣдній, программа 1793 г. представляетъ собою интересную смѣсь якобинства и соціальныхъ вождедѣній. Она сама по себѣ составляетъ побѣду пролетаріата.

Государственные дѣятели того времени не ошиблись: консервативныя газеты тотчасъ же указали на ударъ, нанесенный принципу собственности. Какъ и во время Директоріи, теперь кричали: „да здравствуетъ аграрный законъ!“, и когда главари „Droits de l'homme“ предстали передъ судомъ присяжныхъ, прокуроръ не преминулъ ихъ обвинить въ томъ, что они стремились къ раздѣлу имуществъ въ духѣ Бабефа.

Общество „Familles“ въ 1836 г. и „Saisons“ въ 1837 г. еще болѣе ясно обнаружили соціалистическій характеръ своихъ стремленій. Но тогда пролетаріатъ мало-по-малу сталъ вытѣснять изъ тайныхъ обществъ мелкую буржуазію (она разочаровалась послѣ своихъ пораженій), а потому эволюція этихъ обществъ не представляетъ ничего удивительнаго.

Достаточно знакома исторія возстаній, наполнившихъ первые 10 лѣтъ царствованія Людовика-Филиппа. Июнь-

ское возстаніе 1832 г., поводомъ къ которому послужили похороны Ламарка, прославилось защитой монастыря St. Merri. Особенно широкіе размѣры приняли возстанія 1834 года въ Парижѣ и въ Лионѣ. И тогда Лионъ подалъ сигналъ. Однако, на этотъ разъ возстаніе не имѣло уже чисто пролетарскаго характера 1831 года. Оно явилось результатомъ союза между ткачами (возобновившими борьбу съ фабрикантами) и секціями „Droits de l'homme“, но въ дѣйствительности мелкая буржуазія не сдѣлала ничего, чтобы вызвать возстаніе, и пристала къ нему только послѣ неудачной попытки помѣшать ему.

Въ февралѣ вспыхнула стачка. Нѣкоторымъ изъ республиканскихъ руководителей, не принадлежавшихъ къ рабочему классу, удалось добиться ея прекращенія, но возстаніе разразилось со страшной силой послѣ проведенія закона объ ассоціаціяхъ (въ 1834 г.), преслѣдовавшаго общества взаимопомощи и политическіе союзы. Борьба завязалась 9 апрѣля въ Лионѣ, продолжалась 5 дней, и 15 тысячъ человѣкъ войска было послано, чтобы усмирить повстанцевъ. Около 1200 человѣкъ погибло; произведено было 170 тысячъ ружейныхъ и 1700 пушечныхъ выстрѣловъ. Тьеръ, тогдашній министр-президентъ, приказалъ войскамъ самымъ суровымъ образомъ расправляться съ повстанцами,—и они слишкомъ хорошо исполнили это приказаніе. Какъ только дошли слухи о лионскомъ возстаніи, парижскія секціи „Droits de l'homme“ въ свою очередь объявили возстаніе. Здѣсь оно было подавлено еще быстрее, такъ какъ съ самаго же начала Тьеръ приказалъ арестовать главарей, а войско проявило еще болѣе возмутительную жестокость.

Послѣднее уличное столкновение при іюльской монархіи имѣло мѣсто 12 мая 1839 года; оно было вызвано обществомъ „Saisons“, и во главѣ его стояли Мартэнъ Бернаръ, Барбесъ и Бланки. Это возстаніе имѣло только второстепенное значеніе, и въ немъ принимали участіе не больше нѣсколькихъ сотъ членовъ „Saisons“.

Приемы борьбы республиканцевъ времени Людовика-Филиппа, т. е. составленіе тайныхъ обществъ и плано-мѣрное вооруженіе, существенно отличаются отъ метода борьбы, употребляемаго, начиная съ Коммуны, разными организованными политическими партіями европейскаго континента. Въ настоящее время коллективистская и коммунистическая пропаганда ведется открыто, и все менѣе и менѣе становится контингентъ лицъ, вѣрящихъ въ возможность добиться общественнаго возрожденія и полного преобразованія строя путемъ заранее назначеннаго насильственнаго переворота. Но слѣдуетъ ли предположить, что социализмъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ перемѣнѣ тактики образованіемъ сплывной постоянной арміи, расширеніемъ улицъ въ столицахъ и крупныхъ городахъ, что онъ, такъ сказать, капитулировалъ изъ боязни передъ возросшей матеріальной силой буржуазіи? Нисколько; причины этой эволюціи—совершенно иныя. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно указать на то, что политическія условія нашей эпохи не только во Франціи, но и въ Германіи, Бельгіи, Италіи существенно отличаются отъ политическихъ условій сороковыхъ годовъ XIX вѣка. Современники Фурье и Кабе не могли открыто развивать свои отчасти разрушительныя теоріи, не рискуя быть привлеченными къ судебной отвѣтственности; они не могли организовываться, не подвергая себя этимъ самымъ судебной отвѣтственности за нарушеніе драконовскаго закона о союзахъ; они не могли выражать свои желанія при помощи выборовъ, такъ какъ избирательное право сохраняло свой цензурный характеръ. Чтобы добиться достаточно либеральныхъ гарантій, имъ нужно было вызвать сильное общественное броженіе. А между тѣмъ господствующая буржуазія была достаточно вооружена, чтобы убить это броженіе въ самомъ его зародышѣ. Завоеваніе общественной власти, котораго мы, въ большей или меньшей степени, надѣемся добиться путемъ распространенія нашихъ

теорій, дѣятельностью нашихъ ораторовъ и пашихъ писателей, организованностью пролетаріата,—это завоеваніе власти было невозможно при Людовикѣ-Филиппѣ осуществить при помощи законныхъ средствъ. Въ наше время, если не самые законы, то, по крайней мѣрѣ, примѣненіе ихъ на практикѣ не парализуетъ пролетарскаго движенія. Въ 1832 г. законы эти представляли собой непроходимую для общественнаго развитія преграду, которую необходимо было одолѣть. Для адептовъ тогдашней демократіи вооруженное возстаніе являлось, поэтому, безусловной необходимостью. И дѣйствительно, одна революція была неизбежна для установленія конституціоннаго образа правленія, а другая—для введенія всеобщаго избирательнаго права.

Бланкизмъ, т. е. теорія захвата власти, которой придерживались политическіе или социальныя республиканцы іюльской монархіи, развилаь, такимъ образомъ, на почвѣ тогдашней французской конституціи. Было бы несправедливо все то, что Бланки оставилъ въ наслѣдство современному социализму, резюмировать одной простой формулой захвата власти. Этотъ великій революціонеръ не былъ, какъ нѣкоторые это думаютъ и утверждаютъ, исключительно главаремъ возстаній, руководителемъ баррикадъ. Помимо холоднаго мужества и самоотверженной преданности дѣлу демократіи, помимо высокихъ моральныхъ качествъ, Бланки проявилъ силу далеко нецощиннаго ума. Мы къ нему вернемся въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи; мы тогда познакомимся съ его идеаломъ будущаго и его борьбой съ прудонистами. А пока мы должны высказаться относительно бланкизма—пріема чисто матеріальной борьбы во времена Людовика-Филиппа. Можно оправдать бланкизмъ и въ то же время ограничить его поле дѣйствія указаніемъ на то, что онъ тогда казался единственнымъ средствомъ низвергнуть цензовую конституцію, служащую опорой экономическому господству крупной буржуазіи; но,

вообще говоря, это плохой методъ соціальной эмансипаціи. Вліяніе эпохи и тогдашнихъ политическихъ учрежденій отразилось и на знаменитомъ „Коммунистическомъ Маніфестѣ“, написанномъ до февральскихъ событій и сохранившемъ слѣды бланкизма; но Марксъ и Энгельсъ и многіе другіе въ своихъ позднѣйшихъ трудахъ отодвинули на второй планъ этотъ методъ борьбы.

VI. вмѣстѣ съ пораженіемъ Барбеса и Бланки въ 1839 г., заканчивается періодъ возстаній при іюльской монархіи. Мелкая буржуазія склоняется передъ болѣе сильной національной гвардіей, этой милиціей крупной буржуазіи. Она ничего болѣе не ждетъ отъ возстаній тайныхъ обществъ, которыя ей ничего не дали. Она не хочетъ болѣе борьбы, потому что въ сущности этотъ классъ никогда не отличался отвагой. Начиная съ 1840 г., она ограничивается кампаніей банкетовъ. Къ этому же времени и пролетаріатъ, въ свою очередь, на время оставляетъ тактику баррикадъ, потому что онъ не обладаетъ болѣе достаточнымъ количествомъ организованныхъ силъ, потому что онъ лишился своихъ руководителей и потому еще, что распространеніе новыхъ теорій, болѣе стройныхъ и болѣе выдержанныхъ, чѣмъ фурьеризмъ и сенъ-симонизмъ, открываютъ ему самыя широкіе горизонты. Открывается періодъ творческой умственной работы французскаго социализма. Въ то самое время, когда въ палатѣ депутатовъ рѣдкіе сторонники демократіи протягиваютъ руку рабочимъ, и Франсуа Араго въ своей рѣчи (16 мая 1840 г.) требуетъ организаціи труда,— коммунизмъ гордо поднимаетъ свою голову. 1-го іюля того же года въ Бельвиллѣ, на шумномъ обѣдѣ, собираются тысяча двѣсти бабувистовъ. Радикалы и коммунисты протягиваютъ другъ другу руки. Но еще съ болѣею силой, чѣмъ политическое движеніе, проявилась социалистическая мысль. получившая выраженіе въ нѣсколькихъ трудахъ, дѣлающихъ честь Франціи и оказывающихъ самое широкое вліяніе на рабочее движеніе середины

XIX в. Восьмилѣтній періодъ отъ 1840 до 1848 г. подготовлялъ то сильное броженіе умовъ, которое привело къ торжеству Второй Республики.

ГЛАВА V.

Отъ Луи—Блана до Прудона.

Съ точки зрѣнія нашего изслѣдованія второй періодъ Іюльской Монархіи представляетъ поразительный контрастъ съ предыдущей эпохой—съ 1830 по 1840 г. Последняя почти цѣликомъ прошла въ возстаніяхъ, кровавыхъ стычкахъ, заговорахъ тайныхъ обществъ. Столкновѣнія между общественными классами вылились здѣсь въ форму насильственныхъ толчковъ, и для развитія соціальныхъ идей вся эта эпоха почти не имѣетъ значенія. Наоборотъ, восемь лѣтъ, которые прошли тихо и мирно,—со времени заключенія Бланки до 24 февраля—оказываются на протяженіи всего вѣка наиболѣе плодотворными, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія организаціи пролетаріата и выработки имъ своего классоваго міросозерцанія.

Въ самомъ дѣлѣ, во всей нравственной и умственной исторіи Франціи съ 1795 г. мы не найдемъ подобной эпохи. Другія эпохи выдѣлялись расцвѣтомъ литературы, поэзіи, искусствъ. Но вы не найдете другого времени, которое хотя бы сколько нибудь походило на разбираемый нами періодъ по глубинѣ экономическаго анализа, по силѣ критики общественной іерархіи и соціальныхъ учреждений. Были гениальные умы, какъ Фурье и Сень-Симонъ, но ихъ произведенія полны ошибокъ и застарѣлыхъ предразсудковъ „старого порядка“. Ближе къ намъ по времени стоятъ вульгаризаторы, вродѣ Бенца Малона, пропагандисты, ораторы,—однако, безъ преувеличенія можно сказать, что послѣ того гигантскаго толчка, который французская соціалистиче-

азія, не пытались въ извѣстные послѣдующіе историческіе моменты заключить между собою договоры и вновь соединиться въ единое тѣло; Іюнь 1848 г. представилъ въ этомъ отношеніи внушительный примѣръ, но подобные союзы по существу своему являются до того противоестественными, что распадаются отъ малѣйшаго натиска событій. 1849 годъ, такъ тщательно изслѣдованный Марксомъ въ его „Борьбѣ классовъ“, даетъ также достаточно назидательный урокъ. Дѣйствительно, мелкая буржуазія, въ силу разницы въ интересахъ, существовавшей между ней и крупной буржуазіей, разницы, превратившейся въ полный антагонизмъ, отдѣлилась отъ крупной буржуазіи. Окончательно прикованная къ лавкѣ, цѣпляясь за мелкое производство, которое не въ состояніи развиваться, мелкая буржуазія прекрасно понимала, что хотя она вышла изъ одного и того же источника, что и крупная буржуазія, между ними создается непроходимая пропасть. Мысли, стремленія, привязанности и образъ жизни мелкой буржуазіи—все принимаетъ противоположный характеръ, все ставитъ ее въ контрастъ съ крупной буржуазіей. Олигархія крупныхъ промышленниковъ, носительница власти, всѣми силами стремится избѣгнуть налоговъ. Всѣ измѣненія въ области прямыхъ налоговъ, всѣ увеличенія косвенныхъ налоговъ, очевидно, направлены во вредъ классу мелкихъ промышленниковъ, который, въ свою очередь, мало-по-малу сознаетъ необходимость для себя присоединиться къ интересамъ пролетаріата. Вотъ источникъ того страннаго интереса, который классъ мелкихъ промышленниковъ проявляетъ къ измѣненію избирательнаго закона, которое дало бы ему возможность измѣнить существующій порядокъ вещей и даже совершить при помощи работы массы государственный переворотъ. Нѣсколько позже та же самая мелкая буржуазія, добившись, въ свою очередь, благодаря повороту въ своей судьбѣ, власти, сразу дѣлается консервативной и возстаётъ противъ всякихъ нововведеній. Но въ разбирае-

мую нами эпоху мелкая буржуазія находится въ полномъ антагонизмѣ съ правящими классами, и съ момента послѣдняго Февральскаго движенія ею овладѣваетъ революціонное настроеніе, она покидаетъ плутократическіе ряды національной гвардіи и становится во главѣ возстанія. Нѣмая въ теченіе 14 лѣтъ послѣ Апрельскихъ событій, она снова обрѣтаетъ свой голосъ, когда замѣчаетъ, что современный ей строй достаточно ослабленъ и не въ силахъ уже сопротивляться. Прудонъ облачаетъ свои идеи въ такія формы, которыя ему самому не нравятся, и, прибѣгая къ помощи діалектики, которая ему не по силамъ, является гениальнымъ выразителемъ этихъ смутныхъ стремленій. Въ произведеніяхъ Прудона ярко отразился этотъ классъ, претендовавшій на роль посредника между крупной буржуазіей и пролетаріатомъ, онъ ясно предсталъ со всѣми своими противорѣчивыми разсужденіями, вылазками противъ существующаго порядка и практическими приемами борьбы. Марксъ, а послѣ него и другіе, въ высшей степени вѣрно охарактеризовали роль Прудона, въ которомъ современники желали видѣть апостола соціальной революціи, и который въ дѣйствительности, формулировавъ нѣкоторые изъ великихъ положеній, обосновывающихъ соціализмъ, — самъ же пытался разрушить ихъ своею безпощадною софистикою.

Между тѣмъ, пролетаріатъ, оставаясь въ этой роли фундамента, на которомъ обосновалъ свое благополучіе правящій классъ въ періодъ отъ 1840—1848 гг., усиливалъ свое могущество, благодаря растущей внутренней солидарности. Несмотря на разрозненность, на отсутствіе организаціонной связи, на непониманіе всей важности явленій, создавшихъ его положеніе, все-таки мы видимъ его постоянно предъявляющимъ требованія, питающимъ какія-то надежды. Онъ не мирится, какъ раньше, со своимъ положеніемъ; въ уличныхъ схваткахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, въ качествѣ ли побѣдителя, или побѣжденнаго,—онъ почерпнулъ силы для на-

рождающагося классоваго самосознанія. Суровая школа нищеты и безработицы (1846 и 1847 были годами ужасовъ), непрерывная вереница годовъ лихорадочнаго перепроизводства и кризисовъ, — всѣ эти явленія обратили его вниманіе на экономическій строй общества и заставили задуматься надъ вопросомъ о фатальныхъ бѣдствіяхъ, какъ неизбѣжныхъ спутникахъ новаго строя. Пролетаріатъ уже былъ подготовленъ къ тому, чтобы впитывать въ себя знанія и размышлять о своемъ положеніи. Но воспитаніе, которое такимъ образомъ получилъ рабочій классъ, было еще недостаточнымъ; оно было слишкомъ поспѣшнымъ, слишкомъ поверхностнымъ, а ожидаемая катастрофа разразилась слишкомъ быстро, и трудящаяся масса, захваченная событіемъ врасплохъ, не была въ состояніи воспользоваться всѣми зернами жизни и власти, которыя принесъ съ собою циклонъ, пронесшійся по Европѣ въ 1848 г. Дальше мы будемъ говорить подробно о страшномъ Іюньскомъ пораженіи, за которымъ послѣдовалъ такой сильный упадокъ духа въ средѣ пролетаріата, какого никогда, ни до этого, ни послѣ, партія не переживала. Здѣсь достаточно указать на слѣдующее явленіе: развитіе мелкой буржуазіи обусловливало появленіе такого теоретика, какъ Прудонъ; точно также развитіе пролетаріата дѣлало необходимымъ возникновеніе чисто социалистическихъ, коммунистическихъ, коллективистскихъ теорій; онѣ и были разработаны другими писателями въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ Іюльской монархіи. Эти писатели уступали, правда, Прудону въ литературномъ талантѣ, въ тонкости анализа и зато имѣли большое значеніе по практическимъ результатамъ.

II. Не погибли ни фурьеризмъ, ни сень-симонизмъ. Было бы невозможно, чтобы двѣ такія сильныя системы исчезли сразу послѣ нѣсколькихъ всего лѣтъ распространенія. Въ моментъ появленія Луи-Блана, Пеккера и другихъ, обѣ системы кажутся устарѣлыми; одна—со своимъ іерархическимъ и аристократическимъ построе-

ніемъ, другая со своимъ уваженіемъ къ установленной власти. Не слѣдуетъ забывать, что чистая политика, т.-е. проблема внѣшняго правительственнаго строя, занимаетъ людей 1840 г. не меньше, чѣмъ внутреннее общественное устройство. И послѣдователи автора „Четырехъ движеній“ и „Промышленной системы“—Консидеранъ и Леру—не теряютъ извѣстнаго значенія. Оставаясь, въ общемъ, вѣрными, по существу, доктринамъ своихъ учителей, они все-таки испытываютъ на себѣ вліяніе своей эпохи; и хотя ихъ произведенія не въ состояніи такъ волновать умы, какъ „Организація труда“, или „Мемуары относительно собственности“, или „Философія нищеты“—ихъ нельзя, однако, обойти молчаніемъ даже въ бѣгломъ обзорѣ французскаго социализма. Изъ ихъ произведеній мы, по меньшей мѣрѣ, узнаемъ, какое распространеніе могли имѣть положенія Сень-Симона и Фурье; ими же заканчивается развитіе этихъ двухъ социальнихъ системъ. Послѣ Консидерана и Леру обѣ системы представляютъ уже только историческій интересъ и не вызываютъ въ литературѣ новыхъ произведеній.

Пьеръ Леру прежде всего унаслѣдовалъ отъ сень-симонизма его пантеистическое міросозерцаніе. Такъ же, какъ основатель этой системы и его непосредственные ученики, онъ соединяетъ философію и религію; по его мнѣнію, онѣ ведутъ къ одной цѣли, и ихъ давній антагонизмъ кончился. Но въ своихъ изслѣдованіяхъ относительно собственности, могущества денегъ, онъ проявляетъ отѣнки мысли, какихъ не бывало еще въ произведеніяхъ сень-симонистской школы. Онъ установилъ, что Франція эпохи Луи-Филиппа—сплошная плутократія, и вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнулъ бывшій тогда въ общемъ ходу софизмъ, который усердно поддерживали экономисты, а именно—будто собственники представляютъ огромное большинство. Путемъ тщательнаго изслѣдованія онъ установилъ, что настоящихъ собственниковъ, въ дѣйствительности, ничтожное меньшинство; большая

же часть землевладѣльцевъ владѣютъ клочками земли— „величиной съ носовой платокъ“; еще ниже этихъ стоятъ 4 мил. нищихъ, 4 мил. немущихъ и 4 мил. наемныхъ рабочихъ, у которыхъ нѣтъ никакой собственности, ни движимой, ни недвижимой. Такимъ образомъ, если идти до конечнаго вывода, мы приходимъ къ слѣдующему печальному заключенію: „196.000 главъ семействъ образуютъ обширный торговый домъ, обладающій капиталомъ, не поддающимся учету; онъ называется Франціей. Этотъ домъ ежегодно даетъ работу 34 мил. служащихъ и рабочихъ—мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Плодомъ операціи этого дома является минимумъ 9 миллиардовъ валового дохода, за вычетомъ сѣмянъ и другихъ издержекъ производства. Домъ этотъ платитъ рабочимъ немного болѣе 5 миллиардовъ заработной платы. Остается ему въ видѣ чистой прибыли 3.800 милліоновъ“. Такова, по Леру, экономическая система, господствующая во Франціи 1847—1848 гг., за нѣсколько мѣсяцевъ до Февральскихъ событій. (О плутократіи). Выводъ удивительно ясный, но средства противъ этой системы, предлагаемая авторомъ на манеръ другихъ сенъ-симонистовъ, не отличаются той же степенью ясности. Онъ возвращается, по отношенію къ собственности, къ мысли Робеспьера, опредѣляя ее такъ: „право пользоваться опредѣленной вещью способомъ, опредѣляемымъ закономъ, установленнымъ всѣми для всѣхъ“; но это, въ сущности, для Леру опредѣленіе частичное; какъ только заходитъ рѣчь о созданіи политической конституціи, онъ основываетъ ее на „Триадѣ“, т.-е. на органахъ судебномъ, законодательномъ и исполнительномъ; каждый изъ нихъ составляетъ три палаты, въ которыя должны войти въ опредѣленной пропорціи различныя либеральныя (свободныя) профессіи. Благодаря своему пристрастію къ „Триадѣ“, Леру становится уже въ своего времени, совершенно не склоннаго къ философскимъ разсужденіямъ древнихъ грековъ.

Консидеранъ также даетъ глубокую и безупречную критику современной ему Франціи, и поражаетъ насъ убожествомъ положительныхъ выводовъ. Онъ понялъ и заклеилъ недостатки промышленнаго строя—этой колоссальной машины, которая производитъ бѣдняковъ и пролетаріевъ, и въ тѣмъ большемъ числѣ, чѣмъ напряженнѣе ея работа и быстрѣе движеніе. Изслѣдуя идею свободы, онъ доказываетъ, что только имущая олигархія выигрываетъ отъ этого верховнаго атрибута: гдѣ свободные люди? Вы, кажется, смотрите, какъ на свободныхъ, на безчисленныя массы пролетаріевъ, лишенныхъ капиталовъ и орудій труда, принужденныхъ подъ страхомъ смерти, которая всегда носится надъ ними и ихъ семьями, каждый день искать себѣ господина? Значитъ, безъ собственности нѣтъ свободы. Вопреки заявленіямъ экономистовъ, рабочій—только рабъ. Промышленная война, пришедшая на смѣну прежней настоящей войнѣ, создала рабство, не личное и прямое, а косвенное и всеобщее, владычество класса, владѣющаго капиталами, машинами, орудіями производства, надъ классами обездоленныхъ; и, „подобно древнему“, это рабство является естественнымъ и законнымъ въ глазахъ оффиціального общества. Великая задача времени заключается въ слѣдующемъ: надо освободить пролетаріатъ, снабдить каждого человѣка орудіями труда и организовать трудъ. Такъ возникаетъ формула, которая наполняетъ всю социалистическую литературу середины вѣка; эта формула—ассоціація производительныхъ силъ. Но современные буржуа отказываются признать дѣйствительность, подражая дворянамъ періода до 89 г., въ глазахъ которыхъ философы были утопистами. Они не хотятъ вѣрить, что революція еще не закончилась, что она все еще въ полномъ дѣйстви до тѣхъ поръ, пока не создастся новое общество, которое сумѣетъ вездѣ, начиная съ основанія и кончая вершинной, съ общины до государства, съ государства до великой соединенной

семьи народовъ, замѣнить раздробленіе общества ассоціаціей, борьбу—согласіемъ, войну—миромъ, рабство большинства—свободой для всѣхъ. И если буржуазія упорствуетъ, если она не считается съ огромной живой силой интересовъ пролетаріата, событія быстрыми шагами пойдутъ къ всеобщей социальной войнѣ. Ни Марксъ, ни Энгельсъ, ни Малонъ, вообще, ни одинъ изъ социалистовъ послѣднихъ лѣтъ, не сможетъ добавить что-либо еще къ тому сокращенному разсужденію. Но стоитъ только спросить Консидерана о его выводахъ, какъ онъ ограничивается неясными формулами. Во-первыхъ, социализмъ не есть для него опредѣленная доктрина: „въ принципѣ, это—огромное, непреодолимое стремленіе къ социальному строю, который рѣшитъ задачу“. Далѣе онъ требуетъ видоизмѣненія наемничества, установленія общества, основаннаго на согласіи: но какъ это сдѣлать? Попросту, пустивъ въ ходъ фурьеристскій порядокъ, организовавъ пріивлекательность работы, устроивъ свободную ассоціацію коммуны, при сохраненіи частной собственности. Мы уже, было, почувствовали трепеть мощной силы Юньскаго пролетаріата, и вдругъ возвращаемся къ доисторической эпохѣ, къ утопизму 1820—1830 гг. Есть несоотвѣтствіе между искусно организованнымъ нападениемъ Консидерана на современное ему общество и его способомъ возрожденія этого общества. И въ этомъ отношеніи онъ—законный сынъ не только своего учителя Фурье, но и ученикъ философовъ XVIII вѣка, Руссо, Бриссо, Лэнге, которые, разрушивъ многое, пытались затѣмъ собственными руками поднять обломки, усеявшіе землю.

III. Изъ всѣхъ социалистическихъ экономистовъ середины вѣка рядомъ съ Прудономъ наиболее продолжительно и сильно вліялъ своими идеями Луи-Вланъ. Но сравнивать этихъ двухъ писателей можно только съ точки зрѣнія важности ихъ воспитательной роли: они никогда не понимали другъ друга и, въ дѣйствительно-

сти, были представителями двухъ совершенно противоположныхъ теорій. Одинъ—Прудонъ—считаетъ себя анархистомъ, въ его глазахъ первымъ существеннымъ актомъ было бы разрушеніе коллективной власти и государства, онъ измѣряетъ прогрессъ разрушеніемъ правительственной энергіи, онъ отвергаетъ коммунистовъ и не находитъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы заклеить ихъ учение. Другой—Луи-Бланъ—вполнѣ государственный (étatiste), въ современномъ смыслѣ этого слова. Онъ вѣритъ въ важность постояннаго, всегда растущаго, неограниченнаго вмѣшательства административной системы. Онъ хочетъ реформировать общество не извнѣ, какъ бы по мановенію волшебства, а изнутри, путемъ завоеванія власти.

Между авторомъ „Организація труда“ и отвѣта г. Тьеру и современными коллективистами очень много различій. Въ произведеніяхъ Луи-Блана опредѣленіе классовой борьбы и интернаціональнаго союза пролетаріата дано далеко не съ тѣми точностью и выпуклостью, какъ у Маркса, Энгельса, Малона, Пипа и т. д. Старому члену временнаго правительства не хотѣлось развивать своихъ теорій до конца. И особенно недостаточной является у Луи-Блана его критика наемничества и собственности. Его выводамъ не достаетъ силы во многихъ вопросахъ, особенно отстали его взгляды въ вопросѣ объ относительной роли земледѣлія и промышленности въ современномъ обществѣ. Если оставить въ сторонѣ Луи-Блана, какъ писателя, а также догматическую часть его трудовъ, и разсмотрѣть его, только какъ политическаго дѣятеля, то окажется, что и въ этой роли онъ далеко не заслужилъ похвалъ, которыя щедро ему расточались, какъ такому дѣятелю. Однако, мы не задаемся цѣлью дать тщательно мотивированное сужденіе относительно личности того или иного политическаго дѣятеля, занимавшаго мѣсто въ исторіи французскаго социализма. Мы еще вернемся къ тому поло-

женію, которое заняли во время соціального кризиса 1848 г. избранные пролетаріатомъ представители. Въ данный моментъ намъ достаточно только вспомнить, что въ свое время „Организація Труда“ произвела почти такое же сильное впечатлѣніе и читалась почти съ такою же жадностью, какъ позже „Капиталъ“ или знаменитая книга Джоржа „Прогрессъ и Бѣдность“. Сопоставивъ эту брошюру (Орг. Тр.) съ отвѣтомъ Тьеру, мы попытаемся точно опредѣлить соціальныя идеи Луи-Блана, которыя, какъ извѣстно, были настоящимъ ферментомъ для пролетарскаго движенія Февральскихъ дней и первыхъ мѣсяцевъ Третьей Республики.

Когда „Организація Труда“ появилась въ 1840 г. въ „Revue du Progrès“, а затѣмъ отдѣльнымъ выпускомъ, французскій социализмъ совсѣмъ не представлялъ той отчетливости, которая требуется для распространенія доктрины въ массѣ. Въ этомъ произведеніи рабочій классъ нашелъ дѣльный и обоснованный анализъ того разложенія, которое экономическіе перевороты произвели въ старомъ обществѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Сень-Симонъ и Фурье были использованы въ тѣхъ нѣсколькихъ страницахъ, но философія ихъ была еще не обнародована и потому извѣстна только узкому кругу избранныхъ, такъ что Луи-Бланъ могъ изъ нея черпать свободно.

Вся критика конкуренціи, которою начинается трудъ Луи-Блана, заимствована у апостола фаланстера. „Буржуазія основала свою власть на конкуренціи, принципѣ тиранніи; прекрасно, мы увидимъ, какъ она сама же погибнетъ отъ него. Въ отвратительной ежедневной борьбѣ, возведенной въ систему, средняя промышленность поглотила мелкую. Пиррова побѣда. Потому что сейчасъ же она была, въ свою очередь, поглощена крупной промышленностью. Конкуренція, значить, причина гибели самихъ же правящихъ классовъ“. Это утвержденіе легко доказать, если принять во вниманіе анархію, которая царитъ во всей промышленности,

и огромные аппетиты новаго машиннаго производства. „Конкуренція толкаетъ производство на путь все болѣе усиленной дѣятельности. Замѣшательство, создаваемое всеобщимъ соперничествомъ, лишаетъ каждаго производителя возможности знать свой рынокъ. Даже тѣ, кто производитъ въ убытокъ, не прекращаютъ производства, потому что они не хотятъ терять стоимости машинъ, орудій производства, сырыхъ матеріаловъ“. И Луи-Бланъ настаиваетъ на той мысли, что именно крайняя раздробленность и столкновенія неурегулированныхъ предприятий—смертельны для собственниковъ. „Теперешняя система угрожаетъ собственности средняго класса. Крайнее раздробленіе земельной собственности должно насъ привести, если мы не примемъ мѣръ предосторожности, къ возстановленію крупной собственности“. Какимъ образомъ мелкія предприятия могутъ выдержать конкуренцію крупныхъ и не быть поглощенными ими? Этотъ порядокъ долженъ закончиться подчиненіемъ большей части буржуазіи очень малочисленной олигархіи крупныхъ капиталистовъ.

Но простой народъ конкуренція эта затрагиваетъ еще чувствительнѣе, чѣмъ хозяевъ: для него она—орудіе истребленія. „Участь человѣка изъ народа, который не можетъ болѣе ни сѣять, ни жать, ни охотиться, ни заниматься рыболовствомъ, ни просить милостыни, ни спать на мостовой, ни мѣнять мѣстожительства,—стала такова, что ему остается либо самому кончить съ собой, либо убить другого. Систематическое пониженіе заработной платы, оставляющее безъ работы опредѣленное число рабочихъ,—вотъ неизбежное слѣдствіе ничѣмъ не ограниченной конкуренціи. Она является промышленнымъ процессомъ, съ помощью котораго пролетаріи вынуждены рвать другъ у друга заработокъ“. Такимъ образомъ, въ „Организаціи Труда“ Луи-Бланъ подходитъ къ соціальной задачѣ косвеннымъ путемъ, не касаясь ея основы: организаціи собственности. Слѣдующія мелкія произве-

денія онъ посвящаетъ анализу самой системы присвоенія, онъ показываетъ, что она основана не на трудѣ, а на эксплуатаціи другихъ. Тѣмъ не менѣе, для него, какъ и для всѣхъ экономистовъ и соціологовъ до Прудона, на первомъ мѣстѣ, по важности, стояла критика анархіи въ промышленности; въ своихъ изысканіяхъ онъ не углублялся въ самый строй, въ корень вещей—онъ довольствовался изученіемъ, разсматриваніемъ одного лишь явленія производства, которое вытекаетъ изъ общей системы. Прудонъ ставитъ въ основу своего построенія собственность, онъ многочисленными доводами доказываетъ ея основную роль въ экономикѣ. Именно этимъ онъ открываетъ новую эру для соціалистической діалектики.

Установивъ главные послѣдствія конкуренціи: паденіе одного класса и рабство другого, Луи-Бланъ продолжаетъ свое изслѣдованіе, перечисляя второстепенные результаты. Желѣзныя дороги, представляющія огромный прогрессъ въ разумно организованномъ обществѣ, въ нашемъ создаютъ еще только однимъ бѣдствіемъ больше. Онѣ еще больше усиливаютъ ужасный безпорядокъ, господствующій и безъ того въ классификаціи, въ раздѣленіи работъ, въ распредѣленіи продуктовъ. Нищета, науперизмъ влекутъ за собой расширеніе незаконныхъ сожительства, вызываютъ забрасываніе дѣтей, разложеніе семьи. Такъ какъ требованіе времени заставляетъ молодыхъ юношей, дѣвушекъ и женщинъ идти на фабрику, народъ истощается, „и для будущаго времени готовится дряхлое, искалѣченное, зараженное, прогнившее поколѣніе“. Каковъ выводъ изъ этой грустной картины? Луи-Бланъ даетъ его безъ обиняковъ: „въ такомъ обществѣ уже находится въ зародышѣ гражданская война“. Каковы средства для предотвращенія? Это—организация труда, что, собственно, и составляетъ главную часть его доктрины; этимъ же подтверждается его положеніе относительно захвата общественной власти и государственнаго господства.

Для пересозданія строя, надо сначала захватить власть. Заниматься исключительно соціальной реформой—дѣло ничтожное. „Овлаждать властью, если не хотите, чтобы она раздавила васъ. Возьмите ее, какъ орудіе, если не хотите ее встрѣтить, какъ препятствіе“. Болѣе того: „освобожденіе пролетаріата—дѣло настолько сложное и встрѣчаетъ столько предубѣждений и чужихъ интересовъ, что оно не можетъ быть выполнено частными усиліями и изолированными попытками“. Къ нему надо приложить всю энергію государства.

Однако, станеть ли пролетаріатъ ждать достиженія общественнаго значенія, чтобы революціонизировать общество? Луи-Бланъ находитъ, что общество само революціонизируетъ себя, давши пролетаріямъ орудія труда. Далѣе развивается вся та теорія, которую мы найдемъ цѣлкомъ въ „Монитерѣ“ за 1848 г. въ документахъ комисіи Работниковъ.

Важно заранѣе опредѣлить и выяснить границы грядущаго измѣненія общества. Кто-нибудь скажетъ, что это будутъ ложныя идеи, проповѣдь мечтаній и грезъ. Пусть такъ. Кто можетъ сказать, что сегодняшнія мечты не окажутся истиной черезъ десять лѣтъ? Значитъ, обо всемъ можно и должно спорить. Однако, единственнымъ практическимъ методомъ, съ помощью котораго мы приблизимся къ конечной цѣли, является слѣдующее: взять для своихъ выводовъ точку опоры въ современномъ обществѣ. Это положеніе необходимо отмѣтить: здѣсь Луи-Бланъ очень чувствительно отклоняется отъ коллективизма, который проявляетъ мало уваженія къ современнымъ учрежденіямъ и не собирается опираться на нихъ.

Правительство будетъ регуляторомъ производства. Противъ конкуренціи оно выставитъ конкуренцію, устраняя общественныя мастерскія. Въ эти мастерскія оно призоветъ рабочихъ, сначала въ ограниченномъ количествѣ; доходъ распредѣлится на три части: равная раскладка на всѣхъ; — помощь старикамъ и немощнымъ,—

приобрѣтеніе орудій производства, въ виду расширенія системы. Капиталисты не исключаются изъ этихъ предпріятій, но будутъ получать опредѣленный процентъ на вложенный ими капиталъ.

Соперничество между общественнымъ производствомъ и частнымъ закончится неизбежно побѣдой перваго. Такъ какъ Луи-Бланъ боится слишкомъ сильныхъ поворотовъ, то онъ надѣется, что частное производство мало-по-малу сольется съ общественнымъ. Коммерція, этотъ червь промышленности, окажется въ опасномъ положеніи, а затѣмъ и совсѣмъ погибнетъ. Съ ней исчезнутъ и обманъ и фальсификація. Движимые и недвижимые капиталы начнутъ прогрессивно социализироваться, благодаря уничтоженію наслѣдства по боковой линіи и благодаря образованію постоянно увеличивающагося общиннаго имущества, основаніемъ которому послужатъ налоги и государственныя приобретенія. Такимъ образомъ, создастся совершенно новый строй, отличный отъ стараго, котораго никто не имѣетъ выгоды поддерживать, потому что онъ нарушаетъ интересы всѣхъ.—„Эту столь необходимую революцію будетъ возможно и даже легко выполнить мирнымъ способомъ“.

Вполнѣ достаточно этого простого изложенія системы „Организаціи Труда“, которая являлась девизомъ самаго страстнаго со временъ 1789 г. поколѣнія во Франціи. Болѣе подробные комментаріи излишни. Однако, нельзя не замѣтить, что эта система, несмотря на ея огромное вліяніе на ходъ исторіи во Франціи, была очень узка и ограничена: она оставила безъ вниманія самую важную сторону социальной проблемы—законность частной собственности; кромѣ того, она слишкомъ утопична и идеалистична, рассчитывая на самоотреченіе правящихъ классовъ, въ виду великости предстоящей задачи. Но этотъ оптимизмъ былъ отличительной чертой всѣхъ писателей той эпохи. Онъ господствовалъ въ ихъ средѣ до послѣ Іюньскихъ дней, т.-е. до того времени, когда пролетаріатъ вырвался

изъ рядовъ буржуазіи и поднялъ свой громовой голосъ. Въ манифестѣ коммунистовъ зазвучать иныя ноты. Луи-Бланъ, какъ и Фурье, Сень-Симонъ, Консидеранъ, Леру, Кабэ, Пеккеръ и даже Прудонъ, вѣриль въ прирожденное благородство человѣческой души. Ложное толкованіе ночи 4-го Августа такъ долго господствовало во взглядахъ нашихъ политиковъ! А Луи-Бланъ, философъ, историкъ, социологъ, экономистъ,—прежде всего, если не исключительно, былъ политикомъ. Онъ прекрасно видѣлъ всѣ недостатки социальнаго порядка, но отступалъ предъ крайними выводами. Если, какъ его обвиняють современные ему противники его взглядовъ, онъ пришелъ къ коммунизму, то въ этомъ больше виновата логика, которая оказалась сильнѣе собственной его воли.

IV. Пеккеръ и Кабэ въ своихъ непосредственныхъ выводахъ и въ планахъ будущаго строя пошли гораздо дальше, чѣмъ авторъ „Организаціи Труда“. Они не ограничиваются тѣмъ только, чтобы указать на зло экономической и социальной системы, чтобы установить соперничество между принципомъ государственности и индивидуализмомъ; въ своей ненависти къ послѣднему, они его безжалостно разбиваютъ въ прахъ; они проповѣдуютъ: одинъ—коллективизмъ, другой—коммунизмъ, шумно пробуждая завѣты Бабѣфа и Равныхъ.

Пеккеръ, какъ и большинство социалистовъ 1840 г.,—денстъ въ духѣ Руссо. Онъ осуждаетъ строй общества, во-первыхъ, потому, что послѣдній противорѣчитъ духу евангелія и религіи. Затѣмъ и потому, что онъ основанъ на несправедливости, незаконіи, эксплуатаціи всѣхъ немногими; этотъ строй приводитъ къ обнищанію наибольшей части народа. Мы, однако, дали уже достаточно полную, на нашъ взглядъ, характеристику поколѣній, смѣнявшихъ другъ друга въ царствованіе Людовика XVIII, Карла X и Луи-Филиппа. Поэтому лучше извлечемъ изъ мысли автора „Матеріальныхъ улучшеній“ и „Теоріи новой социальной экономіи“ то, что есть въ нихъ

наиболѣе оригинальнаго и новаго. По мнѣнію Пеккера, нѣтъ болѣе неотложнаго вопроса, чѣмъ этотъ, именно потому, что вопросъ соціального порядка и, во всякомъ случаѣ, интереснѣе для насъ, чѣмъ политическій вопросъ, „ибо люди гораздо болѣе живутъ въ семьяхъ и въ мастерскихъ, чѣмъ на площадяхъ“. — Почему же тогда пролетаріатъ не играетъ въ государствѣ подобающей ему роли, почему онъ лишентъ всякаго значенія, тогда какъ въ рукахъ буржуазіи концентрируется вся власть? Эта буржуазія торжествуетъ, благодаря господству принципа „laissez faire“, который нынѣ является ничѣмъ инымъ, какъ принципомъ монополіи замаскированной привилегіи, новымъ узаконеннымъ деспотизмомъ. Пеккеръ находитъ очень сильныя и мѣткія выраженія для характеристики теоріи полной свободы, въ которой проявились крайности ортодоксальнаго экономизма. Современная теорія „laissez faire“ для XIX вѣка является тѣмъ же, чѣмъ была полная свобода воиновъ для воинственныхъ сеньоровъ VIII и IX вѣковъ; это какъ бы прелюдія къ новому промышленному и коммерческому феодализму; это, наконецъ, агонія равенства, свободы, всѣхъ принциповъ, всѣхъ обѣщаній 1789 года. Все это, по мнѣнію Пеккера, ведетъ къ обѣднѣнію огромной массы гражданъ, систематически отнимаетъ орудія производства.

Провозглашеніе права на трудъ не рѣшало проблемы. Признать право на трудъ, твердо установить максимумъ рабочаго времени и уровень заработной платы—это еще не значитъ коснуться самой сути вопроса, а значитъ попросту вмѣшаться въ ходъ механизма, который такъ или иначе доработается до нужнаго результата. Почему же не признать съ самаго начала того, что вопросъ о собственности долженъ быть перерѣшенъ, и что производственная система должна быть измѣнена?

Пеккеръ, такимъ образомъ, приходитъ къ коллективизму, являющемуся въ его глазахъ единственной законной системой, которая, будучи справедливой въ принципѣ,

въ то же время представляется наиболѣе выгодной по своимъ результатамъ. По уничтоженіи частной собственности, производится социализація всѣхъ капиталовъ, и правительство беретъ на себя управленіе дѣлами. Орудія, машины, земля—все это будетъ отдано въ распоряженіе представительной власти народа, подъ условіемъ, чтобы ихъ употребляли, сообразно законамъ, на пользу и подъ верховнымъ контролемъ народа. Человѣкъ будетъ имѣть право жить плодами своего труда, потому что собственность, или вѣрнѣе, владѣніе будетъ функціей, отправляемой отъ имени всѣхъ и порученной тому, кто чувствуетъ къ этому призваніе и заслужилъ этого. Что же касается распредѣленія продуктовъ производства, Пеккеръ не намѣчаетъ по этому поводу ясной программы.

Коллективистскій режимъ, справедливый по самому своему существу и избавленный отъ всякихъ противорѣчій, дастъ въ области матеріальныхъ отношеній поразительные результаты, потому что онъ уничтожитъ земледѣльческое, торговое и промышленное раздробленіе и устранитъ главное препятствіе цивилизаціи. Мы видимъ, что общій ходъ мыслей автора „Матеріальныя улучшения“ вытекаетъ изъ тѣхъ же принциповъ, что и у Лун-Блана. Пеккеръ внесъ только меньше горячности въ изложеніе своей теоріи, но зато и меньше дипломатическихъ уловокъ въ разработку своихъ положеній.

Каба былъ самымъ крайнимъ писателемъ этой эпохи; если онъ не владѣлъ всею ѣдкостью, всею разрушительной мощью Прудона, онъ превосходилъ его смѣлостью своихъ положительныхъ взглядовъ. Послѣ полустолѣтняго промежутка онъ снова извлекаетъ изъ забвенія великую теорію коммунизма, онъ извѣстенъ болѣе всего по своему знаменитому роману Икарія, который выдержалъ не менѣе пяти изданій и проникъ глубоко въ рабочую среду. Свою социальную философію онъ изложилъ въ „Credo“.

По примѣру Руссо, онъ думаетъ, что человѣкъ былъ бы прекрасенъ, и равенство царило бы на землѣ, если бы законодатели не измѣнили и не исказили всѣхъ міровыхъ отношеній. Общность—это естественное право, тогда какъ неравенство насилуетъ это самое право. Значить, нужно уничтожить неравенство, возстановивъ общность.

Въ новомъ мірѣ верховная власть будетъ принадлежать народу, и конституція, въ отличіе отъ всѣхъ ей предшествовавшихъ конституцій, будетъ регламентировать одежду, пищу, воспитаніе, трудъ и т. д. Земля не будетъ больше захвачена нѣсколькими индивидами; она станетъ недѣлимой; общество будетъ слѣдить за обработкой земли, которая удвоитъ или утроитъ производительность, и регулировать обращеніе и распределеніе; внѣ этой соціальной промышленности не будетъ никакой другой, и такъ какъ все будетъ дѣйствовать для общаго блага, то и машины, появленіе которыхъ внесло ужасъ, сдѣлаются лучшими помощницами рабочихъ, облегчатъ имъ задачу и умножатъ доходы.

Это равенство, которое явится слѣдствіемъ обращенія въ общее пользованіе всѣхъ благъ, не сведетъ человѣчество къ общему уровню нищеты; наоборотъ, оно возвыситъ его до равнаго довольства, и пролетаріи, нынѣ лишеныя эстетическихъ наслажденій, познаютъ мало-по-малу красоту и искусства. Какъ еще вѣрить, какъ и всѣ писатели его эпохи, оптимизмъ которыхъ мы уже отмѣтили,—въ то, что этотъ міровой переворотъ произойдетъ безъ потрясенія. Опираясь на эту увѣренность, онъ высказываетъ даже такой взглядъ, будто меньшинство, которое задумаетъ уничтожить собственность, встрѣтитъ больше препятствій, чѣмъ когда-либо встрѣчали политическія перемѣны прошлаго. По его мнѣнію, опираться можно только на законы и общее согласіе; чтобы избѣгнуть всѣхъ трудностей, общность не будетъ введена для настоящаго поколѣнія, а только

для слѣдующаго; пока же, въ видѣ переходныхъ мѣръ, можно уничтожить наслѣдованіе по боковымъ линіямъ, право завѣщанія и дарованія, можно ввести прогрессивныя налоги, организовать трудъ, создать бесплатное обученіе и воспитаніе. Здѣсь надо еще отмѣтить, что вопросъ объ обученіи казался всѣмъ соціальнымъ экономистамъ 1840—1848 гг. первостепеннымъ. Въ романѣ „Икарія“, который есть не что иное, какъ осуществленіе и развитіе взглядовъ, изложенныхъ въ „Credo“, Кабэ опредѣляетъ необходимый расходъ на распространеніе знаній болѣе, чѣмъ въ сто милліоновъ ежегодно.— Съ точки зрѣнія этой эпохи,—это огромная сумма, въ особенности же для осуществленія такихъ спеціальныхъ и преувеличенныхъ желаній.

Кабэ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ утопическомъ планѣ немного ближе подходитъ къ проблемѣ распределенія, чѣмъ Пеккеръ. Тогда какъ Фурье, Сень-Симонъ и Оуэнъ въ своихъ произведеніяхъ отдавали дань уваженія капиталу, а наши настоящіе анархисты готовляли олигархію грубыхъ силъ, Кабэ устанавливаетъ равенство абсолютнаго вознагражденія за трудъ. Когда всѣ продукты труда будутъ произведены въ количествѣ, установленномъ согласно ежегоднымъ опредѣленіямъ статистиковъ, и помѣщены въ склады, граждане будутъ получать изъ запасовъ каждый свою долю, соответственно праву на нее. Такова была теорія Кабэ, менѣе ясная и разработанная, чѣмъ та теорія, которую бабунизмъ пытался распространить въ народѣ еще въ 1796 г. Кабэ отыскалъ отрывки бабунизма въ тайныхъ обществахъ въ 1834 г., чтобы пополнить и иллюстрировать ихъ.

V. То, что создано Прудомъ, является самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ французской соціалистической литературы, какъ въ отношеніи вліянія этихъ твореній, такъ и относительно ихъ разнообразія, многочисленности идей, въ нихъ выраженныхъ, п числа написан-

ныхъ томовъ. И, тѣмъ не менѣе, никакія другія теоріи не оспаривались такъ сильно соціалистами и не восхвалялись такъ усердно самыми законнѣлыми противниками соціализма. Наказаніемъ для этого геніальнаго, но неуловимаго ума, создавшаго изреченіе: „собственность—это кража“, служило то, что часто его теоріи находили осужденіе въ классѣ пролетаріевъ и довѣріе къ себѣ въ классѣ капиталистовъ. Опредѣлить свой взглядъ на него въ нѣсколькихъ словахъ, вынести ему краткій приговоръ—превышаетъ силы: его ученіе не можетъ быть охвачено все цѣликомъ, подобно ученію Сенъ-Симона или Пеккера, которыхъ онъ значительно превосходитъ необыкновенной тонкостью сужденія. Для того, чтобы его понять, надо было бы раздѣлить какъ-нибудь, на двѣ или на три части, его систему и, послѣдовательно изучая каждую часть со всѣхъ сторонъ, не принимать въ расчетъ всѣ остальные.

Никто не испыталъ на себѣ въ большей степени ненависти и презрѣнія современниковъ, никто въ его время не пережилъ столькихъ скандаловъ и не внушалъ такого ужаса. Стоитъ только вспомнить знаменитую страницу изъ „Исповѣди революціонера“: „Я не думаю, чтобы еще кого-нибудь такъ терзали, какъ меня. Противъ меня говорились проповѣди, про меня слагались пѣсни, меня выставляли на сценѣ, изображали на афишахъ, писали мои біографіи, писали на меня карриатуры, ругали, оскорбляли, проклинали и т. д.“—Это понятно: Прудонъ не принадлежалъ ни къ одной партіи. Хотя и дитя народа—извѣстно, что онъ былъ далеко не знатнаго происхожденія,—Прудонъ обладалъ аристократическимъ темпераментомъ и былъ неукротимъ въ своей горячности. Казалось, онъ взялъ на себя обязательство послѣдовательно вступать въ противорѣчіе со всѣми школами.

Онъ называлъ себя соціалистомъ, примѣняя это названіе къ себѣ много разъ въ своихъ произведеніяхъ, и,

тѣмъ не менѣе никто не нападалъ на коммунизмъ и государственность съ большею яростью, чѣмъ онъ; никто не клеймилъ ихъ съ большимъ преувеличеніемъ. Перелистывая безчисленныя страницы, имъ написанныя, бѣгло просматривая его философскіе, экономическіе, историческіе и политическіе труды и письма, мы находимъ въ нихъ столько ужасныхъ ругательствъ по адресу Луи-Блана, Консидерана, Фурье и другихъ, что можно было бы составить изъ нихъ цѣлую брошюру. Здѣсь достаточно будетъ указать на два или три такихъ мѣста, избѣгая, конечно, самыхъ крайнихъ изъ нихъ: „Коммунисты—это устрицы, лишеныя энергіи и чувствъ, прикованныя другъ подлѣ друга къ скаламъ братства... Коммунизмъ—это жалкое заимствованіе изъ рутины собственности, не что иное, какъ отвращеніе къ труду, жизненная скука, подавленіе мысли, гибель личности, узаконеніе всего ничтожнаго. Что за разумная, что за прогрессивная философія—этотъ коммунизмъ!.. Коммунизмъ—это религія нищеты! Прочь отъ меня, господа коммунисты! Въ вашемъ присутствіи чувствуется зловоніе, вашъ видъ внушаетъ мнѣ отвращеніе!“ (Экономическія противорѣчія).—А вотъ какъ честитъ онъ и Фурье: „Никто не въ состояніи постигнуть, сколько глупости и невѣжества заключается въ его системѣ фаланстеровъ!“ Наконецъ, Луи-Бланъ, по его мнѣнію, „стоитъ на границѣ между социализмомъ и демагогіей, одной ступенью ниже республики, двумя ниже Барро, тремя ниже Тьера, и, что бы онъ ни говорилъ и ни дѣлалъ, онъ—потомокъ г. Гизо въ четвертомъ поколѣніи, онъ—доктринеръ“.

И этотъ же писатель, старающійся такимъ образомъ разрушить социалистическую мысль, является самымъ сильнымъ изъ противниковъ капитализма и наноситъ самыя страшныя удары собственности!

Мы сейчасъ выяснимъ, чѣмъ обязанъ ему современный социализмъ. Но сначала надо исключить нѣкоторыя прудоновскія идеи, которыя въ дѣйствительности, со-

гласно опредѣленію Бенуа Малона, представляютъ лишь уклоненіе отъ социализма; эти идеи играютъ важную роль въ процессѣ эмансипаціи пролетаріата и имѣли столь серьезное вліяніе въ эпоху Второй Имперіи и Третьей Республики.

Рѣчь идетъ о той совокупности доктринъ, которыя называютъ „мутуализмомъ“ (взаимопомощью), и которыя надѣялись передѣлать людей и міръ, установивъ „взаимность услугъ“ и „безвозмездный кредитъ“. Долженъ быть основанъ банкъ, дающій кредитъ за самыя ничтожныя проценты; и благодаря ему возникнетъ союзъ свободныхъ рабочихъ ассоціацій—кооперативныя производительныя и потребительныя общества, кассы взаимопомощи и взаимнаго страхованія и т. п. Всякія коллективныя дѣйствія воспрещаются; возстаетъ индивидуализмъ, укрѣпленный на болѣе прочной основѣ. Собственность остается нетронутой, за малыми исключеніями. Эту самую теорію, исключая „безвозмездность кредита“, въ наше время исповѣдуютъ консервативные реформисты, объявляющіе себя страстными противниками коллективизма. Не слѣдовало бы намъ даже останавливаться на этой системѣ, которая является отрицаніемъ социализма, если бы она не приобрѣла многочисленныхъ послѣдователей въ трудящемся классѣ послѣ разгрома іюньскихъ дней. Но, быть можетъ, слѣдовало бы вкратцѣ опредѣлить эту систему, чтобы быть въ состояніи отнестись критически ко всѣмъ трудамъ Прудона въ цѣломъ. Какъ показалъ уже Марксъ въ своей „Нищетѣ философіи“ (1847 г.), этотъ теоретическій разрушитель собственности, доставившій намъ богатѣйшій запасъ аргументовъ противъ современнаго социальнаго строя, былъ только мелкій буржуа. Его мечтой было примиреніе между буржуазіей и пролетаріатомъ, между капиталомъ и наемнымъ трудомъ; его избирательное посланіе 1848 г. является драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ для характеристики его задушевныхъ стремленій: „слить буржуазію и

пролетаріатъ въ среднемъ классѣ—такова истинная задача, поставленная февральскими событіями.“—Если онъ всколыхнулъ до основанія экономическій строй, это произошло какъ бы помимо него, потому что естественная склонность его ума влекла его все уничтожать. Тѣ, кто плохо и мало изучали его, ставятъ ему въ упрекъ его противорѣчія, но не пытаются сами ихъ объяснить. Получается неполное и ложное пониманіе прудонизма. У Прудона противорѣчіе совсѣмъ не является произвольнымъ, оно—не что иное, какъ методъ доказательства, заимствованный у Гегеля; относительно этого Прудонъ высказался очень опредѣленно. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ ведетъ изложеніе такъ: сначала тезисъ, напимѣръ—осужденіе индивидуальной собственности; антитезисъ, которымъ явится порицаніе коммунизма; и, наконецъ—синтезисъ, который не всегда вполне ясенъ и не всегда имъ вскрытъ; въ случаѣ надобности, онъ явится отблескомъ его собственныхъ предположеній. Но что чрезвычайно важно отмѣтить, это то, что такое противорѣчіе, гордо вспыхивающее въ каждомъ его произведеніи, совершенно незамѣтно въ общей массѣ его работъ. Съ 1840 г. по 1863, начиная съ „Мемуара о собственности“, проходя черезъ „Философію нищеты“, заканчивая „Правоспособностью рабочаго класса“,—мы намѣренно приводимъ здѣсь эти заглавія,—мысль его одна и та же—прямолинейная и послѣдовательная. Она можетъ только стать болѣе точной, болѣе полной, облечься въ болѣе пышную форму; но она совсѣмъ не измѣняется; или такъ мало, что превращенія другихъ экономистовъ и философовъ этого вѣка являются, сравнительно, гораздо болѣе выраженными.

Отбросивъ теперь положительную часть системы Прудона и его діалектику, оставивъ въ сторонѣ его вылазки противъ коммунизма и его мелко-буржуазныя стремленія, мы увидимъ въ немъ только человѣка, который, быть можетъ, противъ своей воли, но съ несрав-

ненной силой анализа и необыкновенной привлекательностью формы создалъ для социалдемократіи нѣсколько изъ ея самыхъ лучшихъ орудій борьбы.

1. Въ „Экономическихъ противорѣдяхъ“ Прудонъ нарисовалъ самую точную картину тѣхъ трудностей, среди которыхъ приходится бороться новому обществу. Промышленность основана на раздѣленіи труда, внѣ котораго нѣтъ ни прогресса, ни богатства, ни равенства, но которое, съ другой стороны, подчиняетъ себѣ рабочаго, дѣлаетъ „интеллигентность ненужной, богатство вреднымъ и равенство невозможнымъ“. „Въ чемъ, кромѣ труда, первая причина роста богатства и ловкости рабочаго? Въ раздѣленіи... Что является первопричиной духовнаго упадка и цивилизованной нищеты? Раздѣленіе“...

Развитіе производства находится въ связи съ появленіемъ машины. „Машина дала работу мелкому труженнику, уменьшила тягость работы рабочаго, понизила цѣны на товары, создала движеніе въ области цѣнностей; она создала прогрессъ на пути къ новымъ открытіямъ, наконецъ, увеличила общее благосостояніе.“ Она дала своимъ появленіемъ толчекъ развитію свободы; она—знамя нашего владычества надъ природой. Но тѣмъ самымъ, что она облегчила трудъ рабочаго, она увеличила предложеніе его и уменьшила спросъ. Рабочій вытѣсненъ съ фабрики. Такимъ образомъ, „машинное производство влечетъ за собой прекращеніе для многихъ работы, уменьшеніе заработка, пониженіе рабочаго, создаетъ вырожденіе человѣческаго рода, и т. д. и т. д.“ „Весь проявленный геній направляется на то, чтобы погрузить пролетаріатъ въ отупѣніе“.

Конкуренція, какъ и ея логическое послѣдствіе—монополья, также обоюдоострое оружіе. Въ этой области критики послѣ Прудона нечего уже дѣлать.

2. Еще болѣе рѣшительно его осужденіе частной собственности. „Странное дѣло,—говоритъ онъ въ „Про-

творѣчійхъ“,—собственность, осаждаемая со всѣхъ сторонъ, во имя милосердія, справедливости, социальной экономіи, никоимъ образомъ ничего не могла сказать въ свое оправданіе кромѣ, слѣдующихъ словъ: Я существую, потому что существую“.—Но, собственно, въ знаменитомъ и памятномъ трудѣ 1840 г. онъ подкапывается подъ самыя основы этого важнѣйшаго установленія новаго міра. „На что, въ самомъ дѣлѣ, опирается собственность? На естественное право? Но этотъ принципъ всегда оспаривается.—На право захвата? Но это право равно для всѣхъ.—На трудъ? Но почему выгоды этого мнимаго закона лишена вся масса рабочихъ, и почему тогда рабочіи не является собственникомъ всего того, что онъ создаетъ? Въ дѣйствительности, собственность—это воровство... Ко всему обществу въ его цѣломъ я предъявляю искъ о правѣ собственности; я полагаю, что тѣ, которые въ настоящее время не владѣютъ никакой собственностью, все же являются собственниками на томъ же основаніи, какъ и тѣ, кто владѣетъ; но вмѣсто того, чтобы изъ этого вывести, будто вся собственность должна быть раздѣлена между всѣми, я требую, чтобы, какъ мѣра общей безопасности, она для всѣхъ была уничтожена“.— Переходя къ послѣдствіямъ, которыя влечетъ за собою институтъ собственности, Прудонъ показываетъ, что право собственности—„начало зла на землѣ, первое звено той длинной цѣпи преступленій и нищеты, которую влечитъ отъ рожденія за собой человѣческой родъ“. И это право подняло другъ на друга не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлые народы; территоріальное владѣніе, созданное коллективами, не менѣе неправильно и пагубно, какъ и владѣніе отдѣльныхъ личностей. Франція, какъ и отдѣльное лицо, владѣетъ территоріей, которую она эксплуатируетъ. Для народовъ дѣло обстоитъ такъ же, какъ и для отдѣльныхъ людей: они потребители и работники. Злоупотребленіе словами заставляетъ приписывать имъ владѣніе землею.

3. Значить, собственность является только плодомъ грабежа, насилія и несправедливости. Она продолжаетъ создаваться и въ XIX вѣкѣ въ ущербъ рабочему. Какимъ образомъ? По этому вопросу мы найдемъ въ „Мемуарѣ“ 1840 г. источникъ знаменитыхъ выводовъ „Капитала“ Маркса.

Заработокъ рабочаго долженъ бы ему обезпечить прежде всего пропитаніе и достаточное содержаніе и, кромѣ того, дать гарантію возможности будущаго существованія. Но въ дѣйствительности онъ не превышаетъ текущихъ издержекъ и ничего не оставляетъ на завтра. Капиталистъ же, уплативши жалкую сумму, приобрѣтаетъ въ орудіяхъ, созданныхъ пролетаріемъ, залогъ независимости и обезпеченности въ будущемъ. Эти орудія производства, которыя капиталистъ долженъ отдать, въ дѣйствительности никогда не возвращаются рабочему; въ этомъ заключается эксплуатація, и такимъ образомъ, мало-по-малу, растетъ собственность.

Нищета рабочаго, наоборотъ, вытекаетъ изъ того, что онъ на свой заработокъ не сможетъ купить имъ же созданный продуктъ. Богатство предпринимателя создается, значить, отнятіемъ у рабочаго права владѣнія; этому рабочему позже придется заплатить 5 единицъ за предметъ, который онъ самъ отдалъ за 4 единицы.

4. Но эта личная капиталистическая собственность въ своемъ непрерывномъ ростѣ находится въ постоянно увеличивающемся противорѣчьи со способомъ производства. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ человекъ не производитъ для себя одинъ то, что онъ потребляетъ. Каждый нуждается въ работѣ всѣхъ. Отрасли промышленности подчиняются одна другой, но въ конечномъ счетѣ соединяются въ одно общее цѣлое. Всякій товаръ заранѣе какъ бы заложенъ уже сообществу, и такимъ образомъ явилась непрочная и незаконная система распределенія, продолженная до нашего времени.

5. „Борьба классовъ“ мастерски изложена въ трудѣ

„Правоспособность рабочихъ классовъ“, который появился въ 1863 г., но въ немъ собраны многіе взгляды, высказанные раньше уже Прудонѣмъ. Нужно, чтобы пролетаріатъ созналъ себя, какъ пролетаріатъ, и утвердился какъ таковой, по отношенію къ буржуазіи. Ему, быть можетъ, скажутъ, что со временъ революціи нѣтъ болѣе сословіи и соціальныхъ подраздѣленій. Но именно права 1789 г. создали новыя различія, разрушивъ корпораціи, въ которыхъ хозяева и рабочіе уживались бокъ-о-бокъ. Вполнѣ естественно произошло, что и рабочій захотѣлъ также достигъ власти. Дезорганизованная буржуазія—теперь попросту торгующее меньшинство. „Эта буржуазія—наша старшая сестра по освобожденію—должна была въ 1789 г. поглотить дворянство и разрушить несправедливыя привилегіи“. Пришла очередь и народа, но Прудонъ находитъ, что онъ не долженъ замѣнять одну диктатуру другой, гнетъ одного класса гнетомъ другого. Дѣло совѣмъ не въ томъ, чтобы уничтожить права, которыми справедливо пользуются средніе классы, а въ томъ, чтобы различныя соціальные слои слились вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, пролетаріатъ никогда не долженъ забывать, что ему ни въ коемъ случаѣ нельзя принимать участія ни въ томъ самомъ парламентѣ, ни въ той же оппозиціи, гдѣ участвуетъ буржуазія. Потому что и правительство, и оппозиція, въ дѣйствительности, защищаютъ одни и тѣ же принципы. „Пролетаріатъ долженъ дѣйствовать только самъ по себѣ“. Книга, изъ которой вытекаетъ эта формула, написана позже „Коммунистическаго Манифеста“, но нужно все-таки отмѣтить, что формула эта, являясь послѣднимъ выраженіемъ мысли Прудона, въ зародышѣ уже существовала во многихъ трудахъ, послѣдовавшихъ за „Мемуаромъ о собственности“.

6. Современная соціальная система осуждена: она основана на грабежѣ, она создаетъ пауперизмъ, она гнететъ работниковъ, она вооружаетъ другъ противъ друга цѣ-

тые классы. „Есть, значитъ, уже достаточно оснований для социальной революціи въ XIX вѣкѣ“. Прудонъ охарактеризовалъ эту революцію въ очень сильныхъ выраженіяхъ, которыхъ никто еще не превзошелъ по силѣ. Если оставить въ сторонѣ его ненависть къ государству, къ правительству, ко всякой коллективной дѣятельности, словомъ, все то, что ставило его въ ряды анархіи (онъ самъ не отрицалъ этого термина), мы увидимъ, какъ, онъ со всей силой своего стиля и диалектики, устанавливаетъ, что политическое преобразование само по себѣ—ничто, а социальное—все. „Революція, которую остается сдѣлать, должна смѣнить режимъ правительственный, феодальный и военный режимомъ экономическимъ и промышленнымъ. Подъ промышленнымъ режимомъ мы не подразумѣваемъ такой формы правительства, когда люди, занятые земледѣльческой и промышленной работой: предприниматели, собственники, рабочіе,—сдѣлаются, въ свою очередь, господствующимъ замкнутымъ сословіемъ, какъ это было когда-то съ дворянствомъ и духовенствомъ,— а такой строй общества, въ основѣ котораго, вмѣсто іерархіи политическихъ властей, будетъ лежать организація экономическихъ силъ“ (Общая идея Революціи). „Наполеонъ I не понялъ глубокаго смысла движенія 1789 г. Оно внесло въ правительства націй экономическую идею, которая явилась для того, чтобы мало-помалу вытѣснить идею власти; она должна была царствовать надъ народами, подобно новой религіи“ (Соціальная революція). „Что истинно необходимо—это экономическая и социальная революція, которую провозглашаетъ красное знамя, союзный стягъ человѣческаго рода“. (Рѣшеніе социальной проблемы). Въ этихъ словахъ замѣтно очень сильное вліяніе Сень-Симона, единственнаго изъ предшественниковъ Прудона, на котораго послѣдній не нападалъ.

Мы пересмотрѣли общія идеи великаго мыслителя, по

крайней мѣрѣ, тѣ, которыя социализму нужно удержать. Мы, дѣйствительно, не отличали всѣхъ оттѣнковъ въ развитіи его мысли, вызванныхъ разрушительной критикой правительственнаго принципа. Въ настоящее время мы вернемся къ этому вопросу, слегка затронутому нами выше. Для Прудона нѣтъ прогресса безъ процесса подтачиванія энергіи государства, которое есть не что иное, какъ жандармъ и палачъ. Онъ не задаетъ себѣ вопроса— сможетъ ли пролетариатъ овладѣть государствомъ и использовать этотъ традиціонный организмъ, чтобы съ помощью его же историческаго оружія смести и уничтожить освященные имъ злоупотребленія. Онъ не ставилъ себѣ этой проблемы, которая представлялась такъ неотступно рабочему классу со времени Маркса, и которая всегда разрѣшалась только временнымъ образомъ: не легче ли будетъ произвести социальную перестройку извнутри, чѣмъ извнѣ? Онъ съ самаго начала отказывается обсуждать этотъ вопросъ. Государство, въ его глазахъ,—корень зла, и тѣ, кто хотятъ подчинить экономическую революцію революціи политической—просто трусы и реакціонеры, для осужденія которыхъ онъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ. Въ этомъ пунктѣ и другихъ, уже указанныхъ нами, коллективизмъ конца XIX вѣка отдѣляется отъ Прудона. Подобно тому, какъ мы отказались отъ критики мелко-буржуазнаго *solutionnisme'a*, *) мы не станемъ слишкомъ долго заниматься совершенно зачаточнымъ анархизмомъ. Намъ достаточно было отмѣтить, какіе доводы доставляетъ этотъ авторъ для пропаганды и утвержденія социализма. Мы признаемъ, что онъ былъ далеко не нашъ, что онъ опровергалъ нѣкоторыя положенія, позже принятыя нами, что онъ иногда давалъ оружіе нашимъ противникамъ—защитникамъ существующаго строя; однако, мы должны также признать, что ни-

---

*) Такъ авторъ называетъ тотъ социализмъ, у котораго на все и всякіе случаи имѣются опредѣленные рецепты.

кто не упилилъ социализму болѣе обильной и плодотворной данн.

VI. „Коммунистическій Манифестъ“ 1848 г. не можетъ быть исключенъ изъ исторіи французскаго социализма. До сихъ поръ всѣ изслѣдованныя нами великія теченія, всѣ приведенныя здѣсь и резюмированныя произведенія были тѣсно связаны съ нашимъ національнымъ развитіемъ. Теперь впервые внѣ нашихъ границъ появляется произведеніе, имѣющее существенное вліяніе на самый ходъ развитія пролетаріата. Впервые также съ обнародованіемъ манифеста Маркса и Энгельса, который, какъ гласитъ его вступленіе, долженъ быть распространенъ на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, фламандскомъ и датскомъ языкахъ, выдвигается международный характеръ революціонной демократіи.

Въ самомъ дѣлѣ, надо замѣтить слѣдующее: нѣкоторые изъ нашихъ мыслителей показали уже раньше, что происшедшее экономическое превращеніе съ начала XIX вѣка носило космополитическій характеръ и распространялось на всѣ цивилизованныя страны. Зародышъ основной идеи „Коммунистическаго Манифеста“ есть уже у Пеккера, Прудона, даже у Фурье, но надобно было еще выразить ее въ бурной, блестящей, захватывающе простой формѣ, которая поражаетъ массы.—Но великій документъ 1848 г. имѣетъ еще и другія притягательныя стороны.

Необходимо указать въ нѣсколькихъ словахъ на его общее значеніе, на тѣ новые элементы, которые онъ вноситъ въ пролетарское движеніе, кромѣ провозглашенія имъ интернаціонализма; въ немъ надо привѣтствовать разумный, реалистическій и научный социализмъ.—Теперь этотъ научный социализмъ замѣнитъ идеализмъ и утопію, фразеологія которыхъ до сихъ поръ слишкомъ часто затемняла самые законные выводы социализма. Необходимо еще особенно отмѣтить главнѣйшую черту его—изложеніе исторической теоріи,—которая въ зародышѣ была у Сенъ-Симона, но съ окончательною ясностью выставлена Мар-

ксомъ; послѣдній въ основу всѣхъ политическихъ и социальныхъ явленій ставитъ измѣненія экономическаго строя. Быть можетъ, эти-то простыя мысли и указываютъ на важность пятидесяти страницъ Манифеста, такъ кстати снова изданныхъ еще недавно; и мы должны признать, что безъ нихъ нельзя понять новаго теченія, которое опредѣлилось въ рабочемъ классѣ обѣихъ частей свѣта со времени ужасной вспышки 1848 г.

Манифестъ дѣлится на три части: первая, озаглавленная „буржуа и пролетаріи“, включаетъ философію исторіи, которая съ тѣхъ поръ одержала верхъ подъ именемъ историческаго матеріализма.

„Исторія всякаго общества до нашихъ дней была только борьбой классовъ.

„Люди свободные и рабы, патриціи и плебеи, бароны и крѣпостные, цеховые мастера и подмастерья, словомъ, притѣснители и притѣсняемые, были въ постоянной оппозиціи другъ къ другу, вели непрерывную борьбу, то открытую, то скрытую; войну, которая заканчивалась или революціонной перестройкой всего общества цѣлкомъ или гибелью двухъ вступившихъ въ борьбу классовъ.

„Современное общество, выросшее на развалинахъ феодализма, не уничтожило соперничества классовъ. Оно внесло только упрощеніе, потому что отнынѣ есть только два непріятельскихъ лагеря: буржуазія и пролетаріатъ“. Но сама эта буржуазія возникла вслѣдствіе революціи въ области производства и сообщенія. Разбивъ старыя формы, она овладѣла властью и установила правительство, которое представляетъ изъ себя не что иное, какъ административный комитетъ, управляющій ея собственными дѣлами. Разрывая старыя цѣпи, уничтожая старыя чувства, она сыграла важную революціонную роль. И теперь условіемъ ея существованія является непрерывное революціонизированіе социальныхъ отношеній. Безпрерывно она ищетъ новыхъ рынковъ, дѣлается космополитической, разрушаетъ народную промышленность

и цивилизуетъ варварскіе народы, налагая на все наше время печать безпокойства и необезпеченности. Она принуждена дѣлать это для того, чтобы существовать, продолжить свое владычество; она вынуждена подчинить земледѣліе промышленности, централизовать вмѣстѣ съ населеніемъ собственность и капиталы.

Но выдвинутая къ общественной власти экономическими переменами, она ими же будетъ изгнана. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, вышла она изъ феодализма? Разбивши тѣ формы собственности, которыя не соответствовали болѣе производительнымъ силамъ, накопленнымъ ею. Точно также въ теченіе тридцати лѣтъ происходитъ возмущеніе новыхъ производительныхъ силъ противъ формъ собственности, введенныхъ ею. „Буржуазная система сдѣлалась слишкомъ тѣсной, чтобы сдерживать богатства, созданныя въ ея нѣдрахъ“. Промышленность, торговля слишкомъ сильно развились, для того чтобы форма, въ которую выливается современное общество, могла выдержать. Это доказывается тѣмъ, что господствующій классъ принужденъ неустанно завоевывать все болѣе обширные рынки, и этимъ, несмотря ни на что, онъ самъ же готовитъ себѣ новые кризисы, все болѣе значительные. И такимъ образомъ буржуазія „куетъ оружіе, отъ котораго сама же погибаетъ, создаетъ людей, которые употребляютъ это оружіе. Эти люди — пролетаріи“.

Далѣе, „Манифестъ“ показываетъ намъ, какъ этотъ пролетаріатъ возникъ, какъ онъ жилъ со дня своего рожденія. Рабочій, принужденный продавать себя, — просто товаръ, а съ другой стороны — придатокъ машины. Его положеніе безконечно ухудшилось со времени великихъ научныхъ открытій. Его стоимость производства низведена, приблизительно, до средствъ, необходимыхъ для поддержанія жизни и воспроизведенія рода. Машины ввели трудъ женщины и ребенка, которые мало-по-малу вытѣсняють взрослога рабочаго изъ мануфактуры. Этотъ

пролетаріатъ, обреченный на нищету, на наследственное истощеніе, кромѣ того, непрерывно увеличиваетъ свою армію, такъ какъ часть мелкой буржуазіи, подъ давленіемъ экономическихъ условій, вступаетъ въ его ряды. До сихъ поръ онъ сражался не противъ своихъ враговъ—капиталистовъ, а противъ ихъ враговъ—остатковъ неограниченной монархіи, земельныхъ собственниковъ. И буржуазія цѣлкомъ завладѣла плодами побѣды, одержанной пролетаріатомъ. Но вмѣстѣ съ численнымъ ростомъ онъ организуется, начинаетъ сознавать свои классовые интересы. Такимъ образомъ происходитъ, что буржуазія создаетъ своихъ собственныхъ могильщиковъ, потому что ея паденіе и побѣда пролетаріата одинаково неизбежны.

Во второй своей части „Манифестъ“ разбирается въ отношеніяхъ между пролетаріями и коммунистами. Коммунисты—представители тѣхъ же интересовъ, что и рабочіе, которымъ они хотятъ дать программу и теорію. Ихъ предложенія основаны на чистомъ мышленіи, въ корнѣ ихъ лежитъ само историческое движеніе. Они хотятъ уничтоженія частной собственности, которая, „будучи основана на антагонизмѣ классовъ и эксплуатаніи однихъ классовъ другими, является послѣднимъ и наиболѣе совершеннымъ выраженіемъ способа производства и присвоенія“.

Капиталъ, въ самомъ дѣлѣ, есть продуктъ коллективный, продуктъ чужой работы и подъ другой формой—сила социальная, а не личная. Что касается наемнаго труда, онъ является орудіемъ самаго позорнаго, когда-либо виданнаго, грабежа; потому что средняя заработная плата (здѣсь мы встрѣчаемъ новое опредѣленіе того желѣзнаго закона, который былъ формулированъ уже выше)—есть минимумъ заработка, та сумма, которая нужна для поддержанія существованія, при которомъ рабочій живетъ, какъ рабочій. Въ буржуазномъ обществѣ живой трудъ есть только средство для увеличенія

накопленнаго труда капитала. Частная собственность, не существующая для девяти десятыхъ, образуется путемъ закрѣпощенія и обѣднѣнія огромнаго большинства. Коммунизмъ вступаетъ для того, чтобы дать или, вѣрнѣе, выдвинуть другой экономическій строй: „онъ не отнимаетъ ни у кого права присваивать его долю изъ общественныхъ продуктовъ; онъ только отнимаетъ власть поработать съ помощью этого присвоенія трудъ другихъ“.

Онъ не обманывается на счетъ того, что производить колоссальную, гигантскую революцію во всѣхъ областяхъ мышленія. Далѣе слѣдуетъ изслѣдованіе тѣхъ критическихъ нападокъ на эту систему, которыя дѣлаются во имя семьи и отечества,—а также очень ясное изложеніе интернаціонализма. Національныя границы и антагонизмъ народовъ исчезаютъ все больше и больше вмѣстѣ съ развитіемъ буржуазіи, со свободой торговли, мірового рынка и съ увеличеніемъ однообразія промышленнаго производства и соответствующихъ ему условій существованія.

Вступленіе въ историческую борьбу пролетаріата заставитъ ихъ исчезнуть еще быстрѣе. Пролетаріи всѣхъ цивилизованныхъ странъ должны способствовать общими усилиями ихъ коллективному освобожденію. Эксплуатація одного народа другимъ исчезнетъ вмѣстѣ съ эксплуатаціей челоуѣка челоуѣкомъ. Враждебное отношеніе народа къ народу рухнетъ вмѣстѣ съ антагонизмомъ классовъ въ ихъ нѣдрахъ.

Какъ произойдетъ рабочая революція? Во-первыхъ съ помощью завоеванія общественной власти. Пролетаріатъ воспользуется ею, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ средства производства. Онъ придетъ къ этому завоеванію съ помощью цѣлаго ряда посредствующихъ мѣръ, каковы: прогрессивный налогъ, уничтоженіе наследства, созданіе національнаго банка, социализація средствъ передвиженія, и не менѣе необходимымъ обще-

ственнымъ воспитаніемъ. Необходимо подчеркнуть эту программу въ ея цѣломъ. Разъ исчезнетъ антагонизмъ классовъ и собственность централизована, общественная власть теряетъ свой политическій характеръ. Дѣйствительно, въ настоящее время существуетъ только „организованная власть одного класса для подавленія другого“. Пролетаріатъ уничтожитъ всякое классовое господство, установивъ ассоціацію, въ которой свободное развитіе cadaго будетъ условіемъ свободнаго развитія всѣхъ.

Третья часть „Манифеста“ посвящена критикѣ соціалистической и коммунистической литературы, феодальнаго соціализма, мелкой буржуазіи и т. д. Мы не останавливаемся на ней, несмотря на ея интересъ, потому что ищемъ сейчасъ, главнымъ образомъ, положительные элементы соціализма. Наконецъ, въ четвертой части заключается призывъ къ коммунистамъ съ предложеніемъ приходить въ соприкосновеніе со всѣми передовыми демократическими партіями, будить у рабочихъ ясное сознание антагонизма, который существуетъ между ними и буржуазіей. Надо затѣмъ напомнить знаменитое заключеніе „Манифеста“: сколько бы оно ни повторялось, оно никогда не будетъ лишнимъ. Одно это заключеніе составляетъ эпоху, оно отмѣчаетъ всю важность произведенія Маркса и Энгельса: „Коммунисты не унизятся до того, чтобы скрывать свои взгляды и цѣли. Они громко заявляютъ, что эти цѣли могутъ быть достигнуты только путемъ насильственнаго переворота всего современнаго соціальнаго строя. Пусть властвующіе классы дрожатъ при мысли о коммунистической революціи; пролетаріямъ нечего терять кромѣ своихъ цѣпей, завоюютъ же они весь міръ. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединитесь“.

VII. Если мы теперь рассмотримъ въ общемъ періодъ отъ 1840 до 1848 г., освѣтивши его доктринами, которыя мы здѣсь излагали и доказывали, мы вправѣ будемъ утверждать, что этотъ періодъ представляетъ огромную важность въ исторіи соціализма во Франціи.

Отстранимъ даже „Коммунистическій Манифестъ“, потому что онъ изданъ въ Лондонѣ, ограничимся территоріей Франціи. Нѣкоторые строго марксистскіе писатели заявили въ своихъ, между прочимъ, замѣчательныхъ работахъ, съ которыми мы сами соглашаемся во всемъ, кромѣ дѣлаемой нами сейчасъ оговорки, что „утопическая, односторонняя и экстравагантная“ философія періода 1830 - 48 г. не доходила до рабочаго люда. Въ мірѣ людей, гордящихся своимъ исключительнымъ реализмомъ, даже вошло въ моду утверждать, что Луи-Бланъ и его современники не играли никакой воспитательной и разрушительной роли. Мы полагаемъ какъ разъ наоборотъ, что не слѣдуетъ основывать и утверждать побѣду одной школы, одной философской соціальной теоріи на незнакомствѣ и на незаконномъ отрицаніи заслугъ другой. Можно говорить объ идеализмѣ, фразеологіи, романтизмѣ—словомъ, обо всемъ, что такъ характерно для французскаго социализма эпохи Іюльской монархіи, можно устанавливать уваженіе къ нѣмецкимъ писателямъ, которые возобновили и оплодотворили теорію; было бы, однако, несправедливымъ забыть болѣе старыя заслуги столькихъ людей, посвятившихъ себя критикѣ капитализма, достигшаго тогда полного расцвѣта.

Когда Лабріола оспариваетъ вліяніе движеній 1840 г. на массу, онъ, какъ намъ кажется, невѣрно толкуетъ исторію. Если революція 1848 г. имѣла пролетарское значеніе, несмотря на неорганизованный видъ рабочаго возстанія, если она съ перваго дня своего существованія въ основу своей программы положила соціальныя требованія, не надо ли часть этихъ событій отнести и на долю многочисленныхъ работъ, изданныхъ Консидераномъ, Прудономъ, Кабэ, Пеккеромъ и другими? Если организація труда была лозунгомъ цѣлаго поколѣнія, не слѣдуетъ ли признать, что Луи-Бланъ былъ истиннымъ творцомъ этой реформы? Съ другой стороны, несправедливо суживать значеніе этого періода развитія,

теоріи міжнароднаго соціалізма. Мы отмѣтили попутно критику конкуренціи машиннаго производства и раздѣленія труда, разрушеніе принципа частной собственности, изложеніе образованія капитала съ помощью сверхъ-стоимости, анализъ заработной платы, провозглашеніе борьбы классовъ и необходимость новой революціи, на этотъ разъ соціальной—и, наконецъ, то положеніе, что четвертое сословіе должно завоевать общественную власть. Всѣ эти элементы Марксъ и Энгельсъ сумѣли согласовать и оживить самымъ соединеніемъ ихъ; но элементы эти были завѣщаны имъ ихъ французскими предшественниками эпохи Луи-Филиппа. Воздадимъ каждому должное. Мы попытались доказать, и, безъ сомнѣнія, никто насъ за это не упрекнетъ, что въ общемъ интернаціональный пролетаріатъ нѣкоторыми изъ своихъ умственныхъ завоеваній обязанъ Франціи.

VIII. Февраль 1848 г., внезапный взрывъ революціи, низверженіе орлеанистской монархіи—все это продукты дѣятельной разработки идей, а также и быстрого экономическаго развитія, оба эти фактора смѣшались со времени перехода власти къ Гизо II оба они теперь извѣстны: соціалистическая пропаганда волновала массы; мелкая буржуазія ничего больше не ждала уже отъ законности, такъ какъ видѣла, что ее систематически устраняють отъ подачи голосовъ—говорилъ Гизо. Существовало, такимъ образомъ, два могучихъ элемента для переворота въ государствѣ. Противъ нихъ—никакой силы сопротивленія. Средняя буржуазія, въ свою очередь, удаленная отъ власти, не имѣла никакого основанія поддерживать ее; финансовые скандалы въ изобиліи случались во вторую половину царствованія. „Обогащайтесь“—говорилъ еще Гизо тогда. Все это внушало буржуазіи презрѣніе къ режиму, который, къ тому же, ничего ей не давалъ. Оставалась одна крупная буржуазія, засыпанная почестями и золотомъ. Она начала заводить связи со старымъ легитимистскимъ дворян-

ствомъ при посредствѣ браковъ и умножала необузданныя биржевыя игры и самыя безобразныя финансовыя авантюры. Она была отмѣчена клеймомъ, наложеннымъ на нее громкими процессами, которые были вызваны ея грабежами и позорными сдѣлками, и спустилась до того самаго нравственнаго уровня, на которомъ была аристократія при Людовикѣ XV и XVI: она дошла до зловѣщаго дна правящаго класса уровня: она потеряла уваженіе. Лишенная общественнаго уваженія, она, кромѣ того, была лишена и всякой матеріальной энергіи. Она не могла противопоставить ничего, кромѣ сухихъ формулъ, возстающимъ требованіямъ мелкой буржуазіи и пролетаріата—тому ужасному нападенію, которое подготовлялось во мракѣ; но словъ было уже недостаточно для поддержанія ея политической прерогативы. Отъ нея ускользнула національная гвардія, которую она сформировала въ 1830 г., присоединивъ къ своему дѣлу среднюю буржуазію и часть низшихъ слоевъ третьяго сословія; теперь эта гвардія ускользнула отъ нея—перешла на сторону оппозиціи. Миліція эта служила своимъ классовымъ интересамъ, ставъ рядомъ съ властью въ то время, когда надѣялась получить отъ нея все; теперь она измѣнила этой власти, потому что члены ея были неизбѣжно обречены на гражданское ничтожество. Такъ случилось, что весь режимъ, самъ того не замѣчая, лишился всѣхъ поддержекъ, на которыхъ былъ построенъ. Луп-Филиппъ остался одинъ съ законной страной,—т. е. нѣсколькими десятками тысячъ семей—предъ милліонами гражданъ. Противъ возстановленнаго абсолютизма, надстроеннаго надъ олигархіей, выступили старые союзы тайныхъ обществъ, которые теперь преобразовались и открыли кампанію банкетовъ. Эта кампанія имѣла значеніе и дала результаты только потому, что была поверхностнымъ выраженіемъ скрытаго въ народѣ движенія. Сама по себѣ она имѣла ограниченное воздѣйствіе, но

символическое значеніе ея было колоссально. Французское общество съ 1830 г. походило на пирамиду, которая изъ года въ годъ переворачивалась; такъ что въ концѣ концовъ ея основаніе оказалось въ воздухѣ, а вершина—на землѣ. Вершина эта была безсильна вынести ту ужасную тяжесть, къ тому же, она таяла съ головокружительной быстротой и, наконецъ, сломилась. Все зданіе рухнуло на землю и потрясло ее до основъ: это было 1848 г.

ГЛАВА VI.

Соціальный подъемъ 1848 года, съ Февраля по Іюнь.

I. 1848 годъ резюмируется для пролетаріата однимъ словомъ—іюнь.. Въ немъ всѣ надежды и неудачи. Для буржуазнаго класса 1848 г. воплощаются въ этомъ чудовищѣ—національныя мастерскія, т. е. оплачиваемое и организованное возстаніе. Намъ придется теперь оставить формулу и слишкомъ краткія опредѣленія, отказаться отъ разрозненныхъ, несообразныхъ явленій; необходимо освѣтить факты и показать ходъ событій. Въ исторіи социализма нѣтъ періода, который бы заслуживалъ болѣе глубокаго изученія, чѣмъ этотъ; ни одинъ другой не позволяетъ почерпнуть болѣе важныхъ фактическихъ уроковъ и практическихъ поученій.

Этотъ тяжелый періодъ отъ февраля до іюня характеризуется тремя крупными чертами. Онъ начался участіемъ во власти обломка одного класса и другого цѣлаго, которые только въ 1792—93 г., да и то временно, участвовали въ ней; съ тѣхъ же поръ они систематически устранялись отъ нея. Это—мелкая буржуазія и пролетаріатъ. Это время почти сейчасъ же подкрѣпило реальность борьбы классовъ: буржуазія во всѣхъ ея слояхъ, сверху до низу, отъ банкирской плутократіи до міра лавочки, отъ крупной промышленности до мелкой собственности, повела войну съ четвертымъ классомъ.

Наконецъ, періодъ этотъ закончился, что было фатально гражданской войной; пролетаріатъ столкнулся на улицахъ съ буржуазіей, желавшей возстановить рабчее рабство и освятить свою экономическую прерогативу разьединеніемъ народа и массовой рѣзней.

Легко понять, что 1848 г. оставилъ безконечный рядъ воспоминаній въ народной памяти. Этотъ историческій годъ при каждомъ упоминаніи о немъ вызываетъ страстные, лихорадочные вспышки; этотъ годъ является въ рабочихъ мастерскихъ, не только во Франціи, но и вездѣ, гдѣ живутъ пролетарская идея и пролетарскія надежды, однимъ изъ самыхъ великихъ моментовъ вѣка. Если сравнивать этотъ періодъ съ 1871 г., июнь съ Коммуной,— послѣдняя окажется гораздо болѣе спутанной по своимъ причинамъ, болѣе сложной по цѣлямъ. Во время Коммуны рабочіе овладѣваютъ общественной властью и прогоняютъ законное правительство; но въ Мартовской революціи участвуютъ только рабочіе; и если ихъ коммунистическія убѣжденія не обнаруживаются съ первыхъ же дней во всей своей силѣ, зато впоследствии они рѣшительно утверждаются. Въ июньской революціи это была жаккерія, дикое и разнузданное возмущеніе черни, поднявшейся противъ старыхъ, живыхъ и угнетающихъ учреждений; это былъ приступъ безымянной толпы безъ вождей, безъ руководящаго плана. Въ этомъ беспорядочномъ возстаніи, равнаго которому нельзя отыскать, и есть трагическая красота Іюньскихъ дней. Коммуна превосходитъ ее въ томъ, что она является первымъ шагомъ къ организаціи, первымъ опытомъ пролетаріата добиться революціонной диктатуры. Но между этими двумя возстаніями, изъ которыхъ одно съ первыхъ же дней потерпѣло пораженіе, а другое торжествовало въ теченіе семидесяти дней, можно установить не только литературное сходство; между ними есть тѣсная связь, которую надо отмѣтить и изучить. Въ исторіи не бываетъ полного разрыва событій. Какъ ни

ужасно было поражение, которое потерпѣлъ трудящійся народъ, въ теченіе почти двадцати-трехъ лѣтъ, отъ побѣды Кавеньяка до бѣгства Тьера, какъ ни была задавлена его мысль, она съ тѣхъ поръ осталась обособленной, по крайней мѣрѣ, теоретически. Коммуна продолжаетъ Іюньскіе дни, подобно тому, какъ завтра или послѣзавтра другое движеніе, быть можетъ побѣдоносное, быть можетъ еще разъ подавленное, продолжитъ дѣло Коммуны и Іюньскихъ дней.

Съ 1848 г. мы входимъ въ эпоху дѣятельности социализма. До сихъ поръ онъ заключался въ теоріяхъ, они по частямъ проникали въ тайныя общества; разъ социализмъ проявился даже яркой и неожиданной вспышкой въ Ліонѣ. Теперь онъ создаетъ группировку, дѣлаясь лозунгомъ класса. Началось сліяніе идей и страданія, научнаго предвидѣнія и призывъ къ лучшему существованію; это сліяніе произошло именно въ огнѣ событіи, въ часъ, когда Франція и Европа испытали самый сильный толчекъ, изъ всѣхъ испытанныхъ ими съ 1789 г.

II. Четыре мѣсяца, между февралемъ и іюнемъ, въ дѣйствительности раздѣляются на двѣ части, почти одинаковой продолжительности, какъ это и установилъ съ своей безподобной остротой историческаго анализа Карлъ Марксъ. До 4-го мая средняя и мелкая буржуазія, пораженная своей быстрой побѣдой надъ королевскою властью и избирателями, считали необходимымъ привлечь на свою сторону расположеніе пролетаріата. Онѣ пытались обмануть его, отплатить ему пустыми фразами, призрачными предиріятіями, но не осмѣливались порвать съ нимъ и принимали представителей его въ свои совѣты. Между тѣмъ онѣ съ самаго начала замышляютъ и готовятъ реакцію, которая должна была привести къ утвержденію ихъ верховной власти, а рабочихъ къ полному подчиненію имъ.

Послѣ 4-го мая, т. е. послѣ созыва Учредительнаго Собранія, въ которомъ слишкомъ поспѣшные выборы

обезпечили ретроgrадамъ большинство, средняя и мелкая буржуазія соединяются съ крупной, противъ пролетаріата, исключаютъ его представителей изъ представительства, попираютъ и разрушаютъ все то, на что онѣ раньше согласились, чтобы обмануть его нетерпѣніе. Декораціи рушатся, страсти разоблачаются, національнныя мастерскія расширены, рабочій классъ принужденъ прибѣгнуть къ революціи, которую правительство вызываетъ и привѣтствуетъ, потому что она позволитъ ему устроить кровоупусканіе. Исполнительная комссія прибѣгаетъ къ „вѣрной саблѣ“, организуя безсознательно, для будущаго, диктатуру вѣроломной сабли, закладывая уже въ этомъ осадномъ положеніи первый камень Имперіи. Кавеньякъ возглашаетъ Бонапарте. Республика умираетъ въ агоніи пролетаріата, но средній слой буржуазіи укрѣпилъ свое положеніе, овладѣлъ результатами трехъ славныхъ революцій. Развѣ не она руководила февральской революціей и направила ее въ своихъ интересахъ?

III. Возстаніе, въ дѣйствительности мало кровопролитное, изгнавшее орлеанскій домъ, этимъ же ударомъ поразило и касту избирателей, на которыхъ опирались орлеаны:—крупную буржуазію. Королевская власть и правящіе классы оказались совершенно отдѣленными отъ всего народа съ тѣхъ поръ, какъ средняя буржуазія, послѣ отказа въ расширеніи избирательныхъ правъ, перешла на сторону мелкой буржуазіи. Опоры больше не стало. Этотъ режимъ такъ ослабилъ свои основы, что онѣ не могли уже выдержать его. Его корни такъ мало укрѣпились, что онъ считалъ сопротивленіе бесполезнымъ. Учрежденіе, которое такъ много послужило ему въ 1831, 1832, 1834 гг.—національная гвардія, и та повернула противъ него, поставленная въ необходимость выбора между любовью къ порядку и классовыми интересами своихъ членовъ. Луи-Филиппъ не былъ сверженъ; онъ исчезъ, какъ бесплодный призракъ.

Двѣсти сорокъ тысячъ гражданъ, которые составляли такъ называемую законную страну, были поставлены въ такія же условія, какъ и эмигранты Кобленца, послѣ польскихъ дней. Ихъ необузданная роскошь, растущее имущественное неравенство, — словомъ все, что восемнадцатую годами раньше способствовало поднятію ихъ значенія, обратилось для нихъ въ орудіе политическаго паденія, потому что слишкомъ многочисленны были массы, на гражданскую подчиненность, и потому что промежуточные слои буржуазіи, въ свою очередь, смѣшались съ этой массой. Меньшинство теперь ясно раскрылось, какъ олигархія. Изъ этихъ нѣсколькихъ соображеній легко вывести соціальній характеръ февральской революціи.

Средняя и мелкая буржуазія стремилась къ осуществленію однихъ и тѣхъ же цѣлей, которыя сводились къ завоеванію общественной власти. Дѣйствительность раскрыла въ своемъ историческомъ развитіи и доказала, что экономическая власть идетъ рядомъ съ властью политической, что для того, чтобы овладѣть одной, надо захватить другую. Увеличивающійся бюджетъ соблазнялъ промышленниковъ въ палатѣ, голодныхъ лавочниковъ, подрядчиковъ и лицъ свободныхъ профессій. Всѣмъ хотѣлось участвовать въ этомъ ежегодномъ распредѣленіи сотенъ милліоновъ. Но для того, чтобы добиться этого, необходимо было первымъ долгомъ расширить избирательное право, и расширение это должно было быть двоякимъ, въ сторону избранія и избираемости; потому что дать нѣсколькимъ новымъ сотнямъ тысячъ или милліонамъ людей право избранія представителей, безъ равнаго признанія ихъ способности быть представителями, значитъ—дать мнимое право. Не выборное учрежденіе, а законодательное вліяетъ на соціальній строй страны. Вотъ почему Англія, несмотря на послѣдовательное расширение избирательныхъ правъ, не демократическая страна; ея палаты, за рѣдкими исключеніями, набираются изъ очень узкаго круга людей. Средняя и мелкая буржу-

азія 1848 г., руководимыя здравымъ пониманіемъ вещей и необузданнымъ стремленіемъ къ слнекурамъ, денежнымъ окладамъ, общественнымъ выгодамъ, ко всему тому, что до сихъ поръ было достояніемъ крупной промышленности и крупной собственности, были очень склонны къ двоякому измѣненію избирательнаго закона. Но дошли-ли бы онѣ прямо и опредѣленно до всеобщаго избирательнаго права? Здѣсь-то и обнаруживался очень ясно классовый вопросъ: Будеть-ли снова сдѣлано разграниченіе между имущими и неимущими съ помощью ценза, какъ бы онъ не былъ умѣренъ, или же совершенно будетъ уничтоженъ всякій цензъ? Въ послѣднемъ случаѣ, не только низшіе слои третьяго сословія выиграли бы отъ февральской революціи, но они должны были бы допустить къ раздѣленію общественной власти пролетаріатъ, внезапно освобожденный изъ рабства. Притомъ, онъ безъ всякихъ переходныхъ ступеней, получилъ бы возможность вкусить общественную власть, и отнынѣ могъ бы перевернуть экономическій строй Франціи. Ясно, какую тяжелую задачу представляло рѣшеніе этого вопроса.

Пролетаріатъ питалъ мистическую вѣру въ революцію,—онъ стремился ее использовать, онъ вѣрилъ въ полное возрожденіе стараго міра. Въ теченіе восьми лѣтъ, волнуемый пропагандой, которая исходила изъ книгъ, онъ ждалъ не только повышенія своего политическаго положенія, но и перестройки соціальнаго организма. Какъ ни были смутны еще его стремленія, все мысли его сходились въ одной сжатой формулѣ, пущеной въ ходъ Луи-Бланомъ: Организация труда. Ему казалось, что всеобщее избирательное право неизбѣжно будетъ завоевано имъ; что республика—обязательный образъ правленія. Въ первый разъ, освобожденный отъ заботы о формѣ правленія и объемѣ своихъ гражданскихъ правъ, пролетаріатъ направилъ все свое вниманіе въ другую сторону. Съ момента паденія Луи-Филиппа, онъ былъ убѣжденъ,

что часть его пришелъ, и предсказанія социальныхъ философовъ должны осуществиться безъ промедленія. Онъ вообразилъ, что достаточно водрузить демократическое знамя, чтобы этимъ создать тѣ учрежденія, которыя обезпечать ему существованіе, ежедневный трудъ, дадутъ покровительство старости, уничтоженіе пауперизма, и разрѣшатъ неравенства всякаго рода. Онъ бросился впередъ съ удивительной довѣрчивостью, которой онъ никогда не измѣнялъ, будучи слишкомъ мало подозрительнымъ и слишкомъ мало практичнымъ. Онъ былъ истиннымъ и единственнымъ бойцомъ февральскихъ дней; огромныя массы изъ предмѣстья наводили однимъ своимъ появленіемъ страхъ на послѣдніе батальоны національной гвардіи и на армію, страшившихся столкновенія съ этими сыновьями июльскихъ гражданъ. Но ему не пришлось воспользоваться благами совершившагося переворота, потому что въ немъ не было совершенной и неизмѣнной однородности мелкой буржуазіи. Послѣдняя, въ своемъ эгоизмѣ, стянулась вокругъ узкихъ, но опредѣленныхъ задачъ, слушалась вождей талантливыхъ или посредственныхъ, но признанныхъ; первый же шелъ, такъ сказать, на счастье; онъ на яву преслѣдовалъ свою грезу каждую минуту ждалъ чуда. Но онъ былъ парализованъ раздорами своихъ вождей, антагонизмомъ ихъ теорій и необыкновенной запутанностью ихъ практическихъ рѣшеній. Но на слѣдующій день послѣ бѣгства Луи-Филиппа, этотъ рабочій народъ, неорганизованный и колеблющійся, появился, какъ вырвавшееся чудовище, и вся остальная часть страны удивилась его мощи. Средняя буржуазія не осмѣлилась открыто бороться съ нимъ, она задумала истощить его энергію; вначалѣ она поняла, что нѣтъ возможности не присоединить его къ своему дѣлу, не признать за нимъ права на его часть. И вотъ почему, по выраженію Маркса, режимъ, послѣдовавшій за паденіемъ орлеанистской монархіи, былъ республикой, окруженной социальными учрежденіями.

Городской пролетаріатъ, сгруппированный и сплоченный, былъ грозенъ. Крестьянинъ же, согбенный надъ пашней, сельскій батракъ, истощенный длиннымъ рабочимъ днемъ, казался людямъ 1848-го г. элементомъ, съ которымъ нѣтъ надобности считаться. Съ 1789-го г., съ великаго Народнаго Возстанія, въ которомъ заключалась сама Революція, которое явилось сердцемъ и душою всего движенія конца XVIII в., крестьянство не обнаруживало никакихъ признаковъ жизни. Оно перенесло господство Горы и Терроръ, реакцію термидора, директорію и императорскій гнетъ, возвращеніе эмигрантовъ и Бѣлый Терроръ, абсолютизмъ Бурбоновъ и триумфъ орлеанской аристократіи, не жалуясь и не выражая никакого возмущенія. Относительно слабо отягощенное налогами, ибо всякое фискальное мѣропріятіе, коснувшееся его, отозвалось бы вмѣстѣ съ тѣмъ и на крупныхъ землевладѣльцахъ, оно тихо прозябало, покорившись своей судьбѣ, и оставалось совершенно въ сторонѣ отъ интеллектуальной жизни. Пахарь не беспокоилъ властей, которыя о немъ совершенно не заботились; писатели соціологи въ своихъ книгахъ лишь мало считались съ нимъ, обращая все свое вниманіе на мануфактурныхъ рабочихъ; эта односторонность въ значительной степени объясняется тѣмъ, что развитіе машинной техники почти совершенно не затронуло земледѣльческаго производства. Гипотека не мало соковъ высасывала изъ земли, но это не было новостью. Концентрація только незначительно ускорила за послѣднее время, а долѣхъ поръ гарантированные отъ экономическихъ случайностей крестьяне во всемъ полагались на волю Божию. Они только крѣпко держались за свои „Носовые платки“ и противились всякому увеличенію налоговъ. Они съ большимъ одобреніемъ отнеслись бы къ событіямъ 1848 г. (и они даже дѣйствительно одобряли ихъ въ началѣ), еслибы переворотъ этотъ не угрожалъ ихъ собственности и не увеличилъ бы ихъ податей. Главари

февральскаго движенія, каково бы ни было ихъ происхожденіе, мелкіе мѣщане и плебеи, социалисты и ортодоксальные экономисты не думали, чтобы можно было твердо полагаться на крестьянство для консервативныхъ или для революціонныхъ цѣлей; въ этомъ заключалась главная ошибка, погубившая Республику. Они забыли, что деревня совершила первую Революцію, и не оцѣнили, поэтому, необыкновенной важности той роли, которую она, быть можетъ, будетъ играть. Десятое декабря 1848 г. показало имъ все ихъ заблужденіе; они видѣли только Парижъ, этотъ вѣчный городъ возмущеній, гдѣ готовятся великія событія, но вліяніе котораго должно было падать по мѣрѣ того, какъ сокращались разстоянія, какъ выростали новые крупныя центры, какъ избирательный листокъ заступалъ мѣсто баррикады и штыковъ. Пренебреженный хлѣбопалецъ отомститъ. Такъ какъ перемѣна государственнаго строя произошла безъ его участія, онъ скоро счелъ порядокъ невыгоднымъ для себя, онъ возсталъ противъ него и уничтожилъ его. Въ этомъ заключалось все возстановленіе бонапартистской имперіи. Послѣ февраля крестьянинъ, оставаясь на своемъ кускѣ земли, молча выжидалъ, издали слѣдя за дѣйствіями новаго правительства, которое учреждалось въ столицѣ.

IV. Временное правительство, возникшее въ февралѣ по горячему желанію всего народа, когда по угрожающимъ требованіямъ Распайи и предмѣстій была восстановлена Республика, явилось компромиссомъ между внезапно образумившимися общественными слоями. Араго, Дюпонъ (изъ Эры), Мари, Тарнье, Пажэсъ, Кремье и Марра представляли среднюю буржуазію, которая во время Людовиковой Монархіи съ наибольшею пылкостью боролась за расширеніе избирательнаго права. Ледрю-Роленъ былъ представителемъ мелкой, наполовину революціонной буржуазіи. Ламартинъ въ своихъ лирическихъ порывахъ имѣлъ притязаніе стоять надъ всеми партіями и

изо всѣхъ силъ старался разрѣшать ихъ разногласія. Поэтъ и замѣчательный ораторъ, онъ не примыкалъ ни къ одной группѣ. Передовая демократія, социалисты, выбрали въ члены Исполнительнаго Совѣта Луи Блана, Альбера и Флокона. Оба первые не были пролетаріями по происхожденію, тѣмъ не менѣе, они заявляли себя борцами за ихъ дѣло. Третій же былъ настоящимъ рабочимъ, которому выпала на долю честь открыть переходъ власти въ руки мануфактурнаго пролетаріата. Когда пришли сообщить ему о его новомъ назначеніи, онъ работалъ на одной фабрикѣ пуговиць на Rue de la Muette, гдѣ, по точному выраженію „Moniteur“а, онъ оставилъ свою „рабочую блузу и рабочія панталоны“.

Прежніе правящіе классы, дворянство и крупная буржуазія, не имѣли во временномъ правительствѣ ни одного делегата, если не считать Ламартина, гордившагося тѣмъ, что, подобно Мирабо, сумѣлъ побороть вліяніе среды, изъ которой онъ произошелъ. Въ этомъ учрежденіи были представлены, значить, умѣренный либерализмъ, радикализмъ и социализмъ; оно явилось какъ бы коалиціей противъ всего прошлаго, противъ отжившихъ порядковъ, противъ партіи золотой середины. Но въ силу самой своей разнородности, въ силу различій во взглядахъ и стремленіяхъ составлявшихъ его членовъ, оно было обречено на бесплодность и безсиліе. Либералы съ монархистскимъ отгѣнкомъ, вродѣ Мари и Кремье, должны были взбѣситься, какъ только мелкій буржуа Ледрю-Ролленъ внесетъ какое-нибудь предложеніе, а въ крайней лѣвой сторонники „Организаціи Труда“, выборные изъ предмѣстій, г-да Луи Бланы и Альберы, должны были шагъ за шагомъ отступать подъ напоромъ своихъ коллегъ. Послѣдствіями этого были неопредѣленность и нерѣшительность, которыя проглядывали во всѣхъ дѣйствіяхъ Исполнительнаго Совѣта; чтобы остаться въ равновѣсїи, онъ изо всѣхъ силъ старался удовлетворить оба крайнія крыла, онъ угождалъ даже своимъ врагамъ, опасаясь

нападокъ, черезчуръ ужъ легкихъ на столь расчлененное тѣло, онъ, наконецъ, по незнанію ли своему или по невозможности собрать точныя свѣдѣнія, сдѣлалъ страшно грубые промахи. Непослѣдовательность была характерной чертой дѣятельности его, тогда какъ обстоятельства требовали рѣшительности, твердости ума, согласованности дѣйствій. Можно образовывать союзы для того, чтобы овладѣть властью, но не для того, чтобы отправлять ее. Это стало яснымъ послѣ первыхъ же мѣропріятій временнаго правительства.

Финансовый міръ непомѣрно разбогатѣлъ во время Іюльской Монархіи; проведеніе желѣзныхъ дорогъ, помѣщеніе капиталовъ въ промышленныя предпріятія, оживленіе въ торговлѣ принесли ему огромныя выгоды, и теперь онъ соединился съ Луи-Филиппомъ и его министрами: Гизо, Тьеромъ и Моле и выступилъ въ рѣшительной оппозиціи къ Республикѣ. Онъ ненавидѣлъ этотъ государственный строй прежде всего потому, что онъ возстановилъ демократію вмѣсто имущественной олигархіи, затѣмъ потому, что онъ подорвалъ довѣріе къ кредитнымъ учрежденіямъ, затягивая то состояніе небезопасности, въ которомъ находились капиталы. Французскій Банкъ шатался. Будетъ ли поддержана эта твердыня плутократіи, или ей дадутъ рухнуть, чтобы учредить на развалинахъ ея новый государственный банкъ, который будетъ оказывать широкую помощь всему населенію, вмѣсто того, чтобы служить ничтожному меньшинству? Въ Совѣтѣ крайняя лѣвая и лѣвая, представлявшія пролетаріатъ и мелкую буржуазію, были за второе рѣшеніе. Но представители торговли и средней промышленности, съ Гарнье-Пажэ во главѣ, настояли на сохраненіи Французскаго Банка, давъ принудительный курсъ его билетамъ. Такимъ образомъ, финансовая аристократія, полная ненависти къ республиканскимъ учрежденіямъ, съ самаго начала упрочила за собой экономическое господство съ помощью тѣхъ самыхъ людей, значеніе которыхъ она подрывала.

Это была ихъ первая ошибка: нельзя давать безнаказанно врагамъ своимъ въ руку оружіе. Но они совершили еще одну, болѣе гибельную по своимъ послѣдствіямъ: Исполнительный Совѣтъ оттолкнулъ отъ себя крестьянство, введя, по предложенію Гарнье-Пажэ, чрезвычайный налогъ въ 45 сантимовъ въ добавленіе къ существующимъ прямымъ налогамъ. Напрасно Луи Бланъ и Ледрю-Ролленъ, отъ имени представляемыхъ ими общественныхъ классовъ, указывали на всю непопулярность и несправедливость такого обложенія и требовали, по крайней мѣрѣ, освобожденія отъ этого налога для лицъ съ опредѣленнымъ минимальнымъ доходомъ.

Буржуа, приверженцы трехцвѣтнаго знамени, которые, впрочемъ, довольно мало боялись доставить лишнихъ сторонниковъ партіи порядка и сопротивленія и такимъ образомъ ухудшить положеніе своей младшей братіи, заупрямились. И крестьяне не простили Республикѣ этого ея акта, за который самъ Луи-Филиппъ не осмѣлился взять на себя отвѣтственность. Задѣтые въ своихъ денежныхъ интересахъ, они затапли въ себѣ злобу противъ новаго государственнаго строя—злобу, которая болѣе, чѣмъ хорошо, выразилась въ выборахъ 10 декабря 1848 г. Такимъ образомъ, правительство, съ одной стороны, укрѣпило Главный Банкъ (Haute Banque), съ другой стороны—лишило себя поддержки сельскаго населенія. Что собиралось оно дать городскому пролетариату? Что могло оно предложить ему?

Все—на словахъ только. На дѣлѣ же—ничего или почти ничего. Большинство Исполнительнаго Совѣта, преданное буржуазіи, лишь скрѣпя сердце допустило вступленіе въ свои ряды двухъ или трехъ социалистовъ. Оно думало было отодвинуть ихъ на задній планъ, но, покоровшись требованіямъ улицы и принужденное сравнить ихъ въ своихъ правахъ, оно расточало все свое усердіе въ пустыхъ обѣщаніяхъ рабочему классу. Этотъ же послѣдній, впрочемъ, не будучи въ силахъ захватить

дѣйствительную власть, не быть даже вправѣ ожидать отъ меньшинства своихъ представителей, чтобы оно обезпечило за нимъ всѣ возможныя выгоды. Наконецъ, онъ имѣлъ слишкомъ много пристрастія къ теоретическимъ формуламъ, слишкомъ много вѣры въ слова. Невѣроятное, магическое дѣйствіе термина „Республика“ побудило его пожертвовать тремя мѣсяцами нищеты для новаго учрежденія. Если всесторонне обсудить всѣ обстоятельства, то окажется, что неблагоприятно было требовать отъ Ламартина и Ледрю-Роллена, чтобы они проводили социализмъ въ то время, какъ другіе ихъ шесть коллегъ рѣшили преградить ему дорогу; нецѣлесообразно было требовать отъ страны удариться въ коммунизмъ или подобіе коммунизма прямо изъ орлеанистскаго плутократизма безъ всякихъ переходныхъ стадій тогда, когда предмѣстья выражали по отношенію къ правящимъ буржуа полную покорность и безграничное довѣріе.

Вышло, значитъ, такъ, что правительство сдѣлало пролетаріату только обманчивыя уступки и приняло чисто формальныя обязательства.—Подъ какимъ же знаменемъ станетъ только что провозглашенная Республика? Подъ трехцвѣтнымъ ли, подъ которымъ жили Имперія и Іюльская Монархія, которое изъ знамени единовластнаго притѣснителя стало затѣмъ знаменемъ цѣлаго привилегированнаго класса,—или подъ краснымъ, которое развѣвалось надъ баррикадами, какъ эмблема стремящагося къ свѣту четвертаго сословія? Февраль былъ недалеко еще, и всего три дня прошло послѣ окончательной побѣды Республики; пролетаріатъ еще стоялъ во всей своей силѣ, и съ нимъ нужно было считаться: ему навизали трехцвѣтное знамя, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ: „Въ знакъ соглашенія и въ память преклоненія предъ послѣднимъ актомъ народной Революціи, члены временнаго правительства будутъ носить красный бантикъ, который будетъ также помѣщаться на древкѣ знамени“ (Moniteur, 27 февраля 1848 г.). Луи

Бланъ въ своей „Исторіи Революціи“ подтверждаетъ, что красный цвѣтъ „не только не былъ отвергнутъ, но торжественно былъ признанъ символомъ революціонной власти и одобренъ“. Комедія (équivoque) начиналась.

Пролетаріатъ требовалъ права на трудъ, какъ естественнаго слѣдствія осуществленія республиканскаго идеала; и ничего не стоило удовлетворить его одними словами. „Moniteur“ опубликовалъ 27 февраля слѣдующую составленную Луи Бланомъ декларацію принциповъ: „Временное правительство Французской Республики обязуется обезпечить существованіе всякаго рабочаго трудомъ и доставить работу всѣмъ гражданамъ. Оно признаетъ, что всѣ рабочіе должны образовывать между собою союзъ, чтобы пользоваться благами своего собственнаго труда“. Этотъ декретъ, который Стюартъ Милль защищалъ въ нашумѣвшей статьѣ, напечатанной въ *Quartezly Rewiew*, только выдвигалъ вопросъ, но отнюдь не разрѣшалъ его. Это былъ, пожалуй, первый шагъ, но между изложеніемъ теоретическихъ принциповъ и устройствомъ соответствующей системы лежала глубокая пропасть, пропасть, которая такъ и не была перейдена.

Правда, они даже дошли до созданія коммисіи для изученія и рѣшенія этой проблемы. 28 февраля народъ наводнилъ Гревскую площадь, нося знамена съ различными надписями, и требовалъ учрежденія министерства труда и особенно, по выраженію, ставшему навсегда священнымъ и неизмѣннымъ для демократіи,—организациі труда. Въ Ратушу входитъ делегація. Луи Бланъ проситъ Исполнительный Совѣтъ удовлетворить выставленныя требованія и образовать еще одно министерство. Но Ламартинъ вмѣстѣ съ большинствомъ почему-то воспротивился этому, хотя министерство труда отлично могло бы ужиться съ ультра-капиталистическимъ строемъ. Но такъ какъ Луи Бланъ пригрозили отставкой, то его уполномочили составить комис-

сію общественныхъ наукъ—знаменитую впоследствии Люксембургскую комиссію. 29 февраля въ „Moniteur“ъ появился декретъ, мотивы котораго нелишне будетъ воспроизвести здѣсь: „Принимая во вниманіе, что Революція, совершенная народомъ, должна быть обращена въ его пользу; что пора положить конецъ долгимъ и несправедливымъ страданіямъ рабочаго люда; что вопросъ о трудѣ имѣетъ первостепенную важность, и нѣтъ высшаго, болѣе достойнаго занятія для республиканскаго правительства, какъ его разработка; что это дѣло Франціи—прежде всего изучить и разрѣшить проблему, поставленную передъ всѣми промышленными странами Европы; что нужно, не медля ни минуты, обезпечить за народомъ плоды его труда,—временное правительство Республики постановило: назначить постоянную комиссію, которая будетъ именоваться Правительственной Комиссіей для Рабочихъ, и специальной и чрезвычайной задачей которой будетъ заниматься ихъ участію“.

Луи Бланъ рассказываетъ въ своей исторіи, что этотъ декретъ выдвинулъ на первую очередь вопросъ объ уничтоженіи пролетаріата. Выраженіе это нельзя не признать смѣлымъ, если подумать, что побудило Ламартина, Гарнье-Пажэ, Кремье, Мари и др. одобрить этотъ проектъ. Какъ бы то ни было, само постановленіе и побудительныя причины его ввели въ заблужденіе Францію и весь міръ. Впрочемъ, это самая крупная побѣда, одержанная пролетаріями въ 1848 г.; они хотя одержали еще нѣкоторыя другія, болѣе практическія и болѣе продолжительныя по результатамъ, но зато ни одна не вызвала въ нихъ такой глубокой радости, какъ эта, и ни одна такъ не прославила ихъ.

V. Такъ-то временное правительство болѣе или менее сознательно, смотря по своимъ членамъ, обмануло рабочихъ, задѣло и ожесточило противъ себя крестьянъ и оказало на дѣлѣ огромную услугу Главному Банку.

Оно было особенно сильно послѣ февраля, когда соединилось съ социалистами, изъ которыхъ одинъ, по крайней мѣрѣ, пользовался крупнымъ влияніемъ и почти чрезмѣрной любовью возставшихъ. Да будетъ намъ позволено теперь, когда ужъ послѣ этого прошло болѣе 50 лѣтъ, безпристрастно высказаться насчетъ всего дѣла Луи Блана—не объ образѣ дѣйствій и послѣдовательныхъ поступкахъ его, а о самомъ фактѣ участія, при этомъ торжественномъ случаѣ, делегата передовой демократіи въ исполнительной власти.

Участіе это имѣло и непременно должно было имѣть, только самые губительные результаты для рабочаго люда. Оно не могло способствовать политическому воспитанію пролетаріата, потому что этотъ послѣдній не захватилъ въ свои руки власти, оставался все время за бортомъ ея и не бралъ на себя никакой отвѣтственности. Это не дало ему также возможности революционизировать общество изнутри, потому что два или три человека изъ всѣхъ одиннадцати или двѣнадцати не въ состояніи были провести глубокія реформы и одолѣть капиталистическій блокъ. Оно даже не обезпечило за нимъ частичныхъ чрезвычайно цѣнныхъ выгодъ, потому что составъ и взгляды Исполнительнаго Совѣта были такого рода, что онъ долженъ былъ неминуемо противодѣйствовать социалистамъ, какъ только тѣ вздумали бы приступить къ осуществленію своихъ собственныхъ стремленій. Но ошибка Луи Блана, Альбера, Флокона, толпы, которая ихъ выбрала вождами, все-таки извинительна, потому что не произошло ничего такого, что могло бы имъ открыть глаза; къ тому же, сама Революція вспыхнула неожиданно для всѣхъ. Фактъ только тотъ, что эта ошибка съ удивительнымъ искусствомъ была использована реакціей,—какъ трехцвѣтной буржуазіей, желавшей сохранить свое значеніе и старый экономическій строй подъ покровомъ республиканскаго знамени, такъ и старой имущественной буржуазіей и ро-

довитой клерикальной аристократіей, желавшими низвергнуть Февральское правительство. Такимъ образомъ, социальная демократія вдвойнѣ терпѣла отъ лихорадочной поспѣшности, съ какой она послала своихъ представителей во временное правительство.

Прежде всего, что бы объ этомъ ни говорили и ни писали, Луи Бланъ былъ только игрушкой въ рукахъ своихъ коллегъ, ибо, въ сущности, роль его сводилась только къ тому, что онъ надувалъ пролетаріатъ, служилъ посредникомъ между возставшими и Исполнительнымъ Совѣтомъ, обсуждалъ и заключалъ договоры, всегда гибельные для его партіи, той самой партіи, которую онъ болѣе всего стремился отстоять. Если бы его въ нѣкоторыхъ случаяхъ не было, если бы не было его коммунистической фразеологіи, вліявшей гораздо больше на различные клубы, чѣмъ на поднебесные полеты лирики Ламартина, то грозно бушующіе рабочіе, быть можетъ, не были бы обезоружены, они гораздо энергичнѣе поддерживали бы свои требованія и, съ презрѣніемъ отвергнувъ пустыя слова и лживыя обѣщанія, потребовали бы реальныхъ мѣропріятій. Лучше всего доказываетъ это день 28 февраля, когда не поздно было еще продолжать Революцію, и когда одно чтеніе декрета о назначеніи Комиссіи для Рабочихъ успокоило толпу на Гревской площади. Такъ-то Луи Бланъ, исполненный самыхъ невинныхъ и чистыхъ стремленій, покрылъ самое возмутительное лицемеріе правительственной правдой. И такъ-то неизбежно будетъ всегда роль социалиста, который захочетъ принять участіе въ буржуазномъ правительствѣ. Это можетъ только тормозить социализмъ или же дискредитировать его компромиссами, неизбежными при отпращиваніи исполнительной власти въ капиталистическомъ государствѣ.

Но это еще далеко не все. Присутствіе въ Ратушѣ автора „Организаціи Труда“ и двухъ другихъ коммунистовъ развязывало руки ретроgrадамъ всѣхъ отѣн-

ковъ. Средняя буржуазія пришла очень скоро въ полное отчаяніе, увидѣвъ судьбы страны въ рукахъ людей, которыхъ она считала сторонниками безпорядка и насилія. Въ назначеніи Луи Блана, Альбера и Флокона она нашла основаніе или горячо желанный поводъ для выступленія противъ грозно надвигающейся демократіи. Она утверждала—хотя это было ложно,—что лѣвое меньшинство въ Исполнительномъ Совѣтѣ управляетъ умѣренными и терроризуетъ ихъ. Подталкиваемая и возбуждаемая втихомолку крупной буржуазіей—единственной побѣжденной февральской Революціей,—желавшей заручиться ея поддержкой, средняя буржуазія дала убѣдить себя какими-то неблагоприятными и пустыми доводами, которыхъ ей отбавляли, сколько угодно. А агенты клерикализма, легитимизма и бонапартизма, въ свою очередь, не дремля, принялись обрабатывать крестьянъ, пугая ихъ краснымъ призракомъ и сваливая всю отвѣтственность за 45 сантимовъ на передовую фракцію въ Исполнительномъ Совѣтѣ. Такимъ образомъ, социализмъ, ослабленный и связанный по рукамъ и ногамъ однимъ пожалованіемъ нѣкоторымъ своимъ членамъ пустого титула, навлекъ на себя новую страшную бурю реакціи, которая скоро должна была смять его.

VI. Впрочемъ, социалисты не были достаточно крѣпко организованы, ни достаточно сознательны,—они имѣли слишкомъ смутное понятіе о собственныхъ цѣляхъ, чтобы подчинить Францію своему новому управленію. Кризисъ 1848 г. былъ преждевременнымъ; ибо пролетаріатъ, несмотря на проблески сознанія, разбросанные въ немъ посредствомъ тысячъ брошюръ, не имѣлъ ни общаго плана, ни научной доктрины, ни твердой дисциплины. Революціи только тогда удаются, когда направляются ясною мыслью и твердой волей. У социалистовъ не оказалось послѣ февраля ни руководящаго центра, который сосредоточилъ бы въ своихъ рукахъ всю ихъ дѣятельность, ни людей съ общепризнаннымъ авторитетомъ, ко-

торые имѣли бы право выступать отъ ихъ имени. Они положились на игру слѣпого случая и, подхваченные стихійностью событій, не почувствовали въ себѣ ни достаточно силы, чтобы покорить ихъ себѣ, ни достаточно смѣлости, чтобы составить опредѣленную программу. Шумное давленіе улицы было ихъ единственнымъ средствомъ. И рано или поздно оно фатально должно было выродиться въ мятежь, а этотъ послѣдній— обратиться въ бунтъ; и все это противъ воли даже тѣхъ, кто, съ своей стороны, сдѣлалъ все, чтобы привести къ такому концу.

Пролетаріатъ, безъ вождей, безъ опредѣленнаго плана, съ первой же минуты погубилъ себя своей нерѣшительностью. Онъ пропустилъ тѣ драгоценныя минуты, когда могъ заставить принять свои требованія, тѣ драгоценныя дни колебанія и нерѣшительности, когда натискъ торжествуетъ, и массы заставляютъ олигарховъ слагать оружіе. Знаменитыя героическія слова: „мы жертвуемъ тремя мѣсяцами нищеты въ пользу Республики“ были только фразой и, если глубже посмотрѣть на вещи, безразсудной, драматической фразой. Рабочимъ пора было знать, что властителей никогда не обезоруживаютъ и не трогаютъ безкорыстіе и самоотверженность подчиненныхъ, что они лишь пользуются этимъ, пока получаютъ возможность снова отодвинуть ихъ въ прежнее зависимое положеніе. Рабочіе воображали, что въ лицѣ Луи Блана и Альбера держатъ въ своихъ рукахъ власть и являются господами грядущаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они лишь равнодушно, довѣрчиво, даже съ нѣкоторымъ одобреніемъ взирали, какъ капитализмъ и крупная собственность готовятъ свои репрессіи. Всѣ эти тактическія ошибки обуславливаются, въ концѣ концовъ, аморфнымъ, неоднороднымъ составомъ населенія предмѣстій.

Но вотъ странное явленіе, которое уже само по себѣ такъ ясно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи эконо-

мическаго воспитанія у толпы: пролетаріатъ ни однимъ словомъ не обмолвился противъ принципа собственности; онъ не требовалъ ни конфискаціи крупныхъ помѣстій, ни, подобно революціонерамъ 1789 года, секуляризаціи (отнятія) безмѣрно увеличившихся церковныхъ богатствъ, ни, подобно террористамъ 1793 г., введенія прогрессивнаго налога и принудительнаго займа у богатыхъ. Онъ нападалъ лишь на наружныя, поверхностныя стороны общественной структуры, а не на основу ея. Формулы, въ изобиліи пускаемыя въ обращеніе экономистами новой школы съ 1840 года, туманныя фразы, которыя можно было толковать на тысячи ладовъ, и которыя являлись чисто философскими выраженіями, до того наполнили плохо подготовленную голову рабочаго, что онъ могъ только бессмысленно повторять ихъ. „Министерство труда“, „организация труда“— вотъ требованія, безпрестанно повторявшіяся различными делегаціями и выставлявшіяся въ рѣчахъ на Гревской площади и въ Ратушѣ. Раздавались протесты противъ продолжительности рабочаго дня, противъ посредничества подрядчиковъ, противъ цѣлаго ряда мелочей капиталистическаго строя, но не нашлось никого, кто въ этотъ критическій моментъ, отъ котораго зависѣла вся будущность четвертаго сословія, сумѣлъ бы доказать, что нужно атаковать самый принципъ даннаго государственнаго строя, а не внѣшнія его стороны, не второстепенныя и побочныя проявленія его. Такимъ образомъ, социализмъ, несмотря на изобиліе появившейся въ послѣдніе годы литературы, оставался лишь простымъ стремленіемъ къ лучшей жизни, вопіющей и трогательной жалобой на злоупотребленія и несправедливости, но ему не удалось еще систематизировать своихъ стремленій и перейти изъ области чистой фразеологіи на реальную почву. Онъ былъ обреченъ на поражение.

VII. Комиссія для рабочихъ, дарованная временнымъ правительствомъ парижекому народу, собралась

1 марта 1848 года. Нетрудно, конечно, догадаться, какую цѣль преслѣдовало большинство Исполнительнаго Совѣта, бросивъ рабочему классу эту кость. Въ своихъ „Національныхъ Мастерскихъ“, содержащихъ такъ много цѣнныхъ признаній, Эмиль Тома далъ себѣ трудъ просвѣтить насъ на этотъ счетъ: „Мари сказали мнѣ, что правительство желаетъ произвести этотъ опытъ, что оно думаетъ этимъ доказать всю пустоту и несостоятельность неприменимыхъ къ жизни теорій Луи Блана, что, такимъ образомъ, рабочіе скоро разочаруются и, естественно, потеряютъ все свое обожаніе къ нему, что Луи Бланъ потеряетъ тогда весь свой престижъ и все свое вліяніе и станетъ совершенно безопаснымъ“.

Впрочемъ, г-да Гарнье-Пажэ, Мари, Кремье, Морра не только стремились подорвать авторитетъ своего коллеги - социалиста. Ихъ виды простирались гораздо выше и дальше. Они желали чѣмъ-либо отвлечь вниманіе пролетаріата, пока счастье не перейдетъ на ихъ сторону, пока не наступитъ реакція въ общественномъ мнѣніи, которую, по ихъ внутреннему убѣжденію, неизбежно должны были вызвать теоретическіе дебаты и простой перечень проектовъ Люксембургской Комиссіи.

Слѣдуетъ ли изъ этого, все-таки, что созывъ этого рабочаго парламента ничему насъ не научилъ, и что все пренія его остались совершенно безплодными? Было бы слишкомъ несправедливо не отмѣтить всей важности и всего значенія этого крупнаго событія. Ужъ одно то, что рядомъ съ политическимъ собраніемъ и даже съ одобреніемъ утвержденныхъ властей возникло другое, призванное для спеціальнаго изученія экономическихъ проблемъ и преобразования участи рабочихъ, является знаменательнымъ фактомъ огромной важности для того времени и неисчислимыхъ послѣдствій—для будущаго. Въ первый разъ рабочіе были призваны высказаться о своихъ дѣлахъ, въ первый разъ были выслушаны ихъ

гражданскія и социальныя требованія. Не было ли это косвеннымъ признаніемъ того, что общество плохо устроено, что оно нуждается въ преобразованіяхъ? Въ этомъ отношеніи планы временнаго правительства потерпѣли частичную неудачу. Это не все: Комиссія выставляла принципы, которые должны были принести свои плоды. Но, съ другой стороны, чтобы быть безпристрастными, слѣдуетъ признать, что цѣль средней буржуазіи и большинства въ Совѣтѣ была частью, и большею даже частью, достигнута, потому что пролетарское возстаніе удалось превратить въ парламентаризмъ, безсильный произвести существенное обновленіе.

Луи Бланъ былъ полонъ энтузіазма. Принимая председательство въ Люксембургской Комиссіи, онъ воскликнулъ: „случилось чудо: тѣ, кого всѣ почитали пустыми мечтателями, держать въ своихъ рукахъ управленіе обществомъ; люди невыносимые стали вдругъ людьми необходимыми“. Комиссія, собранная имъ, среди которой не было еще фабрикантовъ (тѣ были призваны лишь черезъ полмѣсяца, „чтобы согласовать ихъ интересы съ интересами рабочихъ“), была глубоко тронута, и, если вѣрнѣе „Moniteur“у, многіе даже плакали. Вотъ эпоха великодушнѣйшей чувствительности!

Здѣсь неумѣстно останавливаться на различныхъ мелкихъ фактахъ изъ жизни рабочаго парламента, фактахъ, въ избыткѣ собранныхъ, какъ общими, такъ и спеціальными историками второй Республики. Обойдемъ также молчаніемъ всѣ рѣчи, на которыя Луи Бланъ былъ очень щедръ и въ которыхъ онъ на разные лады повторялъ основныя мысли, высказанныя имъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи 1840 года. Еще менѣе, наконецъ, коснемся мы дебатовъ, достойныхъ ученаго общества политической экономіи или академіи моральныхъ наукъ—дебатовъ, которые блестяще велъ Видальемъ, Консидераномъ, Пеккеромъ и т. д.—Удивительно лишь то, что люди эти, призванные создать цѣлѣйшій новый

міръ, внесли въ свое дѣло все терпѣливое спокойствіе какого-нибудь чисто теоретическаго, отвлеченнаго спора.

Слѣдуетъ отмѣтить акты Люксембургской Комиссіи, т. е. внушенные ею исполнительные тексты, третейскія разбирательства, практическія мѣропріятія, за которыя она голосовала, постановленія ея, проекты, которые она одобряла или утверждала.

Третьяго мая появился декретъ о продолжительности рабочаго дня и о посредничествѣ подрядчиковъ:

„Принимая во вниманіе, что слишкомъ продолжительный физическій трудъ не только разрушаетъ здоровье, но и, задерживая духовное развитіе рабочаго, унижаетъ его человѣческое достоинство;

„Что эксплуатація рабочихъ мелкими предпринимателями изъ среды рабочихъ, такъ называемыми посредниками, крайне несправедлива, тяжела и противорѣчитъ принципамъ братства“,—

„Максимумъ продолжительности рабочаго дня въ Парижѣ опредѣляется 10 часами, и посредничество подрядчиковъ запрещается“.

Скоро посредничество подрядчиковъ царствовало по-прежнему, штрафы получили санкцію закона и поступленія отъ нихъ были назначены въ кассу Инвалидовъ труда.

Декретомъ 24 марта отмѣняются работы въ тюрьмахъ и объявляется, что работы въ монастыряхъ будутъ урегулированы такимъ образомъ, чтобы не создавать досадной конкуренціи. 25 марта 2 другихъ постановленія исполнительной власти, переданныя на разсмотрѣніе Люксембургской Комиссіи, предлагаютъ городской управѣ открыть справочную контору и запрещаютъ злоупотребленія при швейныхъ работахъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, гдѣ сдѣльная плата была безобразно низка.

Вотъ итогъ всей законодательной дѣятельности Комиссіи. Намъ нечего искать, что, именно, изъ всего этого

пощадила послѣдующая реакція: ничего или почти ничего.

Делегаты рабочихъ выпустили, кромѣ этого, одну прокламацію, нѣкоторыя стороны которой, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуютъ о великомъ благородствѣ ихъ ума, и которая сдѣлала честь рабочему представительству. Она касалась ссоръ, возникшихъ въ пограничныхъ провинціяхъ между французами и иностранцами.

„Принимая во вниманіе, что принципъ, возвѣщенный торжествующей Республикой, за который она боролась и который она завоевала во имя и въ счетъ всего чело-вѣчества, является принципомъ братства, что одно званіе чело-вѣка заключаетъ въ себѣ нѣчто неприкосновенное и священное, не нарушаемое принадлежностью къ тому или другому отечеству;

„Принимая во вниманіе, что если, съ одной стороны, теперь во Франціи находятъ себѣ заработокъ многіе иностранцы, то и, съ другой стороны, еще большее количество нашихъ соотечественниковъ живутъ своимъ трудомъ въ Англіи, Германіи, Швейцаріи, Америкѣ и самыхъ отдаленныхъ странахъ, что, преслѣдуя нашихъ братьевъ изъ другихъ странъ и тѣмъ самымъ вызывая репрессіи со стороны ихъ правительствъ, мы навлекли бы на себя большія бѣдствія и позоръ,—временное правительство ставить всѣхъ иностранныхъ рабочихъ подъ покровительство французскихъ и довѣряетъ славу гостепріимной Республики великодушію народа“.

Люксембургская Комиссія, пользовавшаяся большимъ нравственнымъ авторитетомъ не только у рабочихъ, но и у фабрикантовъ, была приглашена разрѣшить многочисленные споры экономическаго характера. Можно, конечно, задать себѣ вопросъ, въ этомъ ли заключалась ея миссія. и не была ли она призвана для болѣе крупныхъ дѣлъ? Какъ бы то ни было, Луи Вланъ въ своей „Исторіи 1848 г.“ самъ съ удовольствіемъ перечисляетъ всѣ дѣла, разрѣшенные имъ самимъ составлен-

нымъ учрежденіемъ: стачка мостовщиковъ, стачка кондукторовъ на омнибусахъ, стачка булочниковъ и т. д.

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть объ образованіи кооперативныхъ товариществъ, которыя Луи Бланъ, чтобы пойти на встрѣчу желаніямъ рабочаго парламента, пытался насаждать. Ихъ было всего три: портныхъ, сѣдельниковъ и ткачей; они работали на счетъ государства, но не имѣли ничего общаго съ типомъ товариществъ, предвидѣннымъ въ представленной Люксембургской Комиссіи программѣ экономическаго и соціальнаго обновленія и построеннымъ на гораздо болѣе широкихъ основаніяхъ. Ни одно изъ этихъ товариществъ, которыя являлись лишь слабымъ отголоскомъ основныхъ идей книги 1848 г., не процвѣтало; фактически они были съ перваго же дня обречены на полную неудачу.

Посмотримъ теперь, что сдѣлала Комиссія для Рабочихъ въ теоретическомъ отношеніи; это дастъ намъ ясное понятіе о стремленіяхъ и идеалѣ тогдашняго пролетаріата, и поэтому достойно внимательнаго изученія.— Но тутъ нужно немедленно прибавить, что всѣ принятыя Люксембургской Комиссіей рѣшенія, которыхъ она не успѣла осуществить, составленный ею планъ экономическихъ реформъ, все это, судя по отчетамъ, помѣщеннымъ въ „*Moniteur*“ ѣ, взято непосредственно и исключительно изъ „Организаціи Труда“ Луи Блана; поэтому въ краткомъ обзорѣ официальныхъ сообщеній того времени читатель вновь найдетъ великія слова той книги, о которой мы ужъ говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Планъ, принятый Комиссіей, заключался въ устройствѣ кооперативныхъ товариществъ, субсидируемыхъ правительствомъ, и одна конкуренція которыхъ должна была все больше и больше разорять частныхъ промышленниковъ и тѣмъ самымъ поколебать многочисленныя предпріятія. Тогда ихъ перенимало бы государство на

общественный счетъ, заплативъ за эту экспроприацію новыми облигаціями. Скупленные такимъ образомъ промышленныя заведенія были бы переданы рабочимъ артелямъ, построеннымъ на началахъ абсолютно равнаго распредѣленія жалованья. Артель, образованная на одномъ заводѣ, скоро должна была бы вырасти въ обширный союзъ, который бы все болѣе и болѣе увеличивался и охватилъ бы, наконецъ, всѣ остальные заводы, ибо, по мѣрѣ полученія каждой артелью прибыли, она употреблялась бы на покупку новыхъ частныхъ фирмъ. Такимъ образомъ, государство обязывалось дать модель или типъ новой экономической организаціи, превосходящей всѣ остальные формы и потому предназначенной скоро восторжествовать. При обсужденіи этой системы, въ Комиссіи возникло разногласіе, такъ какъ Волковскій, Дюпонъ и Уайтъ защищали старую теорію невмѣшательства, но огромное большинство рабочихъ делегатовъ, предводительствуемыхъ Луи Бланомъ, единодушно одобрили вышеизложенный методъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что система эта, несмотря на вполне заслуженныя возраженія, изъ которыхъ одно было особенно основательнымъ (она косвенно признавала принципъ собственности или, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не затрагивала его), неизбежно привела бы къ коммунизму или коллективизму. Но она не вышла изъ предѣловъ абстракціи и, несмотря на оффиціальныи характеръ, приданный этому проекту его напечатаніемъ въ „Moniteur“ѣ, онъ такъ и остался чисто платонической мечтой, подобно всѣмъ предшествовавшимъ утопическимъ планамъ.

Слѣдуетъ прибавить, что дѣятельность Люксембургской Комиссіи не ограничивалась заключеніями въ пользу городского пролетаріата: она распространилась и на сельскій пролетаріатъ. Рядомъ съ промышленными мастерскими и конторами для обмѣна (*ateliers d'échange*), которыя должны были замѣнить собой торговыхъ посредниковъ, она имѣла въ виду основать, въ видѣ опыта,

въ каждомъ департаментѣ земледѣльческія колоніи, составленныя изъ ста семействъ каждая. Ужъ одно то, что она вспомнила о хлѣбопахъ, до тѣхъ поръ столь заброшенныхъ экономистами, было явленіемъ довольно оригинальнымъ. Но тѣ, признаться, не почувствовали за это къ Республикѣ никакой благодарности.

Этотъ режимъ долженъ былъ завершиться немедленнымъ переходомъ къ государству, при помощи новыхъ земледѣльческаго и коммерческаго банковъ, всѣхъ закладныхъ бумагъ, доходъ отъ которыхъ исчислялся въ 100 мил. франковъ, и отмѣной всѣхъ старыхъ налоговъ, которые должны были быть замѣнены единымъ обложеніемъ.

Итакъ, значитъ, Правительственная Комиссія для Рабочихъ выказала самыя благія намѣренія: она дала якобы правительственную (оффиціальную) санкцію вотъ уже восемь лѣтъ волновавшимъ народъ желаніямъ. И если, съ одной стороны, практическіе результаты ея были ничтожны и скоро разсѣялись, какъ дымъ, то, съ другой стороны, нельзя не признать и того, что она вполне искренно отдалась возложенной на нее миссии. Посреди буржуазіи, не признававшей себя побѣжденной и, несмотря на выступленіе пролетаріата на первый планъ политической жизни, имѣвшей полное основаніе ожидать въ будущемъ укрѣпленія своего экономического могущества, Комиссія эта выступала, какъ живая угроза грядущаго времени. Ея учрежденіе было простымъ обманомъ; но, обманывая народъ во имя ближайшаго будущаго, правители тѣмъ самымъ способствовали страшному взбудораживанію мыслей.

VIII. Національныя мастерскія, эта каррикатурная пародія на социализмъ, являлись самымъ могущественнымъ средствомъ, какое только изобрѣла буржуазія 1848 г., чтобы преодолѣть и уничтожить рабочее движеніе. Теперь, когда прошло ужъ больше 50 лѣтъ послѣ этого, нѣкоторые публицисты крайне сомнительной по-

рядочности все еще продолжают взваливать на коммунизм всю вину за устройство этого учреждения, не имѣвшаго никакого принципіального основанія, не соотвѣтствовавшаго никакой теоріи и которое при тогдашнемъ состояніи общества должно было привести къ междоусобной войнѣ. Луи Вланъ нѣсколько разъ оправдывался, говоря, что принялъ на себя инициативу устройства этихъ убѣжищъ, открытыхъ для рабочихъ, съ очень похвальной цѣлью, но что они, противъ всякаго ожиданія, скоро оказались вредными. Бывшій членъ временнаго правительства посвятилъ цѣлую главу въ „Исторіи 1848 г.“ для своего оправданія. Если сопоставить его слова съ увѣреніями худшихъ изъ его противниковъ, Эмиля Тома, напр., который былъ директоромъ мастерскихъ, который освѣдомлялъ Фалю наканунѣ ихъ распущенія и былъ, слѣдовательно, однимъ изъ непосредственныхъ виновниковъ іюньскаго взрыва, то мы найдемъ, что они какъ бы взаимно дополняютъ другъ друга. Почему же, спрашивается, сказки восторжествовали надъ дѣйствительностью? Почему сваливаютъ на соціалистическую мысль ответственность за поступокъ, обратившійся, какъ это показали послѣдующія событія, противъ нея самой? Эта красная сказка о національныхъ мастерскихъ является только логическимъ продолженіемъ всѣхъ выдумокъ о дѣлкахъ. Базиліи исторіи обладаютъ какимъ-то неисчерпаемымъ источникомъ клеветничества.

И въ 1789 и въ 1830 гг. власти, во избѣжаніе безработицы, неизбѣжной при всякихъ политическихъ сотрясеніяхъ, уже устраняли національныя мастерскія, временныя, конечно, дававшія возможность съ пользой употреблять рабочихъ. Временное правительство 1848 г. не могло сдѣлать ничего лучшаго, какъ послѣдовать ихъ примѣру. Декретомъ отъ 15 февраля было объявлено, что это учрежденіе вновь будетъ введено, и что эта задача возложена на министра Общественныхъ Работъ.

Тутъ, значитъ, можно отмѣтить слѣдующее: что Республика не предпринимала ничего новаго; что дѣло шло лишь объ извѣстномъ мѣропріятіи и примѣненіи его. Затѣмъ, текстъ декрета былъ составленъ прежде, чѣмъ собралась Люксембургская Комиссія, которую потомъ обвиняли во всемъ. Наконецъ, названный въ декретѣ министръ Общественныхъ Работъ, Мари, былъ противникомъ социализма и не желалъ, конечно, пропустить такого блестящаго случая, чтобы уничтожить его.

Представители средней буржуазіи въ Исполнительномъ Совѣтѣ съ первой же минуты мастерили свой проектъ — подорвать авторитетъ Луи Блана и Комиссіи для Рабочихъ посредствомъ устройства мастерскихъ на свой собственный манеръ. Тома, поставленный во главѣ ихъ, былъ признаннымъ реакціонеромъ и даже не думалъ скрывать свою ненависть къ Республикѣ и республиканцамъ. Представъ предъ слѣдственной комиссіей по дѣлу іюньскихъ событій, онъ объявилъ: „я всегда выступалъ противъ вліянія гг. Ледрю-Роулена, Флокона и др., я былъ въ открытой враждѣ съ Люксембургской Комиссіей, я явно противодѣйствовалъ вліянію Луи Блана“. Мысль Гарнье-Пажэ, Мари, Марра была очень проста. Мастерскія, доканчивая растрату общественныхъ денегъ, должны были дискредитировать социализмъ и сдѣлать его ненавистнымъ. Чтобы достигнуть осязательныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи, достаточно было платить рабочимъ, не заставляя ихъ работать, и платить очень мало, вызывая этимъ съ ихъ стороны справедливыя нареканія противъ такихъ порядковъ и противъ главарей передовой демократіи. Съ середины марта средняя плата была сокращена, и въ виду того, что количество рабочихъ все росло, каждый работалъ только одинъ день изъ четырехъ.—Но правая въ Исполнительномъ Совѣтѣ одно время думала даже воспользоваться рабочими легионами, какъ силой для борьбы съ коммунистами. Это стремленіе выражается нѣсколько

разъ въ книгѣ Томаса и въ „Исторіи Февраля“ Ламартина. Правая готова была въ извѣстный моментъ отдать Парижъ въ распоряженіе мастерскихъ, разсѣять по столицѣ 100.000, чтобы уничтожить и сломить оппозицію демократовъ. Рабочіе, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ нѣкоторые изъ ихъ манифестацій, на это, конечно, не согласились. Но такъ или иначе, планъ этотъ былъ задуманъ, и онъ какъ нельзя лучше показываетъ, могла ли Люксембургская Комиссія хоть сколько-нибудь быть причастной къ устройству мастерскихъ.

Огромный притокъ рабочихъ, которые со всѣхъ сторонъ устремились въ мастерскія, сильно взбудоражили общественное мнѣніе и предрасположили его въ пользу закрытія ихъ, чего съ первыхъ же засѣданій Учредительнаго Собранія стали домогаться клерикалы. Въ началѣ марта въ нихъ работало 17.000 чел.; 21 марта—30.000 чел.; 9 апрѣля—болѣе 49.000 чел.; 15 мая—100.000 чел.; кромѣ того, количество ожидавшихъ еще своего приѣма постоянно возросло. Сначала члены временнаго правительства, затѣмъ члены Исполнительной Комиссіи, затѣмъ депутаты неоднократно предлагали сократить до минимума государственную плату рабочимъ, ибо это вовлекло казну въ расходы, ничуть не покрываемые соответствующими доходами. Тома сталъ настоящимъ властелиномъ, генераломъ цѣлой арміи. Рабочіе, поступившіе уже въ мастерскія, не хотѣли ихъ покидать, хотя имъ не давали настоящей работы, которой они не разъ просили; ожидавшіе же своего приѣма были недовольны Республикой, потому что та ихъ недостаточно быстро обслуживала. Въ то время, какъ многочисленныя общепользныя предпріятія прекращались и падали, и правительство, пока что, могло бы употребить рабочія массы для ихъ продолженія, оно предпочло не давать имъ никакой работы. И вотъ, всеобщее возмущеніе поднялось противъ мастерскихъ. Правительственная правая использовала этотъ взрывъ негодованія, заранѣе ею пред-

видѣнный. Буржуазія, сдѣлавшая все, что только возможно, чтобы вызвать его, не подозрѣвала даже, что, борясь противъ социализма, она тѣмъ самымъ борется противъ самой себя, противъ своихъ преимуществъ и на пользу цезаризму.

IX. Временное правительство, вышедшее изъ Февральскаго возстанія, не могло продолжаться вѣчно. Послѣ такого крупнаго политическаго переворота, при такомъ прямо-таки неслыханномъ возбужденіи умовъ, оно имѣло право отсрочить созывъ избирательныхъ коллегій. Толкать впередъ событія было, во всякомъ случаѣ, опасно даже для самой только что провозглашенной Республики. Необходимо было дать срокъ укрѣпиться новому порядку, успокоиться общественному мнѣнію. Но намѣренія средней буржуазіи, представленной въ Совѣтѣ Гарнье-Пажэ, Марн, Кремье и руководимой Ламартиномъ, были болѣе, чѣмъ очевидны. Устрашенные, спустя какихъ-нибудь дней 15, громадной силой пролетарскаго натиска, они гораздо болѣе боялись опасности слѣва, чѣмъ справа, больше опасались успѣшной побѣды передовой демократіи, чѣмъ образованія орлеанистскаго, антидемократическаго большинства. Передъ членами Исполнительной Комиссіи и передъ обществомъ съ первыхъ же чиселъ марта предсталъ важный вопросъ о времени назначенія выборовъ для Учредительнаго Собранія.

Общественное сословіе, заступившее мѣсто промышленной аристократіи, т. е. торговый міръ столицы въ союзѣ съ представителями свободныхъ профессій, стояло за немедленные выборы, имѣвшіе въ его глазахъ то преимущество, что давали возможность сразу остановить пропаганду клубовъ, руководимыхъ Бланки, Барбесомъ и нѣкоторыми другими. То обстоятельство, что въ будущемъ собраніи легитимисты, бонапартисты и филипписты займутъ очень большое мѣсто, ихъ ни мало не

безпокоило; они были увѣрены въ своей побѣдѣ, они жаждали лишь пораженія коммунизма, который могъ только усилиться вмѣстѣ съ распространеніемъ своихъ идей. Главари народа же, напротивъ, опасались, какъ бы слишкомъ спѣшное голосованіе не обратилось противъ самой Республики, какъ бы населеніе деревень и маленькихъ городковъ, не будучи достаточно подготовлено и находясь подъ опекой мелкихъ дворянъ-землевладѣльцевъ, не оказалось слишкомъ склоннымъ къ передачѣ власти людямъ прошлаго. Мелкая буржуазія, которая ничего для себя не добила, и мирный договоръ съ пролетаріатомъ которой еще не былъ нарушенъ, придерживалась тѣхъ же взглядовъ, и Ледрю-Ролленъ прикинулъ въ Совѣтѣ къ Луи Блану, Флокону и Альберу. Нужно, говорили они, дать массамъ оглядѣться и избѣжать внезапнаго опроса. Они добились одной отсрочки, но, чѣмъ энергичнѣе они домогались новой, тѣмъ упорнѣе большинство во временномъ правительствѣ, по вполне естественному противорѣчію, отказывало имъ въ этомъ. Напрасно Луи Бланъ и Альберъ угрожали отставкой: ихъ не слушали. А 17 марта мирное и грандіозное шествіе рабочихъ корпорацій, требовавшихъ у властей отсрочки выборовъ, лишь укрѣпило временное правительство въ его намѣреніяхъ. Самъ Луи Бланъ, смущенный, наконецъ, направленными противъ него нападками нѣкоторыхъ народныхъ ораторовъ, прекратилъ сопротивление. Жребій былъ брошенъ. Соціализмъ не могъ ни въ нѣсколько дней, ни даже въ нѣсколько недѣль, привить странѣ демократическіе взгляды. Расчетъ буржуазіи оправдался; можно даже сказать больше: первый результатъ всеобщаго голосованія превзошелъ всѣ ея ожиданія: коммунизмъ, правда, былъ раздавленъ, но зато роялисты достигли неожиданнаго успѣха, получивъ сразу въ Учредительномъ Собраніи 450 мѣстъ изъ 900. Провинція, за исключеніемъ крупныхъ центровъ, голосовала, конечно, массами за монархистовъ всѣхъ кате-

горій. Даже въ Парижѣ, этомъ городѣ Революціи, огромное большинство высказалось скорѣе за буржуазную Республику, чѣмъ за социальную: въ то время какъ Ламартинъ собралъ 259000 г., Луи Бланъ стоялъ въ хвостѣ листа, въ концѣ списка, получивъ едва 121000 г. Это было первое поражение социализма.

Наличный составъ социалистовъ въ Собраніи былъ довольно великъ, и среди нихъ встрѣчались громкія, любимыя пролетаріатомъ имена Консидерана, Косидьера, Флокона, Гамбона, Распайля, Грешпо, Жана Рейно, Лагранжа, Піа, и др.; но надѣяться имъ ужъ не на что было, нечего было ожидать никакихъ реформъ. Время ихъ прошло. Медлительность погубила ихъ дѣло. Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло съ 25 февраля до 4 мая, а они все медлили и ждали. Они выводили лишь иногда толпы народа на общественныя площади, какъ 17 марта, напр., или 16 февраля, но, лишеныя твердыхъ цѣлей, они не сумѣли бы воспользоваться побѣдой, если бы имъ даже удалось одержать ее. Имъ больше ничего не оставалось теперь дѣлать, какъ безучастно слѣдить за ходомъ событій, продолжавшихъ развертываться съ какой-то фатальной послѣдовательностью. Прежде всего были исключены ихъ представители изъ Исполнительной Комиссіи; затѣмъ были отвергнуты ихъ предложенія и Луи Блана въ томъ числѣ, который 10-го мая потребовалъ учрежденія Министерства Труда. Но средней буржуазіи, заключившей союзъ съ крупными землевладѣльцами и капиталистами (и тѣ и другіе были монархистами и клерикалами, первые по традиціи, вторые по расчету и изъ страха),—этой буржуазіи мало было провалить опасныя, противныя ей классовымъ привилегіямъ предложенія. Палата желала отнять у грозно волновавшагося извнѣ пролетаріата всякую возможность къ возмущенію; она не желала спокойно ждать штурма народнаго возстанія, она хотѣла сама назначить ему время и предупредить бунтъ мас-

совыми убійствами. Не являлись ли для этого національныя мастерскія самымъ лучшимъ предлогомъ, самой дѣйствительной провокаціей тогда, когда она сочтетъ моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій подходящимъ?

Х. 15 мая произошло событіе, которое сразу вырыло глубокую пропасть между мелкой буржуазіей и рабочими массами, событіе неопредѣленное, беспорядочное, безцѣльное, даже бессмысленное, обратившееся въ пользу реакціи и явившееся въ исторіи какъ бы предвѣстникомъ Іюня.

Виѣшнія, или, скорѣе, европейскія политическія событія, революція, охватившая весь континентъ, внезапно вторгаются во внутреннюю жизнь Франціи. Слишкомъ узкія рамки чисто національныхъ волненій рушатся, и парижскія массы захватываются ураганомъ боевого интернаціонализма. Не на однихъ только берегахъ Сены народъ обрушился на старыя учрежденія: и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Италіи, вездѣ повторилось это страшное нападеніе. Пролетаріатъ столицы въ первый разъ почувствовалъ свое братство съ пролетаріями всей земли; до сихъ поръ онъ еще смутно сомнѣвался въ великой истинѣ, формулированной Марксомъ и Энгельсомъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ и не воспринятой еще всѣми, какъ безспорная аксіома: солидарность всѣхъ обездоленныхъ, несмотря ни на какія раздѣляющія ихъ искусственныя, воздвигнутыя вѣками перегородки.

Польское возстаніе болѣе всякаго другого волновало Парижъ, и всѣ взоры были обращены на эту Францію Сѣвера. Политика Исполнительной Комиссіи и Учредительнаго Собранія всѣми осуждалась, ихъ упрекали въ слабости, въ страхѣ передъ виѣшними абсолютистами, въ молчаливомъ потворствѣ подготовлявшимся жестокимъ репрессіямъ. Очень характернымъ для этого поколѣнія нашихъ предковъ является то обстоятельство, что, спустя немного больше года, событіе 15 мая вновь повторилось, и Ледрю-Ролленъ высту-

пиль на улицу во имя Римской Республики, какъ раньше Барбесъ и Бланки—во имя поляковъ.

Но событіе 15 мая имѣло еще одну сторону, которая сильно осложнила его первоначальный смыслъ, и, именно, эта спутанность его, эта множественность направлений, и обуславливали, вѣроятно, ту непростительную нерѣшительность, которая была причиной всѣхъ неудачъ этого дня. Соціалисты, которые порывались защитить права, выступали въ защиту правъ „Сѣверной Франціи“, не забывая и пролетарскихъ требованій; они не могли забыть ихъ, ибо три мѣсяца нищеты, пожертвованныхъ для Республики, уже прошли. Когда 150-тысячная толпа парижанъ, созванная клубами, тянулась по бульварамъ, она выражала своими возгласами симпатіи Польшѣ; наводнивъ Учредительное Собраніе, она продолжала непрерывными криками требовать освобожденія Польши; но скоро Бланки взшелъ на трибуну и изложилъ экономическія и соціальныя требованія предмѣстій. Барбесъ, по своему обыкновенію, чтобы не оставить первенство за своимъ противникомъ, пошелъ еще дальше и объявилъ абсолютно необходимымъ налогъ на богатыхъ въ одинъ миллиардъ. Одновременно слышны были громкіе крики: „Да здравствуетъ Польша“ и „Да здравствуетъ Организація Труда“. И вотъ посреди этого гама Губеръ объявляетъ о распущеніи Учредительнаго Собранія, и читается списокъ членовъ новаго правительства, въ которое вошли Луи Бланъ, Бланки, Барбесъ, Распайль, Лагранжъ, Консидеранъ, Прудонъ, П. Леру и другія. Въ общемъ, въ этотъ день социализмъ какъ бы пошелъ на штурмъ консервативной буржуазіи. Это начинался Февраль противъ строя, порожденнаго Февралемъ, но все болѣе и болѣе захватываемаго аристократіей. Но попытка нападенія была сдѣлана слишкомъ поздно, потому что новые правители успѣли ужъ вооружиться и настроить весь административный механизмъ. Поэтому народное возстаніе, подавленное и ус-

миренное, привело только къ усиленію реакціи и къ укрѣпленію ея намѣренія — устранить лѣвую опасность и окончательно уничтожить красный призракъ. 15 мая въ Учредительномъ Собраніи въ первый разъ сдѣлано было утѣрное признаніе, что „съ этимъ пора покончить“—слова, которыя съ тѣхъ поръ до самаго кауна Іюня такъ часто тамъ повторялись.

Поступки Барбеса и Бланки, разъединенныхъ, вовлеченныхъ помимо ихъ собственнаго желанія въ авантюру, которую они считали слишкомъ смѣлой, были на руку только противникамъ пролетаріата. Начиная съ этого дня, мелкая буржуазія, ужаснувшаяся страшнаго появленія предмѣстій, начала соціальной Революціи, сомкнутыми рядами идущей впередъ, перешла на сторону правящихъ классовъ. Когда союзъ былъ уничтоженъ, рабочій классъ, не имѣя никакой организаціи, оказался въ полной власти „трехцвѣтныхъ“, которые, ужъ не скрываясь и не стыдясь, примкнули къ крайней правой въ Палатѣ. Событія быстро надвигались.

XI. Вечеромъ 15 мая Гарнье Пажэ воскликнулъ въ Учредительномъ Собраніи: „намъ нужна республика прочная, благопристойная и умѣренная“. Буржуазія приступила къ дѣлу. Прежде всего были закрыты клубы; въ средѣ депутатовъ поднялась цѣлая буря возмущенія противъ этихъ народныхъ союзовъ, возведшихъ Барбеса и Бланки, этого настоящаго вожди пролетаріата, на національную трибуну. Затѣмъ попросили у Палаты разрѣшенія на преслѣдованіе Луи Блана; противъ него нельзя было выдвинуть ни одного яснаго обвиненія, и въ своемъ докладѣ, гдѣ онъ доказываетъ необходимость лишить бывшаго члена временнаго правительства законныхъ гарантій, Жюль Фавръ ссылается только на его экономическія ошибки. Въ сущности, всѣ знали, что Луи Бланъ, становившійся все болѣе и болѣе умѣреннымъ, все болѣе и болѣе отдаляв-

шійся отъ своихъ первоначальныхъ политическихъ взглядовъ, не былъ освѣдомленъ о приготовленіяхъ къ возстанію. И всего только большинствомъ 32 гол., 369 противъ 337, было принято предложеніе о преданіи его суду.

Тогда всѣ усилія буржуазіи сосредоточились на распущеніи національныхъ мастерскихъ. Она готова была вызвать междоусобную войну, потому что была вполнѣ увѣрена въ своихъ силахъ, сконцентрированныхъ въ Парижѣ. Часъ для рѣзни насталъ; клерикалы и умѣренные республиканцы, по соглашенію, гигантскими шагами приближались съ администраціей и правительствомъ къ рабочей Варооломеевской ночи. Для всѣхъ было ясно, что увольненіе пролетарскихъ легионовъ, собранныхъ въ столпцѣ, не обойдется безъ возмущенія и безъ кровопролитія. Нельзя было предположить, что 100,000 чел., которымъ такъ щедро расточали различныя обѣщанія, и которымъ положительно нечего было терять, покорно согласятся на немедленную и страшную нужду. Вся исторія прошлаго вѣка не даетъ, быть можетъ, ни одного столь драматическаго эпизода, какъ эти 40 дней, протекшіе между 15 мая и возстаніемъ Сентъ-Антуанскаго предместья. Приведемъ теперь болѣе точныя даты; здѣсь ужъ не слѣдуетъ пренебрегать подробностями.

20 мая Сентъ-Ромъ докладываетъ Учредительному Собранію о всѣхъ ушущеніяхъ въ организаціи мастерскихъ; онъ наираетъ на финансовый дефицитъ, увеличивающійся съ каждымъ днемъ. Онъ заявляетъ себя врагомъ всякихъ жестокостей, но умоляетъ своихъ коллегъ найти какой-нибудь выходъ, который удовлетворилъ бы всѣхъ. Трела, министръ общественныхъ работъ, выражается почти въ томъ же самомъ смыслѣ. 22 мая Тома, директоръ мастерскихъ, совѣтуетъ разослать рабочихъ по департаментамъ. 24 Трела пишетъ ему, что издастъ приказъ, пригласающій

всѣхъ холостыхъ рабочихъ отъ 18 до 25 лѣтъ вступить въ ряды арміи.

27-го статья, появившаяся въ неофициальномъ отдѣлѣ „Moniteur“а, оповѣщаетъ о намѣреніи правительства закрыть мастерскія, причемъ тамъ прибавляется, что оно, конечно, не забудетъ оказать должную помощь рабочимъ; тонъ становится болѣе смѣлымъ и угрожающимъ. 30-го Фалю, вождь ультрамонтанцевъ, читаетъ докладъ, состоящій изъ цѣлаго ряда обвиненій противъ мастерскихъ. „Онѣ, сказали онѣ, поддерживаютъ только бездѣльниковъ; онѣ превращаютъ жалованье въ какую-то недостойную милостыню. Необходимо, пока что, установить новый порядокъ и ввести урочную работу, вмѣсто практиковавшейся старой системы. Поступить иначе—значитъ поддерживать постоянную безработицу, сохранять очагъ вѣчныхъ волненій, потворствовать каждодневному, самому возмутительному хищничеству“.

Первый шагъ сдѣланъ: модерантизмъ Національнаго Собранія исчезаетъ, и наступаетъ время рѣшительныхъ дѣйствій

3 іюня Исполнительная Комиссія предлагаетъ мѣрамъ впредь не выдавать рабочимъ паспортовъ для поѣздки въ Парижъ, если тѣ не сумѣютъ доказать, что найдутъ тамъ работу. 5 іюня она распускаетъ бригаду (группу) столяровъ и затѣмъ бригаду землеконовъ подъ предлогомъ нарушенія ими дисциплины. Между 7 и 10 іюня производится множество арестовъ за устройство мятежныхъ сборищъ среди населенія предмѣстій, какъ бы предчувствовавшего собирающуюся надъ нимъ грозу. Избраніе Прудона и Пьера Леру, первого 77 тыс., второго 91 тыс. голосовъ, избраніе, свидѣтельствовавшее о непоколебимой стойкости парижскаго пролетаріата противъ реакціонныхъ поползновеній, еще болѣе ожесточаетъ буржуазію. Трела читаетъ проектъ, гдѣ онъ требуетъ ассигновки новыхъ трехъ милліоновъ на мастерскія. Тогда освѣдомляемый и наущаемый Тома

Фалю, занявшій мѣсто „трехцвѣтныхъ“ въ дѣлѣ соціальныхъ репрессій, возстаетъ противъ такого грабительства казны. 16 іюня Гудшо повторяетъ лишь въ измѣненномъ видѣ рѣчь Фалю и обвиняетъ мастерскія въ деморализаціи рабочихъ. 19-го Тюркъ вноситъ проектъ чрезвычайно свирѣпаго указа, требующаго отъ рабочихъ возвращенія на родину. Затѣмъ, 20-го, Фалю читаетъ новый докладъ, гдѣ онъ еще одинъ разъ соглашается ассигновать просимые 3 милліона, но настаиваетъ на возможно скорѣйшей ликвидаціи. Викторъ Гюго доказываетъ, что не нужно принимать крутыхъ мѣръ, и что мастерскія можно еще преобразовать. Коссидьеръ находитъ, что слѣдовало бы употребить рабочихъ для распаханія новой земли. 22-го Фалю опять возвращается къ этому и высказывается за немедленное закрытіе мастерскихъ. Къ Мари отправляется делегачія отъ рабочихъ, чтобы просить правительство исполнить послѣдній актъ гуманности. Мари отвѣчаетъ ей, что употребить силу противъ тѣхъ, кто не захочетъ подчиниться: мастерскія отжили свой вѣкъ.— Первую часть своей программы буржуазія выполнила: пролетаріатъ выброшенъ на улицу; скоро она сразитъ его; оружіе наготовѣ.

XII. Событія іюня 1848 г. являются, несомнѣнно, самыми крупными изъ всей исторіи гражданскихъ войнъ въ Европѣ. Если приемотрѣться къ главнымъ событіямъ въ теченіе этого трехдневнаго сраженія, то смыслъ ихъ окажется настолько яснымъ, что не оставляетъ мѣста никакимъ разногласіямъ на этотъ счетъ. Прежде всего, этого взрыва общественнаго негодованія желали въ правящихъ сферахъ и умышленно готовили его: вся долгая исторія національныхъ мастерскихъ вполне устанавливаетъ это положеніе. Оно еще болѣе подтверждается тѣмъ, что консервативное большинство въ Учредительномъ Собраніи систематически и высокоумно отказывалось отъ всякаго примиренія, какъ только пер-

выя баррикады были воздвигнуты въ Парижѣ. Оно съ какой-то угрюмой радостью приняло извѣстіе о возстаніи народа; когда Консидерантъ въ первый день битвы требовалъ, чтобы выпустили манифестъ къ заблудшимся, его встрѣтили ужасными криками: „это убійцы! это убійцы!“ Оратора лишили слова, и засѣданіе закрыли. Коссидьера, который настаивалъ на требованіи, обозвали бунтовщикомъ.—Въ томъ, что возстаніе было вызвано исключительно закрытіемъ мастерскихъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы не желаемъ сказать этимъ, что столкновеніе между буржуазіей и рабочими раньше или позже не произошло бы: оно было неизбежно и вытекало изъ самой логики вещей, но отвѣтственность за него, тѣмъ не менѣе, все-таки падаетъ на тѣхъ, кто воспользовался имъ для своихъ собственныхъ цѣлей.

Затѣмъ, это возстаніе не имѣло вождей—обстоятельство чрезвычайно характерное, ибо оно доказываетъ, что интриги честолюбцевъ и личныя стремленія не имѣли никакого отношенія къ этому возмущенію, что оно просто явилось штурмомъ одного общественнаго сословія на другое. Можно даже сказать, что ни разу въ теченіе этого вѣка классовый антагонизмъ не выразился такъ ярко, какъ тутъ. Это не только армія во имя установленныхъ властей, а весь правящій классъ, вооруженный въ лицѣ своей національной гвардіи, напалъ на рабочія массы, скученныя въ восточныхъ и южныхъ предмѣстьяхъ столицы, обнаруживая при защитѣ своей собственности и своихъ угрожаемыхъ интересовъ смѣлость и энергію, которыхъ у него не оказалось 2 декабря для защиты своихъ свободъ.

Мелкая буржуазія порвала узы, соединявшія ее съ пролетаріатомъ, и съ 15 мая перешла на сторону социальнаго консерватизма. Она стала ярымъ врагомъ социализма и очень усердно распространяла всякаго рода сказки о дѣлежахъ. Это она, несомнѣнно, своимъ внезап-

нымъ, но въ сущности вполне естественнымъ отпадениемъ, нанесла самый страшный ударъ республиканской демократіи, — это изъ ея рядовъ пошла самая возмутительная клевета на людей баррикадъ. Вся провинція была глубоко возмущена парижскимъ возстаніемъ; національные гвардейцы изъ сосѣднихъ съ столицей городовъ спѣшили на помощь правительству, а крестьяне, озлобленные противъ государственнаго строя, увеличившаго бремя ихъ податей, и полные ужаса передъ ловко искаженными теоріями друзей Луи Блана, безучастно смотрѣли на нихъ, не будучи въ состояніи понять того великаго событія, которое разыгрывалось въ нѣсколькихъ лье отъ ихъ деревень.

Имѣло ли, по крайней мѣрѣ, это возстаніе какую-нибудь программу? Стремился ли пролетаріатъ къ захвату власти, чтобы учредить новую социальную систему, провести ясно представляемыя имъ реформы? Нѣтъ, массы, бросившіяся въ іюнѣ на учрежденныхъ властей, ничуть не заботились о теоріяхъ: одна только нужда выгоняла ихъ изъ своихъ лачугъ, ужасная нищета заставляла ихъ предпочитать внезапную смерть на баррикадахъ медленной смерти отъ пауперизма. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ неопредѣленная фраза (формула) „организация труда“ ублаживала пролетаріевъ, какъ взрослыхъ дѣтей, ожидающихъ всего отъ отцовскаго могущества. Они поддались обаянію словъ, повѣрили въ превосходство того правленія, которое называлось Республикой, они понадѣялись на всемогущество Люксембургской Комиссіи. Проникнутые страданіемъ, они возмущались противъ такого порядка вещей, который губилъ ихъ, совершенно не зная, какимъ общественнымъ статутомъ замѣнить старый. Несмотря на чрезвычайно быстрое распространеніе идей социализма въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ, у него не было еще организациі. Граждане написали въ іюнѣ на своихъ знаменахъ то же, что ліонцы въ 1831 году: „Работы или пуль“ („Жить, рабо-

тая, или умереть, сражаясь“). Ихъ вождельнія вовсе не шли дальше какого-то туманнаго коммунизма безъ всякой прочности и практической цѣнности.

Такая беспорядочная толпа не могла, конечно, одержать побѣду и, даже побѣдивъ, не смогла бы надолго сохранить за собой господство. Всѣ чудеса, совершенныя Революціей, должны были остаться безплодными. Введеніе военнаго положенія отдало Парижъ во власть арміи, а отставка исполнительной комиссіи сдѣлала Кавеньяка всевластнымъ диктаторомъ. Линейныя войска не могли ужъ въ этотъ разъ перейти на сторону непріятеля, потому что они знали, что имъ нельзя ожидать ничего хорошаго для себя отъ побѣды пролетаріата. И къ концу трехдневнаго ужаснаго сраженія, сопровождавшагося почти безпримѣрными жестокостями, послѣднія баррикады пали.

Побѣда была на сторонѣ буржуазіи, но далась она лишь съ помощью меча. Диктатура Кавеньяка была ступенькой къ цезаризму. И съ того самаго дня, какъ Учредительное Собраніе и вышедшее изъ него правительство поступились своими полномочіями въ пользу генерала, военная власть высоко поднялась надъ ослабѣвшей гражданской; капиталистическая Республика, спасенная солдатами, была осуждена умереть отъ ихъ жерукъ.

Настоящими заправилами Іюньской авантюры были ультрамонтанскіе клерикалы и главный банкъ; Фалю какъ бы воплотилъ въ себѣ весь этотъ походъ противъ пролетаріата, всю программу „необходимаго“ кровопусканія. Крайняя правая была, понятно, въ восторгѣ отъ всего происшедшаго, и объявила войну Февральскимъ учрежденіямъ. Слишкомъ поздно открыла мелкая буржуазія свое преступленіе. Когда 29 іюня 100.000 національныхъ гвардейцевъ церемоніальнымъ маршемъ проходили передъ депутатами и кричали „долой Гору!“, она почувствовала, что была вовлечена въ борьбу противъ рабочихъ.

Побѣдители были безжалостны; казни и ссылки, практикуемая не только по отношенію къ инсургентамъ, но и къ мирнымъ зрителямъ, слѣдовали однѣ за другими. Луи Бланъ и Коссидьеръ, отданные въ добычу реакціонной ярости, были объявлены виновными и заключены въ тюрьму. Но всѣ драконовскія наказанія, примѣненные къ отдѣльнымъ личностямъ, совершенно ступшеваются передъ громаднымъ фактомъ ужаснаго пораженія всего французскаго пролетаріата, этого страшнаго разгрома, который на долгое время обезсилилъ его. Пролетаріатъ на цѣлыхъ 22 года сходитъ со сцены; самая мысль его какъ будто замираетъ; и только виѣшній толчекъ впоследствии расшевелитъ его, только онъ возбудитъ въ немъ искру жизни. А на его руинахъ расцвѣтъ капитализмъ, этотъ великолѣпный, могущественный и исполненный яда цвѣтокъ, питаемый окровавленной землей.

VII.

Іюнь—Сентябрь.

I. Общественныя событія отъ іюня 1848 года до 4 сентября 1870 г. заслуживаютъ посвященія имъ отдѣльной главы. Характерныя черты этого сравнительно продолжительнаго періода выступаютъ, впрочемъ, весьма опредѣленно, чисто виѣшнее различіе явленій ничуть не нарушаетъ ни непрерывности событій, ни самой логики пролетарской эволюціи, столь тѣсно связанной съ эволюціей экономической.

Періодъ отъ іюня до декабря 1851 г. чрезвычайно богатъ событіями, главнымъ образомъ, въ сферѣ классовой борьбы, которая, становясь все болѣе и болѣе острой начиная съ 1830 г., теперь дѣлается особенно запутанной. Позже, во время длиннаго тяжелаго сна, навѣяннаго на Францію имперіей, эта безпрестанная борьба выражалась съ виѣшной стороны далеко не такъ живо, но тѣмъ не

менше глубокий слѣдъ оставила она за собой во внѣшней исторіи. Наконецъ, въ послѣдніе дни бонапартистскаго режима спова наблюдается подъемъ этой борьбы, и она проявляется такъ интенсивно, что послѣдующее возникновеніе Коммуны должно было явиться какъ бы логическимъ завершеніемъ ея.

Двадцатидвухлѣтній періодъ, начало и конецъ котораго отмѣченъ двумя рабочими возстаніями, можетъ быть раздѣленъ на 2 части, очень различныя по своей продолжительности и по своему значенію. Первая, начиная съ варварскаго парижскаго усмиренія и продолжая до манифеста 60-ти, до выборовъ 1863 года, является временемъ продолжительнаго упадка для пролетаріата; даже идеологія его ослабѣваетъ; неопредѣленныя тенденціи къ коммунизму, которыми онъ былъ проникнутъ въ первыя нѣсколько недѣль существованія Временнаго Правительства 1848 г., уступаютъ мѣсто покорному сознанію своего собственнаго безсилія. Изъ всей плеяды писателей юльскои Монархіи одинъ только Прудонъ продолжаетъ развивать свою прекрасную систему, и хотя онъ и выпускаетъ книгу за книгой и совершенствуетъ даже самую форму своей діалектики, все же запасъ его идей какъ будто истощается. Ни теоріи, ни практики—вотъ краткая характеристика этого періода. Соціализмъ былъ пораженъ въ лицѣ своихъ вожаковъ, а городскія предмѣстья, подъ вліяніемъ Кавеньяковскихъ казней и ссылокъ, утратили свой лучшій цвѣтъ. Тишина и порядокъ царствуютъ на улицахъ, тогда какъ въ городахъ воцарился настоящій хаосъ. Побѣжденный рабочий классъ корчится подъ игомъ торжествующей буржуазіи: онъ не только усмиренъ, онъ какъ бы совершенно исчезъ.—Затѣмъ, къ выборамъ 1863 г., наступаетъ внезапное и блестящее пробужденіе. Чисто пролетарское самосознаніе вновь проникаетъ въ массы, и начинаются робкія попытки демонстрацій: тогда же появляется главное и послѣднее произведеніе Прудона о „силахъ рабочаго

класса". Но это внезапное пробужденіе работниковъ не приводитъ къ новому подъему революціонной мысли; находясь всецѣло подъ вліяніемъ Прудоновскаго мутуализма, она вырождается въ безплодный кооператизмъ, охотно покровительствуемый властями, чтобы въ свое время прибрать его къ своимъ рукамъ. Можно сказать, что вся духовная сила и вся энергія французскаго пролетаріата были какъ бы исчерпаны и истощены страшнымъ іюньскимъ кризисомъ, и что дѣти казненныхъ и возвращенные ссыльные какъ будто постоянно видѣли передъ своими глазами ужасныя картины этихъ кровавыхъ дней. Ихъ не только отталкивали насильственные методы дѣйствія, но даже смѣлыя теоріи, подкапывающіяся подъ частную собственность, и такимъ образомъ, несмотря на общій подъемъ рабочей массы, пролетаріи погружаются въ бездѣятельность, безцѣльно уклоняясь въ разныя стороны, пока внезапный и сильный толчекъ со стороны Германіи не смѣшалъ въ Интернаціоналѣ въ одну кучу и русскихъ, и французовъ, и пруссаковъ, и австрійцевъ, и англичанъ, и швейцарцевъ, и испанцевъ. Тогда, наконецъ, подъ вліяніемъ этого всемірнаго соглашенія, наступаетъ конецъ долговременному умственному упадку, вызванному прошлыми репрессіями. Создается связующее звено между 1848 и 1871 годами.

Имперія служила точкой соприкосновенія для всѣхъ классовъ стремленій тогдашнихъ классовъ. Издали это переходное учрежденіе, явившееся результатомъ преступнаго покушенія на общественную свободу, представляется намъ простымъ насиліемъ. Но историческій матеріализмъ учитъ насъ, что великія событія, коими воздѣлывается нива народной жизни, имѣютъ причины болѣе отдаленныя, лежащія во внутреннихъ измѣненіяхъ, въ структурѣ даннаго государства. Цезаризмъ успливался по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ ослабѣвалъ: явленіе обычное. Военная диктатура Бонапарта служила для имущихъ классовъ не только щитомъ противъ посягательствъ го-

людныхъ массъ,—она была желанна или терпима всѣми общественными сословіями, разсматриваемыми какъ одно цѣлое, ибо каждое изъ нихъ въ отдѣльности надѣялось извлечь частныя выгоды для себя изъ паденія Респуб-
лики. Мелкіе буржуа, рабочіе, крестьяне надѣялись, что авантюристъ Страсбурга и Булони будетъ править въ ихъ интересахъ, что онъ уменьшитъ долги, возвѣститъ наступленіе равенства, или уничтожитъ подати. Борьба Луи Бонапарта противъ партіи Порядка, т. е. противъ правой въ Законодательномъ Собраніи, представляетъ съ общественной точки зрѣнія лишь незначи-
тельный интересъ, ибо партія Порядка, т. е. олигархическое большинство въ парламентѣ, отвѣчала не какимъ-либо экономическимъ потребностямъ, а лишь совершенно эфемернымъ, преходящимъ цѣлямъ. Такимъ образомъ, „немножко грубая“ по выраженію де-Вогэ „полицейская операція“ 2 декабря явилась лишь естественнымъ завершеніемъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ эпизодовъ. Возстановленіе Имперіи получило такой характеръ, что значительно превзошло по своему значенію какое-нибудь простое политическое событіе.

Въ теченіе этого режима преобладающее значеніе принадлежало первоначально крестьянскому сословію, осуществившему выборы 10 декабря, но очень скоро его мѣсто заняли средняя и крупная буржуазія, которымъ удалось отклонить всю систему отъ ея первоначальныхъ принциповъ и подчинить ее своимъ собственнымъ властолюбивымъ стремленіямъ. Событіе 10 декабря 1848 г., т. е. избраніе Луи Бонапарта президентомъ,—избраніе, уже заключавшее въ себѣ зародыши 2 декабря 1851 г., т. е.—государственнаго переворота,—имѣетъ ту сходную черту съ началомъ революціи 1789 г., что оно, какъ и эта послѣдняя, было дѣломъ крестьянъ. Этимъ разсѣянные по деревенскимъ полямъ хлѣбопашцы какъ бы метили за обиды, нанесенныя имъ вышедшимъ изъ городскихъ баррикадъ февральскимъ Временнымъ Правительствомъ.

Но, хотя крестьянскія массы и были дѣйствительными виновниками наполеоновскаго абсолютизма при второй Имперіи, точно также, какъ и при первой, они почти сейчасъ же были покинуты тѣмъ самымъ правительствомъ, которое было обязано самымъ своимъ появленіемъ лишь ихъ голосамъ. Наполеонъ III всю сельско-хозяйственную промышленность и все, что относится къ земледѣлію, принесъ въ жертву промышленности и торговлѣ—этими двумъ господствующимъ элементамъ, совершившимъ іюльскую и февральскую революціи и унаслѣдовавшимъ благосклонность власти.

Сама экономическая эволюція какъ бы работала въ ихъ пользу. Ихъ богатства возрастали вмѣстѣ съ развитіемъ средствъ сообщенія, которое выдвигалось, какъ первая необходимость; и въ теченіе всей исторіи этого вѣка не было періода, который ознаменовался бы столь невѣроятнымъ увеличеніемъ общественныхъ богатствъ, какъ это было въ первыя восемь лѣтъ Имперіи. Устройство желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, усовершенствованіе орудій производства дали колоссальный толчекъ торговлѣ, и такъ какъ этотъ всеобщій подъемъ былъ характеренъ не для одной только Франціи, а совершался и всюду кругомъ, то господствовавшее до іюньскихъ событій классы вновь вернули себѣ все свое вліяніе и высокомеріе. Связанная теперь съ крупной буржуазіей общностью интересовъ и прерогативъ, мелкая буржуазія, нѣкогда наполнявшая кадры національной гвардіи, старалась теперь не вызывать больше никакихъ разногласій, и именно въ этомъ самопроизвольномъ соглашеніи двухъ могущественныхъ общественныхъ слоевъ Имперія находила главную поддержку.

Но, по исполнѣ понятному и уже отмѣченному нами противорѣчію, чѣмъ больше богатѣла средняя буржуазія, тѣмъ болѣе бѣднѣла мелкая, а тѣмъ временемъ все увеличивающееся число пролетаріевъ должно было все болѣе и болѣе взаимно тѣснить другъ друга. Наступить,

наконецъ, такой моментъ, когда 3 социальныя группы, сознательно или бессознательно возстановившія Имперію, обратились противъ нея, тогда какъ остальные двѣ, которымъ она обязана была въ значительно меньшей степени, поддерживали ея основы.

Въ то время какъ правящіе классы во всемъ мірѣ расширяли свои богатства, благодаря небывалому развѣтлю сразу удвоившагося и утроившагося обмѣна, положеніе рабочаго класса на обоихъ полушаріяхъ все ухудшалось, и крайняя степень нищеты превосходила обычную норму. Общность страданій гораздо больше содѣйствовала сближенію рабочихъ, чѣмъ тождество ихъ стремленій или теоретическая пропаганда. Интернаціональ долженъ былъ отвѣчать крупнымъ измѣненіямъ экономическаго свойства, вызваннымъ съ 1848 г. торжествомъ машиннаго производства во всехъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Онъ не былъ созданіемъ какого-нибудь единичнаго мыслителя, ни орудіемъ нѣсколькихъ честолюбцевъ. Идея его принадлежала всему, или, вѣрнѣе, явилась продуктомъ цѣлой эпохи. Авторы вступительнаго манифеста Интернаціонала не говорили въ немъ ничего отъ самихъ себя; они совершенно не ударялись въ экономическую метафизику; ни одной секунды не потратили они на пустое фантазированіе; они лишь въ неизгладимыхъ чертахъ изобразили современную эволюцію, еще болѣе опредѣлившуюся со времени изданія Коммунистическаго Манифеста. Вотъ почему со стороны правителей было лишь новымъ безуміемъ воображать, что драконовы законы и нѣсколько судебныхъ процессовъ въ состояніи будутъ подавить этотъ великій порывъ къ братству народовъ, неизбежное торжество коего не остановятъ никакія, проведенныя дипломатіей, условныя границы.

II. Реакціонное изувѣрство іюньскихъ побѣдителей выразилось не только въ гоненіяхъ на отдѣльныхъ личностей: они яростно выказывали свою ненависть къ

принципамъ, провозглашеннымъ или осуществленнымъ февральской Республикой при ея зарожденіи, и приступили къ форменному осужденію социализма. Казнивъ людей, они пытались уничтожить, или воображали, что сумѣютъ искоренить и идею. Три чрезвычайно характерныхъ дебата, въ которыхъ ярко отразилось ослабленіе рабочаго представительства въ парламентѣ, при одновременномъ усиленіи грубой мощи имущихъ классовъ, имѣли мѣсто въ Учредительномъ Собраніи въ іюль—августъ и сентябрь 1848 г. Онъ заключалъ въ себѣ полное осужденіе всей работы Временнаго Правительства.

Членъ Собранія Прудонъ внесъ предложеніе, въ которомъ онъ резюмировалъ одну изъ своихъ любимыхъ идей о передачѣ въ общественное распоряженіе трети всѣхъ арендныхъ, квартирныхъ и процентныхъ денегъ. Онъ думалъ этимъ одновременно создать фискальные источники и организовать кредитъ. Такъ какъ онъ исчислялъ весь доходъ въ 3 миллиарда, то Государство 1½ миллиардами могло бы замѣнить налоги, а на остальные 1½ миллиарда основать банкъ, о которомъ мечтали апостолы мутуализма. Тьеръ выступилъ докладчикомъ по этому предложенію и, какъ всегда, выказалъ себѣ непоколебимымъ защитникомъ классической экономіи, шагъ за шагомъ оспаривая всякія социалистическія или связанныя съ социализмомъ ученія. Съ одной стороны, онъ упрекалъ Прудона въ отрицаніи частной собственности, съ другой же стороны, обвинилъ его въ томъ, что подъ видомъ временной финансовой операціи онъ скрываетъ свои антиобщественные планы. Вызванный на трибуну, великій мыслитель пытался показать, какой характеръ должна была въ дѣйствительности принять Революція, и какимъ измѣненіямъ, по его мнѣнію, долженъ подлежать принципъ владѣнія—собственность. Напрасно защищался онъ, заявляя себя противникомъ коммунизма, который, какъ мы уже знаемъ, онъ дѣй-

ствительно отвергалъ. Его шумно прерывали и ругали. Правая предложила открыто проголосовать формулу „порядка дня“, выражающую осужденіе этому проекту за посягательство на частную собственность и нравственность. Только Греппо и Прудонъ подали голосъ противъ этой формулы, Луи Бланъ голосовалъ за нее. Это голосованіе уже служить показателемъ того, какой огромный шагъ назадъ былъ сдѣланъ французской идеологіей. Какъ ни туманенъ былъ проектъ, внесенный въ Учредительное Собраніе, онъ все-таки заслуживалъ совѣсьмъ иного отношенія со стороны демократовъ; но это былъ лишь прологъ.

31 августа открылись дебаты по поводу знаменитаго декрета 2 марта, изданнаго Временнымъ Правительствомъ тотчасъ же вслѣдъ за паденіемъ королевской власти подъ давленіемъ народныхъ массъ и сократившаго рабочій день до 10 часовъ. Промышленная буржуазія, задѣтая этимъ постановленіемъ въ своихъ самыхъ жизненныхъ интересахъ, не переставала все время подкапываться подъ этотъ законъ. Пренія въ Учредительномъ Собраніи не представляютъ собой ничего достопримѣчательнаго. Пьеръ Леру защищалъ декретъ, Бюффе нападалъ на него, называя его уступкой заблуждающемуся мнѣнію. Участъ его не оставляла никакого сомнѣнія. 13 Сентября, опубликованнымъ въ „Moniteur“ въ распоряженіемъ, рабочій день былъ опять доведенъ до 12 часовъ; такимъ образомъ, простымъ росчеркомъ пера было уничтожено единственное практическое завоеваніе Февральской революціи.

Въ порядкѣ дня почти вслѣдъ за этимъ стоялъ вопросъ о „Правѣ на Трудъ“. Это право, провозглашенное Временнымъ Правительствомъ, было затѣмъ, по предложенію Марра, вычеркнуто изъ проекта Конституціи, по мотивамъ, которые не заслуживаютъ быть здѣсь приведенными. „Мы внесли въ Конституцію право жить трудомъ — право на трудъ. Эта формула оказалась дву-

смысленной и опасной. Можно опасаться, что она обратится въ награду праздности и распутства, можно опасаться, что она станетъ лозунгомъ мятежа для рабочихъ легионовъ, которые придадутъ этой формулѣ гораздо большее значеніе, чѣмъ она имѣетъ въ дѣйствительности“. Кроме того,—говорилъ Марра,—санкціонируя рѣшеніе, принятое послѣ Февральской революціи, государство тѣмъ самымъ косвенно признало бы то положеніе, что оно можетъ оцѣнивать способности каждаго человѣка и монополизировать промышленность. „А мы никогда не желали, чтобы государство могло составлять гибельную конкуренцію частной промышленности. Мы сочли бы себя преступниками, если бы хоть на минуту сдѣлали видъ, что протягиваемъ руку этимъ дикимъ ученіямъ, которыхъ альфа — уничтоженіе свободы, а омега — разрушеніе всякаго общественнаго порядка“.

Въ противовѣсъ заключеніямъ этого доклада, Матье изъ Дромъ вноситъ предложеніе включить право на трудъ въ Конституцію. По этому поводу возникли одни изъ самыхъ страстныхъ дебатовъ, когда-либо вызванныхъ въ Парламентѣ теоретическимъ разсмотрѣніемъ социальнаго вопроса; въ нихъ приняли участіе крупнѣйшіе ораторы того времени.

Послѣ рѣчи Пеллетье въ защиту дополненія, предложеннаго Матье изъ Дромъ, на трибуну взошелъ Токвилль, чтобы выступить противъ его. Онъ осуждалъ социализмъ, исходя изъ того въ сущности правильнаго положенія, что признаніе этого новаго права неминуемо привело бы къ коммунизму.—Что жъ такое представляетъ изъ себя социализмъ?

Это рѣшительный и энергичный призывъ, обращенный къ матеріальнымъ страстямъ человѣка. Онъ стремится къ возстановленію плоти и неограниченному потребленію, онъ посягаетъ на принципъ собственности; онъ не вѣритъ въ свободу и разумъ. Онъ является лишь

новой формулой человеческого рабства и въ этомъ отношеніи находится въ полномъ противорѣчій съ Революціей 1789 г. „Вы раздѣляете націю на собственниковъ и пролетаріевъ, Революція же желала уничтоженія всякихъ классовъ; ей не было дѣла до соціализма, она стремилась приложить къ политикѣ начала Христіанскаго милосердія“.

Матье изъ Дромъ кратко возразилъ на это, заявляя, что онъ не коммунистъ. Затѣмъ Ледрю-Ролленъ произнесъ длинную рѣчь, значеніе коей заключалось не столько въ приведенныхъ въ ней доказательствахъ, сколько въ томъ, что она ясно указывала на отношеніе мелкой буржуазіи къ все усиливающейся политической и соціальной реакціи. Лидеръ Горы заявляетъ, что онъ вовсе не стремится къ соціализму, но что признаніе права на трудъ ничуть не связано съ этимъ новымъ ученіемъ, и что даже Робеспьеръ включилъ его въ одинъ изъ своихъ докладовъ. Самый духъ Революціи ему не враждебенъ, „и мы намѣреваемся ее продолжать“... „Сама природа дала человѣку право жить: пусть же общество признаетъ его въ правѣ на трудъ, иначе горе ему!“ Юльская монархія была низвергнута за свою неподатливость. „Если вы не оставите мѣста никакимъ надеждамъ, то можно опасаться плачевныхъ раздоровъ для Республики“. Говорили еще Тьеръ, который имѣлъ огромный успѣхъ, стараясь совершенно дискредитировать соціализмъ и доказывая, что общество основано на нерушимыхъ принципахъ собственности, свободы и конкуренціи; Дюверте де Горанна—(противъ); Кремье, убѣжденія котораго, нѣкогда неустойчивыя, только окрѣпли, подъ вліяніемъ послѣднихъ событій; Консидерантъ, который требовалъ полного переустройства государства и просилъ предоставить ему 4 засѣданія для изложенія своихъ доктринъ; множество другихъ ораторовъ и въ концѣ Ламартинъ, занявшій по обыкновенію своему среднюю позицію и проповѣдывавшій любовное со-

глашеніе (мирное разрѣшеніе).—Сначала онъ старался объяснить свой образъ дѣйствій послѣ Февральскаго переворота. Если онъ признавалъ законодательную санкцію права на трудъ, то только потому, что понималъ его, какъ право не быть обреченнымъ на голодную смерть, право на существованіе. Но онъ вовсе не стоялъ за эту точную формулу, онъ согласенъ замѣнить ее „правомъ на трудъ или на общественное призрѣніе“. И онъ заканчиваетъ свою рѣчь слѣдующимъ воззваніемъ, которое, по его мнѣнію, должно разрушить всѣ затрудненія: „сердечность, сердечность, всюду сердечность!“

Матѣ взявъ назадъ свое предложеніе. Тогда Глэ Визуанъ снова внесъ его въ измѣненномъ видѣ, смягчивъ его нѣсколько подъ вліяніемъ Ламартина, и потребовалъ признанія права на существованіе трудомъ и вспоможеніемъ со стороны общественнаго призрѣнія. Предложенная даже въ этомъ, казалось бы, не столь уже страшномъ для крайнихъ модерантистовъ, видѣ, формула вызвала все-таки всеобщую бурю негодованія. Кто-то крикнулъ: „Это призывъ къ мятежу“, на что Визуанъ отвѣтилъ: „эта формула будетъ выставляться при всѣхъ голосованіяхъ, пока не будетъ признана въ общественномъ договорѣ“. Вся правая и центръ прерывали его и не давали ему говорить. Предложеніе было отвергнуто 596 голосами противъ 187. Всѣ социальныя институты, созданныя подъ давленіемъ народа послѣ Февральскаго переворота и охватившіе, по выраженію Маркса, со всѣхъ сторонъ Республику, были совершенно уничтожены; осталась только олигархическо-политическая Республика, устой которой были снесены лишь послѣдующей революціонной бурей.

III. 10 Декабря 1848 г.—этотъ громовой ударъ для оставшихся вѣрными демократовъ—явилось сложнымъ результатомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ факторовъ. Что въ то время этотъ результатъ вызвалъ всеобщее изумленіе, вполне понятно, но теперь, на болѣе

чѣмъ и чувѣковомъ разстояніи отъ этихъ событій, слѣдуетъ попытаться объяснить его, потому что политики, ссылающіеся на повѣтрія и непонятныя измѣненія въ настроеніи народнаго духа, или не понимаютъ сущности дѣла, или же избѣгаютъ кропотливыхъ изслѣдованій.

При первой своей попыткѣ въ 1836 г. цезаризмъ не имѣлъ во Франціи никакихъ шансовъ на успѣхъ; крупная буржуазія чувствовала себя достаточно обезпеченной Іюльскимъ государственнымъ строемъ отъ посягательствъ низшихъ слоевъ; крестьяне ничего не имѣли противъ правительства, которое дало имъ миръ и которое не обременяло и не угрожало ихъ землевладѣнію; пролетаріатъ же и мелкая буржуазія увлекались идеей Республики и не помышляли даже о реставраціи Имперіи. Въ 1840 г. обстоятельства ничуть не были болѣе благоприятными для цезаризма. Но достаточно было четырехъ мѣсяцевъ, протекшихъ съ 24 февраля до конца іюля 1848 г., чтобы перевернуть вверхъ дномъ сознаніе народа и направить всѣ общественные классы въ совершенно другую сторону. Потому-то, въ то время какъ Кавеньякъ на президентскихъ выборахъ получилъ голоса одной части средняго сословія, Ледрю-Ролленъ—группы мелкой буржуазіи и Распайль—только ничтожной части пролетаріата, Луи Бонапартъ вышелъ побѣдителемъ изъ избирательной кампаніи, привѣтствуемый и поддержанный огромнымъ большинствомъ французской націи.

Онъ тѣмъ болѣе увеличивалъ число своихъ сторонниковъ, чѣмъ большими правами надѣляло его верховное управленіе Республики и чѣмъ менѣе ограничены были его полномочія. Законъ ставилъ ему извѣстные предѣлы лишь во времени, и съ этой-то стороны должны были явиться всѣ будущія затрудненія. Народъ желалъ диктатуры, но каждая отдѣльная группа его придавала ей различное значеніе; онъ засыпалъ Наполеона своими избирательными бюллетенями, ибо старый заговорщикъ

былъ человѣкомъ многочисленнымъ, который своими признаніями, своими заявленіями, всѣмъ своимъ прошлымъ сумѣлъ дать какъ бы залогъ каждому элементу въ отдѣльности.

Господствующая группа сейчасъ же послѣ Іюньской побѣды стала искать хозяина—представителя сабли, деспотической власти, способной навести ужасъ на Революцію и водворить тишину и порядокъ. Кавеньякъ, несмотря на проявленную имъ жестокость при усмиреніи, все еще не удовлетворялъ ихъ; республиканскими заявленіями своими онъ сдѣлалъ себя подозрительнымъ. Мелкая буржуазія желала замаскированного абсолютизма, который, какъ она надѣялась, сталъ бы отстаивать ея дѣло, благопріятствовать ея интересамъ и далъ бы ей то, чего она напрасно ожидала отъ февральской Республики, а именно—доступъ ко всѣмъ высшимъ должностямъ. Малосознательный, истекшій кровью отъ недавнихъ репрессій пролетаріатъ, не будучи въ состояніи на нѣкоторое время дѣйствовать самостоятельно и организоваться для практическихъ цѣлей, готовъ былъ подчиниться соціальной диктатурѣ, разыгрывавшей изъ себя друга народа и сторонника крупныхъ рабочихъ реформъ. Крестьяне, наконецъ, были за Луи-Бонапарта по причинѣ вполне простой и легко понятной: онъ обѣщалъ осуществить ихъ вѣковыя притязанія и дѣйствовать какъ разъ обратно тому, что дѣлало Временное Правительство, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ.

Роль, которую сыграли крестьяне какъ при подготовленіи, такъ и въ послѣдствіи при возстановленіи Имперіи, слишкомъ очевидна, слишкомъ ясно бросается въ глаза, чтобы можно было не остановиться на ней снова. Вѣчно забываемые въ теченіе 60 лѣтъ пренебрегавшими ими, слѣдовавшими другъ за другомъ правительствами, которые видѣли въ нихъ лишь аморфную массу, способную лишь платить подати, крестьяне не отстаивали ни одного режима. Смѣны правительствъ и учрежденій совершенно

не волновали ихъ и не нарушали ихъ традиціонной невозмутимости. Они не привязались ни къ Наполеону I ни къ Реставраціи, ни къ Луи-Филиппу, которые послѣдовательно забирали ихъ сыновей для рекрутскаго набора и ихъ червонцы на общественные расходы. Всѣ результаты своей побѣды въ 1789 году они исчерпали тотчасъ же. Насильственную революцію они не въ состояніи были совершить уже по причинѣ своей разрозненности, а также вслѣдствіе нарочно поддерживаемаго въ нихъ умственнаго убожества; они не могли также выражать своихъ желаній при помощи избирательныхъ листковъ. 1848 годъ былъ для нихъ настоящей весной.

Получивъ всеобщее избирательное право, они могли бы теперь стать сторонниками Республики, послать демократическое большинство въ Учредительное Собраніе, но Временное Правительство совершило огромную ошибку, установивъ 45-сантимный налогъ. Крестьянскіе земельные участки, и безъ того чрезмѣрно обремененные податями и совершенно истощенные ипотеками, становились убыточными для своихъ владѣльцевъ. По всей странѣ, отъ одного конца ея до другого, крестьянскія массы глухо заволновались. Они воображали, что социалистическія доктрины немедленно будутъ осуществлены, что земля будетъ раздѣлена поровну между всѣми гражданами, что ихъ собственность, какова бы она ни была и откуда бы она ни исходила, будетъ у нихъ грубо отнята. Такимъ образомъ, одной фискальной мѣры оказалось достаточно, чтобы толкнуть нѣсколько милліоновъ избирателей на путь реакціи. Выборы въ Учредительное Собраніе дали самые прискорбные результаты въ большей части земледѣльческихъ округовъ. Теперь ужъ стало невозможно задержать это движеніе.

Пюньское возмущеніе лишь усилило и ускорило его. Старинная враждебность крестьянъ въ отношеніи большихъ городовъ превратилась въ какую-то дикую ненависть.

висть. Сельскій пролетаріатъ, систематически обманываемый представителями реакціи, неистово апплодировалъ звѣрскимъ убійствамъ, учиненнымъ надъ городскимъ пролетаріатомъ. Объединенные въ мало раціональный, но вполне понятный союзъ съ мелкими землевладельцами, сельскіе поденщики поклялись уничтожить республику, которая забыла о нихъ точно такъ же, какъ раньше ихъ забывала легитимистская или іюльская монархія. Луи Бонапартъ обѣщалъ имъ все: онъ имѣлъ быстрый, прямо-таки головокружительный успѣхъ, выпадавшій всегда во Франціи на долю тѣхъ, кто искалъ его у земледѣльческаго класса. 10 декабря было прежде всего дѣломъ крестьянъ. Оно было ихъ второй революціей—Жакеріей плебисцита послѣ Жакеріи пожаровъ и уничтоженія титуловъ. Городскіе рабочіе бросились въ объятія демократическаго социализма, мелкіе собственники крестьяне, наоборотъ, преклонились передъ тѣмъ, кто заранѣе занялъ себя представителемъ крестьянской диктатуры. Являясь результатомъ столь многочисленныхъ, разнородныхъ, даже противорѣчащихъ другъ другу причинъ, торжество Страсбургскаго и Булонскаго заговорщика носило характеръ двусмысленный, неопредѣленный.

И въ тотъ день, когда власть надъ Франціей оказалась въ его рукахъ, Имперія была создана.

IV. Чтобы уничтожить свободу и сломить сопротивление, ему достаточно было обмануть постоянно надуваемый классъ крестьянъ, и силой или посредствомъ подрыва къ нимъ довѣрія побороть обѣ дѣйствующія партіи: мелкую буржуазію и крупную клерикальную буржуазію. Такъ какъ пролетаріата, какъ самостоятельной величины, больше ужъ не существовало, — Луи Бонапартъ воспользовался сначала крупными промышленниками-орлеанистами противъ мелкихъ торговцевъ-республиканцевъ, партіей Порядка противъ Горы. Затѣмъ, когда Гора 13 іюня 1849 года

была уничтожена, онъ обратился противъ партіи Порядка, которую онъ меньше чѣмъ въ 18 мѣсяцевъ совершенно обезвредилъ.

Учредительное Собраніе спускалось по наклонной плоскости реакціи; было совсѣмъ нетрудно увлечь его еще дальше и побудить къ крупнымъ и непоправимымъ актамъ. Первымъ дѣломъ президентъ вознаградилъ наиболѣе энергичныхъ и алчныхъ поборниковъ своей побѣды: союзныхъ — роялистовъ и ультрамонтановъ. Одилонъ Барро, послѣдній министръ въ іюльской монархіи, сталъ первымъ министромъ Бонапарта; вокругъ него сгруппировалась цѣлая толпа извѣстныхъ своей преданностью павшему режиму, своимъ раболѣпствомъ передъ церковью ретроградовъ, во главѣ которыхъ, въ качествѣ главнаго ихъ вдохновителя, стоялъ мрачный Фаллу, виновникъ закрытія національныхъ мастерскихъ, приверженецъ блага знамени Іисуса, а впоследствии авторъ знаменитаго закона о народномъ образованіи. Назначеніе это было жестокимъ ударомъ для всѣхъ тѣхъ, кого сумѣлъ обмануть претендентъ и кто воображалъ, что онъ упрочитъ демократію. Крестьяне, загипнотизированные своими собственными мечтаніями, остались невозмутимы; даже возстановленіе налога на соль, столь противорѣчащее всѣмъ даннымъ имъ обѣщаніямъ, не открыло имъ глазъ. Но мелкая буржуазія и пролетаріатъ вполне поняли совершившуюся перемѣну и рѣшительно перешли на сторону оппозиціи, заключивъ болѣе тѣсный союзъ, и потребовали отъ крайней лѣвой законодательнаго собранія, чтобы она боролась противъ министерства.

Такимъ образомъ началась борьба между партіей Порядка, руководимой президентомъ и Горой. Борьба эта должна была окончиться однимъ изъ двухъ: или революціоннымъ кризисомъ и насильственнымъ сверженіемъ главы государства, или же государственнымъ переворотомъ противъ оппозиціи, ибо конституція не

заклучала въ себѣ никакого предохранительнаго клапана на этотъ случай. Съ перваго же дня стало ясно, что одна изъ этихъ двухъ альтернативъ неминуема, но Гора была слишкомъ слаба, чтобы свергнуть власть, получившую столь блестящую санкцію 10 декабря.

Напротивъ того, правительство первое бросило вызовъ, внеся предложеніе закона о закрытіи клубовъ. Луи Бонапартъ со своими министрами желали немедленнаго мятежа тогда же, въ январѣ 1849 года. Имъ не удалось вызвать его; лишь печать протестовала противъ этого предложенія, да массы глухо зароптали. Представители республиканцевъ-соціалистовъ и мелкой буржуазіи въ лицѣ Ледрю-Роллена требовали въ Палатѣ преданія суду кабинета за покушеніе на Конституцію и на верховенство народа.

Эта борьба скоро была перенесена на дипломатическую почву. Должно было опредѣлиться отношеніе Франціи къ вѣдшимъ возстаніямъ во имя либеральныхъ и національных лозунговъ, особенно же въ Римской Республикѣ. Уже съ ноября 1848 года Кавеньякъ предложилъ свои услуги и прежде всего гостепрѣмство изгнанному изъ Ватикана папѣ. Это было, такъ сказать, предвыборнымъ маневромъ генерала, который думалъ такимъ образомъ заполучить голоса духовенства и крестьянъ для выборовъ въ президенты. Вслѣдъ за тѣмъ событія пошли ускореннымъ темпомъ. Луи Бонапартъ, который долженъ былъ достойнымъ образомъ вознаградить ультрамонтановъ, обѣщалъ имъ возстановить Св. Престолъ въ Римѣ. Но, опасаясь вызвать противъ себя сильную оппозицію, онъ старался ловко лавировать между всеми партіями. Когда его намѣренія стали выясняться, Ледрю-Ролленъ 8 января интерпеллировалъ правительство; отвѣтъ послѣдовалъ уклончивый.

Положеніе еще болѣе измѣнилось послѣ пораженія при Пьемонтѣ и австрійскаго нашествія. Президентъ требуетъ санкцій на отправку въ Италію морскихъ силъ,

чтобы быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ. Получивъ согласіе Учредительнаго Собранія, онъ сейчасъ же постарался исказить его смыслъ, и заключилъ, что онъ вправѣ уничтожить Римскую Республику. 12 Апрѣля Одно съ 14.000 челов. высадился въ Чивита-Веккія. Армія эта вмѣсто того, чтобы занять чисто наблюдательную позицію, какъ того требовали всѣ обстоятельства, выступаетъ противъ новаго государства, и Луи Бонапартъ, несмотря на предостереженіе, сдѣланное ему собраніемъ, приказываетъ ей продолжать свой путь и торопиться.

Тѣмъ временемъ Учредительное Собраніе смѣняется законодательнымъ, состоявшимъ изъ значительнаго большинства представителей правой, постоянно посылаемыхъ крестьянами, и горячаго меньшинства лѣвыхъ, избранныхъ въ Парижѣ и въ другихъ городахъ. Представители Горы вмѣсто того, чтобы сложить оружіе, узнавъ, что всѣ постановленія бывшаго Собранія попораны ногами и что Римъ подвергнутъ бомбардировкѣ, воспылали гнѣвомъ; тутъ-то и произошелъ довольно шумный и характерный эпизодъ, который окончательно отстранилъ на задній планъ мелкую буржуазію. 11 Юня Ледрю-Роленъ, избранный въ 5-ти департаментахъ, безспорный вождь радикаловъ и депутатовъ соціалистовъ, обвиняетъ министровъ въ нарушеніи 5-ой статьи Конституціи, которая гласитъ, что Республика никогда не посягнетъ на свободу какого бы то ни было народа. Онъ заключаетъ свою рѣчь увѣреніемъ, что его партія готова съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать это право. Разбитый 361 голосъ противъ 203, вотированіемъ простого перехода къ очереднымъ дѣламъ, онъ на слѣдующій день снова возвращается къ этому дѣлу и требуетъ во второй разъ преданія суду правительства. Требованіе это было отклонено 377 гол. противъ 8. Что же теперь должна была дѣлать мелкая буржуазія? Что бы она ни предпринимала, пораженіе ея было зараже предрѣшено. Если она

смирится и останется невозмутимой, то этимъ она совершитъ самоубійство, ибо покажетъ всѣмъ, что она безсильна осуществить свои угрозы. Выходъ же на улицу подвергъ бы ее матеріальному разгрому, потому что ей нечего было рассчитывать на разбитый въ Іюль пролетаріатъ, а ея собственныя силы въ національной гвардіи были далеко недостаточны. Прежде рабочій классъ совершалъ Революціи, а другіе классы ими пользовались, теперь же онъ отказывался отъ этого вслѣдствіе того, что пролили его кровь, что убили въ немъ его жизненную силу. Сколько мелкихъ торговцевъ должны были расканваться тогда въ своей радости по поводу звѣрскихъ репрессій Кавеньяка! Они въ числѣ 30,000 человекъ устроили процессію по бульварамъ, но Шангарнье, возведенный въ герои за этотъ день, безъ труда разсѣялъ ихъ. Ледрю-Ролленъ поддержалъ честь, руководя одной схваткой у Академіи искусствъ и ремеслъ. Части войска, заподозрѣнныя въ связяхъ съ Горой, и артиллерія въ томъ числѣ, были распущены. Мелкая буржуазія вслѣдъ за пролетаріатомъ исчезла въ тѣхъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, которыя приняла побѣжденная партія. Пролетаріатъ, по крайней мѣрѣ, умѣлъ сражаться и умирать.—Оставалась, значить, партія Порядка, крестьянство и претендентъ въ императоры.

V. Крупная буржуазія ничѣмъ не пренебрегала, чтобы выставить на показъ свои успѣхи и упрочить за собой свое завоеваніе диктатуры. Дѣйствуя въ интересахъ президента и расчищая ему путь, она очень скоро внушила къ себѣ всеобщую ненависть. Она послѣдовательно разбила рабочій классъ, мелкихъ торговцевъ, либеральную среднюю буржуазію и даже крестьянство. Опыленная своимъ могуществомъ, одурманенная своимъ величіемъ, она не видѣла наклонной плоскости, по которой она незамѣтно скатывалась. Она шла навстрѣчу своей политической смерти, которая предстояла ей.

какъ только Луи Бонапартъ счелъ полезнымъ остано-
вить ее и нанести ей роковой ударъ.

Съ 1841 до 1851 г. пролетаріатъ продолжаетъ дѣй-
ствовать заодно съ Горой; онъ косвенно соглашался
даже на болѣе компрометтирующіе союзы. Но что же
могъ сдѣлать онъ самъ по себѣ, какъ могъ онъ высту-
пить въ качествѣ рѣзко обособленнаго класса, способ-
наго самостоятельно выполнять свои задачи? Къ тому
же крайнія проявленія режима побуждали его къ этому
соглашенію. Тьеръ проповѣдуетъ ненависть къ Консти-
туціи. Въ Ліонѣ Барагэ Д'Илльеръ, который боится
или притворяется, что боится революціонныхъ группъ,
совершаетъ самые грубые акты произвола. Фульдъ,
прямое воплощеніе высшей банковской и денежной
аристократіи, получаетъ портфель министра финан-
совъ. Монталамберъ добивается возстановленія налога
на напитки, что очень тяжело отражается на бла-
госостояніи рабочихъ; среди крестьянъ же этотъ на-
логъ былъ еще болѣе непопуляренъ, чѣмъ знаменитые
45 сант. Парижъ отвѣчаетъ на все это избраніемъ
трехъ представителей—Флотта, Видаля и Карно, пред-
ставляющихъ коалицію людей іюньскихъ дней и Люк-
сембургской Комиссіи съ свободомыслящими респуб-
ликанцами. Но несмотря на огромное значеніе, которое
имѣло для крайней лѣвой это неожиданный избраніе,
партія Порядка продолжала свои враждебныя дѣйствія,
которыя стали даже выражаться въ болѣе рѣшительныхъ
формахъ, особенно въ законѣ 31 мая 1850 г., обрек-
шемъ огромную часть рабочихъ на полное политическое
безправіе (*déchéance civique*), уменьшившемъ количество
избирателей на 3 милліона и совершенно уничтожившемъ
главное завоеваніе 1848 г. — всеобщее избирательное право.
Прямымъ послѣдствіемъ проведенія такого рода закона
должна была быть немедленная Революція, но оба рево-
люціонныхъ элемента страны—пролетаріатъ и мелкая
буржуазія—были въ теченіе одного года совершенно обез-

главлены, и сила ихъ подорвана въ самыхъ основаніяхъ. Низшія сословія молчаливо приняли свое гражданское разжалованіе; однако, это вызвало страшное негодованіе противъ партіи Порядка, негодованіе, все болѣе и болѣе изолировавшее эту антиреспубликанскую орлеанистскую, финансовую и промышленную аристократію. Послѣ 31 мая началась борьба между парламентскимъ большинствомъ и Луи Бонапартомъ.

Первая фаза этой борьбы продолжается немного болѣе полугода. Рабочіе и мелкіе торговцы не принимали въ ней никакого участія. Такъ какъ вся сила партіи Порядка заключалась въ законодательной палатѣ, а вся сила претендента—въ арміи, то побѣда была заранѣе предрѣшена въ пользу второго. Эта побѣда завершилась 12 января 1851 г. отрѣшеніемъ отъ должности конституціоннаго генерала Шангарнье, который предлагалъ уполномоченнымъ народа мирно и спокойно обсуждать свои дѣла. Монархистская правая не могла больше противопоставить представителю сабли иного представителя сабли. Когда послѣ Кавеньяка сошелъ со сцены и Шангарнье, одно только имя Бонапарта возсіяло надъ горизонтомъ Франціи.

Мы здѣсь не входимъ въ отдѣльныя подробности, ибо предлагаемая книга—исторія социализма, а социализмъ въ этихъ событіяхъ игралъ лишь посредственную роль. Онъ не могъ питать даже пассивныхъ симпатій ни къ одному изъ обоихъ противниковъ, потому что и тотъ и другой были его непримиримыми врагами. Потерѣвъ въ свое время пораженіе со стороны партіи Порядка, онъ теперь спокойно смотрѣлъ на ея собственную гибель.

Послѣ 12 января, представители рабочихъ и мелкихъ буржуа въ Законодательномъ Собраніи (ихъ представители, но не сами они) рѣшили, что все-таки лучше защищать Конституцію парламентскимъ оружіемъ, чѣмъ безъ сопротивленія уступить ее возрождающемуся цеза-

ризму. Замѣтите себѣ: не такими мѣрами могла быть спасена свобода, пбо довѣріе къ парламентаризму было подорвано еще съ 31 мая, но тѣмъ не менѣе этотъ поворотъ Горы достоинъ быть отмѣченнымъ. Она использовала всѣ средства, кромѣ уличнаго возстанія, чтобы задержать бонапартистское движеніе. Ей не удалось этого сдѣлать. Впрочемъ, не висѣла ли она нѣкоторымъ образомъ въ воздухѣ? Не готовы ли были ея избиратели 1849 г. изъ усталости ли, или пресыщенія, заранѣе примириться со всѣмъ, что бы ни произошло, даже съ самымъ худшимъ?

Середина 1851 г. ознаменовалась тяжелымъ экономическимъ кризисомъ, отвѣтственность за который средняя буржуазія, какъ всегда, возложила на большинство законодательнаго собранія. Городскія предмѣстья давно уже питали вражду къ виновникамъ реакціи 31 мая, а въ послѣдніе мѣсяцы рабочіе были тѣмъ болѣе озлоблены, что большинство фабрикъ было закрыто и они остались безъ работы. Наполовину разоренные мелкіе буржуа задавали себѣ вопросъ, не будетъ ли въ ихъ интересахъ прекращеніе парламентскихъ раздоровъ? Ультрамонтанскій клерикализмъ послѣ принятія закона Фамо, системъ школьнаго преподаванія, снова примкнулъ къ Бонапарту; крестьянство, которое этимъ самымъ закономъ было отдано подъ опеку поповъ и лишено школьнаго учителя, которое такъ же, хоть и не въ такой сильной степени, какъ городскіе рабочіе, пострадало отъ избирательной реформы, въ огромномъ большинствѣ своемъ было исполнено тѣхъ же чувствъ, что и 10 декабря 1848 г. Такимъ образомъ, будущій императоръ могъ надѣяться если не на помощь, то, по крайней мѣрѣ, на индифферентизмъ $\frac{3}{4}$ населенія Франціи. Вотъ почему послѣ провала предложенія о пересмотрѣ Конституціи, что лишало его всякой надежды на переизбраніе въ 1852 г., онъ спокойно могъ выполнить свой планъ государственнаго переворота. 2 декабря было лишь допол-

неніемъ къ 10 декабря: и первое, и второе объясняются почти одинаковыми соотношеніями силъ и одинаковыми условіями классовой борьбы.

VI. Возстановленная Имперія являлась колоссальнымъ недоразумѣніемъ, всемірнымъ обманомъ. Она была воздвигнута на развалинахъ парламентаризма, потому что парламентъ дѣйствовалъ во вредъ всѣмъ классамъ, кромѣ одного единственнаго. Она возникла изъ Республики, которая во второй ужъ разъ была предана, потому что 2 декабря, какъ и 18 Брюмера, эта Республика являлась лишь внѣшнимъ прикрытіемъ грубой соціальной олигархіи. Чтобы отвѣчать своему основному принципу, или точнѣе, — ибо ни одинъ строй не основывался на болѣе неустойчивыхъ принципахъ, — чтобы отвѣчать страстнымъ надеждамъ и вождедѣніямъ, связаннымъ съ нимъ, Имперія должна была стать выше всѣхъ слишкомъ узкихъ соображеній, освободиться отъ политическаго вліянія той или иной фракціи, управлять для всѣхъ. Между тѣмъ, если она иногда и дѣлала кое-что для пролетариата, то она вмѣстѣ съ тѣмъ довольно ясно показывала, что стремится не къ улучшенію участи его, а хочетъ лишь подольше поддерживать его заблужденія. Если она сначала и проявляла вполне законныя симпатіи къ крестьянамъ, то она не преминула очень скоро измѣнить имъ. Поэтому оба наиболѣе многочисленныя слои населенія вскорѣ отвернулись отъ Имперіи. Къ тому же коалиція силъ, выдвинувшая Луи Бонапарта въ качествѣ диктатора, фатально должна была распасться подъ давленіемъ событій. Коалиція, образовавшаяся 2 декабря, странно походила на коалицію, сгруппировавшуюся въ 1889 г. вокругъ буланжизма, а 10 лѣтъ спустя вокругъ націонализма, хотя составъ ея былъ значительно обширнѣе. Всѣ вошедшіе въ нее элементы думали, что служатъ своимъ собственнымъ интересамъ и что они сумѣютъ использовать новый строй для своихъ классовыхъ вождедѣній. Пока эта система держалась, Наполеону III

необходимо было высказываться за однихъ и противъ другихъ, такъ какъ онъ не могъ одновременно полагаться— на пролетаріатъ, мечтавшій о реваншѣ за Іюньскіе дни, который онъ не въ силахъ былъ совершить самостоятельно, и возлагавшій всякія надежды на рабочаго императора; на крестьянъ, которыхъ оттолкнуло или забыло Февральское правительство и которые желали подтвержденія ихъ права собственности и упроченія ихъ землевладѣнія, посредствомъ уменьшенія налоговъ и организаціи кредита; на мелкую буржуазію, устраненную въ 1850 г. исключительнымъ властолюбіемъ партіи Порядка отъ власти, устремившуюся снова овладѣть ею и снова вступить въ исполненіе функціи, которыя уже одно время были въ ея рукахъ; на нѣкогда республиканскую среднюю буржуазію, враждебную крупному землевладѣнію, ультрамонтанцамъ, вообще всему тому, что могло умалять ея значеніе; наконецъ, на крупную буржуазію, которая все болѣе и болѣе сливалась съ старинной знатью и стремилась лишь расширить свои богатства, захваченныя во время Іюльской Монархіи. Крупная и средняя буржуазія, строго говоря, могли бы объединиться, но тогда правительство выставляло противъ нихъ рабочихъ крестьянъ и мелкую буржуазію, силы, способныя въ случаѣ чего произвести Революцію. Сначала Наполеонъ попытался лавировать между этими разнородными элементами, но затѣмъ примкнулъ къ такъ называемымъ высшимъ классамъ.

Но если средняя буржуазія могла въ буквальномъ смыслѣ съ полной довѣрчивостью и безъ всякихъ оговорокъ броситься въ объятія деспотизма, то крупная склонялась скорѣе къ либерализму, который давалъ ей лишнюю гарантію, являясь типичнымъ выраженіемъ ея классового господства, и который давалъ ей въ руки оружіе, коимъ она могла до нѣкоторой степени сдерживать монарха, если онъ преступалъ положенныя ему границы. Вотъ почему, въ то время какъ одна изъ

правящихъ группъ почти до самаго конца не переставала выражать свою преданность и свое уваженіе къ принципу монархіи, другая сильно опасалась, какъ бы эта форма правленія не уподобилась мало по малу филиппистской монархіи. Въ этомъ заключается вся тайна совершившейся съ 1860 г. эволюціи въ конституціонныхъ учрежденіяхъ Франціи. Либеральная Имперія— это лишь соединеніе орлеанизма съ цезаризмомъ, сопоставленіе ихъ и затѣмъ торжество перваго надъ вторымъ. Но когда это превращеніе совершилось, то не стало больше Имперіи, и такъ какъ политическая система страны оказалась тогда лишенной всякихъ твердыхъ основъ и не соотвѣтствовала уже никакимъ опредѣленнымъ потребностямъ, то она рухнула. Быть можетъ, если бы франко-прусская война была избѣгнута, Имперія продлила бы еще нѣкоторое время свое существованіе, но во всякомъ случаѣ она обречена была на быструю смерть, ибо ея зависимость отъ высшихъ банковыхъ и финансовыхъ сферъ, характеризовавшая и Іюльскую монархію, окончательно оттолкнула отъ нея нижнія сословія, и она не сумѣла бы устоять предъ великими заговорами, подготовлявшимися въ глубинѣ народныхъ массъ.

Деспотизмъ императора опирался на армію, финансы, крупную промышленность и торговлю, которымъ онъ, не задумываясь, принесъ въ жертву земледѣльческое хозяйство; вышеназванные классы не только по всѣмъ привилегіямъ, которыя имъ были предоставлены, но и въ силу простого стеченія счастливыхъ обстоятельствъ стали рѣшительными господами положенія (*bénéficiaires*) въ эту историческую эпоху. Всѣ эти разнообразные элементы, составляя отдѣльныя олигархическія группы, связанныя другъ съ другомъ, видя, что лишь самое тѣсное согласіе даетъ имъ возможность удержаться у власти, признавали за собой общіе интересы и поддерживали сообща диктатуру.

Промышленность, а вслѣдъ за нею и торговля могли такъ развиваться лишь благодаря тому, что правительство предприняло обширныя общественныя работы, увеличивало средства сообщенія и дало сильный толчекъ товарному обращенію.

А чтобы выполнить эту задачу экономическаго подъема, власти предержавціи нуждались въ помощи Главнаго Банка, который былъ посредникомъ между частными лицами и государствомъ, и черезъ посредство котораго устраивались всѣ займы; для развитія же мануфактуры, торговли, банковаго дѣла необходимо было сохраненіе порядка, подавленіе всякихъ революціонныхъ чувствъ, другими словами—уничтоженіе въ зародышѣ всякихъ попытокъ къ возстанію. Даже сама армія могла твердо надѣяться на полученіе своихъ богатыхъ наградъ, сохраненіе своего привилегированнаго положенія въ обществѣ лишь до тѣхъ поръ, пока денежная буржуазія и ея союзники отпускали ей значительный кушъ и признавали ея заслуги. Далѣе: войны, ознаменовавшія эпоху Имперіи, съ 1854 г. до 1867 г.—Крымская кампанія, Италія и особенно Мексика, также были на руку различнымъ группамъ, которые служили основой этой системѣ. Онѣ выдвинули милитаризмъ, внушили публикѣ удивленіе и уваженіе къ нему; онѣ дѣлали необходимыми все новые займы; и дѣйствительно, въ теченіе всей нашей исторіи не было такого спроса на деньги, какъ въ то время; онѣ должны были открывать новые рынки для сбыта произведеній промышленности. Но колоссальныя издержки и растраты, связанныя съ войнами, вызывали соответствующее увеличеніе налоговъ, которые непомерно росли; и естественно, чѣмъ больше Наполеонъ служилъ интересамъ правящихъ классовъ, тѣмъ больше отчуждалъ онъ отъ себя большинство населенія, чрезмерно обремененное налогами.

Съ одной стороны экономическій подъемъ Франціи былъ прямо поразителенъ. Сѣть желѣзныхъ дорогъ изъ

1.832 км. въ 1848 г. была доведена до 17.500 км. къ концу Второй Имперіи. Добыча каменнаго угля увеличилась съ 4 милліоновъ тоннъ до 13.000.000 слишкомъ; добыча желѣза съ 362.000 до 830.000, чугуна съ 400.000 до 1.725.000, а производство стали—съ 16.000 до 388.000. Торговля поднялась съ 1850 г. до 1856 г. на 45⁰/₀, а съ 1856 г. до 1866 г. на 101⁰/₀, давъ въ итогъ увеличеніе въ 3 милліарда фр. за 10 лѣтъ. Въ то время какъ ввозъ необходимыхъ для промышленности товаровъ возросъ съ 219 мил. въ 1850 г. до 466 мил. въ 1860 г. и до 761 мил. въ 1870 г., вывозъ продуктовъ мануфактурнаго производства выражался для соответствующихъ трехъ лѣтъ слѣдующими цифрами: 746, 1.428, 1640 мил. Однихъ лишь товаровъ ткацкой промышленности было вывезено 777 мил. въ 1860 г. противъ 523 мил. въ 1850 г.; кожъ было продано 180 мил. въ 1870 г. вмѣсто 41 мил. въ 1850 г., и такіе же блестящіе результаты производства дали почти всѣ предметы внѣшней торговли. Для промышленности и торговли Имперія была несомнѣнно эпохой полнаго расцвѣта. Но тѣ, кто этотъ выдающійся подъемъ объясняютъ политическими учрежденіями, забываютъ, что всѣ великія державы, и особенно Англія, какъ разъ тогда переживали такое же время благоденствія. Развитіе мануфактуры явилось лишь слѣдствіемъ измѣненій, внесенныхъ во всеобщее хозяйство революціей въ орудіяхъ производства и обращенія товаровъ.

Пока производство и обмѣнъ достигали вышеуказанныхъ нами цифръ, въ самой внутренней структурѣ страны произошли глубокія перемѣны. Соціальныя явленія, бывшія лишь въ зародышевомъ состояніи во время Реставраціи, начинаютъ выступать все ярче и ярче. Населеніе деревень уменьшается, рѣдѣетъ, такъ какъ хлѣбопашцы переселяются въ города. Съ 24⁰/₀ въ 1828 г. контингентъ городскихъ жителей доходитъ до 27⁰/₀ въ 1846 г., 30⁰/₀ въ 1865 г. и 31,5⁰/₀ въ 1870 г. Значеніе крестьянъ разсѣянныхъ, разьединенныхъ, но преданныхъ или покор-

ныхъ данному строю, уменьшаются, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается роль тѣснящихся вокругъ фабричныхъ машинъ рабочихъ, которые ужъ въ силу взаимнаго соприкосновенія все болѣе развиваются и воспитываются политически. Вотъ первая причина паденія Имперіи.

Есть еще одна причина, а именно: усиленіе податнаго бремени. Чтобы выполнить программу общественныхъ работъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, устройство гаваней, чтобы покрыть расходы, вызванные европейскими и заатлантическими войнами, а также постоянно возрастающіе расходы на африканскую и азіатскую колонизацію, нужно было заключать заемъ за заемомъ, которые въ конецъ истощили всѣ сбереженія казначейства. Для погашенія этихъ займовъ надо было увеличивать государственный бюджетъ на счетъ націи. Къ тому же не всѣ траты государства покрывались займами; къ ихъ выпуску прибѣгали только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, при абсолютной невозможности найти какой-либо другой выходъ. Поэтому государственный бюджетъ все возрасталъ и достигъ небывалыхъ размѣровъ. Съ 1489 милл. въ послѣдніе годы Луи-Филиппа, онъ внезапно достигаетъ 2400 милл. въ 1855 г. Кто же долженъ былъ уплатить эту разницу?—Народъ, и при томъ преимущественно нижніе слои его, ибо прямыя налоги остаются неизмѣнными, а косвенные съ 1850 г. до 1865 г. возрастаютъ почти на 50%—отъ 850 до 1250 милл. фр., ложась всѣмъ своимъ бременемъ на мелкую буржуазію и рабочихъ. Имперія пришла къ тѣмъ же результатамъ, какъ и Іюльская Монархія: въ политическомъ отношеніи она скоро уподобилась ей. Но это уподобленіе совершилось благодаря тому, что экономическое развитіе, совершающееся по прямой линіи, въ силу инерціи продолжало послѣ 1848 и 1851 г. такъ же вліять на внутреннее общественное переустройство, какъ и послѣ 1789 г. Крупная денежная буржуазія, благосостояніе которой было временно раз-

строено Февральской вспышкой, вновь стала господствовать и властвовать, вернула себѣ все свое прежнее преобладаніе, снова усвоила свои паразитическія наклонности, и ея вождельнія стали проявляться интенсивнѣе, чѣмъ когда-либо. Она подчинила себѣ Имперію точно такъ же, какъ ранѣе подчинила себѣ конституціонное королевство и республику. Но процессъ диссоціаціи, усиленный ею и ускорившійся также внѣ ея, долженъ былъ, по закону противодѣйствія, вызвать появленіе пролетаріата, вновь возрожденнаго, закаленнаго жизненнымъ опытомъ, перерожденнаго самой интернаціонализаціей новыхъ условій производства.

VII. Рабочій классъ незамѣтно, подъ сѣнью круиной промышленности совершенно преобразился. Но въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ онъ ничѣмъ, или почти ничѣмъ не проявлялъ наличности какой-либо организаціи и дисциплины; сокрушенный іюньскимъ усмиреніемъ и совершенно обезсиленный насильственнымъ удаленіемъ всѣхъ своихъ руководителей, онъ самого себя какъ бы не узнавалъ. Довѣрившись Имперіи, точно такъ же, какъ незадолго передъ этимъ онъ довѣрялъ Республикѣ, онъ сразу опомнился лишь во время выборовъ 1863, подъ давленіемъ экономическаго движенія, и эти первые его требованія взволновали всю страну и вызвали опасенія даже въ правительственныхъ сферахъ. Два интересныхъ историческихъ документа: „Манифестъ 60“ и книга Прудона „Способность Рабочаго Класса“,—свидѣтельствовали о томъ, что безвременье пришло къ концу, и что отнынѣ господствующій строй будетъ имѣть еще одного противника.

Рабочіе послѣ появленія лжелиберализма 1870 г. сгруппировались вокругъ 2-хъ главныхъ теченій: бланкизма и синдикализма. Бланки, выйдя изъ тюрьмы, не замедлилъ собрать вокругъ себя всѣхъ возмущенныхъ и пострадавшихъ, для которыхъ одно его имя служило лозунгомъ. Впродолженіе своего многолѣтняго заклю-

ченія—въ ноябрѣ 1848 г. онъ былъ приговоренъ Верховнымъ Судомъ къ 10 годамъ тюремнаго заключенія, которое онъ отбывалъ въ Дулланъ, Бель-Иль и другихъ мѣстахъ—взгляды его еще болѣе опредѣлились, стали еще жизненнѣе. Отъ общихъ революціонныхъ воззрѣній, безъ ясной, соціологически обоснованной цѣли, отъ спиритическаго дѣлзма, онъ перешелъ къ коммунизму и атеизму. Отнынѣ онъ обладалъ ясной исторической концепціей и прочной соціальной программой, практическая дѣятельность его получила благодаря этому еще большую авторитетность. Заслуга синдикализма заключалась въ томъ, что онъ впервые далъ возможность сплотиться разсѣянному, недоувѣрчивому, опасавшемуся вновь навлечь на себя гнѣвъ властей пролетариату, но этимъ все значеніе его ограничилось, такъ какъ онъ распространялъ лишь расплывчатая, малопрактичныя ученія, въ которыхъ отражается вся неустойчивость прудоновскихъ противорѣчій. Тѣмъ не менѣе, однако, все это не можетъ служить поводомъ для отрицанія воспитательной и организаторской роли синдикализма до возникновенія Интернаціонала.

Идеи Прудона въ то время, т. е. въ 63—64 г. встрѣчали со стороны рабочихъ массъ такой же благосклонный пріемъ, какъ ранѣе дѣлтъ 15—20 тому назадъ „Организація Труда“ Луи Влана. Мутуализмъ, взаимопомощь, всякаго рода коопераціи, даровой кредитъ—вотъ формулы, бывшія тогда наиболѣе въ модѣ и кои надѣялись мало по малу осуществить посредствомъ одного лишь распространенія знаній, безъ всякаго насильственнаго переворота. Изъ одного этого ужь видно, что Прудонисты или синдикалисты не могли оказывать рѣшительной политической оппозиціи императорскому режиму.

„Манифестъ 60“ освятилъ и нѣкоторымъ образомъ кристаллизировалъ неопредѣленныя тенденціи и разнородныя требованія рабочаго класса. Онъ является документомъ первостепенной важности для исторіи пролетариата,

потому что яснѣе чѣмъ когда-либо впоследствии оформилъ принципъ классовой борьбы; онъ свидѣтельствуетъ также о томъ настроеніи, коимъ проникнуто было большинство рабочихъ этой эпохи, такъ какъ онъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ отвергъ идею коммунизма. Вотъ главные его положенія: „Политическое равноправіе повлечетъ за собой и соціальное равноправіе. Буржуазія, наша предшественница въ дѣлѣ эмансипаціи, оказалась вынужденной въ 1789 г. покончить съ дворянствомъ и уничтожить всякія несправедливыя привилегіи. Наша задача—не уничтоженіе правъ, которыми по справедливости пользуются средніе классы, а завоеваніе такой же свободы дѣятельности и для насъ... Не нужно аграрнаго закона... Свобода, кредитъ, солидарность—вотъ все, къ чему мы стремимся. Мы просимъ не милостыни, а добиваемся того, что принадлежитъ намъ по справедливости. Мы проникнуты ненавистью не къ людямъ, а хотимъ лишь измѣнить существующее положеніе вещей“.

Въ общемъ, тонъ манифеста былъ очень умереннымъ и не заключалъ въ себѣ ни одной непосредственной угрозы; вполне понятно, почему Прудонъ, найдя въ немъ столь точно воспроизведенной всю свою философію, съ одобреніемъ отозвался въ своей книгѣ „Способность рабочаго класса“ о всеобъемлющей полнотѣ его положеній. Вышеупомянутая книга, которую мы уже разбирали, и которая, по правдѣ сказать, составляетъ настоящее духовное завѣщаніе этого писателя, ужъ сама по себѣ, помимо другихъ показаній, достаточно ясно свидѣтельствуетъ о послѣднихъ тенденціяхъ французскихъ социалистовъ и объ ихъ отношеніяхъ къ нео-коммунизму Интернаціонала. Пролетаріатъ ограничивался полумѣрами: завоеваніе права союзовъ, предоставленнаго закономъ 1864 г., казалось нѣкоторымъ крупной побѣдой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это была лишь новая ловушка, въ которую долженъ былъ попасться рабочій

классъ, такъ какъ законъ, карающій союзы, оставался въ силѣ, и всякое синдикальное товарищество могло по-прежнему подвергнуться уголовному наказанію. Однако, на практикѣ многіе увлеклись кооперативной организаціей, получившей извѣстное распространеніе, и сторонники ея немедленно начали борьбу противъ коллективистовъ, бланкистовъ и др. Власти предрержація, конечно, поддерживали учрежденіе, которое въ данное время ихъ совершенно не беспокоило и въ которомъ расплывалась, или во всякомъ случаѣ значительно ослабѣвала вся разрушительная энергія пролетаріата. Бланки съ удивительнымъ чутьемъ раскрыли этотъ маневръ и указали на всѣ опасности синдикализма и его производныхъ теченій. „Кооперативное Товарищество“ всегда было для правительства лишь новымъ и очень ловкимъ орудіемъ господства надъ массами, парализующимъ ихъ революціонныя стремленія. Пролетаріатъ, едва успѣвъ оправиться отъ постигшихъ его ударовъ, уже начиналъ раскалываться. Это была какая-то фатальная потребность въ расколѣ! Это двойственное теченіе снова появилось въ расприхъ Интернаціонала, коими ознаменованы послѣдніе годы эпохи Второй Имперіи и которыя, несмотря на свою ожесточенность или именно благодаря этой ожесточенности, закалили и возродили рабочій классъ, и перипетіи и результаты коихъ впервые вызвали универсальное потрясеніе всего стараго капиталистическаго міра.

VIII. Читатель, конечно, не рассчитываетъ найти здѣсь полное изложеніе исторіи Интернаціонала. Оставаясь вѣрными своему методу, мы отбросимъ подробности, дабы остановиться лишь на самомъ существенномъ, и займемся главнымъ образомъ разсмотрѣніемъ того вліянія, которое эта значительная, совершенно новая въ исторіи пролетаріата группа—новая постольку, поскольку въ нее вошли люди всѣхъ національностей—оказала на французскій социализмъ.

Прежде всего нужно вспомнить, что эпоха, о которой здѣсь идетъ рѣчь, ознаменовалась возникновеніемъ Соціалдемократіи по ту сторону Рейна. Лассалю своей агитаціей удалось привести въ лихорадочное возбужденіе населеніе Западной Германіи и создать среди него боевую организацію, а Марксъ выпускалъ въ свѣтъ свой „Капиталъ“, діалектика котораго нанесла непоправимый ударъ старымъ теоріямъ и всему зданію капитализма. Этими двумъ великимъ именамъ Франція можетъ противопоставить лишь одно имя—Бланки: онъ несомнѣнно былъ менѣе блестящимъ мыслителемъ, чѣмъ Марксъ, менѣе счастливымъ организаторомъ, чѣмъ Лассаль, и дѣятельность его, часто прерываемая продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ, поневолѣ должна была часто прерываться. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что послѣ образованія Интернаціонала идейное руководство міровой соціалистической мыслью перешло къ нашимъ Германскимъ сосѣдямъ, такъ какъ теорія ихъ съ этихъ поръ стала значительно чище и яснѣе, окончательно освободившись отъ всей пустой фразеологіи 1848 г. и категорически оформивъ свой революціонный характеръ. Опираясь не на одни лишь абстракціи, но и на данныя философіи исторіи, на теорію эволюціонизма, доктрины ихъ представляются цѣльнымъ рядомъ строго логичныхъ и, слѣдовательно, сильно дѣйствующихъ на умы положеній.

Интернаціоналъ возникъ совершенно самостоятельно. Мы уже говорили о поразительномъ увеличеніи общественныхъ богатствъ, о расцвѣтѣ капитализма подъ сѣнью Второй Имперіи; явленіе это было характерно не для одной только Франціи; такое же развитіе одновременно наблюдалось во всей Западной Европѣ. Но чѣмъ рѣзче выступала система крупной промышленности, тѣмъ больше побужденій было у пролетаріата спланиваться и дисциплинироваться для борьбы, которая съ каждымъ днемъ становилась все необходимѣе. Онъ самъ

понималъ, да и сочиненія Маркса, Бланки, Лассаля, даже Прудона разъясняли ему, что границы государствъ— это лишь временное учрежденіе, что условія производства и обмѣна, машинизмъ, скорая перевозка товаровъ, утилизація естественныхъ силъ, эксплуатація научныхъ открытій,—все это отнынѣ однообразно, что повсюду на одинаковой экономической структурѣ зиждется одинаковая же структура экономической,—одинаковая, несмотря на чисто переходныя временныя различія въ политическихъ режимахъ. Изъ этого очень простаго положенія, которому Всемирная Лондонская Выставка дала еще множество подтвержденій, и вышелъ Интернаціональ.

Дѣйствительно, делегація французскихъ рабочихъ какъ разъ во время мирныхъ празднествъ 1862 года пришла въ соприкосновеніе съ политическими эмигрантами, жившими въ столицѣ Англій и получившими возможность на мѣстѣ изучить тѣ измѣненія, которыя вездѣ понемногу произошли въ промышленности. Изъ этой встрѣчи и этого изслѣдованія получилось самое глубокое убѣжденіе, что одинъ только союзъ рабочихъ всѣхъ странъ могъ бы измѣнить старый капиталистическій порядокъ. Франція играла крупную роль при образованіи Интернаціонала, но затѣмъ Товарищество увеличивалось скорѣе помимо нея и вопреки задушевнымъ желаніямъ его основателей. Исторія этой великой партіи, которая такъ ужасала всѣ правительства, какъ до, такъ и послѣ Коммуны, раздѣляется на два періода: 1) мутуалистскій, прудоновскій—парижскій, и 2) коллективистскій, марксистскій—нѣмецкій; если же говорить спеціально о Франціи, придется отмѣтить внутреннюю борьбу между кооператистами и бланкистами, которая велась съ неустаннымъ ожесточеніемъ. Вступительный Манифестъ былъ произведеніемъ Карла Маркса, соединившагося съ парижскими мутуалистами.

„Принимая во вниманіе, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, что, борясь за

свое освобожденіе, рабочіе должны стремиться не къ созданію новыхъ привилегій, но къ установленію равныхъ для всѣхъ правъ и обязанностей и къ уничтоженію всякаго классоваго господства;

„Что экономическое подчиненіе рабочихъ обладателямъ средствъ производства, т. е. всѣхъ источниковъ жизни, является главной причиной ихъ рабства политическаго, матеріальнаго и нравственнаго;

„Что, поэтому, экономическое освобожденіе рабочихъ есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство;

„Что всѣ сдѣланныя для этого до сихъ поръ усилія оказались безплодными, вслѣдствіе недостатка солидарности между рабочими различныхъ профессій въ каждой отдѣльной странѣ и отсутствія братскаго союза между рабочими всѣхъ странъ;

„Что освобожденіе труда является задачей не мѣстной или національной, а соціальной, что эта проблема поставлена передъ всѣми цивилизованными странами и для своего разрѣшенія требуетъ взаимной, какъ матеріальной, такъ и теоретической поддержки;

„Что движеніе, вновь начинающееся среди рабочихъ наиболѣе промышленныхъ странъ Европы, возрождаетъ ихъ надежды, вмѣстѣ даетъ имъ торжественное предостереженіе противъ старыхъ заблужденій и толкаетъ ихъ къ объединенію пока еще разрозненныхъ усилій;

„Въ виду вышесказаннаго,—

„нижеподписавшіеся члены совѣта, избраннаго въ засѣданіи 28-го сентября 1864 года въ Сень-Мартенсъ-Галли въ Лондонѣ приняли необходимыя мѣры для образованія Международнаго Товарищества Рабочихъ. Они объявляютъ, что это Международное Товарищество и всѣ примыкающія къ нему общества и отдѣльныя лица принимаютъ истину, нравственность и справедливость за основу своихъ отношеній къ людямъ, независимо отъ ихъ расы, религіи и національности.

„Они считаютъ своей обязанностью требовать для всѣхъ правъ челоуѣка и гражданина: не должно быть правъ безъ обязанностей, обязанностей безъ правъ“.

Ученіе объ унчтоженіи классовъ принадлежитъ и Марксу, и прудонистамъ; ученіе, выдвигающее политическое движеніе, хотя лишь какъ подчиненное средство, исходило отъ нѣмцевъ, такъ какъ парижскій мутуализмъ отвергалъ всякую политическую дѣятельность, идея же международного соглашения была взята изъ Коммунистическаго Манифеста 1848 г.; провозглашеніе права (droit), справедливости, нравственности, близко напоминаетъ собой терминологию французскаго социализма до Февраля; эта терминологія была уступкой со стороны иностранцевъ странѣ, давшей убѣжище рождающейся пролетарской мысли.

Въ итогѣ эта прокламація была какъ бы мирнымъ соглашеніемъ между двумя теченіями, которыя скоро начали борьбу между собой въ Интернаціоналѣ.

Исторія французскаго отдѣла Интернаціонала была довольно подробно изложена Фрибургомъ—прудонистомъ; онъ одинаково сурово отнесся какъ къ друзьямъ Маркса и Цезаря де-Папе, такъ и къ бланкистамъ и, отрекшись отъ истиннаго социализма, чтобы примкнуть къ беспильному синдикализму, въ общемъ оставилъ не очень лестное понятіе о знаменитомъ бюро Гравильеровъ.

Такъ назывался центральный комитетъ французской секціи. Въ 1864 г. эта группа была не очень многочисленна, но уже достаточно велика, однако, чтобы вступить въ борьбу съ лондонскими эмигрантами, которыхъ она обвиняла въ преданности традиціямъ баррикады; сама же она довольствовалась проповѣдью болѣе широкаго распространенія взаимнаго кредита, коопераций, однимъ словомъ—всего того, что безъ всякой опасности могло существовать въ Парижѣ послѣ Іюньскаго погрома. Гравильеры относились враждебно

прежде всего къ коммунизму, въ которомъ они видѣли только пустую химеру, затѣмъ—къ политикѣ, которая, по ихъ мнѣнію, отвлекала рабочихъ отъ защиты своихъ истинныхъ интересовъ и, наконецъ, къ стачкамъ, которыя, на ихъ взглядъ, служили всегда капиталу противъ труда. Бланкисты же, какъ разъ наоборотъ, заявляли себя коммунистами, превозносили политическую дѣятельность, отъ которой они, по крайней мѣрѣ, принципиально съ самаго возникновенія Іюльской Монархіи никогда не отказывались и, наконецъ, поскольку только могли и гдѣ только могли, принимали непосредственное участіе во всѣхъ стачкахъ, которыя, подъ защитой закона 1864 г., стали довольно многочисленны. Дѣли прудонистовъ довольно извѣстны; для того же, чтобы составить себѣ ясное понятіе о стремленіяхъ ихъ противниковъ, достаточно обратиться къ составленнымъ Бланки въ концѣ Имперіи поразительнымъ по своей логикѣ и точности запискамъ.

Для „заключеннаго“ Прудонъ былъ лишь іерофантомъ; тѣхъ же, которые вдохновлялись его книгами и совершенно искажали его идеи, онъ считалъ лучшими пособниками врага.—Онъ даже дошелъ до того, что въ 1867 г. назвалъ парижскихъ мутуалистовъ Толена, Фрибурга, Лимузена и друг. іезуитами. Его собственныя воззрѣнія совершенно исключаютъ „Кооперативное Товарищество“, къ которому онъ питаетъ настоящую ненависть. Коммунизмъ—дѣтище науки и охранитель индивидуума—является неизбѣжнымъ заключеніемъ всей цивилизаціи, тогда какъ индивидуализмъ могъ бы привести лишь къ гибели ея. Но какъ понималъ Бланки коммунизмъ? Новый режимъ могъ быть введенъ государствомъ, ибо одно только государство обладаетъ способностью освобождать, гибель или спасеніе народовъ всегда были въ рукахъ ихъ правительствъ. Сидуетъ, значитъ, овладѣть общественной властью и первымъ дѣломъ отпустить въ бюджетъ 500 мил. на образованіе, ибо коммунизмъ воз-

моженъ лишь при извѣстномъ уровнѣ всеобщаго умственнаго развитія. Таковы, въ краткихъ словахъ, возрѣнія Бланки. Онъ щедро воздалъ должное не только идеѣ исторической эволюціи, но и въ особенности соціальной цѣнности знанія. Какъ высоко поднимаетъ его это надъ узкимъ и беспочвеннымъ мутуализмомъ прудонистовъ! Развѣ можетъ современный социализмъ хотя бы на мигъ остановиться въ нерѣшимости передъ этими двумя партіями, которыя боролись между собой во Франціи съ 1864 г. до 1870 г. и даже перенесли свои раздоры въ конгрессъ Интернаціонала?

Въ 1865 г. Гравильеры насчитывали 500 членовъ и среди нихъ продолжало господствовать направленіе основателей этой группы. Чтобы отгѣнить свою безукоризненную вѣрность первоначальнымъ взглядамъ, они отказались допустить въ Товарищество женщинъ и воспретили себѣ затрагивать польскій вопросъ. Въ 1866 г. число ихъ сторонниковъ достигало 1200. Въ томъ же году состоялся конгрессъ въ Женевѣ, гдѣ столкнулись между собой парижскіе прудонисты и британскіе члены конгресса и открылась эра разногласій. Англичане настаивали на томъ, чтобы конгрессъ вотировалъ неотложность ограниченія государствомъ продолжительности рабочаго дня, большинство же парижанъ хотѣло лишь объявить восьмичасовой рабочей день вполнѣ достаточнымъ; они зато предложили образовать большую всемірную кооперацию на основахъ взаимности обмѣна. На конгрессѣ 1867 г. въ Лозаннѣ объявился коммунизмъ. Цезарь де-Папе, бывшій докладчикомъ, попытался дать перевѣсъ идеѣ полной социализаціи, но оппозиція Франціи повлекла за собой отсрочку дебатовъ.

Въ 1868 г. вслѣдствіе обыска, произведеннаго у Гравильеровъ, эта секція была закрыта; скоро она вновь открылась, уже съ большимъ числомъ членовъ коммунистовъ. Бланкизмъ, косвенно поддерживаемый марксизмомъ, началъ очень глубоко проникать въ пролетар-

скія массы; за 18 мѣсяцевъ составъ дисциплинированныхъ когортъ Бланки увеличился съ 800 до 2000 чел. Въ то же самое время опредѣлилась происшедшая въ Интернаціоналѣ эволюція, — на Брюссельскомъ конгрессѣ онъ перешелъ на сторону коллективизма, и во-тировалъ за переходъ въ общественное владѣніе всей земли со всеѣми скрытыми въ ней богатствами. Съ тѣхъ поръ ростъ его усилился. Прежде всего въ него вошли коммунисты съ нѣсколькимъ анархическимъ оттѣнкомъ; побитые на Конгрессѣ Мира въ Бернѣ, они образовали международный союзъ социалдемократіи, положившій въ программу принципъ полного уравненія. Потомъ къ нему примкнули цѣлыя полчища рабочихъ, иногда сразу по 8—10 тыс. человекъ, во Франціи, Швейцаріи, Бельгіи, вездѣ. Базельскій Конгрессъ 1869 г. еще рѣзче подчеркнулъ происшедшую въ Товариществѣ перемѣну. Легко понять, что мы не можемъ здѣсь останавливаться ни на принятыхъ имъ рѣшеніяхъ, ни на внѣшней исторіи отдѣльныхъ кружковъ. Руководство движеніемъ ускользнуло отъ Франціи послѣ Женевского Конгресса, особенно же послѣ Базельскаго, гдѣ Ланглуа, Лонгэ, Мюра, Толень были побиты 54 голосами противъ четырехъ—ихъ собственныхъ, вздумавъ защищать старый прудоновскій индивидуализмъ. Съ тѣхъ поръ во главѣ движенія стали Бакунинъ, Марксъ и Бланки; но этотъ послѣдній далеко не обладалъ такимъ огромнымъ вліяніемъ, какое пріобрѣли русскій революціонеръ и особенно авторъ „Капитала“.

Это, сдѣланное мимоходомъ, слишкомъ краткое описаніе Интернаціонала было необходимо потому, что образованіе и развитіе этой ассоціаціи оказывали сильное вліяніе на реорганизацію французскаго пролетаріата. Вмѣшательствомъ своимъ въ стачки, все чаще и чаще повторявшимся послѣ побѣды коммунистовъ надъ мутуалистами, — вмѣшательствомъ, хоть и оспариваемымъ, однако же вполне очевиднымъ въ центрахъ уголь-

ной промышленности— въ Рикамари, Обенѣ, Крезе, Фуршамболѣ, Интернаціональ указалъ работникамъ этой области на все значеніе солидарности, онъ внушилъ имъ понятіе и вѣру въ то необыкновенное могущество, какое завоюють себѣ массы, когда дѣйствія ихъ будутъ объединены и централизованы. Пробужденіе рабочихъ въ 1860 г. и особенно съ 1863 г. стало тѣмъ болѣе рѣзкимъ у насъ, начиная съ 1864 г., что совпадало съ всеобщимъ и внезапнымъ пробужденіемъ трудящихся на обоихъ полушаріяхъ. Сверхъ того, ежегодные конгрессы въ Женевѣ, Лозаннѣ, Базелѣ предоставляли мыслителямъ возрождающагося коммунизма широкую трибуну, съ которой голоса ихъ могли раздаваться громче и опредѣленнѣе. Позже мы опять встрѣтимся съ блестящимъ вліяніемъ Интернаціонала на Коммуну. А пока слѣдуетъ отмѣтить, что онъ не стоялъ въ сторонѣ отъ оппозиціи народныхъ массъ, которая заставляла дрожать Имперію въ послѣдніе годы ея существованія и стала ядромъ кристаллизаціи либеральнаго сопротивленія. Въ событіяхъ, завершившихся 4-мъ Сентября, пролетаріатъ игралъ самую важную роль, такъ какъ численность его была уже такъ велика, что онъ въ извѣстные дни совершенно наводнялъ бульвары своими густыми массами, оглашая воздухъ шумомъ Революціи.

Прошлое теперь было исправлено. Въ началѣ 1870 г. народъ, одухотворенный великимъ умственнымъ движеніемъ, шедшимъ изъ Германіи и въ которомъ слились коммунистическій и мистическій социализмъ 1848 г. съ научнымъ социализмомъ будущаго, завершилъ свое возрожденіе. Совершившійся подъемъ ярко характеризуется тѣмъ обстоятельствомъ, что пролетаріатъ теперь оказываетъ постепенное давленіе на событія, что онъ признаетъ бесполезной крайнюю стремительность, что онъ сумѣлъ воспользоваться могущественнымъ содѣйствіемъ естественнаго хода исторіи. Девятаго Февраля, вскорѣ

послѣ похоронъ Виктора Нуара, бывшихъ для Наполеона III предвозвѣстникамъ крушенія, Товарищество рабочихъ призывало за подписями Ландрена, Пенди и Малона къ спокойствію во имя „грядущей Соціальной Революціи“. Но именно это спокойствіе духа и хладнокровіе заставляло дрожать Имперію и побуждало ее въ послѣдніе мѣсяцы къ многочисленнымъ преслѣдованіямъ, обыскамъ и арестамъ.

Несмотря на два теченія, раздѣлявшія на два лагеря французскій рабочій классъ, онъ съ удивительной быстротой успѣлъ восстановить свои силы. И хотя у него не было вождей, обладающихъ такимъ неоспоримымъ авторитетомъ, какъ у нѣмецкой соціалдемократіи, онъ все же готовъ былъ къ немедленнымъ дѣйствіямъ. Лишь недостаточность дисциплины и организованности впоследствии снова ослабили его и привели къ гибели Коммуны. Къ тому же социализмъ былъ весь окутанъ и насквозь пропитанъ либеральными, мелко буржуазными элементами, которые уже попытались разъ подчинить себѣ все движеніе 48 г. и которые или изъ честолюбія, или въ силу легкомысленнаго увлеченія, время отъ времени бросались въ сторону передовыхъ ученій. Однако, уже цѣлая пропасть лежала между аморфными и невѣжественными массами Іюньскихъ дней и полувоспитанными, но интересующимися теоретическими спорами и идейными теченіями группами, которыя утомили императорскую полицію своей неустанной дѣятельностью и скоро посреди страшнаго соціальнаго кризиса учредили Республику.

VIII.

Коммуна.

I. Парижская Коммуна 1871 года такъ же увѣнчала собой соціалистическое движеніе Второй Имперіи, какъ Іюньское возстаніе — великій подъемъ, совершившійся

неслыханнымъ явленіемъ—захватомъ всей государственной власти низшимъ слоємъ населенія.

Въ этомъ заключается другая, еще болѣе поразительная черта Коммуны. Пролетаріату приходилось уже прибѣгать къ возстаніямъ, но всѣ они бывали подавляемы, и если имъ временно и удавалось одерживать побѣду, то результаты ея очень скоро становились достояніемъ той или другой части буржуазіи. Въ 1789, въ 1830 и въ 1848 гг. рабочіе изъ предмѣстій, цѣною цѣлыхъ рѣкъ пролитой крови, добивались водворенія новаго государственнаго порядка; но этотъ порядокъ, тотчасъ же ускользавшій изъ ихъ рукъ, обращался противъ нихъ же, такъ что въ итогѣ положеніе ихъ ничуть не улучшалось, и все дѣло кончалось для нихъ одной лишь перемѣной господъ. Теперь же, какъ ни невѣчно было ихъ торжество и обладаніе властью, рабочіе сумѣли вырваться изъ этого заколдованнаго круга. Они заняли ту позицію, которая нѣкогда была завоевана Третьимъ Сословіемъ у дворянства, и съ которой рано или поздно должна имъ была представиться возможность возродить общество и перестроить его на новыхъ началахъ. Они поняли, что правительственная власть не вѣчно будетъ имъ недоступна, что она вовсе не охраняется отъ нихъ какимъ-то священнымъ и таинственнымъ талисманомъ, что нужны только сила и организованность, чтобы окончательно овладѣть ею.

Коммуна имѣла тонеоцѣнимое значеніе, что вызвала рѣшительный переворотъ въ сознаніи всѣхъ классовъ, показавъ однимъ изъ нихъ, что ихъ господство есть явленіе историческое и чисто переходное, а другимъ— что ихъ рабство и угнетеніе не есть явленіе роковое, провиденціальное. Она для миллионъ и сотенъ миллионъ гражданъ всего міра навсегда сорвала завѣсу съ ихъ глазъ и разсѣяла таинственный мракъ, окружавшій и охранявшій Святаѣмъ Святыхъ центральной власти. Когда Сціарра Колонна въ Ананьи своей желѣзной пер-

чаткой нанесъ пощечину палѣ Бонифацію VIII, теократія съ грохотомъ пала и никогда уже болѣе не возрождалась. Такъ же точно въ тотъ день, когда парижскій народъ изгналъ Тьера, его министровъ, его армію, толпу его чиновниковъ и всю ту денежную и промышленную олигархію, которая въ теченіе столькихъ лѣтъ въ свою пользу высасывала всѣ соки и кровь рабочихъ и обратила въ монополію всякое право,—въ этотъ день совершился тотъ великій переворотъ, который никогда и ничѣмъ не удастся изгладить. Вѣтхое зданіе стараго общества сумѣло на время воспрянуть изъ развалинь, но теперь оно только съ виду прочно: пзъ обломковъ нельзя построить ничего крѣпкаго, и вся кровь, пролитая капитализмомъ какъ будто для скрѣпленія этой системы, лишь размыла стѣны ея и подкопалась подъ ея основанія.

II. Происхожденіе Коммуны было весьма сложно: въ ней столкнулись самые разнообразныя и многочисленные моральные элементы. Намъ необходимо въ порядкѣ расположить всѣ тѣ факторы, которые способствовали ея появленію и, хотя иногда въ принципѣ взаимно исключали другъ друга, но все же соединились въ концѣ концовъ вмѣстѣ, въ одну, съ виду однородную сплу.

Очень видную роль сыгралъ бланкизмъ. Мы знаемъ уже, какую дисциплинированную силу онъ представлялъ изъ себя къ концу Имперіи, какую энергичную борьбу онъ велъ во имя коммунизма и Революціи противъ прудонистовъ. Еще раньше, чѣмъ окончательно палъ декабрьскій режимъ подъ напоромъ народа, сейчасъ же послѣ Седана, Бланки произвелъ на него нападеніе, напоминавшее собой знаменитое выступленіе Времени Года въ 1839 г. Лишь скрѣпя сердце, уступилъ онъ тогда нѣкоторымъ своимъ сторонникамъ, считавшимъ необходимыми немедленныя дѣйствія. Въ этомъ дѣлѣ 14 августа — такъ называемое дѣло при казармѣ „Ла-Вильетъ“ — приняло участіе менѣе 500 чело-

вѣкъ; ихъ отчаянное предпріятіе осталось безъ всякаго отголоска. 4 сентября „Заклученный“ согласился признать правительство Національной Обороны съ тѣмъ условіемъ, чтобы оно исполнило свой долгъ и одновременно спасло бы и Республику, и Францію. Вотъ взглядъ, который онъ не переставалъ развивать какъ словесно въ клубахъ, такъ и печатно въ своей газетѣ „Отечество въ опасности“. Слѣдуетъ отмѣтить, что тогда у всѣхъ социалистическихъ фракцій Франціи наблюдалось то же самое психологическое настроеніе, которымъ были проникнуты въ 1792 г. жирондисты и якобинцы, а именно—самое тѣсное соединеніе социальнo-революціонныхъ убѣжденій съ чувствомъ вражды къ внѣшнему завоевателю. Въ событіи 31 октября, въ которомъ бланкизмъ игралъ первостепенную роль, ярко отразилось это идейное сочтаніе.

Населеніе предмѣстій двинулось къ Ратушѣ, чтобы свергнуть Трошю, уничтожить запятнанное предательствомъ правительство и противопоставить Германіи поголовное ополченіе Республики. Люди, призванные тогда къ власти, были представителями всѣхъ направленій и даже моментовъ развитія демократіи: тутъ были и Луи Бланъ, и Делеклюзъ, и Бланки, и Милльеръ, и Ледрю-Ролленъ, но бланкизмъ являлся основнымъ ядромъ и авангардомъ. Позже, 18 марта, замѣстители вѣчнаго инсургента—ибо самъ онъ былъ заключенъ въ Кагорѣ за участіе въ дѣлѣ 31 октября—снова подняли ненадолго упавшее знамя. Чтобы показать, какое значеніе эта организація получила въ Коммунѣ, достаточно назвать Тридона, Прото, Вальяна, Раявье, Валлэ, Ферре, Риго и другихъ.

Интернаціоналъ оказалъ не менѣе непосредственное и не менѣе знаменательное вліяніе на событія 1871 г.: подобно тому, какъ бланкизмъ внесъ въ нихъ свои традиціи рѣшительныхъ дѣйствій, вооруженной Революціи и насильственнаго захвата власти—Интернаціоналъ при-

далъ Мартовскому режиму его чисто пролетарскій обликъ, онъ внушилъ ему свои взгляды, свои строгія догмы классовой борьбы и братства всѣхъ народовъ; онъ этимъ обезпечилъ ему не только нравственную поддержку всѣхъ своихъ членовъ, считавшихся тогда сотнями тысячъ, но и матеріальную помощь нѣкоторымъ изъ нихъ. Въ Кордери фигурировало нѣсколько французскихъ членовъ товарищества, затѣмъ нѣсколько другихъ вошли въ Центральный Комитетъ національной гвардіи; наконецъ, по меньшей мѣрѣ 13 изъ нихъ вступили въ Коммуну; изъ нихъ можно назвать Малона, Тейсса, Авріала, Шампи, Френкеля и другихъ. 24 марта Парижскій Федеративный Совѣтъ Интернаціонала обратился къ рабочимъ съ манифестомъ, въ которомъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія слова: „отнынѣ авторитетъ власти беспилень возстановитъ порядокъ на улицѣ и вызвать возобновеніе работы въ мастерскихъ: въ этомъ безсиліи—ея самоотрицаніе. Нужно взывать теперь къ свободѣ, равенству и солидарности для обезпеченія порядка, построеннаго на новыхъ основаніяхъ, и для реорганизациіи труда—первѣйшаго условія этого порядка... Независимость Коммуны будетъ служить намъ залогомъ въ томъ, что договоръ, будучи свободно разсмотрѣнъ и разобранъ по всѣмъ своимъ пунктамъ, уничтожитъ антагонизмъ классовъ и обезпечитъ социальное равенство всѣхъ людей“. Выставленная программа содержала въ себѣ требованія организациіи кредита, обмѣна и ассоціаціи, такъ, чтобы рабочіе могли полностью присваивать себѣ стоимость своего труда. Кромѣ того, она требовала распространенія образованія и полной свободы. Читатель, вѣроятно, узналъ духъ Гравильеровъ въ этомъ документѣ, подписанномъ Френкелемъ, Лимузеномъ и нѣкоторыми другими. Этой цитаты, за неимѣніемъ другихъ доказательствъ, достаточно будетъ, чтобы показать, что Интернаціональ, вопреки нѣкоторымъ увѣре-

ніямъ, ничуть не преминулъ исполнить своего долга въ 1871 году.

Чистый республиканизмъ, чуждый всякой соціальной подкладки (или, по меньшей мѣрѣ, того, что мы нынѣ называемъ радикализмомъ), также не былъ чуждъ коммунистическому порыву. Начиная съ 5 сентября 1870 г., передовые люди всѣхъ республиканскихъ фракцій предлагали общественнымъ собраніямъ избрать комитетъ общественной безопасности съ опредѣленнымъ числомъ делегатовъ изъ cadaго округа. Мѣстомъ его засѣданій была Кордери, гдѣ обычно проходили дебаты по вопросамъ текущей политической жизни. Соціалисты съ перваго же дня проникли туда и взяли въ свои руки руководство движеніемъ. Въ качествѣ простой справки, можно отмѣтить, что первое заявленіе этого общества было подписано Г. Кассомъ, Лонгэ, Малономъ и Валлэ. Но онъ быстро утратилъ свое значеніе. Тѣмъ не менѣе фактъ участія радикальнаго — некоммунистическаго — элемента въ возстаніи 1871 г. остается неоспоримымъ. Реакціонный образъ дѣйствій палаты, вышедшей изъ выборовъ 8 февраля, побудилъ многихъ республиканцевъ — мелкихъ буржуа — присоединиться къ возстанію, въ которомъ они хорошенко не разобрались, и конечныя цѣли котораго они не признавали. Въ то время какъ Парижъ далъ 216.000 голосовъ Луи Блану, правда, сильно поблекшему, 154.000 Делеклюзу и 145.000 Пиа, провинція осталась вѣрной традиціямъ 16 и 2 декабря. Не менѣе 450 монархистовъ заняли скамьи Парламента въ Бордо, а блестящая побѣда Тьера, избраннаго въ 23-хъ департаментахъ, уже придавала особенный характеръ временной Республикѣ. Такимъ образомъ, вокругъ бланкизма и членовъ Интернаціонала, добивавшихся полнаго уничтоженія капиталистическаго строя, происходило нѣчто вродѣ кристаллизаціи всѣхъ политическихъ республиканскихъ взглядовъ, причемъ клерикализмъ и духъ от-

сталости, царившіе въ Собраніи, способствовали ей въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Многимъ, еще не затронутымъ социалистической пропагандой людямъ Коммуна представлялась при своемъ возникновеніи апоѳеозомъ національнаго воодушевленія. Желаніе изказать исторію, гнуть все въ одну сторону, отрицать или умалять значеніе событій, ни къ чему не приводитъ. Многіе граждане, чуждые всякихъ экономическихъ соображеній, одобряли событіе 18 марта потому, что это представлялось имъ нравственнымъ удовлетвореніемъ за непріятельское нашествіе, посрамленіемъ безсильныхъ правителей, всѣхъ тѣхъ предательствъ, въ которыхъ основательно или неосновательно обвиняли оффиціальныя сферы. Замѣтите себѣ: колеблющіяся массы, захваченныя, такимъ образомъ, коммунистическимъ движеніемъ, остались ему вѣрны до самаго конца; они, по своему увлеченію и по старой привычкѣ къ повиновенію, одобряли рѣшенія мятежнаго муниципалитета, какъ бы ни были они проникнуты духомъ коллективизма; но они слѣдовали за ними безъ внутренняго убѣжденія, ихъ націонализмъ (если употребить этотъ новый терминъ) былъ сильнѣе ихъ пролетарскаго сознанія, и соединеніе въ Коммунѣ этихъ нерѣшительныхъ и неустойчивыхъ элементовъ съ элементами, вышедшими изъ бланкизма и Интернаціонала, не мало ослабило ея дѣятельность и не мало способствовало ея окончательному пораженію.

Въ конечномъ счетѣ, 18 Марта можно и должно разсматривать, какъ отвѣтъ Парижа крестьянскому классу, стремившемуся какъ бы повергнуть его въ опалу. Прудоновскій федерализмъ, господствовавшій съ Апрѣля и Мая 1871 г. въ муниципалитетѣ и въ комитетахъ и, какъ это ни странно, примкнувшій къ якобинизму 1793 г. и децентрализаторскому жирондизму, значительно стимулировался голосованіемъ Бордоскаго Собранія. Въ первыхъ числахъ февраля стало яснымъ, что Національное Собраніе лишитъ Парижъ его первен-

ствующаго значенія, въ наказаніе за его республиканскія избранія. Тогда стали говорить о провозглашеніи независимости Сены. Когда 11 марта покушеніе на великій городъ свѣта и революціи было уже совершено, движеніе въ пользу автономіи приняло самыя широкіе размѣры. Такимъ образомъ, сама жизнь пришла на помощь идеямъ, столько разъ высказывавшимся и развивавшимся авторомъ изслѣдованія о собственности; идеи эти шли гораздо дальше децентрализаціи, ибо онѣ возстанавливали Федерацию Коммуны, прославленную въ 1790 г. 18-е марта приняло характеръ возмущенія Парижа противъ гнета провинціи.

Если подробно изслѣдовать всѣ фазы этого столь крупнаго въ исторіи социализма событія, то придется заключить, что въ немъ не было ни той простоты и ясности, ни той опредѣленности, которой отличались предшествовавшія социальныя движенія. Вызванное многочисленными, иногда явно враждебными другъ другу причинами, оно представляется сложеніемъ или соединеніемъ различныхъ силъ, но если проникнуть въ глубь его, если отбросить факторы преходящіе и случайные, какъ-то: сильное возбужденіе національнаго чувства, крайнее ожесточеніе парижанъ, Прудоновскую пропаганду федерализма, — и сосредоточить вниманіе на постоянномъ и самомъ могущественномъ факторѣ—на ростѣ пролетаріата, то этой силѣ сейчасъ же придется отвести подобающее ей мѣсто въ нашемъ изложеніи. Продолженіе этой главы дастъ намъ достаточный матеріаль, чтобы вполне оправдать ту оцѣнку Революціи 1871 г., которая дается ей социалистами и ихъ противниками.

III. Неожиданное изгнаніе Тьера и внезапный захватъ власти 18 марта ставитъ Коммуну въ ряды однородныхъ мятежей, имѣвшихъ мѣсто со времени 10 августа 1792 г. Такимъ образомъ, пролетаріатъ для установленія своего господства идетъ по той же дорогѣ, которая была проложена буржуазіей—его великой воспитательницей.

Онъ въ данномъ случаѣ проявилъ такую силу и рѣшительность, какихъ недоставало при предшествовавшихъ попыткахъ. Сама жизнь постаралась оправдать все практическое значеніе Бланкистской тактики, которая была какъ бы традиціей боевой демократіи. Снова, и на сей разъ съ полнымъ успѣхомъ, повторилось 15 мая 1848 г. или 31 октября 1870 г. Простой рабочій народъ понялъ, что ему необходимо прежде всего овладѣть правительственной властью, если онъ хочетъ добиться хоть какого-нибудь результата. Стоило лишь шевельнуться рабочимъ предмѣстьямъ, чтобы разсѣять въ прахъ всѣ дилетантскія уметствованія Прудона, которыми онъ въ теченіе 20 лѣтъ думалъ убаюкивать народъ. Чтобы совершить внутреннюю революцію, нужно было прежде всего окончить вѣншую: соціальное движеніе находилось въ зависимости отъ политическаго. Положенія романтическаго французскаго социализма совпали со взглядами нѣмецкаго марксизма; и тотъ, и другой оказали свое вліяніе на это событіе, да и самъ глубокий инстинктъ народа возмутился, наконецъ, противъ обманчивости и призрачности мутуализма.

Если на этотъ разъ нападеніе на правительственную власть увѣнчалось успѣхомъ, если пролетаріатъ осуществилъ то дѣло, которое ранѣе уже было выполнено крупной буржуазіей въ 1830 г. и мелкой въ 1848 г., то только потому, что обстоятельства имъ необычайно благопріятствовали. Противъ разрозненнаго правительственнаго войска они могли выставить армію сплоченную, компактную и многочисленную. Раньше національная гвардія, пополнявшаяся изъ среды правящихъ классовъ, сражалась, за рѣдкими исключеніями, противъ нихъ, не только подчиняясь военной дисциплинѣ организованной милиціи, но и со всѣмъ ожесточеніемъ, какое только можетъ вызвать сознаніе опасности, угрожающей ихъ интересамъ. Эта же самая національная гвардія, въ которую, въ виду осаднаго положенія, вошла

огромная масса рабочихъ, отказалась отъ своего пропалаго дѣла и превратилась въ боевой отрядъ другого класса. Успѣхъ 18 марта объясняется тѣми же причинами, которыми объясняется Юньское пораженіе, а также крушеніе всѣхъ предыдущихъ попытокъ.

Реакція охотно ставитъ въ упрекъ Коммуны то обстоятельство, что она возникла среди ужасовъ вражескаго нашествія и стала причиной внутреннихъ раздоровъ передъ лицомъ нѣмецкаго притѣснителя. Упрекъ этотъ, съ точки зрѣнія научной, не заслуживаетъ даже возраженій, если бы онъ на дѣлѣ не занималъ такого виднаго мѣста въ современныхъ спорахъ по этому вопросу. Прежде всего можно было бы на это возразить, что пролетаріатъ, разбитый финансовой аристократіей въ 1848 г., лишенный руководителей и постоянно раздираемый Имперіей, подвергаясь новой опасности со стороны друзей Тьера и мужицкаго собранія въ Бордо, не могъ больше ждать. Когда отстаиваются столь возвышенные цѣли, какъ тѣ, къ которымъ стремится группа человечества, порывающаяся къ свѣту, когда дѣло идетъ о существованіи и объ освобожденіи цѣлыхъ милліоновъ людей, то нельзя останавливаться передъ преходящими, случайными обстоятельствами или явленіями народной жизни, точно такъ же, какъ и передъ расчетами дипломатическаго или династическаго свойства. Но это не все. Правящіе классы послѣдовательно и вполне ясно доказали пролетаріату, что сами они никогда не испытывали угрызений совѣсти, которыя они хотятъ въ немъ вызвать. При первой Революціи, когда Франція со всѣхъ сторонъ подвергалась нападенію со стороны коалиціи монархій, когда съ Востока и съ Запада, съ Сѣвера и съ Юга врагъ пытался вторгнуться въ ея предѣлы,—тогда дворяне, не колеблясь, опредѣлялись на службу Англіи, Австріи и Пруссіи. Даже сама жирондистская крупная буржуазія не была чужда различныхъ компромиссовъ и предательствъ. Позже, въ 1814 г., старинная

аристократія воспользовалась пораженьями и расчлененіемъ отечества, чтобы возстановить своего короля, а въ 1815 г. Бонапартъ, вернувшійся съ острова Эльбы, и не думалъ остановиться передъ бѣдствіями своего отечества. 4 сентября, когда нѣмецкая армія готовилась идти на Парижъ,—средняя буржуазія, воспользовавшись дезорганизаціей въ императорскомъ войскѣ, завладѣла властью. 18 марта было 4-мъ сентября пролетаріата. Почему же дѣйствіе, законное для первой, становится преступнымъ для второго? И съ какой стати бы рабочему классу, который менѣе чѣмъ кто бы то ни было счтается съ пустыми разглагольствованіями о національности, было останавливаться передъ предпріятіемъ, безъ всякаго колебанія выполненнымъ другимъ классомъ, гораздо болѣе проникнутымъ территоріальными предрасудками?

IV. Говорятъ, что выраженія „соціализмъ“, „соціалпствъ“, „коммунистъ“ довольно рѣдко попадаются въ документахъ Коммуны. Это вѣрно; но нужно принять во вниманіе, что эти термины были тогда менѣе употребительны, чѣмъ въ 1848 г. или въ настоящее время. Воспитанные въ школѣ Прудона и Интернаціонала, люди того времени менѣе прибѣгали къ абстракціямъ, къ систематическимъ формулировкамъ; они старались главнымъ образомъ точно опредѣлить выставляемые требованія. Что же касается идеи классовъ, то она такъ глубоко вкоренилась въ ихъ умъ, что во всѣхъ официальныхъ объявленіяхъ Коммуны сразу бросается въ глаза противопоставленіе пролетаріата буржуазіи. Не помѣшаетъ, пожалуй, привести нѣсколько лишнихъ цитатъ, чтобы яснѣе опредѣлить характеръ коммунистическаго движенія.

Центральный Комитетъ, выдвинутый въ началѣ марта изъ союза батальоновъ національной гвардіи, состоялъ въ большинствѣ своемъ изъ рабочихъ. Имена большей части вошедшихъ туда людей остались въ тѣни;

это были не писатели, не профессиональные ораторы, а простые рабочіе, которыхъ революціонная буря выдвинула на первый планъ. Никому неизвѣстные наканунѣ, они почти сейчасъ же безслѣдно исчезли и канули въ неизвѣстность. 18 марта Центральный Комитетъ объявляетъ, что согласно рѣшенію пролетаріата, наступило время для захвата власти. 19-го, призывая парижскій народъ къ выборамъ, онъ обращается къ нему со слѣдующей, полной достоинства рѣчью, въ качествѣ уполномоченной делегаціи, хорошо сознающей какъ свои права, такъ и свои обязанности: „Мы говоримъ народу: вотъ полномочія, которыми ты насъ облекъ. Тамъ, гдѣ начались бы наши личные интересы, кончились бы наши обязанности. Сверши же свою волю. Властитель для меня,—ты самъ свободенъ. Совершенно безызвѣстные нѣсколько дней тому назадъ, мы столь же безызвѣстными вступимъ въ ряды пролетаріевъ“. Видѣли вы когда-нибудь болѣе возвышенное и великодушное отреченіе отъ власти? 9 апрѣля Комитетъ снова выступаетъ со слѣдующимъ заявленіемъ, которое слѣдуетъ здѣсь отмѣтить: „Рабочіе, не заблуждайтесь: началась великая борьба; это рѣшительная схватка между паразитизмомъ и трудомъ, между эксплуатаціей и производствомъ“.

Коммуна не менѣе глубоко была проникнута социалистическимъ духомъ. И если 26 марта представители мелкой буржуазіи были избраны наряду съ представителями четвертаго сословія, то все же въ парижскомъ собраніи числилось 25 рабочихъ; въ томъ числѣ Тейссъ, Авріаль, Малонъ, Шампи, Френкель и друг. Эти рабочіе пользовались достаточнымъ авторитетомъ и нашли въ своихъ коллегахъ, буржуа по происхожденію, достаточно преданныхъ помощниковъ, чтобы всѣмъ заявленіямъ муниципалитета придать совершенно правильную, съ точки зрѣнія ученія о классовой борьбѣ, формулировку. 10 марта „Оффиціальная газета“ объясняетъ,

что „пролетаріатъ хотѣлъ спасти одновременно и свободу, и отечество... Развѣ буржуазія не понимаетъ, что теперь наступила очередь освобожденія для пролетаріата? Пролетаріатъ, въ виду постоянной опасности, угрожавшей его правамъ, въ виду абсолютнаго отрицанія его законныхъ притязаній, въ виду разоренія отечества и гибели всѣхъ его надеждъ, понялъ наконецъ, что онъ вправѣ и что онъ даже обязанъ отстаивать свои убѣжденія и обезпечить за собой побѣду посредствомъ захвата власти“. Выпущенная 19 марта другая официальная записка содержитъ въ себѣ, среди прочихъ требованій парижскаго населенія, требованіе обобществленія собственности; наконецъ, 21 мая, въ послѣдней прокламаціи военнаго уполномоченнаго Делеклюза можно найти слѣдующее недвусмысленное выраженіе: „Дорогу народу, дорогу борцамъ съ засученными рукавами! Пробилъ часъ революціонной борьбы!“ Кто рѣшится оспаривать рѣзко классовый характеръ, который съ самаго начала и до самаго конца носила гражданская война 1871 г.? Впрочемъ, мѣропріятія и политическія постановленія, принятые муниципальнымъ собраніемъ, еще яснѣе опредѣляютъ его общія тенденціи.

V. Коммуна не успѣла выполнить всю ту коренную общественную ломку, которую она предполагала осуществить, и идея о которой носилась въ головахъ ея основателей; эти нѣсколько словъ: „прогрессивное обобществленіе“ (универсализація) собственности, начертанныя въ манифестѣ 19 апрѣля, указываютъ на общій характеръ Коммуны. Нужно брать ее таковой, какъ она есть, и посмотрѣть, какія политическія обстоятельства отчасти парализовали ея усилія. Будучи революціоннымъ движеніемъ по существу своему, всецѣло проникнутымъ ученіемъ о непримиримомъ антагонизмѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ, она была слишкомъ неувѣрена въ завтрашнемъ днѣ. Представители Парижа ни одного дня не имѣли психологической возможности свободно

и внимательно рассмотреть выдвинутыя на очередь экономическія проблемы. Нѣтъ никакой возможности спокойно и методично проводить великія реформы въ строеніи общества, когда всѣ силы репрессіи находятся въ шести или десяти километрахъ отъ васъ. Говорить поэтому о творческой общественной работѣ, совершенной Коммуной, было бы преувеличеніемъ, но однако она проявила значительную освѣдомленность, ясно сформулировала свои взгляды, издала цѣлый рядъ отрывочныхъ актовъ, и на этихъ-то актахъ и нужно основываться для надлежащей оцѣнки этого историческаго періода.

Декларация 19 апрѣля, самая полная изъ всѣхъ когда-либо появившихся, прежде всего имѣла въ виду освобожденіе Парижа. Столица прежде всего требовала для себя автономіи, права вотировать свой бюджетъ и права самой избирать своихъ должностныхъ лицъ. Она требовала также введенія постоянной національной гвардіи; далѣе слѣдовали экономическія требованія; децентрализація—отмѣна стараго государственнаго порядка выступала, значитъ, какъ первая необходимость и какъ введеніе ко всему прочему. Мысль эта была заимствована у Прудона; тогда не задавались вопросомъ, не лучше ли, вмѣсто того, чтобы уничтожить дѣйствительную административную систему, использовать ее, обратить ее на благо революціи? Да. Но не въ этомъ дѣло. Впрочемъ, Коммуна вовсе и не ожидала полнаго торжества федерализма, для того чтобы принять кой-какія мѣры, доступныя быть отмѣченными здѣсь. Быть можетъ, лучше будетъ изложить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и потомъ расположить по группамъ, дабы понять ихъ внутренній смыслъ; но отмѣтимъ тутъ же слѣдующее: Парижская делегация труда и обмѣна усердиѣ всѣхъ другихъ отдалась своей задачѣ; она съ пользой возобновила великіе дебаты, которые были подняты 23 года тому назадъ въ Люксембургской Комиссіи.

29 марта была отмѣнена публичная продажа вещей, заложенныхъ въ ломбардахъ. 31-го всѣмъ рабочимъ союзамъ было предложено сообщить въ муниципалитетъ о всѣхъ мѣропріятіяхъ, необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, для блага пролетаріата. 1 апрѣля максимумъ жалованья и вознагражденія чиновниковъ былъ опредѣленъ въ 6000 фр. Декретомъ отъ 26 числа было провозглашено отдѣленіе церкви отъ государства,—вычеркнуты изъ бюджета расходы на религію и тѣмъ самымъ уничтожены права церковной собственности. 16 апрѣля синдикальнымъ палатамъ было предложено представить статистическія свѣдѣнія относительно закрытыхъ мастерскихъ и представить проекты ихъ эксплуатаціи или передачи ихъ лично рабочимъ, до того времени работавшимъ въ нихъ; 20-го были уничтожены агентуры по найму рабочихъ; 28-го была воспрещена ночная работа въ пекарняхъ. Слѣдуетъ прибавить, что во время этого переворота парижскіе представители старались провести секуляризацію школы, согласно заявленію, выпущенному 17 мая Вальяномъ. Теоретическая послѣдовательность и дѣятельность Коммуны захватила собой, такимъ образомъ, какъ экономическую, такъ и учебную области. Выполненная ею программа могла бы, пожалуй, быть названа незаконченной и недостаточной по сравненію съ широкими замыслами Интернаціонала. Тѣмъ не менѣе, въ ней вполне ясно опредѣлилось какъ теоретическое, такъ и практическое значеніе возстанія 18 марта. Передача рабочимъ заброшенныхъ мастерскихъ, вызвавшая бурное и вполне справедливое одобреніе Маркса, нанесла страшный ударъ принципу частной собственности; закрытіе справочныхъ конторъ составляло прямое посягательство на старыи классическій (ортодоксальный) принципъ безграничной свободы, столь богатой различными видами угнетенія. Ограниченіе жалованья чиновниковъ представляло не только ту выгоду, что уменьшало расходы

по содержанію правительства, оно подчеркивало также незаконность соціального неравенства. Что же касается различныхъ мѣропріятій противъ церкви, противъ крѣпостного состоянія, противъ клерикальной школьной системы, то всѣ они не менѣе тѣсно связаны съ задачами пролетаріата. Эти мѣры уничтожали специфическую форму захвата собственности, обезпечили свободу совѣсти рабочимъ и по видимому внушены были извѣстной идеей, которую Бланки неустанно отстаивалъ къ концу Второй Имперіи. Въ итогѣ, какъ кто-то очень хорошо выразился, муниципальному собранію удалось экспропріировать извѣстное число экспропріаторовъ въ пользу экспропріируемыхъ.

VI. Интернаціоналистскія тенденціи Коммуны рѣзко отразились въ трехъ знаменательныхъ актахъ. Первый—допущеніе Френкеля быть представителемъ Парижа. Комиссія, назначенная для повѣрки избирательныхъ мандатовъ, объявила, что иностранцы должны пользоваться полнымъ равноправіемъ, ибо знамя 18 Марта—есть знамя всемірной Ресублики. Этотъ фактъ имѣлъ очень крупное значеніе. Мы уже видѣли, какъ въ 1789—1793 гг. многіе нѣмцы и американцы выступали впередъ, заявляя себя гражданами всего человѣчества; имъ удавалось обращаться со своими рѣчами къ народу, проникать въ клубы, вызывать даже общественныя движенія, но никогда еще провозглашеніе подобнаго рода принциповъ не совершалось съ большей торжественностью. Какъ ни сочувствовали передовыя партіи 1848 г. идеѣ братства народовъ, все же они не дали ей столь яркаго выраженія. Особенное значеніе получило это заключеніе избирательной комиссіи потому, что высказанныя имъ положенія, утвержденныя всѣмъ собраніемъ, получили силу оффиціального законодательнаго акта.

Коммуна не ограничилась введеніемъ въ свою среду одного иностранца; она довѣрила другому высшее командованіе надъ войсками. Когда 7 Апрѣля Домбровскій

получилъ это назначеніе, нашлись и должны были найтись голоса, протестовавшіе противъ него. За этими націоналистическими протестами легко, конечно, могло скрываться оскорбленное личное честолюбіе. Исполнительный комитетъ однако отразилъ всѣ эти нападки противъ Домбровскаго, пользуясь снова аргументами, уже разъ приведенными по поводу Френкеля, и заявивъ, что новый генераль является гражданиномъ всемірной Республики.

Наконецъ, разрушеніе Вандомской колонны, которое нѣкоторыми осуждалось, а впоследствии дало партіи порядка и Версальскому Собранію поводъ къ театральнымъ выраженіямъ своего изумленія и негодованія, доказываетъ, какихъ огромныхъ успѣховъ достигло ученіе Интернаціонала. Нужно принять во вниманіе, что это было необыкновенно смѣлымъ шагомъ, хотя бы и во время пролетарскаго возстанія. Народъ долго питался легендами о Первой Имперіи; ему было внушено, что между всѣми поколѣніями существуетъ извѣстная таинственная связь и что побѣды и завоеванія Наполеона I составляютъ часть моральнаго наслѣдія Франціи. Въ теченіе долгихъ лѣтъ этимъ отравляли его умъ и уродовали его чувства, такъ что можно было опасаться, не вызоветъ ли разрушеніе этого символистическаго памятника слишкомъ сильнаго потрясенія умовъ. Коммуна видѣла всю трудность этого предпріятія, но она поняла также всю его важность, все его воспитательное значеніе. И въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо социалистъ долженъ быть признателенъ Коммунѣ за эту ея, по смѣлости совершенно безпримѣрную въ исторіи, инициативу. Когда во Франціи и во всемъ мірѣ восторжествуетъ пролетарская демократія, то уничтоженіе всякихъ памятниковъ массовыхъ убійствъ, на которыхъ основывались личная диктатура или деспотизмъ классовъ—будетъ ея первой обязанностью. Она сумѣетъ тогда вдохновиться изложеніемъ мотивовъ

12 Апрелья 1871 г., которые должны свято храниться въ памяти рабочихъ. „Принимая во вниманіе, что колонна на Вандомской площади является памятникомъ варварства, символомъ грубой силы и ложной славы, оправданіемъ милитаризма... отрицаніемъ международнаго права... постановляетъ...“ и т. д.

VII. Воспоминанія 1791—1793 гг. почти постоянно оказывали вліяніе на Коммуну. Вообще, чрезвычайно любопытно, что ни одна Революція, какъ бы она ни была оригинальна, не обходилась безъ того, чтобы не обращаться къ учрежденіямъ прошлаго и не развѣваться, подобно генеалогическому дереву. Мы здѣсь не вдаемся въ оцѣнку отдѣльныхъ актовъ по ихъ содержанію, мы лишь констатируемъ, что писуренты 1871 г. переняли фразеологію и воскресили даже нѣкоторыя учрежденія террористическаго періода; для примѣра достаточно указать на прикомандировку гражданскихъ комиссаровъ къ войску и, особенно, на образованіе комитета общественнаго спасенія. Нѣтъ, впрочемъ, ничего удивительнаго въ томъ, что въ то время ощущалась потребность въ возвращеніи къ событіямъ конца прошлаго вѣка. Бланки нѣкоторымъ образомъ являлся связующимъ звеномъ этихъ двухъ эпохъ, онъ со своими тайными обществами и вооруженными нападеніями сохранилъ традиціи Монтаньяровъ. Такимъ образомъ оказалось, что Коммуна, хотя и представляла совершенно другіе общественные слои и имѣла совершенно другія задачи, какъ бы воскресила якобинизмъ. Когда въ послѣднихъ числахъ апрѣля и первыхъ числахъ мая въ Городской Ратушѣ обсуждался вопросъ объ образованіи комитета общественнаго спасенія, раздались громкіе протесты. Только 26 членовъ голосовали 31 апрѣля за это наименованіе, которое, казалось, облакаетъ Комитетъ неограниченной властью, не встрѣчающей никакого противовѣса. 26 другихъ членовъ предпочитали названіе „Неполнительный Комитетъ“, такъ какъ это послѣднее не

вызывало никакихъ тяжелыхъ воспоминаній, но 1 мая 34 голосами одобрено было первое наименованіе. Теперь спрашивается, имѣлъ ли въ дѣйствительности комитетъ общественнаго спасенія какія-нибудь существенныя заслуги, или, какъ нѣкоторые это утверждали, онъ лишь тормозилъ революціонную работу и защиту Парижа? Этотъ вопросъ слѣдовало бы разсмотрѣть совершенно отдѣльно. Гораздо важнѣе опредѣлить, не противорѣчило ли сосредоточеніе власти въ немногихъ рукахъ задушевнымъ чувствамъ большей части пролетаріата, который полагалъ, что администрація стала отнынѣ дѣломъ всѣхъ и каждого? Правда, осада, смыкавшаяся все болѣе и болѣе тѣснымъ кольцомъ, а также общее положеніе, ставшее очень тяжелымъ въ началѣ мая, позволяли отбросить на время нѣкоторыя доктринерскія соображенія, дабы сосредоточить всеобщее вниманіе населенія на самомъ отчаянномъ сопротивленіи.

Впрочемъ, возвращеніе къ якобинизму, который съ самаго начала проявился въ Коммунѣ и который, какъ мы уже говорили, фигурировалъ въ наслѣдіи бланкизма, было, главнымъ образомъ, дѣломъ мелкой буржуазіи. Въ концѣ апрѣля, вслѣдствіе замѣтной церемѣны въ политикѣ франкъ-масонства, связь этого класса съ пролетаріатомъ снова окрѣпла. Онъ фатально долженъ былъ внести съ собой свой способъ мышленія, свои методы и свою тактику, которые уже совершенно не соответствовали новымъ условіямъ времени.

VIII. Чтобы отразить подготовлявшееся въ Версалѣ внѣшнее нападеніе, Коммуна должна была выполнить двойную задачу. Необходимо было поставить на ноги революціонную армію и одновременно реорганизовать всѣ органы управленія съ тѣмъ, чтобы извлечь изъ нихъ въ этотъ переходный періодъ борьбы максимумъ дѣятельности и энергіи. И вотъ къ этой-то чрезвычайно сложной задачѣ приступили довольно-таки вяло. Когда

дѣятели Коммуны спохватились, было уже слишкомъ поздно: Тьеръ успѣлъ уже сконцентрировать свои полки для штурма Парижа и мобилизовать подавляющія силы. Но рядомъ съ великими и положительными сторонами всякаго народнаго движенія никогда не мѣшаетъ отмѣтить также тѣ недочеты, коими обусловлены были его неудачи.

Войска Коммуны, будучи хорошо организованы, вполне могли бы соперничать съ линейными полками, но, за немногими исключеніями, начальники были нигде негодны. На незначительное число героевъ—настоящихъ вождей пролетарскаго натиска—приходилось множество людей, увлеченныхъ лишь внѣшнимъ блескомъ боевыхъ доспѣховъ и слишкомъ мало думавшихъ о конечныхъ цѣляхъ и цѣлесообразныхъ способахъ борьбы. Наши предки въ 1789 и 1792 г. были, быть можетъ, управляемы не лучше насъ, но тогда обстоятельства удивительно благопріятствовали имъ, и силы, которыми располагалъ для репрессій Людовикъ XVI, не были ни сломаны, ни вооружены такъ, какъ то было въ 1871 г. Съ самаго начала до конца военной обороны Парижа отсутствовало всякое единство плана. Да и оно врядъ ли могло бы быть проведено при такой частой смѣнѣ начальствующихъ лицъ: сначала Эдъ принялъ главное командованіе; вскорѣ его замѣнилъ Кюзере, его въ свою очередь смѣнилъ Россель, а этого послѣдняго—Делеклюзъ; четыре уполномоченныхъ въ теченіе менѣе чѣмъ шестинедѣльнаго періода! Эти главные руководители не обладали достаточнымъ авторитетомъ, необходимымъ для прочности ихъ положенія. Въ фортахъ не было никакой дисциплины и царилъ полнѣйшій беспорядокъ; не существовало никакого плана дѣйствій; и потому-то очень скоро столица оказалась въ распоряженіи версальцевъ.

Эта нерѣшительность въ самой Коммунѣ проявлялась не менѣе ярко, чѣмъ на бастіонахъ. Правда, никогда

еще ни одно собраніе не было проникнуто столь возвышеннымъ идеаломъ и не питало столь великодушныхъ и благородныхъ намѣреній; но въ извѣстные дни оно не проявляло никакой рѣшительности. Оно смущалось разными предразсудками и неумѣтными сомнѣніями, какъ бы соединяя робость консервативнаго правительства съ смѣлостью революціоннаго комитета. Любопытной страницей исторіи представляются отношенія къ Французскому Банку. Разные говоруны, между прочимъ, играли тутъ слишкомъ значительную роль и отнимали у Коммуны массу времени. Разногласія между Пиа, Верморелемъ и Тридономъ, всякіе другіе споры и праздные дебаты ослабили ея дѣятельность и выбрасывали ее изъ колеи. 19 мая, наканунѣ рѣшительнаго штурма, Пиа нашелъ возможнымъ бесѣдовать о роли государствъ по отношенію къ искусствамъ. Кто-то, вполне справедливо, крикнулъ ему: „не время говорить о театрѣ, когда вокругъ насъ свищутъ пули!“

Неоднократно проявившійся антагонизмъ между Центральнымъ Комитетомъ и Коммуной также послужилъ источникомъ ея ослабленія. Центральный Комитетъ, сейчасъ же послѣ 25-го марта, съ очень благородной рѣшимостью сложилъ свои полномочія передъ выборными Парижа. Передача власти, совершенная отъ его имени Ранвье, была выполнена въ самой корректной формѣ. Отчего же впоследствии онъ возымѣлъ досадное желаніе снова завладѣть той властью, отъ которой самъ онъ, въ лицѣ своего руководителя, ранѣе отрекся? Третьяго апрѣля онъ подтвердилъ назначеніе Кюзера военачальникомъ и затѣмъ выпустилъ воззваніе къ рабочимъ. Коммуна негодовала, и вполне основательно. Три недѣли спустя онъ заявилъ о себѣ еще громче, такъ что Верморель могъ заявить публично: „нужно узнать, кому, собственно, принадлежить власть: Коммунѣ или Центральному Комитету?“

Это разнообразіе мнѣній, эти несогласія между людьми,

преслѣдовавшими одну и ту же цѣль, боровавшимися за торжество однихъ и тѣхъ же принциповъ, были бы крайне вредны и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ. Но они оказались прямо губительными въ революціонное время, когда всякія индивидуальныя различія должны стереться, когда всякое честолюбіе должно быть отдано въ жертву коллективнымъ интересамъ, когда, по выраженію Верньо (Vergniaud)—всѣ страсти и всякая вражда должны исчезнуть въ общемъ водоворотѣ. Коммуна пала по причинамъ болѣе общаго характера, но ошибки нѣкоторыхъ изъ ея руководителей также не мало способствовали успѣхамъ ея противниковъ.

IX. Провинція не послѣдовала за Парижемъ, и въ этомъ именно заключается главная причина крушенія. Передъ четвертымъ сентября рабочій классъ хорошо сплотился и организовался въ нѣсколькихъ большихъ городахъ—главныхъ центрахъ промышленности, но въ цѣломъ, по всей странѣ, онъ оставался разьединеннымъ и безсильнымъ. Пропаганда мало еще затронула его: социализмъ оставался въ его глазахъ лишь мертвой буквой, отвлеченной формулой. Свирѣбое подавленіе стачекъ въ концѣ Имперіи заглушило вновь пробудившіяся было въ немъ смѣлость и энергію. Что же касается Интернаціонала, то, хотя онъ и привлекъ цѣлыя тысячи сторонниковъ, все же его влияние въ Парижа было довольно слабо; его сплоченность, точно такъ же, какъ и наличный составъ его, были скорѣе номинальны, чѣмъ дѣйствительно реальны. Онъ сумѣлъ пробудить массу, но не сумѣлъ ее воспитать. Вотъ почему фабричный пролетаріатъ въ провинціи или сохранялъ полное спокойствіе, или же очень скоро впадалъ въ глубокую апатію. Начиная съ 31 октября, на парижскія событія отозвались Марсель и Сентъ-Этьеннъ, затѣмъ 19 марта на Коммуну откликнулись Лионъ, Сентъ-Этьеннъ, Кресо, Марсель и Нарбоннъ. Но вездѣ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ городовъ, пламя на-

роднаго волненія, какъ вспыхнувшая солома, быстро потухало. Повсюду армія оказалась достаточно сильной, чтобы потопить въ крови все зародыши социализма. И Парижъ оказался одинокимъ предъ лицомъ враждебной ему или связанной по рукамъ и ногамъ Франціи.

Если всюду городскіе рабочіе и литали затаенныя и пассивныя симпатіи къ возстанію столицы, то мелкіе земельные собственники или, вообще, все сельское население, сразу обратились противъ коммунизма. Законъ 1850 г., отдавъ ихъ подъ опеку поповъ, и при содѣйствіи крупныхъ землевладѣльцевъ, оказавъ свое дѣйствіе. Версальское собраніе направляло все свои усилія къ тому, чтобы усилить опасенія крестьянъ и разжечь ихъ ненависть. Крестьяне не хотѣли понять, что Парижъ боролся не только за себя, что преслѣдуемая имъ цѣль лежала гораздо выше и дальше, что его возстаніе совершалось отъ имени всего человѣчества. Легенда о дѣлежѣ все еще не изгладилась изъ ихъ умовъ. Въмѣсто того, чтобы присоединиться къ пролетаріямъ, представленнымъ въ Парижской Ратушѣ, они вняли всемъ обѣщаніямъ, повѣрили клеветѣ и еще разъ добродушнѣйшимъ образомъ подверглись самому чудовищному надувательству. Тамъ, гдѣ господствовала возвышенная идея, гдѣ разрабатывался планъ новой цивилизаціи съ дѣйствительнымъ, не только теоретическимъ уравниемъ людей, они видѣли лишь дикія проявленія варварства, крайнюю грубость, массовыя преступленія, разнузданный разгулъ страстей. Точно такъ же, какъ и въ 1848 г., они, близорукіе, попались въ ловушку, разставленную имъ правителями, и, содѣйствуя усмиренію пролетарской революціи, въ дѣйствительности, поступали во вредъ своимъ собственнымъ интересамъ и даже своимъ собственнымъ неопредѣленнымъ стремленіямъ. Мужичья Франція снова разгромила Францію рабочихъ предѣстій, деревни поднялись противъ городовъ. Натискъ ослабленныхъ массъ земледѣльческихъ труженниковъ

долженъ былъ увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ городской социализмъ былъ разбѣдненъ и не успѣлъ еще пустить глубокіе корни. Крестьяне сами скрѣпили свои оковы и бросили къ ногамъ настоящихъ побѣдителей—крупныхъ буржуа—вѣрный залогъ рабства, какъ промышленной демократіи, такъ и своего собственного рабства. Тьеръ имѣлъ полное право быть довольнымъ. Онъ для себя и въ интересахъ прочихъ правителей воспользовался тѣмъ же самымъ ловкимъ маневромъ, который Луи-Бонапарту обезпечилъ 10 и 2 декабря. Социализмъ и на этотъ разъ потерпѣлъ поражение, потому что онъ не удѣлилъ достаточнаго вниманія провинціи и смотрѣлъ на крестьянство, какъ на величину, совершенно безразличную. Пораженіе Коммуны, несмотря на весь ея героизмъ и всю правоту ея дѣла, было фатально и неизбежно, такъ какъ она не встрѣтила въ странѣ отвѣчающей ей социальной и нравственной обстановки. Что же касается до верховенства и всемогущества Парижа, о которомъ иѣкогда заявляли бланкисты, то теперь оно представлялось лишь мнѣомъ, лишь старымъ воспоминаніемъ, такъ какъ усовершенствованія въ средствахъ сообщенія предоставили въ распоряженіе власти новыя пути для мобилизаціи своихъ силъ. Паденіе Парижской Ратуши подтвердило, такимъ образомъ, ту истину, что обладать столицей—не значитъ еще владѣть всей Франціей, несмотря на установившуюся тамъ систему крайней централизаціи.

Х. Майское усмиреніе считается однимъ изъ самыхъ кровавыхъ событій въ исторіи. Жестокость, которую буржуазія проявила послѣ своей побѣды, свидѣтельствуешь о томъ, что она вполне постигла все значеніе этого движенія. Неудавшаяся политическая авантюра никогда не влечетъ за собой такихъ драконовскихъ мѣръ, какъ отраженное социальное покушеніе. Классъ, торжествовавшій побѣду, не давалъ пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, желая съ корнемъ вырвать послѣдніе

остатки социализма. Тьеръ руководилъ этимъ гигантскимъ процессомъ противъ пролетаріата. Подобно тому, какъ онъ рѣшился сказать о Національномъ Собраніи, что это—„самое либеральное и наиболѣе свободно избранное собраніе, какое когда-либо существовало“, у него хватило цинизма заявить: „я буду безпощаденъ“. Прокуроры получили приказаніе разсматривать всякій призывъ къ примиренію, какъ мятежный актъ. Времена Марія и Суллы, Цезаря и Помпея, самыя дикія картины междоусобныхъ римскихъ войнъ, вновь возродились и были даже превзойдены; въ этой борьбѣ богатыхъ противъ бѣдныхъ, господъ противъ рабовъ, между борющимися сторонами не соблюдались даже элементарныя правила международныхъ вооруженныхъ столкновений. Разгулъ властолюбивыхъ страстей финансовой и промышленной аристократіи достигъ прямо неслыханныхъ и невѣроятныхъ размѣровъ. Версальскіе офицеры казнили, душили и убивали представителей Коммуны, точно такъ же, какъ шесть вѣковъ тому назадъ помощники Монфора (Monfort) дѣлали это съ Альбигойцами; подобно имъ же, они, опыненные мистицизмомъ, благословляемые духовенствомъ, могли бы воскликнуть: „Богъ ужъ самъ разберетъ, кто свой, кто чужой“.

Національное собраніе, представлявшее тогда объединенныя силы буржуазіи и аграріевъ, начиная отъ мелкихъ лавочниковъ, обратившихся противъ самихъ себя, и кончая крупными землевладѣльцами и директорами заводовъ, достигло крайнихъ предѣловъ человѣческаго озвѣрѣнія. Лѣвая, которая прежде подавала свой голосъ въ защиту Республики и за мирное соглашеніе, молчала или, вѣрнѣе, громко привѣтствовала апостоловъ новаго Блага Террора. Нѣкоторые доходили до такой низости, что лучше не останавливаться на ихъ словахъ. Они достигли въ этомъ отношеніи геркулесовыхъ столповъ, какъ это у насъ часто бывало, когда всякій боялся быть недостаточно жестокимъ. Репрессіи 1871 г. явля-

ются еще большим позоромъ для Тьера, чѣмъ усмиреніе 1848 г.—для Кавеньяка.

Достаточно обратиться къ цифрамъ. Всего пострадало 107000 человекъ; 20000 ч. погибло, или на баррикадахъ, или вскорѣ послѣ послѣдняго сраженія; 3000 человекъ умерло на каторгѣ, 13700 подверглись различнымъ наказаніямъ, 1509 военныхъ, засѣдшіе въ 26 военныхъ совѣтахъ, не удовольствовались осуществляемой ими безошадной местию; взывая къ доносамъ, они развивали въ народѣ худшіе виды низости и подлости. Всего заявлено было 399823 оффиціальныя доноса, за которыми послѣдовало около 50000 арестовъ. Даже итальянскія республики временъ Гвельфовъ и Гибелиновъ не дошли до такой глубокой деморализаціи. Побѣдители не довольствовались тѣмъ, что покупали предательства и платили за подлость: они даже убійства окружили какой-то азіатскою утонченностью. Когда 21-го ноября были разстрѣляны Россели, Ферре и Буржуа, войска прошли мимо нихъ церемоніальнымъ маршемъ, *съ музыкой впереди*. Наконецъ, чтобы дополнить мѣру этихъ невѣроятныхъ ужасовъ, они не покончили со всѣми жертвами немедленно послѣ взятія Парижа, когда это можно было объяснить ожесточеніемъ борьбы. Еще 22-го января 1873 г. Сатурийскій помостъ былъ окровавленъ новой казнью.

XI. Насколько капиталистическая реакція была безжалостна и безошадна, настолько же парижское возстаніе проявило необычайную гуманность и умѣренность. Коммуна, какъ это было установлено Марксомъ, сумѣла избѣгнуть большей части тѣхъ эксцессовъ, которыми сопровождаются обыкновенно гражданскія войны. Всѣ тѣ, которые забрасывали пролетаріатъ 1871 г. клеветой и пытались критиковать не его идеи и намѣренія, а лишь нѣкоторые его поступки, могли, въ концѣ концовъ, выставить лишь очень мало положительныхъ обвиненій противъ него. Проведите параллель между нѣ-

сколькими казнями, совершенными по постановленію мартовской Революціи, и невѣроятными гекатомбами, принесенными въ жертву по приказанію Тьера. Если сравнить такимъ же образомъ Коммуну съ предшествовавшими ей народными волненіями, то придется признать, что она выказала гораздо больше челоуѣчности. Покушенія на личную свободу были довольно рѣдки, мѣсть не была возведена въ систему. Центральный Комитетъ совершенно не былъ причастенъ къ народной расправѣ, которой подверглись генералы; прибѣгая къ очень рѣзкому сравненію, можно сказать, что онъ такъ же мало отвѣтственъ за это, какъ Принцесса Уэльская— за смерть людей, задавленныхъ при ея вступленіи въ Лондонъ. Сама партія порядка первая, своимъ образомъ дѣйствій 22 марта на Вандомской площади, провоцировала пролетариатъ. Что же касается до знаменитаго убійства заложниковъ, то слѣдуетъ помнить, что это было лишь отвѣтомъ противникамъ, и что многіе социалистическіе вожди отнеслись къ нему очень неодобрительно. Пора, между прочимъ, открыто высказаться относительно этого происшествія, которое такъ эксплуатируется клеветниками Коммуны. Мы принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые полагаютъ, что осужденіе священниковъ и жандармовъ ни на іоту не увеличило силу Коммуны, и что рабочему классу не слѣдуетъ пользоваться приемами реакціонныхъ правительствъ. Прибѣгать къ разстрѣламъ и насильственнымъ репрессіямъ, это значитъ вдохновляться буржуазными традиціями, это значитъ, быть можетъ, не видѣть всего величія и снокойнаго могущества, которыя скрываются въ рабочемъ движеніи. Казнь Людовика XVI въ 1793 г. имѣла символическое значеніе: въ его лицѣ поражали не короля, а королевскую власть, это убивали не челоуѣка, а режимъ, эпоху, цѣлый рядъ вѣковъ. Можно ли сказать то же самое о казни заложниковъ? Въмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, можно задать другой: найдется ли такой челоуѣкъ, ко-

торьей, послѣ того, какъ юридическое значеніе божественнаго права опровергнуто, могъ бы гордиться тѣмъ, что воплотилъ въ себѣ цѣлую историческую эпоху?

XII. Героическіе поступки были не менѣе рѣдки въ 1871 г., чѣмъ въ 1789, 1792 или 1793 г.г. Даже въ античныя времена никто не умѣлъ умирать съ большимъ спокойствіемъ, болѣе прекрасной простой смертью, чѣмъ Делеклюзъ или Мильеръ. Но Коммуна будетъ вѣчно жить въ памяти рабочаго класса, только благодаря стоической смѣлости и нравственному величію, проявленнымъ ея адептами.

Если разсматривать непосредственные результаты ея, то можно сказать, что она утвердила Республику во Франціи, что безъ нея монархія, предательски поддерживаемая Версальскимъ Собраніемъ, была бы еще одинъ разъ восстановлена. Но она оказала намъ еще другія услуги, которымъ слѣдуетъ отвести подобающее мѣсто. Пораженіе ея является для социализма хотя страшнымъ и трагическимъ, но все же очень дѣйствительнымъ и жизненнымъ урокомъ. Неудача 18-го марта доказала пролетаріату все значеніе организаціи, всю необходимость дисциплины, неотложность пропаганды въ провинціи и привлеченія на свою сторону крестьянъ. Она указала на то, что мало еще захватить на нѣкоторое время власть и обладать Парижемъ, чтобы обезпечить за собою социальную побѣду. Изъ нея прежде всего вытекло опредѣленное представленіе о томъ, что отвратить будущія пораженія можно, лишь предпринявъ огромную работу по воспитанію массъ, по распространенію знаній, по полной концентраціи всѣхъ народныхъ силъ, начиная съ городовъ и кончая самыми послѣдними деревушками; изъ нея вытекло также ясное сознаніе, что прошли ужь тѣ времена, когда одна горсточка доблестныхъ и смѣлыхъ людей могла производить крупныя перевороты; изъ нея вытекло, наконецъ, то неоспо-

римое съ тѣхъ поръ положеніе, что соціальныя революціи не могутъ вовсе быть сотворены такъ же, какъ революціи политическія. Изъ принциповъ, проводимыхъ Бланки, остались въ силѣ лишь призывъ къ всеобщему распространенію образованія, провозглашеніе умственного освобожденія; ученіе же о непосредственномъ насильственномъ переворотѣ было повергнуто въ прахъ. Отъ прудонизма осталось только утвержденіе принципа классовой борьбы, болѣе яснаго теперь, чѣмъ когда бы то ни было; федерализмъ же не представлялся уже болѣе прелюдіей къ экономическому перевороту Франціи, онъ, напротивъ, представлялся только результатомъ или слѣдствіемъ этого переворота. Разгромъ Коммуны выдвинулъ для послѣдующихъ временъ задачу объединенія организацій всѣхъ городовъ и деревень, всего пролетаріата Сѣвера и Юга, какъ бы кристаллизацію всей Франціи вокругъ одной единой идеи. Эволюція должна была стать единой или революція осталась бы бесплальной.

IX.

Отъ Коммуны до кризиса.

(1871—1898).

I. Исторію французскаго социализма съ 1871 года до 1900 г. слѣдуетъ подраздѣлить на 2 отдѣла: прежде всего, потому, что этотъ богатый періодъ, оказавшійся чрезвычайно плодотворнымъ для организаціи и распространенія идей, изобиловалъ разнообразными внутренними распрями и политическими происшествіями; вторыхъ, потому, что въ 1899 году правильное развитіе пролетаріата было внезапно задержано кризисомъ и идейнымъ расколомъ, значеніе которыхъ до сихъ поръ плохо оцѣнено.

Въ самомъ дѣлѣ, еще до возникновенія тактическаго разногласія между чистыми марксистами—сторонни-

ками историческаго матеріализма—и идеалистами, преданными традиціямъ 1848 года, возникали и другіе раздоры. Когда нѣсколько оправившееся отъ глубокаго истощенія, вызваннаго событіями 1871 года, рабочее движеніе снова стало на ноги, тотчасъ же руководство имъ стали оспаривать другъ у друга прудонисты, сторонники синдикализма, — съ одной стороны, и коллективисты, проникнутые воззрѣніями „Капитала“, — съ другой. Эта первая распря, въ продолженіе четверти вѣка раздражающая социалистическую среду, никогда не исчезала и существуетъ даже и понынѣ, хотя и въ смягченномъ видѣ. Не успѣвъ еще коллективизмъ одержать первую побѣду, какъ его приверженцы, въ свою очередь, раскололись, а въ 1882 и 1896 гг. возникли новыя двѣ фракціи.

Каково бы ни было значеніе этихъ антагонизмовъ, они далеко не достигали той остроты, которою отличался конфликтъ, имѣвшій мѣсто въ серединѣ 1899 года. Въ прежнее время враждующія направленія расходились въ отстаиваніи того или другаго образа дѣйствій по отношенію къ данному политическому положенію, одобряя или отвергая его; или же распри попросту вытекали изъ личныхъ антипатій; но основное единство французскаго социализма не было поколеблено, ибо ни одна изъ дѣйствующихъ организацій не предпринимала ничего, противорѣчащаго самымъ принципамъ доктрины. Послѣ 1882 года, какъ бруссенеты, такъ и гедисты, одинаково защищали принципы классовой борьбы, эмансипаціи рабочихъ исключительно собственными силами; синдикалисты, нѣсколько лѣтъ спустя возобновившіе борьбу противъ Рабочей Партіи, не отказывались отъ этихъ лозунговъ ни на словахъ, ни на дѣлѣ. — Открытый разрывъ могъ задерживать ростъ сознанія пролетаріата, но не былъ въ силахъ его остановить. Но вотъ въ 1899 году нѣкоторые руководители социалистическихъ партій задумали и оказали поддержку такому шагу, такому

смѣлому плану, что мы вправѣ спросить, не идетъ ли онъ наперекоръ всѣмъ, до тѣхъ поръ признававшимся, понятіямъ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ инцидентовъ, которые приходились улаживать съ 1871 года, дѣло Мильерана представляется наиболѣе серьезнымъ. И дѣйствительно, оно раздѣлило весь рабочій и революціонный міръ на два лагеря. Не станемъ здѣсь изслѣдовать, каково было качественное и количественное значеніе той или другой стороны, стремленія которыхъ были почти противоположны. Все дѣло сводилось къ вопросу, останется-ли социализмъ на почвѣ, начертанной Манифестомъ Коммунистовъ 1848 года и Манифестомъ Рабочей Партіи 1880 года, или же, участвуя въ буржуазномъ правительствѣ, онъ выродится въ новый радикализмъ, въ сколокъ республиканской партіи.

Итакъ, мы считаемъ удобнымъ различать два фазиса въ исторіи нашего пролетаріата съ 1871 года.

Первый фазисъ, продолжавшійся 28 лѣтъ, былъ посвященъ идейнымъ образованіямъ и разношеніямъ, свидѣтельствовавшимъ о плодотворномъ развитіи мысли. Чтобы охарактеризовать этотъ фазисъ въ нѣсколькихъ словахъ, достаточно указать, что это было время воспитательной работы, накопленія знаній, приспособленія къ различнымъ слоямъ,—и вся эта работа всеобщаго самоопредѣленія совершалась съ такой интенсивностью, о которой не знала исторія ни до, ни послѣ 1848 года. Это время ознаменовалось также возстановленіемъ Интернаціонала, который по своей силѣ и однородности значительно отличался отъ стараго Интернаціонала, распуцденнаго въ 1872 году послѣ страшныхъ внутреннихъ раздоровъ.

Наконецъ, этотъ фазисъ отличается кристаллизаціей коллективистскихъ идей и установленіемъ вполне определенной программы непосредственныхъ дѣйствій.

Эта реорганизація французскаго пролетаріата совпала съ значительнымъ развитіемъ рабочаго класса дру-

гихъ странъ. Въ Германіи, Австріи, Голландіи, Даніи, Швейцаріи, Италиі и особенно въ Бельгіи рабочее движеніе все больше отдалялось отъ господствовавшаго въ срединѣ столѣтія романтизма, переходя къ признанію теоріи Маркса, болѣе или менѣе приноровленной къ потребностямъ времени и мѣста. Слѣдовательно, произошло то крупное событіе (вся важность котораго явствуетъ изъ этой книги), что соціалистическое движеніе не ограничилось уже больше французской территоріей, да еще германской, а что дѣйствительныя партіи замѣнили повсюду расплывчатыя организаціи стараго Интернаціонала, и что наша родина перестала быть изолированной въ своей борьбѣ, какъ было въ 1871 году. Эта эволюція совершилась сразу во всемъ цивилизованномъ мірѣ, такъ что цѣлая цѣпь коллективистскихъ и коммунистскихъ островковъ протянулась по всей поверхности Европы, съ одного конца ея до другого. Въ то время какъ у насъ распространялись соціалдемократическія идеи, вслѣдъ за Парижемъ захватывая и другіе города, а послѣ городскихъ центровъ завладѣвая и деревенскими массами, внѣ Франціи онѣ также организовывали миллионныя дисциплинированныя массы. Такимъ образомъ, условія развитія четвертаго сословія въ самой Франціи преобразались по мѣрѣ того, какъ и внѣ ея появлялся сознательный рабочій классъ. Возникновеніе въ Германіи первыхъ соціалдемократическихъ организацій уже въ 1864 году дало рѣшительный толчекъ нашимъ пролетаріямъ; теперь наше умственное броженіе было обусловлено великими теченіями, затронувшими всѣ старыя и даже новыя государства. Къ 1889—90 г. соціализмъ достигъ во всемъ мірѣ той степени могущества и развитія, какую либерализмъ переживалъ въ эпоху 1830—48 годовъ. Въ этомъ заключается вся цѣнность того этапа, къ болѣе детальному разсмотрѣнію событій и характерныхъ чертъ котораго мы сейчасъ приступаемъ.

II. Экономическія причины роста пролетарскаго сознанія во Франціи и вѣсѣе не отличаются отъ причинъ, изложенныхъ нами, когда мы говорили о іюнскомъ и февральскомъ возстаніяхъ и о концѣ Имперіи. Паденіе Наполеона III и объединеніе Германіи въ значительной мѣрѣ содѣйствовали концентраціи промышленности. По истеченіи ужаснаго Бисмарковскаго періода, послѣ того длиннаго ряда глубокихъ потрясеній, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ 1855 до 1870 года, какъ Крымская война, Итальянская кампанія, война Пруссіи съ Даніей, затѣмъ съ Австріей, завершившагося франко-прусской войной—всѣ народы предалися интенсивной хозяйственной дѣятельности. Торговые обороты Франціи увеличились, достигнувъ ко времени таможеннаго отлива 1882 года суммы въ $8\frac{1}{2}$ миллиардовъ франковъ. Одинъ только вывозъ, оцѣнивавшійся въ 1866 году въ 2430 милліоновъ фр., поднялся въ 1876 году до 3,307 милліоновъ и до 3504—въ 1891 году. Если коэффициентъ этого роста и не выдерживаетъ сравненія съ тѣмъ же коэффициентомъ середины Второй Имперіи, т. е. того времени, когда лихорадочное желѣзнодорожное строительство быстро создавало новыя условія промышленной жизни, то онъ все же былъ почти равенъ коэффициенту Іюльской Монархіи. Позднѣе, начиная съ 1892 года, Франція переживала кризисъ. Кризисъ этотъ объясняется общими причинами: міровымъ перепроизводствомъ, вытекавшимъ изъ повсемѣтнаго промышленнаго напряженія, и специальными причинами—экономическими потрясеніями, несовершенствомъ организаціи, при крайнемъ изобиліи непроеизводительныхъ расходовъ. Но даже во время этого угнетеннаго состоянія, съ 1896 года пошедшаго на убыль, эволюція продолжалась своимъ чередомъ. Последніе остатки мелкаго производства были близки къ гибели. Крупные центры, наиболѣе пострадавшіе отъ временнаго бѣдствія, воздвигли огромнѣйшіе заводы взамиѣнъ прежнихъ незначительныхъ промышленныхъ заве-

деній. Оказалось, что превосходство нашихъ соперниковъ проистекаетъ изъ ихъ экономической сплоченности, и, дабы не отставать отъ требованій новаго времени, концентрація капиталовъ, дотолѣ неизвѣстная у насъ, стала быстро прогрессировать, въ особенности на Сѣверѣ и на Востокѣ.

Одновременно съ вымираніемъ старыхъ формъ производства, торговля претерпѣла революцію, не менѣе важную, хотя нѣсколько въ другомъ родѣ, чѣмъ при Луи-Филиппѣ и Второй Имперіи. Мелкій лавочникъ, средней торговецъ, интересамъ коихъ и ранѣе постоянно угрожала опасность, были тотчасъ послѣ войны обречены на самую печальную участь, вслѣдствіе общихъ хозяйственныхъ условій. Измѣненія промышленнаго строя отразились также и на внутреннихъ оборотахъ. Сперва въ столицѣ, затѣмъ и въ большихъ провинціальныхъ городахъ, выросли огромные миллионные магазины, вытѣснявшіе каждый по 1200—1500 прежнихъ торговцевъ. Мелкая буржуазія утратила свои послѣдніе ресурсы, а вмѣстѣ съ ними—и послѣднія иллюзіи. До этихъ поръ она надѣялась противостоятъ надвигающимся событіямъ, но налетѣвшая буря вырвала ее съ корнемъ. Съ тѣхъ поръ несчастные лавочники не переставали проклинать свою судьбу, не находя никакого облегченія; они шатались между самыми противоположными политическими направленіями, нигдѣ не встрѣчая ни покровительства, ни убѣжища.

Земледѣльческій классъ, въ свою очередь, потерялъ часть своего вліянія въ общемъ строѣ страны. Иностранная конкуренція, американская, русская и венгерская сельскохозяйственная промышленность, менѣе отягощенная или лучше оборудованная, нанесли нашимъ земледѣльцамъ почти непоправимые удары. Закрытіе границы въ 1891 году, внушенное все возрастающимъ наплывомъ иностранныхъ хлѣбовъ и винъ, не было въ силахъ задержать это вырожденіе. Продукты не нахо-

дили сбыта, а цѣны оказывались недостаточно окупающими трудъ. Все проектированныя правящими сферами искусственныя средства помощи этому бѣдствію неизбежно останутся безсильными, потому что самая форма собственности, ея мелковладѣльческій характеръ, заранѣе обрекала на безплодіе всяческія усилія. Если населеніе городовъ увеличивается насчетъ сельскаго населенія, то происходитъ это не только оттого, что большіе центры оказываютъ на трудящихся такое непреодолимое притягательное дѣйствіе, о которомъ такъ скорбятъ старые экономисты; причина этого, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что земля дурно или совсѣмъ не кормитъ работника. Наемная плата сельскаго батрака не могла улучшаться въ такой же степени, какъ заработокъ фабричнаго рабочаго. Мелкій крестьянинъ едва сводитъ концы съ концами, и въ годы неурожая или паденія цѣнъ—явленія, почти непрерывно чередующіяся въ жизни крестьянина—его судьба становится невыносимой. Его поле не приноситъ ему ничего или почти ничего, а между тѣмъ фискъ требуетъ съ него уплаты своихъ налоговъ, которые особенно обременительны въ нѣкоторыхъ департаментахъ и коммунахъ; въ результатѣ, ипотека поглощаетъ тѣ хозяйства, которыя приносятъ ничтожные доходы. Слѣдовательно, нечего удивляться, что деревенское населеніе Франціи, наканунѣ войны составлявшее около 70⁰/₀, въ настоящее время не превышаетъ и 60⁰/₀; ни въ одну эпоху уменьшеніе крестьянства не было столь значительно. Нѣтъ также ничего удивительнаго въ томъ, что жалобы крестьянъ раздаются все громче и громче, что они стараются оказать на политику замѣтное вліяніе, и что политическія партіи различными средствами пытаются привлечь ихъ на свою сторону.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ событій, рабочій классъ значительно развился за послѣднюю четверть столѣтія. До конца Второй Имперіи пролетаріатъ

существовалъ только въ индустріи, нынѣ же сверхъ того образовался пролетаріатъ торговый и земледѣльческій; есть даже такъ называемый интеллигентный пролетаріатъ, появившійся въ большинствѣ цивилизованныхъ странъ, но который получилъ у насъ совсѣмъ особенное значеніе.

Такимъ образомъ, промышленная концентрація, разореніе мелкой торговли, продолжительный кризисъ въ сельскомъ хозяйствѣ и другіе второстепенные факторы содѣйствовали подготовленію ядра революціонной партіи, элементы которой еще пока плохо сформированы, но которая сдѣлается непобѣдимой тогда, когда она станетъ однородной и координированной.

III. Съ 1871 года политика правящихъ партій сводится къ четыремъ главнымъ чертамъ: она характеризуется развитіемъ милитаризма, усиленной колонизаціонной дѣятельностью, размноженіемъ чиновничества и чрезмѣрнымъ возрастаніемъ государственнаго долга и бюджета, обрушивающагося всей своей тяжестью на низшіе классы населенія.

Намъ нѣтъ никакой надобности указывать на прямое соотношеніе между капиталистическимъ режимомъ и расширеніемъ милитаристской организаціи. Армія современнаго государства—мы говоримъ о томъ типѣ государства, который установился вездѣ съ 1871 года—служитъ двоякой цѣли: защитѣ границъ государства и огражденію соціальныхъ привилегій правящей олигархіи противъ посягательствъ на нихъ посредствомъ открытыхъ возстаній. Со времени крушенія Имперіи, войны стали болѣе рѣдкими, и нужно признать, что Третья Республика всегда прилагала усилія къ предотвращенію вооруженнаго столкновенія, въ которое она могла быть втянута. Однако, эта осторожность обусловлена, безъ сомнѣнія, заботами о классовомъ интересѣ, на которыхъ мы не будемъ останавливаться. Такъ или иначе, въ продолженіе тридцати лѣтъ Франція пользуется внѣшнимъ

миромъ. Но не подлежитъ спору, что соперничеству капиталистическихъ аппетитовъ и торгово-промышленнымъ вождествіямъ, рано или поздно, суждено будетъ разразиться какимъ-нибудь страшнымъ европейскимъ пожаромъ; предвидѣніе этого всемірнаго циклона заставляетъ всѣ великія державы держать на военной ногѣ почти всѣхъ своихъ гражданъ. Военная сила выполняетъ, впрочемъ, у насъ, какъ и въ Германіи и Италіи, другія функціи, всѣмъ извѣстныя. Батальоны и эскадроны составляютъ преторіанскую гвардію буржуазіи. Вопреки восхваленіямъ, расточаемымъ всеобщей воинской повинности, замѣна ея отжившихъ военныхъ порядковъ ни въ чемъ не измѣнила присущаго арміи характера, ибо солдатъ - гражданинъ есть не болѣе, какъ мнѣ: гражданинъ, становясь солдатомъ, утрачиваетъ всѣ свои гражданскія свойства, связанный по рукамъ и ногамъ военной дисциплиной. Какъ социальное учрежденіе, армія попросту заняла мѣсто національной гвардіи Іюльской Монархіи, поставивъ себѣ ту же самую задачу. Законы 1872 и 1880 г.г., при всемъ ихъ видимомъ демократизмѣ, только подтвердили фактъ порабощенія буржуазіи самаго многочисленнаго класса, позволяя ей опираться въ своемъ господствѣ на болѣе солидную силу.

Другую типичную особенность послѣднихъ 30 лѣтъ составляетъ колоніальная политика. И здѣсь читатель имѣетъ дѣло какъ бы съ органическимъ наслѣдіемъ капитализма. Напряженная погоня за новыми рынками, одновременно охватившая цивилизованныя страны, вызывалась потребностями коммерческаго соперничества, диктовалась болѣе неотложными интересами промышленной и финансовой олигархіи. Такъ какъ нашимъ господамъ грозитъ гибель съ того дня, какъ они перестанутъ обогащаться, и такъ какъ поэтому вопросъ о рынкахъ составляетъ для нихъ жизненную проблему, то, съ момента суженія передъ ними европейскаго рынка, они устремились въ поиски за отдаленными землями.

Завоеваніе Туниса, Тонкина, Мадагаскара, занятіе Западной Африки—все это не прихоти государственных людей, не одно лишь отвлеченіе отъ внутреннихъ затрудненій. Дѣйствія эти прямо вытекаютъ изъ повелительныхъ требованій самой хозяйственной эволюціи. Франція должна была слѣдовать по тому же пути, по которому слѣдовали Германія, Англія, Россія, Соединенные Штаты.

Наконецъ, размноженіе чиновничества достигло при Третьей Республикѣ необычайныхъ размѣровъ. Бюджетныя статьи государства, департаментовъ и коммунъ на этотъ предметъ исчисляются сотнями тысячъ. Желая уменьшить категорію людей, толкаемыхъ обстоятельствами въ ряды революціонеровъ, командующій классъ увеличивалъ количество должностей по мѣрѣ того, какъ падало значеніе мелкой буржуазіи, какъ кризисъ захватывалъ сельское хозяйство, привязывая такимъ путемъ къ своимъ интересамъ судьбы все цѣловыхъ кадровъ людей. Такимъ образомъ, рядомъ съ своей военной охраной въ 600 тысячъ человекъ онъ создалъ гражданскую охрану численностью отъ 700 до 800 тысячъ семействъ. Одну десятую съ лишнимъ часть населенія онъ сдѣлалъ солидарной съ собою, поставивъ ее благосостояніе въ экономическую зависимость отъ своего господства.

Въ цѣломъ, разсматриваемая выше система обходится чрезвычайно дорого. Военные расходы увеличились до одного миллиарда. Колоніи обходятся ежегодно въ 100—150 милліоновъ франковъ. Бюрократизмъ поглощаетъ такія огромныя матеріальныя средства, которыя даже немисливо опредѣлить, до такой степени они разсыпаны и до безконечности перешлетаются во всехъ смѣтахъ, фигурируя въ самыхъ разнообразныхъ рубрикахъ. Подъ влияніемъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ явленій, обусловленныхъ однимъ и тѣмъ же началомъ, французскій officialный бюджетъ сдѣлалъ гигантскій скачекъ, увеличившись съ 2,147 милліоновъ въ 1865 году до

3,025 миллионѣвъ въ 1875 году и до 3,500 миллионѣвъ— въ послѣдніе годы; фактическій бюджетъ превышалъ иногда 4,200 мил. Послѣ войны среднее увеличеніе его составляло не менѣе 1,300—1,500 миллионѣвъ, являясь и относительно и абсолютно наибольшимъ увеличеніемъ, когда-либо зарегистрированнымъ въ теченіе этого вѣка.

Государственный долгъ достигъ суммы въ 1,250 миллионѣвъ, т. е. увеличенъ вдвое противъ суммы государственнаго долга передъ 4 сентября. Какимъ образомъ распредѣляется бремя налоговъ? Не могло быть никакого сомнѣнія, что республиканскій режимъ пойдетъ по стопамъ предшествующихъ режимовъ, такъ какъ онъ только закрѣпилъ дѣйствительное господство за буржуазіей. Прямые налоги сохранились почти въ томъ же видѣ, въ той же пропорціи, что и при Луи-Филиппѣ и Наполеонѣ III; косвенные же налоги, напротивъ, значительно увеличились за періодъ времени съ 1845 и 1865 г.г.: съ 1,231 миллиона въ 1865 году они возросли до 2,026 м. въ 1898 году, краснорѣчиво свидѣтельствуя о социальныхъ тенденціяхъ политики правительства, выдвинутаго переворотомъ 4-го сентября. Подобно дворянству и духовенству до 1789 года, буржуазія продолжаетъ освобождать себя отъ податей, сваливая все бремя ихъ на народъ.

Вотъ почему она такъ упорно отказывается отъ обсужденія всякой ничтожнѣйшей фискальной реформы.

IV. Въ общихъ чертахъ читатель уже познакомился съ экономическою и социальною средою, въ которой приходилось развиваться пролетаріату. Съ 1789 года никогда еще среда эта не представляла такого познанаго развитія институтовъ, неразрывно связанныхъ съ капитализмомъ. Для лучшей оцѣнки поля дѣйствія социалистической пропаганды и организаціи, намъ остается дать краткій очеркъ борьбы классовъ и дифференціацію классовъ, начиная съ „кровоавой недѣли“.

Эти конфликты были крайне разнообразны по своимъ

элементамъ и различны по своему характеру. Измѣнчивость ихъ физиономіи была еще значительнѣе, нежели въ 1848 и 1851 годахъ, столь богатыхъ всевозможными комбинаціями. Кромѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и сознательнаго пролетаріата, преслѣдовавшихъ строго опредѣленные цѣли, неуклонно придерживавшихся развѣ принятаго образа дѣйствій, всѣ остальные социальныя слои колебались между противоположными полюсами, заключая и расторгая союзы съ чрезвычайнымъ непостоянствомъ, часто переходя отъ прогрессивнаго движенія къ реакціонному. Пораженіе Коммуны, какъ и слѣдовало ожидать, привело къ власти крупныхъ земельныхъ собственниковъ, объединившихся съ финансистами и мелкими крестьянами - собственниками. Мелкая буржуазія, поддерживавшая рабочее возстаніе матеріально и морально, была вмѣстѣ съ нимъ вовлечена въ его крушеніе. Франція сдѣлалась тогда добычей самаго ретрограднаго, самаго клерикальнаго режима, какой она не запомнитъ со временъ конгрегацій. Даже реакція 1850 года была превзойдена. Коалиція 10 и 2 декабря ополчалась противъ всѣхъ видовъ демократіи. Даже Тьеръ, и тотъ представлялся человѣкомъ, чрезвычайно заботящимся о будущемъ. Страна была отдана въ полную власть духовенства; попытки возстановленія монархіи не удались лишь благодаря непредвидѣнной случайности. Затѣмъ правленіе Макъ-Магона какъ бы символизировало возвратъ къ отжившимъ формамъ.

Однако, мелкая буржуазія, хотя и лишенная преимуществъ власти, не замедлила собраться съ силами. Ей не безызвѣстно, что она составляетъ краеугольный камень французскаго общества, и что, съ другой стороны, ей необходимо содѣйствіе средней буржуазіи и пролетаріата для одолѣнія аграріанизма, точно такъ же, какъ помощь послѣдняго ей нужна противъ первыхъ. Она пробуждается къ 16-му мая и усвоиваетъ тотъ радикализмъ, стадія котораго еще не была пройдена воз-

рождавшимся рабочимъ движеніемъ. Она уничтожаетъ республику роялистовъ и клерикаловъ и замѣняетъ ее республикой „трехцвѣтныхъ“. Вновь возрождается февральскій періодъ 1848 года, за исключеніемъ его социальныхъ опытовъ и обѣщаній, данныхъ тогда временнымъ правительствомъ. Освящается господство оппортионизма—захватъ мелкой буржуазіей общественныхъ должностей, администраціи и всего государственнаго механизма; а въ перспективѣ—коалиція ея съ финансовымъ и промышленнымъ міромъ, требующимъ себѣ своей доли. Затѣмъ послѣдовало самое беззащитное хозяйничанье общественнымъ богатствомъ, расточеніе его на армію и флотъ, желѣзнодорожное строительство и колонизаціи. Инициаторомъ колониальной политики, которая въ продолженіе 15 лѣтъ тяготѣла надъ страной, явился Ферри. Внѣшній миръ не нарушался, потому что правящія группы, такъ же, какъ и во времена Ламартина, боялись, какъ бы война вмѣстѣ съ республикой не уничтожила ихъ собственнаго господства.

Бюджетъ, бремя котораго ложится на народъ, разрастается выше всякой мѣры на пользу одному лишь угнетающему классу. Это была эра крупныхъ скандаловъ, вызвавшихъ нескончаемый моральный кризисъ Франціи, и давшихъ сильное оружіе, какъ въ руки пролетаріата, такъ и въ руки реакціи. Франція эксплуатировалась оппортионизмомъ, такъ же какъ 50 лѣтъ тому назадъ—орлеанизмомъ. Только на этотъ разъ возбужденіе умовъ не вызвало революціоннаго взрыва, благодаря тому, что нынѣшній режимъ располагалъ предохранительнымъ клапаномъ—всеобщимъ избирательнымъ правомъ.

Мелкая буржуазія, лишившаяся власти, или получившая къ ней доступъ лишь изрѣдка, обремененная налогами и постепенно экспроприруемая, продолжаетъ свою борьбу противъ средней буржуазіи съ самаго упроченія республики. Такъ, сперва возникаетъ споръ

между радикализмомъ и сторонниками Гамбетты и Гриви, затѣмъ наступаетъ буланжистскій кризисъ, въ которомъ мелкое купечество шло объ руку съ клерикалами, роялистами и цезаріанистами. Парламентская форма правленія была тогда спасена начинавшимъ терять вѣру въ духовенство крестьянствомъ, опасавшимся новаго европейскаго столкновенія съ его неизбежными послѣдствіями—увеличеніемъ податей. Пролетаріатъ, политическое воспитаніе котораго еще не было завершено, колебался въ нерѣшительности, бродилъ какъ бы оцупью. Къ тому же, личность претендента была слишкомъ незначительна. Разношерстная компанія, которая выдвигала его, скоро исчерпала себя, раздробилась, отчаявшись въ успѣхѣ. Опиортионизмъ снова воцарился—торжествующій, но не кающійся.

Борьба разгорѣлась теперь между средней буржуазіей и рабочимъ классомъ, реорганизовавшимся съ небывалой силой; численность его значительно возросла, благодаря концентраціи населенія въ городахъ, усилившей его классовыя тенденціи. Противъ рабочихъ массъ, заселяющихъ городскія предмѣстья, промышленники и крупные коммерсанты заключаютъ временный союзъ съ аграріями и съ духовенствомъ, опираются на армію, которую осыпаютъ милостями и подкупаютъ лѣстью. Мелкая буржуазія лавируетъ, не довѣряя средней, которая ей льститъ для того, чтобы лучше угнетать ее, которая то призываетъ ее къ власти, то снова отгоняетъ: не довѣряетъ она и четвертому сословію, съ которымъ она должна современемъ слиться, но на которое она все еще смотритъ, какъ на слой, ниже ея стоящій по умственному развитію, опасаясь, къ тому же, за жалкіе остатки своей собственности. Общій характеръ классовой борьбы, какъ она представляется намъ съ 1889 года, заключается въ томъ, что возникающія комбинаціи совершаются съ исключительной измѣчивостью. Союзы образуются, распадаются и снова возникаютъ съ

головокружительной быстротой. Нѣтъ ни принциповъ, ни доктринъ, ни программъ; есть только опасенія и эфемерныя вождельнія, которыхъ и не стараются маскировать. И посреди этого хаоса пролетаріатъ воздвигается, какъ могучій, неразрушимый фундаментъ новаго общества.

V. Два теченія, до Коммуны разъединявшія рабочую среду—политическій коммунизмъ и прудоновскій мутуализмъ,—вторично столкнулись въ послѣдней стадіи исторіи социализма. Нѣкоторые пожелали усмотрѣть въ этомъ первомъ крупномъ конфликтѣ между различными стремленіями трудящихся массъ противоположность особенностей французскаго ума и германскаго. Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго. Быть можетъ, настоящее изслѣдованіе въ достаточной степени показано, что если коллективизмъ и коммунизмъ—теорія обобществленія средствъ производства и общественнаго распредѣленія—были окончательно разработаны по ту сторону Рейна, то отдѣльные элементы этой теоріи разсѣяны въ сочиненіяхъ всѣхъ нашихъ писателей со середины XIX столѣтія. Съ другой стороны, прудонизмъ, или, точнѣе, синдикализмъ наблюдался въ разсматриваемое время не въ одной только Франціи. Синдикальное движеніе, враждебное политикѣ, проявляется, такъ же какъ у насъ, но еще въ болѣе крайней формѣ, хотя съ необходимыми различіями, въ Англій и Соединенныхъ Штатахъ.

Тутъ невольно напрашивается еще одно замѣчаніе. Хотя борьба обонхъ теченій продолжалась съ переменнымъ успѣхомъ, причемъ синдикализмъ былъ дважды побѣжденъ коллективизмомъ, но на практикѣ они сложились къ взаимному примиренію. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ,—а въ настоящее время это даже почти не подлежитъ сомнѣнію,—что въ концѣ концовъ они сольются и перейдутъ къ совместной работѣ на благо французскаго пролетаріата. Интересъ, представляемый ихъ послѣдовательными конфликтами, еще не сталъ

исключительнымъ достояніемъ исторіи, но они уже утратили свой злободневный характеръ, который ихъ отличалъ 10—15 лѣтъ тому назадъ.

Возстановленіе синдикализма предшествовало по времени возрожденію политическаго и революціоннаго социализма. Тотчасъ же послѣ Коммуны рабочія организаціи стали дѣлать попытки возстановленія синдикатовъ. Въ маѣ 1872 года 12 корпораціи вошли въ соглашеніе для учрежденія союза синдикатовъ. Въ сущности, трудно себѣ представить болѣе робкую попытку, чѣмъ та, о которой мы говоримъ, потому что ея авторы отказывались содѣйствовать пробужденію классоваго самосознанія пролетаріата. Несмотря на это, Союзъ былъ распущенъ. Предпріятіе это возродилось три года спустя; кооператизмъ, не такъ сильно преслѣдуемый властями, на этотъ разъ пришедшими къ заключенію, что его нечего опасаться, снова поднялъ голову. Въ 1876 году въ Парижѣ собралось 360 делегатовъ рабочихъ союзовъ, въ томъ числѣ 105, посланныхъ изъ провинціи. Съѣздъ отнюдь не носилъ социалистическаго характера; напротивъ, онъ подчеркивалъ свои миролюбивыя и консервативныя воззрѣнія. Если мы здѣсь отмѣчаемъ первое выступленіе синдикализма, то только потому, что онъ не остался безъ вліянія на психологію трудящихся массъ. Въ порядкѣ дня стоялъ лишь вопросъ о коопераціи. Однако, рѣшено было все-таки содѣйствовать выставленію рабочими своихъ кандидатуръ въ парламентъ, но не для завоеванія власти—эта мысль была устранена,—а единственно для того, чтобы обезпечить больше вниманія со стороны власти имущихъ къ нуждамъ наемныхъ рабочихъ. Коллективизмъ выступилъ впервые на Ліонскомъ конгрессѣ въ 1878 году, на которомъ ему удалось собрать всего 8 голосовъ; это было время, когда энергичная пропаганда марксизма Гедомъ уже принесла свои плоды, и когда уже педалеко было возрожденіе революціоннаго социализма. Паденіе синдикализма совершилось съ такой

быстротой, что уже на Марсельскомъ конгрессѣ въ 1879 году его вождь Барберэ былъ разбитъ, и учение о социализаціи капиталовъ и борьбѣ классовъ было принято 73 голосами противъ 27. Въ слѣдующемъ году въ Гаврѣ расколъ сталъ окончательнымъ, одновременно засѣдали 2 стѣзда, проникнутые двумя антагонистическими направленьями. Первая борьба была закончена; послѣдователи Прудона были побѣждены учениками „Капитала“.

Черезъ 6 лѣтъ борьба возобновилась въ Ліонѣ. Законъ 1884 года, облегчившій устройство синдикатовъ, прославляемый одними, отвергаемый другими, ободрилъ духъ мутуалистовъ.

Федерація синдикатовъ открыла свой конгрессъ въ октябрѣ 1886 года, и тотчасъ же коллективистамъ, съ Гюмэ, Геттенгеймеромъ и другими во главѣ, удалось одержать новый успѣхъ. Апологія краснаго знамени была встрѣчена аплодисментами. Въ Монлюсонѣ въ 1887 году и въ Бордо въ 1888 году еще ярче обозначилось торжество революціонной партіи надъ сторонниками профессиональнаго движенія.

Третья стадія этой борьбы начинается въ 1892 году въ Сентъ-Этьеннѣ.

Такъ какъ федерація синдикатовъ была проникнута духомъ Рабочей Партіи, то Виржи Труда задумали организовать противодѣйствіе распространенію политическаго коллективизма среди французскаго пролетаріата. Однако, ихъ стремленія ужь отличались отъ тѣхъ, которыя были формулированы мутуалистами въ 1872, 1876, 1886 г.г. Своей пропагандой всеобщей стачки они приближаются къ поборникамъ чисто экономическаго переворота; они предвидятъ и уже считаютъ неизбежнымъ насильственное ниспроверженіе строя, тогда какъ раньше это отвергалось ими. Въ Тулузѣ въ 1893 году, въ Ліонѣ и Нантѣ—въ 1894 году эта новая тактика крѣпнеть и развивается въ то самое время, какъ обнаружи-

вается все растущее преобладаніе новаго направленія. Гедисты, которые рѣшительнымъ натискомъ добились присоединенія къ нимъ синдикатовъ въ 1886 году, теперь были отѣснены въ свою очередь. Въ Нантѣ, гдѣ они высказываются противъ всеобщей стачки, ихъ мнѣніе поддерживается всего 37 голосами противъ 67. Затѣмъ Федерация Труда, явившаяся дѣтищемъ Биржъ Труда, и принявшая обширный проектъ экономической федерации, отвергавшій политическую дѣятельность рабочихъ, устроила въ 1895 году въ Лиможѣ и въ 1896-омъ— въ Турѣ два очень знаменательныхъ конгресса. Правда, начиная съ этого второго съѣзда, ей приходится наталкиваться на серьезное препятствіе, такъ какъ она встрѣчаетъ противодѣйствіе своимъ дальнѣйшимъ успѣхамъ со стороны рабочихъ, принадлежащихъ къ другимъ политическимъ фракціямъ. По собственному признанію ея членовъ, она завербовала не болѣе четвертой части французскихъ организованныхъ рабочихъ, приблизительно, около 107 тысячъ изъ 420,000, причемъ всѣ они или почти всѣ вошли въ нее изъ крупныхъ союзовъ строительныхъ, книгопечатныхъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ. На лондонскомъ международномъ конгрессѣ приверженцамъ синдикализма и политической тактики пришлось ожесточенно сразиться на глазахъ всего пролетаріата обоихъ полушарій, причемъ состязаніе это привело къ полному разрыву. Правда, съ тѣхъ поръ и та и другая сторона признавали полезность и неотложность соглашенія.

VI. За вторичнымъ появленіемъ во Франціи мутуализма послѣдовало возрожденіе чистаго социализма. Оно относится еще къ періоду Макъ-Магоновской реакціи, но окончательно опредѣлилось послѣ 16-го мая, послѣ торжества буржуазныхъ республиканскихъ идей, которое и на пробужденіе рабочаго класса оказало неоспоримое вліяніе.

Характерная особенность коллективизма и комму-

низма у насъ, какъ и повсюду, въ послѣднюю четверть вѣка состоитъ въ томъ, что они тѣмъ рѣшительнѣе эволюціонировали, чѣмъ большіе успѣхи дѣлала ихъ пропаганда. Хотя въ своей программѣ они сохранили неопроверженіе стараго режима, какъ высшую цѣль, они, однако, допустили, что избирательный бюллетень является могучимъ средствомъ борьбы, наравнѣ съ классическимъ уличнымъ возстаніемъ. Почти у всѣхъ социалистовъ вкоренилось убѣжденіе, что замѣна капиталистическаго строя полной социализаціей не обойдется безъ рѣзкихъ толчковъ и потрясеній; но они полагаютъ также, что самый ходъ вещей совершается въ интересахъ рабочаго класса, и что поэтому черезчуръ рѣзкій натискъ способенъ только отсрочить конечный результатъ. Быть можетъ, опытъ прошлаго оправдываетъ послѣднее опасеніе.

Это краткое разъясненіе было необходимо. Разногласія, появившіяся среди французскихъ социалистовъ въ разное время, отнюдь не сводятся исключительно къ личнымъ антагонизмамъ, хотя и игравшимъ во Франціи болѣе крупную роль и носившимъ болѣе рѣзкій характеръ, нежели въ сосѣднихъ странахъ; они проистекаютъ изъ продолжительныхъ треній между чисто бунтарскими тенденціями и стремленіями скорѣе политическаго свойства, видѣвшими въ парламентаризмѣ, въ легальномъ завоеваніи политической власти, могущественное средство социализма. И вотъ съ теченіемъ времени случилось то, что фракція, первоначально отвергавшая значеніе парламентской борьбы, дошла до ея полного признанія и до извлеченія изъ нея весьма крупныхъ выгодъ. Изъ старыхъ организацій Второй Имперіи бланкистская партія первая оправилась послѣ великаго майскаго пораженія. Члены этой партіи играли въ Коммунѣ очень видную роль. Оставшіеся въ живыхъ и эмигрировавшіе въ Лондонъ коммунары въ знаменитомъ манифестѣ подтвердили свою ненарушимую вѣрность

прежнимъ убѣжденіямъ. Когда въ 1876 году парижскій конгрессъ вновь возвѣстилъ выступленіе на сцену му-туалистовъ, въ столицѣ Англій появилась брошюра, озаглавленная: „Синдикаты и конгрессъ“, въ которой об-личалось безсиліе узкаго профессиональнаго движенія. Впрочемъ, корни бланкизма сохранились въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ центрахъ, и какъ толь-ко рабочій классъ успѣлъ придти въ себя отъ ужаса-ющихъ воспоминаній Сатори, бланкисты тотчасъ же оказались на своихъ постахъ.

Рабочая партія возникла нѣсколько позднѣе. Благо-даря Геду, проявившему непреодолимое упорство, не-смотря на всѣ преслѣдованія, и обнаруживавшему без-примѣрный въ исторіи французскаго социализма про-пагандистскій и организаторскій талантъ,—марксистскія идеи разливаются на сѣверѣ и на югѣ. Доктрина клас-совой борьбы проникаетъ въ умы вмѣстѣ съ началами новаго общественнаго строя, вмѣстѣ съ понятіемъ за-конности всеобщей экспроприаціи и обобществленія бо-гатствъ. На Марсельскомъ конгрессѣ, какъ мы видѣли, коллективизмъ окончательно разбилъ прудоновскія тра-диціи. 28-го октября 1879 года собраніе приняло пред-ложеніе, сформулированное слѣдующимъ образомъ: „Зем-ля, нѣдра земли, орудія труда, сырые матеріалы должны сдѣлаться достояніемъ всѣхъ и неотчуждаемой собствен-ностью общества“. На этой платформѣ тотчасъ же обра-зовалась группа, называвшаяся партійнымъ союзомъ ра-бочихъ социалистовъ (*Fédération du Parti des travail- leurs socialistes*). Этотъ союзъ раздѣлился на шесть раіоновъ. То былъ зародышъ Рабочей Партіи, программа которой, выработанная Марксомъ, Энгельсомъ, Гедомъ, Лафаргомъ и Ломбаромъ, принята была въ Парижѣ въ іюль 1880 года. Этотъ документъ, къ которому мы еще вернемся, явно проникнутъ началами, провозглашенными Германской Соціалъдемократіей, и ученіемъ „Капитала“.

Но едва социализмъ началъ привлекать къ себѣ

всеобщее вниманіе, какъ произошелъ новый расколъ. Бруссъ выступилъ противъ Геда, какъ пѣкогда Бакунинъ противъ Маркса. Повторялась та же полемика, тѣ же аргументы. Инцидентъ съ избирательной дѣятельностью Жоффрэна въ Монмартрѣ, поступившій на обсужденіе національнаго комитета Рабочей Партіи и заключавшій крупныя принципиальныя нарушенія, еще болѣе обостряетъ конфликтъ. Бруссъ обвиняетъ своего противника въ сектанствѣ, въ „ультрамонтанскомъ“ авторитаризмѣ. Гедъ же отвѣчаетъ указаніемъ на поведеніе противной стороны. На Сентъ-Этьеннскомъ конгрессѣ (сентябрь 1882 года) Гедъ и его друзья, оставшіеся въ меньшинствѣ, разоблачаютъ дѣйствія своихъ противниковъ. Появляется третья организація съ Бруссомъ во главѣ, которую противная сторона называетъ POSSIBILISTСКОЙ, хотя она сама себя величаетъ соціально-революціонной рабочей партіей. Она немедленно оформила свою программу, -въ которой выставляется на видъ слово „коммунистъ“, и въ которой, подобно разсужденіямъ 1880 года, изобилуютъ воспоминанія объ Интернаціоналѣ, цитаты изъ Манифеста 1848 года и изъ сочиненій зарейнскихъ мыслителей.

Мы не останавливаемся на конгрессахъ, происходившихъ съ 1882 до 1890 г., и разногласіяхъ, не перестававшихъ на нихъ обнаруживаться. Мы даже не будемъ останавливаться на спорѣ, возникшемъ въ Парижѣ во время интернаціональнаго конгресса 1889 года между POSSIBILISTами, собиравшимися на улицѣ Лонкри, и гедистами и бланкистами, засѣдавшими въ залѣ Петрель. Нужно прямо перейти къ другому крупному конфликту, происшедшему въ Шателлеро въ октябрѣ 1890 года между Бруссомъ и Аллеманомъ, расколовшему бывшую Рабочую Соціально-революціонную Партію на двѣ части. Конгрессу нужно было покончить съ личной неприязнью и, что еще важнѣе, разрѣшить принципиальный вопросъ: зависитъ-ли выборный только отъ своего

окружнаго комитета или же отъ всей своей организаціи? Бруссъ высказывался за первое, Аллеманъ за второе. Наконецъ между ними возникло разногласіе, касающееся значенія политической борьбы. Аллеманъ упрекалъ Брусса отчасти въ томъ, въ чемъ его еще раньше упрекалъ Гедъ, именно—въ чрезмѣрной погонѣ за избирательными успѣхами и въ пренебреженіи къ теоретической пропагандѣ.

Аллеманъ былъ разбитъ. Съ тѣхъ поръ существуютъ четыре различныя фракціи: Бланкетты, или партія социалистовъ-революціонеровъ (во главѣ съ Вальиномъ), Французская Рабочая Партія (во главѣ съ Гедомъ и Лафаргомъ), Федерация рабочихъ социалистовъ (во главѣ съ Бруссомъ) и Рабочая Соціально-революціонная Партія (во главѣ съ Аллеманомъ). Пятая должна была появиться только впоследствии, объединяя разные разбросанныя силы учениковъ Малона, старавшихся пережитки идеализма 1848 года примирить съ современнымъ коллективизмомъ демократовъ, выведенныхъ изъ терпѣнія безсиліемъ старыхъ партій, людей дѣла или мысли, неспособныхъ подчиняться дисциплинамъ—черезчуръ строгимъ, по ихъ мнѣнію. Это была федерация независимыхъ. Вообще, преобладающей чертой разсматриваемаго нами періода было прогрессующее раздробленіе и размельченіе французскаго социализма. Къ счастью, ихъ споры, какъ и раздѣлившій ихъ расколъ, не смогли въ результатѣ ни парализовать дѣло распространенія социалистическихъ идей, ни уничтожить вліяніе его практической дѣятельности.

VII. Одно характерное обстоятельство поражаетъ на протяженіи всего пути развитія социализма, начиная съ 1871 года: единство доктрины осуществилось, или почти осуществилось—по крайней мѣрѣ, всѣ организаціи, причисляющія себя къ пролетарскимъ, сошлись на минимумъ общеобязательныхъ положеній. Въ рядахъ этихъ организацій встрѣчаются идеалисты и матеріалисты: съ од-

ной стороны, писатели и пропагандисты, взывающіе къ правственности, праву, справедливости—всѣмъ элементамъ, фигурирующимъ уже въ сочиненіяхъ поколѣнія 1848 года,—традиціи Леру, Луи Блана, Прудона и Консидерана не исчезли и, безъ сомнѣнія, не такъ легко исчезнутъ у французскаго рабочаго класса, сохранившаго свой латинскій складъ ума; съ другой стороны, писатели и пропагандисты, вдохновляемые преимущественно, если не исключительно, той совокупностью идей, которую называютъ историческимъ матеріализмомъ, и наиболѣе полное освѣщеніе которой мы находимъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ и всѣхъ трудахъ Маркса и Энгельса. Не трудно было бы показать, что такая-то изъ современныхъ организацій примыкаетъ къ первому умственному теченію, такая-то—къ второму. Но такая классификація могла бы, пожалуй, показаться поверхностной. Быть можетъ, гораздо интереснѣе указать различные источники современнаго французскаго социализма и вкратцѣ опредѣлить его тенденціи. Читатель узнаетъ тогда, что по существеннымъ пунктамъ имѣетъ мѣсто теперь полное единодушіе, и въ этомъ состоитъ первый и важный результатъ.

Мы уже говорили, что послѣ глубокаго разочарованія, которое принесъ съ собою іюнь 1848 года, руководство пролетарской мыслью перешло къ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, за послѣднія 30 лѣтъ XIX столѣтія наша страна не дала ни одного дѣйствительно глубокаго и оригинальнаго произведенія. На наиболѣе виднаго изъ числа нашихъ революціонныхъ публицистовъ—Бенуа Малона—можно смотрѣть лишь какъ на популяризатора. Если захотѣть поближе указать работу, совершенную настухомъ Форезіеномъ (Forézien), замѣчательнымъ самоучкой, оказавшимъ громадныя услуги своему дѣлу не только своими произведеніями, но и возвышенностью своихъ убѣжденій и величіемъ своей жизни.—то достаточно назвать заглавіе его самой извѣстной и самой пол-

ной книги „Интегральный социализм“. Какъ самъ Малонъ выразился: „Эта формула содержитъ въ себѣ указаніе на то, что социализмъ разсмотрѣнъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, во всѣхъ тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ онъ складывается, со всѣми возможными его проявленіями. Такъ понятый социализмъ есть синтезъ, къ которому должны прійти всѣ виды прогрессивной дѣятельности современнаго человѣчества“. Исходя изъ этого принципа, бывшій членъ Интернаціонала устраняетъ исключительное преобладаніе экономической концепціи и ставитъ во главу угла интегрализмъ, обнимающій какъ экономическій факторъ, такъ и идеалистическіе выводы предковъ 1840 года. Малонъ, слѣдовательно, эклектикъ, перекинувшій мостъ отъ социальныхъ философовъ Франціи къ коллективистамъ Германіи.

Чисто экономическая или матеріалистическая теорія, разсматриваемая Малонемъ лишь какъ одна сторона социализма, но ставшая тѣмъ не менѣе остовомъ пролетарскихъ партій всего міра, подтверждена во всей своей опредѣленности въ одномъ важномъ документѣ. Рѣчь идетъ о программѣ Рабочей Партіи, принятой на парижскомъ конгрессѣ въ 1880 году и въ значительной части позаимствованной изъ программы, одобренной въ 1875 году въ Готѣ зарейнской социальдемократіей. Въ этомъ документѣ нужно различать теоретическія разсужденія и практическіе планы. Теоретическая часть составляетъ сокращенное воспроизведеніе въ популярномъ изложеніи выводовъ Коммунистическаго манифеста. Предусмотрѣныя программой подготовительныя реформы имѣютъ скорѣе политическій характеръ, составляя какъ бы призывъ къ инициативѣ, нужной для перехода къ будущему строю, иѣчто вродѣ перемирія между непримиримымъ коллективизмомъ и радикализмомъ.

Нельзя не привести здѣсь первой части парижской программы, дѣйствующей и донинѣ и сдѣлавшейся общимъ источникомъ революціонной діалектики во Франціи.

„Принимая во вниманіе, что эмансипація производителей есть эмансипація всѣхъ людей безъ различія пола и расы; что производители могутъ сдѣлаться свободными лишь овладѣвъ средствами производства (землей, фабриками, судами, банками, кредитомъ); что возможны только двѣ формы, подъ которыми средства производства могутъ имѣть принадлежать: 1) индивидуальная форма, никогда не существовавшая, какъ общее явленіе, и все болѣе и болѣе уничтожаемая промышленнымъ прогрессомъ; 2) коллективная форма, которой матеріальные и интеллектуальные элементы вырабатываются самымъ развитіемъ капиталистическаго класса; принимая во вниманіе, что завладѣть коллективною собственностью классъ производителей или пролетаріатъ, организованный въ самостоятельную политическую партію, можетъ только революціоннымъ путемъ; что подобной организаціи должно добиваться всѣми средствами, которыми располагаетъ пролетаріатъ, въ томъ числѣ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, — изъ орудія обмана, какимъ оно было до сихъ поръ, превративъ его въ орудіе освобожденія; — французскіе рабочіе социалисты, поставивъ цѣлью своихъ усилій политическую и экономическую экспроприацію капиталистическаго класса и возвращеніе всему обществу всѣхъ средствъ производства, рѣшили принять участіе въ выборахъ, видя въ этомъ средство организаціи и борьбы“.

Близжайшія ихъ требованія сильно напоминаютъ требованія, выставленныя марксистами и лассальянцами Германіи въ 1875 году въ Готѣ; сюда входятъ: восьмичасовой рабочій день, установленіе минимума заработной платы, обязательное призрѣніе обществомъ стариковъ и инвалидовъ, прогрессивное обложеніе доходовъ, начиная съ 3,000 франковъ, отмѣна наслѣдованія въ боковой линіи, ограниченіе наслѣдованія въ прямой линіи максимумомъ въ 20 тысячъ франковъ.

Послѣднюю часть мы приводимъ только въ качествѣ

документа, потому что по сравненію съ первой она имѣетъ только второстепенное значеніе, да, вдобавокъ, можетъ быть продолжена до безконечности. Теоретическая часть получаетъ, напротивъ, огромную цѣнность; ея опубликованіе дѣйствительно означало полное возрожденіе французскаго социализма и, начиная съ 1880 г.,— какъ часто ни происходилъ въ немъ расколъ, каковы ни были раздоры, какому бы раздробленію онъ ни подвергался,—всѣ его фракціи приняли вступленіе къ парижской программѣ, какъ истину, отнынѣ непркосновенную.

Французскій революціонный пролетаріатъ, слушаетъ ли онъ Геда или Вальяна, Брусса или Аллемана, или же идетъ за Жоресомъ въ федераціи независимыхъ—выставляетъ свои лозунги: 1) социализацію средствъ производства; 2) завоеваніе рабочимъ классомъ политической власти, 3) солидарность между рабочими всѣхъ странъ. Элементы этой тройственной формулы находятся въ документѣ 1880 года; она была принята, какъ основаніе для работъ 1899 года; слѣдовательно, за послѣднія 20 лѣтъ не произошло измѣненія въ общемъ направленіи социализма.

Нѣтъ надобности обсуждать различіе между коллективизмомъ и коммунизмомъ: одной фракціи болѣе нравится такое рѣшеніе, другая организація видитъ преимущества въ другомъ. Обобществленіе средствъ производства—выраженіе, правда, довольно широкое, ничего не говорящее объ окончательномъ распредѣленіи продуктовъ производства, но съ общаго согласія обсужденіе этого важнаго вопроса отложено до другого раза, въ виду его слишкомъ абстрактнаго и платоническаго характера.

Принятіе принципа „завоеванія политической власти“ ознаменовало собой не менѣе, чѣмъ принципъ социализаціи, торжество марксизма надъ прудонизмомъ. Авторъ „Противорѣчій“ полагалъ, что пролетаріатъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ захватить государственной власти, потому что государственная власть можетъ только

усугубить социальное зло, все больше подавляя свободу. Новѣйшіе французскіе социалисты, такъ же какъ и нѣмецкіе и бельгійскіе, думаютъ, что революція совершится какъ изнутри, такъ и извнѣ. Не отрицая энергичной атаки, которая неизбежно должна когда-нибудь имѣть мѣсто, они надѣются, что сумѣютъ понемногу конфисковать подъ прикрѣпленіемъ законности существующіе институты, затѣмъ, занявъ позицію въ самомъ центрѣ капиталистическаго строя, стремительнымъ натискомъ ниспровергнуть его. Въ этомъ пунктѣ марксизмъ сходится съ бланкизмомъ, который также проповѣдывалъ захватъ административнаго механизма, съ той лишь разницей, что допускалъ его осуществимость путемъ заранѣе обдуманнаго заговора даже при строго-цензовомъ режимѣ. Изъ идей Прудона, съ другой стороны, въ марксизмѣ сохранилась идея классової борьбы, которую никто не осмѣливается больше отрицать, и которая сдѣлалась историческимъ догматомъ. Наконецъ, принципъ международной солидарности рабочихъ—это проведеніе въ жизнь знаменитаго обращенія Коммунистическаго Манифеста и руководящей мысли грозной ассоціаціи, продолжавшейся съ 1864 года по 1872 годъ. Эта солидарность обездоленныхъ обоихъ полушарій теоретически предписывалась уже тѣмъ, что нивелировка условій производства способствуетъ образованію повсюду одинаковой социальной структуры и обуславливаетъ собой однообразную пролетарскую программу. На практикѣ она была тѣмъ болѣе неотложной и необходимой, чѣмъ скорѣе росли заграничныя рабочія партіи, и чѣмъ рѣшительнѣе съ одного до другого конца капиталистической Европы, а за ней и въ Америкѣ, демократія склонялась къ идеѣ экономическаго переворота. Съ 1889 года столь гонимый прежде Интернаціональ возстановленъ на такихъ прочныхъ основаніяхъ, что чувствуетъ себя въ безопасности отъ какого бы то ни было нападенія. Франція выпала честь

пріютить въ своей столицѣ первый конгрессъ социалистовъ всѣхъ, такъ называемыхъ, цивилизованныхъ государствъ. Затѣмъ Брюссель, Цюрихъ, Лондонъ послѣдовательно въ 1891, 93, 96 годахъ служили мѣстомъ засѣданія конгрессовъ, приковавшихъ къ себѣ вниманіе и опасенія всѣхъ правительствъ. Появившіяся на нихъ разногласія, какъ раньше во время великихъ споровъ между Бакуниномъ и Марксомъ, не помѣшали принятію мощной программы идущихъ до конца требованій. Объединенный крѣпкой и ясной доктриной, рабочій классъ Франціи находилъ повсюду въ Англии и Америкѣ, Германіи и Голландіи, Бельгіи и Италіи, Швейцаріи и Польшѣ формулы, которыя и имъ приняты.

VIII. Во Франціи пропаганда не имѣетъ точно того же характера, какъ въ странахъ сѣверной и центральной Европы. И въ этомъ отношеніи надъ нашимъ методомъ тяготѣетъ нашъ латинскій складъ ума, внушающій намъ почтеніе къ традиціонному идеализму, несмотря на пріобщеніе къ зарейнской социальной философіи. Подобно нашимъ галльскимъ предкамъ, мы любимъ звонкія слова, красивые образы, торжественные періоды, иногда гасящіе мысль подъ бряцаніе звучныхъ фразъ. — Какія усилія ни были сдѣланы съ 1871 года для того, чтобъ вырвать насъ изъ-подъ власти рутинны, распространеніе идей совершалось почти исключительно при помощи публичныхъ рѣчей. Мы скоро увидимъ,—и эту оговорку слѣдуетъ пожалуй сдѣлать тотчасъ-же,—что параллельно съ этимъ воспитаніемъ съ трибуны, синдикальной организаціи удалось привить нашимъ активнымъ товарищамъ извѣстныя практическія качества. Но чего имъ недостаетъ—это, безспорно, серьезнаго экономическаго образованія, яснаго представленія о процессѣ развитія общества. Для слишкомъ большого числа товарищей социализмъ все еще остается выраженіемъ недовольства, воплемъ страданія, чуть не мистической вѣрой въ установленіе новаго порядка вещей. Его истори-

ческое обоснованіе, его фатальный характеръ, его отношенія къ капиталистической системѣ не всегда хорошо понимаются;ходячія фразы оказываютъ чрезчуръ сильное обаяніе въ ущербъ индивидуальной работѣ ума. Только пропаганда посредствомъ книгъ и брошюръ одна способна пустить глубокіе корни въ умахъ, побуждая и толкая къ изученію, слишкомъ часто усыпляемому краснорѣчіемъ ораторовъ. Но книга и брошюра никогда не играли среди французскаго пролетаріата такой роли и не пользовались такимъ успѣхомъ, какъ въ германскихъ и англо-саксонскихъ странахъ. И въ этомъ, несомнѣнно, заключается одна изъ слабыхъ сторонъ нашего социализма. Доктрина, дѣйствительно, получила у насъ распространеніе, но она остается удѣломъ только меньшинства рабочихъ массъ. Она остановилась и только медленно всасывается въ массы, дошедшія до коммунизма и коллективизма, не заботясь объ обязательствахъ, налагаемыхъ рѣшительнымъ присоединеніемъ къ партіи. Читатель намъ проститъ эти оговорки. Мы хотимъ быть прежде всего искренними. Впрочемъ, развѣ есть партія, дѣятельность которой не имѣла бы своихъ погрѣшностей? И затѣмъ, развѣ имѣвшее мѣсто съ 1876 года и въ особенности съ 1890 года распространеніе экономическихъ и социальныхъ понятій не составляетъ по отношенію къ прежнимъ эпохамъ особенно яркаго успѣха?

Интеллектуальное развитіе не можетъ считаться единственной добродѣтелью пролетарской партіи. Партія должна быть подготовлена къ дѣятельности, должна умѣло взять въ свои руки великіе интересы, охрану которыхъ она современемъ получить. Нужно, чтобъ она на практикѣ сознавала общность своихъ взглядовъ, свою однородность.

Ассоціація, сама по себѣ, помимо своей прямой цѣли, имѣетъ одно достоинство, съ каждымъ днемъ все лучше распознаваемое пролетаріатомъ. Если синди-

кализмъ иногда хотѣлъ затруднить, затормозить ростъ революціоннаго социализма, если неоднократно предпринимавшаяся имъ борьба задерживала стремленіе впередъ четвертаго сословія, то все же несправедливо было бы отрицать его заслуги. Онъ организовалъ работниковъ и однимъ своимъ прикосновеніемъ открывалъ имъ заключающуюся въ нихъ силу: призывая ихъ завѣдывать какой-нибудь отраслью, крупной или мелкой, онъ ихъ заставлялъ пріобрѣтать качества, о которыхъ они до тѣхъ поръ мало заботились: порядокъ, дисциплинированность, систематичность прежде всего. Биржа труда, объединяя различныя ассоціаціи, довершила работу синдикатовъ. Больше шестидесяти подобныхъ учрежденій возникло въ разныхъ пунктахъ территоріи, точно школы, въ которыхъ рабочій классъ обучался своимъ будущимъ обязанностямъ. Если же, съ одной стороны, онъ не пріобрѣлъ еще экономическаго воспитанія германской социаль-демократіи, то, съ другой стороны обогатился за послѣднія 15 лѣтъ нѣкоторыми существенными свойствами партіи, которой предстоитъ одержать побѣду. Синдикаты и ихъ организаціи были для рабочаго класса тѣмъ же, чѣмъ банкъ и торгово-промышленныя заведенія были для капиталистической буржуазіи до захвата ею власти.

Такимъ образомъ, описываемый здѣсь періодъ существенно отличается отъ періодовъ, предшествовавшихъ іюньскому возстанію и Коммуны. Ясныя доктрины и понятія рабочей солидарности замѣнили туманныя программы сектъ временъ іюльской монархіи и хаотическое шатаніе идей конца Имперіи. Рядомъ съ политической организаціей французскій пролетаріатъ сумѣлъ создать, по крайней мѣрѣ, зародышъ экономической организаціи, пользуясь законами и терпимостью, вырванными у буржуазіи повседневной борьбой.

IX. Теорія захвата государственной власти уже нѣсколько лѣтъ единогласно принята социалистической

партіей. Уже въ 1848 году рабочіе пытались провести въ парламентъ кое-кого изъ своей среды, главнымъ образомъ вожаковъ, и ихъ инициатива не осталась безплодной—двери Учредительнаго и Законодательнаго Собранія открылись предъ Консидераномъ, Леру, Прудономъ, Лагранжемъ, Креппо, Распайлемъ, де-Флоттомъ и другими. Только нѣсколько позднѣе, при Имперіи, правильность проведенія пролетарской депутаціи въ парламентъ была подвергнута сомнѣнію. Теперь споры по этому поводу уже прекратились, и никто не сталъ бы теперь оспаривать тактики, которая доставила по меньшей мѣрѣ весьма дѣйствительное оружіе центральной пропаганды.

Вступленіе социалистовъ въ представительныя собранія Третьей Республики случилось почти двадцать лѣтъ тому назадъ. Они вступили почти одновременно въ муниципальные и генеральные совѣты и въ палату, созванную на основѣ всеобщаго голосованія. Но усилія направлялись преимущественно на коммунальные выборы, потому что каждый завоеванный муниципалитетъ доставлялъ широкое поле для опытовъ и дѣятельности, и на законодательные выборы, въ виду того, что трибуна Бурбонскаго дворца была самымъ важнымъ очагомъ агитаціи. Съ 1882 года Французская Рабочая Партія овладѣла извѣстнымъ числомъ городскихъ ратушь, въ 1887 году 11 социалистовъ прошло въ Парижскій Муниципальный Совѣтъ, а въ 1890 году число ихъ поднялось до 16, изъ которыхъ 12 были POSSIBИЛИСТАМИ и 4 БЛАНКИСТАМИ. Еще болѣе благопріятные результаты достигнуты были въ провинціи, гдѣ нѣкоторые большіе города совсѣмъ перешли въ руки пролетаріата, а другіе дали ему большой процентъ представителей. Успѣхъ этого гигантскаго предпріятія—завоеванія коммунъ—былъ таковъ, что можно было, начиная съ 1892 года, устраивать частные конгрессы социалистическихъ муниципалитетовъ. На законодательныхъ выборахъ 1885 года

соціалисты получили въ Парижѣ 25 тысячъ голосовъ. Это около пятой части того, что они собрали въ 1898 году. Легислатура, происшедшая изъ совѣщанія 1889 года, имѣла 7 соціалистовъ, считая только тѣхъ, которые прошли лишь при помощи собственной программы. Только въ 1891 году, послѣ выборовъ Поля Лафарга, возникли первые теоретическіе дебаты въ Бурбонскомъ дворцѣ, такъ какъ подъ эту категорію нельзя, конечно, подвести преній, поднявшихся въ 1886 году послѣ Деказвильской стачки по поводу отнятія рудниковъ (за это предложеніе высказалось всего 36 человѣкъ). Впервые значительный расцвѣтъ соціализма обнаружился въ 1893 году, когда организациі достигли уже довольно большой степени распространенія. 198 кандидатовъ было выставлено отъ имени пролетаріата, и 43 было избрано. Конечно, число истинно-соціалистическихъ депутатовъ, т. е. такихъ, которые цѣликомъ раздѣляютъ программу, подъ знаменемъ которой они выступаютъ,—не было такъ велико, но это было все-таки достаточно для образованія группы, которая признавала необходимость отмѣны капиталистическаго режима посредствомъ захвата политической власти трудящимися, обобществленія частной собственности и международной солидарности.

Легислатура 1893—98 годовъ ознаменовалась очень важными преніями, возбудившими живой интересъ во всей странѣ. Идея партіи и ея приемы пропаганды стали благодаря этому болѣе извѣстны, лучше освѣщены и менѣе доступны злонамѣренному искаженію. Сперва возникъ споръ о конверсіи ренты, а затѣмъ разгорѣлся великій ораторскій турниръ по поводу защищаемаго Жоресомъ проекта монополизациі купли и продажи хлѣбновъ. За это предложеніе высказалось всего 53 голоса изъ 480. Нѣсколько времени спустя Гедъ требовалъ восьмичасоваго рабочаго дня, но только 93 депутата высказались за это предложеніе. Тотъ же Гедъ

воспользовался постановленіемъ исполнительной власти касательно муниципальной аптеки въ Рубѣ для изложенія всей программы коммунальныхъ реформъ, выдвигаемыхъ социалистами. Позже, во время долгой дискуссіи о самомъ коллективизмѣ, онъ резюмировалъ по Марксу весь ходъ современнаго экономического строя, неизбѣжно ведущій къ социализаціи средствъ производства. Въ 1896 году Вальянъ и Гедъ еще разъ требовали введенія восьмичасоваго рабочаго дня, но большинство осталось такое-же: 430 противъ 96. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть поучительныя пренія по аграрному вопросу, поднятыя Жоресомъ въ 1897 году и не оставшіяся безъ вліянія на исходъ выборовъ 1898 года.

Приобрѣтеніе парламентскихъ мѣстъ обезпечило социалистической пропагандѣ могущественное содѣйствіе. Раздававшіяся съ высоты трибуны, печатавшіяся въ „Официальной газетѣ“ и перепечатывавшіяся въ газетахъ всѣхъ отѣнковъ, одобряемые или опровергаемые рѣчи представителей пролетаріата, сосредоточивали взгляды всей націи на пробужденіи народа. Если даже нельзя рассчитывать на революцію, исходящую изъ среды самого общества, если надежды, покоящіяся на привычкѣ и законности, останутся совершенно призрачными, то всеобщее голосованіе оказало рабочему классу ту громадную услугу, что умножило до безконечности голоса, кричавшіе о его нуждахъ, его страданіяхъ и его справедливыхъ требованіяхъ.

X. Неудача іюньскаго возстанія 1848 года, какъ и подавленіе майскаго 1871 года, въ значительной степени объяснялись антагонизмомъ, умственнымъ расколомъ, образовавшимся между Парижемъ и провинціей. Большіе и малые города, въ которыхъ рабочій элементъ былъ недостаточно сплоченъ, въ эти два момента сдѣлали только кратковременныя и разрозненныя попытки; даже при Второй Республикѣ политическое пробужденіе

департаментовъ было почти ничтожное; послѣ 18-го марта Коммуна не могла рассчитывать на помощь такихъ городовъ, какъ Лионъ, Марсель и др. Когда же появился социализмъ, онъ старался извлечь пользу изъ этого печальнаго урока. Онъ понялъ, что кромѣ Парижа, нужно завладѣть другими городами, что весьма важно организовать рабочихъ въ классовую партію не только въ промышленныхъ центрахъ, но даже въ сельскихъ мѣстностяхъ. При наличности историческихъ фактовъ не могло быть сомнѣнія, что неотложность этого дѣла будетъ признана, и что будетъ приступлено къ дѣятельному исполненію этой задачи. Федерациі, по которымъ распредѣлялся уже сѣорганизованный пролетаріатъ, раздѣлили между собою различныя части Франціи. Соціально-революціонная партія дѣйствовала въ центральной Франціи, особенно въ Шерфъ и въ Аллье; Рабочая Партія проявляла свою дѣятельность на сѣверѣ и въ сосѣдней полосѣ; поппублисты проникли въ Арденны съ такой ловкостью, что они ихъ, такъ сказать, завоевали. Промышленные округа востока и запада были уже затронуты, и социалистическіе элементы, укрѣпившись въ Лиллѣ, Рубѣ, Бужѣ, Марсели, Нарбоннѣ, Монлюсонѣ, Роаннѣ и С.-Этьеннѣ, пустили болѣе или менѣе глубокіе корни въ Лионѣ, Тулузѣ, Дижонѣ, Реймсѣ, Руанѣ и даже въ Нантѣ.

Деревенская пропаганда была затруднена въ другомъ отношеніи. Во-первыхъ, крестьяне не живутъ большими массами, а остаются разсѣянными по своимъ полямъ, и эта разбросанность ставитъ немаловажное препятствіе успѣху социализма въ деревняхъ. Во-вторыхъ, земледѣльцы и скотоводы, кромѣ развѣ выподѣловъ, по самому своему существу, пропитаны консервативнымъ духомъ, и если имъ приходится иногда подъ вліяніемъ острыхъ мученій, какъ въ 1788—89 гг., сбросить съ себя цѣпи ужасныхъ страданій, то въ общемъ они не сочувствуютъ рѣзкимъ перемѣнамъ. Деревенскій батракъ который не пользуется никакой самостоятельностью и рабочій день кото-

раго ничѣмъ не ограниченъ, въ безконечно большей степени, чѣмъ фабричный мастерской, подвластенъ надзору надсмотрщика. Что касается мелкихъ собственниковъ, владеющихъ маленькими участками земли, то правящіе классы удивительно умѣютъ отстранять таковыхъ отъ всякаго вѣшняго вліянія, вѣчно твердя имъ легенду о дѣлѣжѣ, извращая при этомъ принципы. Не подлежитъ сомнѣнію, что пропаганда социализма должна встрѣчать во Франціи гораздо больше препятствій, чѣмъ повсюду, вслѣдствіе многочисленности крестьянъ, крайне враждебныхъ къ нововведеніямъ и съ традиціоннымъ упрямствомъ не поддающихся воздѣйствію великихъ умственныхъ движеній, исходящихъ изъ городскихъ мѣстностей.

Но какъ бы ни была трудна эта проблема, рѣшеніе ея тѣмъ болѣе было необходимо, что деревенское населеніе было и остается уже цѣлое столѣтіе самой прочной опорой, даже фундаментомъ политическихъ учрежденій. Мы не перестанемъ повторять вслѣдъ за французскими и заграничными социалистами нынѣшняго вѣка: социалистамъ не удастся чего-либо достигнуть, пока они не пустятъ корней въ крестьянствѣ. Опаснымъ безуміемъ было бы надѣяться на достиженіе у насъ какого-либо успѣха, имѣя крестьянъ противъ себя. Крестьянство смело абсолютную Монархію, затѣмъ Вторую Республику, потомъ подавило мартовское возстаніе, слишкомъ много примѣровъ для того, чтобъ они могли пройти незамѣченными.

По нашему мнѣнію, только Французская Рабочая Партія хорошо оцѣнила огромное значеніе привлеченія деревни. На двухъ своихъ послѣдовательныхъ конгрессахъ въ Марсели въ 1892 году и Нантѣ въ 1894 году эта партія постаралась составить программу, которая позволила бы повести энергичную пропаганду среди батраковъ и мелкихъ собственниковъ.

Говорилось, будто эта программа приноровлена къ потребностямъ дѣла, уклоняясь и противорѣча основ-

нимъ воззрѣніямъ. Это утвержденіе, съ злорадствомъ высказываемое противниками, не имѣетъ никакой цѣнности. Для его опроверженія достаточно напомнить, что протоколы конгрессовъ въ Роаннѣ въ 1882 году и въ Рубѣ въ 1884 году содержатъ заявленія, аналогичныя формуламъ программы.

Положенія, которыя были приняты въ Марсели, прямо выведены изъ ортодоксальнаго марксизма. Они признаютъ, что производитель можетъ быть свободенъ только при условіи владѣнія средствами производства. Вотъ во Франціи земля во многихъ мѣстахъ находится еще въ его рукахъ. Это положеніе вещей должно исчезнуть, но не дѣло партій ускорить его паденіе; она должна лишь защищать крестьянина отъ эксплуататоровъ. Если мы къ этой мотивировкѣ прибавимъ объясненія, представленныя Девилемъ въ Бурбонскомъ дворцѣ въ 1897 году и получившія такую заслуженную извѣстность, то точка зрѣнія социалистовъ выяснится съ полнѣйшей точностью.

Нужно отличать капиталистическую собственность отъ собственности мелкой. Первая освящаетъ отдѣленіе работника отъ орудій труда, вторая же связываетъ ихъ тѣсно другъ съ другомъ. Какова же должна быть роль социализма? Марксъ говоритъ, что нельзя „ни опередить, ни отмѣнить декретами стадій естественнаго развитія“. Стало быть, все дѣло заключается въ томъ, чтобы слѣдовать за органическимъ ходомъ вещей. Коллективизмъ есть лишь вѣнецъ эволюціи, онъ ничего не создаетъ, а отмѣчаетъ и санкціонируетъ. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ собственность приняла капиталистическую форму, сдѣлавшись такимъ образомъ коллективной, есть мѣсто социализаціи. Тамъ же, гдѣ она остается индивидуальной, слѣдуетъ ожидать, пока ея природа измѣнится, но такъ какъ это измѣненіе фатально, хотя совершается оно болѣе или менѣе медленно, то придетъ моментъ, когда вся земля будетъ обоб-

ществлена. Такова, изложенная въ нѣсколькихъ словахъ, доктрина, принятая въ настоящее время всѣми социалистическими организаціями у насъ и повсюду для опредѣленія ихъ отношенія къ крестьянству. Съ точки зрѣнія принциповъ она безукоризненна.

Но достаточно-ли одного истолкованія земледѣльцамъ этихъ историческихъ воззрѣній? Конечно, нѣтъ, потому что они справедливо требуютъ немедленныхъ улучшеній. Вотъ почему марсельская мотивировка сопровождалась довольно сложнымъ планомъ, изложеннымъ представителями рабочаго класса въ палатѣ во время большихъ преній по аграрному вопросу въ 1897 году. Въ общемъ, въ дѣлѣ пропаганды среди крестьянъ французскіе социалисты примкнули къ тактикѣ бельгійской рабочей партіи и германской социальдемократіи. Сперва они изложили свое міровоззрѣніе, а затѣмъ перечень теперешнихъ desiderata. Изъ послѣднихъ стоитъ упомянуть: опредѣленіе минимума заработной платы, учрежденіе института экспертовъ въ земледѣліи (*Prudhomie agricole*), запрещеніе отчужденія общинной собственности, расширеніе общиннаго владѣнія, основаніе земледѣльческой пенсіонной кассы, пониженіе арендной платы, общинное приобрѣтеніе машинъ и проч.

Это установленіе аграрной программы вмѣстѣ съ кампаніей агитаціонныхъ рефератовъ и брошюръ, предпринятой среди батраковъ и мелкихъ собственниковъ, является въ дѣйствительности одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ исторіи французскаго пролетаріата съ 1870 года. Эта попытка увѣнчалась ли успѣхомъ? Быть можетъ, еще рано оцѣнивать ея результаты. Уже достовѣрно во всякомъ случаѣ, что клевета ретроградовъ встрѣчаетъ со стороны крестьянъ болѣе холодный пріемъ, и они уже начинаютъ сознать свою солидарность съ бѣдняками городовъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ многочисленныя коммунальные выборы и нѣ-

которые законодательные. Конечно, рѣшительный толчекъ не передался еще всей массѣ; въ случаѣ возстанія Парижя, Ліона или Марсея рабочіе еще не могли бы рассчитывать на общую поддержку земледѣльцевъ, но консервативная однородность послѣднихъ уже надломлена: претерпѣваемые ими лишенія и бѣдствія, постигшія ихъ, благодаря иностранной конкуренціи, особенно американской и русской, находятся въ прямой связи съ возрожденіемъ, которое наблюдается въ массахъ. Гигантскія успія, сообща прилагаемая реакціонерами всѣхъ отѣнковъ, какъ республиканцами, такъ и монархистами для сохраненія своей столь драгоценной и вліятельной паствы, уже сами по себѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что работа по насажденію социализма среди нивъ и виноградниковъ не осталась безплодной. Наши дѣти будутъ пожинать плоды этой пропаганды, столь необычайной и столь трудной.

Выборы 1898 года, пославшіе въ палату болѣе 45 представителей пролетаріата, были встрѣчены рабочимъ классомъ всего міра единодушными и радостными привѣтствіями. Это событіе большой важности, но имъ далеко нельзя измѣрить всѣхъ достигнутыхъ успѣховъ, ибо бываютъ теченія, и не изъ слабыхъ, которыя долго остаются подъ почвой раньше, чѣмъ пробиться наружу на поверхность. Послѣ послѣднихъ выборовъ страшное пораженіе Кровавой Недѣли, заглаженное болѣе чѣмъ 20 годами непрерывной борьбы и послѣдовательныхъ завоеваній, стало теперь лишь историческимъ воспоминаніемъ*).

Событія, развернувшіяся съ 1898 года по 1900 годъ, слишкомъ недавняго происхожденія, чтобъ можно было здѣсь анализировать и оцѣнить ихъ по достоинству. За это время совершились два крупныхъ событія. Одно изъ

---

*) Мы прерываемъ исторію французскаго социализма на 1898 году.

нихъ—преобразование Интернаціонала на Парижскомъ конгрессѣ въ 1900 г. Значеніе его сохранится надолго. Но еще трудно одѣлать все значеніе другого событія: мы говоримъ о кризисѣ, происшедшемъ въ рядахъ социалистической партіи вслѣдствіе дѣла Дрейфуса и вступленія Мильерана въ кабинетъ Вальдека-Руссо.

Разрѣшится-ли этотъ кризисъ окончательнымъ расколомъ или объединеніемъ, которое освятитъ внутреннее единство пролетаріата? Если же возобновится расколъ, то будетъ-ли онъ отсроченъ колебаніями и сомнѣніями отдѣльныхъ группъ? Если примирительное направленіе получитъ перевѣсъ, то на долго ли еще будетъ отложено объединеніе, и долго ли будутъ тянуться раздоры? Еще не время на всѣ эти вопросы дать отвѣтъ: историкъ долженъ избѣгать всякихъ прорицаній, не основанныхъ на рациональныхъ соображеніяхъ.

№ 7239

